Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева

Отдел истории

Информационно-аналитический вестник

Выпуск 9-10

Майкоп 2006

УДК 94 (470. 621)
ББК 63.3 (2 РОС. Ады)
И 74

Главный редактор: доктор исторических наук, директор
АРИГИ А.Ю. Чирг

Редакционная коллегия: кандидат исторических наук А.Д. Панеш
кандидат исторических наук Н.Н. Денисова
кандидат исторических наук А.С. Хунагов
доктор исторических наук Т.П. Хлынина

© АРИГИ им. Т.М. Керашева
отдел истории

Наш адрес:
385 000 Республика Адыгея,
г. Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 13

Информационно-аналитический вестник

Выпуск 9-10

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

И.В. Реброва
И.В. Скворцова

К вопросу об изучении партизанского движения на Северном Кавказе (историографический и источниковедческий обзор)

Великая Отечественная война – одно из самых значимых событий истории XX века. Она оставила неизгладимый отпечаток в сознании людей, определяла ценностные ориентиры и идеалы не одного поколения наших граждан. Проходит время, меняются поколения, и события минувшей войны начинают оцениваться иначе: меньше субъективного, эмоционального, личного, больше обобщающего, аналитического. Образ войны формируют не только идеология, но средства массовой информации (особенно кинематограф), литература, искусство.

Чем дальше мы удаляемся от событий 1941-1945 гг., тем беспристрастнее к ним относимся, т.е. переходим на качественно иной уровень познания. Накопление большого массива фактов дает исследователям возможность использовать при изучении войны различные методы научного познания, обобщения и анализа. С каждым годом расширяется источниковедческая база: рассекречиваются архивные документы, расширяется информационное пространство, ветераны рассказывают о том, о чём не осмелились бы сказать 20 лет назад. Комплекс объективных и субъективных оценок предоставляет возможность переоценивать, уточнять некоторые факты и события Великой Отечественной войны.

С каждым годом пополняется список работ, посвященных проблемам 1941-1945 гг. Источники о войне весьма разнообразны – от архивных материалов до личных воспоминаний участников и очевидцев событий. Кроме этого, о войне снято большое количество художественных фильмов, которые влияют на наше восприятие событий, формируют некий устойчивый образ войны в массовом сознании граждан.

Накопленный материал о войне находит отражение как в научной литературе в виде монографий, статей, диссертаций, так и мемуарах. Одни темы войны изучены достаточно полно, другие – чуть хуже, а третьи – вообще не изучались нашими историками в силу различных причин.

Целью данной статьи является изучение истории партизанского движения на Северном Кавказе в советский и постсоветский период (1960-2000 гг.). Источниками исследования выступают монографии, статьи в научных академических изданиях, диссертации, а также мемуары участников событий Великой Отечественной войны в регионе.

В северокавказских исследованиях по Великой Отечественной войне, как и в воспоминаниях партизан, основными темами являлись вопросы партийного руководства военно-организаторской деятельностью, эвакуацией, партизанской борьбой и восстановлением народного хозяйства.

Следует отметить, что в комплексе исследований по партизанскому движению на Северном Кавказе сложилась ситуация, когда художественная литература численно преобладает над научной. С партизанским движением и подпольем тесно связана тема оккупации, которая, на материалах Северного Кавказа, получила недостаточное освещение в рассматриваемое время. Большой вклад в изучение партизанского движения в регионе внёс Г.П. Иванов [1]. В его работах представлена периодизация партизанского движения на Северном Кавказе, приводится обширный фактологический материал о действиях партизан и

подпольщиков, используются неопубликованные ранее архивные материалы. Г.П. Иванов называет количество отрядов и их численный состав, описывает партизанские рейды по тылам противника, показывая мужество бойцов разных отрядов. Кроме партизанской борьбы, автор в исследованиях показывает фашистский «новый порядок» в отношении населения Северного Кавказа и ответную реакцию последних. Нужно отметить, что в работах Г.П. Иванова, как правило, не рассматриваются негативные моменты в организации партизанского движения.

Партизанское движение на Кавказе возникло не стихийно. Например, с осени 1941 г. в Краснодарском крае действовали школы по подготовке партизан, в которых изучали основы минно-подрывного дела, тактику ведения боевых действий в тылу врага, отмечается в статье В.И. Сивкова [2]. Правда, зимой 1941-1942 гг. в связи с удачным контрнаступлением наших войск под Москвой, а до этого с изгнанием врага из Ростова-на-Дону, их работа была приостановлена. Возобновление занятий началось только в мае-июне 1942 г. при приближении немцев к Кавказу. Партизанские отряды формировались на базе истребительных батальонов. Одновременно с ними организовывалось партийное и комсомольское подполье. В период временной оккупации региона комиссарами партизанских отрядов проводилась большая политическая работа с местным населением, издавалось двенадцать видов печатных изданий (газеты, листовки, обращения, бюллетени), поддерживалась связь с армейским командованием.

В.И. Сивков показывает и недостатки в организации партизанских соединений, в военной и специальной подготовке их личного состава, указывает на наличие в некоторых отрядах вражеской агентуры и предателей. По мнению автора статьи, эти и другие трудности и недостатки, были связанны с отсутствием опыта по руководству партизанской борьбой, но в короткий срок их преодолели [3]. В.И. Сивков

показывает не только мероприятия партии по усилению партизанского движения, но и конкретные боевые действия, используя при этом ранее не опубликованные материалы из партийных архивов Северного Кавказа, широкая сеть подпольного движения была создана в Краснодарском крае. Этому движению посвящены статьи В.Ф. Трунтова, В.А. Андрющенко и Ф.П. Зырянова [4]. В статьях показана роль партийного руководства подпольным движением, тактика, цели, задачи подпольных групп. Оккупационная политика, проводившаяся немцами в регионе, получившая название «кавказский эксперимент», своей жестокостью толкала основную часть граждан на сотрудничество с подпольными группами и партизанами.

Рассматривая труды по партизанскому и подпольному движению на Северном Кавказе, необходимо отметить недостаточную изученность этого вопроса. В статьях и монографиях основной момент уделяется партийному руководству движением, на многих примерах показаны боевые действия партизанских отрядов и подпольных групп. Многие недостатки в организации, снабжении партизанских отрядов и баз, проблемы связи с Южным штабом по руководству партизанским движением не получили должной оценки. Источниковедческая база работ состоит, в основном, из материалов местных партийных архивов и исследована далеко не полностью.

Следует отметить тот факт, что в монографиях и научных статьях северокавказских ученых недостаточно изучены вопросы, относящиеся к партизанскому и подпольному движению, оккупационной политике, эвакуации, восстановлению сельского хозяйства региона.

Гораздо большее количество работ по проблемам войны 1941-1945 гг. относится к художественным, научно-популярным произведениям или носит характер личных воспоминаний участников битвы за Кавказ.

В последнее время у исследователей наблюдается повышенный интерес к истории личной, а не событийной. В связи с этим в научный

оборот вводятся данные мемуарной литературы. Воспоминания партизан призваны расширить круг изучаемых проблем, придать событию всемирного значения, коей является Великая Отечественная война, личный характер.

Воспоминания в широком смысле слова есть исторические сочинения (писания), однако они не являются документальными источниками. Обычно воспоминания и не притязают на полное, всестороннее, историко-аналитическое и историко-синтетическое освещение лиц, явлений и событий, о которых они рассказывают. Назначение их другое – повествование, ведущееся по личной памяти мемуариста на основе собственных впечатлений о тех или иных событиях, которые ему представляются значительными; событиях, в которых он сам участвовал или которые сам наблюдал. Особенности воспоминаний в сильной степени определяются личностями их создателей, тех лиц, к которым они обращались [5]. Каждый такой источник имеет непременные черты индивидуальности его создателя. Но создатели таких источников, как и личности, к которым они обращались, существовали в реальных исторических условиях, принадлежали к определенным классам, социальным слоям и группам.

Мемуары как произведения для массового читателя предполагают описание событий прошлого с позиций определенной системы представлений, на которой базируются трактовка и принципы отбора фактов. Уже в этом проявляется сложный характер мемуарных источников [6]. Итак, мемуары – специфический жанр литературы, особенностью которого является документальность. При этом документальность их основывается на свидетельских показаниях мемуаристов, очевидцев описываемых событий. Воспоминания помогают восстановить множество фактов, которые не отразились в других источниках. Мемуары в частности могут иметь решающее значение для

реконструкции того или иного события.

Изучением мемуарной литературы как одного из источника военной поры занимались многие исследователи. Например, военный историк П.А. Жилин явное предпочтение отдавал фактической стороне прошлого. Ценность мемуаров он видел «в личном восприятии военных событий, в их анализе и оценке. Они, мемуары, должны помочь всесторонне раскрыть и познать определенные конкретные военно-исторические события, дать возможность не только почувствовать, но и глубоко осмыслить причины успеха или неудач определенного боя [7].

В числе первых работ советских исследователей, посвященных анализу мемуаров, следует назвать труд М.И. Новиковой, вышедший в свет в 1957 году [8]. В нем рассматривались мемуары участников партизанского движения, опубликованные после войны. Позднее появилась книга В. Кар дина «Сегодня о вчерашнем» [9], где автор поставил вопрос о социальной сущности мемуарной литературы и раскрыл ее как общественное явление. При анализе источников В. Кардин отходил от чисто литературоведческих традиций и нередко смотрел на воспоминания глазами историка.

Источниковедческую оценку воспоминаниям участников Великой Отечественной войны дал М.Н. Черноморский [10]. Это положило начало последующим плодотворным усилиям ученого в области анализа мемуарных источников [11].

Серьезным исследованием советской мемуаристики является работа В.С. Голубцова [12]. Раскрыв значение мемуаров для изучения различных периодов и аспектов истории советского общества, автор освещает широкий комплекс вопросов их источниковедческого анализа.

В последнее время конкретное источниковедение пополнилось рядом интересных и содержательных статей о воспоминаниях участников Великой Отечественной войны [13]. В них отмечается исключительная

ценность мемуаров как исторического источника, вскрываются основные черты современной мемуарной литературы – высокая идейность, правдивость, подход к оценке событий с партийных позиций, подчеркивается их огромное научное и воспитательное значение.

Расширение тематики военных мемуаров, изменение их авторского состава и некоторые другие аспекты проблемы прослеживаются в «Очерках советской военной историографии», а также в серии статей А.А. Курносова [14]. Автор выступает также со статьями, анализирующими воспоминания участников партизанского движения в период минувшей войны [15]. Однако в перечисленных работах рассматриваются общетеоретические проблемы использования мемуарной литературы, приводится анализ мемуаров общесоюзного значения. Специальных работ по изучению партизанских воспоминаний в северокавказском регионе отсутствуют. В качестве иллюстративного материала мемуары были использованы в исследованиях Е.Ф. Кринко, А.С. Схакумидова и др. [16]. Основная часть партизанских воспоминаний находится в Центре хранения документации новейшей истории Краснодарского края (бывшем партийном архиве), национальном архиве Республики Адыгея, частично в государственных краевых и областных архивах и их районных филиалах [17]. Долгое время эта группа источников была засекречена, поэтому не могла быть использована в полной мере исследователями. К тому же большая их часть была написана в шестидесятые-семидесятые годы руководителями партизанских отрядов и подпольных групп, и напоминают скорее не личные впечатления, а отчеты о проделанной работе.

Объем сведений мемуарных источников зависит, прежде всего, от задачи, которую авторы ставили перед собой при их создании. Все они стремились зафиксировать для истории и потомков свой собственный опыт.

Содержание мемуаров определяется исторической обстановкой, в

которой были созданы воспоминания, состоянием исторической литературы, особенностями личности автора, а также логикой саморазвития мемуарного жанра [18].

Следующим видом источников рассматриваемой проблемы являются статьи в академической периодической печати. В 1961 году редакция журнала «История СССР» обращается к ученым с призывом глубже изучать партизанское движение [19].

В конце 60-х годов в «Военно-историческом журнале» публиковались исследования военных историков. Одной из них является статья З. Аликберова, посвященная партизанскому движению в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. В ней говорится о военных операциях, осуществлённых партизанами, о планах гитлеровцев на Северном Кавказе и причинах их неудач. Автор приводит примеры борьбы партизан – освобождение населённых пунктов, нарушение связи в тылу врага, захват складов с вооружение и военным имуществом. У партизан была хорошо налаженная разведка, они поддерживали тесный контакт с войсками Красной Армии. Широкую поддержку получали партизаны от местного населения (приводится множество примеров). Этот важный факт следует особо подчеркнуть, т.к. одним из обвинений балкарцев в измене Родине был факт сотрудничества с карательными отрядами, осуществляющими поимку партизан и разгром их отрядов. З. Аликберов указывает на особенности партизанского движения в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Они были обусловлены характером горной местности, многонациональным составом республик Северного Кавказа. В целом, отмечает автор, партизанская борьба в горах Кавказа была успешной.

Следует обратить внимание на то, что тема партизанского движения в северокавказском регионе не получила широкого освящения. Исключением можно считать публикации З. Аликперова, а также А.В. Грудициной, посвященную партизанской борьбе в Кабардино-Балкарии в

1942 г. Однако статью последней нельзя считать строго научной, т.к. она носит характер воспоминаний участников тех событий и рассказывает об отдельных диверсионных акциях против врага.

Как правило, мемуары используют как иллюстративный материал. Большая заслуга в развитии мемуарной литературы принадлежит «Военно-историческому журналу». Он не только опубликовал целый ряд воспоминаний, но и многое сделал для раскрытия и больших возможностей в воссоздании героических страниц прошлого.

Интересный и весьма полезный разговор о военных мемуарах состоялся на страницах газеты «Красная звезда» весной 1960 г. С обстоятельными статьями выступили писатель К.М. Симонов и военный историк П.А. Жилин [20]. В статьях были рассмотрены вопросы практического и методологического порядка. К. Симонов выступал за то, чтобы в мемуарах звучал «живой голос живого свидетеля» событий, которое воспроизводилось бы в деталях и в подробностях. Ценность воспоминаний он видел в том, что они отражают особенности поведения людей, их психологию, мысли и чувства автора.

Следует отметить, что в статьях российского масштаба вопросы изучения мемуаров партизан северокавказского региона не затрагивались. Непосредственно воспоминания без какой-либо научной обработки публиковались в «Военно-историческом журнале», «Красная звезда», альманахе «Кубань» и др.

Вопросы партизанского движения на Северном Кавказе рассматривались в диссертациях Г.П. Ивановым и В.И. Сивковым [21]. В их исследованиях разработана периодизация партизанской борьбы в регионе, показано количество отрядов, их численный состав, цели, формы и методы борьбы с противником на временно оккупированной территории, отдельные операции, героизм участников движения. Несмотря на это, тема партизанской и подпольной борьбы в регионе нуждается в дальнейшем

исследовании. Проблемы руководства партизанским движением, снабжения, связи, взаимодействия с Красной Армией не получили должного освещения, в силу объективных причин (работы относятся к 60-70 годам).

Г.П. Иванов указывал на не изученные стороны деятельности партийных и комсомольских организаций, советских и военных органов Северного Кавказа. Он так же показал высокий уровень морально-политического единства советских людей, дружбу народов СССР в годы войны. В диссертации отмечается, что партизанская борьба и деятельность партийного подполья, являлись важным стратегическим фактором в борьбе против Германии и её союзников на Кавказе. Автор называет характерные особенности всенародной борьбы в тылу врага – сочетание трёх форм движения сопротивления: партизанская борьба, подпольная работа, массовый саботаж населения. В диссертации приводится периодизация партизанского движения, показаны его трудности, специфика. Характерная особенность партийно-советского подполья на Северном Кавказе, по мнению автора, заключалась в том, что районные и городские подпольные комитеты и центры в большинстве своем находились в местах базирования партизанских отрядов и руководили как партизанской, так и подпольной борьбой.

Документальной базой работы послужили материалы центральных (архив Министерства Обороны, ЦК ВЛКСМ, Центральный Партийный архив Института Марксизма-Ленинизма и др.) и местных партийных и государственных архивов, историко-краеведческих музеев некоторых городов Северного Кавказа. Кроме этого Г.П. Иванов привлекает другие различные источники: публикации советских и зарубежных историков, периодическую печать времен войны, воспоминания участников боевых действий.

В диссертации Н.А. Самойло показана военная работа партийных

организаций Краснодарского края, обобщается опыт работы краевой парторганизации. Вся военная работа делится на три периода; до оккупации (мобилизационная), в период оккупации (руководство партизанским движением и работа среди оккупированного населения) и после оккупации (восстановление народного хозяйства). Автор использует обширный документальный материал, вводимый в научный оборот впервые. Наряду с положительными сторонами деятельности краевой парторганизации, показаны и недостатки в работе по руководству партизанским движением. К ним Н.А. Самойло относит:

- отсутствие связи Южного штаба партизанского движения с партизанскими соединениями и отрядами;

- отсутствие координации действий между партизанами и действующей армией;

- слабость организации некоторых партизанских отрядов, наличие в некоторых отрядах предателей.

Нужно отметить, что автор обобщил огромную работу краевой парторганизации в период Великой Отечественной войны на Кубани.

Близка по проблематике к предыдущей работе и кандидатская диссертация В.И. Сивкова [22]. В ней не звучит резкой критики работы партийных организаций Северного Кавказа, прямо не показаны ошибки при планировании партизанским движением. Автор лишь намекает на эти ошибки. Некоторые неудачи в партизанской борьбе, считает В.И. Сивков, были вызваны спецификой Северного Кавказа. К специфике партизанской борьбы он относит действия партизан непосредственно на линии фронта или в армейских тылах противника. Это явилось результатом «относительной стабилизации линии фронта осенью 1942 г., при которой большинство отрядов в горно-лесистой местности оказались дислоцированными в тылу собственных войск» [23].

Автор вводит в научный оборот неопубликованные ранее архивные

материалы, используя новые документы, приводит периодизацию партизанского движения на Северном Кавказе, в основе которой лежат военные действия на Кавказском фронте. В работе показаны деятельность и руководящая роль партийных организаций Северного Кавказа по заблаговременному созданию партизанских отрядов, формы и методы организации партийной работы по усилению и расширению движения, взаимодействию партизан с регулярными войсками Красной Армии, развитию народной борьбы в тылу, итоги деятельности партизан и подпольщиков Северного Кавказа в период битвы за Кавказ. В диссертации В.И. Сивков впервые раскрыл общую организующую и направляющую деятельность в партизанском движении парторганизаций Северного Кавказа.

Менее изучены в диссертационных исследованиях области и края РСФСР. Вопросы партизанского движения и подполья на территории РСФСР не относились к актуальным темам, рассматривали в основном районы Украины и Белоруссии. Практически единственным исследованием является диссертация Е.Ф. Кринко «Оккупационный режим на Кубани» [24]. Данная работа ценна тем, что автор исследует «новый порядок» на Кубани, тактику и характер партизанского движения в регионе.

Изучение региональных материалов в монографиях, сборниках статей, научной периодической печати, диссертациях и воспоминаниях позволяет сделать следующий вывод: в советский период основными разрабатываемой темой можно назвать партийное руководство различными отраслями народного хозяйства, партизанской и подпольной борьбой. Однако само партизанское и подпольное движение, восстановление сельского хозяйства региона нуждаются в дальнейшем исследовании. Следует также расширить источниковую базу исследований, изучать мемуарную литературу и рассматривать вопросы

партизанского движения с иных позиций В последнее десятилетие данная тема стала составной частью работ, рассматривающих оккупационный режим на Северном Кавказе.

Примечания:

[1] Иванов Г.П. В годы суровых испытаний. Краснодар, 1967; Коммунистическая партия – организатор и руководитель всенародной борьбы в тылу немецко-фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны. Краснодар, 1969; В тылу прифронтовом. (Партизанское движение на Северном Кавказе). М., 1971; Страницы боевого содружества советских воинов и партизан // Народный подвиг в битве за Кавказ. М., 1981.

[2] Сивков В. И. Коммунистические организации во главе партизанского движения на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны // Ученые записки Пятигорского государственного пединститута иностранных языков. Т. 27. Ставрополь, 1966. С. 30.

[3] Сивков В. И. Там же. С. 45.

[4] Трунтов В. Ф. Комсомол и молодежь в подпольном движении на Северном Кавказе (1942-1943 гг.) // Народный подвиг в битве за Кавказ М., 1981; Андрющенко В. А., Зырянов Ф. П. Героическое Новороссийское подполье // Народный подвиг в битве за Кавказ. М., 1981.

[5] Дмитриев С. С. Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1973. С. 393.

[6] Курносов А. А. О мемуарах участников партизанского движения (1941-1945 гг.) // Источниковедение истории Советского общества. Ч.1. М., 1964. С. 298.

[7] См.: Красная звезда, 1960, 17 и 27 апр., 25 мая.

[8] Новикова М. И. Мемуары и жизнь. Художественно-мемуарная литература о партийном подполье в годы Великой Отечественной войны: Критический очерк. Симферополь, 1957.

[9] Кардин В. Сегодня о вчерашнем: Мемуары и современность. М., 1961.

[10] Черноморский М.Н. Воспоминания участников Великой Отечественной войны как источник исторических исследований // Вопросы истории, 1957, №3. С. 149-154.

[11] Черноморский М.Н. Мемуары как исторический источник: Учеб. пособие по источниковедению истории СССР. М., 1958; Черноморский М.Н. Мемуары как источник по истории советского общества // Вопросы истории, 1960, № 12. С. 55-72; Черноморский М.Н. Работа с мемуарами при изучении истории КПСС. 2-е изд., исправ. и доп. М., 1965; Черноморский М. Н. Источниковедение истории СССР Советский период: Учеб. пособие 2-е изд., исправ. и доп. М., 1976.

[12] Голубцов В. С. Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970.

[13] Прочко И. Мемуарная литература о Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал, 1961, № 5. С. 95-100; Оськин И.Г. Военные мемуары // Исторический архив. 1961, № 3. С. 255-260; Самсонов Ф. Мемуары и современность // Военно-исторический журнал 1962, № 2. С. 111-117; Шиманский А., Малахов М. За высокий идейный уровень военно-мемуарной литературы // Военно-исторический журнал, 1967, №7. С. 80-88; Самошенко В. Н. Мемуарная литература о Великой Отечественной войне // История СССР. 1968, № 6. С. 156-163; Самошенко В.Н.

Мемуары участников Великой Отечественной войны как исторический источник // Советские архивы, 1969, № 5. С. 37-47; Каюшин Н.В., Козлов А.С. Военные мемуары – важный источник развития военной теории // Военно-исторический журнал, 1978, № 1. С. 27-38 и др.

[14] Очерки советской военной историографии. – М., 1974; Курносов А. А. Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне (1941-1945) // Археографический ежегодник за 1975 г. М., 1976. С.3-11; Курносов А.А. Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне (1945-1955 гг.) // Археографический ежегодник за 1978 г. М., 1979. С.35-46; Курносов А.А. Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне (1955-1975) // Археографический ежегодник за 1979 г. М., 1981. С.26-42.

[15] Курносов А.А. Борьба советских людей в тылу немецко-фашистских оккупантов: Историография вопроса // История и историки. Историография истории СССР: Сб. статей. М., 1965. С. 170-178; Курносов А.А. Развитие мемуарной литературы о борьбе на оккупированной врагом территории // Вторая мировая война: Материалы науч. конф., посвящ. 20-й годовщине победы над фашист. Германией. Кн. 3. Движение Сопротивления в Европе. М., 1966. С. 109-116; Курносов А.А. Приемы внутренней критики мемуаров: Воспоминания участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник //Источниковедение: Теорет. и метод. проблемы. М., 1969. С.478-505.

[16] См.: Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации. Майкоп, 2000; Схакумидов А.С. О содружестве боевом. Майкоп, 1990.

[17] См.: ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2.; ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3; ГАРО. Ф. 3-4408. Оп. 2; ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1; НАРА. Ф. П-1123. Оп. 2.

[18] Курносов А.А. Методы исследования мемуаров (Мемуары как источник истории народного сопротивления в период Великой Отечественной войны): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965. С. 17.

[19] Создадим историю народного партизанского движения 1941-1945 гг. // История СССР. 1961. №2.

[20] Симонов К. О воспоминаниях участников войны: Заметки писателя // Красная звезда, 17 апр. 1960 г.; Жилин П. О воспоминаниях участников войны: Заметки историка // Красная звезда, 1960, 25 мая.

[21] Самойло Н.А. Военная работа партийных организаций Краснодарского края в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1962.

[22] Сивков В.И. Партийные организации во главе партизанского движения на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны: Автореф. дис... канд. ист. наук. Пятигорск, 1965.

[23] Там же. С. 18.

[24] 24. Кринко Е.Ф. Оккупационный режим на Кубани. Дис... канд. ист. наук. М., 1997.

Л.В. Бурыкина

Немецкие колонии Северо-Западного Кавказа во второй половине XIX в.: историографический аспект

В современный период для достижения стабилизации в межнациональных отношениях на Северном Кавказе велика сила воздействия этнического фактора, что обусловлено сложной этнопанорамой данного историко-культурного и хозяйственного региона. Практическое урегулирование конфликтов, возникающих на этнической почве, нуждается в глубоких теоретических разработках, в основе которых лежит историческое знание. Учитывая то обстоятельство, что на протяжении всех периодов истории Северо-Западный Кавказ представлял собой своеобразную контактно-цивилизационную зону, где происходил процесс взаимопознания, взаимовлияния и взаимотяготения различных народов, необходимо изучить вклад в освоение этого региона представителей всех народов, в том числе и немцев, являющихся неотъемлемым элементом в составе многонационального населения Северо-Западного Кавказа.

Отечественная историческая литература по проблеме формирования немецких поселений в России немногочисленна. В ней с разной степенью глубины разработаны лишь отдельные периоды, стороны и аспекты жизнедеятельности российских немцев. В путевых заметках и статьях А. Гакстгаузена и А. Клауса излагались в хронологическом порядке правительственные мероприятия, касавшиеся колоний юга России и Поволжья. В них также давались характеристики этнических особенностей, ментальности немцев, описание быта колонистов, содержались сведения о землевладении, землепользовании в колониях. Весьма ценным в них представляются первые попытки качественных

оценок немецкой иммиграции, определение роли колонистов в освоении российской территории[1].

Профессор Варшавского университета Г.Г. Писаревский – известный ученый конца XIX – начала XX в. – положил начало комплексному систематическому изучению истории немцев в Российской империи. Его работы созданы на основе обширной источниковой базы. Г.Г. Писаревский выявил и ввел в научный оборот материалы Военно-ученого архива Главного Штаба, фондов Московского Главного архива Министерства иностранных дел, архивов иностранных миссий, архива Министерства землевладения и государственных имуществ и др. Большая часть выявленных документов была переведена автором с французского и немецкого языков. Помимо этого автор включил в монографические исследования опубликованные документы из Полного собрания законов Российской империи. Из десяти его монографий основополагающей работой является монография «Из истории иностранной колонизации в России» объемом в 340 страниц с восьмидесятистраничным приложением[2]. В ней Г.Г. Писаревский выявил причины немецкой иммиграции в Россию и определил особенности условий въезда каждого иммиграционного потока, отметив стимулирующую роль господствовавших в то время популяционистских теорий. Попав под их влияние, правительства многих европейских государств рассматривали иммиграцию как возможность быстрого увеличения населения собственной страны и поощряли въезд иностранцев в страну[3].

В его работах вскрывалась сущность политики царского правительства по отношению к немецким колонистам. Российская администрация переносила на немецких переселенцев способы управления российскими крестьянами, например, связывание колонистов круговой порукой при взымании податей. Труды Г.Г. Писаревского были блестящим началом в изучении темы «образ других», сохраняющей свою значимость в

России, как полиэтническом государстве, и вначале XXI в.

Работы А.А. Велицына – современника Г.Г. Писаревского – нельзя отнести к категории научных публикаций. Но эти публицистические произведения содержат ценные сведения о повседневной жизни, полученные автором при посещении немецких колоний юга России. Однако их отличают ярко выраженные антинемецкие настроения. От первых до последних страниц пронизанные ксенофобией – эти произведения стали проявлением одной из существенных дихотомий нашего времени – противостояния национализма и интернационализма. Опасения такого рода, что немецкие переселенцы являлись этнически родственными Германии, геополитического противника России, помешали А.А. Велицину объективно изучить процессы формирования этнической общины в условиях эмиграции[4].

На рубеже XIX – XX вв. факт немецкой колонизации Северо-Западного Кавказа нашел отражение в исследованиях регионального уровня. В этот период становления исторического краеведения первые публикации о немецких колонистах появились в «Кубанском сборнике» и «Сборнике материалов по описанию местностей и племен Кавказа». В силу их характера было бы более корректным определить эти работы как нарративные источники. Их авторы собрали богатейшие материалы о традициях, обрядах, конфессиональной принадлежности и хозяйственно-экономической деятельности этнических немцев Кубанской области. Исследователи – школьные учителя – жили в колониях, наблюдали повседневную жизнь переселенцев, отмечали сведения, полученные в результате опросов. Л. Розенберг описал быт и хозяйство католического поселения Семёновка Кубанской области[5]. Н. Кириченко осветил повседневную жизнь лютеранских колоний[6]. Н.К. Черный изложил историю основания немецких колоний Михельсталь и Александрфельд в Екатеринодаре[7]. М. Заалов изучил меннонитские поселения[8]. И. Кениг и Д.

Классен рассматривали ремесленную деятельность колонии Вольдемфюрст и Семёновского селения[9]. В двух публикациях – Кириченко и Розенберга – привлечены архивные материалы, содержащие сведения о создании колоний. Следует отметить, что в работах М. Заалова и Н. Кириченко чувствуются открытые симпатии к немецким колонистам, их трудолюбию и аскетизму. Напротив, Л. Розенберг дал негативную оценку деловым качествам немцев-католиков, критиковал их леность.

Принципы организации хозяйственной деятельности имения «Хуторок», основанного владельцем доходных акций Владикавказской железной дороги бароном Р.В. Штейнгелем на левом берегу Кубани, в качестве примера успешного предпринимательства подробно описаны дореволюционными авторами П. Котовым и И.В. Лещенко[10]. А.А. Кирш в своей работе «Сыроварение на Кавказе» уделил внимание молочному скотоводству в немецких хозяйствах Кубанской области[11].

По свидетельству П.П. Короленко, когда в связи с возникшими трудностями заселения нагорной полосы в Закубанском крае в 1868 г. правительством были составлены особые правила, позволявшие отдать оставшиеся безлюдными земли после вытеснения адыгов в Турцию колонистам, то туда устремились и немецкие переселенцы[12]. В работе С. Шелухина дан анализ специального закона «Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях», согласно которому упразднялось положение колонистов и вводилось положение поселян. Немецкие поселенцы причислялись к разряду крестьян-собственников[13]. Этот закон освобождал их от воинской повинности в течение 10 лет. По истечению этого срока воинскую повинность несли даже меннониты.

В работе А. Твалчрелидзе содержатся ценные сведения о ходе немецкой колонизации в Кубанской области, освещена история возникновения и развития колоний меннонитов Вольдемфюрст и

Александрфельд[14]. Автором проанализированы важные опубликованные документы из Полного собрания законов Российской империи.

В докладе действительного члена Кубанского статистического комитета Б.М. Городецкого «Немецкое землевладение на Кубани», опубликованном в «Кубанском сборнике» в 1915 г., впервые дан исторический анализ факта существования немецких колоний Северо-Западного Кавказа. Он первым поставил на научную основу проблему немецких поселений на Кубани. Освещение заявленной проблемы предваряют две части – часть I «Вопрос о ликвидации немецкого землевладения в России», часть II «Развитие иностранных поселений в России», где автором было дано реферативное изложение истории иностранных поселений в стране, и признавался необходимым разрабатываемый законопроект о ликвидации землевладения в качестве ограничительной меры в условиях первой мировой войны.

В третьей части доклада Б.М. Городецкого содержится обобщенная по сравнению с предшествующими публикациями характеристика состояния немецких поселений. В ней приводятся обширные статистические сведения о количестве немецкого населения и хозяйств, о принципах наделения землей, о ценах на землю и размерах платы за аренду земли. Б.М. Городецкий определил формы землевладения в немецких колониях. Ему принадлежит приоритет в исследовании истории немецкого землевладения на Северном Кавказе, а по глубине постановки вопроса, основательности библиографического материала, скрупулезности методики экономико-статистического и демографического исследования его работа не имеет аналогов в дореволюционной научной литературе Кубани[15].

Представляют интерес монографии, посвященные вопросам религиозной жизни этнических немцев, поскольку появление немцев в России в определенной мере было обусловлено религиозным фактором.

Работы С. Бондаря и Т.Буткевича[16] насыщены интересной информацией о протестантизме, о внутреннем устройстве приходов и их управлении.

В 20-30-е гг. «немецкая» тема в отечественной историографии сузилась до освещения создания немецкой автономии на Волге. Эти исследования имели откровенно пропагандистский характер и преследовали цель популяризации мероприятий большевистской власти в немецких поселениях[17]. В изданной в 1931 г. книге А.И. Клибанова «Меннониты» излагалась общая история меннонитской конфессии в России с точки зрения «научного атеизма»[18]. С нарастанием военной угрозы со второй половины 30-х и вплоть до конца 60-х гг. публикации по истории российских немцев во всех регионах СССР отсутствовали по известным причинам.

Открытием забытой темы северокавказских немцев, в сущности, стали монографии С.А. Чекменёва, в которых он использовал новые архивные материалы и различные документы, мало известные специалистам и читателям[19]. Автору удалось более точно установить время появления немецких переселенцев, проследить начальный этап немецкой колонизации.

Достаточно плодотворным для освещения вопросов происхождения и природы этнической принадлежности меннонитов, процесса превращения их разноэтничных групп в этноконфессиональную общность, факторов ее эволюции стал выход монографии А.И. Ипатова «Меннониты. Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности». Приверженность автора марксисткой методологии обусловила рассмотрение проблемы с классовых атеистических позиций[20].

К числу серьёзных социально-экономических исследований советского периода следует отнести труды Л.В. Малиновского, который в 80-е гг. изучал проблему немецких колонистов юга России в двух направлениях – методологическом и конкретно-историческом, способствуя

тем самым повышению научного уровня данной темы[21].

В 90-е гг. XX в. наступает новый этап в освещении проблемы российских немцев. Он связан с процессами возрождения, которые охватили не только «титульные» этносы Северного Кавказа, но и этнические старожильческие группы. Резко возросло количество научных конференций и публикуемых трудов, расширился круг проблем, начался пересмотр устаревших точек зрения и концепций.

В 90-е гг. XX – начале XXI в. увидели свет работы В.М. Кабузана, В.Н. Ратушняка, Ш.Ш. Хуранова, В. Цветкова, В.Г. Чеботарёвой, Л.В. Бурыкиной[22], в которых затрагивались социально-экономические аспекты развития немецких колоний, их состава, связей немцев с другими народами, религиозных верований. В. Цветков подчеркивает, что национальное единство и солидарность являлись отличительными чертами немецких поселений, поскольку сплоченность в определенной степени гарантировала от экономических и бытовых разделов, конфликтов. Даже уплата налогов производилась сообща. Для стариков, инвалидов во многих колониях создавались богадельни, благотворительные заведения. При традиционной немецкой бережливости никогда не экономили на строительстве общественных зданий, школ, церквей и волостных правлений. В.Г. Чеботарева рисует картину жизни немецких колоний, устроенных на основе национальных традиций, с учетом национальной психологии. В совокупности своей немецкие колонии были «государствами в государстве». В.М. Кабузан приводит данные о численности немецкого населения Северо-Западного Кавказа в конце XIX в. Очевиден переход от разработки отдельных сюжетов по истории и этнографии северокавказских немцев к обобщающим диссертационным работам. В исследовании Т.Н. Плохотнюк определяются и обосновываются этапы немецкой колонизации Северного Кавказа, анализируются миграционные и иммиграционные процессы и

хозяйственно-экономическая деятельность этнических немцев. Автор рассматривает сущность, содержание и особенности политики российского государства в отношении немецких колоний, выявляет методы управления и механизм проведения основных мероприятии[23].

Пристальное внимание к историко-этнографической проблематике, связанной с этническими группами Северо-Западного Кавказа, уделяла и уделяет научно-педагогическая школа профессора В.Б. Виноградова, работавшая сначала в Грозном, а затем в начале 90-х гг. в связи с событиями в Чечне, вынужденная переехать в Армавир. В работе В.Б. Виноградова «Средняя Кубань: земляки и соседи. Книга историко-культурных регионоведческих очерков» дается характеристика и этнических немцев данного региона[24].

С 1993 г. складывается традиция российско-германских исследований истории немецкой этнической общности в России. Объединенными усилиями Международного союза немецкой культуры (Москва) и Института восточно-европейских и германских исследований (Геттинген) подготовлены и проведены конференции с целью углубления координации деятельности исследователей и обсуждения результатов проводимых исследований. Международная конференция «Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге» (Анапа, 1994 г.) стала важной вехой в историографии проблемы северокавказских немцев. Выступившие на этой конференции исследователи северокавказского региона И.И. Алексеенко (Краснодар)[25], И.С. Аккиева (Нальчик), Е.В. Чеснок (Ростов-на-Дону) и др. сделали обзорные сообщения, систематизировав сведения о возникновении и развитии немецких колоний на Северном Кавказе. В этих выступлениях использовались новые сведения из местных архивов. Участники конференции констатировали схожесть судеб северокавказских немцев-колонистов с положением немцев во всех регионах России, не выявив особенностей немецкой диаспоры Северного Кавказа.

Проведенный историографический обзор показывает, что в изучении немецких колоний Северо-Западного Кавказа в последние годы наметился определенный прогресс. Однако наряду с достижениями выявился и ряд проблем. Прежде всего они связаны с созданием обобщающей картины социально-экономических, политических и тесно связанных с ними этнокультурных процессов в немецких поселениях, а также взаимосвязей и взаимовлияний народов Северо-Западного Кавказа.

Примечания

[1] См.: Гаксгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870. Т. 1.; Клаус А. Наши колонии: Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869; Он же. Духовенство и школа в наших немецких колониях. // Вестник Европы. 1869. № 1. С. 138-174; № 5. С. 235- 274.

[2] См.: Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России. М., 1898.

[3] Там же. С. 45-52.

[4] Велицын А.А. Немцы в России: очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб., 1893; Он же. Духовная жизнь наших немецких колоний. // Русский вестник. 1880. № 3, 5, 9.

[5] Розенберг Л. Немецкая колония Семёновка Кубанской области Кавказского отдела. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1900. Вып. 27. № 2. Отд. 2. С. 162-191.

[6] Кириченко Н. Год у немецких колонистов: Описание колонии Эйгенфельд Кавказского отдела Кубанской области. // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1900. Т. 6. С. 3-41.

[7] Чёрный К.Н. Ейский уезд (Статистическое описание). // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1. С. 339-492.

[8] Заалов М. Меннониты и их колонии на Кавказе. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 23. С. 89-127.

[9] Кениг И. Семёновское селение. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 81-85; Классен Д. Вольдемфюрст – колония. Там же. С. 228-232.

[10] См.: Котов П. Описание Кубанского имения «Хуторок» барона В.Р. Штейнгеля. М., 1900; Лещенко И.В. «Хуторок» барона В.Р. Штейнгеля в Кубанской области. // Труды московского общества сельского хозяйства. М., 1895. Вып. 1.

[11] Кирш А.А. Сыроварение на Кавказе. // Труды императорского Вольного экономического общества. СПб., 1883. Вып. 3. Т. 2. С. 293-311.

[12] Короленко П.П. Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе. Материалы для истории Кубанской области. // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. Т. 16. С. 404-406.

[13] Шелухин С. Закон 14-го июня 1910 г. и поселяне-собственники (колонисты). Одесса, 1913. С. 18.

[14] Твалчрелидзе А. Колонии меннонитов (немцы) Вольдемфюрст и Александрфельд Кубанской области. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1886. Вып. 5. Отд. 1. С. 210-274.

[15] Городецкий Б.М. Немецкое землевладение на Кубани. / Кубанский сборник. Екатеринодар, 1915. Т. 20. С. 352-380.

[16] Бондарь С. Д. Секта меннонитов в России. Пг., 1916; Буткевич Т.И. Протестантство в России (из лекций по церковному праву). Харьков, 1913.

[17] Гросс Э. Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья. // Революция и национальности. 1935. № 8. С. 19-21.

[18] Клибанов А.И. Меннониты. М.-Л., 1931.

[19] Чекменёв С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII – первой половине XIX вв. Пятигорск, 1967; Он же. Переселенцы (Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII – первой половине XIX вв.) Пятигорск, 1994.

[20] Ипатов А.И. Меннониты. Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. М., 1978.

[21] Малиновский Л.В. Социально-экономическая жизнь немецкой колонистской деревни в южной России (1762-1917 гг.): Дис. докт. ист. наук. Л., 1986.

[22] Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. Этностатистическое исследование, СПб., 1996; Ратушняк В.Н. Рост средств производства и товарообмена в сельском хозяйстве Северного Кавказа в конце XIX и начале XX вв. // Проблемы социально-экономического и политического развития Северного Кавказа перед Октябрем. Межвузовский сб. научных трудов. Ставрополь, 1990. С. 3-15; Хуранов Ш.Ш. Развитие капиталистических отношений в молочном и сыроваренном производстве Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX вв.). // Там же. С. 69-77; Цветков В. Немецкие колонисты. // Былое. 1997. № 2.4 С. 10-11; Чеботарева В.Г. Немецкие колонии Российской империи – «государства в государстве». // Этнографическое обозрение. 1997. № 1. С. 129-144; Бурыкина Л.В. Переселенческое движение на Северо-Западный Кавказ в 90-е гг. XVIII – 90-е гг. XIX в. Майкоп, 2002.

[23] Плохотнюк Т.Н. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (конец XVIII – середина XX вв.): Дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 1996.

[24] Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи. Книга историко-культурных регионоведческих очерков. Армавир, 1995.

[25] Алексеенко И.И. История и проблемы российских немцев на Кубани. // Российские немцы на Дону, Кубани и Волге. IVDK. 1995. С. 55-70.

Е. Ф. Кринко

Историография проблем советской национальной политики и межнациональных отношений на Северо-Западном Кавказе в годы Великой Отечественной войны

Советская национальная политика и межнациональные отношения на Северо-Западном Кавказе во время Великой Отечественной войны в последнее время вызывают повышенный интерес со стороны различных исследователей. Особую актуальность и злободневность им придают политические процессы, происходившие в регионе в 1990-х – начале 2000-х гг., возникновение которых ряд авторов прямо связывает с событиями военного времени, а также общая ситуация в современной исторической и этнополитической науке, способствующая активному переосмыслению прежних историографических положений. Следует отметить, что отечественные исследователи неоднократно обращались к проблемам советской национальной политики и межнациональных отношений военного времени, их освещение получило соответствующее отражение в историографических работах.[i] В то же время опыт разработки вопросов советской национальной политики и межнациональных отношений на Северо-Западном Кавказе еще не становился предметом специального исследования. Задачи настоящей статьи заключаются в анализе основных этапов в развитии советской и современной российской историографии данных проблем и в определении дальнейших перспектив в их изучении.

Первые работы о национальной политике и межнациональных отношениях в СССР вышли в годы войны и активно пропагандировали идею нерушимой дружбы советских народов. Их авторы писали, что она зародилась в совместной борьбе с царизмом, продолжала развиваться и крепнуть в годы Гражданской войны, в ходе социалистического

строительства, но настоящую, боевую проверку прошла именно в годы Великой Отечественной войны.[ii] Дружба народов провозглашалась «непременным условием могущества и непобедимости Советского Союза, непобедимости многонациональной Красной Армии, основой прочности советского строя».[iii] М. И. Калинин писал: «Война показала, что Советский Союз – единая дружная семья народов, что у нас такая сплоченность, какой мир еще не видел… Бойцы всех национальностей, представленных в Красной Армии, беззаветно защищают свою Родину, дерутся замечательно, проявляют величайшее мужество и героизм».[iv] В качестве основы дружбы народов СССР рассматривалась «ленинско-сталинская национальная политика», приведшая к ликвидации хозяйственной и культурной отсталости национальных районов и нашедшая юридическое закрепление в Конституции 1936 г. Внимание, уделявшееся данной теме, выразилось в постоянном увеличении числа публикаций. Согласно подсчетам С. И. Семакина, только в газете «Правда» в 1941 г. было помещено 52 материала о боевом содружестве и героизме народов СССР в Великой Отечественной войне, в 1942 г. – 97, в 1943 г. – около 170, в 1944 г. – 117.[v]

Вопросы дружбы народов раскрывались и непосредственно на материалах Северо-Западного Кавказа. Ряд авторов пропагандировал «замечательные успехи ленинско-сталинской национальной политики» в регионе, отмечали стремление народов Кавказа отстоять независимость в борьбе против захватчиков, подчеркивали их героические традиции.[vi] Так, Н. Эмиров завершил работу призывом к борьбе с фашистами и уверенностью в победе над врагом: «Героические народы Кавказа били немцев в 1918 г., бьют их и сейчас и будут бить, пока на советской земле не останется ни одного фашистского захватчика».[vii] В то же время широко пропагандировались и идеи создания единого славянского фронта против

фашистов,[viii] а в конце войны все чаще подчеркивалась ведущая роль русского народа в борьбе с врагом.

Работы военных лет, характеризующие советскую национальную политику и межнациональные отношения на Северо-Западном Кавказе, еще не могут считаться научными исследованиями, но именно с них берет начало изучение данной темы, тесно связанное с пропагандистскими задачами. Поэтому в литературе того времени вообще не упоминались национальные противоречия в регионе и депортации части его жителей.

В послевоенное время, по словам современного исследователя, «сюжеты о совместной борьбе с врагом народов СССР стали в советской исторической литературе традиционными. Они разрабатывались во всех без исключения регионах Советского Союза».[ix] Данная тема рассматривалась как в общих работах,[x] так и исследованиях, выполненных на материалах Северо-Западного Кавказа, авторы которых развивали высказанные в годы войны положения. К. Я. Опишанская отмечала: «В годы войны еще более окрепла вся нерушимая дружба народов Советского Союза, созданная на прочной основе ленинско-сталинской национальной политики Коммунистической партии». В основе ее, по мнению историка, лежали общие жизненные интересы народов СССР – «горячее стремление защитить добытую в революционных боях Советскую власть, свободу и независимость и построить коммунистическое общество».[xi]

Первые диссертационные исследования по истории региона в годы Великой Отечественной войны обычно начинались с описаний тяжелой жизни трудящихся разных национальностей Северо-Западного Кавказа до революции, отмечали роль Октября 1917 г. в судьбе народов России. В. М. Глухов, отражая общие тенденции развития историографии, писал: «Только благодаря ленинско-сталинской национальной политике дружбы народов, при братской помощи великого русского народа Адыгея смогла превратиться за годы советской власти из отсталой колонии русского

царизма в область высокоразвитой промышленности, создать национальные кадры квалифицированных рабочих и производственно-технической интеллигенции».[xii] Яркими показателями «невиданного культурного подъема адыгейского народа за годы довоенных сталинских пятилеток» считался «расцвет национальной по форме и социалистической по содержанию культуры», развитие просвещения, здравоохранения, искусства и литературы, изменение положения женщины.[xiii]

По словам исследователей, в годы Великой Отечественной войны, перед лицом смертельной опасности, все народы Советского Союза «по призыву великого вождя товарища Сталина, поднялись на защиту своего Отечества».[xiv] В подтверждение братской дружбы народов Северо-Западного Кавказа историки приводили примеры мужества и героизма сынов и дочерей Адыгеи и Черкесии на фронтах и в тылу в годы войны. При этом в работах послевоенного времени в качестве старшего брата в дружной семье народов СССР выделялся русский народ: «Величайшей благодарностью полны сердца трудящихся адыгов к своему старшему брату – великому русскому народу, вынесшему на своих плечах тяжесть войны и сплотившему вокруг себя в крепкую братскую семью все народы Советского Союза».[xv] К. Я. Опишанская также отмечала руководящую роль русского народа, его замечательные качества: «Он выступил как руководящий народ, как выдающаяся нация среди всех наций, входящих в состав Советского Союза».[xvi]

В то же время в литературе послевоенных лет по-прежнему почти ничего не говорилось о депортациях и судьбах репрессированных карачаевцев, немцев и других жителей краев и автономных областей Северо-Западного Кавказа. Лишь в отдельных исследованиях, вышедших уже после смерти И. В. Сталина, встречаются упоминания о том, что и среди кавказских народностей нашлись люди, «которые в 1942 г. изменили

союзу с великим русским народом»: чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки и другие народы.[xvii]

В период «оттепели» начались реабилитация и возвращение репрессированных народов на родину. Однако реабилитация в эти годы не получила своего завершения, а депортации так и не было дано соответствующей политической и правовой оценки. Изменения в осмыслении данной проблемы также сказались не сразу. По-прежнему историки значительное внимание уделяли дружбе и сотрудничеству народов Северо-Западного Кавказа, но при этом стали разделять и противопоставлять ленинский и сталинский подходы в советской национальной политике.[xviii] Депортации стали рассматриваться как нарушения «социалистической законности» и «ленинской национальной политики», а их причины связывались лично с И. В. Сталиным и особенно с Л. П. Берией. Подобный подход проявился в фундаментальном труде по истории Великой Отечественной войны.[xix]

Переходное состояние в развитии историографии проблемы отразила статья Д. А. Напсо, ставшая первой обобщающей работой, в которой раскрывались вопросы участия народов Карачая и Черкесии в войне. Не упоминая вообще о депортации карачаевцев и ликвидации их автономии в годы войны, автор отметил факт ее восстановления: «Партия смело ликвидировала последствия культа личности Сталина и в 1957 г. восстановила национальную государственность карачаевского народа».[xx] Вопросы депортации и реабилитации народов Северо-Западного Кавказа, репрессированных в годы войны, не получили своего осмысления в историографии середины 1950-х – середины 1960-х гг.[xxi]

Во второй половине 1960-х – 1980-х гг. внимание исследователей к вопросам дружбы и сотрудничества различных народов СССР, в том числе Северо-Западного Кавказа, возросло.[xxii] Историки обратились и к судьбе карачаевского народа, считая, в соответствии с уже сложившейся

традицией, что достигнутые им и черкесским народом успехи «убедительно показывают, каких больших успехов в короткое время могут добиться ранее угнетенные, отсталые народы на основе последовательного проведения в жизнь ленинской национальной политики».[xxiii] Для характеристики межнациональных отношений в Красной Армии в годы войны употреблялись такие выражения, как «боевое братство», «одна боевая семья», «братский союз народов СССР». Авторы общих и специальных работ утверждали: «Не оправдались расчеты фашистов на то, что между народами Северного Кавказа возникнут распри. Сыны и дочери горских народов, беспредельно преданные Советской Родине, сражались мужественно бок о бок с представителями всех народов нашей страны… Сотни казаков совершали героические подвиги».[xxiv]

Некоторые отличия появились в эти годы в оценивании роли русского народа в победе в войне, слова о «старшем брате» постепенно исчезли из употребления. Это было связано с выводом о формировании в СССР новой социальной общности – советского народа, на основе слияния всех наций и народностей. В то же время при характеристике вклада всех народов в дело разгрома врага отмечалось, что русский народ сплотил все остальные «нации и народности страны в единую братскую семью», оказал «бескорыстная помощь ранее отсталым народам» и сыграл решающую роль в борьбе с врагом.[xxv]

В качестве аргументов, доказывавших дружбу и боевое сотрудничество народов Северо-Западного Кавказа, историки приводили национальный состав частей Красной Армии и партизанских отрядов, а также количество Героев Советского Союза и лиц, награжденных орденами и медалями СССР. Исследователи утверждали, что удельный вес воинов каждой национальности соответствовал ее удельному весу в общем составе населения СССР по переписи 1939 г,[xxvi] описывали подвиги представителей разных народов при обороне Брестской крепости, Одессы

и Севастополя, Ленинграда и Новороссийска, в битвах под Москвой, Сталинградом и Курском, штурме Берлина и особенно – в период битвы за Кавказ.[xxvii] Подтверждениями дружбы народов Северо-Западного Кавказа также считались широкий размах народной борьбы в тылу врага, упорный труд в тылу, размах социалистического соревнования, интернациональная помощь фронту.

Депортациям в рассматриваемый период уделялось немного внимания, в фундаментальных трудах и справочных изданиях по истории войны им не было посвящено специальных разделов или статей, а в очерках по истории ставропольской партийной организации приводилась достаточно краткая информация: «К сожалению, в условиях культа личности антисоветские действия националистического отребья были приписаны целым народностям Северного Кавказа, в том числе и карачаевцам, в результате чего в ноябре 1943 г. они были лишены национальной автономии и выселены из родных мест». При этом подчеркивалась роль партии в восстановлении справедливости в отношении карачаевцев: «Впоследствии по инициативе ЦК КПСС ошибочное решение в отношении карачаевцев и некоторых других народностей Северного Кавказа было отменено, а их автономия восстановлена».[xxviii] В другой обобщающей работе о депортациях вообще не говорилось, упоминалось лишь восстановление автономии карачаевцев.[xxix]

Более подробное описание депортации карачаевцев содержится в обобщающей работе по истории Карачаево-Черкесии, но материал в ней интерпретируется в соответствии с идеологическими требованиями своей эпохи. Здесь отмечалось «нарушение национальной политики» в 1943 г., в результате чего была ликвидирована автономия Карачая, однако «никакие извращения не могли изменить природы социалистического строя, поколебать социально-экономическую основу нашей страны, разрушить

дружбу народов». Авторы главы «Карачай и Черкесия в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945)» В. А. Нежинский и К. Т. Лайпанов посвятили отдельную часть «трудовому вкладу карачаевцев в дело разгрома врага» в 1943 – 1945 гг. Они привели многочисленные примеры трудового героизма карачаевцев, которые «на новых местах жительства» добивались высоких урожаев в сельском хозяйстве, научившись выращивать новые для них сельскохозяйственные культуры (сахарную свеклу, хлопок и др.), упорно трудились в промышленности, на транспорте, строительстве. Отмечая роль партийных и советских органов Казахстана, Киргизии и Узбекистана в размещении и трудоустройстве карачаевцев, исследователи писали: «В лице русского, казахского, киргизского, узбекского и других народов, проживавших в Средней Азии и Казахстане, карачаевцы приобрели новых друзей. Они активно включились в хозяйственную и общественную жизнь республик Средней Азии и Казахстана и внесли свой вклад в их народное хозяйство и культуру».[xxx]

В специальном разделе следующей главы, посвященной послевоенному восстановительному периоду, говорилось об участии карачаевского народа в восстановлении и развитии народного хозяйства республик Средней Азии.[xxxi] При характеристике реабилитационных процессов периода «оттепели» кратко упоминалось восстановление автономии карачаевцев, как результат выполнения решений XX съезда. Подробно раскрывалась работа партийных и советских органов региона по устройству карачаевцев, оказание им материальной помощи, выделение средств на благоустройство городов, строительство и ремонт школ, больниц, детских и просветительских учреждений, жилья. Отмечались проявления дружбы народов при возвращении карачаевцев: «Русские, черкесы, абазины, ногайцы, осетины и другие народы, с которыми бок о бок жили карачаевцы столетиями, встречали их по-братски».[xxxii]

Первой же специальной работой, рассматривающей процессы депортации и реабилитации карачаевцев, стала кандидатская диссертация Ч.С. Кулаева. Объяснения данным явлениям историк дал в соответствии со сложившимися подходами: «в условиях культа личности к карачаевскому народу были допущены произвол и насилие. Берия и его сообщники сфабриковали ложный обвинительный материал по отношению к карачаевскому народу». Автор возложил персональную ответственность за организацию депортации на Л. П. Берию, который, «стремясь посеять национальную рознь и подорвать дружбу народов СССР, создал обстановку недоверия и подозрительности к отдельным народам, пытаясь противопоставить одни народы Кавказа другим». Его действия Ч. С. Кулаев назвал «прямым нарушением основ ленинской национальной политики – политики равноправия и дружбы народов, суверенитета и свободного самоопределения всех наций нашей страны», «грубейшим нарушением социалистической законности». Начало реабилитации он также связал с «разоблачением» Л. П. Берии, после чего «раскрылись факты грубейших нарушений социалистической законности».[xxxiii]

При этом исследователь отмечал: «Нельзя отрицать, что среди карачаевцев, как и у других народов нашей страны, имели место случаи дезертирства, проявления трусости и другие нежелательные явления, но не единичные факты характеризуют карачаевский народ. Наоборот, большой фактический материал говорит о бесстрашии и героизме карачаевцев, о патриотизме и самопожертвовании во имя победы над врагом».[xxxiv] Впервые введя в научный оборот материалы как местных архивов, так и партийных архивов Казахстана, Узбекистана и Киргизии, Ч. С. Кулаев охарактеризовал упорный труд и тяжелое положение карачаевцев в ссылке.

К вопросам депортации обращались и участники областной научно-практической конференции 1977 г., отметив, что карачаевцы были

необоснованно обвинены и несправедливо выселены в восточные районы страны, «ибо нельзя отождествлять народ с кучкой предателей, изменников, пособников гитлеровцев». После устранения извращений «ленинской национальной политики» карачаевцев реабилитировали и вернули, в чем М. Боташев увидел заслугу партии, указав на необходимость усилить борьбу «с проявлениями национальных и религиозных пережитков, устаревших семейно-бытовых обрядов, реакционных и сословных традиций».[xxxv] Большинство других работ, в лучшем случае, содержали сведения информативного характера, мало прояснявшие сущность депортаций, их причины и последствия, или вообще обходили данные вопросы.

Таким образом, в 1960-е – 1980-е гг. тема советской национальной политики и межнациональных отношений народов Северо-Западного Кавказа нашла более полное отражение в советской историографии. Однако трактовка данных вопросов находилась под влиянием идеологии, по-прежнему прославлялись и пропагандировались дружба и боевое сотрудничество народов региона, а к теме депортаций историки обращались достаточно редко, тем более что многие документы оставались засекречены. Даже текст Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область» не публиковался в полном объеме.[xxxvi]

Напротив, немало внимания депортациям уделили авторы-эмигранты, подход которых кардинально отличался от того, что писали советские историки.[xxxvii] Пожалуй, наиболее четко его сформулировал А. Авторханов, охарактеризовавший СССР как своеобразную «империю зла». В качестве наиболее страшного государственного преступления рассматривались массовые депортации народов в СССР, которые А. Авторханов назвал «практикой геноцида гитлеровского типа, когда целый

народ, включая стариков, женщин, детей, только по одному расовому признаку объявлялся “вражеским народом”».[xxxviii] При этом А. Авторханов отверг любые обвинения в сотрудничестве народов Северного Кавказа с оккупантами, как и версии о создании банд на территории региона: «Они “появились” в результате фальсификаций, придуманных Берией, Сталиным и их местными прихлебателями». Причины депортаций он связал с сущностью и характером советского строя, цели которого могли быть реализованы только путем принесения в жертву собственных народов, а ключ к выселению увидел в национально-освободительной борьбе горцев, ведших «перманентную партизанскую войну в горах Кавказа» против имперской политики России, начиная с Кавказской войны.[xxxix] Впрочем, эмигрантская историография развивалась обособленно от советской исторической науки и вплоть до недавнего времени практически не оказывала на нее серьезного влияния. Более того, по мнению С. У. Алиевой, эта историография сыграла негативную роль в положении самих репрессированных народов, «подтверждая и усиливая огульные сталинские обвинения этих этносов в антисоветских настроениях и действиях».[xl]

В 1990-е гг. в развитии отечественной историографии рассматриваемых проблем начался новый этап, связанный с общим изменением обстановки в стране, возобновившейся реабилитацией, появлением новых оценок советского прошлого, наконец, с рассекречиванием документов. Пристальное внимание исследователей к советской национальной политике и межнациональным отношениям в годы войны имело и политическую подоплеку, связанную с обострением межнациональных проблем и появлением целого ряда «горячих точек» как в самой России, так и за ее пределами. В частности, В. А. Тишков считает, что история «национально-государственного строительства в СССР оставила в памяти народов многочисленные травмы и порождающие

конфликты проблемы, которые проявились позднее, в условиях перестройки».[xli] Н. Ф. Бугай связывает современные негативные процессы в сфере межнациональных отношений и причины межнациональных конфликтов на территории Российской Федерации с национальной политикой, осуществлявшейся в условиях «социалистического эксперимента».[xlii]

Оценки советской национальной политики, появившиеся в публицистике на рубеже 1980-х – 1990-х гг., не отличались новизной и повторяли сформулированные западными авторами и эмигрантами обвинения коммунистического режима в совершении ряда преступлений против советских народов, прежде всего, массовых депортаций, ликвидации их национальной государственности и разрушении исконной среды обитания. Отдельные авторы видели в этом продолжение жестокой колониальной политики Москвы, подавлявшей национально-освободительное движение горцев. Но постепенно в отечественной науке стали складываться новые подходы к советской национальной политике и межнациональным отношениям в годы войны, что было обусловлено обновлением теоретико-методологической базы исследований и введением в научный оборот новых данных.

В целом, современная историографическая ситуация характеризуется плюрализмом мнений и оценок в отношении рассматриваемых проблем. В частности, интерпретация советской национальной политики, предложенная В. А. Тишковым, основана на «подходах социально-культурной антропологии и новейших достижений в области изучения этничности, национализма и этнических конфликтов».[xliii] Он отмечает, что осуществление масштабного проекта по реализации доктрины этнического национализма оказалось возможно в рамках единого государства «только по причине утвердившегося в нем тоталитарного государства». В результате репрессии с самого

установления советской власти должны были обеспечить создание однородных по своей социальной природе «социалистических наций трудящихся».[xliv]

По мнению Ю. А. Полякова, война «высветила как положительные стороны существования единого государства, так и наличие сепаратистских настроений, которые в мирное время были приглушены». Впрочем, считает историк, «во время войны центростремительные силы оказались, безусловно, значительнее, мощнее центробежных».[xlv] Н. А. Кирсанов, отметивший, что в Красную Армию были мобилизованы сыны и дочери всех народов СССР, указывает, что гитлеровцы стремились на оккупированной территории «активизировать, а во многих случаях сотворить заново антисоветский или антирусский фактор». Далее он утверждает: «Нередко им это удавалось. Тому благоприятствовали сложности этнической структуры в СССР, усугубленные историческими пережитками, националистическими предрассудками, ошибками и перекосами в политике».[xlvi]

В 1990-е гг. вышли новые работы отечественных исследователей, предлагавшие иные, отличавшиеся от прежних, оценки советской национальной политике на Северо-Западном Кавказе и вводившие в научный оборот новые данные по этой проблеме. Например, В. Д. Дзидзоев отметил формирование в автономиях, наряду с национальным рабочим классом и национальной интеллигенцией, национальных отрядов номенклатуры, которая с течением времени все больше хотела собственной самостоятельности.[xlvii] Другие авторы сохраняют приверженность выводам о единстве народов Северо-Западного Кавказа в годы войны. Ф. У. Айбазова утверждает, что они «защищали не только родные земли, но и те, завоеванные за годы Советской власти успехи в мирном, хозяйственном и культурном развитии».[xlviii]

Широкое освещение в последние годы получили вопросы депортаций народов Северо-Западного Кавказа. Одним из первых к ней обратился Х. М. Ибрагимбейли.[xlix] Немало ценных данных о судьбе ссыльных и спецпоселенцев ввел В. Н. Земсков.[l] Но особенно большую роль во введении в научный оборот комплекса новых источников, среди которых документы высших органов государственной власти СССР, сыграл Н. Ф. Бугай.[li] Депортацию народов Северо-Западного Кавказа раскрывают работы А.–Х. У. и Р. М. Кущетеровых, К. Чомаева, диссертации Э. А. Аджиевой, А.М. Гонова, А. С. Хунагова и других исследователей. Они характеризуют депортацию в целом и ее последствия,[lii] принудительное переселение отдельных народов Северо-Западного Кавказа: карачаевцев,[liii] немцев, греков и других жителей.[liv] Данные вопросы нашли отражение в общих работах по истории отдельных народов Северо-Западного Кавказа,[lv] исследованиях по истории региона в годы войны,[lvi] им были специально посвящены несколько всероссийских научных конференций.[lvii] По теме депортаций опубликованы специальные сборники документов.[lviii]

Новые исследования и документы позволяют проследить сам порядок проведения депортации, выяснить общее количество выселенных граждан. Практически все современные исследователи расценивают депортации как антигуманные и беззаконные акции, как «произвол сталинского тоталитарного режима»; отдельные авторы говорят о геноциде в отношении репрессированных народов.[lix]

Причины депортаций получили разное объяснение в историографии. Формальным поводом для нее послужили типичные обвинения в том, что отдельные народы вели себя «предательски», в массовом порядке сотрудничали с немцами в период оккупации региона, создавали бандформирования, нападавшие на советские войска. И. Алиев считает, что эти банды были «обнаружены» именно в Карачае, а не в

Черкесии, потому что «в горах Карачая дислоцировались партизанские отряды и края, и Черкесии, и самого Карачая». По его мнению, в данном случае «соединились воедино интересы Суслова (спасти живот), Берии и Сталина. У последних, как теперь известно, были более «благородные» намерения – расширить Грузию за счет Северного Кавказа».[lx]

Версия о том, что депортация карачаевцев имела своей целью «очистить» один из лучших по природно-климатическим условиям регионов Северного Кавказа для Грузии нашла широкое отражение и в работах других авторов.[lxi] В качестве аргументов приводится почвенная карта Северного Кавказа, изданная в 1942 г. Академией наук СССР, где столица Карачая город Микоян-Шахер уже получил грузинское название Клухори (которое он носил в 1943 – 1957 гг.), а также «очищение» Грузии от «негрузин».[lxii] Авторы одной из последних обобщающих работ, развивая данные положения, указывают на то, что в насильственном выселении были заинтересованы несколько группировок – «грузинская» (во главе с «национал-державниками в Кремле»), «ставропольская» (Суслов и его «полководцы») и «кабардинская» («кабардинский национал-большевик Кумехов» – руководитель Кабардино-Балкарии в годы войны).[lxiii]

Возражая им, другие историки отмечают, что территории выселенных народов передавались не только Грузии, а депортации подвергались и народы, вовсе не граничившие с Грузией. Кроме того, политику на Северном Кавказе «определял далеко не один М. А. Суслов».[lxiv] Ряд исследователей приводит документальные свидетельства того, что на Северо-Западном Кавказе действительно имело место массовое распространение бандитизма в годы войны. В частности, А. М. Гонов связал депортацию карачаевцев с общей обстановкой в регионе, приведя факты дезертирства, действий немецких агентов и местных банд. Он назвал депортацию карачаевцев, как и других народов Кавказа, «насильственным (вынужденным) переселением»,[lxv] что вызвало резкую

критику со стороны других авторов, прежде всего карачаевских историков, считающих, что документы НКВД были прямо фальсифицированы.[lxvi] Не исключая в принципе подобной возможности, представляется все же, что данные выводы нуждаются в дополнительных доказательствах, включая глубокий источниковедческий анализ имеющихся материалов.

Отдельные исследователи видят корни депортации в природе советского тоталитарного режима или в личных качествах советских руководителей. Э. В. Черняк считает, что целью массового террора против малочисленных народов являлось не столько их «наказание», сколько устрашение более многочисленных народов. Кроме того, он полагает, что депортации были «средством продвижения к стиранию национальных различий», способом решения межнациональных противоречий.[lxvii] Схожие причины указывает Н. Ф. Бугай: «Усиление тоталитарного режима обуславливало использование в национальной политике таких жестких методов, как депортация целых народов и групп населения».[lxviii] Выделив целый комплекс факторов, обусловивших депортации, А. Д. Койчуев в качестве главной причины также называет утверждение тоталитаризма.[lxix] В данной связи отдельные авторы говорят о том, что репрессии замышлялись еще до войны.[lxx] Р. Кущетеров считает, что «сталинская национальная политика дружбы и братства народов СССР» преследовала «одну цель – прекратить существование целых этносов. Это был настоящий геноцид».[lxxi]

По мнению В. А. Тишкова, цель этнических депортаций трудно объяснить какими-либо мотивами, «кроме как безумными геополитическими фантазиями «вождя народов» или его маниакальной подозрительностью», депортации продолжались и после войны, когда даже формальная необходимость в них исчезла. В то же время В. А. Тишков, как и ряд других авторов, указывает на «определенные соображения по использованию рабской силы для осуществления индустриальных

проектов» на востоке страны. Он также предполагает стремление властей «упростить этническую мозаику населения страны, которая как бы не укладывалась в схему формирования «социалистических наций» на основе национальных государственных образований».[lxxii] Есть авторы, связывающие депортацию карачаевцев, как и других тюрко-язычных мусульман, с внешнеполитическим фактором – опасением создания антисоветского исламского блока под эгидой Турции.[lxxiii]

Разные точки зрения высказаны и по вопросу о том, кто несет личную ответственность за депортацию. Н. Ф. Бугай полагает, что «вина в проведении мер по депортации должна быть отнесена исключительно к Сталину и его окружению». Остальные участники событий – комиссары, офицеры, солдаты – были лишь рядовыми исполнителями. Напротив, А. Некрич указывал на то, что «депортацию нельзя списать на злую волю Сталина – все подготавливалось снизу».[lxxiv]

Современные карачаевские авторы подчеркивают личную заинтересованность М. А. Суслова в депортации карачаевцев. Корни «звериной неприязни Суслова к народу» И. Алиев, опираясь на воспоминания стариков, увидел в его «обиде» на карачаевцев, возникшей в одну из поездок первого секретаря крайкома партии в горы, когда у не знавшего обычаев Суслова столкнувшийся с ним ряженый карачаевец забрал пистолет и «кажется, дал пришельцу по шее».[lxxv] Напротив, С. И. Линец указывает, что вплоть до самого выселения «в краевой печати карачаевцы характеризовались как активные и самоотверженные борцы с оккупационным гитлеровским режимом». Эти факты рассматриваются как свидетельства того, что «М. Суслов не являлся одним из инициаторов выселения. Но когда она готовилась и осуществлялась, краевой партийный руководитель активно содействовал ей, в том числе и по причине собственного самосохранения».[lxxvi]

В историографии рассматривалось влияние депортации на этнодемографическую ситуацию в регионе. В результате принудительного выселения некоторые народы оказались перед угрозой полного исчезновения. Изменилась общая структура населения Северного Кавказа, что, в совокупности с изменением административно-территориальных границ, заложило основы для новых межнациональных конфликтов.[lxxvii] Отрицательно сказалась депортация и на развитии экономики региона: из оборота выпадали земельные площади, утрачивались прежние навыки животноводства и земледелия, традиционные ремесла. В историографии отмечается, что на принудительное переселение народов тратились немалые средства, столь необходимые стране во время войны.

В центре внимания историков оказалась и дальнейшая судьба выселенных народов. Исследователи раскрыли трудовую деятельность карачаевцев, немцев и других спецпереселенцев в ссылке, несмотря на тяжелые условия жизни, их ограничение в гражданских правах, в возможности соблюдать обычаи, получать образование, возвращаться на прежнее место жительства. Вследствие принудительного переселения произошли резкие изменения в среде обитания и жизненном укладе, питании и материальном обеспечении репрессированных народов, значительно пострадала их культура.[lxxviii] Исследователи утверждают, что «насильственное вживление в чужеродную этническую среду и непривычные климатические условия ломали, уродовали генотип».[lxxix] Э. А. Аджиева считает, что на востоке страны были преднамеренно «созданы условия для вымирания от голода» целых народов.[lxxx]

В. Г. Шнайдер объясняет «практически безропотное подчинение горцев выселению» страхом, порожденным характером советской социально-политической системы, условиями военного времени, характером горских обществ с сильно выраженными кровнородственными связями, жестокостью войск НКВД, мощной и хорошо организованной

акцией, наконец, отсутствием явного сочувствия, сострадания и поддержки со стороны соседей.[lxxxi] Он попытался осмыслить социокультурные основания депортации, ее влияние на менталитет репрессированных народов, формирование у них самоощущения «народов-изгоев». И. Алиев также отмечает, что у карачаевцев сформировался «синдром страха и недоверия к властям», настолько сильный, что, например, многие семьи даже положенную им ссуду после реабилитации не стали брать у государства: «неизвестно, во что это еще потом выльется».[lxxxii]

Появились специальные исследования, в том числе, выполненные на материалах Северо-Западного Кавказа, посвященные реабилитации репрессированных народов.[lxxxiii] Их авторы нередко отмечают половинчатый характер реабилитации конца 1950-х – начала 1960-х гг. Карачаевские исследователи подчеркивают, что национальная автономия Карачая так и не была восстановлена, а при образовании Карачаево-Черкесской автономной области 9 января 1957 г. «не были учтены мнения ни карачаевского, ни черкесского, ни какого-либо другого народа».[lxxxiv] В то же время, проанализировав мероприятия по созданию необходимых жилищных, культурно-бытовых, производственных условий для приема и размещения прибывших карачаевцев, Р. С. Тебуев пришел к выводу о том, что «огромная помощь государства положила начало возрождению объединенной Карачаево-Черкессии и со временем превратила ее из аграрной в аграрно-индустриальную».[lxxxv]

Ряд современных авторов указывают на противоречия и конфликты, возникавшие в отношениях депортированных граждан со своими старыми и новыми соседями. Так, исследователи отмечают привлечение к выселению представителей других этносов – «коварный маневр Берии», направленный на то, чтобы надолго поссорить народы между собой.[lxxxvi] В литературе встречаются утверждения о том, что «немало было случаев жестокого обращения местных жителей со спецпереселенцами. Еще бы,

ведь привезенные под конвоем были представлены властями как изменники, враги, преступники».[lxxxvii] В свою очередь, возвращение из ссылки порождало новые конфликты.[lxxxviii] И. Алиев считает, что возвращение народа, в целом, происходило благополучно, если «сбросить со счетов такие «мелочи», как необходимость выкупать собственные дома, доставшиеся «хозяевам» бесплатно вместе с имуществом, как отдельные стычки между вернувшимися и «хозяевами» и на этой почве, и на почве оскорблений («Вот, вернулись бандиты, на нашу голову…»), как случаи непринятия на работу и т. д.».[lxxxix] Все эти данные противоречат прежней, достаточно идиллической картине дружбы народов, изображавшейся советскими историками.

По мнению ряда региональных авторов, с окончанием «оттепели» произошло сворачивание демократических перемен, что сказалось и на положении карачаевского народа. Они утверждают, что в 1970-е – начале 1980-х гг. в области проводилась «последовательная травля карачаевского народа», имевшая целью «оправдать депортацию карачаевцев». Она выразилась в появлении критических газетных публикаций, перекосах в развитии экономики, финансировании карачаевских районов, кадровой политике, проводившейся в автономной области. Ответственность за эти меры также возлагается на М. А. Суслова.

Реабилитационные мероприятия 1989 – 1990-х получили положительную оценку Р. С. Тебуева.[xc] Напротив, В. Муравьев, отметив целесообразность совершенствования и развития законодательной базы реабилитации, выразившуюся в принятии специальных нормативно-правовых актов в начале 1990-х гг., указывает на трудности в их реализации, связанные как с общей тяжелой социально-экономической ситуацией, в которой находилась Россия, так и с непродуманностью самих актов.[xci] Карачаевские авторы говорят о необходимости не только материальной, политической, но и морально-психологической

реабилитации народа, «что означает разрушение государственными органами… отрицательного стереотипа народа в глазах других народов».[xcii]

Появились и работы, авторы которых пытаются объяснить, почему не были репрессированы другие народы Северо-Западного Кавказа. Так, в книге «Земля адыгов», названной «своеобразным «путеводителем» по истории заселения Земли адыгов», а по своему жанру представляющей скорее хрестоматию, целый раздел назван «Адыги и Сталин». Большая его часть в апологетической форме излагает биографию «признанного вождя миллионов». Авторы книги утверждают: «В Адыгее многие помнят и чтут И. В. Сталина. Наряду с прочими, у адыгов есть и свои, сугубо личные причины быть благодарными вождю». Причины этой «особой» благодарности они видят в том, что адыги… не были репрессированы: «В начале 40-х гг. были репрессированы почти все ближайшие соседи адыгов… Все шло к тому, что следующей жертвой могли стать адыги. Есть факты, свидетельствующие, что в те годы органами НКВД был даже подготовлен проект их выселения. Но И. В. Сталин… запретил даже думать об этом. «БЕЗ АДЫГОВ КАВКАЗ – НЕ КАВКАЗ (выделено в тексте – *Е. К.*)», – этими словами был остановлен маховик репрессий против адыгов». Авторы считают, что «решение вождя не было случайным. Огромную роль в этом сыграл героизм, проявленный адыгами во время Великой Отечественной войны – на фронте и в партизанских отрядах, а также самоотверженный труд в тылу».[xciii]

Похожий ответ предлагает и М. М. Ибрагимов на вопрос о том, почему не был репрессирован «черкесский народ, представители которого также участвовали в повстанческом движении? Ответ на этот вопрос очевиден: именно в горах Черкесии действовало или базировалось большинство партизанских отрядов и края, и Черкесии, и Карачая».[xciv] К сожалению, автор не подтверждает свой вывод дополнительными

данными, а утверждение о том, что Северный Кавказ «стал своего рода полигоном для отработки на практике сталинской национальной политики» ему прямо противоречит, так как действия партизан или их отсутствие не могли в этом случае иметь для И. В. Сталина какое-либо решающее значение.[xcv]

Версии о том, что тот или иной народ должен был подвергнуться депортации (обычно – по «злой воле» Л. П. Берии), и его спасло личное вмешательство И. В. Сталина, который учел его «заслуги» перед Родиной, достаточно давно и широко распространены на Северном Кавказе, представляя собой своеобразные мифологемы массового сознания. Подтвердить или опровергнуть их не представляется возможным, уже исходя из того, что свои планы И. В. Сталин далеко не всегда выражал в письменной форме. Однако их проникновение на страницы профессиональных исторических сочинений представляет собой новое явление в развитии современной историографии, отражая усиление ее взаимосвязи с этническим историческим сознанием. В результате в подобных работах ратные подвиги «своих» этносов затмевают все остальные. Разновидностью данного подхода является излагаемая в ряде работ точка зрения, согласно которой наиболее славные подвиги в войне совершил тот или иной репрессированный народ. Этим подчеркивается историческая несправедливость депортации по отношению к определенному этносу, а не данной акции вообще.

Таким образом, в изучении вопросов советской национальной политики и межнациональных отношений на Северо-Западном Кавказе можно выделить ряд этапов. При этом в советской историографии проблема межнациональных отношений обычно сводилась к вопросам дружбы народов, рассматривавшейся в качестве прямого следствия осуществлявшейся в стране и в регионе национальной политики.

Первые работы, прославлявшие и пропагандировавшие дружбу советских народов, появились еще в годы войны. В первое послевоенное десятилетие в диссертационных исследованиях советских историков осмысление данной темы приобрело научный характер. В историографии отмечалось, что дружба народов региона выдержала суровые испытания в годы Великой Отечественной войны, пропагандировалось их боевое и трудовое сотрудничество, приводились примеры мужества и героизма представителей различных национальностей Северо-Западного Кавказа. Напротив, о негативных фактах в отношениях разных народов, в том числе и депортациях, первоначально ничего не говорилось.

Только в период «оттепели» данная проблема получила свое отражение в историографии, критике подверглись «деформации» в советской национальной политике, связывавшиеся с культом личности И. В. Сталина, а вина за депортации возлагалась лично на Л. П. Берию. Однако и в последующие годы изучение проблем советской национальной политики и межнациональных отношений на Северо-Западном Кавказе находилось под идеологическим контролем, в силу чего дружбе и боевому сотрудничеству народов региона по-прежнему уделялось значительно больше места. Тем не менее, в 1960 – 1980-е гг. в научный оборот были введены первые документы и появились первые исследования, рассказывающие о депортации и реабилитации карачаевского народа.

В последние годы в развитии историографии проблемы произошли серьезные изменения, сложились различные подходы к трактовке общего характера советской национальной политике. Особенно большое внимание уделялось проблеме депортаций и их последствий, выявлению их причин и последствий. В научный оборот введен значительный пласт документов и материалов, появился целый ряд исследований, свидетельствующий, что изучение данной темы превратилось в одно из ключевых направлений исследований в современной историографии.[xcvi] Однако обращение к

данной проблематике в последнее десятилетие нередко имело политизированный характер, выражавшийся, в частности, в попытках «посчитать», какой народ больше других пострадал от репрессий, заострить внимание на несправедливости только по отношению к конкретному народу. Политизация проявляется и в стремлении ряда карачаевских авторов привести в качестве аргументов «несогласие» или «неприятие» народом тех или иных выводов и работ, привлечь своих оппонентов не только к моральной, но и к юридической ответственности. Резкой критике подвергаются, например, работы Н. Ф. Бугая и А. М. Гонова за «неправильное» объяснение причин депортации, а сами исследователи обвиняются в популяризации «идеи «виновности» карачаевского народа», прямой фальсификации.

Необходимо отметить, что привлечение внимания историков к вопросам депортации и реабилитации не сопровождается дальнейшим расширением круга проблем советской национальной политики и межнациональных отношений на Северо-Западном Кавказе. Например, лишь отдельные упоминания встречаются в литературе о межэтнических противоречиях во время эвакуации, антисемитизме и других негативных аспектах межнациональных отношений во время войны. Тем не менее, постепенно акценты в изучении советской национальной политики и межнациональных отношений на Северо-Западном Кавказе смещаются в сторону создания более полной и обстоятельной картины событий.

Перспективы дальнейшей разработки рассматриваемых проблем связаны с комплексным осмыслением развития межнациональных отношений в годы войны и их отражения в общественном сознании населения региона, что требует поиска новых исследовательских методик, использования достижений современной этнологии и других отраслей гуманитарного знания. Для создания более достоверной картины событий необходимо анализировать не только позитивный опыт взаимодействия

разных народов, но и причины, истоки, проявления и последствия межнациональных противоречий военных лет. Необходимо продолжить осмысление депортаций и реабилитации в контексте советской национально-государственной политики в целом. Не могут вызывать удовлетворения попытки объяснить депортации «злой волей» одного Сталина, Суслова, Берии или каких-либо других советских руководителей, хотя их истинная роль в данных событиях также нуждается в прояснении. Следует также продолжить изучение дальнейших судеб репрессированных народов, влияния депортации на изменение их образа жизни, социальной психологии и мировоззрения, в чем существенную роль могло бы сыграть использование источников личного происхождения, включая организацию записи устных рассказов.

Примечания:

[1] Захаров И. З. Деятельность КПСС по укреплению дружбы народов СССР в годы Великой Отечественной войны // КПСС – вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне (Историографический очерк). М., 1973; Позняк Е. В. Деятельность Коммунистической партии по укреплению дружбы и сотрудничества советских народов в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (Историография проблемы). Дисс… канд. ист. наук. Киев, 1987; Бугай Н. Ф. Проблема депортации и реабилитации народов в трудах ученых Северокавказского региона (гуманитарный аспект) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2000. № 3–4. С.35 – 42; Цуцулаева С. С. Репрессированные народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: проблемы историографии. Дисс… канд. ист. наук. Казань, 2001; Кринко Е. Ф. Депортация населения Северного Кавказа, ее причины и последствия: историография проблемы // Вторая мировая и Великая Отечественная война: актуальные проблемы социальной истории. Материалы Международной научной конференции 28 – 31 мая 2002 года. Майкоп, 2002. С.295 – 301 и др.

[2] См.: В боях с врагом закаляется и крепнет дружба народов СССР. М., 1942; Калинин М. И. К двадцатилетию образования СССР (1922 – 1942 гг.). М., 1942; Горкин А. Красная Армия – армия братства и боевого единства народов СССР. М., 1943; Юраго М. Всенародная помощь фронту. Саратов, 1944 и др.

[3] Корнеев М. Дружба народов СССР – залог нашей победы. М., 1942. С.2.

[4] Правда. 1942. 30 ноября.

[5] Семакин С. И. Военная печать – боевое оружие Коммунистической партии в укреплении дружбы народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. 1941 – 1945 гг. Автореф. дисс… канд. ист. наук. М., 1988. С.17.

[6] Азизян А. Народы Кавказа никогда не будут рабами // Большевик. 1942. № 15. С.28 – 37; Винников Н., Бурлаков М. В дни войны. Очерки о кубанских казаках. Краснодар, 1942; Жанэ К. Адыгейцы в боях за Родину // Адыгейская правда. 1943. 6 апреля; Калинин М. И. Битва за Кавказ // Известия. 1942. 23 октября; Тихонов Н. Слава Кавказа // Красная звезда. 1942. 12 сентября; Шмонин А. Непокоренный Кавказ. Махачкала, 1943 и др.

[7] Эмиров Н. Кавказ в захватнических планах немецких империалистов. Махачкала, 1943. С.33.

[8] На бой, славяне! Краснодар, 1942 и др.

[9] Кирсанов Н. А. Боевое содружество народов СССР в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. // Великая Отечественная война (историография). М., 1995. С.176.

[10] Шуктомов П. И. Воспитание советских воинов в духе дружбы народов СССР в период Великой Отечественной войны. Дисс… канд. ист. наук. М., 1951; Матюшкин И. Н. Советская Армия – армия дружбы народов. М., 1952 и др.

[11] Опишанская К. Я. Коммунистическая организация Ставропольского края в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945. Дисс… канд. ист. наук. Ставрополь, 1954. С.292 – 293.

[12] Глухов В. М. Адыгея в дни Великой Отечественной войны. Дисс… канд. ист. наук. Майкоп, 1949. С.37.

[13] Там же. С.55.

[14] Адыгея в дни Великой Отечественной войны Советского Союза // Адыгейская автономная область. Майкоп, 1947. С.208. См. также: Карданов З. К. Народы Черкесии в годы Великой Отечественной войны // Труды Черкесского научно-исследовательского института, языка и литературы. Вып. 2. Черкесск, 1954. С.183 – 198.

[15] Адыгея в дни Великой Отечественной войны Советского Союза. С.219.

[16] Опишанская К. Я. Указ. соч. С.294.

[17] Мнацаканян А. Н. Советская Армения в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Автореф. дисс… канд. ист. наук. Ереван, 1954. С.6.

[18] Новиков И. А. Дружба народов СССР – источник могущества советского государства и его Вооруженных Сил. М., 1959; Метелица Л. В. Торжество ленинской национальной политики в СССР. М., 1962 и др.

[19] При этом в тексте допущена поразительная ошибка (опечатка?), особенно на фоне общего, весьма солидного уровня данного издания: в списке репрессированных народов вместе карачаевцев указаны… черкесы. См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1965. Т.6. С.105.

[20] Напсо Д. А. Партийные организации Карачая и Черкесии в годы Великой Отечественной войны // По ленинскому пути. Партийные организации Карачая и Черкесии в борьбе за коммунизм. Черкесск, 1963. С.162.

[21] Уже после завершения «оттепели», в 1965 г. Х. И. Хутуев защитил кандидатскую диссертацию о депортации и реабилитации балкарцев, ставшую первым в советской историографии специальным исследованием на данную тему. См.: Хутуев Х. И. Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (восстановление автономии балкарского народа). Дисс… канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1965.

[22] Захаров И. З. Дружба, закаленная в боях. М., 1970; Артемьев А. П. Братский

боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М., 1975; Схакумидов А. С. Дружба, скрепленная в боях. Майкоп, 1975; Мурадян В. А. Боевое братство. М., 1978; Кирсанов Н. В боевом строю народов-братьев. М., 1984; Кравчук М. И., Погребинский И. Б. Проверенная войной. М., 1985; Тепун П. Д. Деятельность Коммунистической партии по укреплению дружбы народов СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах парторганизаций Северного Кавказа). Дисс… канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1985 и др.

[23] Кулаев Ч. С. Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941 – 1945 гг.). Дисс… канд. ист. наук. Воронеж, 1968. С.11.

[24] Краснознаменный Северо-Кавказский. Краткий исторический очерк. Ростов-на-Дону, 1978. С.183.

[25] Источники Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. М., 1985. С.188.

[26] Артемьев А. П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М., 1975. С.57 и др.

[27] Давыдов И. В. Пропаганда идей дружбы народов в период битвы за Кавказ 1942 – 1943 гг. // Вопросы истории КПСС. 1965. № 7. С.25 – 32; Алещенко П. Б. Партийно-политическая работа в войсках Северо-Кавказского и Закавказского фронтов во время битвы за Кавказ (июнь 1942 – октябрь 1943). Дисс… канд. ист. наук. Краснодар, 1972; Черный В. И. Деятельность кавказских партийных организаций по оказанию помощи советским войскам в период битвы за Кавказ (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Дисс… канд. ист. наук. Краснодар, 1978; Тепун П. Д. Воспитание трудящихся Северного Кавказа в духе дружбы народов – важнейшее направление идеологической работы партии в период битвы за Кавказ // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е гг. XX в.). Материалы Всерос. научн. конф., 2–3 октября 1979 г., г. Грозный. Грозный, 1982. С.192 – 199; Хакуашев Е. Т. Укрепление боевого союза народов СССР в битве за Северный Кавказ // Там же. С.183 – 192 и др.

[28] Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970. С.382.

[29] Очерки истории Ставропольского края. Ставрополь, 1986. Т.2. С 1917 г. до наших дней. С.312.

[30] Очерки истории Карачаево-Черкесии. В 2 тт. Черкесск, 1972. Т.2. Советский период. С.282 – 283.

[31] Там же. С.315 – 324.

[32] Там же. С.342 – 343.

[33] Кулаев Ч. С. Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941 – 1945 гг.). Дисс… канд. ист. наук. Воронеж, 1968. С.186.

[34] Там же. С.179 – 180.

[35] Боташев М. А. Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны // Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Материалы областной научно-теорет. конф. 1977 года. Черкесск, 1982. С.31, 34.

[36] См.: Карачаевцы. Выселение и возвращение. 1943 – 1957. Черкесск, 1993. С.21 – 22.

[37] Авторханов А. Народоубийство в СССР. Мюнхен, 1952; Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.

[38] Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990. С.187.

[39] Там же. С.190 – 191, 194; он же. Убийство Чечено-Ингушского народа (Народоубийство в СССР). М., 1991. С.5–6.

[40] От составителя // Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1918 – 1952 годы. М., 1993. Т.1. С.7.

[41] Тишков В. А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции 1993 г. М., 1994. С.20 – 21.

[42] См.: Бугай Н. Ф. Государственная политика в сфере национальных отношений в условиях «социалистического эксперимента» // Россия в XX веке. Проблема национальных отношений. М., 1999. С.311.

[43] Тишков В. А. Указ. соч. С.12.

[44] Там же. С.21 – 22.

[45] Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999. С.24.

[46] Кирсанов Н. А. Боевое содружество народов СССР в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. С.177.

[47] Дзидзоев В. Д. Национальная политика СССР, межнациональные отношения и национальные движения на Северном Кавказе. Дисс… д-ра ист. наук. СПб., 1992 и др.

[48] Айбазова Ф. У. Развитие духовной культуры народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Дисс… канд. ист. наук. Ставрополь, 1997. С.166. См. также: Напсо Д. А., Чекменев С. А. Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. Черкесск, 1993; Киргуев А. Х. Дружба народов как фактор победы в Великой Отечественной войне. Ставрополь, 1995 и др.

[49] Ибрагимбейли Х. М. Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. 1989. № 4 и др.

[50] Данные сведения были впервые опубликованы в ряде статей В. Н. Земскова, а затем обобщены в его монографии. См.: Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930 – 1960. М., 2003.

[51] Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «их надо депортировать…». Документы, факты, комментарии. М., 1992; Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию…». М., 1995; Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах (20 – 60-е годы). М., 1998 и др.

[52] Вылцан М. А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3; Народы России: проблемы депортации и реабилитации. Майкоп, 1997; Гонов А. М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20 – 90-е годы XX века. Дисс… д-ра ист. наук. Нальчик, 1998 и др.

[53] Кущетеров Р. М. Насилие. Черкесск, 1993; Кущетеров Р. М., Кущетеров А.–Х. У. Депортация. Ставрополь, 1994; Чомаев К. Наказанный народ. Черкесск, 1993; Хунагов А. С. «Выселить без права возвращения…». Депортация народов Юга России. 20 – 50 годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999; Шаманов И. М., Тамбиева Б. А., Абрекова Л. О. Наказаны по национальному признаку. Черкесск, 1999; Аджиева Э. А. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: причины и следствия (на примере карачаевского и балкарского народов). Дисс… канд. ист. наук. Карачаевск, 2001 и др.

[54] Бугай Н. Ф. Депортационные процессы на Кубани: их последствия // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп, 1992. С.157 – 180; Российские немцы на Дону, Кавказе, Волге. Материалы рос.-герм.

научн. конф. Анапа, 22 – 26 сентября 1994 года. М., 1995; Кичихин А. Как депортировались российские немцы // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. С.9– 28; Коцонис А. Н., Меланифиди Г. Ф. «Российские греки»: проблемы национально-культурного возрождения // Там же. С.101 – 109; Хунагов А. С. Указ .соч.; Линец С. И. К вопросу о судьбе советских немцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Проблемы этнополитических отношений на Северном Кавказе. Сб. науч. ст. Ростов-на-Дону – Пятигорск, 2001. С.105 – 111; Плохотнюк Т. Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001 и др.

55 Тебуев Р. С., Хатуев Р. Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. М.; Ставрополь, 2002. С.160 – 172.

56 Койчуев А. Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945. Ростов-на-Дону, 1998; Малышева Е. М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945. Майкоп, 2000 и др.

57 Репрессированные народы: история и современность. Тезисы докладов и сообщений Всерос. науч. конф., 22 – 29 мая 1992 г. Элиста, 1992; Репрессированные народы: история и современность. Материалы II-й Всерос. научн. конф., 1–2 ноября 1993 г. Карачаевск, 1994; Репрессированные народы: история и современность. Тезисы докладов и сообщений III-й Всерос. научн. конф. Нальчик, 1994 и др.

58 Депортации народов СССР (1930 – 1950-ые годы). Часть 1. М., 1992; Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации. 1990 – 1992. Документы и материалы. М., 1993; Реабилитация репрессированных народов и граждан. 1954 – 1994. М., 1994; Депортация карачаевцев: Документы рассказывают. Сб. док-тов. Черкесск, 1997 и др.

59 Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1918 – 1952 годы. М., 1993. Т.1. С.7 – 17 и др.

60 Алиев И. Шлейф бед и страданий // Так это было. М., 1993. Т.2. С.14 – 15 и др.

61 Карачаевцы… С.43 – 44; Чомаев К. Указ. соч. С.27; Коновалова О. В. Карачаевцы: трудное возвращение из пятнадцатилетней ссылки // Проблемы истории Северного Кавказа и современность. (Тезисы докладов III Международного конгресса по программе «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру» 18 – 21 сентября 2001 года). Пятигорск, 2001. С.36 и др.

62 Узденов М. И. Политика геноцида народов: причины, сущность и цели // Репрессированные народы: история и современность. Элиста, 1992. С.23 – 24; Алиева С. Красноречивая деталь // Так это было. Т.1. С.260 и др.

63 См.: Тебуев Р. С., Хатуев Р. Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. М., Ставрополь, 2002.

64 Хунагов А. С. Указ. соч. С.7–8; см. также: Бугай Н. Ф. Проблема депортации и реабилитации народов в трудах ученых Северокавказского региона (гуманитарный аспект). С.39.

65 Гонов А. М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20 – 90-е годы XX в. С.17.

66 Тебуев С. Предисловие // Депортация карачаевцев. С.8–9; Алиева С. К. Материальная и финансовая помощь трудящихся Северного Кавказа Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (на материалах Адыгейской, Карачаевской, Черкесской автономных областей и Кабардино-Балкарской АССР). Дисс… канд. ист. наук. Карачаевск, 2001. С.14 – 15 и др.

[67] Черняк Э. В. Национальная политика в тоталитарном обществе. Казань, 1993. С.6.

[68] Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию…». С.5.

[69] Койчуев А. Д. Тоталитаризм и фальсификация роли малочисленных народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войны как причина депортации целых народов // Вестник Карачаево-Черкесского государственного университета. Карачаевск, 2001. № 5. С.36 – 54.

[70] Алиева С. Указ. соч. С.261; Хапчаев Р. И. Организация и управление хозяйственно-трудовой деятельностью и этнополитическими процессами народов Северного Кавказа (1943 – 1957 гг.). Автореф… дисс. канд. ист. наук. Пятигорск, 2001. С.19.

[71] Кущетеров Р. Указ. соч. С.169.

[72] Тишков В. А. Указ. соч. С.24.

[73] Буров А. Н. К вопросу об основных причинах депортации «наказанных» народов // Репрессированные народы: история и современность. Элиста, 1992. С.59 – 60.

[74] Бугай Н. Ф. Депортационные процессы на Кубани: их последствия. С.158; Иосиф Сталин – Лаврентию Берии… С.285. Некрич А. Наказанные народы // Родина. 1990. С.32.

[75] Алиев И. Указ. соч. С.20.

[76] Линец С. И. История организации партизанского движения на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны: состояние и перспективы исследования проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2000. № 2. С.28.

[77] Котов В. И. Депортация народов Северного Кавказа: кризисные явления этнодемографической ситуации // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994 и др.

[78] См.: Репрессированные народы: история и современность. Материалы II-й Всерос. науч. конф., 1 – 2 ноября 1993 г. Карачаевск, 1994 и др.

[79] Так это было… Т.1. С.16.

[80] Аджиева Э. А. Указ. соч. С.60.

[81] Шнайдер В. Г. Социокультурные основания акта депортации ряда народов Северного Кавказа в 1943 – 1944 гг. // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) МГСУ. Научный и учебно-методический ежегодник. 2003. № 1. С.191.

[82] Тебуев Р. С. Депортация карачаевцев: причины и последствия // Депортация карачаевцев. С.25.

[83] Калтахчян А. Реабилитация репрессированных народов России: первые практические шаги // Этнополитический вестник. 1992. № 2; Гонов А. М. Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов. (20 – 90-е годы). Нальчик, 1998 и др.

[84] Карачаевцы… С.3.

[85] Тебуев Р. С. Возвращение карачаевцев на историческую родину и начало возрождения народа // Вестник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований. Ставрополь, 1999. Вып.1. С.69.

[86] Дзидзоев В. Д. Указ. соч. С.212 – 213.

[87] Алиев И. Указ. соч. С.21.

[88] Некрич А. Наказанные народы // Нева. 1993. № 10. С.275.

[89] Алиев И. Указ. соч. С.25.

[90] Тебуев Р. С. Указ. соч. С.70; Аджиева Э. А. Указ .соч. С.96 – 132 и др.

[91] Муравьев В. Миграции на Северном Кавказе – следствие переселений народов // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. С.122 – 124.

[92] Карачаевцы… С.5 и др.

[93] Земля адыгов. Майкоп, 1996. С.311.

[94] Ибрагимов М. М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны: (На примере национальных республик Северного Кавказа). М., 1998. С.310.

[95] Там же. С.287.

[96] Тема депортации настолько «захлестнула» современных исследователей, что порой «подминает» под себя все остальные сюжеты. Так, в кандидатской диссертации Х. А. Каратаевой, посвященной женщинам Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, основная часть первой главы, названной «Северный Кавказ в годы войны: двойной удар» посвящена… проблемам депортации чеченцев и ингушей. См.: Каратаева Х. А. Трудный путь к победе: женщины в годы Великой Отечественной войны (на материалах партийно-государственных организаций Северного Кавказа). Дисс… канд. ист. наук. СПб., 1994.

Д.М. Алхасова
г. Махачкала

Становление и развитие арабоязычной литературы в Дагестане в XVII-XIXв. Дагестанские авторы и их произведения

(историография вопроса)

Богатство идеологических и эстетических традиций арабоязычной литературы Дагестана, ее многовековая история – это бесспорный факт. Тесные экономические и культурные связи Дагестана с мусульманским Востоком насчитывают не одно столетие. Характер этих связей на протяжении веков настолько обширен и многообразен, а влияние Востока столь велико, что изучение этих проблем и по сегодняшний день представляет огромное поле для деятельности российским и дагестанским учёным. Об этом свидетельствуют и результаты их научных изысканий последних лет, опубликованные как России, так и за рубежом.

На безусловную важность изучения арабоязычной литературы как определенного этапа в культурном развитии Дагестана указывали многочисленные исследователи, но данная тема не изучалась последовательно и систематически. В истории дагестанской литературы и культуры жизнь, творчество, взгляды арабоязычных авторов не получили глубокого освещения, а их произведения не были объектами отдельных исследований. Вместе с тем, необходимо отметить, что изучению арабоязычной литературы посвящен целый ряд трудов.

Большую ценность для исследования указанной проблемы, несомненно, представляют исторические сочинения местных, дагестанских авторов XIX-XX вв. Исторические хроники занимали важное место в общем комплексе литературных произведений, созданных в XIX в. В них наряду с богатым фактическим материалом приведены сведения о

дагестанских учёных, и что особенно важно об их произведениях, представляющих собой как комментарии на труды восточных авторов, так и собственные, самостоятельные сочинения.

В числе дошедших до нас исторических сочинений впервые разделы биографического характера даёт известный дагестанский учёный и сподвижник Шамиля ‘Абд ар-Рахман б. Джамал ад-Дин ал-Газикумухи в отдельных главах сочинения «Тазкират ‘Абд ар-Рахман» («Воспоминания Абдурахмана»)[1], написанного им в 1869 г. В сочинении имеется ряд глав, посвящённых дагестанским учёным XVIII-XIX в.: «О дагестанских учёных», «О науках, которые были распространены в Дагестане», «О положении мутааллимов у нас, об их обучении наукам», «Об известных мутааллимах моего времени из мухаджиров аула Дарго» и др. Глава об учёных Дагестана носит самый общий характер, ограничиваясь перечислением имён, перечень их трудов отсутствует. Тем не менее, по мнению А.Р. Шихсаидова, нельзя отрицать, что основная часть сведений, зафиксированных в «Воспоминаниях», отличается своей точностью, правдивостью, нередко — уникальностью[2].

Большое значение для изучения истории Северо-восточного Кавказа имеет сочинение известного историка Дагестана Хасана-эфенди ал-Алкадари «Асари Дагестан»[3], написанное, по словам академика В.В. Бартольда, «не без таланта»[4]. Он завершил этот свой основной труд в 1891 г. В книге в основном освещена политическая история Дагестана начиная с VII в. и до 80-х гг. X1X в. В заключительном разделе книги наряду с другими вопросами даются сведения о правителях и учёных Дагестана, таких как Мухаммад ал-Кудуки, Дамадан ал-Мухи, Дауд ал-Усиши и других. Однако в большинстве случаев Алкадари ограничивается простым упоминанием имени учёного или общими фразами «действительный учёный», «хороший учёный», «законченно образованный учёный» и т.д. и почти не характеризует их научные интересы и взгляды.

По мнению А.Р. Шихсаидова, «Асари Дагестан» испытал на себе «несомненное влияние»[5] монографического исследования «Гюлистан-и Ирам» выдающегося историка, филолога первой половины XIXв. Аббас-Кули-Ага Бакиханова – основоположника азербайджанской научной историографии. В своём труде среди огромного количества имён «уроженцев Ширвана и соседних с ним провинций, отличавшихся учёностью и другими достоинствами»[6] автор называет (хотя и с некоторыми искажениями) имена шести учёных из дагестанских сёл – Мухаммада ал-Кудуки, Ибрахима ал-'Уради, Абубакра ал-'Аймаки, Йусуф-Зарира ал-Гумуки, Дауда ал-Усиши и Исмаила аш-Шинази.

Больший интерес для наших изысканий представляет сочинение «Ар-Риджал ал-машхурун»[7] («Знаменитые люди») неизвестного дагестанского автора. Оно сохранилось в составе сборной рукописи, составленной известным переписчиком, переводчиком и фольклористом 'Абд ар-Рахманом ал-Джангути (Абдурахман Казиев (1900-1942 гг.) – А.Д.). Характеристику данному сочинению впервые дал А.Р. Шихсаидов. Сочинение условно разделено на три главы: первая – посвящена учёным, творившим до «эпохи Шамиля». «Ими рассмотрена наука среди жителей Дагестана, которые ими выведены из темноты к свету...»; вторая часть посвящена учёным «эпохи Шамиля», их деятельности и жизненным перипетиям (смерть, арест, ссылка): третья часть описывает фактически события после 1859 года[8].

Если для произведений трёх вышеупомянутых дагестанских авторов характерна некоторая бессистемность фрагментарность и относительное несовершенство в композиции, то последующие сочинения подобного жанра отмечены своей основательностью и последовательностью.

По ценности фактического материала и охвату затрагиваемых вопросов от предшествующих сочинений выгодно отличается

произведение начала XX в. Назира ад-Дургили «Нузхат ал-азхан фи тараджим уламаи Дагистан» («Прогулка умов по биографиям дагестанских учёных»)[9], основанное на обширном фактическом материале. В нём, главным образом, освещается творчество более 220 дагестанских авторов XVI – XX вв. и уделено значительное место характеристике их произведений, иногда текст сопровождается стихами или выдержками из трудов учёных.

Особенно важным для историографии дагестанской науки является более краткий, но ёмкий по содержанию биобиблиографический справочник дагестанского учёного Али Каяева «Тараджум ‘уламаи Дагистан» («Биографии дагестанских учёных»)[10], который свидетельствует об исключительном внимании и бережном отношении учёного к наследию дагестанских авторов, внёсших крупный вклад в развитие дагестанской арабоязычной литературы.

Можно без преувеличения сказать, что работы Али Каяева, освещающие достижения дагестанских учёных дореволюционного периода, являются наиболее ценным источником для изучения истории науки и общественной мысли дагестанцев.

Крупнейший востоковед академик И.Ю. Крачковский в своей статье «Арабская литература на Северном Кавказе»[11] впервые в европейской науке охарактеризовал «провинциальную арабскую литературу на Кавказе» не только как исторический источник, литературоведческий материал, но и как «живой человеческий документ, настоятельно требующий к себе внимания современности»[12].

В другой своей статье «Общие соображения о плане истории арабской литературы» И.Ю. Крачковский, говоря о необходимости создания обобщающего труда по данной теме, отмечал, что «арабская литература, как и арабская культура вообще, обязана своим развитием не только арабам, но и представителям ряда других народов»[13].

Большой интерес для исследователей данной темы представляет также обширная статья А.Н. Генко «Арабский язык и кавказоведение»[14], раскрывающая значение «арабских материалов для изучения истории Кавказа».

В области изучения вклада арабской культуры в становление местных литературных традиций неоценимый вклад внесен выдающимся дагестанским историком М.-С.Д. Саидовым. После доклада Саидова «Дагестанская литература на арабском языке XVIII – XIX в.»[15] на международном конгрессе востоковедов Москве в 1960 году эта литература «впервые предстала перед учёным миром во всей её полноте, масштабности, тематическом разнообразии»[16]. Учёный назвал более ста имён дагестанских авторов, творчество которых предстояло выявить, систематизировать и изучить. Эти дагестанские учёные, такие как Ша’бан ал-’Убуди, Мухаммад ал-Кудуки, Дамадан ал-Мухи, Дибиркади ал-Хунзахи, Исмаил аш-Шинази, Мухаммад ал-’Убри, Дауд ал-Усиши, Мухаммад Тахир ал-Карахи, ‘Абд ар-Рахман ал-Газикумухи, Хасан ал-Алкадари и многие другие, известные в большинстве своём только в среде местных алимов и знатоков арабского языка, получили мировую известность. Дагестанская литература в докладе Саидова предстала перед востоковедами всего мира как реальность, богатое культурное наследие народов Дагестана, и предстоящее глубокое научное изучение его обещало открыть как российскому, так и зарубежному востоковедению новые, неизвестные ранее яркие имена.

Для изучения дагестанской арабоязычной поэзии обширный материал можно почерпнуть из работ М. Гайдарбекова[17], где автор приводит биографические сведения и стихи (с переводом) десятков дагестанских поэтов, таких как: Йусуф ал-Йахсави, Хаджи Мухаммад ас-Сугури, Сайд ал-Аракани, Мирза ‘Али ал-Ахтави, Идрис ал-Индирави, Мамма Киши ал-Индирави, ‘Умар ал-Кудали, Хаджи Али ал-Акуши, Шейх

Али ал-Гапшими, Мухаммад Нур ал-Гимрави, Йусуф ал-Муркили, Фахру ал-Аргвани и многих других.

Вместе с тем, следует особо отметить работу, проделанную Гайдарбековым, по сбору и систематизации большого количества фактического материала по истории Дагестана, почерпнутого автором из многочисленных местных хроник на арабском языке, записей на полях рукописей и изданий на арабском и турецком языках[18]. Особенный интерес представляют отдельные записи о дагестанских учёных, их жизни и деятельности (автором приводится около 200 имён).

Наиболее значительный вклад в разработку проблемы влияния арабского Востока на развитие дагестанской литературы внесён известным дагестанским литературоведом, академиком Г.Г. Гамзатовым. Его труды «Формирование многонациональной литературной системы в революционном Дагестане: истоки, традиции и многообразие художественного опыта»[19], «Художественное наследие и современность: проблемы преемственности и взаимодействия дагестанских литератур»[20], «Дагестан: историко-литературный процесс»[21], «Литература народов Дагестана дооктябрьского периода»[22], «Национальная художественная литература в калейдоскопе памяти»[23], «Дагестанский феномен возрождения»[24] впервые применительно к дагестанской литературе дают подробное теоретическое и фактологическое освещение вопроса о роли Востока в судьбах дагестанской культуры, являются наиболее значительными в дагестанской литературе. В них сформулированы методологические аспекты данной сложной научной проблемы.

По мнению Г.Г. Гамзатова, «характерным признаком развития культуры народов Дагестана в XVIII-XIX вв. явилось формирование особой прослойки национальной гуманистической интеллигенции, отличной от деятелей прежнего типа «мудрецов» и «ясновидцев», «шейхов» и «святош»[25]. Автор характеризует личности Мухаммада ал-

Кудуки, Дамадана ал-Мухи, Хасана ал-Кудали, Мухаммада ал-'Убри, Дауда ал-Усиши, Ибрахима ал-'Уради, Дибиркади ал-Хунзахи и многих других «поворотом к живой действительности и земным заботам. В лице каждого из деятелей вышеназванного ряда Дагестан имел крупного учёного и поэта, философа и правоведа, филолога и мыслителя»[26].

Работы местных литературоведов и в первую очередь серия очерков по историям дореволюционных литератур Дагестана Э.Ю. Кассиева[27], Б.М. Магомедова[28], Г.Б. Мусахановой[29], Ф.О. Абакаровой[30], отодвигают время возникновения литератур к XVII-XVIII векам. Это объясняется тем, что «сила обстоятельств вынуждала их авторов вести исследования параллельно со сбором материалов, в подавляющем своём большинстве никогда не публиковавшихся. Элемент случайности, эпизодичности, недостаточности иллюстрирующих текстов закономерно присутствует во всех этих работах, т.к. отвоевание у истории всего обречённого – труд нелёгкий»[31].

Проблема развития арабоязычной литературы отражена в диссертационном исследовании М.Т. Гудавы «Традиции изучения арабского языка в Дагестане». К сожалению, нам доступен лишь автореферат данной работы[32].

За период с 1988 по 1991 гг. сотрудники отдела востоковедения ИИЯЛ ДФ АН СССР издали три тематических сборника, посвящённый проблемам изучения письменных памятников Дагестана.

Первым вышел сборник статей «Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект»[33], где авторами даётся характеристика источников, обнаруженных в Дагестане за последние десятилетия в ходе работы археографических экспедиций, а также хранящихся в крупных коллекциях рукописных книг.

Следует особо отметить, статью А.Р. Шихсаидова «Археографическая работа в Дагестане»[34], в очередной раз

подтверждающая, что автор проделал огромную работу по выявлению, анализу и введению в научный оборот арабоязычных источников как по истории Дагестана в целом, так и по интересующей нас тематике.

Особенно важной для нашей работы является ёмкая по своему содержанию статья Д.Х. Гаджиевой «К описанию филологических сочинений, хранящихся в Рукописном Фонде ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР»[35], где автором приводятся сочинения восточных авторов с иерархией комментариев и субкомментариев, распространённых в Дагестане. Все произведения приводятся в статье с соответствующими номерами и чётко разграничены по тематике: грамматика, лексикография и лексикология, риторика, метрика и фонетика.

Важные сведения, имеющие непосредственное отношение к изучаемой нами проблеме, содержатся в статье Н.А. Тагировой «Из истории арабоязычной рукописной традиции в Дагестане в XIX в. (по материалам Рукописного фонда Института ИЯЛ)»[36].

На наш взгляд, статьи Д.Х. Гаджиевой и Н.А. Тагировой представляют собой первые и единственные на данный момент попытки систематизировать научное наследие восточных авторов и их дагестанских комментаторов.

Следующий сборник «Письменные памятники Дагестана»[37], вышедший в 1989 году, рассматривает памятники письменной культуры Дагестана на арабском, персидском, тюркских и дагестанских языках с точки зрения источниковедения.

Большую ценность для изучения данной проблемы представляет статья А.Р. Шихсаидова «Письменные памятники Дагестана XIX в.», автор перечисляет и анализирует основные сочинения, составляющие жанр биографий и справочной литературы.

Заслуживает внимания статья Д.Х. Гаджиевой «Грамматические сочинения Муртадаали ал-Уради», где приводится перечень

грамматических произведений известного дагестанского учёного XIX века, секретаря Шамиля – Муртадаали ал-Уради, а также даётся описание всех списков его сочинений, хранящихся в Рукописном Фонде ИИАЭ.

Жизни и творческой деятельности «крупного представителя философской и художественной мысли Дагестана кон.XVIII – нач. XIX вв.» – Cабда ал-Аракани посвящена статья С.М. Забитова «Круг чтения» Сайда из Аракани»[39].

Третьим в этой серии вышел сборник статей «Рукописная и печатная книга в Дагестане»[40].

В статьях А.Р. Шихсаидова «Книжные коллекции Дагестана»[41] и А. Каяева «О библиотеках в Дагестане»[42] уделено значительное внимание процессу формирования частных библиотек, их систематизации и изучению.

Интересующие нас вопросы нашли отражение в статье А.К. Аликберова «О некоторых особенностях зарождения и становления книжной культуры Дагестана»[43].

Отдельные аспекты жизни и творчества выдающегося учёного Мухаммада ал-Багдади затронуты в статье С.М. Забитова «Об арабоязычном творчестве поэта Али Мухаммада Багдади»[44].

Примерам воззрений дагестанских учёных-законоведов Дауда ал-Усиши, Мухаммада ал-Кудуки и Муртадаали ал-’Уради в области мусульманского права посвящена статья Х.А. Омарова «О полемических статьях по мусульманскому праву»[45].

Непосредственный интерес представляет работа Г.К. Гусейнова «Магомед Убри»[46], где автор приводит биографические данные ученика Мухаммада ал-Кудуки – известного дагестанского учёного XVIII в., Мухаммада ал-Убри, его родословную, сведения о современниках и потомках учёного, а также описание его богатейшей библиотеки.

Ценные биографические сведения о Мухаммаде ал-Кудуки, Сайде

ал-Аракани, Шабане ал-Убуди содержит работа М.Г. Нурмагомедова «Дагестанская литература на арабском языке»[47].

По объёму фактического материала и количеству упоминаемых авторов выгодно отличаются статьи Н.А. Тагировой «Арабская грамматическая литература в коллекции Фонда восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН»[48], а также «Из истории арабоязычной рукописной традиции в Дагестане. Мусульманское право»[49], где автором даётся качественная и количественная характеристика арабоязычной литературы XII – XIX вв. в коллекции Рукописного Фонда ИИАЭ.

Значительным вкладом в изучении памятников книжной культуры является коллективная монография А.Р. Шихсаидова, Н.А. Тагировой и Д.Х. Гаджиевой «Арабская рукописная книга в Дагестане»[50], основанная на большом конкретно-историческом материале. В ней, главным образом, освещается процесс проникновения рукописных текстов восточных авторов в Дагестан, а также возникновения на их основе местной, оригинальной литературы. Вместе с тем, в работе уделено значительное внимание как местным авторам X – XX в., так и переписчикам – дагестанцам. Хотелось бы отметить особую ценность отдельных глав монографии, поскольку тема, в которой в той или иной степени затрагивались бы дагестанские переписчики, ранее не поднималась вообще.

Учитывая некоторую бессистемность источников и отсутствие фактического материала, позволяющего объективно и в полной мере осветить творчество выдающихся дагестанских учёных, опираясь на изданные и вновь вводимые в научный оборот материалы, а также используя накопленный опыт предыдущих исследователей данной проблемы, наша задача состоит в том, чтобы, проанализировав весь имеющийся материал, в дальнейшей работе дать объективную оценку процесса становления и развития дагестанской арабоязычной литературы.

Примечания:

[1] Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997.
[2] Шихсаидов А.Р. «Воспоминания Абдурахмана из Газикумуха». Вступительная статья. // Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. С. 15.
[3] Алкадари. Асари Дагестан, Махачкала, 1994. С. 151.
[4] Бартольд В.В. Избр. Соч. М., 1965. Т.3. С.418.
[5] Шихсаидов А.Р. Письменные памятники Дагестана XIX в. (жанр биографий). // Письменные памятники Дагестана XVIII – XIX вв. Махачкала, 1989. С.10.
[6] Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. С.205.
[7] Об учёных арабистах Дагестана. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.16 Оп.1. №2660.
[8] Шихсаидов А.Р. Письменные памятники Дагестана (жанр биографий). // Письменные памятники Дагестана XVIII-XIX вв. Махачкала, 1989. С.8.
[9] Назир ад-Дургили. «Нузхат ал-Азхан фи тараджим уламаи Дагистан». РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. ФМС. №95.
[10] Каяев А. Биографии дагестанских учёных-арабистов (на тюркском яз.). РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.25. Оп.1. Д.1.
[11] Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. // Избранные сочинения. Т.6. М., 1960. С.609-622.
[12] Там же. С.622.
[13] Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т.1. С.569.
[14] Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение. // Труды второй сессии ассоциации арабистов. М., Л., 1941.
[15] Саидов М. Дагестанская литература XVIII-XIX на арабском языке. // Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.
[16] Шихсаидов А.Р. Гамзатов Г.Г. Магомед-Сайд продолжается. // Вестник ДНЦ № 6. Махачкала, 2002. С. 147.
[17] Гайдарбеков М. Антология дагестанской поэзии на арабском языке. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.129; Ф.3. Оп.1. Д.162; Ф.3. Оп.1. Д.179; Ф.3. Оп.1. Д.180; Ф.3. Оп.1.Д.181.
[18] Гайдарбеков М. Хронология истории Дагестана. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.236. Т.1-14.
[19] Гамзатов Г.Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане: истоки, традиции и своеобразие художественной системы. Махачкала, 1978.
[20] Гамзатов Г.Г. Художественное наследие и современность: проблемы преемственности и взаимодействия дагестанских литератур. Махачкала, 1982.
[21] Гамзатов Г.Г. Дагестан: Историко-литературный процесс (Вопросы истории, теории и методологии). Махачкала. 1990.
[22] Гамзатов Г.Г. Литература народов Дагестана дооктябрьского периода (типология и своеобразие художественного опыта). М, 1982.
[23] Гамзатов Г.Г. Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. М., 1996.
[24] Гамзатов Г.Г. Дагестанский феномен возрождения. Махачкала, 2000.
[25] Гамзатов Г.Г. Литература народов Дагестана дооктябрьского периода (типология и своеобразие художественного опыта). М, 1982.
[26] Там же. С. 135.

[27] Кассиев Э. Ю. Очерки лакской дореволюционной литературы. Махачкала, 1959.
[28] Магомедов Б. М.Очерки аварской дореволюционной литературы. Махачкала. 1961.
[29] Мусаханова Г.Б. Очерки кумыкской дореволюционной литературы. Махачкала, 1959.
[30] Абакарова Ф.О. Очерки даргинской дореволюционной литературы. Махачкала, 1963.
[31] Вагабова Ф. И. Формирование лезгинской национальной литературы. Махачкала, 1970. С. 13.
[32] Гудава М.Т. Традиции изучения арабского языка в Дагестане: Автореф. дис. канд. филол. наук. Тбилиси, 1980.
[33] Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Сб. статей. Махачкала, 1988.
[34] Шихсаидов А.Р. Археографическая работа в Дагестане. // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Махачкала, 1988. С.5-21.
[35] Гаджиева Д.Х. К описанию филологических сочинений, хранящихся в Рукописном Фонде ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Махачкала, 1988. С.67-74.
[36] Тагирова Н.А. Из истории арабоязычной рукописной традиции в Дагестане в Х1Хв. // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Махачкала, 1988. С.75-87.
[37] Письменные памятники Дагестана XVШ-XIX вв. Сб. статей. Махачкала, 1989.
[38] Гаджиева Д.Х. Грамматические сочинения Муртадаали ал-Уради. // Письменные памятники Дагестана XVIII-XIX вв. Махачкала, 1989. С.52-56.
[39] Забитов С.М. «Круг чтения» Саида из Аракани. // Письменные памятники Дагестана XVIII-XIX вв. Махачкала, 1989. С.52-56.
[40] Рукописная и печатная книга в Дагестане. Сб. статей. Махачкала, 1991.
[41] Шихсаидов А.Р. Книжные коллекции Дагестана. // Рукописная и печатная книга в Дагестане. Сб. статей. Махачкала, 1991. С.5-22.
[42] Каяев А. О библиотеках в Дагестане. // Рукописная и печатная книга в Дагестане. Сб. статей. Махачкала. 1991. С.48-51.
[43] Аликберов А.К. О некоторых особенностях зарождения и становления книжной культуры Дагестана. // Рукописная и печатная книга в Дагестане. Сб. статей. Махачкала, 1991. С.52-64.
[44] Забитов С.М. Об арабоязычном творчестве поэта Али Мухаммада Багдади. // Рукописная и печатная книга в Дагестане. Сб. статей. Махачкала, 1991. С. 105-108.
[45] Омаров Х.А. О полемических статьях по мусульманскому праву. // Рукописная и печатная книга в Дагестане. Сб. статей. Махачкала, 1991. С. 65-70.
[46] Гусейнов Г.К. Магомед-Убри. Махачкала, 1992.
[47] Нурмагомедов М.Г. Дагестанская литература на арабском языке. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.553.
[48] Тагирова Н.А. Арабская грамматическая литература в коллекции Фонда восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН. // Вестник ДНЦ. №7. Махачкала, 2000. С.90-99.
[49] Тагирова Н.А. Из истории арабоязычной рукописной традиции в Дагестане. Мусульманское право (на материалах фонда восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН). // Вестник ДНЦ. №9. Махачкала, 2001. С.111-120.
[50] Шихсаидов А.Р. Тагирова Н.А. Гаджиева Д.Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала, 2001.

С.П. Маркова

Некоторые спорные вопросы проблемы средневекового западноевропейского города

Город – структура, свойственная всем общественным системам кроме первобытности. Изучением города как явления занимается специальное направление – урбанистика (от лат. urbs, is – город), существующее в целом ряде отраслей науки: истории, географии, экономике, социологии. Историки-урбанисты обращались и обращаются к изучению городской истории, создав в результате огромный пласт научной литературы.[1] Феномен города по-прежнему остается предметом живого интереса и бурных дискуссий. Одна из них связана с определением понятия «город». Существует несколько дефиниций города. Юридически городом считается поселение, получившее от властных вышестоящих структур городской статус, оформленный специальными правовыми документами.

В исторической и географической науках распространено описательное определение города, как поселения людей с особой топографией, с плотным, этнически, социально и профессионально пестрым населением, в котором сосредоточены хозяйственные функции неаграрного типа. Подчеркивается свойство города быть центром политической, религиозной, культурной жизни. В отечественной исторической науке советского времени существовало лаконичное, гранитное определение города как центра промышленности и торговли. Все определения по-своему верны, но их адекватность реальности может состояться тогда, когда исследователи разведут понимание понятия «город» по общественным системам, то есть будут говорить отдельно о городе античном, средневековом, городе нового времени. Это так же, как

если бы мы ждали, например, правильного определения понятия «поместье», не обозначив, о каком из них идет речь – римской латифундии, европейском феоде, российской вотчине или капиталистической ферме.

В античном мире город занимал исключительное место. И греческий полис, и римский муниципий были истоками античного государства. Каждое государство в древности начиналось с города и прилегающей к нему широкой сельской округи. Основу городского и государственного гражданства составляло владение полисной землей. Город не был отделен от сельской округи. Они растворялись друг в друге. Античное общество сложилось вокруг городов, которые господствовали над сельскими образованиями как своим придатком.

Иная картина складывалась в средневековье. Кризис, затем упадок Римской империи, совпавшие с этим процессом варварские вторжения разрушили многое в античной системе. Самый сокрушительный удар был нанесен по городам, абсолютное большинство которых перестало существовать. В лучшем случае от наиболее значительных из них сохранились названия, привязанные к сократившемуся во много раз городскому пространству. Еще важнее в этом процессе варваризации, запустении городов стало изменение сущности городов – полисов. Они аграризировались, превращались в резиденции королей, епископов, укрепленные военные бурги. Площадь и население античных городов резко сократились. Они потеряли свои хозяйственные качества, перестав быть центрами ремесла и торговли. Средним векам нужно было создавать свой город на новой феодальной основе. Отсюда качественные характеристики средневекового города не могут абсолютно совпадать с античными.

Второй дискуссионной проблемой урбанистики является вопрос происхождения средневекового города. С конца XVIII до второй половины

XX вв. возникло несколько теорий генезиса европейского средневекового города: романистическая, вотчинная, марковая, рыночная, купеческая. Все они, так или иначе, исходили из решения вопроса о том, из какого ядра возникали городские поселения: из римского города (романистическая), из поместья (вотчинная), общины – марки (марковая), купеческого поселения, ярмарки, рынка (купеческая, рыночная). На фоне множественности теорий происхождения средневекового города шел постоянный спор о континуитете (преемственности) или дисконтинуитете феодального города по отношению к античному. В советской медиевистике все западные теории жестко отвергались и также жестко формулировалась одна марксистская точка зрения: средневековый город возник на определенном этапе развития феодальной системы в результате эволюции производительных сил общества, которая привела ко второму общественному разделению труда – отделению ремесла от сельского хозяйства. Выделение ремесленников из среды крестьянского населения, уход их из деревни и оседание в новых местах, удобных для занятия ремеслом, способствовали возникновению города.

Таким образом, средневековый город появился, прежде всего, как центр ремесла и связанной с ним торговли. Поселялись бежавшие из деревни, уходившие от феодальной крепостной зависимости, от серважа крестьяне на местах бывших римских городов, местах рынков и ярмарок раннесредневековой эпохи, на пересечении дорог, у крепостей (бургов), у монастырей. Беглые крестьяне приносили в свои новые поселения хорошо известную им систему поместного (вотчинного) и общинного (маркового) управления. При определении того, в каких местах возникали города, какая система управления легла в основу городского строя, западные теории оказывались верными. Они отвечали именно на эти вопросы.

В конце XX века отечественные медиевисты, не отказываясь полностью от господствовавшего в течение этого века понимания сути

средневекового города и его генезиса, вносят определенные коррективы в прежние представления. Их можно объединить в несколько блоков.

1. Средневековый город является органической частью феодальной системы, с появлением которого европейский феодализм вступает в новую фазу своего развития: возникают товарно-денежные отношения, товарное производство, разрушаются натурально-хозяйственные свойства феодальной системы. Возникновение города не означало появления каких-то иных нефеодальных форм собственности, нефеодальных политико-правовых и социальных структур. Средневековый город был атрибутом феодальной среды.

2. В отличие от античного полиса город средних веков, возникнув, сразу стал отделяться от сельской округи, отгораживаться даже внешне от нее рядами прочных каменных стен. Он формировался как центр ремесла и товарного обмена, как административно-политический центр, центр культуры, религиозной жизни, как особая корпорация со своим самоуправлением, судом, правом, привилегиями, ремесленно-торговыми гильдиями.

3. Большинство историков-урбанистов отказались от прежнего категорического отрицания городских образований в раннее средневековье. Дело в том, что в вопросах о времени и причинах возникновения средневекового города в советский период господствовало железное клише: город возник на основе уже сложившегося феодализма, то есть не ранее X – XI вв. В раннее средневековье существовала лишь одна система хозяйства – натуральная, сельская, деревенская. Товарно-денежных отношений, городов как центров товарного производства не было.

Нынешняя позиция по этому поводу иная. Действительно в раннее средневековье как оформившийся институт город не существовал. Точно также в это время не сложились, а только складывались другие

образования феодализма: вотчина, феодальная собственность, феодальные классы и т.д. Феномен города, тем не менее, был известен первому этапу средневековья. Город участвовал в общем процессе формирования нового общества, средневековой цивилизации в целом. Это было свойственно не только территориям Европы, на которых ранее располагалась Римская империя, но и ее «варварским» областям.

Известно, что средневековью предшествовали в Европе две разные общественные системы: античная, достигшая блестящих вершин, и варварская. В последней системе координат жила большая часть Европы: германские народы, славяне, балты, финно-угры, скандинавы и другие. Захватив Римскую империю, варвары не только завершили ее разрушение, вызванное внутренними причинами, не только ее аграризировали, но и «окультурились» сами. Они обладали своей мощной культурой, которая сыграла первостепенную роль в возникновении средневековой цивилизации. Но городской жизни варвары не знали. В качестве античного наследия им достались города. Но какие? Место многих античных городов заняли аграрные поселения, о прошлом которых напоминало лишь имя и сохранившиеся римские постройки (бани, фонтаны, дома, акведуки). Наиболее стойкими оказались города на побережье морей и больших рек благодаря торговле с Востоком. Города, не испытавшие по каким-то причинам разрушительного воздействия варварских нашествий, превратились в небольшие административные и военные центры с незначительным ремесленным населением и полуаграрной торговлей.

На территории Европы, где не было античных традиций, существовали очаги урбанизации в виде коллективных убежищ (городищ), крепостей, мелких ремесленно-торговых поселений. Среди них главенствовали центры племенных союзов. Здесь была резиденция вождя, его дружины, святилище, дома родовой знати, созывалось народное собрание племени, проводились ярмарки. Эти центры были укреплены,

являлись убежищами, военными опорными пунктами. То есть эти городские эмбриональные образования имели некоторые городские функции, преимущественно политические. Другой разновидностью раннего города были торговые центры межрегиональной и дальней транзитной торговли. Они возникали в пунктах пересечения торговых путей. Но все эти поселения городского типа были редкими и не имели заметного экономического значения. Почти вся хозяйственная жизнь в раннее средневековье протекала в деревне. Так называемые поселения городского типа являлись опорными пунктами развивающейся государственности и церковных учреждений.

Активные урбанистические процессы средневековья происходят с началом глубокой специализации ремесла в рамках деревни и его отделения от аграрной деятельности, с ростом производительности, эффективности сельского хозяйства, которое оказывается способным прокормить выделившихся ремесленников, всех тех, кто не был связан с непосредственной работой на земле. Ремесленная деятельность требовала все большей внутренней специализации, становясь несовместимой с крестьянским трудом, отдалялась от него. В IX-XII вв. идет процесс отделения ремесла от сельского хозяйства в широких масштабах почти на всей территории Западной Европы и как его следствие – создание городской системы. Возникающие города сохраняли верность месторасположению, выбранному античными и «варварскими» предшественниками. Средневековый город вбирал в себя наследие одного и другого типа. Например, в Англии первыми городскими поселениями стали древние кельтские ярмарочные и культовые места. Их использовали затем римские легионеры для устройства своих лагерей. Впоследствии они стали политическими и иными центрами англосаксонских королевств, опорными пунктами норманнов. Так, город Винчестер прошел такую эволюцию: кельтская Вента племени белгов, римская Вента Белгарии,

англосаксонский Винчестер. Возникновение новых городов продолжалось на протяжении всего средневековья. Но движение IX-XII вв. было самым мощным и решающим в создании городской системы Западной Европы.

Выводы в связи со всем вышесказанным могут быть представлены следующим образом.

1. Определение города как явления в исторической жизни будет верным только тогда, когда оно дается привязанным к соответствующей общественной системе, формации, цивилизации.

2. Дефиниция «город» может быть краткой, называющей главные, но не все функции городской системы. Например, определение средневекового города вполне приемлемо такое: средневековый город – это центр ремесла и связанной с нею торговли. Дефиниция может быть полной, развернутой, комплексной, как теперь все чаще принято определять исторические системы: средневековый город – это поселение, жители которого заняты по преимуществу ремесленной и связанной с нею торговой деятельностью; это центр простого товарного производства феодальной эпохи. Город являлся политическим, культурным, религиозным центром большой или малой прилегающей к нему округи. Он обладал правами самоуправляющей структуры.

3. Возникновение средневекового города, его происхождение – процесс длительный, многовековой, в ходе которого могут быть выделены несколько этапов. Первый. Назовем его эмбриональным, на котором сосуществуют остатки античного города и «варварские» городища – убежища. Они же возможные центры определенной ремесленной деятельности и спорадической торговли. Второй этап. Дадим ему название протогородского. В рамках этапа (хронологически это IX-XI вв.) эмбриональный городской тип раннесредневековой эпохи превращается в полновесный город, отвечающий характеристике, предложенной нами выше. Содержательно и по форме в IX-XI вв. идет формирование

городских структур, свойственных феодализму. Третий этап заключительный и кульминационный – массовая урбанизация Западной Европы (XI-XIII вв.), завершение складывания городской системы. Конечно, новые города возникали на протяжении всего средневековья. Но это было эпизодическое явление. Общим свойством развития города в классическое средневековье являлся его территориальный и демографический рост, расширение производства, совершенствование городской организации.

Примечания:

[1] Предложенный вариант настоящей статьи – плод многолетних авторских научных занятий историей средневекового города. Из работ известных медиевистов по проблемам городской истории позволю назвать лишь некоторые, по мнению автора наиболее интересные в данном случае: Проблемы методологии истории средних веков: Европейский город в системе феодализма / Отв. ред. А.Л. Ястребицкая. М., 1979. Ч. 1-2; Сванидзе А.А. Генезис феодальных городов в раннесредневековой Европе: проблемы и типология // Городская жизнь в средневековой Европы / Отв. ред. Е.В. Гутнова. М., 1987; Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города X-XV вв. М., 1960; Левицкий А.Я. Города и городское ремесло в Англии в X-XII вв. М.-Л. 1960; Левицкий А.Я. Город и феодализм в Англии. М., 1987; Ястребицкая А.Л. Европейский город: Средние века – раннее Новое время. Введение в современную урбанистику. М., 1993; Город как социокультурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э.В. Сайко. М., 1995; Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Н. Денисова

Учительство и учащаяся молодежь города Майкопа в годы Великой Отечественной войны

Данная статья посвящена не теоретическим исследованиям феномена Великой Отечественной войны, а освещению пока еще активно не введенных в научный оборот фактов и событий военной истории города Майкопа.

Общепризнанно, что война не обошла стороной ни одну семью нашей страны, она коснулась всех социальных слоев советского общества. Это и не могло быть иначе уже в силу характера развернувшейся войны, которая стала и не могла не стать отечественной. На защиту Отечества встали практически все, не взирая на возраст, национальную и социальную принадлежность и, в том числе на отношение к существующей власти. Последнее стоит особо подчеркнуть, так как у многих граждан было разное и не всегда положительное отношение к советской власти, ее политике. Но в трудные военные годы не эти отношения определяли поступки людей, их определяли высокие (пусть и не всегда каждым до конца осознаваемые) чувства человеческого и национального достоинства, чувства патриотизма. О чем свидетельствует деятельность учительства и учащейся молодежи города в предвоенные, военные и послевоенные годы. Данная проблема в той или иной степени являлась предметом исследований историков войны. Однако она далека от своего исчерпания, хотя бы в силу того, что каждый историк обнаруживает не только новые источники, но и новые аспекты в уже известных.

Цель данной статьи – осветить факты и события, не столь широко

известные но, являющимися не менее значимыми для дела общей победы. Необходимо стремиться к тому, чтобы увековечить (в разной форме) память о тех далеких и без сомнения героических (и в своей обыденности, в том числе) людях и событиях. И только тогда, перефразируя известный тезис, для каждого из нас закончится Великая Отечественная война, и не только ушедшие от нас, но и живущие ныне обретут долгожданный покой.

Довоенный, военный и послевоенный периоды истории народного образования города и в целом Адыгеи представляют настолько яркий пример целеустремленной и, главное, результативной деятельности педагогических коллективов учебных заведений по гражданскому и патриотическому воспитанию молодежи, что было бы недальновидным оставлять его только истории и не использовать в нынешних современных реалиях, когда, с подачи наших западных «учителей демократии», само понятие патриотизм приобретает негативный оттенок.

Советский Союз, ощущая угрозу со стороны Германии, достаточно интенсивно готовился к предстоящей войне. Подготовка эта имела своими составляющими экономическую, военную, идеологическую. Идеологическая составляющая включала в себя, прежде всего патриотическую подготовку всего населения страны и, в том числе молодежи.

Основная роль в деле коммунистического воспитания учащихся отводилась коммунистам – учителям и родителям, которым *«вменялись персональная партийная ответственность за воспитательную работу»*[1]. В предвоенные годы активно практиковалось проведение общегородских родительских собраний и конференций. Значительна в этот период была роль комсомольских и пионерских организаций, действовавших в каждой школе. Городской пионерский штаб возглавлял гвардии капитан Попов[2]. Для усиления партийного влияния среди учащейся молодежи лучшие старшеклассники принимались кандидатами в члены ВКП (б)[3].

Основными направлениями воспитания были интернациональное и военно-патриотическое. В городе в предвоенные годы широко отмечался Международный юношеский День (в сентябре), в школах действовали кружки МОПРа, функционировала сеть военно-спортивных кружков и секций, готовивших школьников к службе в армии и предстоящим военным действиям.

Большое внимание уделялось направлению молодежи на учебу в военные учебные заведения. Как известно, быть военным в ту пору было весьма престижным в среде молодежи. *«Никаких препятствий не должно быть учащимся при поступлении в военные училища»*, – требовал и добивался выполнения этого требования Майкопский ГК ВКП (б)[4]. Более 805 учащихся 5-10 классов в 1938/39 учебном году сдали нормы на оборонные значки: ВС, ЮВС, БГТО, ГТО[5].

В предвоенные годы количество физкультурных и спортивных обществ в городе увеличилось вдвое. Партийные и советские органы города требовали от отдела народного образования *«обеспечить немедленный разворот военно-оборонной работы в школах. К 1 августа 1941 г. окончить все необходимые оборонные мероприятия по каждой школе. Добиться полного охвата старшеклассников подготовкой по противовоздушной, химической и санитарной обороне»*[6].

Старшеклассники занимались в группе по подготовке истребителей танков, в подразделениях всеобуча, народного ополчения, осоавиахима, санитарных дружин; участвовали в профсоюзно-комсомольском кроссе истребительного батальона.

В фонд обороны страны учащимися школ было собрано 10 тыс. руб. наличными и свыше 200 тыс. – облигациями государственных займов, а также сдано 82 т металлолома. Город, как и вся страна, готовился к войне, поэтому не выдерживают никакой критики домыслы некоторых публицистов об обратном.

Майкоп с августа 1942 и по февраль 1943 г. находился под оккупацией. Учебные заведения в этот период не функционировали. Оккупационные власти пытались возобновить их деятельность. По воспоминаниям старожилов, была предпринята попытка открыть гимназию, но ученики в нее не пошли, и ее работа была свернута. Действовали в городе курсы стенографии машинописи и др. На них обучалась часть молодежи, дабы уклониться от работ на аэродроме. Руководил курсами некто Рамазан.

В первые же дни войны на фронт, а позже в партизанские отряды ушли многие педагоги. В их числе И.И. Лут, директор нсш. № 11, награжденный орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалью «За оборону Кавказа»; С.С. Коншин, военрук сш. № 18, награжденный Орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1 степени, Боевого Красного Знамени; Г.П. Шашлов, директор сш. № 16, награжденный орденами Красного Знамени и Красной Звезды; А.А. Соколов, военрук сш. № 20, награжденный орденами Боевого Красного Знамени и Красной Звезды; Ш.М. Тамбиев, военрук нсш. № 10, награжденный орденом Славы III степени; И.А. Панычев, военрук нсш. № 13, награжденный орденом Красной Звезды; Г.Р. Женетль, защитник Ленинграда, награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За оборону Ленинграда»; политруком роты, затем комиссаром батальона и инструктором политотдела дивизии с 1941 по 1946 год служил в рядах красной Армии И.Д. Ивченко, завуч школы сш. № 16 и мн. др.

В Майкопском партизанском отряде сражались: А.В. Лаптев, директор учительского института, Г.Д. Фадеев, преподаватель истории, А.И. Щеглова, директор нсш. № 10, С.Н. Малых, М.С. Григорьева, преподаватели сш. № 17, Д.А. Андрианов, зав. гороно и мн. др.

Несмотря на недолгую оккупацию, город практически утратил школьную сеть, созданную в предвоенные годы. Вот только некоторые

документально подтвержденные примеры. Во всех учебных заведениях располагались различные административные, медицинские и хозяйственные службы немцев. В школах 10, 12, 8, 9, 14 и др. были размещены конюшни. Школьным зданиям был нанесен значительный ущерб. Помещение нсш. № 10 по улице Пирогова, 27, при отступлении было сожжено немцами. Часть восточного крыла школы № 20 (постройки 1938 г.) взорвана; здание школы № 22, недостроенное до войны, – разрушено. Все школы *«были лишены до 85 % световой площади; в школе № 14 из 45 оконных просветов 18 были наглухо заложены кирпичом»*[7]. Такими оставили школы «цивилизованные» завоеватели. Полностью были уничтожены или сожжены школьная мебель и учебно-наглядные пособия.

Сразу после прихода советских войск и восстановления советской власти силами руководителей школ, работников горисполкома, родительской общественности были составлены по каждой школе акты о причиненном ущербе, обследованы все учебные заведения. Так, директор сш. № 9 сообщал в городской штаб о том, что *«во дворе школы имеется большое количество зарытых в землю патронов»*[8]. По всем подобным фактам принимались незамедлительные меры.

Утрачена была материальная база школ, но не утрачена способность власти организовать в кратчайшие сроки ее восстановление и желание населения принять участие в восстановительных работах. Знакомство с архивными документами убедительно подтверждает это.

В первые же дни после освобождения города начался сбор мебели и оборудования, сохраненных населением города. Так, за одну неделю родители и учащиеся начальной школы № 3 собрали *«столов письменных и обыкновенных 7, парт 96, стульев 7»* и т. д.[9] Благодаря усилиям учителей, родителей и учащихся уже в феврале приступили к занятиям четыре начальных, одна средняя и одна неполная средняя школы. Начало учебного года городскими властями было определено с 15 февраля 1943

года, завершение -15 августа 1943 года с недельными каникулами с 17 по 22 мая, проведение испытаний – с 16 по 31 августа 1943 года. Эти жесткие сроки были выдержаны. 20 февраля приступили к занятиям все школы города. Одновременно решались и другие важные организационные вопросы: направление в школы пионервожатых (до 20 февраля); оформление школьных комсомольских организаций (до 25 февраля); выборы учкомов (до 25 февраля)[10].

Несмотря на принимаемые городом меры, положение в сфере школьного образования оставалось весьма сложным. Инвентарем учебные заведения были обеспечены от 10 до 85 %, ученики сидели за партами по четыре человека, школы работали в три смены, 10 зданий школ занимали различные учреждения, в том числе госпитали, отсутствовало электричество, не хватало школьной мебели, катастрофически недоставало учебников, школьно-письменных принадлежностей, особенно тетрадей. Учителя нередко сами изготавливали учебники. В национальном архиве отложился любопытный документ, который красноречивей всех слов говорит о незаметном подвиге учителей. Учительница начальной школы № 3 Анфия Яковлевна Халимонова, *«получив в 1943 году класс, не имея ни букварей, ни наглядных пособий, дала слово обучить ребят не взирая ни на что. Целыми часами просиживала она, приготовляя странички букваря для каждого учащегося, наглядные пособия по обучению чтению и счету*»[11]. Данный пример был далеко не единичный.

Все восстановительные работы городу приходилось решать в расчете в основном на собственные силы. Вопросы народного образования не сходили с повесток дня заседаний бюро горкома ВКП (б) и горисполкома. Власти, опираясь на опыт предшествующих лет, искали и находили оптимальные решения. Одновременно горожане проявляли собственную инициативу, которая находила поддержку у городских властей. В решении задач народного образования город пошел по

испытанному пути – привлечение к делам школ внимания всех городских предприятий и организаций. До каждого из них были доведены конкретные задания по ремонту школ и укреплению их материальной базы. Предприятия изготавливали детскую обувь и одежду, школьную мебель, выделяли стройматериалы, электрифицировали школы. Была налажена работа межшкольных мастерских по ремонту школьной мебели и сапожно-швейная. Решались вопросы создания продовольственной базы школ, с этой целью им выделялись пришкольные участки. Проблема снабжения школ учебниками решалась их закупкой *«путем подворного обхода с участием учителей, комсомольцев и пионеров»*[12]. Инициатором в этом деле выступил педколлектив начальной школы № 3.

С целью привлечения широкой общественности к восстановлению школ, по инициативе горкома комсомола, в 1944 году в городе впервые был проведен «День школьника» в рамках которого рабочие отрабатывали сверхурочные часы на предприятиях, а заработанные средства перечислялись в «фонд помощи детям». На предприятиях и учреждениях создавались «комнаты-копилки» по сбору денежных средств, обуви, одежды, продуктов питания, детской мебели, школьных принадлежностей, игрушек. Во всех школах функционировали фонды всеобуча, за их счет детям-сиротам и нуждающимся выделяли продукты питания (300 г хлеба, овощи, кукурузу), одежду, обувь, учебники. Детям фронтовиков вручались подарки.

Принимались меры, соответствующие периоду, по улучшению материального положения учительства, часть из которых, не имея жилья, вынуждена была жить в школах (учительских и подсобных помещениях). Для учителей функционировал магазин № 14, через который они получали хлеб (по 500 г в день) и продпайки по карточкам.

В 1945 году, например, учителя города получили:

«- шерсти на 10 тыс. рублей;

- обуви резиновой на 500 руб.;

- чулок носков на 1000 руб.;

- швейных изделий на 28 270 руб.;

- ниток на 100 руб.;

- обуви валяной на 1000 руб.;

- обуви кожаной на 3000 руб.»[13].

С военных лет берет свое начало организованное шефство предприятий и учреждений города над школами. Эта инициатива была предложена парторгом ЦК ВКП (б) на строительстве Майкопской ГЭС Меркурьевым.

К концу 40-х гг. образовательная система города была восстановлена. В эти сложные годы народное образование города, а затем области возглавлял Дмитрий Алексеевич Андрианов. Еще до оккупации он был назначен заведующим гороно, во время войны командовал отделением первого Майкопского партизанского отряда. После освобождения города снова приступил к работе в гороно, затем был назначен первым замом председателя горисполкома. Это был человек удивительной судьбы. Закончив в 1919 г. Ставропольскую учительскую семинарию, он навсегда связал свою жизнь со школой, пройдя путь от зав. двухклассным училищем до зав. областным отделом народного образования. Когда в 1943/44 уч. г. возникла угроза срыва восстановительных работ в школах города, Дмитрий Алексеевич перешел с должности первого зама председателя горисполкома в отдел народного образования, взяв на себя всю ответственность за работу школ. Именно его усилиями на помощь школам была поднята вся городская общественность. Заведующий гороно доходил до всех мелочей. *«Под руководством тов. Андрианова,* – отмечалось в его партийной характеристике,- *школы города Майкопа быстро возобновили свою работу... 1944,45 уч. г. школы города закончили с удовлетворительными результатами. В 1945 г. 104 чел. сдавали экзамены на ат-*

тестат зрелости, сдали все 104, в том числе с присуждением золотой медали 7 человек, серебряной 12 чел». В той же характеристике отмечалось, что Д.А Андрианов был *«инициативным, политически грамотным и идеально выдержанным товарищем»* [14]. Заслуги Дмитрия Алексеевича Андрианова на ниве просвещения в столь непростой период были высоко оценены правительством страны. 24 декабря 1944 г он был награжден *«за успешное восстановление школ орденом Трудового Красного Знамени»*. [15] Дмитрий Алексеевич Андрианов был одной из самых ярких личностей в школьном образовании города советского периода.

В городе очень остро стоял вопрос освобождения школьных зданий, занятых «не по назначению». Активно в этом направлении действовал М. Куранов, ставший к тому времени зав. гороно. 26 апреля 1947 г. в письме министру просвещения РСФСР он писал: *«В 1946/47 уч. г. в школах города обучалось 9920 учащихся, около 300 обучались в 3-ю смену, под классы использовались все учительские, предметные кабинеты, подсобные помещения. В новом 1947/48 уч. г. подлежат обучению 11293 человека. При наличии 121 классной комнаты при 2-сменных занятиях школы могут охватить только 9680 чел., остальные 1613 должны будут обучаться в 3 смену»*. Министерство оказало посильную помощь.

Однако неразрешенными оставались вопросы освобождения школ военным ведомством, которое и после освобождения здания школы № 17 суворовским училищем, стремилось его оставить за собой, вселив туда филиал Армавирской школы летчиков, а также занимая здание бывшей армянской школы по ул. Первомайской, № 183, под лесозаготовительный участок. По этим вопросам М. Куранов дважды (в 1947 и в 1948 гг.) обращался к самому Сталину. *«..Прошу Вас, Иосиф Виссарионович,* – писал он, – *отменить распоряжение СНК СССР от 23 XI 1943 г. в отношении здания Майкопской средней школы № 17 и дать распоряжение о передаче этого здания гороно»*.[16] В результате принятых мер в 1948/49

уч. г. гороно были переданы ранее принадлежавшие школам здания по адресам: ул. Пролетарская, 182; ул. Первомайская, 183; ул. Пушкинская, 112. Несколько позже было освобождено здание школы № 21, занятое госпиталем.

Восстановление школьной сети в послевоенные годы стало возможным и благодаря усилиям директоров школ: А.И. Щегловой, С.С. Броницкого, А.А. Матохиной, А.А. Дейнекина, В.В. Бойко, А.М. Зиновьевой, С.Т. Сапиженко, И.П. Лута и др.

В послевоенные годы учителя не только занимались восстановлением школ. Они являлись ядром групп агитаторов и внештатных лекторов. При школах активно работали агитколлективы. Силами учителей, агитаторов по месту жительства населения, проводились беседы и политинформации *«о военно-политическом положении СССР, очередных хозяйственных и политических задачах трудящихся города»*. При гороно функционировало лекционное бюро.

В условиях военного и послевоенного времени возросли требования горкома партии к вопросам идейно-политического воспитания учительства. Особенно пристальное внимание обращалось на учителей, остававшихся на оккупированной территории. *«Всех, ранее работавших на немцев, – требовал горком, – заменить идеологически крепкими и квалифицированными кадрами»*[17]. За невыполнение этой установки был строго наказан директор учительского института А.В. Лаптев[18].

Полугодовая оккупация города нарушила сложившийся школьный порядок. Многие учащиеся оставляли школу по семейно-бытовым обстоятельствам. Пик оставивших школу пришелся на 1943/44 уч. г. В последующие годы, силами учителей, родителей в результате строгого учета детей школьного возраста, принятия мер по оказанию помощи нуждающимся, организации питания шел неуклонный рост количества учащихся в школах.

Городскими властями и школами принимались меры для улучшения воспитательной работы особенно в мужских школах. Туда направлялись лучшие учителя, комсомольцы и коммунисты, организовывалось дежурство учителей в местах массового сбора молодежи. Большое внимание уделялось организации общественно-полезного труда школьников. Вместе со взрослыми учащиеся участвовали в восстановлении народного хозяйства города, каждый должен был отработать 10 часов в месяц, в том числе на строительстве Майкопской ГЭС.

Не ослабевала военно-спортивная работа, которую возглавили военруки и военные преподаватели. В результате принятых мер, в 1947 году организованно прошла приписка допризывников 1929 года рождения. *«Явка была полной, политика моральное состояние высокое. Все допризывники горят желанием служить в Советской Армии»*, – отмечал военкомат[19].

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы. Советская власть, в том числе и в лице своих местных органов, в экстремальных предвоенных, военных и послевоенных условиях оказалась способной объединить усилия всего общества на отпор врагу, а затем – на восстановление народного хозяйства в кратчайшие сроки. Совершенно оправдал себя акцент на идейно и военно-патриотическое воспитание населения страны. Идеологически Советский Союз оказался неизмеримо сильнее своего врага. Страна победила в войне силой своего духа, в первую очередь; она оказалась единой как никогда. И это единство не было стихийным. Это был результат проводимой политики и целенаправленной деятельности учебных заведений, в том числе.

Примечания:

[1] Хранилище документации новейшей истории государственного учреждения Национального архива Республики Адыгея (далее ХДНИ ГУ НАР А). Ф. П. – 6. Оп.. 1. Д. 30. Лл. 27 – 28.

[2] ГУ НАРА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Лл. 13, 18.
[3] ХДНИ ГУ НАРА. Ф. П. – 6. Оп. 1. Д. 30. Л. 14.
[4] Там же. Д.21. Л 173.
[5] Там же. Д. 36. Л. 130.
[6] Там же. Д. 57. Лл. 45 – 46.
[7] ГУ НАРА. Ф. Р. – 511. Оп. 1. Д. 7. Лл. 18, 20.
[8] Там же. Д. 6. Л. 59 об.
[9] Там же. Ф. Р. – 511. Оп. 1. Д. 6. Л. 43.
[10] ХДНИ ГУ НАРА. Ф. П. – 6. Оп. 1. Д. 43. Лл. 23 – 24.
[11] ГУ НАРА. Ф. Р. – 511. Оп. 1. Д. 17. Л. 30.
[12] ХДНИ ГУ НАРА. Ф. П. – 6. Оп. 1, Д. 64. Л. 327.
[13] ГУ НАРА Ф. Р. – 511. Оп. 1. Д. 24. Л. 44.
[14] ГУ ХДНИ НАРА. Ф. 1. Оп. 9. Д. 65. Лл. 9 – 11.
[15] Там же. Л. 5.
[16] ГУ НАРА. Ф. Р.- 511. Оп. 1. Д. 58 а. Лл. 33 – 57 об.
[17] ХДНИ ГУ НАРА. Ф. П. – 6. Оп. 1. Д. 72. Л. 4 об.
[18] Там же. Л.4.
[19] ХДНИ ГУ НАРА. Ф. П. – 6. Оп. 1. Д. 254. Лл. 119, 119 об.

З.Х. Каракаев

Междоусобная борьба кабардинских феодалов и Русское государство в 30-е – нач. 40-х гг. XVII в.

Начиная с 80-х гг. XVI в. отношения Русского государства с Кабардой, в отличие от его связей с западно-адыгскими феодалами 50-60-х гг. данного века, явившимися, если не по форме, то по сути, военно-политическим союзом, носили характер реального вассалитета. Это определялось возможностью непосредственного силового воздействия России на кабардинские феодальные владения, существовавшей благодаря наличию на Кавказе русского владения – форпоста – Терского города, отделенного от основных центров государства слабо контролируемыми им степями, но имевшую с ними постоянную связь через Волжский путь и Каспийского море.

Характеризуя общие цели политики России в Северо-кавказском регионе, в XVI-XVII вв., следует отметить постоянно и твердо проводимый курс на включение феодальных владений в сферу своего влияния и последующего удержания в ней, «под рукой» царя. Признаками такого их состояния московское правительство и местная терская администрация считали принесение северокавказскими феодалами «шерти», т.е. присяги царю, выдачу в Терский город своих ближайших родственников в качестве почетных заложников-аманатов, а так же контроль над их внешними сношениями.

Важным обстоятельством, весьма облегчавшим русскому правительству его политику на Кавказе, была непрекращающаяся вражда местных феодальных владетелей. Она не только не позволяла им выступить сколько-нибудь единым фронтом против влияния сильных государств, будь то Россия или Крымское ханство, но и создавала для них удобный повод для

вмешательства в эти распри, поскольку одна из враждующих сторон, или сразу обе, непременно просили их о помощи или посредничестве.

Все же степень влияния России на того или иного князя сильно варьировалась от его военных возможностей. В первой половине XVII в. в наиболее зависимом положении оказались представители ослабевшего к тому времени рода потомков кн. Идара, к которому в XVI в. принадлежал знаменитый Темрюк. В периодически возобновлявшейся борьбе с другими кабардинскими княжескими родами, в том числе и с сильнейшим из них, родом потомков Пшеапшоки Кайтуковича, князья Идаровичи, все вместе и каждый по отдельности, нуждались в поддержке России. Платой за нее стала традиционная для них преданность российским интересам.

Наиболее значительные представители этого рода – Кельмамет Куденетович Черкасский и его троюродные племянники, сыновья кн. Сунчалея, к 30-м гг. жили со своими подданными в слободе Терского города и состояли на царском жаловании (кн. Сунчалей поступил на русскую службу еще в конце XVI в.). В самой Кабарде у них оставались лишь незначительные владения.

В этот период в Кабарде наиболее значительным являлось феодальное владение, возглавляемое двоюродными братьями Алегукой и Хотокжукой, наследниками Казыя Пшеапшоковича. В 30-е гг. они имели эпизодические связи с Крымским ханством и отдельными представителями крымской аристократией, в частности, царевичем Шагин-Гиреем, бежавшим из Крыма после свержения его брата Магмет-Гирея с крымского престола; Шагин-Гирей в 20-е гг. был известен как организатор многих враждебных России акций. В январе 1638 г., в связи с подготовкой похода крымско-османских войск на Азов, занятый в это время донскими казаками, Алегука и Хотокжука получили присланные от крымского хана подарки и «официальное приглашение» принять участие в этом походе.[1]

В отличие от феодалов ряда западно-адыгских этнических групп

кабардинские владетели не участвовали в военных акциях против России в период занятия Азова казаками. Тем не менее, имевшие место сношения крымского хана с наследниками Казыя Пшеапшоковича привели к обострению их конфликта с Москвой. Противоречия между ними и русскими властями в течение 30-х годов возрастали. Московское правительство и терская администрация правильно оценивали феодальный род Казыевичей как сильнейший в Кабарде и придавали отношениям с ними важное значение в своей кавказской политике. Подозрительность и натянутость в отношениях Москвы с Казыевичами возникла еще в начале 30-х гг., в связи с поддержкой ими Шагин-Гирея. В недопустимых, с точки зрения Москвы, связях с Шагин-Гиреем был замечен и князь Шолох Сунчалеевич Черкасский, приходившийся ему шурином (оба они были женаты на сестрах кн. Алегуки). Первые сведения о том, что князья Казыевичи и сыновья кн. Сунчалея Черкасского с Шагин-Гиреем «содново», поступили в посольский приказ в 1632г. от их недоброжелателей из числа служившей в Терском городе кабардинской знати.[2]

Главным соперником князей Казыевичей и Сунчалеевичей был служивший в Терском городе князь Кельмамет Куденетович Черкасский рода Идаровых. Изобличая своих троюродных племянников – сыновей Сунчалея – как «государевых изменников», умышляющих над «государевым Терским городом с Шин-Гиреем всякое лихо чинить», князь Кельмамет Куденетович добился от Москвы жалованной грамоты, согласно которой терским властям предписывалось Кельмамета и его брата Ильдара «от недругов оберегать и честь и береженье к ним держать больше иных мурз».

В 1635г. в Терский город была доставлена царская грамота, в которой были перечислены все «вины», в которых на основании жалоб Кельмамета обвинялся князь Шолох. Терским властям было приказано зачитать ее Шолоху, «а выговоря ему все его неправды, отдать ему государеву грамоту». Оправдания Шолоха должны были быть записаны «против всех статей

порознь» и отправлены в Москву[3].

Шолоху пришлось оправдываться от обвинений в причинении государевым людям «тесноты и обиды», а Терскому городу «всякого лиха», в заносчивых речах, «бутто никого не боится и в версту ему никого нет», и даже в похищениях и продаже русских людей. Терские должностные лица в споре Шолоха и Кельмамета заняли нейтральную позицию, не подтверждая и не отрицая их слова.

Вместе с тем, по приказу из Москвы терским воеводам предстояло основательно заняться «государевыми непослушниками» кн. Алегуко и Хотокжуко Казыевичами. Вины их состояли в том, что они «Шан-Гирея у себя держали и от себя провожали и с татары Малого Ногаю ссылку держали». Сами князья Казыевичи, по всей видимости, не подозревали о том значении, которое в Москве придавали их действиям; по сообщению посланных от них в терский город узденей, они намеревались «быть под царскою рукою по-прежнему». Как объяснили сами Алегуко и Хотокжуко посланникам из Терков, поступить с Шагин-Гиреем так, как этого хотело московское правительство, т.е. выдать русским властям, им не позволил общепринятый среди народов Кавказа обычай гостеприимства, обязывавший защищать гостя: «в их черкасской вере того не повелось, чтобы тех хто к кому приедет не пустить, или, поймав, отослать». Следует отметить, что прежде, чем прибыть к кн. Алегуке и Хотокжуке, крымский царевич воспользовался гостеприимством шамхала Тарковского Ильдара, Султан-Магомеда Эндерийского, тлакотлеша Анзорова и кн. Нартшао Езбозлуковича (из Идаровых). Все они принимали его, а затем провожали один к другому.[4]

Вряд ли ссылки на кавказские обычаи могли устроить московское правительство. Терским воеводам было велено потребовать от Казыевичей выдачи двух аманатов вместо одного прежнего (им был один из сыновей Алегуки), и личного «подкрепления» шерти; в этом случае воеводам предписывалось отнестись к ним «ласково и любезно», и жалованием их

«обнадежить». В противном же случае воеводы должны были послать на Казыеву Кабарду ратных людей и «потеснить их войною небольшою». Если же и после этого Казыевичи будут непослушны, воеводы должны были их «потеснить гораздо» [5].

Распри князя Кельмамета и его дяди Пшимафа с кабардинскими владетелями создавали для Терской администрации затруднения в отношениях с ними. В 1637 г. князья Шолоховой Кабарды во главе с Ильдаром Ибаковичем отказывались выдать в Терский город аманатов, поскольку в ходе междоусобной распри кн. Пшимафом были захвачены трое детей «лучших» узденей Шолоховых. В ответ прежний аманат Шолоховых кн. Суркай бежал из Терков в Кабарду под предлогом поездки в Москву на крещение, и вместе со своими братьями, как отмечалось в Московской грамоте в Терки, «учал на Кельмаметя приходить войной... Да они же... взяли у него насильством узденьских детей... А держат тех детей для того, что просят у него своих узденьских детей, которые ныне на Терке». Согласно царской грамоте, терские власти должны были отдать Шолоховым их заложников, забрав их у Кельмамета и Пшимафа. Взамен их и прежнего аманата Шолоховы выдали в аманаты «брата их меньшего» Анфоку[6].

Причины враждебных отношений с кабардинскими князьями Кельмамет и Ильдар Куденетовичи сами объясняли тем, что в свое время их отец Куденет и еще здравствующий дядя Пшимаф на Казыя и Шолоха «ходили ратьми», приводили к шерти и брали аманатов, из-за чего у них «учинилася с Шолохом и Казыем и их детьми и племянники вековая недружба великая».

Отношения князей Куденетовичей с Казыевичами особенно обострились после того, как в 1633 г. Олегуко и Ильдар Ибакович, «мстя старую недружбу», напали на владения Куденетовичей в Кабарде; один из кабаков вместе с «лучшим кабацким узденем», был насильно уведен Ильдаром Шолоховым. На данные события Кельмамет и его брат Ильдар

ссылались в 1638 г., прося московское правительство прислать к ним ратных людей для защиты или обеспечить охрану при переводе их кабаков на новое место, за Сунженский острог. По словам князей Куденетовичей, «...кабачишка наши близко их кабаков промеж их сидят неподалеку... и впредь от них на том месте прожить нельзя». Как отмечали Куденетовичи, сами они вынуждены жить в Терском городе, чтобы от своих врагов «побитыми не быть, а узденишко и черные люди от их насильства вконец погибают»[7].

Как оказалось впоследствии, опасения Кельмамета и Ильдара за судьбу своих владений не были напрасными: в следующем, 1639 г. враги вновь обрушились на их кабаки, которые они так и не успели переселить в более безопасное место. На этот раз на Куденетовичей вместе с кн. Алегукой и Хотокжукой пришли и князья Муцал и Будачей Сунчалеевичи (старший из потомков Сунчалея, Шолох, ранее погиб). Вражда двух родственных (происходивших от Идара) феодальных родов дошла до прямого столкновения, причем Сунчалеевичей не остановило даже то обстоятельство, что их соперники вместе с ними состояли на русском жаловании. При нападении были захвачены находившиеся в Кабарде две сестры и мать Кельмамета и Ильдара. Терская администрация не только не предотвратила участия в столкновении Сунчалеевичей, но и не решилась предпринять какие-либо меры против них впоследствии.

Казыевичи, несмотря на смертельную вражду с находившимися на русской службе Куденетовичами, которых терская администрация по приказу царя должна была чтить «свыше остальных мурз», намеревались поддерживать с русскими властями прежние отношения. В феврале 1640 г. в Терки приехал брат Алегуки, Мисост, и привез на смену аманату Казыевичей, одному из сыновей Алегуки, Стауслану, другого его сына, Тегизбея.

На сей раз терские власти решили занять решительную позицию: по

договоренности с Сунчалеем и другим противником Казыевых, кн. Нартшао Езбозлуковичем, брат Алегуки и оба его сына, как прежний аманат, так и его сменник, были заключены под стражу. Терский воевода Иван Хилков объявил им, что они задержаны в связи с захватом и удержанием в Кабарде Алегукой матери, сестер и нескольких кабаков Кельмамета. Однако вскоре за посланников Казыевых вступились Сунчалеевичи, жившие со своими людьми в терских слободах. Кн. Муцал и Будачей во главе отряда своих узденей вошли в город «в пансырях, с ружьем», т.е. в полном вооружении, и силой освободили задержанных из воеводского двора, вступив, таким образом, в открытый конфликт с русской администрацией. Терские власти и на этот раз не решились на прямое противодействие сыновьям Сунчалея. Освобожденные ими Казыевы еще около трех недель находились под их защитой в «заречной», или Черкасской слободе. В это время Мисост, считая главным виновником своего конфликта с русскими властями Келъмамета, посылал к нему «з большими грозами», угрожая захваченные кабаки его распродать и разорить, а мать и сестер «поневолить». К чести Кельмамета, даже оставшись без заложников, он сумел договориться со своими противниками: во всяком случае, в одной из своих челобитных в Москву заслугу достижения компромисса с Казыевыми он приписывает себе. Согласно этим сведениям, уже возвращавшийся было из Терков в Кабарду Мисост под влиянием посланий Кельмамета «с дороги воротился... государю за братьею свою шерть учинить», оставить-таки привезенного аманата, а захваченных ранее заложников и владения Кельмамета обещал ему вернуть «куда государь велит», а до тех пор держать в «бережении». Достигнув примирения, обе стороны договорились друг другу «обид не мстить». Со своей стороны Кельмамет, заинтересованный, по крайней мере, до возвращения ему заложников, в мирных отношениях русских властей с Казыевыми, в упомянутой челобитной просил царя позволить им «быть к своему государевому жалованию» в Терском городе[8].

Инцидент с переменой аманатов, хотя и был улажен при помощи Кельмамета, продемонстрировал Казыевым открытую враждебность Терских властей. Были нарушены неписаные нормы обращения с почетными заложниками, каковыми, по существу, являлись аманаты. Последовавшее после освобождения Сунчалеевичами из-под воеводского ареста добровольное возвращение аманата в Терский город можно объяснить только сохранявшейся у Казыевых верой в справедливое, с их точки зрения, разрешение конфликта самим царем.

В надежде на это Казыевы направили в Москву своего посланника с адресованной царю грамотой.

В 1640 г. посланник Бейзрук прибыл в Москву вместе с посланником Ураковой половиной Малой Ногайской орды Мамеделеем[9]. Следует отметить, что в 40-х гг. данная часть ногайцев, вернувшаяся из Крыма в Предкавказье в 1637 г., выступает союзником Казыевых. Пытаясь одновременно установить отношения с Русским государством, ногайцы Ураковой половины стремились таким образом избежать зависимости от Крыма[10]. Сама грамота Казыевых, привезенная Бейзруком в Москву, была со слов Алегуки написана в Ногайской орде. Это обстоятельство, а также отсутствие опыта обмена посланиями послужили причиной несоответствия грамоты стандартам просительных челобитных, которые в Москве привыкли получать от служивших в Терском городе князей, хорошо освоивших русский придворный этикет.

Грамота Алегуки русскому царю, поданная ему в июне 1640 г., интересна во многих отношениях. В довольно обширной северокавказской корреспонденции Посольского приказа это одно из очень немногих посланий, исходивших от действительно влиятельных и сильных княжеских родов. Данный документ дает представление о распространенных среди большей части кабардинской аристократии взглядах на русско-кабардинские отношения, во многом отличавшиеся от позиции сравнительно

немногочисленных и слабых феодалов прорусской ориентации, которые, как правило, нуждались от Русского государства в вооруженной защите, а иногда и зависели от него материально.

Непосредственной причиной обращения Казыевичей к русскому правительству послужили, как мы видели, действия терской администрации, вмешавшейся в их конфликт с другими кабардинскими феодалами и открыто занявшей сторону их противников. В связи с этим одной из целей отправки послания было прояснение позиции по данному вопросу Московского правительства. Алегуку интересует: по государеву указу или по своему соизволению терские власти проводят такую политику? В послании этот вопрос звучит как прямой упрек не только Терским воеводам, но и самому царю.

Неодинаковое отношение к ним и их соперникам вызывало особенное возмущение Казыевичей. В то время, как их враги получали щедрое царское жалование и ценные подарки, их самих преследовали. В своей грамоте Алегука объясняет это исходившее от Кельмамета наветами и клеветой, призывая царя им не верить, и злонамеренностью терских воевод, «стакавшихся» с Кельмаметом. Чтобы подчеркнуть незаслуженность сделанных русскими предпочтений, Алегука перечисляет различные услуги, оказанные ими и их предками Русскому государству, давая понять, что после всего ими сделанного считает действия русских властей вероломством.

Чтобы царское правительство смогло разобраться в этой ситуации, оно должно прислать в Терки «доброго дворянина... с повелением меж обоими нами рассмотреть подлинно». Если же правительство все-таки встанет на сторону их врагов и, как пишет в своем послании Алегука, «будет жаловать их лучше нас», Казыевичи будут вынуждены прекратить вассальные отношения с русским царем и перейти в подданство «мусульманскому государю».

Отмечая, что материальная сторона «жалования» (т.е. ценность

подарков) для них большого значения не имеет, Алегука пишет, что у них «и нашего живота немало». Однако сравнительная величина «жалования» имела для Казыевичей, как следует из их письма, важное символическое значение.

Жалуя их соперникам «платье доброе», и им самим «одни ноговицы», русские власти как бы демонстрировали Казыевичам, что они «люди негодные», ставили их в униженное, по сравнению с Кельмаметом и другими Идаровичами, положение, что было для них совершенно неприемлемо. Кроме того, их аманатов терские воеводы содержат «хуже собак» и даже сажают в тюрьму.

В заключение Алегука в своей грамоте выражает пожелание, чтобы царь не верил Келъмамету и не принимал его сторону. Кроме того, русские власти должны вести себя по отношению к ним уважительно, т.е. аманатов содержать «по прежнему обычаю», а их самих жаловать, как «искони отцам нашим и дедам и нам бывало твое государево жалованье и платье». При соблюдении русскими этих условий Алегука гарантировал, что Казыевичи будут, как и прежде, «государя слушати»[11].

Послание Алегуки в основном было призвано предотвратить вмешательство Москвы в конфликт его княжеского рода с другими кабардинскими феодалами и сохранить прежние, судя по всему, достаточно приемлемые для него формы отношений с Русским государством. Данные отношения, предполагавшие формальное признание верховенства русского царя, были в то время, по всей видимости, не настолько обременительны для кабардинской знати, чтобы ради ее прекращения подвергаться риску военных экспедиции из Терской крепости.

Составляя свое послание, Алегука, судя по всему, имел реальное представление о мощи России и могуществе русского царя. «У вас, государь, со сто тысяч городов есть», – пишет он, обращаясь к царю. Он, несомненно, понимал, что его княжеский род, при всей его влиятельности в Кабарде, не сможет выстроить равноправных отношений с таким государством, как

Россия. Тем не менее, отдавая должное могуществу русского царя, Алегука обращается к нему довольно независимым тоном. Даже сквозь терминологию переводчиков Посольского приказа («бьем челом» и т.д.) проступает гордый и независимый нрав авторов послания. Это произвело на российское правительство весьма негативное впечатление.

Грамота Алегуки была подана в Посольском приказе 29 июня 1640 г. После ее перевода и прочтения царю посланник Казыевичей Бейзрук 25 августа 1640 г. был снова вызван в Посольский приказ. К самому царю посол не был допущен; по указу царя послу Казыевичей был зачитан ответ, состоявший, в основном, в перечислении их «вин» и «неправд». Было, в частности, сказано, что грамота «к царскому величеству писана не по пригожу, невежливо... с грозами... как холопем к великому государю писать не довелося»[12]. Однако не меньшее, чем дерзкий, с точки зрения Москвы, тон письма, недовольство царской администрации должно было вызвать предупреждение Алегуки о возможном разрыве вассальных отношений его княжеского рода с Русским государством. Это замечание Алегуки подтвердило имевшиеся у Москвы и ранее сведения о том, что Алегука ссылается с крымским ханом, в то время как в Москве еще не разу не бывал сам и до сих пор не присылал к царскому двору своих людей[13].

Неудовольствие присланной Алегукой грамотой отразилось и на отношении русских чиновников к его посланнику. Во время второго его визита в Посольский приказ прием ему там был оказан весьма суровый. Бейзруку дьяки заявили, что за такие «непристойные слова к великому государю» посла, которого их передает, положено казнить, но царь по своему милосердному обычаю его помиловал и даже допустит несколько позднее к своей персоне.

В сентябре 1640 г. Бейзрука допустили к царю и вручили ответную грамоту князьям Казыевичам, с которой он был, наконец, отпущен на родину. В грамоте подробно перечислялись все конфликты Казыевичей с

кабардинскими феодалами промосковской ориентации и контакты их с Крымом; судя по всему, Посольский приказ всеми этими событиями интересовался и тщательно их отслеживал. Все эти действия строго осуждались. Русское правительство требовало от Казыевичей, чтобы они все свои конфликты с кабардинскими феодалами, которые «великому государю послушны», они разрешали только при посредничестве русских властей, а не самоуправным применением силы.

В своей грамоте Москва приказывала Казыевичам вернуть пострадавшим от них «царевым послушникам» захваченных у них людей и имущество, прекратить всякие отношения с Крымским ханством и, наконец, покаяться в своих «винах». Для выговора Казыевичам их «неправд» и контроля за исполнением ими указаний Москвы был командирован Дмитрий Горчаков, полковой воевода. Казыевичи предупреждались, что если они всех этих требований не выполнят, не искупят своей вины честной службой и «похотят пристать к бусурманскому государю», царь прикажет послать на них «ратных русских и бусурманских многих людей», которые над ними «разорение учинят».

По поводу недовольства Казыевичей незначительной, по сравнению с другими кабардинскими князьями, ценностью выдаваемого им царского жалования в грамоте замечалось, что терские воеводы это жалование, по приказу царя, выдают «смотря по службе», т.е. в зависимости от действительной лояльности того или иного владетеля Русскому государству[14].

Еще раньше правительство начало наводить порядок среди тех кабардинских феодалов, которые, живя в Терках, находились на его полном содержании и несли со своими небольшими дружинами ратную службу Русскому государству фактически на условиях найма. Среди них своим дерзким и нелояльным поведением в предшествовавших событиях отличились сыновья покойного Сунчалея Черкасского. Действия

Сунчалеевичей, освободивших с воеводского двора взятого тогда под стражу аманата, граничили с вооруженным мятежом. Весной 1640 г. братья были вызваны для расследования этого и нескольких других инцидентов в Москву. Старшие из четырех сыновей Сунчалея, Будачей и Муцал, сочтя за лучшее повиниться перед царем за свое поведение, вместе с 47 уорками приехали в Москву, где были заключены под стражу. Позже они были высланы в Вологду и Галич; в 1642 г. братья были прощены царем, и их прежнее положение в Терках было восстановлено. Один из младших Сунчалеевичей, Олегука, в 1640 г. отъехал в Кабарду[15].

Осенью 1640 г. в Терки прибыл направленный для переговоров с владетелями Казыевой Кабарды князь Дмитрий Горчаков. В Терский город по вызову Горчакова Казыевичи не явились; не увенчались успехом и его попытки договориться с ними о встрече в «урочном месте». Тогда Горчаков отправился в Казыеву Кабарду с отрядом русских войск. Подробности этого похода известны мало; позднее терский воевода кн. С.И. Шаховский в письме Алегуке и Хотокжуке Казыевичам отмечал, что, придя в их владения с ратными людьми, Горчаков им «никакие тесноты и обиды не учинил»[16]. В ходе этой экспедиции князю удалось освободить из плена мать и сестер Кельмамета, захваченных ранее во время его столкновения с сыновьями Сунчалея и содержавшихся в Казыевой Кабарде. По всей видимости, Казыевичи отдали их Горчакову во избежание осложнений. Однако ничего большего в тот момент царскому уполномоченному добиться не удалось: ни шерти царю, ни примирения с соперниками.

В мае 1641 г. Алегука и Хотокжука предприняли очередной набег на своих противников в Кабарде. Все они оказались из числа представителей кабардинской знати, лояльных к Москве. Как обычно бывало в таких набегах, нападавшие перебили сопротивлявшихся уорков (только у одного из пострадавших – Ильдара Ибакова, одного из крупнейших кабардинских владетелей, – 30 человек), увели «пахотных людей» (у Ильдара Ибакова –

200), отогнали несколько тысяч голов скота. Подвергшиеся нападению князья подали терским воеводам адресованную царю жалобу. В ней, в частности, утверждалось, что причиной нападения была лояльность пострадавших владетелей царю и отказ их быть по требованию Казыевичей «с ними заодно», т.е. прекратить вассальные отношения с русским царем. Авторы грамоты просили у русского правительства защиты от Казыевичей и татар Малой Ногайской орды, которые участвовали в этих нападениях[17].

Материалы переписки Посольского приказа и терской администрации проливают свет на обстоятельства, которые могли спровоцировать столь значительное обострение междоусобной борьбы в Кабарде. В отписке в Москву от 31 марта 1641 г. терский воевода кн. Шаховский и его помощники сообщали, что, в соответствии с инструкциями о «бережении» князя Кельмамета Куденетовича, ими были приняты, по его просьбе, репрессивные меры по отношению к аманату Казыевичей (сыну Олегуки). Свою просьбу Кельмамет объяснял злонамеренными действиями Казыевичей: подсылкой к нему наемного убийцы (в результате был убит его дядя, Мулдар Алкасов), а также удержанием в плену сыновей его троюродного брата Нартшао Езбозлуковича (были захвачены еще до экспедиции Горчакова и так не отданы ему Олегукой). Кельмамет требовал, чтобы сын Олегуки терпел такие же лишения, как и эти пленники; при этом он уже не рисковал судьбой своей матери и сестер, освобожденных Горчаковым[18]. Можно предположить, что, узнав о заключении своего сына в терскую тюрьму, Алегука обрушился на своих противников, которых наверняка считал виновными в этой репрессии.

Получив отписку из Терков, правительство в ответной грамоте одобрило действия терской администрации и даже снабдило ее дополнительными инструкциями о мерах по охране заключенного и его материальном содержании. Было предписано сделать для сына Алегуки «тюрьму особную, крепкую, чтоб ис тое тюрьмы не подкападца, ни прорезатца, ни верхом уйти было не мочно», и стеречь его «накрепко»; кроме

того, было велено уменьшить ему рацион, чтобы «отец ево, Алегук-мурза, сведав про то и пожалев сына своего, в своих винах познался и великому государю добил челом»[19].

Данная грамота была составлена 26 июля 1641 г., всего через две недели после отправки последнего из полученных к тому времени Посольским приказом донесений из Терского города. Это должно свидетельствовать о хорошей работе курьерской службы (учитывая немалое, по понятиям того времени, расстояние между Москвой и Терками), а также о стремлении правительства оперативно реагировать на информацию с мест. Однако в тот момент в Москве еще не знали об уже произошедших в Кабарде более важных событиях.

В начале июля 1641 г. берега р. Малки стали ареной одного из крупнейших в XVI в. междоусобных столкновений кабардинских феодалов, в котором, кроме них, приняли участие представители соседних народов и русский военный отряд.

Инициаторами вооруженного столкновения на сей раз явились многочисленные противники Казыевичей, как в Кабарде, так и за ее пределами. По крайней мере, так следует из сообщения Терской администрации, постаравшейся переложить на них ответственность за оказавшееся неудачным предприятие[20]. Согласно этим данным, в конце мая 1641 г. князь Кельмамет запросил в Терках помощи ратными людьми для защиты его кабардинских владений. Терские власти выделили ему отряд из 300 конных стрельцов, детей боярских, новокрещенов и окочан. Его командиру, стрелецкому голове Ортемию Шишмареву, было приказано охранять владения Кельмамета; никаких иных задач во врученной ему грамоте терский воевода в своей позднейшей отписке в Москву не упоминает. Само решение об отправке в Кабарду этого отряда терское руководство объясняло полученным еще в 1635 г. указанием из Москвы давать Кельмамету ратных людей, если он их попросит для «бережения

кабаков ево».

Вскоре после прибытия отряда терских ратных людей во владения Кельмамета там же стали собираться отряды и других феодальных владетелей; очевидно, что место и время сбора были согласованы заранее. Состав союзников был достаточно пестрым: прибыли со своими воинами представители кабардинских княжеских родов – Идаровичей и Шолоховых; кумыкский владетель Айдамир Эндерийский, являвшийся в то время кумыкским (тарковским) шамхалом, с некоторыми другими кумыкскими феодалами; мурзы Большой Ногайской орды. Точную численность ратных людей участников коалиции определить трудно; известно, что крупнейший из кабардинских князей, принимавших в ней участие, Ильдар Ибаков, мог выставить до 700 уорков, «оприч черных людей»[21]. Таким образом, конфликт далеко перерос рамки обычной кабардинской княжеской междоусобицы. Такое количество и разнообразие северокавказской феодальной знати, выступившей против наследников Казыя Пшеапшоковича, свидетельствует как об организаторских и дипломатических способностях их главного врага, кн. Кельмамета, так и неосмотрительности и недальновидности их самих, наживших к тому времени немало врагов.

Собравшиеся во владениях Кельмамета князья и мурзы вначале, по свидетельству терских ратных людей, «учинили по своей вере... плач по Мулдаре Алкасове», который, по утверждению Кельмамета, был убит наемным убийцей, подосланном Олегукой. После траурной церемонии союзники двинулись на владения Казыевичей, чтобы «отомстить кровь Мулдарову». Кроме того, поход был направлен также и против мурз Малого Ногая, известных к тому времени как союзников Олегуки и Хотокжуки. Отряд терских ратных людей принял участие в этом походе; не вполне ясно, выполнял ли он при этом указание воеводы или только пожелание Кельмамета.

Казыевичи со своими ногайскими союзниками, судя по всему, знали о

сборе своих врагов и так же заранее собрали свои силы. Противники встретились друг с другом 12 июля в гористой местности, у р. Малки. В этом сражении Олегука и Хотокжука продемонстрировали высокие военные способности. Его план, по всей видимости, был составлен ими заранее, как и выбрана подходящая местность для его выполнения. В начале боя их противники встретили перед собой ногайцев Малой орды и атаковали их; собственные силы Казыевой Кабарды были в этот момент укрыты от их глаз. Притворным бегством ногайцы выманили противника на избранный для атаки рубеж, где находилась в засаде главная ударная сила Казыевичей - кабардинская конница, состоявшая, надо полагать, из уорков-панцирников (по русским данным, братья могли выставить таких «тысячу с лишком»)[22]. Их атака оказалась неожиданной для противника, который во время преследования ногайцев потерял компактность построения и оказался рассредоточенным на большой площади. Многие воины противников Казыевичей к тому времени «разогналися по загонам»; оказавшись в критический момент без строя и командиров, они не смогли организоваться для участия в бою и «отъехали в поле». Под знаменами главных руководителей войска – кн. Кельмамета и шамхала Айдамира – к началу атаки людей оказалось «не от велика». Атакующим удалось оттеснить их к Малке. Прижатые к высокому и обрывистому берегу, они были лишены возможности отступить; из-за «великой тесноты» им трудно было сражаться. Часть из них была убита, часть захвачена в плен, многие «попадали сами с того крутого яру на конех и пеши и от великие высоты побилися». В числе погибших были князь Кельмамет, шамхал Айдамир, князь Ильдар Абаков, стрелецкий голова Ортемий Шишмарев и несколько более мелких кабардинских, кумыкских и ногайских владетелей[23].

17 июля остатки отряда терских ратных людей вернулись в Терки, принеся весть о поражении в битве на р. Малке. В последующие месяцы терская администрация пыталась минимизировать последствия этого

поражения. В Казыеву Кабарду несколько раз отправлялись посланники с требованиями выдать тела погибших князей и стрелецкого головы и отпустить пленных русских воинов и северокавказских феодалов. Касаясь обстоятельств похода и участия в нем русского отряда, воеводы разъясняли Казыевичам, что он был направлен только против Малого Ногая и напоминали, что пройдя их владения в Кабарде, разноплеменное войско на них «войны не пустило»; в таких обстоятельствах и с учетом шерти, которую князья Казыевой Кабарды когда-то давали царю, их вооруженные действия являлись, как было сказано в одном из посланий воевод, вероломством, достойным божьей кары[24]. Между тем возврат пленных был связан с определенными трудностями; Алегука и Хотокжука отвечали воеводам, что им самим эти пленные не нужны, но их подданные, у которых они находятся, без выкупа их не отдадут (как известно, по обычаю адыгской знати владетели должны были раздавать военную добычу своим вассалам) [25].

Терские власти долгое время не сообщали в Посольский приказ о поражении на р. Малке. Слухи об этой битве Москвой впервые были получены из Астрахани. В ряде грамот в Терский город правительство настоятельно требовало подробных сведений о данных событиях. Отписка воеводы Шаховского с их описанием была получена в Посольском приказе только в 1642 г., когда к управлению Терками уже приступила присланная из Москвы команда правительственных чиновников во главе с новым воеводой М. Волынским. Узнав об обстоятельствах произошедших событий, правительство в мае 1642 г. поручило им восстановить прежние отношения с Казыевой Кабардой, действуя мирными методами: обещая не вспоминать их прежние «вины» и «обнадеживая государским жалованием»[26].

Все «кабаки», как именуются в русских документах того времени административно-хозяйственные объединения кабардинцев («куадж», соседская община), подвластные феодальному роду Алегуки и Хотокжуки, находились в это время не на своем прежнем месте, т.е. Казыевой Кабарде, а

значительно западнее: в урочище Трех Речек, в 4-х днях пути от нее. Данный факт был установлен осенью 1641 г. посланными к ним терскими служивыми новокрещенами[27]. Перемещение на такое расстояние значительной части населения тогдашней Кабарды (не менее 10 тыс. человек), хотя и никоим образом не вызывалось потребностями хозяйства кабардинцев, но было возможно в силу его особенностей (преобладание скотоводства над земледелием), а также невысокой в то время плотности населения на Северном Кавказе[28]. Возможно, переселение состоялось еще до битвы на Малке; это объясняло бы то обстоятельство, что войско их противников, пройдя всю Казыеву Кабарду, не «пустило войну» на кабаки Казыевичей – их могло просто не оказаться на их пути. Несмотря на одержанную при Малке победу, возвращаться на прежние места Казыевичи не торопились. Сами они считали свое внешнее положение весьма сложным; по их словам, сказанным весной 1642 г., они «блюдутся убойства, а воюют их с четырех сторон русские люди, и черкасы, и кумыченя и ногайцы»[29].

Переселение многочисленных подданных Алегуки и Хотокжуки в «сход к Малому Ногаю, за Кубань реку, под Абазы», было возможно благодаря их прежним связям с этими народами, а также бесленеевцами. Верховья Кубани или его притоков, Зеленчуков, где тогда жили абазины, рассматривались Казыевичами как возможное убежище еще в начале 30-х годов, во время их конфликта с Крымом из-за Шагин-Гирея. Не менее тесным было их сотрудничество с ногайцами Ураковой половины Малой орды. В течение ряда лет (с 1637 г.) данное подразделение Малого Ногая пользовалось поддержкой Казыевой Кабарды в своей борьбе с Большими Ногаями, вытесненными из Поволжья калмыками. Благодаря помощи Казыевичей Малый Ногай отвоевал свои кочевья; во время совместных действий союзникам удалось захватить многочисленный полон, который был поделен между ними. Этим объясняется участие ногайцев Большой орды в битве при Малке[30].

Конец 30-х – начало 40-х гг. был периодом наиболее интенсивных контактов Казыевой Кабарды не только с Россией, но и с Крымским ханством. Во время борьбы за Азов хан стремился привлечь северокавказских феодалов к действиям против русских. Посланцы от Султан-Гирея с письменными обращениями («листами») и с подарками приезжали в Казыеву Кабарду в этот период неоднократно. Олегука и Хотокжука демонстрировали ханским представителям полную лояльность, что давало основание хану считать себя их сюзереном[31]. Однако от фактического выполнения каких-либо обязательств, если они и были даны хану, Казыевичи уклонялись: источники не содержат никаких сведений о наличии их отрядов в крымском войске, как в период борьбы за Азов, так и позднее.

О постоянных сношениях владетелей Казыевой Кабарды с Крымом докладывали и в 1641-1642 гг. русские гонцы, часто посылавшиеся к ним в то время терскими воеводами. Это придавало дополнительный стимул попыткам вернуть их под руку царя. Из инструкций, дававшихся на этот счет Посольским приказом, видно, что правительство готово было пойти на некоторые уступки в соблюдении внешних форм примирения, к которым обычно относились весьма щепетильно. Терским властям предписывалось «стоять накрепко» в требовании личного приезда руководителей Казыевой Кабарды в Терки, однако в случае их упорного несогласия на это разрешалось встретиться с ним на нейтральной территории, в «урочном месте»[32]. Активную посредническую роль в этих контактах сыграл Муцал Сунчалеевич, имевший хорошие отношения с Казыевичами и ставший их доверенным лицом в Терском городе. Воевода Волынский и его помощники добились приезда в город Алегуки летом 1643 г. В ходе переговоров, в ответ на его просьбы, царские чиновники обещали ему способствовать примирению с кабардинскими и кумыкскими владетелями и не принимать сторону Больших Ногаев, если они тоже «добьют челом» царю, в их

конфликте с Казыевичами и Малым Ногаем. Алегука, в свою очередь, обещал найти и вернуть всех, каких сможет, русских пленных. После принесения шерти терские власти вручили ему, как и обещали ранее, государево жалование «свыше прежнего»[33]. На этом был в основном исчерпан крупнейший после 10-х гг. XVII в. конфликт русских властей с одним из кабардинских княжеских родов.

В то же время вражда восточно-адыгских феодалов между собой перерывов не имела. В том же 1643 г. брат убитого на Малке лидера Шолоховой Кабарды Ильдара Ибакова Кельмамет Ибаков ездил в Крым просить военной помощи против Казыевой Кабарды[34]. Следует отметить, что во время упомянутых переговоров терской администрации с Алегукой последний признался, что ранее он посылал в Крым своих узденей просить у хана ратных людей на Шолохову Кабарду. Таким образом, кабардинские князья почти одновременно просили у хана войска друг против друга. Логика борьбы за преобладание, соображения мести и реванша неумолимо вели феодальную знать к очередному витку кровопролитных междоусобиц.

Примечания:

[1] Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. (далее КРО). М., 1957. Т. 1. С. 165.
[2] Там же. С. 149.
[3] Там же. С. 157.
[4] Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948. С. 139.
[5] КРО. Т. 1. С. 155-157.
[6] Там же. С. 162-163.
[7] Там же. С. 171.
[8] Там же. С. 179-180.
[9] Новосельский А.А. Указ. соч. С. 142.
[10] Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 312.
[11] КРО. Т. 1. С. 181-183.
[12] Там же. С. 185.
[13] Центральный государственный архив древних актов (далее – ЦГАДА). Ф. 123, Кн. 23. Л. 157.
[14] КРО. Т. 1. С. 187-191.

[15] Там же. С. 412.
[16] Там же. С. 199.
[17] Там же. С. 197-198.
[18] Там же. С. 201.
[19] Там же. С. 201-202.
[20] Там же. С. 203.
[21] Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). М., 1963. С. 129.
[22] Там же.
[23] КРО. Т. 1. С. 203-205.
[24] Там же. С. 198-199.
[25] Там же. С. 205.
[26] Там же. С. 199.
[27] Там же. С. 414.
[28] Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 82-83.
[29] КРО. Т. 1. С. 209.
[30] Новосельский А.А. Указ. соч. С. 141.
[31] ЦГАДА. Ф. 123. Кн. 23. Л. 192.
[32] КРО. Т. 1. С. 215.
[33] Там же. С. 217-235.
[34] ЦГАДА. Ф.123. Кн. 23. Л. 215.

Г.-Р. А.-К. Гусейнов

О личном имени Шейха Мансура в контексте этноязыковой ситуации в Чечне последней трети XVIII в. К постановке вопроса

Как известно, личным именем шейха Мансура было Ушурма, каковым его называли и чеченцы [Ахмадов 1991: 85 прим. 11; Хасаев: 40]. По свидетельству акад. Н.Д. Дубровина (1871 г.), «действительное имя его было Учерман, переделанное нами сначала в Ушурму, а потом в Мансура. Впоследствии и сам Ушурма называл себя этим именем». А. Терещенко (1856 г.) считал, что русские лишь переименовали Ушурму в Учермана, который впоследствии сам присвоил себя имя Мансур. Именем Учерман называл его и русский агент татарин [!] из Больших Атагов Али-Солтан, побывавший в Алдах в марте 1785 г. Отца Ушурмы звали Шебессе (Шабаза). По данным А. Терещенко, Ушурма «будучи сыном бедных родителей, … не мог получить никакого образования и в молодости своей пас скот». Жену его звали Чачи [см. Ахмадов 1991: 87-88].

Другой вариант имени отца шейха Мансура, который происходил из тайпа элистанжхой [Хожоев: 40], был уроженцем с. Алды, приводит А.Д. Яндаров [6] – Шаабаз, или ШаIбаз [Хожаев: 41]. По свидетельству известного путешественника и ученого Рейнеггса, получившему отражение в вышедшей в 1807 г. в Лондоне книге «Всеобщее историческое и топографическое описание Кавказа», Мансур был выходцем из чеченского народа [Гапуров: 30]. Его предки переселились в Алды из с. Хаттуни, братьев его звали ГIамболат, Лама и Епал, дочь – НеIмат, сына – Мадакх [Хожаев: 41]. По другим данным, его родители переселились в Алды за несколько лет до рождения сына из ичкеринского селения Элистанджи, отец, носивший имя Яфель, с молодости сражался с царскими войсками в Затеречье [Муталиев: 43], где чеченцы в XVIII и в

последующем – в XIX в. – еще не проживали. В отношении мотивации рассматриваемого имени обращает на себя внимание, что в одном наиболее ранних, от 15 марта 1785 г., донесениях о нем сообщается о том, что во сне у Ушурмы было видение, как будто бы он упал с неба [Ахмадов 1991: 94], в сохранившихся до сих пор преданиях, что клинок его шашки при взмахе удлинялся на большое расстояние [Хожаев: 41], что он летал при этом над полем сражения.

Аналогичное имя – Ушарым-Мурза – носил отец правителя окочан Ших-Мурзы, которое он упоминает в своей грамоте в 1588 г. при принятии русского подданства [Ист. Сев. Кав. 1988: 346; Рус. - чеч. отн.: 17]. Тот же видимо, антропоним Ушарим (Ышарим) относится к мичкизянину, жителю Терского города (XVII в.), известен также Ушмамбетка (Ушмамбет) – дворовый уздень князя Муцала Сунчалеевича Черкасского, кабардинского князя, позже князя в Терском городе [Рус. - чеч. отн.: 360, 366]. При этом в современном чеченском именнике известны лишь подобные рассматриваемому мужские имена Уси, Уца (Уци) и Усар, а также ШаIабаз, ГIамбулат, Лами (Лама – женское имя), Iапа, Iапи [Бибулатов: 118, 127, 57, 87, 135] (>Iепа), первое из которых восходит в перс. Шахбаз и имеет широкое распространение у мусульманских народов [Гафуров: 210]. Следует заметить, что переход -ц->-с- наблюдается в середине слова лишь в единичных случаях в отдаленных чеберлоевском и –ч->-ш- в говорах галанчожского диалекта чеченского языка [Арсаханов: 38, 41, 99, 123], т.е. вышеприведенные (Ушурма/Учерма, Усар/Уси и Уца/Уци) основы в нахских языках не восходят к одному источнику на уровне исконной лексики.

Все это, учитывая отмеченную выше семантику рассматриваемого имени, позволяет первоначально сопоставить указанные основы как с общетюрк уч- «летать», так и с его вариантами: ног., ккалп., тув.-казах. уш- [ср. Ушмамбет], хакас, башк. ус- [ср. Усар/Уси], караим., сиб.-тат.,

куман. уц- [ср. Уца/Уци] – в том же значении [Севортян 1974: 612]. Однако при этом суффикс -ман в отглагольных существительных обнаруживается не только в чагатайском, средневековокыпчакском, карачаево-балкарском и крымско-татарском (батман) [Хабичев 1971: 196-197], куманском (старокыпчакском) (талашман «скандалист») [Щербак 1977: 108], но и в кумыкском (азман «слабосильный, слабый, хилый, немощный» от азмакъ «худеть, тощать») языке. Причем, с одной стороны, в ареально смежном хасавюртовском диалекте последнего вместо лит. кум. йоьнкуь «баловень» и сыптырмалы рам «рама с вынимающимся стеклом» используются существительные с суффиксом -мэ (йоьнкуьмэ) // ма (сынтырма) с теми же значениями [Керимов 1957: 223], с другой – в говорах аналогично смежного с исторической Чечней терского и подгорного диалектов кумыкского языка [ч] в середине слова (в положении между двумя гласными, между гласным и сонорным, смычным) может заменяться спирантом [ш] [Ольмесов 1998: 136]. Таким образом, по вышеприведенным данным, в том числе до сих пор контактирующих с чеченским языком хасавюртовского и терского диалектов кумыкского языка, личное (Ушурма/Учерман) имя шейха Мансура может иметь кумыкское происхождение и означать «тот, кто летает».

Не исключено вместе с тем, если иметь вышеупомянутые антропонимы XVII века Ушарым (-мурза) и Ушарим, вариант последнего из которых Ышарим может быть возведен к общетюрк. I ышан- «верить», II ышан «вера» (ср. однокорневые кум. ишара «1) знак, жест; сигнал; 2) намек [Кум.-русск.сл.: 156] и карач. ышара «жест, знак» [К.-балк.-русск.сл.: 61]) с несколько отличным «тур.-тат.» ушан «верить», др.-тюрк. ушан «поверить при корневом -ыша [Севортян 1974: 673-674], можно полагать, что рассматриваемое имя обладает и другим, отвечающим приведенным формам значением. Только анализируемая лексема образована от иной [см. Щербак 1984: 117] основы чем ишан- [см.

Севортян 1974: 674], не суффиксом -а [см. Щербак 1981: 117], но -ым [см. Щербак 1977: 172], известного в том числе кумыкскому и карачаево-балкарскому языкам [см. Хабичев 1971: 266], что позволяет предполагать ее значение как « предзнаменование», отвечающее миссии шейха Мансура и также, возможно, имеющее кумыкское происхождение.

Что же касается тейпа Элистанжхой, восходящею к наименованию одноименного (Элистанжи) селения, расположенного в нынешнем Веденском районе Чечни, то оно также имеет кумыкского происхождение, так как его праформа [см. Имнайшвили: 88] *Алистанжи практически полностью совпадает с кум. Алыста Анжи «Дальнее Анжи», где алыс «дальний» – возможный общетюркский монголизм [Севортян 1974: 147], что указывает, возможно, на соответствующее время возникновения ойконима, Анжи – кумыкское название г. Махачкалы, известное с раннего средневековья. В указанном смысле обращает на себя внимание сообщение немецкого путешественника конца XVIII века Якоба Рейнеггса, побывавшего в 1779-1783 гг. на Кавказе, о селениях («поколениях») «Чеви, Гачиаул, Шали и Сагунти», которые «произошли от татарского роду, ибо они чеченского языка разуметь не могут. 450 родов из оных живут в соседстве с древней Гребенских казаков, состоящих из 150 дворов на берегу реки Терека» [Гаджиев 1986: 27]. Еще до этого в 1781 году жители одного из этих селений (Х) Аджи-Аула подписали вместе с представителями другого крупнейшего соседнего плоскостного селения Чечен-Аула, которые присутствовавшие при этом академик Гильденштедт называет самыми многочисленными и большими, акт вхождения в подданство России, составленный на «татарском диалекте», то есть кумыкском языке [Бузуртанов и др.: 68, 63], его письменном варианте.

Характерно, что и Гильденштедт замечает по поводу «округа Чечен»: он «нарочито обширен и под названием его обитателей чеченцев часто разумеют весь народ», а «чеченский язык обыкновенно так

называется по одному из главнейших округов» [Гильденштедт: 85-86], то есть Чечен-Аула, в котором уже к этому времени и говорили, видимо, на чеченском языке в современном его понимании ибо, согласно документу 1766 г., «чеченцы… имеют смежность и единой разговор» с жителями «селения Киштинского (Ингушского)» [Бузуртанов и др.: 85]. Что касается Сагунти, где, как и в других вышеупомянутых селах, включая Шали, (Х)Аджи-Аул, «чеченского языка разуметь не могут» в силу своего «татарского», по всей видимости, кумыкского (см. выше) «рода» происхождения, то речь, вероятно, идет об ичкеринском селении Соганти, входящем в общество Іалларой (Аллерой) и находящемся в настоящее время в пределах Ножай-Юртовского района Чеченской Республики по соседству с селениями Бетти-Мохк и Мескеты. В то же время «поколение» (селение) «Чеви» представляется возможным отождествить с упоминаемым в 1834 г. качкалыковским селением Шавдан [Дагестан: 227], уже не существовавшем к 1859 г. [Берже: 9].

Нельзя не обратить внимания и на другое сообщение Я. Рейнеггса [Дагестан: 250] о том, что «оксунгуры» (жители качкалыкского селения Ойсунгур), занимающие «широкую и пространственную долину до подошвы гор» и поля которых «до самого левого берега реки Яксая к востоку простираются», говорят «кумык-татарским языком», как, впрочем, и обитатели соседнего качкалыковского селения («страны») Истису, имеющих «свое происхождение от «кумыков-татаров» и платящих подать старшинам Яксая». При этом «деревни последних поселены… на цепи гор», то есть Качкалыковском хребте, а к северу от них лежит «страна Борагун, сего имяни деревня, состоящая из трехсот дворов», в 4 верстах к северу от которой известны « сильные горячие ключи». Характерно, что и в «стране Истису», расположенной при «подошве горы», также «бьет кипящий ключ весьма отменного свойства», что и послужило, как было указано выше, причиной подобного названия упомянутого населенного

пункта, известного до сих пор.

Все это свидетельствует о том, что речь идет именно об историческом Качкалыке (кум. Къачкъалыкъ «область бежав оставшихся»), название которого отложилось в чеченском ГIачалкхин рагI («Качкалыка хребет»). Не случайно еще в первой трети XIX века русские исследователи, в частности, И.И. Норденстамм отмечали, что «племена, вышедшие из ущельев Аксая, Халхалу и Гудермуса (чеченцы) смешались с кумыками; часть оного с Мичика перешла через Качкалыковский хребет на земли аксаевских князей и поселилась там, сии теперь называются качкалыковцами…» [Норденстам: 308]. Как указывает примерно в то же время (1834 г.) И. Бларамберг лишь в недавно опубликованной работе: «Алти-Качкалик означает «шесть поселений». Их обитателями ранее были кумыки, которые были вытеснены аксайскими князьями на их нынешние территории. Постепенно они смешались (ассимилировали) с чеченцами и, воспользовавшись слабостью кумыкских князей, стали независимыми… Вот перечень их поселений:

Мискит налево от Аксая, Хош-гелди, Алер-аул, Нойберди, Уссунгур, Истиссу и Шавдан» [Бларамберг: 227].

Действительно, по данным А.И. Ахвердова 1804 г. шесть качкалыковских селений, поселенных и принадлежащих кумыкским (аксаевским) князьям, располагались по правому берегу Терека «на самых выгоднейших местах, расстоянием от реки в поле 20,18,15,13 верстах» [Ахвердов: 226]. О времени же прекращения зависимости качкалыковцев от кумыкских (аксаевских) князей свидетельствует документ 1805 г., содержащий следующие показания этих владельцев, обращенные к русской администрации: «Из давних лет предкам нашим близ живущие Аксаевской деревни качкалыковские народы, коих 8 деревень были подвластны, с коих деды и отцы наши брали возложенную подать, но прошло тому лет с 6, как оные народы не стали нам повиноваться и

платить на них возложенное и еще хотели они с их мест, где теперь, жительство имеют, самовольно переселиться в горы к чеченцам» [Волкова 1974: 180]. О принадлежности данных селений аксаевским князьям сообщает примерно в то же время и Г.-Ю. Клапрот [см. Волкова 1974: 179].

Практически те же сведения о качкалыковцах сообщает в последующем (1812 г.) и А.М. Буцковский, который пишет: «Прежнее владение под общим названием Аксаевских кумыков простиралось от Каспийского моря до реки Гуйдюрмеза, впадающей в правый берег Сунджи в 15 верстах выше устья сей к северу имело границею реку Терек, начиная с устья Сунджи до Каспийского моря, к югу же Дагестан и Лезгистан. Но при выходе из гор на понизовье Сунджи и Терека чеченцев часть сих последних была выведена аксаевскими владельцами и поселена на их землях у подножия Черных гор между Сунджею и Аксай-рекою, на известных условиях, под названием качкалыков… Сии качкалыки, размножились приходом многих новых чеченцев, хотя и ныне аксаевцами почитаемы за их подвластных, но, пользуясь послаблением сих владельцев, вышли из всякого послушания, овладев участком между реками Гуйдюрмезом и левым берегом Аксая… Полоса земли, или понизовье между Сунджею, местечком Аксай и левым берегом реки Аксай, принадлежала прежде гребенским казакам» [Буцковский: 239], которые перенсли отсюда свои городки на левый берег р. Терек лишь в 1711-1712 гг. [Айдамиров: 18].

А о том, насколько сравнительно недавно в Качкалыке еще сохранялось кумыкское население, свидетельствует недавно обнародованный документ 1747 г., согласно которому, «из оных Качкалык владельцы Темир и Бамат и с подданными их людьми в Андреевскую деревню переселились, а и достальные качкалыковские жители все начали в Андреевской деревне дворы строить», откуда они «вышли в Качкалык в

бывшее в реченной Андреевской деревне моровое поветрие» [Русск.-даг. отн. XVIII: 80]. Все это говорит о том, что и в Эндери, и в Качкалыке проживало этнически близкое друг другу (кумыкское) население, подтверждением чего является, помимо прочего (см. выше), и явно тюркский характер наименований населенных пунктов Качкалыка, об одном из которых уже было сказано ранее, и кумыкские имена их владельцев (князей) – Темир и Бамат.

При этом первый из них, возможно, является сыном эндиревского владетеля Хамза-бега, скончавшегося к 1721 г. [Русск.-даг.отн. XVIII: 29-30, 172], эндиреевским владетелем Темиром Хамзиным, упоминаемым последний раз в русском источнике 1782 г. Тем более, что несколько позже, в 1791 г. в рапорте командующего войсками на Кавказской линии И.В. Гудовича Егатерине II сообщается, что «подле чеченцев, вниз по р. Терек, при подошве Черных гор Кавказских, Кумыки, которые простираются до Каспийского моря. Под сим именем разумеются 4 народа: брагунцы, аксайцы, андреевцы и костюковцы. Все они магометанского закона и состоят в подданстве В.и.в. с давних времен. Народы довольно спокойные» [Русск.-даг.отн. XVIII в.: 233]. Кроме того, следует отметить, что согласно документу 1762 г., «владельцем Алдынской деревни являлся Чопан Турлов, а земли Чеченского общества по реке Сунже управлялись Расланбеком Айдемировым, Алисултаном Казбулатовым, Амиразой Албековым (вероятно, сыном Алибека Казбулатова) до селения Гехи, которое принадлежало аксаевскому владельцу Каплану и имеет границу до реки Чалаша (Шалажи), которая течением имеет Сунжу реку… От Чалаша до вершины Сунжи и до Ахки-юрт, место також и до Малой Кабарды под ведением андреевского владельца Аджи Муртазалия состоят,.. под властию его карабулатцы» [Бузуртанов и др.: 83, 84]. При этом и в документе 1768 года Расламбек Айдемиров упоминается в качестве владельца чеченского и алдынского [Бузуртанов и др.: 148-149].

О том, каковы были владения некоторых из вышеупомянутых князей, их действительные пределы и размеры, свидетельствуют данные академика Гюльденштедта, который в 70-х годах XVIII в. фиксирует по Аргуну множество поселений «чеченцев»: Большой Чечен в 40 верстах от соединения реки Аргуна с Сунжей и ниже по Аргуну – Гаджи-Аул (ср. Хаджи-Али-аул, где как уже отмечалось не разумели по-чеченски и в последующем, подобно с. Шали) с 500 дворами каждый. При этом, как отмечает тот же автор, к сел. Большой Чечен были приписаны союзные ему деревни: вверх по Аргуну Большая Атага и приписанная к ней Закурова Атага, далее – Малая Атага и приписанные к ней Гендергеной, Бенаул-Узек и Мартан, местоположение не изменилось вплоть до 40-х гг. XIX в., а некоторые из них (например, Атага) и значительно позднее. Помимо аргунских селений, Гюльденштедт называет Шали в 300 дворов, Герменчук в 300 дворов и по правой стороне Сунжи Новый Чечень или Янги-кенд [Волкова 1974: 171-172] с явно кумыкским названием, как и Алда («Передний»), Бенаул-Узек («Бенаула речка»).

Кроме того, в известном документе 1781 г. о добровольном вхождении в состав России «больших чеченских и аджиаульских» жителей в качестве чеченского владельца упоминается Арсланбек Айдемиров [Бузуртанов и др.: 94], брат, по всей видимости, Расланбека Айдемирова. Последний, возможно, являлся и владельцем Гребенчуковской (Герменчукской) деревни, старшины которой обращались к русской администрации через его, согласно документу 1781 г., посредство с просьбой о вступлении в российское подданство, как и жители селения Чахкери, бывшее под управлением ходатайствовавшего за них родственника Алисолтана Алибекова и Арсланбека Айдемирова – Алихана Нурмаматова [Бузуртанов и др.: 96-97, 94-95].

Обращает на себя внимание и то, что даже в конце XVIII в. в Качкалыке использовался не тюркский «татарский», как в других регионах

нынешней Чечни, но кумыкский язык. Об этом свидетельствует письмо (не позднее осени 1781 г.) кизлярскому коменданту Куроедову от старшин Качкалыковского общества, написанное при помощи арабской графики на кумыкском языке, в котором излагаются претензии к соседним «бекам», нежелание платить им «ясак» в требуемой размере. Имена подписавших его старшин носят при этом преимущественно тюркский (кумыкский) характер, ср.: Актула, Айваз, Изунгер, Баймурза, Батырсурхай, Дамурза, Санбей, Таштемир, Азнавар, Давуд, Чеба, Султан, Арслан, Карамурза, Амирбек, Чудахан, Ногай, Химед, Осман [Бузуртанов и др.: 97-98].

Характерно, что чеченцы, поселившиеся в Качкалыке, происходят в основном из тейпов, разновременно переселившихся из Ичкерии. Так, сел. Исти-су состоит из двух основавших его тейпов: Сесаной (выходцев из Элисхан-юрта) и Гордалой, которые представлены здесь 4-5 поколениями переселенцев. Такое же количество поколений насчитывает и другое качкалыковское селение Хошкельды, в котором основное население составляют ичкеринские тейпы Сесаной, его ветвь Бильтой, а также Центарой и Зондакой, впервые упоминаемые в 50-е гг. XVIII в. в пределах своих исходных поселений. Те же ичкеринские выходцы, причисляющие себя к тейпам Чижинхой, Бильтой, Гезлой и Чуаной, поселились не позднее четырех поколений назад и в сел. Герзель [Волкова 1974: 179, 181].

Представители преимущественно ичкеринских тейпов проживают и в другом качкалыковском селении Нойбоьра [Сулейманов 27: 3,207]. Все это, действительно, еще раз говорит о том, что чеченцы не являются первоначальными насельниками Качкалыка, где они, таким образом, появились сравнительно недавно – 4-5 поколений назад, если иметь в виду 1974 г., когда была написана работа Н.Г. Волковой (см. список литературы). В конечном счете, все вышеизложенное свидетельствует о присутствии на нынешней территории Чечни в рассматриваемое время и

кумыкского населения, которое, по всей видимости, вместе с иными кумыками и народами Северного Кавказа принимало участие в движении, возглавляемом шейхом Мансуром. В этих условиях, учитывая также использование здесь в качестве основного средства межэтического общества кумыкского языка [См. Гусейнов 1992: 32-34], отмеченное происхождение личного имени имама представлятся вполне закономерным хотя бы в плане постановки вопроса.

Примечания:

[1] Айдамиров А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
[2] Арсаханов И.А. Чеченская диалектология. Грозный, 1969.
[3] Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. (Архивные материалы). М., 1958.
[4] Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. Грозный, 1991.
[5] Берже А.П. Чечня и чеченцы. Грозный, 1991 (переиздание работы 1859 г.).
[6] Бибулатов Н.С. Чеченские имена. Грозный, 1991.
[7] Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.
[8] Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Навеки вместе (о добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России). Грозный, 1980.
[9] Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. (Архивные материалы). М., 1958.
[10] Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начало XX века. М., 1974.
[11] Гаджиев М.Г. Якоб Рейнеггс о Чечено-Ингушетии //Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1986.
[12] Гапуров Ш.А. Некоторые вопросы зарубежной историографии движения горцев Северного Кавказа под руководством Мансуса // Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции «Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века». Грозный, 1992.
[13] Гафуров Алим. Имя и история. М., 1987.
[14] Гильденштедт Ч.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809.
[15] Гусейнов Г.-Р. А.-К. К вопросу о межъязыковой коммуникации на Северном Кавказе в период восстания под руководством шейха Мансура // Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции «Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века». Грозный, 1992.
[16] Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. Махачкала, 1992.

[17] Имнайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977.
[18] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
[19] Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.
[20] Керимов И.К. Хасавюртовский диалект кумыкского языка // Уч.зап. Дагестанского женского госпединститута. Махачкала, 1957. Т. 1.
[21] Кумыкско-руский словарь. М., 1969.
[22] Муталиев Т.Х. Об одном источнике о личности шейха Мансура // Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции «Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века». Грозный, 1992.
[23] Норденстамм И.И. Описание Чечени // Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940.
[24] Ольмесов Н.Х. Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Махачкала, 1997.
[25] Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М., 1988.
[26] Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII вв. М., 1997.
[27] Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
[28] Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976-1985. Чч. 1-4.
[29] Хабичев М.А. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971.
[30] Хожаев Д.А.-А. Некоторые семейные предания об Ушурме // Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции «Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века». Грозный, 1992.
[31] Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977.
[32] Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1981.
[33] Яндаров А.Д. Шейх Мансур в освободительном движении горцев Северного Кавказа в конце XVIII века // Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции «Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века». Грозный. 1992.

С.Е. Четав

Женщины Адыгеи в 20-30-е гг. XX в.: социально-демографическая характеристика

Глубокие социально-экономические перемены в 20-е гг. XX века подвергли трансформации образ жизни миллионов людей, эволюционировали демографическую ситуацию в стране. Характеристику демографической ситуации в 20-е годы целесообразно начать с анализа динамики численности населения Северо-Кавказского региона, выяснить вопрос об оценке данных переписи 1926 г.

Перепись 1920 г. в Северо-Кавказском регионе выявила преобладание женского состава населения: на 1000 мужчин приходилось 1174 женщины. К 1926 г. эта разница уменьшилась: на 1000 мужчин исчислялось 1090 женщин[1]. Создавшуюся диспропорцию можно объяснить большими потерями мужского населения наиболее детородных возрастов в период первой мировой и гражданской войн, более ранней смертностью мужчин по сравнению с женщинами, что, естественно, не могло не сказаться на демографических процессах, которые резко повысили показатели смертности и снизили рождаемость.

По поводу сведений, приведенных в переписи 1926 г. существует мнение, что в них был допущен переучет населения в связи с тем, что в сельской местности перепись проводилась дольше, чем в городе, и приехавшие в период проведения переписи в города из сел, где фиксировалось наличное население, могли пройти перепись дважды. По оценке М.В. Курмана был допущен переучет населения в 1 %, т.е. в 1 млн. по РФ, и в 1,5 млн. человек по СССР. Однако существуют и другие оценки точности этой переписи. А. Андреев, Л. Дарский, Т. Харькова склоняются к мнению, что в 1926 г. был допущен недоучет населения СССР[2].

Поправка, предложенная этими авторами, касается женского населения СССР в возрасте 8-27 лет, недоучет которых был связан с сокрытием ранних замужеств (8-14 лет). Поправка сделана по численности женского населения СССР. Соглашаясь в принципе с последней оценкой, Жиромская В.Б. считает, что недоучет населения был связан, возможно, с сокрытием ранних браков в женской возрастной группе 12-16 лет у народностей Северного Кавказа (черкесов, адыгейцев, кабардинцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, народностей Дагестана и др.), Дальнего Востока, Поволжья и Приуралья. В результате этой коррекции недоучет женского населения составил 14 тыс. человек. Итого, весь недоучет населения составил 262,5 тыс. чел., или 0,3 % от всего населения РФ, в том числе мужчин было недоучтено 125 тыс. чел., а женщин – 137,5 тыс. чел.[3]

Так, текущая статистика по Адыгейской Черкесской автономной области (АЧАО) за 20-е г. XX столетия не фиксировала ранних замужеств в возрастной категории 12-16 лет. Вместе с тем по воспоминаниям очевидцев имели место ранние браки именно в данной возрастной группе. В связи с этим можно предположить, что в Адыгее также имел место недоучет женского населения.

Согласно переписи 1926 г. АЧАО насчитывало 221 667 человек, в том числе 107 113 мужчин (48,3 %) и 114 554 женщин (51,6 %). По составу жителей Адыгея оставалась традиционным аграрным субъектом РФ. В 1926 г. в сельской местности проживало 76,3 % населения[4].

Перепись 1926 г. и данные за 1930 г. отразили сравнительно молодой состав населения, в котором наблюдался высокий удельный вес детей, в возрастной группе от 0 до 17 лет, составивших 43 %. Из них 47 % составляли мужчины, 39 % – женщины. Небольшая доля лиц старше 50 лет составила 7,5 %. Из них мужчин и женщин, соответственно, 6 и 9 %.

Это означало, что доля лиц репродуктивного возраста от 20 до 49 лет составила 49,5 % населения, из которых мужчины составили 47 %,

женщины – 52 %[5].

Авторские рассуждения строятся на сведениях, приведенных ниже в таблице 1.

Таблица 1

Возрастной состав населения Адыгеи в 1930 и 1939 гг., %[6]

	1930 г.	1939 г.
От 0 до 17 лет + молодежь до 20 лет	43,0	44,1
Взрослые от 20 до 49 лет	49,5	43,4
Население старших возрастов, после 50 лет	7,5	12,5

Данные таблицы показывают, что в 1930 и 1939 гг. в составе населения Адыгеи почти 50 % приходилась на самую активную в экономическом и демографическом отношении возрастную группу от 20 до 49 лет, хотя ее удельный вес в 1939 г. уменьшился на 6,1 % за счет соответствующего увеличения детей, молодежи и лиц старшего возраста. Иными словами, несмотря на тяжелейшие испытания, выпавшие на долю общественных слоев региона в период между переписями населения (коллективизация и связанный с ней голод 1932-1933 гг.), падение рождаемости, рост смертности, население Адыгеи сохраняло достаточно традиционную возрастную структуру без видимых деформаций и провалов в соотношении различных поколений.

Заметное оживление в естественном движении населения Адыгеи началось сразу после окончания гражданской войны. Наблюдался рост числа заключаемых браков, повысился уровень рождаемости.

Брачная структура населения Адыгеи формировалась в результате заключения первых и повторных браков. В начале 20-х гг. XX в. в брак вступали, главным образом, лица, не успевшие вступить в брак перед войной, а также молодежь, чей возраст максимальной брачности (20-24 года) пришелся на военную пору. Позже, в середине 20-х гг., к многочисленным группам желающих создать семью присоединилось подросшее поколение. В процессе формирования брачной структуры

населения Адыгеи происходили заметные трансформации. Наряду с временными, преходящими изменениями, которые можно охарактеризовать как колебания в процессе формирования брачной структуры, происходили направленные сдвиги, обусловленные глубокими переменами в обществе и семье, перестройкой образа жизни. На ускорение эволюции семьи повлияла новаторская политика, отразившаяся в семейно-брачном законодательстве СССР. Уже в первые месяцы существования Советской власти были изданы декреты «О гражданском браке, о детях, и о ведении актов гражданского состояния» от 18 декабря 1917 г. и «О свободе совести и отделении церкви от государства» от 20 января 1918 г., в которых объявлялось о секуляризации системы регистрации естественного движения населения, и о передаче ее из церковного ведомства в светское и т.д.

Эти государственные акты прочно закрепляли приоритет гражданского брака. Все права супругов, в том числе и имущественные закреплялись за ними лишь в случае, если их союз был зарегистрирован в актах гражданского состояния. В числе основных принципов, на которых базировался кодекс законов об актах гражданского состояния, был принцип охраны интересов женщин и детей[7]. Это коренным образом меняло положение женщины-горянки, освобождало ее от принуждения родителей или иных третьих лиц к вступлению в брак, от давления имущественных соображений при вступлении в брак или его сохранении, а также от раннего замужества.

Высокая рождаемость населения Северо-Кавказского региона в дореволюционное время была обусловлена распространенными ранними браками, отсутствием какого-нибудь внутрисемейного контроля над рождаемостью. Многодетностью характеризовалось не только крестьянское, но и городское население. У женщин брачный возраст начинался с 13 лет. Традиции ранних браков, прослеживаемые в глубокой

древности, бытовавшие у народов Северного Кавказа, находились в соответствии со всей системой экономических и семейных отношений аграрного общества, с укладом жизни патриархальной семьи. Широкое распространение ранних браков объяснялось экономическими соображениями, например, желанием поскорее приобрести дополнительную работницу, укоренившимися установками ислама, слабо развитым процессом урбанизации.

Во второй половине 20-х гг. XX в. под влиянием общих социально-экономических изменений, раскрепощения личности, роста гражданского самосознания, традиционная система семейных отношений стала быстро разрушаться. В этих условиях наметилась тенденция к отходу от ранней брачности. Она затронула мужчин, но коснулась также и женщин. У мужчин, как показывают расчеты, средний возраст вступления в брак, сложившийся в конце XIX века, практически не изменился, несмотря на новые веяния. Как правило, мужчины вступали в брак после прохождения военной службы, т.е. к 25 годам. В 1887 г. в среднем по Европейской России он равнялся 24,2 года и оставался еще ряд десятилетий. На Северном Кавказе, где традиции еще были сильны, долгое время уровень ранней брачности оставался неизменным. В 1924 г. в Адыгее от общего числа вступивших в брак мужчин – 30,2 % были в возрасте до 20 лет, 45, 4 % – 20-24 лет. Гораздо заметнее стало повышение возраста вступления в брак у женщин. Если в дореволюционное время в возрастной группе 13-14 лет в брак вступало 2,4 % и 5,9 % женщин-горянок, в возрастной категории 15-16 лет – 19 % и 27,8 %, то как показывают данные за 1924 г. в Адыгее, 22 % женщин возрастной группы 15-17 лет находились уже в браке, 18-20 лет – 42 %, 20-24 лет – 33 %[8].

Увеличение среднего возраста вступления женщин в первый брак на протяжении XX в. следует рассматривать как закономерный результат огромных перемен в обществе. Эмансипация в Советской России, в том

числе на Северном Кавказе, в первую очередь понималась как создание основных политических и экономических предпосылок фактической независимости горянки от мужчины. В 20-30-е гг. многие из таких условий, по крайней мере формально, уже имелись. Отпала материальная необходимость, вынуждавшая горянку на заключение раннего брака.

В 1926 г. в законодательство СССР о браке и семье были внесены некоторые изменения и дополнения. В частности минимальный брачный возраст и для мужчин, и для женщин был повышен до 18 лет. Текущая статистика за 1929 г. в Адыгее зафиксировала 990 женщин, вступивших в брак в возрасте 18-25 лет, и 600 мужчин в возрастной группе 20-26 лет[9]. Приведенные цифры говорят о том, что в 30-е годы уже реально определился переход к европейскому типу брачности с характерным для него более поздним возрастом вступления в брак. В ходе этой перестройки чрезвычайно сильно трансформировался весь процесс формирования семьи, изменились многие важнейшие его количественные характеристики, изменилось распределение мужчин и женщин по возрасту вступления в первый брак.

Несмотря на эти трансформации, уровень брачности не снизился по области. В 1929 г. было заключено в 1,5 раза больше браков, чем в 1924 г.

Подъем брачности среди населения Адыгеи был в известной степени стимулирован новым семейно-брачным правом, которое заметно упростило требования к вступающим в брак, и особенно к желающим его расторгнуть, что вызвало рост числа повторных браков.

Индустриализация, культурная революция и связанные с ними перемены привели к резкому расширению духовных горизонтов, круга интересов и потребностей населения в особенности женщин-горянок, вывели их далеко за рамки узкого мира домашней жизни, изменили их характер, строй внутрисемейных отношений и т.д. Если прежняя традиционная система прокреационных отношений не допускала свободы

выбора горянкой супруга, то теперь изменился и сам подход к выбору семейного партнера. Так, в начале XX в. браки заключались по воле родителей и зачастую по материальным соображениям, а в 20-е гг. и особенно в 30-е гг. молодежь все чаще создавала семью по взаимной любви. Причем, сильнее это проявилось у женщин, росли требования к личности будущего мужа, усиливалась роль духовной близости, увеличивались стремления к реализации своих потенциальных возможностей, интересов. Важную роль в этом процессе играло узаконенное равноправное положение женщин в обществе и семье.

Следует заметить, что в городе жители довольно быстро стали отдавать предпочтение гражданской регистрации брака, а в сельской местности традиции держались дольше, и там браки, заключаемые без мусульманского обряда, стали преобладать лишь в конце 30-х годов. Судить о числе браков, заключенных в начале 20-х гг. по Адыгее сложно, в виду того, что они не фиксировались гражданскими органами. Например, в докладной записке, адресованной заведующему облстатбюро АЧАО в марте 1923 г. от волостного исполнительного комитета аула Джиджихабль сообщалось: «…сведения не могут быть предоставлены в виду того, что местные жители в случаях смерти, браков и рождений обращаются исключительно к местным эфенди, которые отказываются направлять жителей в ЗАГС, сведений о рождений, браков, смерти за 1921-1922 гг. в исполкоме не имеется»[10]. В сельской местности долго почитались и многие элементы прежнего уклада, в частности запрет на вступление в брак в период религиозных праздников. По этой причине в сводках ЗАГСов заметны сезонные колебания, например в 1928-1929 гг. максимум браков приходился на январь, февраль, минимум – на весенние месяцы (Великий пост) у русскоязычного населения, летние месяцы (мусульманские Ураза-Байрам, Курбан-Байрам)[11] у коренного населения.

Документы начала 20-х гг. свидетельствуют о том, что в

многонациональном по составу Северо-Кавказском регионе браки в подавляющем большинстве заключались между представителями одной и той же национальности. Например, в сельском населении Адыгеи состав вступивших в брак в 1924 г. был следующим: женихи черкесской национальности в 93,9 % случаев выбирали в жены девушек своей национальности, русские – в 99,5 %. Доля межнациональных браков составила 3,5 % от общего числа заключенных браков[12]. Следовательно, с середины 20-х гг. XX в. среди населения Адыгеи доминировали национально однородные браки, а смешанные заключались, как правило, между представителями коренной национальности и русскими. Это можно объяснить устойчивостью традиционного восприятия брака как своеобразного единства языка, культуры, религии и обычая супругов.

Высокая ценность семейного образа жизни у женщины-горянки способствовала тому, что к браку стремились и после развода или овдовения. Поэтому семейное положение невест на момент регистрации брака отличалось разнообразием. Согласно данным за 1924 г. в Адыгее в младших возрастных группах брачующихся от 16 до 24 лет преобладали, естественно, ранее не состоявшие в браке – 97,6 %, но уже с 25 лет доля последних стремительно снижается до 2,3 % за счет роста числа повторных браков как у вдовых, так и у разведенных. Если в группе 16-19 лет доля последних двух категорий не превышала 5,4 %, то к 25 годам она повысилась в 5 раз, составив 27,9 %, а начиная с 30 лет повторные браки составляли большинство[13]. Однако, следует заметить, что брачные отношения в 20-е гг. не отличались стабильностью довоенного времени. Несомненно это явление было связано с упрощением бракоразводного процесса, введенным после Октябрьской революции. Немалую роль в этом сыграл новый кодекс о браке и семье, и опеке, утвержденный ВЦИК в 1926 г. и введенный в действие с 1 января 1927 г., где признавалась юридическая сила за незарегистрированными, фактическими браками.

Кодекс, как и все законы, принятые в 1917-1918 гг. должен был способствовать формированию новой семьи, освобожденной от прежде существовавших ограничений и отработанных старым обществом условностей.

Новые взгляды на брак и семью были отражены в выступлениях партийных и государственных деятелей того времени. Приведем некоторые из них. Так А.М. Коллонтай рассматривала взаимоотношения между мужчиной и женщиной как естественный союз равноправных и свободных людей. Нравственными признавались отношения, окрашенные чувством взаимности, духовной и физической близостью. Однако она отрицала возможность социального вмешательства в этот союз, или социального контроля над ним. Аналогичные взгляды высказывались в ходе обсуждения на диспуте в Политехническом музее (15 ноября 1925 г.) положения о признании фактического брака, зафиксированного в проекте брачного законодательства (1926 г.)[14]. Некоторые юристы и правоведы рассматривали регистрацию брака как пережиток буржуазных отношений, который постепенно исчезнет за ненадобностью. Таким образом, брачные отношения мыслились как свободные, независимые от социального положения людей, вступающих в брак, а также национальной и религиозной принадлежности, равноправные, связанные взаимным чувством и не подлежащие социальному и государственному контролю.

В рассматриваемый период большое влияние на переоценку ценностей в брачно-семейной сфере оказывало сокращение религиозного влияния с четко отработанными нравственными критериями в связи с отстранением церкви от государства и государства от церкви и атеистической направленностью официальной пропаганды. Все это воздействовало на традиционные отношения советских людей, мотивацию брака, на стабильность брачных союзов, брачный выбор. Ослаблялась

традиция, связанная с обязательностью, особенно для женщин, вступления в брак и создания семьи.

Однако, в специфических условиях национальных районов Северного Кавказа при сохранении патриархального быта вплоть до середины 20-х гг. в институте семейно-брачных отношений сохранялась власть мусульманского духовенства. Это консервировало патриархальный уклад и мешало новым преобразованиям, а отход от традиционной исламской регламентации в семейных отношениях стал намечаться с конца 20-х гг. По мере того, как менялись общественные отношения, ширилась борьба за раскрепощение женщины-горянки, менялись взгляды на развод. Анализ архивных данных по Адыгее свидетельствует о том, что число фактических разводов существенно превосходило количество официальных случаев расторжения брака. Однако, оно никаким образом не фиксировалось и не находило отражения в статистике.

Рост числа разводов пришелся на вторую половину 20-х гг., что находилось в прямой связи с протекавшей в этот период перестройкой семейно-брачных отношений. Например, законодательно был признан принцип развода. К началу 30-х гг. наблюдается сокращение числа разводов. Наиболее полное и достаточно адекватное представление об изменениях в расторжении браков за рассматриваемый период можно получить с помощью коэффициента разводимости, представляющего собой отношение числа разводов к числу брачных пар. Данные о динамике этого коэффициента по АЧАО представлены в таблице 2.

Таблица 2

Коэффициент разводимости, %[15]

1923 г.	1925 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
0,8	8,9	29,0	27,5	41,1	31,5	18,9

Коэффициент разводимости зависел от того, в каком возрасте вступали в брак, и от распределения разводов по длительности браков. Известно, что чаще всего распадались наиболее молодые браки. Если охарактеризовать семейное положение разводящихся по наличию детей, то наибольший процент приходится на те пары, которые были бездетными. Анализ текущей статистики за 1929 г. по Адыгее показывает, что удельный вес бездетных разводов составил 15,6 % от общего числа разводов. С 1 ребенком – 4,7 %, с 2 детьми – 1,3 %, с 3 детьми – 1,1 %. Причем наибольший процент разводов наблюдается у женщин в возрастной группе 17-29 лет – 77,9 %, мужчин – 20-39 лет – 76,8 %[16]. В целом по России на 1000 браков разводы в 1924 г. составили 107, в 1925 г. – 150, в 1926 г. – 145[17].

Таким образом, нестабильная социально-политическая ситуация в стране в 20-30-е гг., в том числе в исследуемом регионе, способствовала не только росту неполных семей, но и сокращению продолжительности брака особенно у женщин.

Существенное влияние на продолжительность брака оказывала смертность. Высокая смертность наблюдалась в начале 20-х г. почти во всех регионах страны. В Северо-Кавказском регионе в 1925 г. на каждые 10 000 жителей приходилось в среднем 169,5 умерших, или на каждую сотню рождений 55,5 смертей. В 1926 г. произошло абсолютное понижение смертности, на каждые 10 000 жителей в среднем приходилось 158,5 умерших, или на 100 рождений 50,9 смертей. Причем, мужская смертность превосходила женскую. Это способствовало росту числа вдов. Данные об уровне смертности по городам Краснодарского края включительно Майкоп представлены в таблице 3.

Таблица 3

На 10 000 соответствующего населения умерло в 1926 г. по полу[18] (чел.)

	Ростов	Краснодар	Шахты	Таганрог	Грозный	Пятигорск	Ставрополь	Армавир	Владикавказ	Новороссийск	Майкоп	В среднем
Мужчин	157,7	171,3	290,9	147,2	217,0	154,6	162,9	164,7	169,3	181,0	191,2	178,6
Женщин	131,3	131,8	189,4	110,3	184,1	142,5	130,0	130,2	147,2	160,4	143,4	139,7
Обоего пола	152,3	150,9	238,3	127,7	201,3	148,1	145,4	147,0	158,4	171,0	166,1	158,7

Как свидетельствуют данные, важнейший гендерный показатель – сравнительная продолжительность жизни мужчин и женщин – стал явно асимметричным, смещенным в пользу женщин. Так, если по сведениям 1896-1897 гг. средняя продолжительность жизни мужчин составляла 31 год, женщин – 33, то в 1926-1927 гг. она увеличилась до 41,9 года у мужчин, а у женщин – до 46,8 лет. Снижение смертности у женщин во всех возрастах проявилось сильнее, чем у мужчин.

Впервые в истории нашей страны возникла значительная (5 лет) разница между средней продолжительностью жизни мужчин и женщин[19]. Такого рода явления были связаны с проведением государственными властями демографических мероприятий, направленных на борьбу с материнской и детской смертностью, а также с изменением условий жизни. Перемены в санитарных, жилищных условиях, питании способствовали сокращению заболеваемости и смертности. Однако, в специфических условиях Северо-Кавказского региона эти проблемы решались не просто. Например, при сопоставлении смертности в городах Северо-Кавказского региона со смертностью в крупнейших городах РСФСР за 1925 г. следует заметить, что этот показатель у населения в среднем по перечисленным городам Северо-Кавказского региона превышает среднее число смертности населения РСФСР. В 1925 г. по 11 городам Северного Кавказа умерло на 10 000 жителей 169,5 человек, а по городам России – тот же показатель составил 166,1 человек[20].

Анализ смертности как социального процесса позволяет дифференцировать причины смерти на две основные группы: эндогенные (как результат естественного старения человеческого организма) и экзогенные (как результат воздействия внешнего факторов: условий жизни, питания, распространения острых инфекционных заболеваний). Чем выше в структуре причин смерти доля экзогенного фактора, мало зависящего от возрастного состава населения, тем значительнее уровень смертности. Между тем, в структуре причин смерти населения Северо-Кавказского региона преобладали факторы экзогенного происхождения. В середине 20-х г. в связи с форсированными темпами индустриализации и коллективизации, повлекшими за собой трудности, стало наблюдаться ухудшение качества и количества питания населения. Хроническое недоедание, несбалансированность пищевого рациона были характерны для того времени, и это губительно сказывалось на уровне здоровья населения, в особенности женщин. Например, при сопоставлении пищевых продуктов, употребляемых населением АЧАО и Кубанского округа в 1926 г. обнаруживается разница, «заметно, что у первого менее разнообразный стол, в состав пищи входит большой процент хлебных продуктов, что указывает на бедность крестьян АЧАО, а в составе хлебных продуктов большое место занимает кукуруза – свыше 15 %, а на Кубани – 0,5 %». Данные о составе пищевых продуктов представлены в таблице 4.

Таблица 4

Состав пищевых продуктов в % к общему потреблению за 1926 г.[21]

Наименование продуктов	АЧАО	Кубанский округ
1. Хлебные продукты	71,1	69,8
2. Овощи	2,0	4,7
3. Мясные продукты	3,3	6,5
4. Прочие растительные продукты	7,4	6,3
5. Прочие животные продукты	16,2	12,7
Итого	100	100

Таким образом, нехватка качественной пищи, дефицит белков и витаминов в рационе, снижение калорийности питания негативно отражались на состоянии здоровья населения. Уровень здоровья – важное дополнение к традиционным гендерным показателям, свидетельство развитости экономики и культуры, благополучия общества. Здоровье личности является индикатором ее социальной перспективности, и это один из немногих аспектов жизнедеятельности, где гендерные различия долгое время были в пользу женщин.

Уровень здоровья определяется действием биологического и социокультурного факторов. Преимущество женщин в уровне здоровья обеспечивается прежде всего действием биологического фактора. По расчетам специалистов, разница средней продолжительности жизни мужчин и женщин, обусловленная биологическим фактором, составляет 1,9-2,1 года, остальное – результат действия социокультурных факторов, которые после выравнивания полов к периоду половой зрелости имеют решающее влияние на различия в продолжительности жизни и состояния здоровья[22].

Влияние социокультурного фактора проявляется в традиционном ролевом поведении мужчин и женщин в семье, когда мужчины обеспечивают в семье достаток, а женщины занимаются домашним хозяйством, рождением детей и уходом за ними, несут ответственность за здоровье детей, членов семьи и психологическое состояние семьи, владеют навыками заботы о здоровье, знаниями в отношении культуры питания, бытовой гигиены. Ответственность женщины-горянки за здоровье семьи во все времена определяли высокую ценность здоровья в ее структуре ценностей, и, соответственно, высокий уровень самосохранительного поведения, а следовательно и лучшее состояние здоровья и большие сроки продолжительности жизни. Таким образом, биологические особенности и

традиционные ролевые функции женщин способствовали развитию более высокой, чем у мужчин, культуры самосохранения. Однако, исторически сложилось так, что в России традиционные ролевые функции женщин в сфере здоровья реализовывались в достаточно агрессивных условиях. Во-первых, нагрузки женщин, как работа в домашнем хозяйстве, рождение и воспитание детей, дополнились после революции традиционными мужскими: обеспечением наравне с ними материального благополучия в семье, защитой ее интересов в обществе, ответственностью за воспитание детей. Образовалась так называемая модель «тройной нагрузки»: полный рабочий день, воспитание детей, частично разделяемое с государственными институтами, и организация быта.

Влияние социальных факторов вместе с биологической компонентой, т.е. ухудшением жизнестойкости и адаптационных ресурсов женского организма свидетельствовали о значительном росте заболеваемости и смертности женщин. Женская смертность была выше мужской от эпидемических, инфекционных заболеваний. На 10 000 соответствующего населения по 11 городам Северо-Кавказского региона в 1926 г. умерло женщин от кори – 1,9 %, мужчин – 1,8, от коклюша – 0,8 % и 0,7 % – от рака и прочих злокачественных новообразований 7,0 % и 6,5 % (табл. 5).

Таблица 5

На 10 000 соответствующего населения умерло по 11 городам Северо-Кавказского края в 1926 г.[23]

	Брюшной тиф	Корь	Скарлатина	Коклюш	Дизентерия	Бугорчатка легких	Сифилис	Рак	Болезни сердца	Воспаление легких	Диарея	Врожденная слабость
Мужчин	3,8	1,8	4,5	0,7	1,2	16,5	0,8	6,5	12,3	2,4	17,7	11,1
Женщин	2,8	1,9	4,5	0,8	1,0	9,4	0,5	7,0	10,6	1,7	13,9	8,5
Обоего пола	3,3	1,9	4,5	0,7	1,1	12,9	0,6	6,8	11,4	2,0	15,8	9,8

Наибольшее распространение получили болезни, обусловленные общим ухудшением социально-бытовых условий. Большое распространение получила малярия. Общая заболеваемость населения АЧАО в 4 раза была выше заболеваемости населения Кубанского округа. На 1000 человек обоего пола в АЧАО в 1926 г. малярией болело 756,5 %, а на Кубани – 159,9 %[24].

Конец 20-х гг. в Адыгее отмечен переменами во внутрисемейных отношениях. Это отразилось в сокращении власти и непререкаемости авторитета главы семьи над остальными членами, мужа над женой, родителей над детьми. Данное явление было связано с ослаблением наиболее важных жизнедеятельных функций старой патриархальной семьи – экономико-производственных, семейно-бытовых, воспитательных, а также с процессом эмансипации женщины. Ситуация такого рода не могла не отразиться на отношениях в семье. Они также приобретали внесемейные ориентиры. Данные переписи 1926 г. в области показали следующее: работающие женщины чаще встречались в семьях рабочих и служащих – 2,4 %[25].

Статистические данные, охватывающие 20-е гг. XX в. показывают общую тенденцию сокращения рождаемости. Эта ситуация была вызвана влиянием голода 1921 г., его последствиями. В Северо-Кавказском регионе на 10 000 жителей приходилось родившихся: в 1925 г. – 361, в 1926 г. – 346[26]. В Адыгее в 1925 г. родилось 3 962 человека, в 1926 г. – 3 564 человека[27].

Это явление было связано с постепенной переоценкой, особенно у молодых женщин, своей роли в браке, семье, обществе и переориентацией их семейно-бытовых проблем на общественные. Происходящие перемены сказывались на изменении традиционного репродуктивного поведения женщин, что проявлялось в усилении контроля над рождаемостью.

Среди причин, приведших к снижению рождаемости и среднего

числа детей в крестьянских семьях, были факторы чисто демографические. Как отмечено выше, более позднее вступление в брак женщины-черкешенки, участившиеся разводы, вдовство сокращали общее время поддержания супружеских отношений. Все более заметную роль в репродуктивном поведении супругов стало играть сознательное планирование деторождения, которое в новых условиях становилось личным делом супругов. Среди путей сознательного регулирования рождаемости в семьях наряду с такими примитивными и давно известными, как растянутые сроки вскармливания детей и пр., появились новые методы. Широкое распространение получили аборты – операции искусственного прерывания беременности. «За годы революции аборт стал бытовым явлением, позже принял уродливые формы, стал социальным бедствием», – отмечали врачи. Аборт был легализован в 1920 г. после принятия Наркомздравом и Наркомюстом постановления от 18 ноября 1920 г.[28] Статистика зафиксировала, что в 1922-1924 гг. по неполным данным в сельской местности РСФСР было произведено 150 тыс. абортов, не считая благополучно завершившихся нелегальных абортов, и свыше 3 тыс. смертельных исходов, которых могло и не быть, если они были бы проведены в больничных условиях. По мнению специалистов в 20-е г. аборт стал бытовым явлением[29].

По Северо-Кавказскому региону с января по июнь 1925 г. медикам пришлось иметь дело с 6 596 случаями искусственного прерывания беременности, было выдано 5 245 разрешений на аборт, отказано в 713 случаях[30]. По Майкопскому округу за указанный период было проведено 172 полные операции, принято 85 женщин с начатым загрязненным абортом, отказано в 20 случаях. Удельный вес абортов по отношению к числу обратившихся за помощью женщин составил 89,1 %. Следует отметить, что аборты получили широкое распространение в среде служащих (20 %), рабочих (18 %), безработных (5 %), а в большей

степени у домохозяек (57 %). Как свидетельствуют источники, основной причиной аборта женщины считали нехватку материальных средств к существованию – 90 %, наличие грудных детей – 5 %, многодетность – 2 %[31]. Таким образом распространение абортов среди молодых женщин, наряду с разводами, несомненно было еще одним доказательством кризиса патриархальной семьи, серьезных сдвигов в психологии и морали горянки.

До середины 30-х гг. число абортов продолжало увеличиваться. В 1934 г. по сельской местности РСФСР по подсчетам Б.Ц. Урлариса оно приближалось к числу рождений, всего в России родилось около 3 млн. детей, а только учреждениями Наркомздрава было зарегистрировано 700 тыс. абортов, не включая многочисленных случаев прерывания беременности, которые проводились нелегально. О масштабах абортов говорит и то, что число рожденных детей в 4 раза было больше официального числа абортов[32].

Решением ВЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. аборт был запрещен. Допускались лишь аборты, необходимые по медицинским показаниям. За нарушение запрета абортов устанавливалось уголовное наказание. Несмотря на строгость закона, аборты проводились нелегально, причем за определенную сумму в размере 500 руб. (в масштабе цен 30-х гг.)[33]

Истинные мотивы запрета абортов определялись тяжелой демографической ситуацией в стране, сложившейся после катастрофического голода начала 30-х гг., унесшего миллионы человеческих жизней. В результате повышенной смертности и снизившейся рождаемости стала уменьшаться общая численность населения, которую советские органы власти рассчитывали восстановить в кратчайшие сроки, запретив аборты. В сущности переход от старого типа репродуктивного поведения к новому, который особенно быстро

распространялся с конца 20-х гг. представлял собой важное демографическое явление, которое по своим масштабам и последствиям можно охарактеризовать как революцию в рождаемости.

В значительной мере регулирование рождаемости в семье было тесно связано с быстрым снижением смертности населения и ростом средней продолжительности жизни, что стало заметно с середины 30-х гг. Так средняя продолжительность жизни у женщин увеличилась до 50 лет и продолжала расти. известно, что на среднюю продолжительность жизни влияла высокая смертность детей, сильно укорачивая ее. Для сельского населения АЧАО высокий уровень детской смертности был обычным явлением. И только благодаря тому, что у женщины-крестьянки в среднем рождалось по 6-8 детей, поддерживался сравнительно высокий прирост населения. Шел естественный отбор на выживаемость – жить оставались наиболее крепкие и выносливые (см. табл. 6).

Причиной высокой смертности младенцев в АЧАО, как и в других областях страны были крайне недостаточный уход за детьми, неправильное питание, неоказание вовремя медицинской помощи.

Таблица 6

Рождаемость и детская смертность (до 1 года) в АЧАО[34]

	На 1000 чел. населения родилось, %	На 1000 чел. родившихся умерло в возрасте до 1 года, чел.
1928 год	51,7	103
1929 год	44,9	138
1930 год	46,7	95
1931 год	27,6	102
1932 год	30,1	97

В общем изучение семейного состояния, брачности женщины-горянки, рождаемости населения Адыгеи показало, что в 1920-1930-е гг. основным типом семьи оставалась семья с брачной парой, во главе с мужчиной. Демократизация внутрисемейных отношений меняла взгляды

на брак, семью, ограничивала авторитарно-патриархальные традиции, свойственные адыгской семье конца XIX – начала XX в. Брачно-семейные отношения становились менее стабильными и длительными из-за роста разводов и высокого уровня мужской смертности, что увеличивало число неполных семей, семей с главой-женщиной. Согласно данным переписи 1926 г. 2 315 женщин в Адыгее являлись главами семей[35].

Примечания:

1 Бюллетень Северо-Кавказского статистического управления. Ростов н/Д, 1927. № 17. С. 29.
2 Андреев А., Дарский Л., Харькова Т. Демографическая история России. М., 1998. С. 35.
3 Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е г. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 35.
4 Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 57.
5 Подсчитано автором. Государственное управление национальным архивом Республики Адыгея (ГУНАРА). Ф-Р. 4. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.
6 ГУНАРА. Ф-Р. 4. Оп. 1. Д. 9. Л. 24. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992. С. 23.
7 ГУНАРА. Ф-Р. 4. Оп. 1. Д. 62. Л. 87.
8 Подсчитано автором. ГУНАРА. Ф-Р. 4. Оп. 1. Д. 9. Л. 27.
9 ГУНАРА. Ф-Р. 4. Оп. 1. Д. 196. Л. 4.
10 Там же. Д. 2. Л. 28.
11 Подсчитано автором. ГУНАРА. Ф-Р. 4. Оп. 1. Д. 167. Л. 1; Д. 196. Л. 3.
12 Подсчитано автором. Там же. Д. 9. Л. 192
13 Подсчитано автором. Там же. Л. 27.
14 Население России в XX в. Исторические очерки, 1900-1939. – М., 2000. – Т. I. – С. 177.
15 Подсчитано автором. ГУНАРА. Ф-Р. 4. Оп. 1. Д. 237. Л.1; Д. 167. Л. 1; Д. 196. Л. 3; Д. 262. Л. 2; Д. 32. Л. 37; Д. 6. Л. 86; Д. 89. Л. 27.
16 Подсчитано автором. ГУНАРА. Ф-Р. 4. Оп. 1. Д. 196. Л. 14.
17 Население России в XX в. Т. 1. С. 178.
18 Бюллетень Северо-Кавказского краевого статистического управления. Ростов н/Д, 1927. № 17. С. 8.
19 Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 119.
20 Бюллетень Северо-Кавказского краевого статистического управления. Ростов н/Д, 1927. № 17. С. 5.
21 ГУНАРА. Ф-Р. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 37.
22 Социс. 2000. № 11.
23 Бюллетень Северо-Кавказского краевого статистического управления. Ростов н/Д, 1927. № 17. С. 8.
24 ГУНАРА. Ф-Р. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 31.
25 Там же. Д. 90. Л. 94.
26 Население России в XX в. Исторические очерки, 1900-1939. М., 2000. Т. I. С. 182.

[27] ГУНАРА. Ф-Р. 4. Оп. 1. Д. 237. Л. 5.
[28] Население России в XX в. Исторические очерки, 1900-1939. М., 2000. Т. I. С. 182.
[29] Там же. С. 207.
[30] ГУНАРА. Ф-Р. 51. Оп. 1. Д. 5. Л. 143.
[31] Там же. Л. 154.
[32] Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.. 1963. С. 29.
[33] Личный архив автора. Воспоминания Урсок Кутырхан Касеевны, жительницы а. Гатлукай, записанные автором с ее слов 25 декабря 2003 г.
[34] ГУНАРА. Ф-Р. 4. Оп. 1. Д. 196. Л. 3; Д. 164. Л. 1; Д. 217. Л. 4; Д. 237. Л. 1; Д. 262. Л. 2.
[35] Там же. Д. 9. Л. 194.

Т.П. Хлынина

Подотдел по национальным делам Кубано-Черноморского революционного комитета: проект или реальность?

Вопрос, вынесенный в заглавие статьи и собственно послуживший поводом к ее написанию, сводится к решению проблемы частной и для неспециалиста вряд ли занимательной. Речь идет о факте существования органа власти, деятельность которого не нашла своего внятного отражения ни в одном из известных и введенных в научный оборот исторических источников. В данном случае автор сознательно избегает употребления более привычного и профессионально выверенного термина «исторические свидетельства», так как небезосновательно полагает, что рассматриваемый эпизод прошлого ни по природе своего происхождения, ни по масштабам общественной значимости не мог найти сколько-нибудь заметного отклика в «толще народного сознания». Поэтому круг анализируемых источников ограничивается лишь архивными документами, а сама проблема – ответом на вопрос о том, каким образом осуществлялась национальная политика в первые годы советской власти.

Решение поставленной задачи, казалось бы, особых трудностей не вызывает и сводится к поиску наиболее надежного и в последующем неопровержимого источника, фиксирующего время образования подотдела по национальным делам. Таким источником может выступать только решение уполномоченного на то органа власти, т.е. самого Кубано-Черноморского революционного комитета. Однако сложность ситуации в том и состоит, что соответствующего документа, посредством которого учреждался бы подотдел не найдено, хотя существует источники, содержащие упоминания о деятельности

находящейся в его ведении Мусульманской секции. Наиболее правдоподобным выходом из сложившейся ситуации могло бы послужить предположение о «самостийном» возникновении подотдела, канцелярское оформление которого по каким-то причинам оказалось либо невозможным, либо практически необязательным. Тем более что подобные прецеденты в ранней советской истории существовали, как, например, в случае с образованием Кубано-Черноморской области, и особого беспокойства исследователей не вызывали.[1]

Вместе с тем, ряд обстоятельств, как сугубо профессионального свойства, так и реально сложившейся практики в деятельности советского бюрократического аппарата, не позволяют с необходимой на то степенью уверенности согласиться с такого рода предположением. **Во-первых**, ни в одном из известных историографических источников не содержится четкого указания относительно времени создания и, тем более, упоминаний о деятельности подотдела. Практически все авторы, так или иначе выходившие на освещение рассматриваемого сюжета, ограничивались и по-прежнему ограничиваются пространными рассуждениями о надлежащих действиях власти в «чрезвычайно сложном и запутанном положении дел» в национальной сфере.

Во-вторых, сами источники в этом вопросе оказываются на редкость плохо информированными. Так, в подробно составленных специалистами Государственного архива Краснодарского края описях фондов Кубано-Черноморского ревкома[2] и находящегося в его ведении отдела управления[3] встречается лишь одно упоминания о «необходимости организации подотдела по национальным делам».[4] Оно находит отражение в нескольких документах, составляющих одно дело и представляющих собою доклады различных ведомств и отдельных лиц. Они датируются 4 июля – 4 октября 1920 г. и насчитывают 12 страниц

прочитываемого текста. Однако их содержание свидетельствует лишь о предположительных намерениях власти. **В-третьих**, в документах тех же фондов проходят сведения о деятельности Казачьей секции[5], губернских эстонских комитетов[6], выражении интересов польских граждан[7] и регулировании проблемы армянских беженцев.[8] Столь тщательное фиксирование архивными источниками данных о состоянии межэтнических отношений в области, динамики их развития и организационного представительства, закономерно приводит к мысли о том, что факт создания подотдела по национальным делам не мог оказаться событием, «незамеченным» нормативными документами. Следовательно, логичнее всего предположить, что он так и остался нереализованным проектом Кубано-Черноморского ревкома.

В пользу данного предположения свидетельствуют и источники более позднего времени, в которых нашли отражение проблемы организации и деятельности подотдела национальных меньшинств исполнительного комитета области.[9] Ни один из них не содержит прямого указания на какую бы то ни было преемственность по отношению к ранее действующей инстанции власти. Более того, характер сообщаемых ими сведений, сводящихся к общей неналаженности работы в этой области, укрепляет исследователя в высказанном несколькими строками выше предположении. Единственным же препятствием, объективно мешающим полностью согласиться с версией отсутствия в структуре Кубано-Черноморского ревкома «национального» органа власти остается представление о подчинении ему Мусульманской секции, которое со временем превратилось в довольно расхожее суждение и обрело силу историографического факта.

Согласно этому факту, Мусульманская секция являлась одной из

наиболее ранних форм становления государственной самостоятельности адыгов Кубанской области. Однако ее статус и предельно общее наименование порождают немало вопросов и, вероятнее всего, своей постановкой и поиском ответов будут способствовать разрешению и интересующей нас проблемы. С этой целью предполагается проанализировать: 1) факты исторических источников, полноту и надежность их сведений относительно времени, целей и задач создания секции; 2) общую ситуацию в области, сложившуюся на момент возникновения данного органа власти; 3) оценки непосредственных участников и современников существования секции, интерпретации историков; 4) явные и скрытые проблемы неоднозначности восприятия рассматриваемого события.

1) Основными историческими свидетельствами существования и деятельности секции являются архивные источники и публикации самих участников советского и национально-государственного строительства. Последние, как правило, основываются на личном опыте и совпадают со сведениями, содержащимися в архивных документах. Их количество предельно ограничено и насчитывает не более десяти единиц. Тем не менее, они позволяют или, по крайней мере, вплоть до недавнего времени позволяли, установить время существования секции, ее состав, круг разрабатываемых вопросов и косвенно ответить на вопрос о причинах роспуска первого органа национального самоуправления адыгов Кубанской области.

В соответствии с данными источников, Мусульманская секция была учреждена Кубано-Черноморским революционным комитетом 8 апреля 1920 г. Официальной причиной ее создания те же источники называют обращение представителей мусульманского населения Екатеринодара в отдел управления областного ревкома. В нем сообщалось о желательности

создания общемусульманского органа власти ввиду «сплоченности мусульманских масс в области и совершенного отсутствия среди них понятия о сущности и задачах советской власти», а также в «целях принятия неотложных мер в культурно-просветительной области».[10] Идя навстречу требованиям местного населения, ревком учредил при подотделе по национальным делам областного отдела управления Мусульманскую секцию, которая в своей деятельности обязана была руководствоваться общими положениями Советской республики.[11]

Секция состояла из нескольких подотделов: инструкторско-информационного, задача которого сводилась к ознакомлению населения с сущностью и задачами советской власти; учетно-распределительного – регистрировавшего мусульманское население области и определявшего его «трудовые признаки»; культурно-просветительного – обязанного выпускать газеты на русском и мусульманском языках, а также способствовать открытию сети «низовых» и высших школ; конфликтно-жалобного – призванного разрешать все возникавшие среди мусульманского населения тяжбы как материального, так и нравственного характера; и общего подотдела, в чьи обязанности входили заботы сугубо канцелярского свойства. При этом конфликтно-жалобный подотдел основывал свою деятельность на «шариатских постановлениях мусульманской религии», а общий – имел в своем штате сотрудника по здравоохранению, который должен был «открыть мусульманский лазарет, больницу и аптеку».[12]

Ее руководящий состав был избран на заседании представителей мусульман Кубанской области и Черноморской губернии РСФСР, состоявшемся 8 апреля 1920 г. Председателем секции стал К. Мишуриев, его заместителем – казанский татарин И. Алиев, заведующим инструкторско-информационного подотдела – С. Сиюхов, учетно-распределительного – И. Цей, культурно-просветительного –

азербайджанский татарин А. Акперов, конфликтно-жалобного – М. Гатагогу, общего отдела – азербайджанский татарин Камбаров. Сотрудниками секции назначались: по школьному делу – Н. Цей, по здравоохранению – А. Бжассо, земледелию – К. Намитоков, труду – лезгин К. Чанкуев, секретарем – В. Павлюк. Интересы секции при областном отделе управления представлял татарин Рагим-Оглы. Общий штат служащих секции составлял 22 человека.[13]

Источники, в которых повествовалось бы о деятельности секции, в научный оборот до сих пор не введены. Вероятнее всего, учитывая кратковременность ее существования, они весьма отрывочны и носят характер общих намерений. Поэтому о дате роспуска секции и его причинах исследователь узнает из источников, исходящих от вышестоящего органа власти. Основным из них или, по крайней мере, наиболее цитируемым в литературе, является решение Кубано-Черноморского ревкома от 16 июня 1920 г. о роспуске секции с последующим созывом съезда горцев Екатеринодарского отдела.

Характер содержащихся в источниках сведений, не позволяющих в полной мере воссоздать деятельность секции, а также отсутствие в них внятно сформулированной причины ее роспуска требуют для решения поставленных задач обращения к более широкому историческому контексту того времени и его историографическому осмыслению.

2) Из специальной литературы хорошо известно, что рассматриваемый период ознаменовался двумя принципиально важными событиями в истории страны: восстановлением советской власти и началом широкомасштабных административно-территориальных преобразований, направленных на создание экономически обоснованных целостных районов и эффективно функционирующего аппарата управления. Воплощение в жизнь последнего требования оказалось тесно связанным и с учетом различного опыта участия народов области в ее

политической жизни.

Памятуя о программных установках партии на самоопределение народов, большевики по завершении Гражданской войны приступили к их реализации в весьма любопытной форме. По инициативе центральной власти различной степенью автономии наделялись те народы, которые по тем или иным причинам ею еще не обладали. Таким образом, предполагалось через формы, близкие «националам», вовлечь их в русло советского политического и хозяйственного строительства. Процесс этот имел строго централизованный характер и к народной воле апеллировал лишь в определенных случаях.

В пределах Кубано-Черноморской области проживали различные группы народов, положение которых и отношения с властью требовали вмешательства последней. Согласно Всероссийской переписи 1920 г. из 2.707.630 человек, населявших область, 76 % составляли русские, 11 % – украинцы, 4 % – «великороссы», по 2 % приходилось на долю армян и греков, 3 % было отнесено к категории «кавказских горцев».[14] По мнению ряда современных исследователей, следует учитывать, что материалы приводимой переписи «намного уступают точности данным последующих переписей». Тем не менее, приводимые ими сведения статистического порядка свидетельствуют о значительном увеличении доли армян, греков, азербайджанцев, евреев и немцев в общей структуре народонаселения Кубано-Черноморской области к 1920 г.[15]

Исходя из общей ситуации в стране и имеющегося опыта регулирования межнациональных отношений, вероятнее всего предположить, что при отделе управления областного ревкома создается подотдел по национальным делам. Первоначальный проект его учреждения предполагал организацию шести секций: по мусульманским, польским, грузинским, армянским, греческим делам и делам Латвии, Литвы и Эстонии.[16] Структурное деление подотдела, составление по

конфессиональному, этническому и гражданскому принципам, отражает, с одной стороны, понимание властью национальных проблем как некоего комплекса культурно-законодательных особенностей положения народов области, а с другой – демонстрирует их далеко не первостепенную значимость.

Выделение самостоятельной секции, призванной заниматься обустройством жизни собственно мусульманского населения области, вероятнее всего, было продиктовано не его численным преобладанием, а особыми отношениями советской власти с трудящимися Востока. В данной связи заслуживает внимания суждение ростовских специалистов о явной взаимосвязи, наблюдавшейся между перенесением акцентов в советской внешней политике на Восток и усилиями, направленными правящей партией на изменение социально-классовых и межнациональных отношений на Северном Кавказе.[17]

Однако уже через два с половиной месяца ревком вынужден будет удовлетворить просьбу горского населения области о предоставлении ему самостоятельного органа национального самоуправления. Сохранившийся доклад заведующего областным отделом управления Кубано-Черноморского ревкома от 30 июня 1920 г. указывает на имевшееся ходатайство об учреждении особого отдела по горским делам от делегатов-горцев. Организация подобного отдела, по их мнению, вызывалась наличием в области не менее 200 тыс. горцев. Подавляющая масса этого населения была безграмотна, политически невежественна и требовала «во всех сферах общественной жизни исключительно интенсивной работы».[18]

Областной ревком пока не видел необходимости в учреждении особого органа, но отмечал целесообразность сосредоточения управления горским населением в одних руках. В этом же документе **предлагалось формирование при областном отделе управления «не предусмотренного штатом подотдела по национальным делам, с**

подразделением на секции по числу имевшихся в области народностей» *(выделено мною – Т.Х.)***,** во главе с партийными работниками, обладавшими знанием местных языков. В районах со значительным количеством горского населения следовало ввести при отделах управления особые структуры по горским делам.

29 июля после неоднократных обращений горского населения к областным органам власти Кубано-Черноморский ревком учреждает Горскую секцию. Одной из основных причин создания последней следует признать популярность в среде политически активной части адыгов идеи независимой Горской республики.[19] На этом «зримые» упоминания о дальнейшей судьбе Мусульманской секции в источниках теряются, а в историографии проблемы отсутствуют и вовсе.

3) В региональной историографии факты создания и роспуска секции, обвиненной во враждебном настроении по отношению к советской власти, практически не нашли своего отражение. Как правило, в тех немногочисленных работах, которые освещали ее деятельность, говорилось лишь о буржуазно-националистическом составе секции, игнорировавшем неотложные постановления советской власти, проповедовавшем идеи панисламизма и возрождавшем религиозные учреждения.[20]

Единственным исследованием, попытавшимся непредвзято рассмотреть деятельность секции, остается изданная еще в 1927 г. работа Я.Н. Раенко-Туранского «Адыге до и после Октября». Ее автор назвал следующие причины, которые затянули процесс формирования секции: «приспособление через секцию к аппарату управления некоторых недобросовестных лиц», отсутствие на Кубани члена партии К. Мишуриева, призванного оградить деятельность секции от вредных уклонов, неопытность работников, впервые столкнувшихся с советским строительством, неразработанность самих принципов деятельности

организации, призванной обслуживать интересы мусульманского населения. Я.Н. Раенко-Туранский также отмечал, что секция обвинялась в попытке создания культурной автономии на религиозных началах и распространении панисламистской идеологии.[21] Указанные обвинения были вполне созвучны реалиям того времени, что находило отражение в позиции многих известных горских оппозиционеров.[22]

Учитывая современный уровень историографического осмысления проблемы, а также введенный в научный оборот комплекс источников, можно предположить, что основной причиной непродолжительного существования секции стало несовпадение начальных целей ее организации и последующей деятельности. Вызванная к жизни, по мнению ревкома, необходимостью реализации задач советского строительства, секция, в лице подавляющего большинства ее членов, приступала к обслуживанию исключительно национальных нужд мусульман области. Ее непосредственное подчинение Кубано-Черноморскому ревкому, отсутствие четкого разграничения сфер полномочий между ними, нараставшая административная опека со стороны областного руководства, в конечном итоге, и порождали местнический сепаратизм и недолговечность такого рода органов национального самоуправления.

4) Проанализированный эпизод из истории национальной политики советской власти свидетельствует, прежде всего, о том, что его осмысление теснейшим образом сопряжено с состоянием самой историографии проблемы в предельно широком ее толковании и возможностями источников того времени. Неполнота и идеологическая ангажированность последних, длительное время совпадавшая с канонами научной объективности советской исторической мысли, обусловили собою представления о некой цельной, хотя и внутренне противоречивой,

политики власти в отношении бывших «национальных окраин» страны.

Подобные представления, не изжитые и до сего времени, являются основным методологическим препятствием воссоздания реальной исторической картины этой весьма противоречивой сферы общественной жизни. Полагая, что власть изначально располагала внятно сформулированной программой действий в данном направлении, историки пытаются в каждом ее свершении различить отблеск «скрытой от неопытного взгляда» основополагающей идеи.

Неверная исходная установка исследователей привела к весьма парадоксальной ситуации, наглядно просматривающейся в их поверхностном ознакомлении с историческими свидетельствами. Как правило, каждое последующее поколение историков, предлагающее свою версию прошлого, ограничивается либо глубоким, либо поверхностным пересмотром взглядов своих предшественников. При этом лишь незначительная часть представителей профессионального сообщества пытается заново прочитать те источники, на основании которых были получены интересующие его результаты.

Представляется, что в осмыслении проблемы значимости Мусульманской секции для народов и власти Кубано-Черноморской области, историки оказались в той же самой парадоксальной ситуации.

Во-первых, со времен Я.Н. Раенко-Туранского представления исследователей о назначении и причинах роспуска секции существенным образом не изменились. Вероятнее всего, именно его работа оказалась наиболее полновесным и верным историографическим осмыслением анализируемого эпизода прошлого. Вместе с тем, она заложила и последующую традицию отождествления Мусульманской секции с процессом обретения национального самоопределения лишь одним мусульманским народом области – адыгами, что собственно косвенно подтверждалось и персональным составом руководства секции. Подобное

несоответствие в литературе явно не артикулировалось, находя свое отражение только в объяснении необходимости преобразования Мусульманской секции в Горскую.

Во-вторых, исследователей не интересовал и такой явно лежавший на поверхности казус, как временной разрыв между роспуском одной секции и организацией на ее месте другой. Хотя, руководствуясь представлениями о «всевидящем оке» власти, закономерно было бы задаться вопросом: а кем же тогда опекались мусульмане области и посредством каких организаций реализовывали свои интересы?

В-третьих, сопоставление двух архивных документов, датируемых соответственно 8 апреля и 30 июня 1920 г., приводит к выводу о том, что подотдела по национальным делам, по крайней мере, при отделе управления ревкома, до 30 июня так и не было создано. Поэтому вопрос о существовании самой Мусульманской секции и ее административном подчинении остается до сих пор открытым. Более того, на сегодняшний день не прояснен и вопрос о том, стала ли учрежденная 29 июля Горская секция правопреемницей последней, или же она оказалась совершенно самостоятельным органом управления адыгского населения области.

В случае верности последнего предположения целесообразнее всего было бы отказаться и от устоявшейся в историографии точки зрения, в соответствии с которой именно Мусульманская секция являлась первым органом самоуправления адыгов Кубанской области. Судя по немногочисленным историческим источникам, она не воспринималась в качестве таковой, прежде всего, самими адыгами, которые настойчиво требовали от областной власти учреждения соответствующего органа. И, наконец, следует всерьез подумать о том, какую все-таки роль во взаимоотношениях народов области могла бы сыграть секция, просуществовавшая чуть более двух месяцев и не нашедшая своего заметного отражения в архивных источниках. Скорее всего, она являлась

одной из первых попыток областной власти обозначить свою позицию в национальном вопросе, вызвав, тем самым, определенную реакцию со стороны «иноязычного» населения.

Таким образом, с полным основанием можно предположить, что вместо первоначально планируемого подотдела по национальным делам были созданы соответствующие секции, призванные учитывать интересы отдельных групп населения области. Фрагментарное отражение их деятельности в документальных источниках, собственно и породившее рассматриваемую конкретную проблему, объясняется как кратковременностью существования такого рода структур, так и общей ситуацией в стране, связанной с поиском наиболее дееспособных органов власти в этой сфере общественной жизни. Поэтому при разработке сюжетов ранней советской истории следует особо учитывать и то обстоятельство, что очень многие проекты, не нашедшие реального воплощения в жизни, оставили следы своего зримого присутствия в создаваемых впоследствии совершенно иных ведомствах, учреждениях и организациях. Наглядным тому подтверждением как раз и является судьба проекта создания подотдела по национальным делам Кубано-Черноморского революционного комитета.

Примечания:

[1] Следует напомнить, что именно с момента образования Кубано-Черноморского областного ревкома (29 марта 1920 г.) подведомственная ему территория стала называться Кубано-Черноморской областью, хотя каких бы то ни было законодательных актов и постановлений, связанных с возникновением новой административно-территориальной единицы, принято не было.

[2] Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.Р. – 158. Оп.1.

[3] Там же. Ф.Р. – 102. Оп.1.

[4] Там же. Ф.Р. – 158. Оп.1. Д.83 «Доклады о необходимости организации при областном ревкоме подотдела по национальным делам».

[5] Там же. Ф.Р. – 102. Оп.1. Д.314.

[6] Там же. Д.2, 316

[7] Там же. Д.2, 7, 280, 293, 416.
[8] Там же. Д.454.
[9] См., например: Государственный архив Российской Федерации. Ф.1318. Оп.1. Д.847. Л.12, 14, 22; Д.765. Л.1 – 2, 12 – 14, 18.
[10] Национальный архив Республики Адыгея (далее – НАРА). Ф.467. Оп.1. Д.14. Л.34.
[11] ГАКК. Ф. Р. – 158. Оп.1. Д.83. Л.2.
[12] НАРА. Ф. 328. Оп.1. Д.1. Л..3-а
[13] Там же.
[14] Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. Статистический сборник за 1922 – 1923 гг. Краснодар, 1923. Часть 1. С.64.
[15] Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. С.85.
[16] НАРА. Ф.328. Оп.1. Д.1. .Л..7.
[17] Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов – на – Д., 2003. С.62.
[18] ГАКК. Ф.Р. – 158. Оп.1. Д.83. Л.53.
[19] Хлынина Т.П. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997. С.47 – 48
[20] См.: Кубов Ч.Ч. Создание и укрепление советской государственности адыгейского народа – воплощение в жизнь ленинской национальной политики // Ученые записки Адыгейского НИИ ЯЛИ. Т.XV. История. Майкоп, 1972; Мекулов Д.Х. Советы Адыгеи в социалистическом строительстве. 1922 – 1937. Майкоп, 1989.
[21] Раенко-Туранский Я.Н. Адыге до и после Октября. Краснодар, 1927. С.103.
[22] Там же. С.140.

С. К. Пчегатлук

Торгово-экономические связи в системе отношений Россия – Северо-Западный Кавказ (конец XVIII – начало XIX вв.)

Россия, наряду с аннексией и колонизацией, как основными методами завоевания Северо-Западного Кавказа, применяла и своеобразный метод покорения адыгского народа путем правительственных экономических мероприятий. Основная цель этих правительственных экономических мероприятий заключалась в «возбуждении доверия к царизму, указании пользы к спокойному приобретению собственности, смягчении дикого нрава горцев».[1] Экономические мероприятия в правительственных кругах официально назывались торговыми или «мирными» отношениями, которые изначально должны были выражаться «в обмене продуктов Черномории на предметы Черкесского производства и произведения Закубанского края».[2] Торговые отношения начались с самого прихода черноморцев на Кубань, которых «старые хозяева горцы приняли довольно дружелюбно».[3] По грамоте от 30 июня 1792 г. Черноморское войско получило в вечное владение остров Фанагорию со всей землей, лежащей по правому берегу р. Кубани «со всякого рода на ней угодьями», в числе которых драгоценным даром были соляные озера и лиманы. Между рыболовными лиманами находились «солеродные озера: Ясенские, – их несколько вместе, – близ Бейсужского залива; Ахтарские, – их тоже несколько вместе, – и Ачуевское, – близ Ахтарского залива: Бугазское, близ Бугазского гирла; Меркитантское и Тузловское – первое над Таманским заливом, а последнее при выходе Керчинского пролива из Черного моря. Под всеми соляными озерами находится 15,440$^{I/4}$ десятин земли».[4] Высшего качества соль давало

Тузловское озеро, которое прилегает к Черному морю. Соль, добываемая из озер, лежащих по черте Черного моря «более чистая и сильная», нежели та, которую добывают из озер, «примыкающих» к Азовскому морю. Соль «этих последних содержит в себе растительные части и другие примеси. ... Не все другие озера и не всякое лето дают соль. Некоторые даже засоряются, заплывают илом и вовсе теряют солепроизводительную силу. ... Соль садится в июле и августе при действии сильных жаров и при отсутствии дождей. ... Обыкновенная садка, то есть кристалловидная кора, которою поддерживается озеро, бывает в четверть вершка толщиною».[5] Ранее эти соляные озера принадлежали казне крымских ханов и составляли не последнюю статью дохода. На момент получения их черноморцами они «были прикрыты большими редутами. ... В стенах редутов помещались склады соли и ясыр (плен), работавший на озерах».[6]

Поселенцы в Черномории для обустройства нуждались в строевом лесе, которым владели адыгские субэтносы. Последние, в свою очередь, нуждались в соли. Именно на почве их обмена возникли первоначально торговые отношения жителей Черномории и Черкесии. Со временем статьи торговли расширились.

В рассматриваемый период Черкесия – крупное территориально-политическое образование на Кавказе.

По свидетельству адыгского просветителя первой половины XIX в. Хан-Гирея, черкесские земли лежали «между 55 ^{o} и 63 ^{o} долготы от острова Ферро и между 45 ^{o} и 44 ^{o} северной широты и, следовательно, простирались в длину слишком на 600 верст, начиная от устья Кубани вверх по этой реке, а потом по Куме, Малке и Тереку до границ Малой Кабарды, которые простирались прежде до самого слияния реки Сунжи с рекою Тереком». Ширина была различна и заключалась «От вышеупомянутых рек на полдень по долинам и по скатам гор в разных кривизнах, имеющих от 20 до 100 верст расстояния, составляя таким образом длинную узкую полосу,

которая начиная от восточного угла, образуемого слиянием Сунжи с Тереком, то расширяется, то опять стесняется, следуя на запад вниз по Кубани до берегов Черного моря».[7]

На начальной стадии развития торговые отношения не подвергались особой регламентации. Ход торгово-меновых операций определялся предписанием от 1791 г. таврического генерал-губернатора премьер-майору Савве Белому «для общего блага продажу соли, приобретенном в своих собственных пределах старшинами и казаками, черкесам Закубанским и покупку у них хлебных семян и других надобностей производить и заниматься купеческою комиссиею с ними, соблюдая от нашей стороны к ним ласковое обхождение, и при случае учреждения с нашей стороны или от них карантина, высиживать оный в отвращение заразительной болезни, чтобы он был всегда с наших на непредвиденный случай к безопасности вооруженным».[8] Это распоряжение оставалось в силе до 1796 г. Но оно не определяло кому, когда и где проводить торговый мен.

В 1796 г. с жителями Черкесии было прекращено всякое сообщение. Причиной послужило занесение моровой язвы на Таманский полуостров. С целью предотвращения распространения эпидемиологических заболеваний, по кордонной линии были учреждены карантинные заставы. Необходимо отметить, что то же самое произошло в начале XIX в. в Кавказской губернии. И лишь только с прекращением эпидемии по «именному высочайшему указу» херсонскому военному губернатору 18 августа 1808 г. было восстановлено сообщение с Кавказской губернией. Торговые отношения – осуществлялись только через Кизлярскую таможню, которая была приспособлена для карантинного очищения. [9]

После запрета поддерживать какие-либо торговые отношения с черкесами, инспектор новороссийской врачебной управы Раде в конце 1797 г. вынужден был обратиться с просьбой к новороссийскому военному

губернатору генерал-лейтенанту Н.М.Бердяеву «дабы благоволено было в состоящем в городе Екатеринодаре менном дворе дозволить по-прежнему чинить вымен хлеба за соль».[10] Такое обращение обосновывалось тем, «что содержащие караул по всей реке Кубани в рассуждении запрещения промена у черкесов соли за хлеб, по новости их тамо жительства терпят в провианте великую нужду».[11] Вопрос был решен положительно, о чем Раде сообщил войсковому есаулу Черноморского казачьего войска М.С.Гулику в своем отношении от 18 декабря 1797 г. В нем особо указывалось на то, чтобы мена происходила «с надлежащею осторожностью, дабы черноморские казаки не имели с черкесами никакого сообщения, и других товаров, кроме хлеба не выменивали».[12] В декабре 1797 г. у закубанских горцев было выменяно 30 пудов пшеницы на 15 пудов войсковой соли, так же было выменяно 22 пуда 20 фунтов муки ржаной и 19 пудов ячменя.[13] Необходимо отметить, что структура обмена была представлена не только хлебом, как указывалось в приведенном отношении, но в нее входили доски, строевой лес, лошади.

Динамика торговых оборотов изменялась по возрастающей из месяца в месяц по основной статье обмена. По сравнению с декабрем 1797 г. в январе-феврале 1798 г. выменяно пшеницы 4978 пудов 38 фунтов на 2489 пудов войсковой соли, муки ржаной 100 пудов на 50 пудов соли, пшена 20 пудов на 10 пудов соли и ячменя 37 пудов на 12 пудов соли.[14] Динамика торговых оборотов зависела от состояния политических отношений между Россией и Черкесией, Россией и Турцией, Черкесией и Турцией и вспышкой эпидемий.

Так как Черноморье испытывало постоянную нужду в предметах, выменяваемых или покупаемых у жителей Черкесии, войсковой наказный атаман генерал-майор Котляревский испросил «высочайшее разрешение» на открытие меновых дворов. В 1794 г. был учрежден первый меновый двор в Екатеринодаре «против бжедугов», второй – на Гудовичевой

переправе «против натухайцев», а третий – «против шапсугов». При каждом меновом дворе были устроены карантинные учреждения. Организация меновой торговли была отдана в руки казачьей администрации и являлась войсковой привилегией. Во главе менового двора стоял смотритель, назначаемый войсковым правлением, при нем находились чиновники, переводчики, военные команды. Деятельность штата менового двора всегда находилась под контролем войскового начальства.

Все товары, выменяваемые на соль, поступали в собственность войска, так как соль была достоянием всего войска. Жители Черномории имели право самим производить обмен с закубанцами на другие предметы. Архивные документы свидетельствуют, что адыги иногда не соглашались на меновую торговлю и требовали за свой товар турецкие деньги, которых у казаков не было, «тогда даже служащие при меновых дворах находились в большом затруднении относительно приобретения для себя необходимых продуктов».[15]

Учреждение меновых дворов преследовало не только экономические, но и разведывательные цели – получение информации о настроении и намерениях адыгов. Перед Екатеринодарским меновым двором была поставлена «специальная задача»: собирать сведения от приезжающих для обмена князей и дворян «о действиях, какие происходят у закубанцев, о времени происхождения оных и в каких местах; также о пленных российско подданных узнавать и доносить здешнему местному начальству».[16]

Закубанская торговля приносила немалую прибыль торговцам, которые решались заняться ею. Но не все дельцы выполняли свои обязательства. История с сотником Донского казачьего войска Николаевым красноречиво свидетельствует об этом. В 1802 г. Николаев заключил договор с Черноморской войсковой канцелярией на сдачу ему в

откуп всех меновых дворов Черномории. Срок откупа был определен в четыре года. Основные условия договора – Николаев должен был вносить за откуп ежегодно по 17 000 рублей ассигнациями в войсковую казну. Как и ожидалось, Николаев получил немалую прибыль, но обязательств своих не выполнил. Дело о взыскании с него невыплаченных денег тянулось с 1807 по 1836 г. В 1836 г. Николаев умер, так и не уплатив всей суммы, причитавшейся с него.[17]

О намерениях царского правительства свидетельствует тот факт, что после военных экспедиций за Кубань в 1807-1810 гг., которые завершились разорением многих (до 200) адыгских аулов, военный министр в 1810 г. представил записку в Комитет министров о необходимости возобновления торговли с адыгами. Он предлагал объявить им, что «разорению они сами причиною, и претерпели наказание за набеги и хищничество в пределах России, и что раскаяние их приемлется с милосердием в знак коего обращается особое внимание на их благоденствие, установить по линии в разных известных местах менового с ними торга ... преимущественно ... с выгодою».[18] 6 июля 1810 г. царем был одобрен журнал Комитета министров, по которому было поручено товарищу министра внутренних дел «установить с закубанскими народами сношения через меновый торг с соблюдением с нашей стороны точной справедливости, определив пункты, где должны быть соляные запасы и откуда и куда допускать их брать соль, которую дозволить им вывозить без платежа пошлины и выработать вместе с тем положение, которое должно быть наименее стеснительно для закубанцев».[19]

Генералом от кавалерии А.П. Тормасовым, главнокомандующим в Грузии и на Кавказской линии в 1800-1811 гг., был предложен проект учреждения меновых дворов, на котором базировались основные принципы торговли с горцами. Предлагалась постройка меновых дворов за счет казны и назначение в каждый из них инспектора, учреждение в

Георгиевске особого комитета в следующем составе: председатель – командующий войсками Кавказской линии, члены – генерал-майор Султан-Менгли-Гирей, гражданский губернатор от закубанских народов, и полковник князь Атажуков от Кабарды. Осуществить предписание главнокомандующего, которое было разослано на места канцелярией управляющего Кавказом, оказалось не так-то легко. Во-первых, цели экономических мероприятий царизма чиновники, которые к разрешению данной проблемы имели непосредственное отношение, понимали по-разному. Во-вторых, Черкесия явилась одним из театров русско-турецкой войны 1806-1812 гг. Основные военные действия развернулись в районе крепости Анапа, важнейшего опорного пункта Османской империи, и крепости Суджук-кале. В ходе войны Анапа несколько раз занималась то одной, то другой воюющей стороной.

Десантом, высаженным с судов эскадры капитан-лейтенанта Перхурова, крепость Анапа была взята в июне 1809.[20] По истечении нескольких дней после занятия крепости, 28 июня 1809 г. главнокомандующий черноморским флотом И.И. Траверсе в письме министру морских сил П.В. Чичагову обосновывал необходимость разрешения торговли в Анапе, в частности солью, «... в которой закубанские народы имеют великую нужду, и сверх того, доставить туда со стороны казны соли не для каких-либо выгод, а единственно для привлечения их к нам. Тогда полагать можно, что Анапа скоро получит свое население даже без важных для казны издержек и приобретет в короткое время цветущее состояние и выгодную торговлю с горскими народами». [21] Траверсе предпринял конкретные меры по вовлечению горцев в торговые операции. Через генерального консула Понтевезо он объявил адыгам, что на них снизошло «великодушное благодеяние государя императора». Траверсе в письме предлагал использовать опыт Османской империи в привлечении адыгской знати на свою сторону. Он

писал: «полагаю также нужным иметь нарочную особу в Анапе.... на которую бы можно было возложить иметь всегдашнюю переписку с беями. У турок был обычай привлекать их к себе подарками и награждениями; подобный образ действовать может и с нашей стороны и стоил бы весьма легких издержек империи».[22] Траверсе уточняет, что все эти меры должны увенчаться желаемым успехом и предопределить осуществление самой важной цели, а именно: «завладение всем берегом даже до Мингрелии; ... мы окружили бы земли сих народов, и они не могли бы иметь сообщения ни с кем более, как с нами или через нас; с того времени нужда покорит их нам совершенно».[23]

Генерал-майор Бухгольц, комендант Анапы, также уделял большое внимание развитию торговли с адыгами; его жена, черкешенка из абадзехов содействовала ему в сближении с ними.[24]

Адыги были недовольны тем, что царская администрация вмешивалась в их внутренние дела, что войска постоянно передвигались по их территории. В 1811-1812 гг. адыги напали на Екатеринодар, Суджук-кале и другие опорные пункты. Согласно условиям Бухарестского мирного договора, заключенного в мае 1812 г., в состав России вошло Черноморское побережье Кавказа от р. Бзыбь до р. Риони. Были возвращены Порте крепости Анапа и Суджук-кале.

Черкесия оставалась под номинальной властью Турции, но она ей не подчинялась и фактически была независимой.

Не случайно, именно в ходе войны состоялось решение Комитета министров об организации меновой торговли с горцами. В том, что царское правительство было заинтересовано наладить торговые отношения с горцами свидетельствуют особые правила для торговых сношении «с черкесами и абазинцами», утвержденные Александром I, которые были изданы в октябре 1811 г. «Правила» давали «значительные выгоды тем, которые пожелают заняться оною».[25] Товары, которые будут привозиться в

Керчь и Бугаз, должны были там беспошлинно обмениваться по установленному тарифу, за исключением российских банковских ассигнаций и всякого огнестрельного и холодного оружия, пороха, свинца, железа и стали.

После воины 1806-1812 гг. Черкесия становится объектом экономического соперничества Петербурга и Стамбула. Обе империи стремились к приоритету в области торговых связей с адыгами.

Османские купцы вели деятельную торговлю в Черкесии. Генерал Н.Н. Раевский писал о ситуации на черкесском побережье Черного моря, что «власть турецкого правительства заключалась во влиянии, которое давала ему торговля». Османская империя вела торговлю с Черкесией в основном через Анапу и Суджук-кале. Тебу де Мариньи, путешествовавший по Черноморскому побережью в 1823-1824 гг., описывает торги в Анапе: «... Ежедневно в Анапу прибывает приблизительно до 500-та черкесов, которые на маленьких повозках, а чаще всего на спине собственной лошади привозят различные продукты для обмена на предметы, в которых они испытывают нужду. Нужно иметь привычку к такого рода сделкам, и, особенно, редкостное терпение ...; каждый из них хочет ... получить не меньше дюжины мелких предметов, которые ему нужны и ради которых ему придется обойти не меньше тридцати мест, чтобы заполучить их в Анапе. Я частенько видел подобные торги, которые длились по целым дням». [26] Ежегодно вывозилось через Анапу до 10.1000 четвертей пшеницы, 15.000 четвертей овса, 4.000 кабаньих кож, большое количество волчьих, куньих, лисьих мехов, от 3 до 5 тысяч пудов воску, мед, масло, кроме того лес и рабы.[27] Османские купцы часть закупаемых в Черкесии товаров, в частности мехов и кож рогатого скота, продавали в Анатолии. Черноморское побережье было в сфере оживленной торговли с Грецией, Турцией и другими странами. В такой политической и экономической ситуации Россия вступает в торговое

соперничество с Портой в Черкесии. Русско-адыгские торговые связи, носившие преимущественно меновой характер, «подтачивали развивающиеся товарно-денежные отношения».[28] Мерилом стоимости служила соль, что объяснялось отнюдь не примитивными формами товарного обмена, который якобы только и существовал в это время на Северо-Западном Кавказе. Причиной служило и не мифическое неведение адыгов относительно тех возможностей, которые скрыты в денежной валюте, а совершенно другие обстоятельства. Дело в том, что с переходом в конце XVIII в. Таманских соляных озер к России адыгские субэтносы лишились необходимой им в быту в большом количестве соли. Турецкие купцы также не могли доставлять соль на берега Северо-Западного Кавказа в таком количестве, которое удовлетворяло бы потребности всего населения.[29] Это служило искусственным поддержанием меновой торговли. Надо учитывать и особенности запретительно-протекционистской системы, которой придерживалась Российская империя во внешнеторговой политике в начале XIX в. [30]

Внешнеполитические интересы привели к тому, что по всей Кавказской линии были устроены меновые дворы. При выборе места для постройки меновых дворов и карантинов военная администрация Черномории принимала во внимание интересы адыгских князей и дворян. Например, в предписании генерала Портнягина полковнику Пятирикову, от 22 августа 1812 г. говорилось: «В уважение преданности к России черкесского князя Мисоуста Айтекова приблизить карантин к Усть-Лабинскому меновому двору под прикрытие крепости и произвести постройку воинскими чинами».[31] В 1819 г. князь Цахализ и пятнадцать старшин обратились к военной администрации с просьбой об устройстве менового двора вблизи их владений по правой стороне р. Кубани. При этом они подтверждали свое согласие защищать русские границы от набегов и отвечать за «украденное» по стоимости.[32] Военная

администрация выражала недовольство такими просьбами князей и дворян об учреждении меновых дворов вблизи их владений. Генерал Власов 18 января 1825 г. писал в одном из своих приказов: «Если для каждого аула из угождения их прихотей и корыстолюбивых видов князей и дворян учреждать особые меновые дворы, можно не только покрыть ими весь правый берег, но даже придет в ослабление кордонная стража, обращая на сии пункты особое свое внимание». [33]

По «Положению об учреждении на Кавказской линии менового торга с горскими народами» (документ не датирован, хотя можно предположить, что декабрь 1813 г.), все горцы, которые пожелают вести обмен должны были быть допущены на меновые дворы, придерживаясь карантинных правил, составленных генералом штаб-доктором Крейтоном. Строжайше запрещалось брать пошлину в казну «при покупке хлеба и соли горцами на деньги и при вымене или покупке же ими товаров пошлину в казну не брать, как для поощрения сего рода торговли, так и для оказания им высочайшего его императорского величества покровительства в промене товаров, в рассуждении цен никому не вмешиваться, а представить торгующим с обеих сторон на собственную их волю, иметь только наблюдение со стороны пристава, чтобы не было обмана в мере, весе, и доброте товаров, чем оказавшиеся виновными российские подданные должны быть отсылаемы к суду, а горцы отдаваемы их обществу для должного взыскания по их обычаям, разбирательство в спорах предоставить посредникам с обеих сторон коего сами изберут».[34] В этом «Положении» определяется как должен происходить процесс мены, если закубанцы отказываются выдерживать карантин, который доходил до 40 дней: для таковых «сделать деревянную огорожку, или таковую из смоляных веревок в две параллельные линии так, чтобы в длину протянуты они были сколь можно далее, а в ширину не менее двух сажень к сей перегородке смогут приходить с одной стороны наши, а с другой

горские меновщики складывать товары свои каждому на своей стороне, для смотра через перегородку без прикосновения (что строго наблюдать), и когда обе стороны согласятся на промен, тогда наши отдав без малейшего сообщения свой товар горцам, вымененный взамен того у горцев, не прикасаясь к оному, предоставить должен карантинному очищению».[35]

Царское правительство старалось придавать благожелательный, мирный характер своим устремлениям на Северо-Западном Кавказе – «пропуск промышленников, как туда, равно и оттель, при продолжении чего контора будет иметь средства узнавать о заграничных делах и о прочем, до тамошней стороны относящемся и для нас необходимом».[36]

На меновых дворах товары с российской стороны могли состоять из «всякого рода холста, сукон и прочего нужного для горцев» за исключением золотой и серебряной монеты, как российской, так и иностранном, золота, серебра в слитках, «банковых ассигнаций, огнестрельного и холодного оружия, стали и железа, пороха и свинца».[37] Горцы имели право предлагать взамен хлеб, воск, мед, сало, кожи, скот, металлы и разные вещи.[38]

Войсковая администрация превратила меновую торговлю в важнейший источник дохода, сдавая меновые дворы на откуп. История с сотником Донского казачьего войска Николаевым не явилась уроком для войсковой администрации Черномории. Представители крупной русской торговой буржуазии – курский 1-й гильдии купец Михаил Алексеевич Сыромятников и Сергей Васильевич Антиномов в 1811 г. получили в откуп Екатеринодарский и Редутский меновые дворы. Именно эти меновые дворы были наиболее доходными в то время.[39]

Отпускной контракт, утвержденный Сенатом, предоставлял купцам необычайно выгодные условия;

- срок контракта устанавливался на четыре года;

- откупные меновые дворы отдавались со всеми строениями и

находящимся в них имуществом;

- соль, имеющаяся на складах, оценивалась по 50 копеек за пуд: а соль, которую будут получать из Таманских войсковых озер, по 20 копеек за пуд;

- разрешалась самостоятельная покупка соли у казаков по вольным ценам;

- за войсковой администрацией оставлялось право беспошлинного отпуска соли в размере 1000 пудов в год, при превышении этого количества, купцы получали по 2 рубля с каждого пуда;

- откупщики имели право пользоваться войсковыми пастбищами и заготавливать сено в войсковых лугах для содержания приобретенных за Кубанью лошадей и овец.

Сыромятников и Антиномов доставляли черкесских лошадей на всероссийское конное торжище – знаменитую курскую ярмарку.[40] «Черкесские лошади. – писал Карл Пейсонель, – чрезвычайно ценятся. Они высокие, хорошо сложены, чрезвычайно сильные и выносливые, как в беге, так и в усталости. Их голова несколько напоминает клюв ворона, они довольно похожи на английских лошадей; здесь очень сильно заботятся о продолжении определенных пород ... Из Черкесии вывозят только меринов; других в этой стране даже не употребляют. Жеребцы имеются только заводские».[41];

- купцы должны были продавать хлеб, выменяваемый у закубанцев, Черноморскому казачьему войску по заготовительным ценам;

- откупщики имели право на продажу выменяваемого хлеба частным лицам;

- купцы обязывались вносить каждый год в войсковую казну 16 000 рублей;

- за купцами оставлялось право отказа от откупа без всяких компенсаций в случае распространения среди горцев эпидемий, которые

повлекут за собой временное закрытие всех меновых дворов.

Сверх условий отпускного контракта Сыромятников и Антиномов в 1813 г. выступили с ходатайством об открытии и передаче им нового менового двора в Чернолесском урочище.[42]

На меновых дворах, остававшихся в ведении войсковых властей, торговля велась на прежних началах.

На основании указания от 19 августа 1816 г. за № 2662, данного генералом от инфантерии, графом Л.Ланжероном, который сменил в 1815 г. герцога А.Ришелье на посту херсонского военного губернатора Черноморской войсковой канцелярии, меновые дворы от откупщиков Антиномова и Сыромятникова перешли в войсковое распоряжение. Контракт, заключенный с ними был аннулирован.[43]

Российский коммерсант генуэзского происхождения надворный советник Рафаэль Августович Скасси развил активную деятельность по оживлению русско-черкесской торговли на Черноморском побережье. В 1811 г. Скасси, при содействии генерал-майора Бухгольца, начал свою деятельность на северо-восточном побережье Черного моря. Он организовал морскую торговлю с прибрежными адыгами.

В 1811 г. Скасси представил херсонскому военному губернатору герцогу А.Ришелье свой план развития торговли с адыгами северо-восточного побережья Черного моря.[44] Ришелье одобрил представленный план, свидетельством чего являются рекомендательные письма Скасси. Снабженный рекомендательными письмами, последний прибыл в Анапу. 20 октября 1811 г. Скасси в сопровождении местного жителя Измаила Базаша и двух его людей вышел из Анапы и прибыл к натухайцам. Как явствует из собственноручной записки Скасси, натухайцы были информированы провожатым о его торговых проектах и о его генуэзском происхождении (что сыграло немаловажную роль) и «приняли его как друга».[45] Установив первые связи с натухайцами. Скасси возвратился в

Анапу, а потом к Ришелье. Последний предложил ему искать средства вывозить из «этой страны» строительный лес для императорского флота. Для завоевания доверия адыгов Скасси отправил в Анапу русское судно с солью и железом, а сам по суше в сопровождении прежних провожатых отправился в Пшад. В этой поездке он заручился поддержкой князя Индара-оглу. Индар-оглу стал кунаком Скасси.[46] Начиная с 1811 г. Скасси отправлял к черкесам суда, которые (как писал он графу К.В.Нессельроде) «пользуются гостеприимством».[47] Ришелье, которому тогда подчинялась русская администрация на Северо-Западном Кавказе, поручил Скасси основательно заняться вопросами торговли с прибрежными адыгами. Скасси удалось выполнить поручение. Российский коммерсант присутствовал несколько раз на народных собраниях адыгских субэтносов. Одно из собраний закончилось тем, что он заключил с горцами соглашение о торговле, предложив обменивать соль и железо на строительный лес. Позволялось приставать к берегу только тем судам, капитаны или шкиперы которых будут иметь пурконак. Пурконаком или такере назывался паспорт, адресованный князю или влиятельному лицу того места, где должно пристать судно, и обязательно с тамгой кунака или князя-покровителя.[48]

О том, что Скасси удалось завоевать доверие адыгов, свидетельствует тот факт, что во время выполнения поручения Ришелье доставить в Анапу Гуссейну-паше фирман Порты, относившийся к миру 1812 г., из-за погодных условий, не доплыв до пункта назначения, судно вынуждено было пристать к берегу, жители которого приняли его весьма дружелюбно. «По его приказанию капитан приблизился к берегу и Скасси вылез на этой земле, негостеприимной для всякого другого. Он был один, одет в местный костюм. Сбежались пастухи, видевшие его высадку, Скасси поименовал им своих кунаков и тогда получил от них всякую помощь, в какой он нуждался для прибытия в Анапу. Паша выяснил

невозможность выполнить ему те повеления, которые он ему привез, то есть Высокая Порта не имела над этим народом никакого авторитета. Одна только торговля могла бы освободить наших русских пленников и было бы на это достаточно чрезвычайно умеренной суммы».[49]

В 1813 г. для русского флота было заготовлено значительное количество леса компаньонами Скасси в устье р. Пшады. Для вывоза в Россию этого леса в июне 1814 г. из Севастополя отправилось судно «Дунай» с солью и другими товарами, подлежащими обмену. За два дня плавания судно прибыло в Пшад. Команда вместе со Скасси около двух недель оставалась там. 27 июня отправились из Пшада и через три дня прибыли в Севастополь. Хотя в их гибели был убежден весь город «сообразно общему мнению, какое имели об этом народе и главным образом вследствие рапорта командира корабля «Рион», в котором он предупреждал адмирала, якобы жители Пшада из всех этих народов самые что ни на есть варвары, самые злодеи».[50] Строительный лес, доставленный в Севастополь, был осмотрен корабельным мастером Мелиховым, который дал высокую оценку.[51] Этот лес был лучшего качества нежели польский, которым пользовались на верфи в Николаеве и Херсоне. В результате использования леса, доставленного из Черкесии, «служба кораблей была бы двойной продолжительности».

Примечателен тот факт, что князь Индар-оглу, по просьбе Скасси, отправил с ним сына и двух родственников, чтобы, как было оговорено ранее, Ришелье показал им Крым и Петербург. После некоторого пребывания в Крыму, Скасси вынужден был доставить молодых людей обратно, в виду отъезда Ришелье в Вену.

В 1815 г. шапсуги подготовились к военным действиям «и вся страна черноморских казаков была в тревоге». Генерал Бороздин вынужден был обратиться к Скасси вынужден был обратиться к Скасси с просьбой, чтобы тот употребил свое влияние и дружеские связи для

предотвращения военного столкновения. И генерал «увидел сам, что может Скасси в делах страны… Дружба этих народов, возможность торговать с ними, положение мира с ними, преимуществ рубки у них строительного леса такого качества какого нелегко было найти в другом месте, все это заслуга Скасси».[52] С 1816 г. Скасси как чиновник Министерства иностранных дел был послан херсонским военным губернатором Ланжероном в Черноморию с дипломатическим поручением, касающимся адыгов. Войсковому атаману Черноморского казачьего войска подполковнику Г.К.Матвееву предписывалось «... не оставлять всеми вашими средствами содействовать г. Скасси в сношениях с черкесскими народами, а какие будут от него по сему предмету требования исполнять и доносить мне в тоже время.…

Во всякий его проезд по границе прикажите давать нужный конвой без малейшего задержания, дабы он не мог встретить никакого препятствия в исполнении поручения с успехом соответственным воле государя императора и ожиданию начальства».[53]

В конце сентября 1816 г. Скасси собрал своих кунаков, адыгских князей, дворян и старшин на встречу. Во время встречи он объявил, что лимитрофная торговля с Россией влечет определенные обязательства с их стороны, прежде всего военного характера.

Именно с конца 1816 г. относительно мирный период развития русско-адыгских отношений заканчивается. В это время А.П.Ермолов был назначен главноуправляющим Кавказа. Еще не раз придется столкнуться Ермолову и Скасси при выборе методов подчинения Северо-Западного Кавказа российскому управлению. И генерал Тормасов, и генерал Ртищев осуждали репрессии по отношению к горцам. Генерал Тормасов советовал налаживать с ними мирные отношения. Адмирал Н.С.Мордвинов в 1816 г. писал, что горских правителей надо привлекать к России не силою, а мирными торговыми связями.[54]

В том же 1816 г. в Петербурге Скасси подал на имя Александра I записку о развитии торговых связей с черкесами. Скасси предложил следующие меры для успешной организации торговли:

«1. Освободить ее от всяких препон, не необходимых абсолютно для общественного блага.

2.Облегчить русским средства продавать черкесам дешевле, нежели турки, и покупать черкесские товары за более дорогую цену, чем турки.

3. Устроить для русских купцов облегчения, чтобы они могли быть снабжены всем тем, что необходимо для потребления черкесской страны». Он писал: «Момент благоприятен, чтобы отстранить турок и сблизить черкесов с нами».[55]

Естественно войсковая администрация Черномории не дала согласия на осуществление предложенных мер, ибо это повлекло бы за собой ликвидацию привилегий в пользу казачьей казны. В записке Скасси критиковал установившийся порядок отдачи в откупное содержание меновых дворов и доказывал всю невыгоду этой системы. По его наблюдениям, откупщики наживали баснословные доходы на торговле с горцами.

Скасси настаивал на том, что абсолютно необходимо на протяжении всей границы и, особенно в Бугазе, иметь свободные рынки, а таможню в Бугазе уничтожить, ибо это создает крайние неудобства для адыгов и они вынуждены вести торговлю с Анапой. Он пришел к выводу, что «нужен свободный доступ без оплаты для черкесских продуктов, снабженных сертификатами о происхождении и пришедших под русским флагом, а равно и уменьшение выходных пошлин на русские товары, идущие в Черкесию». [56]

Записка Р.А. Скасси была одобрена, о чем свидетельствует тот факт, что ему было отпущено для вывоза в Черкесию 100 тыс. пудов соли из крымских соляных складов по 5 копеек за пуд и оплачены расходы по

перевозке. По всем портовым управлениям Черного моря были даны распоряжения для облегчения торговых операций Скасси. Несмотря на эти распоряжения, он не получил никакой поддержки со стороны Морского министерства. Столкнувшись с полным бездействием адмиралтейства, Скасси предложил правительству организовать транспортную флотилию, которая состояла бы из 12-ти судов – бригов и корветов, двух лодок, общей стоимостью 422 тыс. рублей. Годичное содержание обходилось бы правительству в 82-85 тыс. рублей. Экипаж должен был находиться в распоряжении графа Ланжерона. Предполагалось, что флотилия будет доставлять все самое необходимое в крепость и гарнизоны Мингрелии и Крыма, а на обратном пути лес из Черкесии. [57]

Оппонируя Скасси, министр морских сил не смог представить никаких весомых доводов против экономичности данного проекта и его полезности в достижении политических целей правительства на Северо-Западном Кавказе. Но он все-таки настоял на нецелесообразности образования транспортной флотилии, «сославшись на то малое доверие, которое он внушает: высаживая на этот берег русских офицеров и матросов подвергает их опасности, несмотря на дружбу, которую некоторые друзья-де могут питать к г. Скасси лично». [58]

В 1818 г. в связи с ростом торговых операций был утвержден новый карантинный устав, на основании которого в Екатеринодаре была организована контора Екатеринодарского карантинного отделения, а карантинная застава, имевшаяся в нем, была переименована в Центральный карантин.

К 1819 г. торговые операции Скасси расширились. Он укрепил дружественные связи с прибрежными черкесами, освободил до 30-ти пленных.

Прибрежные черкесы вырубили более двух тысяч корней строевого леса для отпуска в Россию. Успехи Скасси в торговых отношениях

ослабляли силу влияния анапского паши на черкесов. В связи с чем министр иностранных дел К.В. Несссльроде писал А.П. Ермолову, что «сии. ... удовлетворительные успехи побудили правительство обратить вящее внимание на дела, вверенные Скасси».[59]

Вопрос о дальнейшем развитии торговли с горцами на Черноморском побережье Кавказа обсуждался летом 1819 г. на заседаниях Комитета министров. На заседании 19 августа 1819 г. были заслушаны записки графа Ланжерона, министра финансов и управляющего министерством полиции.

В своей записке Ланжерон предлагал: во-первых, торговлю с черкесами и абазинцами вверить «одному главному начальнику», так как без такой реорганизации управления торговлей «не произвести тех выгод в политических и торговых отношениях, которых правительство ожидает».[60] Во-вторых, под его наблюдением поручить управление торговлей Скасси; в-третьих, бугазскую таможенную заставу, находящуюся в ведении феодосийского градоначальника ликвидировать и учредить там меновый двор: в-четвертых, в Керчи вместо заставы учредить таможню с карантином с правом привоза туда тех товаров, которые доставляются в евпаторийскую таможню; в-пятых, уменьшить пошлину с ввозимой в Черкесию соли и освободить на некоторое время от пошлины привозимые оттуда и отпускаемые из России товары; в-шестых, выделить средства Скасси на «возобновление» в Керчи верфи и «построение» трех или четырех транспортных судов для доставки строительного леса из Черкесии.

Министр финансов, согласившись с запиской Ланжерона, также счел необходимым упорядочить торговлю с Черкесией и подчинить одному начальнику. По его мнению, это дело можно было вверить Р.А. Скасси со званием попечителя и инспектора над таможнями и карантинами под руководством херсонского военного губернатора.

Управляющий министерством полиции «сколько ни находит», внесенные предложения выгодными, «но способ приведения ... в исполнение встречает значительные неудобства в отношении к карантинной части». [61] Во-первых, вверив торговлю Скасси, могут возникать очень часто случаи, которые в силу занимаемого им положения, разрешить не сможет. А его переписка с херсонским военным губернатором и министерством полиции будет задерживать ход торговых операций: во-вторых, закон об учреждении карантинов не предусматривает инспектору карантина совмещать какую-либо служебную обязанность и запрещает ему малейшее участие в торговых отношениях, следовательно, Скасси не может быть одновременно и попечителем, и инспектором. Тем более (тут управляющий министерством полиции ссылается на довод министра морских сил в 1816 г.), что Скасси ведет «весьма опасную торговлю»; в-третьих, «вообще мало известно» где и как впредь будет осуществляться мена с закубанскими народами. Он предлагал исследовать этот вопрос, прибегнув к услугам специального чиновника, который для этих целей отправился бы в Таганрог; в-четвертых, невозможность учреждения в Керчи таможни и карантина: в-пятых, если учреждать в Керчи таможню и карантинную заставу, то не только для судов, прибывающих из Черкесии и Абазии, но и для других иностранных судов. На основании приведенных доводов управляющий министерством полиции «находит со своей стороны за лучшее»: учредить полный карантин в Керчи и на первое время меновый двор в Бугазе «на общих правилах карантинных», с правом прибытия туда судов не только из Черкесии и Абазии, но и иностранных, с товарами, по таможенному тарифу разрешенными на импорт, карантин в Керчи определить в ведомство феодосийского градоначальника, а меновый двор в Бугазе – в ведомство войсковой администрации Черномории, а надворного советника Скасси «поручить в особое покровительство местного начальства» с

оказанием ему помощи для успешного ведения торговых операций. То есть по плану управляющего министерством полиции карантинные заставы и меновые дворы, находящиеся в одной структуре, оказывались в различных ведомствах, что влекло за собой неразбериху в управлении и организации торговых отношений с горцами. Подчинение Р.А. Скасси черноморскому военному командованию практически сводило на нет его деятельность.

Комитет министров, «признавая учреждение прочной торговли с черкесами и абазинцами во всех отношениях для государства чрезвычайно полезным и вместе с тем приняв» [62] во внимание высказанные предложения и замечания, «положил образовать оную на следующем основании»: 1) торговлю с горцами поручить «в особенное ведение и покровительство» херсонского военного губернатора; 2) на общих правилах учредить в Бугазе меновый двор, а в Керчи – таможню с полным карантином; 3) для предотвращения затруднений и «дабы дать торговле с означенными горскими народами надлежащее расширение и правильный ход»[63] назначить «особенного чиновника» с подчинением его по карантинной части херсонскому военному губернатору и министерству полиции, а по торговле – тому же губернатору и министерству финансов; 4) организацию и ведение торговли вверить надворному советнику Р.А.Скасси со званием агента или попечителя, «которое еще более может утвердить к нему доверенность черкес и абазинцев»; 5) учреждение в Керчи полного карантина с правом приема всех судов с товарами, по таможенному тарифу к привозу разрешенными, «с тем, однако же, чтобы приходящие в Керчь суда очищаемы уже были в тамошнем Карантине со всею строгостью по предписанным на то правилам»;[64] 6) карантинную заставу близ Керчи, устроенную для принятия и сопровождения судов, прямо в Таганрог направляющихся, оставить по-прежнему в ведении таганрогского градоначальника, с переносом ее в другое место, ближе к Азовскому морю; 7) выдать Скасси заимообразно 200 тысяч рублей, одну

половину в нынешнем, а другую – в будущем году, с возвратом всей суммы без процентов по истечении 6-ти лет в течении 5-ти лет равными частями.[65]

Не все пункты решения Комитета министров были осуществлены. В частности, очень долго тянулся вопрос об открытии в Керчи таможни с полным карантином. Оставался неясным вопрос о сфере деятельности Скасси и черноморской военной администрации. Долгое время торговые отношения с горцами поддерживались на личные пожертвования Скасси.

Находясь продолжительное время в Черкесии, непосредственно принимая участие в торговых операциях, Скасси пришел к выводу, что фактором, оказывающим отрицательное воздействие на объем русско-адыгской торговли, является конкуренция армянских купцов. Если российская сторона ограничилась лишь организацией меновых дворов, особо не заботилась о разнообразии ассортимента, в основном предлагая адыгам соль, то «армяне – народ предприимчивый, владеющий исключительно всею торговлею края, способный к перенесению всех трудов, опасностей и даже притеснений, если нужно, – также ищут только тех выгод, которые можно получить в самое короткое время, хотя бы то стоило величайших трудов».[66] Они разъезжали по Черкесии, предлагая населению те товары, в которых оно нуждалось. Армяне не ограничивались одной только меновой торговлей, и продавали свои товары за деньги. В своем донесении Ланжерону Скасси писал, что «весьма трудно будет запретить армянам производить монополию с черкесами... что монополия сия есть главнейший источник всех бедствий сей границы и главнейшее затруднение, препятствующее сближению сих народов с нами». [67]

Чтобы привлечь на свою сторону военно-феодальную верхушку адыгского общества русская военная администрация на Северо-Западном Кавказе практиковала выдачу отдельным князьям и дворянам печати с

русской надписью имени владельца. Выдача такой печати преподносилась в виде особой привилегии. Так, предписанием Кавказского гражданского губернатора М.Л. Малинского от 26 декабря 1818 г. была выдана такая печать с правом беспошлинного пропуска товаров в Россию князю Айтекову. Более того, этим же правом пользовались и его подчиненные. [68]

Граф Паскевич впоследствии очень часто практиковал выдачу таких печатей, что рассматривалось русским военным командованием как «особая награда». «Особой наградой» удостаивались те князья, дворяне и старшины, которые не присягнули на верность турецкому султану и проявили благосклонность к российскому правительству. Если последние начинали придерживаться протурецкой ориентации, их лишали права пользования печатью.

Изначально царское командование было заинтересовано в том, чтобы как можно большее число жителей Черкесии вовлекалось в торговые операции. Это противоречило интересам феодальной верхушки адыгского общества. Поэтому царизм уступает феодальной верхушке в этом вопросе – для привлечения ее на свою сторону. Адыгской знати создавали благоприятнейшие условия. Царское командование вменяло в обязанность администрации меновых дворов и карантинов «сколь можно различать людей лучшего состояния от простого народа».[69] Лишение простолюдинов основных льгот вынуждало их осуществлять торговые операции (будь то обмен или купля-продажа), минуя карантин и таможни. Необходимо отметить, что в объеме контрабандной торговли большая часть принадлежала армянским купцам и представителям феодальной верхушки, несмотря на те льготы, которые им были предоставлены. Следовательно, официальные сведения войсковой администрации меновых дворов далеко не отражают действительное положение дел. Объем торговли намного превышал те цифры, которыми оперировала войсковая администрация в своих отчетах. Поэтому прав был С.М. Броневский,

который брал под сомнение официальные сведения о русско-адыгской торговле, определявшими ее в общей сумме 30 тысяч рублей. Он писал, что «присовокупив к тому... тайные провозы, которые весьма обыкновенны в рассуждении обширных границ..., можно, кажется, сию сумму утроить или круглым счетом положить до ста тысяч рублей».[70] Достоверность этой цифры вызывает сомнение, ибо в записке «О Закубанских народах» писалось, что «хотя главная цель... была политическая, однако и торговая прибыль по расчету оставалась на нашей стороне».[71]

По свидетельству черноморского войскового атамана полковника Матвеева в 1821 г. у горцев «уродился изобильный урожай хлеба». Черкесы пожелали обменять хлеб на соль, и для удобства доставки, просили открыть меновый двор в Чернолесске, между Константиновским и Александровским постами. [72] Просьба была удовлетворена. Путем учреждения меновых дворов царское командование стремилось заставить адыгов переселиться с гор на плоскость, что должно было привести к оседанию последних в районе казачьих поселений. В предписании Тормасова указывалось, что «тогда вернее можно было бы обязать их ответственностью за производимые в тех местах разбои и грабежи».[73]

Еще одним фактором, влиявшим далеко не самым положительным образом на развитие русско-адыгских торговых связей были адыго-турецкие отношения. Например, в первые годы переселения на Кубань Черноморского казачьего войска, среднее Прикубанье снабжалось горцами хлебом лучше, чем правый фланг Черноморской кордонной линии. Объяснением этому служило то, что адыги. жившие в нижнем течении р. Кубани, свой хлеб продавали в Анапе.[74] Турецкий гарнизон крепости питался за счет доставляемых продуктов. Этим объяснялась довольно резкая разница цен в Екатеринодарском и Таманском округах. В «Ведомости о ценах всем съестным припасам и фуражу в гор.

Екатсринодаре и Тамани и их округах на торгах и в лавках за 1798 г». зафиксированы следующие цены: [75]

Количество	**г.Екатеринодар и его округ**	**г.Тамань и его округ**
Четверть пшеничной муки	4 руб. – 4 руб. 50 коп.	7 руб. 25 коп.
Четверть ржаной муки	2 руб. – 2 руб. 50 кои.	3 руб.
Четверть пшена	5 руб. – 6 руб.	8 руб.
Четверть овса	2 руб. – 2 руб. 50 коп.	4 руб. 50 коп.

Формально Черкесия считалась территорией Османской империи. Следовательно, Россия вела свои торговые операции в иностранных владениях. В создавшейся ситуации турецкое правительство предприняло очень оригинальный шаг. Оно не стало передавать ноту протеста российскому правительству, силой воздействовать на адыгов, так как понимало, что де-факто не имеет никакой власти «над этой страной». Турки стали с очень большими для себя затратами прибывать в Козлов с берегов Мраморного моря или из Анатолии, закупать крымскую соль и везти ее через Анапу. Тем не менее они ее продавали адыгам дешевле, чем русские. Естественно, этот ход турецкого правительства не способствовал развитию русско-адыгских торговых связей.

Турция помимо соли, которая являлась одной из основных статей торговли, поставляла в Черкесию стрелы для луков, свинец, сталь, порох, бусы, гребни, четки, зеркала, сундуки, текстильные изделия, которые в основном были английского происхождения. Османская империя выступала связующим звеном в торговле Черкесии со странами Западной Европы. Хан-Гирей писал, что натухайцы «трудолюбивы и будучи долгое время в торговых сношениях с турками, привязаны к торговле, почему и достаточны».[76] Подтверждением мнения Хан-Гирея является переписка начальника Главного штаба князя Волконского относительно укрепления

левого фланга Кавказской линии. Волконский в переписке высказывает особое суждение насчет правого фланга: «В рассуждении правого фланга Линии мною обстоятельно обозренного, простирающегося по Кубани до Земли войска Черноморского, я буду иметь известие донести особенно, ибо народы против оного живущие весьма многочисленные, вообще воинственные, и на коих турки действуют влиянием своим, могут еще сверх того подкрепить их своими войсками из Анапы, требуют особенного соображения в способах обороны против их и заслуживают гораздо больше внимания».[77]

Действительно, развитие русско-адыгских торговых связей требовало «гораздо больше внимания», ибо меры, принятые, без сомнения, в пользу Черноморской войсковой казны, стеснили свободу действий меновых пунктов. Войсковая администрация предпочитала откупную систему, нежели самой заниматься торгово-экономическими мероприятиями. Как правило, предприниматели на очень выгодных для себя условиях откупали самые доходные меновые дворы. И войсковая администрация, и откупщики пренебрегали деталями рынка. Непременными условиями успешного хода торгово-меновых операций являются: собственность, передаваемость, разнообразие предмета мены. Разнообразия товарного ассортимента царское командование не предлагало жителям Черкесии, сведя все на одну соль, на которую неимоверно высоко временами поднималась цена. Следовательно, само же царское командование способствовало развитию адыго-турецких торговых связей, так как Оттоманская Порта предлагала соль по более низким ценам и разнообразный ассортимент товаров. То есть, те указы, правила, распоряжения, которые принимались в Петербурге, исходя из политических целей России непосредственно по отношению к Черкесии, чиновниками на местах воплощались в жизнь в гипертрофированном виде. Препятствуя развитию торгово-меновых операций, расширению ее границ,

стремясь сохранить натуральный обмен, местные власти задерживали хозяйственное развитие адыгского общества.

Таким образом, уже на рубеже XVIII и XIX вв. завязались торговые отношения между Черкесией и Черноморией. Казаки нуждались в хлебе, лесных материалах и лошадях, адыги – в соли, добываемой в озерах. Боязнь эпидемий вызвала учреждение карантинных застав. В 1794 г. были учреждены меновые дворы в Екатеринодаре и Бугазе для постоянной торговли с черкесами, в 1796 г. еще три двора в других местах пограничной полосы, позднее еще пять дворов. Ограничением мест торговли меновыми дворами военная администрация пыталась жестко контролировать контакты между русским и адыгским населением. Торговля солью была привилегией всего войска. Адыги требовали за свои товары деньги, а служащие меновых дворов стремились к товарному (безденежному) обмену. Торговле препятствовала отдача меновых дворов на откуп казачьим командирам и приезжим купцам.

После окончания русско-турецкой войны 1806-1812 гг. развертывается экономическое соперничество военных противников на Черном море. Командование Черноморским флотом пыталось оживить торговые отношения через захваченную турецкую крепость Анапу. Александр I утвердил в 1811 г. «Правила» для торговли с черкесами и абазинцами.

К 1811 г. относится начало энергичной деятельности представителя Министерства иностранных дел в Причерноморье Р.А. Скасси, заручившегося поддержкой херсонских военных губернаторов Ришелье, затем Ланжерона. Им была организована торговля по морю с прибрежными адыгами. Соль и железо обменивались на строевой лес для кораблей. Деятельность по укреплению торговых связей поддерживалась генералом Тормасовым и адмиралом Мордвиновым.

В данный период на политику России по отношению к Черкесии

сильное влияние оказал херсонский генерал-губернатор Ришелье и его преемник граф Ланжерон. Они придерживались политики примирения и поддерживали торговую деятельность Р.А. Скасси, которая велась с известными успехами на побережье Черного моря. Но в 1820 г. русская администрация на Северо-Западном Кавказе была выведена из подчинения херсонского военного губернатора и стала состоять под командованием Отдельного Кавказского корпуса, которым с конца 1816 г. командовал генерал-лейтенант А.П.Ермолов. Он был против политики примирения через развитие торговых связей с адыгами и обрушился с резкой критикой на деятельность Р.А. Скасси, который пользовался поддержкой министра иностранных дел графа К.В. Нессельроде. К концу 1821 г. царское правительство стояло перед дилеммой: отказаться от своеобразного метода покорения адыгского народа путем экономических мероприятий и придерживаться только лишь силы оружия, как предлагал Ермолов. Сложившаяся оппозиция военно-колониальным методам сыграла не последнюю роль в решении правительства учредить Попечительство керченской и бугазской торговли помимо войсковой администрации, в ведении которой находились все меновые дворы по границе Черномории с Черкесией.

Примечания:

[1] Писарев В.И. Методы завоевания адыгского народа царизмом в первой половине XIX века // Исторические записки. М. 1940.Т.9.С.163.

[2] Шамрай В.С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с закубанскими горскими народами. С 1792 по 1864 год// Кубанский сборник. Екатеринодар. 1901. Т.8. С.362.

[3] Шамрай В.С. Указ. раба.// Кубанский сборник. Екатеринодар. 1901. Т.8. С.362.

[4] Попка И. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы. Спб. 1858. Ч. 1. С. 14.

[5] Попка И. Указ раб. Спб. 1858. Ч. 1. С. 14-15.

[6] Попка И. Указ раб. Спб. 1858. Ч. 1.. С. 15.

[7] Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик. 1992.С.63.

[8] Цит. по: Шамрай В. С. Указ. раб. // Кубанский сборник. Екатеринодар. 1901. Т. 8. С.

362.

[9] См. подробно: Шамрай В. С. Указ. раб.// Кубанский сборник. Екатеринодар. 1901. Т.8. С. 363.

[10] Государственный архив Краснодарского края. (Далее ГАКК). Д. 249. Оп. 1. Д. 379. п.1.

[11] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 379. Л. 1.

[12] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 379. Л. 1.

[13] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 379. Л. 1.

[14] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 379. Л. 20

[15] Архив внешней политики Российской империи. (Далее АВПРИ ИДД МИД РФ). Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 26. Л. 117; Шамрай В. С. Указ. раб. // Кубанский сборник. Екатеринодар. 1908. Т. 8. С. 364; См. также: Недосекин В. И. Черномория. Проблемы социально-экономической структуры 1792-1860 гг. Краснодар. 1980. С. 33-34.

[16] Цит. по: Писарев В. И. Указ. раб.// Исторические записи. М. 1940. Т. 9 С. 164.

[17] Покровский М. В. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп. 1957. С. 20.

[18] Цит. по: Шамрай В. С. Указ. раб.// Кубанский сборник. Екатеринодар 1901. Т. 8. С. 364-365.

[19] Цит. по: Шамрай В. С. Указ. раб. // Кубанский сборник. Екатеринодар. 1901. Т. 8. С. 365.

[20] Веселовский Н. Военно-исторический очерк города Анапы // Записки разряда военной археологии и археографии императорского Русского военно-исторического общества. Пг. 1914. Т. 3. С. 68-69.

[21]Внешняя политика России XIX и начала XX в.//Документы Российского министерства иностранных дел./Под ред. академика А. А. Нарочницкого. (Далее ВПР). Серия 1. М. 1967. Т. 5. С. 95.

[22] ВПР. Серия 1. М. 1967. Т. 5. С. 95.

[23] ВПР. Серия 1. М. 1967. Т. 5. С. 96.

[24] Люлье Я. О торговле с горскими племенами Кавказа на северо-восточном берегу Черного моря // Закавказский вестник. Тифлис. 1848. №14. 1 апреля; Веселовский Н. Указ. раб. // Записки разряда военной археологии и археографии императорского Русского военно-исторического общества. Пг. 1914. Т.3. С.71; Хрестоматия по истории Кубани: Документы и материалы. Краснодар. 1975. Ч. 1. С. 50; Скасси Р. А. Извлечение из записки о делах Черкесии // АБКИЕА. Нальчик. 1974. 1974. С. 281-282.

[25] АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 3. Л.8.

[26] Тебу де Мариньи. Путешествие на побережье Черкесии, совершенное в 1823 и 1824 гг. // АБКИЕА. Нальчик. 1974. С. 316.

[27] Шамрай В. С. Указ. раб. // Кубанский сборник. Екатеринодар. Т. 8. С. 460.

[28] Покровский М. В. Указ. раб. Майкоп. 1957. С.12.

[29] Покровский М. В. Указ. раб. Майкоп. 1957. С.27.

[30] См.: Гулишамбаров Ст. О. Всемирная торговля в XIX в. и участие в ней России. СПб. 1898; Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб. 1886; Арсеньев К. Статистические очерки России. СПб. 1848; Небольсин Г. Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб. 1850; Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России. Со времен Петра Великого до наших дней. СПб.1909; Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М. 1947.

[31] Цит. по: Писарев В. И. Указ. раб. // Исторические записки. М. 1940. Т.9. С. 164.

[32] Щербина А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар. 1913. Ч.2. С. 12.-13.

[33] Цит. по: Писарев В. И. Указ. раб.// Исторические записки. М. 1940. Т. 9. С. 164.

[34] ГАКК. Ф. 687. Оп. Д.4. Л. 95.
[35] ГАКК. Ф. 687. Оп. Д.4.. Л. 95.
[36] ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 85. Л. 14.
[37] ГАКК. Ф. 687. Оп. 1. Д.4. Л. 95; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1471. Л.2.
[38] ГАКК. Ф. 687. Оп. 1. Д.4. Л. 95.
[39] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 650. Л. 1.
[40] См.: Покровский М. В. Указ. раб. Майкоп. 1957. С. 22-23.
[41] Пейсонель К. Экспортная торговля Черкесии // АБКИЕА. Нальчик. 1974. С. 22-23.
[42] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 650 Л. 1.
[43] ГАКК Ф. 249. Оп. 1. Д. 7.02. Л.3.
[44] ВПР. Серия 2. М. 1979. Т. 3 (II). С. 107.
[45]Скасси Р. А. Извлечение из записи о делах Черкесии // АБКИЕА. Нальчик. 1974. С. 282.
[46] Скасси Р. А. Извлечение из записки… // АБКИЕА. Нальчик. 1974. С. 282.
[47] АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 168. Оп. 181/7. Д. 3. Л.8.
[48] Скасси Р. А. Извлечение из записки…// АБКИЕА. Нальчик. С. 283.
[49] Скасси Р. А. Извлечение из записки…// АБКИЕА. Нальчик. 1974. С. 283.
[50] Скасси Р. А. Извлечение из записки…// АБКИЕА. Нальчик. С. 284.
[51] Чирг А. Ю. Из истории русско-адыгских торговых связей на Черноморском побережье Кавказа в первой четверти XIX в. // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. Майкоп. 1987. С. 6.
[52] Скасси Р. А. Извлечение из записки…// АБКИЕА. Нальчик. 1974. С. 284.
[53] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 7.02.Л.3.
[54] Мордвинов Н. С. Мнение о способах, коими России удобнее привязать к себе постепенно кавказских жителей Российских. СПб. 1858. Кн. 4. С. 109-112; История народов Северного Кавказа (конец XVIII- 1917 г.). М. 1988. С. 39.
[55]Скасси Р. А. Извлечение из записки…// АБКИЕА. Нальчик. 1974. С. 286.
[56] Скасси Р. А. Извлечение из записки…// АБКИЕА. Нальчик. 1974. С. 287.
[57] Скасси Р. А. Извлечение из записки…// АБКИЕА. Нальчик. 1974. С. 288.
[58] Скасси Р. А. Извлечение из записки…// АБКИЕА. Нальчик. 1974. С. 288.
[59] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. (Далее АКАК) Тифлис. 1875. Т. 6. ч.2. С. 451.
[60] ВПР. Серия 2. М. 1979 . Т. 3 (11). С. 107.
[61] ВПР. Серия 2. М. 1979 . Т. 3 (11). С. 108.
[62] ВПР. Серия 2. М. 1979. Т. 3 (11). С. 109.
[63] ВПР. Серия 2. М. 1979. Т. 3 (11). С. 109.
[64] ВПР. Серия 2. М. 1979. Т. 3 (11). С. 110.
[65] ВПР. Серия 2. М. 1979. Т. 3 (11). С. 107-110.
[66] Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопределенных оному земель: В Историческом, Статистическом Этнографи- ческом, Финансовом и торговом отношениях. СПб. 1834. С. 13.
[67] АКАК. Тифлис. 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 449.
[68] ГАКК. Ф. 687. Оп. 1. Д.9. Л. 42.
[69] ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 46. Л.3.
[70] Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М. 1823. Ч. 2. С. 145.
[71] АКАК. Тифлис. 1878. Т. 7. С. 891.
[72] Государственный архив Ставропольского края. Ф. 444. Оп. 1. Д. 38. Л.2.
[73] Цит. по: Писарев В. И. Указ.
раб.// Исторические записи. М. 1940. С. 163.

[74] Покровский М. В. Указ. раб. Майкоп. 1957. С. 14-15.
[75] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 148. Л. 43.
[76] Хан-Гирей. Указ. раб. 1992. С. 197.
[77] АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп.8. Д. 2. Л. 7 об.-8.

М.А. Кошев

К вопросам этнодемографии Кабардино-Балкарии

Важнейшей проблемой этнодемографии Кавказа, в частности Кабардино-Балкарии является состояние источников, степень их репрезентативности и изученности. Актуальность данного направления исследований определяется во многом тем, что этнодемография Кавказа, с нашей точки зрения, делает только первые шаги. Этим обстоятельством продиктовано наше обращение к источниковедческим сюжетам этнодемографии.

Существенным пластом этнодемографических источников выступают разнообразные статистические учеты, обзоры и отчеты. Их число существенно возрастает в регионах России после буржуазных реформ 60-70-х годов XIX века, особенно в ходе совершенствования местного самоуправления. В результате этих преобразований на Кавказе возникает государственная статистическая служба, охватившая губернии, области, округа, отделы, города и села рассматриваемого региона.

Статистические комитеты в губерниях и областях Кавказского края руководили составлением годовых статистических отчетов во всех административных структурах.

На Кавказе годовые статистические отчеты регулярно составлялись с 80-х годов XIX века под личную ответственность руководителей всех уровней. Следует подчеркнуть, что первичность происхождения статистических сведений была довольно надежна. Это существенно повышает степень значимости статистических отчетов как исторические, этнодемографические источники. О том определенным образом свидетельствует любопытный факт, взятый нами из предписания

начальника Терского статистического комитета руководству Нальчикского округа. Он гласит «… по примеру прошлых лет, собрать статистические сведения… для составления Всеподданнейшаго годового–служебно-статистического отчета за текущий 1907 год… Особое внимание обратить на то, чтобы перенос цифр от прошлого 1906 года, по ведомости «О наличном числе населения» и «состояния капиталов» был бы правильно перенесен на текущий год, о чем надо справляться у начальника участка,… а также проверить правильность записи прироста и убыли населения. Всякое промедление или неверное составление отчета, будет лежать на ответственности старшины и писаря» (подчеркнуто нами – К.М.) [1].

Годовой статистический отчет имел достаточно сложную и интересную структуру, содержал насыщенную и разнообразную информацию по этнодемографии и исторической демографии. Так, в годовом статистическом отчете за 1896 год по Нальчикскому округу приведены следующие данные: «…в Нальчикском округе проживают 92792 душ обоего пола, в том числе, 48128 душ мужского пола и 44664 душ женского пола… численность собственно коренного населения составляет 86766 душ: в том числе 44964 мужского и 41802 душ женского пола и временно проживающих 6026 душ обоего пола…

По сравнению с 1895 годом население возросло на 1309 душ обоего пола, то есть общий прирост населения в этом году составил 1,3%» [2].

В структуру годового отчета входили: «Ведомость о движении населения в Нальчикском округе Терской области за 1896 год» (по участкам, по селениям, …родилось, умерло, коренных жителей, иногородних, всех жителей), «Ведомость о делении по сословиям и национальностям населения Нальчикского округа Терской области», «Ведомость о возрастном составе населения Нальчикского округа Терской области».

В начале XX века этнодемографический аспект в годовых статистических отчетах усиливается, более информационно насыщенными становяться «Ведомости…». К примеру, «Ведомость о племенном составе населения Нальчикского округа Терской области за 1909 год» дает уже сведения о численности населения кабардинцев, балкарцев, русских, осетин, горских евреев, немцев. Приведем документ целиком.

«Ведомость о племенном составе населения Нальчикского округа Терской области за 1909 год» [3].

Кабардинцы – 93288 человек

Балкарцы – 24141 человека

Русские – 18202 человека

Осетины – 3545 человек

Горские евреи – 1454 человека

Немцы – 2125 человек

Все население Нальчикского округа – 142755 человек. Грамотных обоего пола неказачьего сословия – 5535человек.

Рабочих – 610 человек

Фабрик и заводов – 386.

По вышеприведенным «Ведомостям…» кабардинцы составляли в 1909 году 65,35% всего населения Нальчикского округа, балкарцы – 16,9%, русские – 12,75%.

Годовые статистические отчеты и «Ведомости» к ним могут служить важнейшим историко–демографическим и этнодемографическим типом источников, позволяющим исследовать динамику численности населения коренных народов Кабардино-Балкарии, Кавказа, структуру и поло-возрастной состав населения, его движение и размещение, брак и разводы,

рождаемость и смертность, сословность, социальный и професиональный облик этносов края.

Исключительную историко–демографическую ценность представляют «Ведомости о ценах на главные продукты», которые давались к годовым статотчетам.

В «Ведомости о ценах на главные продукты за 1908 год» написано [4].

Хлеба пшеничного пуд

1-го сорта – 2 рубля

2-го сорта – 1 рубль 60 копеек.

Мяса свежего пуд

Говяжьего – 3 рубля 60 копеек

Бараньего – 4 рубля 80 копеек

Масла пуд

Коровьего топленого – 18 рублей

Нетопленого – 6 рублей 40 копеек

Соли поваренной пуд – 55 копеек

Молока коровьего ведро – 2 рубля

Картофеля пуд – 70 копеек.

Статистика цен на товары народного потребления является важнейшим видом источников по исторической и этнической демографии, которая дает возможность изучить социально-экономические условия рождаемости и смертности населения, этносов, проблем движения населения.

Итак, «Годовые статистические отчеты» и «Ведомости…» создают

реальные источниковые возможности для более полного рассмотрения проблем исторической и этнической демографии Кабардино–Балкарии, Кавказа. Однако, к сожалению, до настоящего времени этот актуальный и ценнейший тип источников находится в стороне от исследовательской дороги. И это в условиях, когда историческая демография Кавказа переживает период становления.

Примечания:

[1] ЦГА КБР. Ф-И-6. Оп.1. Д.712. Л.9.
[2] Там же. Д.414. Л.15.
[3] Там же. Оп.2. Д.28. Л.33.
[4] Там же. Оп.1. Д.768. Л.

Н.И. Бондарь

Семиотика традиционных гаданий: коды («языки»). (На материале восточнославянского населения Кубани)

Гадания являются важной составной частью любой культуры. Они относятся к её прогностической части, влияющей на формирование, выбор программ поведения как отдельного человека, так и значительных по численности социальных, социально-профессиональных групп. Как правило, они используются в «критических ситуациях», в состоянии перехода: смена качества, неопределенность. А это в основном переломные моменты в жизни индивида, общества, природы.

С помощью гаданий не только узнается, проясняется будущее (близкое или далекое), но и определяется стратегия поведения. Из нескольких возможных программ развития ситуации выбирается одна, определившаяся результатом гадания: строить – не строить жилище на этом месте и в это время (1); определение брачного партнера и реальности – нереальности замужества (2); голодным или изобильным будет наступающий год (3) и т.п.

Наличие в культуре этноса специального прогностического блока объясняется тем, что причины изменения «правильного» (в переделах нормы) хода событий, многие, как правило, ключевые моменты будущего скрыты от человека. Сведения об этом, согласно традиционным представлениям, известны обитателям других, нечеловеческих пространств (миров). Для получения такой информации необходимо установление контакта с ними. Гадания и являются одним из таких инструментов. В них может использоваться один символ*: монета («орёл –

* Данное наблюдение противоречит выводам некоторых авторитетных специалистов в области семиотики. Например, Г.Г.Почепцов отмечает, что «минимальным количеством знаковых состояний» может быть два и приводит пример: наличие – отсутствие цветка на окне, использующегося для тайного сообщения (4). На наш взгляд, этот тезис ошибочен, а пример неудачен. В данном случае смешаны два явления: цветок = знак / символ и наличие – отсутствие = значение, сообщение.

решка»), палка, палочка (для определения жребия) или, намного чаще, несколько, имеющих различную «материальную» форму проявления (слово, действие, вещь...) и организованных в различной степени сложности системы. Подобные информационные, организованные по определенным законам системы вслед за Н.И. Толстым мы относим к семиотическим «текстам» (5). Проблемам соотношения знака, символа и текста, выявления законов создания и функционирования семиотических текстов посвящено немало работ (6). Однако в них по преимуществу анализируются языковые тексты. Н.И. Толстой, как и ряд других исследователей, расширили это понятие, относя к нему не только словесные, письменные, но и другие информационно организованные и завершенные формы культуры: обряд, танец, архитектурный комплекс, сад/парк, обрядовую пищу, костюм и т.д. Правомерность такого расширительного толкования семиотического текста наглядно демонстрируют гадания. Более того, предназначенные для получения информации из «других миров», они минимально отягощены несемиотическими элементами (техническими, утилитарными). Каждое гадание в отдельности, независимо от степени простоты или сложности, представляет собой завершенный текст, и почти всё, что в нем используется, обладает символической нагрузкой.

В гаданиях восточнославянского населения Кубани независимо от тематики используются достаточно разнообразные по формам проявления, по манифестациям символы и «языки».

Тематика и некоторые мировоззренческие (семиотические) аспекты гаданий мы рассматривали в ранее опубликованной статье (7). В данном случае мы коснемся прежде всего таких вопросов, как «коды» («языки») и некоторых закономерностей парадигматического и синтагматического свойства, прослеживающиеся в этом блоке традиционной культуры.

В каждом конкретном гадании, как отмечалось ранее, в

большинстве случаев используется несколько «кодов». В целом их состав достаточно разнообразен.

Предметный код

1. Девушка или парень одевали на голову *дижу*[*], брали в руки кочергу (в других вариантах садились на неё верхом – Н.Б.) и пытались попасть в открытую *калитку* или *ворота* и выйти на улицу. Если гадающему удавалось это сделать, то это предвещало замужество или женитьбу (8).
2. Из кукурузных кочанов (кочерыжек) или из спичек делают *колодец* в 6 срубов. «Замыкают» их *замком*, а *ключик* кладут «под голову» (под подушку) и говорят, – кто к моему колодцу придет воды напиться и ключ попросит, той мой жених будет (9).
3. На «голодную кутью», вечером под Крещение, после вечери, перед сном по краю миски из-под кутьи ложки всех членов семьи выемкой вверх устанавливали по кругу, сверху их накрывали хлебом. Чья ложка к утру перевернется, тот умрет в течение года (10).
4. На «40 святых» (в Великий пост) пекли *жаворонков* из теста. В один запекали *монетку*. Кому достанется – с тем будет 40 святых, то есть – это счастливый человек, которому будут помогать святые (11).
5. На Троицу девушки плели *венки* из *кукушкиного хлеба*[*] и шли к *реке*. Венки бросали в воду. Куда поплывет венок, туда и замуж. Если венок «стоит» на месте, замуж не выйдет (12).
6. На Ивана Купалу в полночь девушки шли в *коноплю* и садились недалеко друг от друга. Ждали появления (силуэта) суженого.

[*] Дижа- предмет, деревянная емкость, предназначенная для приготовления теста.
[*] Другие названия этой травы – «кукушкина трава», «кукушкин лён», «кукушкины слезы».

При его появлении (скорое замужество – Н.Б.) надо было быстро убегать, иначе ударит и на теле останется черное пятно (13).

7. Во время венчания в церкви примечали, кто из молодых первым станет на разостланное *полотенце,* тот будет главенствовать в семье (14).
8. После первой стрижки перед ребенком кладут разные предметы – *инструменты, карандаши, стакан* и т.п. *(сабля, книга, хлеб* и т.д. – Н.Б.). Смотрели, к чему ребенок вначале прикоснется: к карандашу – писарь, к стакану – пьяница, к молотку – хозяин и т.п. (15).
9. Во время родов, после того как обмоют ребенка, выкапывали две (по другим версиям – три) *ямки.* Одну «на жизнь», другую «на смерть» (третью «на болезнь») и не глядя выливали *воду.* Затем смотрели, в какую ямку попала вода. Так определялось будущее ребенка (16).

В целом, предметный ряд, достаточно полный перечень предметных символов выглядит следующим образом.

Элементы костюма: обувь, шапка, пояс (мужской, женский), кольцо, перстень, гребешок (для волос), штаны, юбка, коса (девичья), лента, чулок (носок), «намысто / намисто» (монисты), венок, крестик (нательный), волосы, накосники.

Посуда, утварь, инструменты, оружие: «дижа / дежа», кочерга, макитра, ложки, веник, карандаш (ручка), молоток, сабля, стакан, нож, вилка, ножницы, полотенце (в т.ч. новое), зеркало (в т.ч. новое).

Части жилища, ограды, «макеты» надворных построек и сооружений: окно, калитка, ворота, замок и ключ, «колодец» (из кукурузных кочерыжек, спичек, камыша, соломы), «кладочка» (мостик из спичек, камыша, соломы), колья / столбы (в изгороди), кора, сучки на них,

камыш (с крыши).

Продукты, пища: зерно (пшеница), хлеб, пышки, лепешка, пирожок, блин, коро-вай, паска (пасха), соль, каша, кутья, «крыхты» (крошки хлеба), жаворонки (из теста), кресты (из теста), лук (дольки лука), картофель, яблоко (дольки). Выпечные обрядовые изделия из теста: жаворонок, каравай, крест, практически всегда используются в совокупности с ещё одним символом – монетой, запеченной в них.

Домашние и дикие животные, корм: петух, курица, овца, шерсть, свинья, гуси, вол (бык), кукушка, собака, сено (из-под кутьи, из копны).

Природные стихии, объекты: вода, огонь.

А также прямо или косвенно связанные с ними элементы: дрова, спички, свечи, щепки, палочки, веточка (вишни), уголёк, зола, «пичина / печина» (затвердевшая глиняная обмазка печи).

Помимо этого применялась *земля* (из-под пятки), *ямки* (в земле), *отпечаток* (на снегу), вполне конкретная *куриная кость* («с лопаточками»), *пуповина*.

Из мифологических персонажей в особом гадании фигурирует *«хозяин > хозяин» (домовой).*

Важное значение в гаданиях играет движение, перемещение и, как противоположное состояние, неподвижность, стояние, толкуемое часто как сохранение прежнего состояния, качества.

Акциональный код

1. (Ночь под Рождество). Ставили зерно, зеркало и вносили петуха. Смотрели к чему он *подойдет* и что будет *клевать*. Если к зерну – муж будет хлебороб, к воде – пьяница, к зеркалу – хвастун.

В других гаданиях этого же периода важное значение имели такие действия, как открывание (открывание = соединение двух пространств), переход из одного (своего) пространства в другое, внешнее (= уход со своего пространства).

2. Девушке завязывали глаза, в руках у неё был хлеб. Её отпускали. И если ей удавалось *выйти* через специально открытые для этого случая ворота, калитку, то это означало, что она выйдет замуж (17).

Символическое значение имело и такое действие, как *переворачивание* предметных символов, использовавшихся в гаданиях.

3. После рождественской вечери девушки складывали свои ложки в одну миску. Сверху ставили «хлибыну» (булку хлеба) и оставляли на ночь. Чья ложка *перевернется,* та первой в новом году выйдет замуж* (18).

Вынимание, вытаскивание своеобразного жребия, завязывание (глаз:

4. Отец писал записки трех видов: «счастье», «полусчастье», «несчастье». (На каждого члена семьи такой комплект записок). Записки на ночь оставляли в шапке. Утром отец перемешивал их и каждый *тянул* записку (19).

Или:

5. Под Новый год, перед сном в один сапог ложили золу, а в другой – хлеб. Утром с закрытыми глазами *доставали* сапог. Если попадался с золой, то муж будет пьяница (в других вариантах – злой – Н.Б.), если с хлебом – хлебороб (20).
6. На Новый год девушки по очереди *закрывали* глаза, бросали в стакан кольца. Если попадет, выйдет замуж (21).
7. С *завязанными* глазами *переходили* улицу и *хватали* руками первый попавшийся в изгороди столб. Если столб в коре – муж будет богатый. Без коры – бедный (22).
8. Ходили к скирде и с завязанными глазами ртом *вытягивали*

* Показательно, что точно так же, но с участием всех членов семьи могли гадать и на то, кто умрет в наступающем году. Что подтверждает восприятие замужества как символическую смерть.

соломинку, травинку. Если соломинка «лохматая» (с листьями), то жених будет богатый. Если без листьев – бедный (23).

Завязывание, закрывание, замыкание:

9. Наливали воду в кружку (в других вариантах в ведро, вёдра – Н.Б.), рядом ложили замок. Ключом *«замыкали»* воду в кружке и с замком переносили под кровать. Ключ дожили под подушку и говорили: «Замкнула кружку с водою. Кто придет за ключом, тот моим женихом будет» (24).
10. Девушка *«замыкала»* косу и ложилась на печь, загадывая: кто косу отомкнет, за того замуж пойду (25).
11. *Перевязывали* косынкой калитку и кто её снимет, за того она и выйдет замуж (26).

Умывание – вытирание:

12. Вечером перед сном *девушка умывалась,* но не вытиралась и ложила полотенце под подушку. Спать ложилась на новом месте. Кто во сне придет и *вытрет* полотенцем, за того и замуж выйдет (27).

Бросание (в воду, посуду), перебрасывание через «границу», ныряние (в венках).

13. На Ивана Купалу девушки плели венки и *ныряли* в них. Смотрели, в какую сторону они *поплывут* – туда и замуж выйдет (28).
14. Девушки *бросали* венки в реку и смотрели, куда *поплывут*. Если венок прибило к берегу, то муж будет местный. Если венок поплыл далеко, то и муж будет издалека (29).
15. Через хату девушки *бросали* чувяки (сапоги...), (реже веник, скалку для теста) и определяли, откуда жених, в какую сторону замуж выйдет (30).
16. Набирают кружку воды, *крестятся и читают* молитву. По ходу

чтения молитвы зажигают и бросают в воду спички. Если они тонут, то человека сглазили (31).

Ездить, «езда» (верхом на кочерге).

17. Девушку «сажали верхом» на кочергу, *завязывали* глаза, несколько раз *обкручивали* вокруг и отпускали. Если она попадет в открытые ворота *(«выедет»),* то в этом году выйдет замуж (32).

Вращение вокруг оси.

18. (Гадали на молодой месяц после Нового года). Становились на пятку правой ноги, три раза *крутились вокруг* оси на пятке. Землю из-под пятки заворачивали в бумагу или тряпочку и ложили на ночь под подушку со словами: «Скажи мне, кто у меня жених будет?» (33).

Соединение, перевод через преграду, «границу».

19. Под кроватью кладут параллельно две кукурузные кочерыжки (или палочки), изображающие берега реки. Третью кладут поперек. Это *кладочка.* Кто во сне через кладочку *переведет,* тот и жених (34).

Падать, падение.

20. Вечером девушки выходили в сад и спиной *падали* в снег. Утром смотрели на отпечаток. Если он неровный («похлыщенный»), полосами, то муж будет драчливый, будет бить (35).

Тянуть, вытягивать, ловить, выбирать.

21. С завязанными глазами *находят* первый попавшийся столб. Какой столб, такой и жених. В коре – богатый (36).

22. Гадающие *прятали* ленту, гребешок, кольцо. Если девушка нашла, *вытащила* ленту, то замуж не выйдет. Гребешок – выйдет, но не сразу. Кольцо – к замужеству (37).

23. Ночью *ловили* овцу и *перевязывали* лентой. Утром смотрели «какой жених достанется» (38).

Обхватывание, «обнимание» (кольев, частокола).

24. Парни *«обнимали»* колья в заборе (сколько захватит), а затем считали. Женится или нет (39).

Поднимание (быка).

25. Ночью девушки шли на «бычню» (ферму). Гадающая подходила к лежащему быку и говорила, – вставай (раз), вставай (два), вставай (три)... Если бык *поднимался* на второй раз, то значит замужество наступит через два года. На третий – через три (40).

Есть, откусывать, пить.

26. С утра стелили постель ко сну. Садились есть. Девушка *откусывала* один раз от куска хлеба, а остальное прятала под подушку. Вечером делала колодец из спичек, ложилась спать, приговаривая: «Суженый-ряженый, приходи ко мне *вечерять* и *напейся* из моего родника водички» (41).

Важную роль в гаданиях имели и другие, часто пассивные или мыслительные действия-символы: *слушание, подслушивание* (с какой стороны доносится голос, звук, содержание беседы в доме и т.п.); *смотреть, глядеть* (в конопле, в зеркалах и т.д.):

27. Открывали в русской печи трубу, в печь ставили две зажженные свечи, зеркало. В печь залезала девушка. Её там закрывали. Она *смотрела* в зеркало, в котором должно было появиться изображение жениха (42).

Сюда же следует отнести *молчание, счёт* (как действия), различные формы *скрывания, прятания* предметного символа (запекание монеты, колец в воде, под полотенцем или завязывание глаз); *плетение* (венков), *завязывание* (узелков на ленте); *ступание* (на полотенце); *сон* (как действие / состояние), *зажигание* (огня, свечи, спички); *загадывание* (сна).

Характерной особенностью многих из них является то, что это акциональные символы-условия, а не символы-трансляторы, источники информации.

Важным в гаданиях является и такое действие, как расстановка (по местам) используемых символов и самих участников гадания. Да и само гадание, любой конкретный текст, это тоже действие, совершаемое по определенным правилам и включающее в себя ряд частных символических действий, совершаемых в строгой временной последовательности.

Числовой код («язык» чисел)

Счёт и число в некоторых гаданиях являются базовыми символами. В первую очередь это относится к гаданиям женильной тематики, в которых актуализируется несколько вариантов числового кода: загадывание конкретных чисел, неопределенный числовой ряд (от первого до последнего), *чёт-нечет*.

28. Брали охапку дров и вносили их в дом. Девушка раскладывала их попарно.

    Чётное (парное) число предвещало замужество (43).

Для конкретизации, что будет представлять собой жених, его семья, загадывали перед началом число, но обязательно четное: 1-й, 12-й, 20-й.

29. В плетне отсчитывали *10 кольев*. Если кол сучковатый, то у жениха много братьев (44).

Могли считать колья с первого до *двенадцатого*. Конкретно могли число не определять, а считали все от начала изгороди до конца («од угла и до угла»). И в этом случае важным было их *четное* или *нечетное* количество. Могли считать не колья, а спички в коробке.

Чёт, парность проявляется и через другие предметные символы: при «замыкании» воды (чаще «замыкали» *два ведра* «непочатой воды»), строили «колодец» в *4, 6 срубов*.

В другом варианте числового кода базовым является число *три* и

производные от него: 9, 27.

30. Считали колья *три* раза по *девять* (3 х 3 = 9, 3 х 9 = 27 – Н.Б.) (45).
31. Считали колья *9 раз* по *9*. Последний перевязывали, а утром шли смотреть: в коре – жених богатый, без коры – бедный (46).

В гаданиях фигурирует и число 7. Считали колья *семь* раз по *девять* (7х9=63).

В других вариантах число определялось количественными характеристиками объекта, с которым связано гадание. Например, для долгосрочного «прогноза» погоды, на весь год, брали 12 долек лука (яблока, картофеля) или 12 ложек и насыпали в них соль. Каждая из них символизировала один из месяцев года.

Или в другом гадании, о замужестве:

32. Девушка подходила к «свынынцю» (свинарнику) и говорила: «Тю-тю (ц-ц), на цэй год?». Если свинья молчала, продолжала: «Ц-ц, на той год?», «Ц-ц, на трэ-тий год?». Если свинья хрюкала на первый раз, значит выйдет замуж в этом году, на второй год – в следующем (47).

Этот же принцип действует и в гаданиях с кукушкой: «Кукушка, кукушка, сколько лет я проживу?» Количество, число кукований, следовавшее после этого вопроса, воспринималось как ответ на него (48).

К ключевым числовым символам следует отнести и *единицу* в таком её значении как *первое, начальное.*

33. Девушка *первой* брала *первую* ложку кутьи и выходила на «Святую гору» (на крыльцо, к святому углу – Н.Б.). С какой стороны петух запоет – туда и замуж выйдет (49).
34. Брали курей и сажали их в русскую печь. Чья курица *первой* выскочит из печи, та девушка *первой* и выйдет замуж (50).

Однако единица в гаданиях фигурирует и в другом качестве, как

провоцирование, «нарушение» нормы, отсутствие чётности (парности):

35. Девушка ложилась спать в *одном* носке или чулке. Суженый придет во сне и снимет носок (51).

Звуковой код

К звуковому коду, достаточно активно используемому в гаданиях, относятся любые звуки – знаки, символы, не являющиеся человеческой речью. Источниками таких звуков обычно являются домашние или дикие животные или мифологические персонажи.

36. В 12 часов ночи девушка, с кутьей в руках, выходила на крыльцо и слушала в какой стороне *залает* собака. (Там живет будущий муж) (52).
37. Девушка первой (из членов семьи – Н.Б.) брала ложку и выходила на «Святую гору» (на крыльцо – Н.Б.). Слушала, где *запоёт* первый петух. (В ту сторону и замуж выйдет) (53).
38. После ужина, на Новый год, брали хлеб и выходили на улицу. Слушали, в какой стороне *залает* собака, туда и замуж (54).
39. В 12 часов ночи девушки, (на Новый год), выходили на улицу и слушали, где *залает* собака, где гуси зашумят. (Туда и замуж пойдёшь) (55).
40. Девушка ловила петуха и ждала: если *закукарекает*, значит девушка выйдет замуж (56).
41. После новогоднего ужина сметали в тарелку со стола «крыхты» (крошки от хлеба – Н.Б.) и с ними выходили на улицу. Слушали. С какой сторона «собаки *гавкаютъ*, туда и замуж пойдешь» (57).
42. Весь день накануне Крещения девушка не ела, чтобы жених хороший попался. Перед ужином брала специально испеченный для этого калач и выходила на улицу, к святому углу и слушала, – «якый *звук* там или хто *забалакае;* или собака *загавкае* в яком

концы, там твоя судьба» (58).

43. Когда домовой душит, надо спросить, – *к добру или к худу?* Если ответит *«до»*, то к добру, *«ху»* – к худу* (59).

Значение имели и такие звуки, как хрюканье свиньи (см. в этой статье гадание №32), кукованье кукушки и некоторые другие сигналы.

Вполне очевидно, что звуковая часть гаданий по существу связана с пространственной компонентой гаданий, – в какую сторону предстоит замужество. В меньшей степени со временем, – в этот или на следующий год (?), сколько лет жизни (?).

Вербальный (словесный) код

К нему следует отнести как формульные тексты молитвы, заговоры, неформульные речевые составляющие гаданий и, на наш взгляд, внутреннюю речь (загадывание, задумывание).

Количество выявленных формульных и псевдоформульных словесных текстов пока невелико. В полночь под Рождество девушка шла считать колья изгороди. Считали до десятого колышка и при этом приговаривали: *«Кол, ковец, кол, ковец...»* (кол, колец? – Н.Б.). Если на последний кол приходится слово *кол,* то жених – парень. Если *ковец* (колец – Н.Б.), жених – вдовец. Если в коре, то богатый. Без коры – бедный (60). Могла использоваться и несколько иная формула: «Вдовец-молодец, вдовец-молодец...».

44. Считали колья «от угла, до угла», приговаривая: *«Удовец, молодец. Удовец, молодец…»*. Какое слово придется на последний кол. Таким будет и жених (61).

45. Под Крещенье, в 12 часов ночи, воду, набранную «до зари» (до рассвета – Н.Б.) в стакане ставили на стол. За стаканом с водой ставили зеркало и говорили: *«Вода пресвятая, зеркало моё*

* Звуковое проявление домового нельзя отнести ни к классу звуков, ни к речи. Оно занимает промежуточное положение.

любимое, зрящее, скажи, кто будет мой .жених?» (Могли гадать таким образом и для подруг)* (62).

46. Перед сном рядом с подушкой ставили воду, клали кольцо и говорили, – *с кем век вековать, тот придёт воды набирать* (63).

47. Девушка бросала кольцо в воду (в чашку, миску с водой – Н.Б.) и говорила: «*Колечко, колечко, золотэ колечко, мое колечко, покажи сердечко. До мни су-жыный? С кым я буду жыть?*». (Смотрели в воду. Там должен был появиться образ суженого) (64).

48. Девушка брала кольцо и через него смотрела на месяц, спрашивая при этом, – *что делает сейчас мой суженый?* (65)

49. Девушка на кочерге с завязанными глазами должна была «выехать» в ворота. Подружки в это время *пели свадебные песни и говорили, что невеста едет* (66).

50. «Замыкали» в кружке воду. Рядом с кружкой клали замок и ключ. Кружку и замок переносили под кровать. Ключ прятали под подушку. Говорили, – *замкнула кружку с водою. Кто придет за ключом, тот моим женихом будет* (67).

51. Перед сном на ленте завязывали узелки и перевязывали этой лентой левую руку. При этом говорили: «*Ложусь спать на трёх горах, /Иисус Хрыстос у головах, / Тры алгола по бокам. / Одын ангол молытву читае, / Другый... / Скажы мне, Господи, / С кем век вековать, / Того хочу во сне видать*» (68).

В качестве примера «мысленной речи» можно привести следующее гадание.

52. Пекли пышечку на соли (специально пересоленную – Н.Б.).

* В связи с пока единичными фактами фиксации, на основании формальной структуры подобные тексты к формульным относятся пока условно.

Перед сном её съедали и загадывали «на сон», – *кто будет моим мужем, чтобы пришёл и мине водичкой напоил.* Приснится будущий муж. (69).

53. Брали два зеркала, ставили их «друг против друга», по бокам ставили свечи. Смотрели в межзеркальный «коридор», приговаривая: *«Суженый-ряженый, прыйди к колодцу, напейся водицы, мне покажись».* (Если образ покажется на мгновение, любовь будет мимолётной) (70).
54. Девушки варили кашу и ночью выходили с этой кашей на перекрёсток, брались за руки и говорили, — *«И хорошие, и плохие, касалапые, слепые, все до нас приходите»* *(71).
55. Ставили «друг против друга» два зеркала и говорили: *«Суженый-ряженый, приходи ко мне голову* (волосы – Н.Б.) *чесать»* (72).

В гаданиях возможен и словесный диалог в форме вопрос-ответ. Ночью спрашивали под окнами (чужого дома – Н.Б.), – *Хозяин, хозяин, как моего жениха зовут? (Хозяин называл имя)* (73).

Могли спрашивать имя через забор у проходящих мимо. Или:

56. Девушка набирала ложку кутьи, бежала на улицу и у первого встречного мужчины *спрашивала его имя.* (Имя будущего мужа) (74).
57. Девушка стояла под чужим окном и ждала, когда в доме кого-нибудь *позовут. Услышанное имя – имя* будущего мужа (75).
58. Под Крещенье ночью шли к чужому дому и, как правило под окном, подслушивали. Если в разговоре в доме в начале (первым) будет присутствовать слово *сядь*, то сидеть девушке в этом году в девках. Если слово *иди,* выйдет замуж (76).

---

* Хотя информаторы отнесли этот текст к гаданию, по содержанию он скорее всего является заговором.

В связи с некоторыми гаданиями информаторы специально подчеркивали такое условие, как *запрет на разговор*.

59. В комнате ставили зеркало и в 12 часов ночи должен был появиться образ жениха. Гадающая (гадающие) должны были *молчать* (77).

Обязательным условием *молчание* было и при гадании (сидении) в конопле на Ивана Купалу, при набирании воды из реки и переносе её в жилище для приготовления специальных лепешек, использовавшихся в гадании и других ситуациях.

Слово, речь, но особая, «немая» используется не только инициатором (субъектом) гадания, но и виртуальными, вызываемыми образами (объектами).

60. Набирали два ведра «непочатой воды». Дужки ведер замыкали замком, а ключ клали под подушку. Кто во сне придет и *попросит* воды, тот и будет жених (78). Иногда слово используется как конкретизирующий маркер предметных символов.

61. Набирают в тарелку воды, пишут записки с именами парней. Капают в воду расплавленный воск, приговаривая: *«Оцэ* (это – Н.Б.) *я, оцэ – лсыних, оцэ – я, оцэ – лсыних...»*. Записки с именами раскладывали вокруг тарелки. Эти капли воска должны соединиться и приплыть к одной из записок. Имя в записке – имя жениха. (При гадании снимали с себя нательный крестик) (79). Записки с именами и другого содержания являются графической формой вербального кода, применяемой в гаданиях.

62. На бумажках писали *«счастье», «несчастье»*. Эти бумажки на ночь клали под подушку. Утром, не глядя, доставали одну из них (80).

63. Помимо «счастье», «несчастье» могли через записки загадывать и другое: *«замуж», «не выйдешь замуж»*. Или *«женишься», «не женишься»* (для парней) (81).

Словесный код используется и в некоторых гаданиях с животными: кратные попытки поднять вола, быка, свинью с целью узнать, через сколько лет предстоит замужество.

В целом вербальный код, так же как и акциональный, является весьма значительным в гаданиях. В явной (формульные или псевдоформульные тексты), а чаще в неявной (загадывание, задумывание) он представлен по сути дела во всех гаданиях.

Цветовой код

В гаданиях, по крайней мере приуроченных к календарю, цветовой код («язык» цвета) в прямом виде, а не косвенном (ветки, травы, цветы) используется редко. По крайней мере, участниками Кубанкой фольклорно-этнографической экспедиции зафиксированы единичные случаи его проявления.

64. Смотрели сено, на котором стояла кутья в святом углу. Если в нем находили шерстинку, волос, то по ним определяли какой *масти* следует покупать, держать домашний скот (82).

65. Ночью под Новый год в сарае в темноте ловили овцу и помечали её (могли перевязать лентой – Н.Б.). Утром смотрели, какой *масти* овца. Если шерсть *черная,* то и жених будет *«чорнявый / чернявый» (черноволосый}*. Если овца лохматая – жених богатый (83).

Временной код

В календарных гаданиях значимым является календарное (тот или иной праздник) и суточное (день – ночь) время. В массовом порядке (групповая или индивидуальная форма) гадания совершались во время зимних святок: Рождество, Новый год по старому стилю. Крещение. Этот

период наиболее насыщен такого рода действиями самой различной тематической направленности при доминировании женильной.

Гадали также на Масленицу, во время Великого поста (на «Средохрестье», 40 святых, т.е. на средине, переломе поста); на Пасху, Троицу, Ивана Купалу.

Зимние святочные гадания совершались ночью, в идеале в полночь.

Часть из них начиналась ночью, в полночь, а завершалась (получение результата) утром.

Гадания, связанные с последующими годовыми праздниками, за исключением отдельных, сиденье, например, на Ивана Купалу в полночь в конопле, приходилось на первую половину дня, полдень.

В другом корпусе гаданий регулятором выступал биологический возраст («биологическое время»): первый день в жизни ребенка, год, 7 – 8 лет (развязывание пуповины, например). А также социальный возраст («социальное время») и связанные с ним события: рождение – свадьба – проводы на службу – похороны.

Особую группу составляют окказиональные гадания. По случаю: болезнь, пропажа чего-либо, кого-либо, отсутствие вестей, затруднения при принятии ответственного решения. Они в меньшей степени регламентировались временным фактором. Хотя в некоторых из них, связанных, например, с болезнями, пропажей / кражей, временной код использовался. Могли учитывать лунарное время (молодой месяц или на ущербе), недельное время (день недели), суточное время.

Пространственный код

Пространство по традиционным представлениям, так же как и время, неоднородно и не каждая его часть пригодна для того или иного гадания. В процессе гадания, через перемещение используемых символов, участников действа, раскрываются или преодолеваются «границы» и связываются различные части пространства.

Гадание могло проводиться в жилище, внутреннее пространство которого так же неоднородно. Для этих целей использовали *место для сна* (кровать, подкроватное пространство, печь). В связи с обязательными условиями в некоторых гаданиях использования нового для сна места («ложусь на новом месте, приснись жених невесте»), оно могло временно перемещаться (кровать → печь, кровать → лавка).

Многие гадания проводились *на столе*, что конечно же не случайно. Стол один из наиболее значимых элементов интерьера. Он ассоциируется с центром (стол = престол), изобилием (пища), устойчивостью. «Центральное» положение и приподнятость над полом, регулярное собирание членов семьи, «своих» и «чужих» (гостей) за столом, превращает его в место пересечения, соприкосновения различных пространств.

66. За стол садились три девушки. Перед собой они ставили блюдца (три). В одно клали деньги, в другое «намисто», в третье – крестик (нательный). Блюдца накрывали полотенцем. Одной из участниц завязывали глаза. Водили по хате и подводили к столу. Она выбирала одно блюдце. Если в нем был крестик, то это означало, что ей всю жизнь предстоит «нести крест» (т.е. предвещалась тяжелая доля – Н.Б.). Если «намисто» – муж будет гулять. Деньги предвещали богатого мужа. (84).

Редко, но задействуется и такая сакральная часть пространства, как *святой угол*, причем как внутренняя, так и внешняя его стороны.

67. Весь день перед гаданием девушка не ела (чтобы жених хороший попался). Перед ужином она брала специально приготовленный для этого калач и выходила на улицу к *святому углу* и слушала, откуда какой звук донесется (лай, человеческий голос), «там твоя судьба» (85).

68. Девушка зажигала в *святом углу* свечу. На листиках писала

имена парней, с которыми дружит. Листы скатывала в трубочку и складывала в стакан, в котором было немного воды. Стакан с записками оставляла в *святом углу* и ложилась спать. Утром она вставала раньше всех и молча, перекрестясь, левой рукой доставала одну из записок. Так узнавали имя жениха.

Многие гадания проводились у *печи,* на *печи* и в *печи.* Наоборот, немногие, в *церкви:* закатывание волос ребенка в воск и бросание в купель во время крещения (будет жить – не будет жить), наступание молодых на полотенце и некоторые другие.

Еще более интенсивно использовались нежилые, «нечеловеческие» части пространства: *двор, хозяйственные локусы* и находящиеся в них *постройки (дровник, сеновал, сарай, свининец, колодец, огород, сад).*

Третий круг включает в себя такие части пространства, как *улица, перекресток, чужой двор, река.*

Одну из ключевых ролей в гаданиях играют различного рода «границы»: *плетень / изгородь, окна* (чужие), *калитка, ворота, крыша дома, труба, перекресток.*

69. Девушка ночью выходит на *перекресток* и если первый встречный будет мужчина, то это предвещает замужество в наступающем (наступившем) году (86).

В пространственном коде гаданий четко прослеживается несколько оппозиций, выполняющих важную моделирующую функцию: внутреннее – внешнее, своё – чужое, человеческое – нечеловеческое, сакральное – профанное пространства.

70. На Пасху на *столе* ставили лишнюю миску с кутьей. Затем с нею выходили *во двор* и раздавали взрослым и детям. Затем ложки черенками втыкали в кутью и ждали. Чья ложка упадет, тот скоро умрет (87).

71. Девушка весь день перед гаданьем ничего не ела. Вечером она

пекла пирожки и с ними шла к *воротам*. Ждала, когда пройдет мужчина и спрашивала его имя. (Так будут звать и жениха) (88).

72. После ужина (под Новый год) брали хлеб и выходили *на улицу*. Где собака залает, в ту сторону замуж пойдет (89).
73. Девушка, набрав *из реки* воды, ни с кем не разговаривая, молча идет *домой*. На этой воде замешивала пышку. Приготовив, прятала её под подушку и ложилась спать. Кто во сне придет и попросит хлеба, тот и жених (90).

К сожалению, в ходе полевых исследований не фиксировалась пространственная ориентация (относительно сторон света) тех символов, которые использовались во время гадания. Некоторые тексты позволяют высказать предположение, что свои закономерности в этом вопросе существовали.

74. *По четырем сторонам* раскладывают уголь (древесный), кирпич, соль, хлеб. В иголку вдевали длинную нитку, нанизывали на неё кусочек хлебушка, зажигали свечу. Держа за нитку, иголку опускали по центру и смотрели, в какую сторону («на что») она отклоняется. На соль, хлеб – будет хлебороб, на уголь – кузнец, на кирпич – печаль (91).

Синтагматический аспект

Изложенный в статье материал, далеко не полный по данной теме, тем не менее, дает возможность сделать некоторые предварительные выводы.

В гаданиях используются разнообразные по форме проявления коды («языки»): предметный (реальный), акциональный, звуковой, вербальный (в т.ч. в графической форме), числовой, временной, пространственный, цветовой. Однако, в отличие от других поликодовых семиотических текстов, обрядов, например, их использование в конкретных гаданиях имеет некоторые синтагматические особенности.

Если в ритуале, обряде мы часто наблюдаем синхронно-параллельное (многолинейное) использование разных по форме «языков», одновременно передающих (дублирующих) одно и то же значение, но разными средствами [*], то в гаданиях такая многослойность – явление редкое. Например, в некоторых текстах, направленных на вызывание образа, узнавание суженого, реальный символ (мужской пояс, вода, замок, ключ) могут, но не всегда, одновременно усиливаться вербальным («Ложусь на новом место, приснись жених невесте»). Чаще же различные «по материалу» результативные символы во время организации их в текст (конкретное гадание), т.е. в процессе функционирования «выстраиваются в одну линию по принципу чередования, дополнения: акциональный символ → предметный символ → акциональный → вербальный… = результат (получение информации).

Хотя следует иметь в виду, что в гаданиях целевая установка определяется загадыванием, которое может озвучиваться как в виде формульных текстов или в свободной (импровизационной) речевой форме, так и не озвучиваться, а мыслиться или произноситься «про себя».

Некоторые коды, взятые в отдельности (акциональный, пространственный, временной...), но в связи с данным блоком традиционной культуры, также демонстрирует некоторые закономерности. Например, в зимний период гадания, не считая окказиональных, в основном проводятся в ночное время или даже в полночь. В весенне-летний период – в дневное, чаще всего в первой половине дня. Хотя и здесь есть исключения. Временной код связан и с двумя вариантами получения результата. В одних гаданиях цель достигается сразу: подслушивание под окнами, бросание обуви, счёт (чёт-нечет) кольев,

[*] Например, в ритуале вербохлестания, где одновременно используется предметный символ (верба), акциональный (хлестание, битьё), вербальный («Вербохлёст, бей до слез, не умирай, красного яичка дожидай!». Н.И.Толстой. Язык и народная культура. М., 1995).

пенье петуха и т.п. В других результат узнают утром: записки, в какой-то степени сны, «считывание» информации с отпечатка на снегу, перевязанного столба и т.п.

В связи с пространственным кодом в гаданиях можно выделить прежде всего две стратегии поведения и действия в пространстве участников гадания. В одном случае значимые действия, составляющие конкретное гадание, начинаются с передвижения участников, перемещения символов из внешнего пространства во внутреннее, где ритуал и завершается: набирание и перенос воды из реки, внесение петуха, курицы, дров в жилище и т.п. В другом движение, перемещение начинается из внутреннего пространства во внешнее, где и получают ответ на загаданный вопрос. Первая стратегия связана с переносом, переводом из внешнего пространства чего-либо неокультуренного, нечеловеческого: вода из реки, животные, земля. Вторая наоборот, с переводом во внешнее пространство окультуренного[*]: кутья, хлеб, дежа, лента и т.п. Во внешнем пространстве, судя по всему, чаще чем во внутреннем соблюдается запрет на человеческую речь, то есть соблюдается молчание.

Именно из внешнего пространства (другого мира) и *поступает*, *приходит* информация, составляющая цель гадания. В некоторых текстах, несмотря на использование символов, это выглядит предельно «реалистично». Например, гадание о жизни-смерти, одном из конкретных проявлений судьбы, когда перед сном в один *сапог* кладут хлеб, а в другой «пичину» (или древесный уголь), а утром не глядя берут один сапог и определяют, что ждет в наступившем году.

В связи с пространственным кодом очень интересен такой символ, как «Святая гора», с которой временно может ассоциироваться крыльцо, святой угол: девушка с кутьей выходила на «Святую гору» и слушала, в

[*] Разработкой этой проблемы успешно занимался А.К.Байбурин (92).

каком краю запоет петух. Святая, мировая гора, как центр, связующая все стороны света, верх и низ в сочетании с такими символами, как петух, кутья сами по себе образуют, судя по всему, сложный и архаичный семиотический текст.

Пространственный и акциональный коды играют важную роль в определении (узнавании) судьбы в её конкретизированных содержаниях (в т.ч. замужество, женитьба, бедность, богатство и т.п.). В связи с этим обращают на себя внимание различные варианты реализации акционального кода. Прежде всего это такие действия-символы, как выбирание (не глядя, не видя), вытаскивание (из чего-то закрытого, невидимого), по сути, жребия. Это может быть свернутая записка, крест, кольцо, столб, животное или действие (выйдет – не выйдет, «выедет – не выедет» в ворота) и т.д. Показательно другое. Один корпус гаданий предполагает, что соответствующие символы должны быть скрыты, укрыты от глаз гадающего. Как правило, эти гадания осуществляются во внутреннем пространстве, в жилище.

В других гаданиях скрывание, скрытость, закрытость достигается завязыванием, закрыванием (дежой, макитрой), глаз гадающего. Иногда в этом даже нет необходимости, так как действие осуществляется в полной темноте (отлавливание овцы, например, в сарае). Важно то, что и в том, и в другом случае значимое для гадающего, как возможность прояснения судьбы, «слепо», погружено во тьму. Тьма (мрак), неведение, как и ряд других признаков, характерны для хаоса, несотворенного, неустановленного. В связи с этим, появляется искушение, вслед за В.Н. Топоровым, в подобных сюжетах усматривать следы «перворитуала», в той его части, которая связана с сотворением человека и наделением его судьбой (93). Это предположение, на наш взгляд, подкрепляет и такое устойчивое выражение, как «судьба слепа», но не в буквальном смысле. Слепа не судьба, а, вероятнее всего, незряч, не обладает обычным

человеческим зрением тот, кто наделяет судьбой каждого человека. В процессе гадания невидимое становится видимым, а неведомое – ведомым. В целом эта тема, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения.

Парадигматический аспект

В связи с парадигматикой гаданий в данном случае ограничимся следующими замечаниями.

Во-первых, существует значительный корпус как отдельных символов самой разной природы (числовые, реальные, акциональные), имеющих сходное, или даже тождественное значение. Во-вторых, существует достаточно большое количество гаданий (текстов) на одну и ту же тему (образ суженого; качества жениха, невесты их родственников; брак – безбрачие, жизнь – смерть и т.д.). Например, для определения, прояснения судьбы могли использоваться свыше десяти только реальных символов: крест (нательный), монисто, огонь (направление языка огня), уголёк, вода, хлеб, «пичина», кукушка, домовой, курица (куриная кость), монета и др. Они, как правило, выступали в сочетании с другими символами.

Поэтому, формально, перед участником гадания стояла проблема «селекции символов по вертикали», то есть проблема отбора конкретных символов, максимально соответствующих цели гадания, и даже проблема выбора того или иного способа гадания, готового текста. Механизм парадигматической селекции безусловно подчинен определенным законам. В данном случае мы только обозначим эту проблему. Отметим лишь, что на этой стадии создания гадания, то есть на стадии отбора символов, соответствующих цели гадания, впрочем, как и на синтагматическом уровне, учитывалась их функциональная неоднородность. По крайней мере участник гадания должен был различать два класса символов: символы-условия и символы-трансляторы сообщения, или результативные символы. Например, в гаданиях с закрыванием, завязыванием глаз и выходом во

внешнее пространство (через ворота, калитку) используются разнообразные символы. Завязывание, закрывание – акциональные символы. Дежа, кочерга, ворота – реальные и. наконец, собственно движение («выезд») через ворота. Каждый из этих символов имеет важное значение для достижения цели. Однако, одни из них (завязывание, дежа, и т.д.) могут рассматриваться лишь как необходимое условие, и только движение-выход является результативным, отвечающим (положительно или отрицательно) на загаданный, задуманный вопрос.

Примечания:

[1] Байбурин А.К. Восточнославянские гадания, связанные с выбором места для нового жилища // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 123 – 130.

[2] Виноградова Л.Н. Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточнославянские параллели) // Славянский и балканский фольклор. Обряд, текст. М., 1981. С. 14. и др.

[3] Бондарь Н.И. Тематика и мировоззренческая основа традиционных гаданий кубанских казаков (вторая половина XIX – начало XX в.) // Бондарь Н.И. Традиционная культура кубанского казачества. Краснодар, 1999. С. 109.

[4] Почепцов Г.Г. Семиотика. М., 2002. С. 178.

[5] Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолин-гвистике. М., 1995. С. 63.

[6] См., например: Ф. Де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1998.; Исследования по структуре текста. М., 1987. (Статьи Вяч. Вс. Иванова, Т.М. Николаевой и др.); Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996; Почепцов Г.Г. Семиотика. М., 2002 и др.

[7] Бондарь Н.И. Тематика и мировоззренческая основа традиционных гаданий кубанских казаков (вторая половина XIX – начало XX в.) // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988.

[8] Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции* (далее ПМ КФЭЭ) – 1992. АК № 221, 212. Краснодарский край, Кореновский район.

[9] ПМ КФЭЭ- 1995.АК № 778. Краснодарский край, Славянский район.

[10] Бондарь Н.И. Тематика и мировоззренческая основа традиционных гаданий кубанских казаков // Бондарь Н.И. Традиционная культура кубанского казачества. Избранные работы. Краснодар, 1999. С. 109.

[11] ПМ КФЭЭ- 1996. АК № 955, 966. Краснодарский край, Тихорецкий район.

[12] ПМ КФЭЭ- 1993. АК № 472. Адыгея, Майкопский район.

[13] ПМ КФЭЭ- 1993. АК № 390, 414. Краснодарский край, Ленинградский район.

* Выборка гаданий из полевых материалов КФЭЭ и их предварительная систематизация осуществлена старшим научным сотрудником Научно-исследовательского центра традиционной культуры В В Ворониным.

[14] ПМ КФЭЭ- 1985. АК № 8. Краснодарский край, Лабинский район.
[15] ПМ КФЭЭ- 1995. АК № 676. Краснодарский край, Калининский район.
[16] Бондарь Н.И. Тематика и мировоззренческая основа... С. 108 – 109.
[17] ПМ КФЭЭ- 1993. АК № 431. Краснодарский край, Ленинградский район.
[18] ПМ КФЭЭ- 1993. АК № 407. Краснодарский край, Ленинградский район.
[19] ПМ КФЭЭ- 1992. АК № 295. Краснодарский край, Кореновский район.
[20] ПМ КФЭЭ- 1996. АК № 954. Краснодарский край, Тихорецкий район.
[21] ПМ КФЭЭ- 1996. АК № 1061. Краснодарский край, Тихорецкий район.
[22] ПМ КФЭЭ- 1992. АК № 220. Краснодарский край, Кореновский район.
[23] ПМ КФЭЭ- 1993. АК № 81, 431. Краснодарский край, Ленинградский район.
[24] ПМ КФЭЭ- 1994. АК № 581, 1060. Краснодарский край, Лабинский район.
[25] ПМ КФЭЭ- 1994. АК № 665. Краснодарский край, Лабинский район.
[26] ПМ КФЭЭ- 1992. АК № 214. Краснодарский край, Кореновский район.
[27] ПМ КФЭЭ- 1992. АК № 212. Краснодарский край, Кореновский район.
[28] ПМ КФЭЭ- 1992. АК № 212. Краснодарский край, Кореновский район.
[29] ПМ КФЭЭ- 1994. АК № 547, 220. Краснодарский край, Староминской район.
[30] ПМ КФЭЭ- 1996. АК № 45, 1061. Краснодарский край, Тихорецкий район.
[31] ПМ КФЭЭ- 1985. АК № 22. Краснодарский край, Лабинский район.
[32] ПМ КФЭЭ- 1991. АК № 167, 665. Краснодарский край, Мостовской район.
[33] ПМ КФЭЭ- 1995. АК № 673. Краснодарский край, Калининский район.
[34] ПМ КФЭЭ- 1993. АК № 492. Адыгея, Майкопский район.
[35] ПМ КФЭЭ- 1996. АК № 1137. Краснодарский край, Отрадненский район.
[36] ПМ КФЭЭ- 1995. АК № 116, 767. Краснодарский край, Северский район.
[37] ПМ КФЭЭ- 1996. АК № 1137. Краснодарский край, Отрадненский район.
[38] ПМ КФЭЭ- 1991. АК № 128. Краснодарский край, Мостовской район.
[39] ПМ КФЭЭ- 1995. АК № 856. Краснодарский край, Северский район.
[40] ПМ КФЭЭ- 1994. АК № 581. Краснодарский край, Лабинский район.
[41] ПМ КФЭЭ- 1996. АК № 1172. Краснодарский край, Отрадненский район.
[42] ПМ КФЭЭ- 1996. АК № 1110. Краснодарский край, Отрадненский район.
[43] ПМ КФЭЭ- 1993. АК № 498. Адыгея, Майкопский район.
[44] ПМ КФЭЭ- 1992. АК № 145, 221. Краснодарский край, Кореновский район.
[45] ПМ КФЭЭ- 1992. АК № 208. Краснодарский край, Кореновский район.
[46] ПМ КФЭЭ- 1992. АК №311, 650. Краснодарский край, Горячеключевской район.
[47] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 788, 7, 857. Краснодарский край, Северский район.
[48] Бондарь Н.И. Кукушка (Материалы к этнокультурному словарю Кубани // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры. Краснодар, 2002. С. 302.
[49] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 291. Краснодарский край, Павловский район.
[50] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 498. Краснодарский край, Майкопский район.
[51] ПМ КФЭЭ- 19 АК №81. Краснодарский край, Приморско-Ахтарский район.
[52] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 324, 328. Краснодарский край, Горячеключевской район.
[53] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 291. Краснодарский край, Павловский район.
[54] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 1110. Краснодарский край, Отрадненский район.
[55] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 677. Краснодарский край, Калининский район.
[56] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 644. Краснодарский край, Лабинский район.
[57] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 323. Краснодарский край, Горячеключевской район.
[58] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 193. Краснодарский край, Павловский район.
[59] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 676, 796. Краснодарский край, Северский район.
[60] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 665. Краснодарский край, Лабинский район.
[61] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 476. Адыгея, Майкопский район.
[62] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 472. Адыгея, Майкопский район.

[63] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 485. Адыгея, Майкопский район.
[64] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 432. Краснодарский край, Ленинградский район.
[65] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 498. Адыгея, Майкопский район.
[66] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 661. Краснодарский край, Лабинский район.
[67] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 431, 581, 1060. Краснодарский край, Тихорецкий район.
[68] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 506. Адыгея, Майкопский район.
[69] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 1126. Краснодарский край, Отрадненский район.
[70] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 399. Краснодарский край, Ленинградский район.
[71] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 665. Краснодарский край, Лабинский район.
[72] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 1172. Краснодарский край, Отрадненский район.
[73] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 597, 661. Краснодарский край, Лабинский район.
[74] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 1137. Краснодарский край, Отрадненский район.
[75] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 241. Краснодарский край, Кореновский район.
[76] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 281, 857. Краснодарский край, Павловский район.
[77] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 452. Адыгея, Майкопский район.
[78] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 492, 673. Адыгея, Майкопский район.
[79] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 547. Краснодарский край, Староминской район.
[80] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 108. Краснодарский край, Кущёвский район.
[81] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 141. Краснодарский край, Мостовской район.
[82] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 81, 126. Краснодарский край, Кущёвский район.
[83] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 660. Краснодарский край, Лабинский район.
[84] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 210. Краснодарский край, Кореновский район.
[85] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 193. Краснодарский край, Павловский район.
[86] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 1110. Краснодарский край, Отрадненский район.
[87] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 625. Краснодарский край, Лабинский район.
[88] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 665. Краснодарский край, Лабинский район.
[89] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 1110. Краснодарский край, Отрадненский район.
[90] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 1110. Краснодарский край, Отрадненский район.
[91] ПМ КФЭЭ- 19 АК № 141. Краснодарский край, Мостовской район.
[92] См., например, Байбурин А.К. О жизни вещей в народной культуре // Живая старина. 1996. №3. С. 2-3.
[93] Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных текстах. М., 1988. С. 9 – 15. и др.

Ф.К. Джигунова

Ленинохабльский I могильник: история формирования по данным горизонтальной стратиграфии

Ленинохабльский I могильник был исследован 1973-74 гг. Адыгейской археологической экспедицией под руководством научного сотрудника Адыгейского областного музея П.А. Дитлера. Могильник находился в Теучежском районе ААО близ а. Ленинохабль в зоне затопления Краснодарского водохранилища. Площадь памятника разрушалась в результате вскрышных работ, проводившихся для устройства гравийного карьера.[1]

Могильник расположен на северо-восточной окраине аула, представляющей надпойменную левобережную террасу р. Пшиш, возвышающейся на 10-12 м над уровнем реки. На территории могильника площадью около 2 га зафиксировано несколько небольших курганов, высотой до 0,5 м, в которых были обнаружены одиночные позднесредневековые погребения. Других видимых объектов и конструкций до раскопок не зафиксировано.

В настоящей работе предпринята попытка, на основе горизонтальной стратиграфии, погребального обряда и материальной культуры проследить историю формирования памятника, выявить группы погребений, объединенные хронологическими, социальными условиями.

Всего на памятнике обнаружено 220 погребений и объектов. Независимо от датировки, основная масса погребений представляет собой ингумации в прямоугольных грунтовых ямах; костяки расположены вытянуто на спине. Исключение составляют несколько групп погребений.

Первая группа – 4 погребения, скорченных на левом и правом боку (одно взрослое, три – детские), ориентированные в широтном

направлении. В детском погребении 166 обнаружены бусина из гальки и нож, в погребении 67 сосуд, остальные – безинвентарны. Указанную небольшую группу погребений можно датировать достаточно широко с III в. до н.э. – III в. н.э. Аналогичные погребения встречаются в меотских могильниках Закубанья (на плане обозначены красным цветом).[2]

Вторая группа – два мужских погребения (пп. 9, 12) являлись подкурганными захоронениями. В состав инвентаря входили предметы вооружения, поясные пряжки.

Третья группа – четыре погребения: 2-х мужских (пп. 7, 23), женское (п. 70) и детское (п. 205), ориентированные на З и ЗЮЗ, в которых были обнаружены деревянные плахи, железные гвозди и заклепки, что свидетельствует об использовании гробов или колод. Инвентарь незначительный: кремень, кресало, нож, ременное кольцо в мужских погребениях; в женском – бронзовые подвески. В могиле ребенка вещи отсутствуют.

Четвертая группа – пять погребений, среди которых два мужских (пп. 12, 220), два женских (пп. 16, 168), одно детское (п. 131), где зафиксирована угольная засыпка дна погребения. В п. 168 тонкий слой угля покрывал все дно могилы, в остальных случаях уголь находился в области черепа и верхней части костяков. В пп. 59 и 62 под костяками обнаружен тлен органической подстилки. Все указанные погребения ориентированы в западном секторе.

Пятая группа – 22 погребения, в которых встречаются костяки с перекрещенными в области голеней ногами, а также костяки с согнутыми в локтях руками и кистями, расположенными на костях таза, на груди либо поперек туловища. В трех погребениях сочетаются перекрещенные ноги и согнутые руки. В этой группе 13 погребений ориентированы в восточном секторе, 9 – в западном. Данное явление встречается независимо от пола, возраста и социального уровня погребенных с VIII по XV вв.

Один комплекс, в который входили украшения, атрибутирован автором полевых исследований как клад вещей. Встречены три захоронения крупного рогатого скота.

Всего погребений с инвентарем обнаружено: мужских – 49, женских – 89, детских – 30; безынвентарных – 33; 15 погребений, содержащих незначительный инвентарь, по половозрастному признаку атрибутировать не удалось.

Предварительно проведенный анализ сопроводительного инвентаря и погребального обряда позволили разделить погребения на несколько групп, характеризующих различные хронологические периоды. К датирующим предметам относятся оружие, предметы конской упряжи, украшения, детали поясной гарнитуры, посуда.

На плане могильника погребения отмечались в соответствии со следующими факторами:

1. По половозрастному принципу выделено 4 группы: женские, мужские детские, а также погребения, пол которых не определяется, в связи с отсутствием вещей в погребениях. Половозрастное определение погребений проводилось автором раскопок П.А. Дитлером в полевых условиях на основе размеров костяков и наличию соответствующего сопроводительного инвентаря (См. рис.).
2. По наличию и отсутствию сопроводительного инвентаря выделены 3 группы:

- безинвентарные;
- погребения с незначительным количеством сопроводительного инвентаря отмечались маленькими значками (наличие керамики, орудий труда, незначительного количества украшений);
- погребения с большим количеством инвентаря различных категорий на плане отмечались крупными значками (наличие

керамической и стеклянной посуды, большого количества украшений, предметов вооружения и конской упряжи, в том числе изделий из золота и серебра).

3. По погребальному обряду: ингумации, кремации, подкурганные захоронения, наличие деревянных плах от гроба или колоды.
4. По хронологическим периодам выделено 5 групп: III в. до н.э. – III в. н.э., VI-VII вв., VIII-IX вв., X-XII вв., XIII-XV вв.

В результате проведенного анализа можно отметить следующие наблюдения.

Погребения могильника сконцентрированы в виде широкой, (около 25 м) дуги, расположенной в направлении СВ-ЮЗ, вершиной на ЮЗ. Во внутренней части дуги погребения отсутствуют. В настоящее время трудно судить о причинах данного явления. Можно предположить, что на указанном участке имелись объективные обстоятельства, связанные с понижением рельефа в СВ направлении, либо с существованием здесь в средневековье рукава реки Пшиш, или других объектов, в результате чего население не считало возможным совершать здесь захоронения.

Погребения, относящиеся к меотской культуре, располагаются вдоль северной стороны дуги по линии ЮЗ-СВ на протяжении 42 м.; погребения VI-VII вв. (пп. 11, 42, 53, 65, 72, 79, 146) концентрируются вдоль указанной линии ранних погребений. Костяки VI-VII вв. (пять детских, один – женский, один – мужской) ориентированы в западном секторе. Инвентарь представлен керамическими сосудами, а также большим количеством украшений – это фибулы, каменные и стеклянные бусы, браслеты, гривна, цепочка.

В VIII-IX вв. площадь могильника расширялась также вдоль всей линии дуги на север и юг. Ориентировка погребений встречается как в западном, так и в восточном направлениях и не зависит от пола и возраста. В указанный период на могильнике появляются погребения, совершенные

по обряду кремации (пп. 18, 41, 95, 136, 169, 207, 210, 216), 6 из них мужские погребения, 2 – не определены. Пол погребенных определен по составу сопроводительного инвентаря. Кремации не выделяются в какую-либо компактную группу, однако отмечается их распределение в центральной и южной частях памятника. Кремации встречаются как безурновые (7 погребений), так и урновые (1 погребение).

Сопроводительный инвентарь многих погребений VIII-IX вв. всех половозрастных групп характеризуется разнообразием категорий предметов, наличием изделий из золота и серебра. Вещевой комплекс мужских погребений составляют оружие и доспехи (сабли, наконечники стрел и копий, топоры, колчаны, булава, щит) предметы конской упряжи (удила, псалии, стремена, украшения сбруи), посуда, пряжки пояса, предметы быта (ножи, шилья). В состав инвентаря женских и детских погребений вошли украшения (бусы, фибулы, серьги и височные кольца, браслеты, кольца, бубенчики, цепочки, пуговицы), туалетные принадлежности (игольник, копоушка, пинцет), посуда, предметы быта (ножи, прясла), детали поясной гарнитуры. Около 18% погребенных всех поло-возрастных групп занимали более высокое социальное положение по отношению к остальному населению раннесредневекового общества, о чем свидетельствуют большое количество вещей различных категорий, а также изделия из золота и серебра, найденные в их могилах.

Погребения X-XII вв. и XIII-XV вв. приращивались по периферии погребений предшествующего времени. Ориентированы могилы, в основном, в западном секторе. Процент погребений с сопроводительным инвентарем среди всех половозрастных групп меньше. Уменьшается и количественный состав категорий инвентаря. Данное явление, вероятно, связано с изменением религиозных представлений населения, что отразилось в погребальном обряде. К данной хронологической группе можно отнести, помимо двух подкурганных захоронений также

погребения в колодах или гробах. Судя по составу сопроводительного инвентаря, представляется, что население было социально однородным.

Не смотря на хронологическую, половозрастную и обрядовую принадлежность, погребения с большим количеством инвентаря и безинвентарные распределены по всей площади могильника, не образуя каких-либо локальных групп.

Погребения на Ленинохабльском I могильнике одиночные, редко перекрывают друг друга (как, например, пп. 185, 186). Кроме того, на некоторых участках отмечены случаи регулярного взаиморасположения погребений в направлении, в основном, С-Ю, что вероятно свидетельствует о наличии каких-то надмогильных сооружений в эпоху средневековья.

Таким образом, выявленная последовательность формирования могильника, относительная социальная и обрядовая однородность погребений, позволяют сделать вывод, что Ленинохабльский I могильник был оставлен единым в этническом плане населением, проживавшем на одной территории в течение всего средневекового периода.

Исключение составляют восемь кремаций, чья этническая принадлежность остается предметом дискуссий.

Дальнейшие исследования памятника, а также сравнительный анализ материалов синхронных могильников региона позволят уточнить сделанные выводы.

Примечания:

[1] Дитлер П.А. Отчет Адыгейской археологической экспедиции по раскопкам могильников и курганов в зоне Краснодарского водохранилища (Теучежский район ААО Краснодарского края), проведенной в 1973-1974 гг. научным сотрудником Адыгейского областного краеведческого музея.

[2] Носкова Л.М., Кожухов С.П.. Меотские погребения Ново-Вочепшийского могильника // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 119-139. Анфимов Н.В. Тахтамукаевский могильник // СМАА. Майкоп, 1961. С. 188-203.

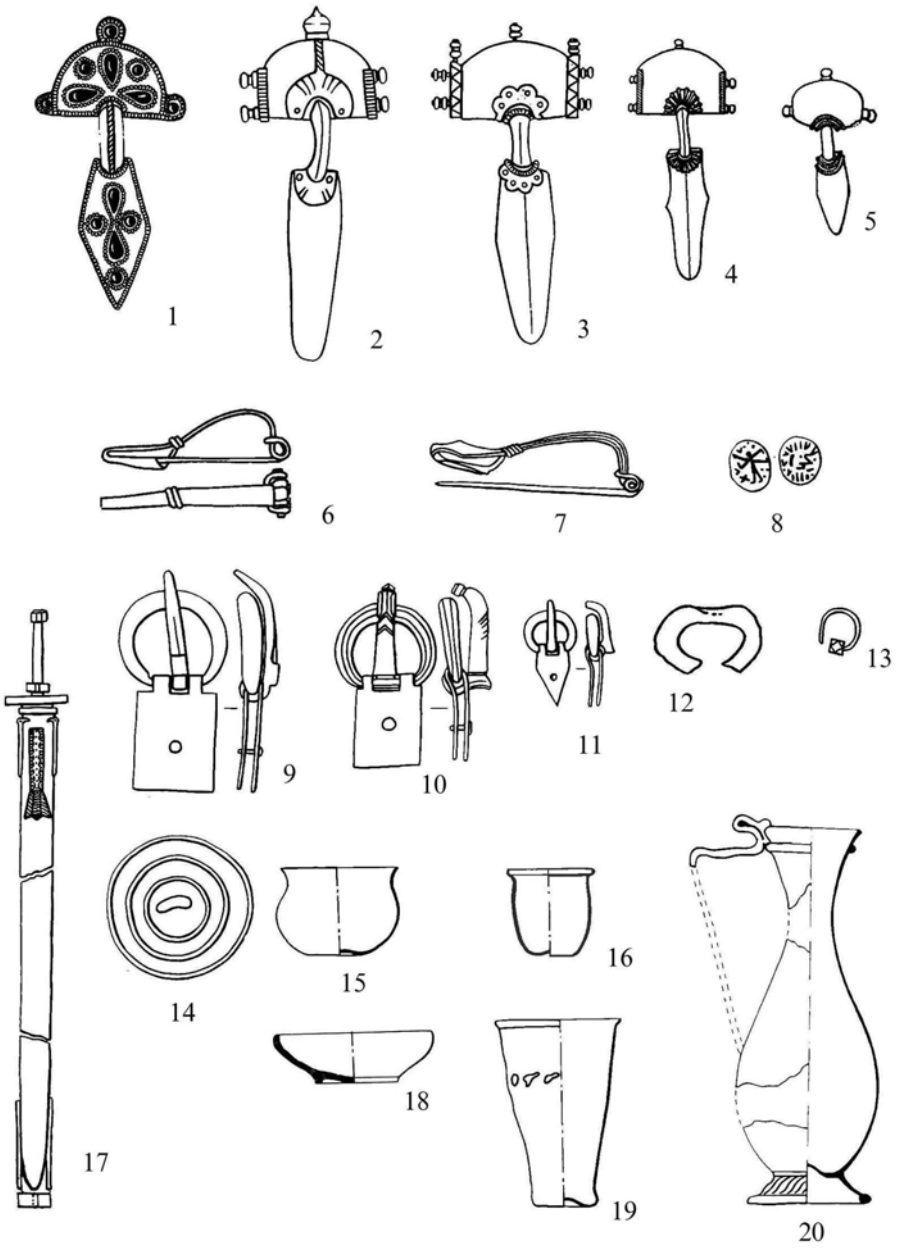

Рис. 1. Вещи периода Ia.

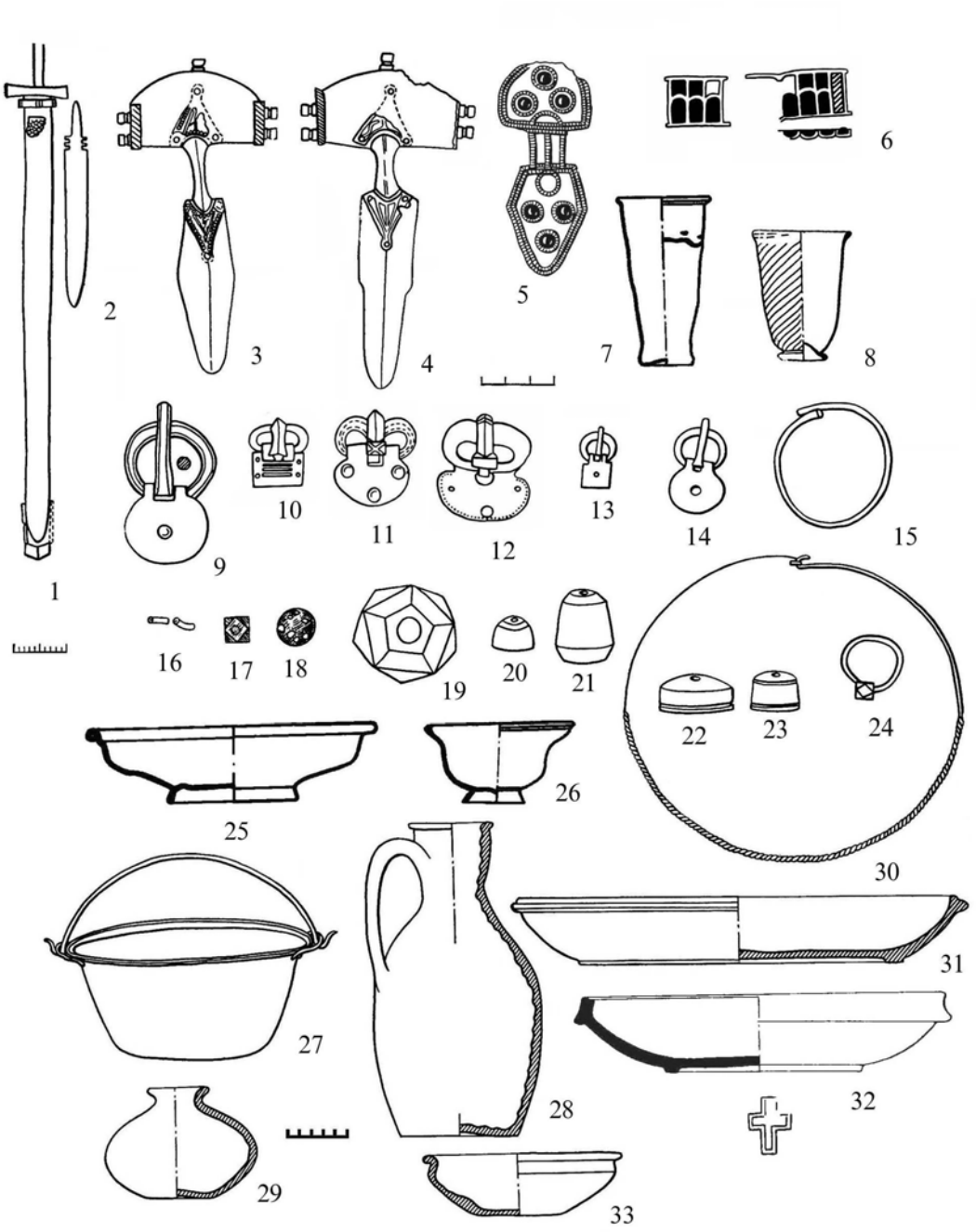

Рис. 2. Вещи периода Iб.

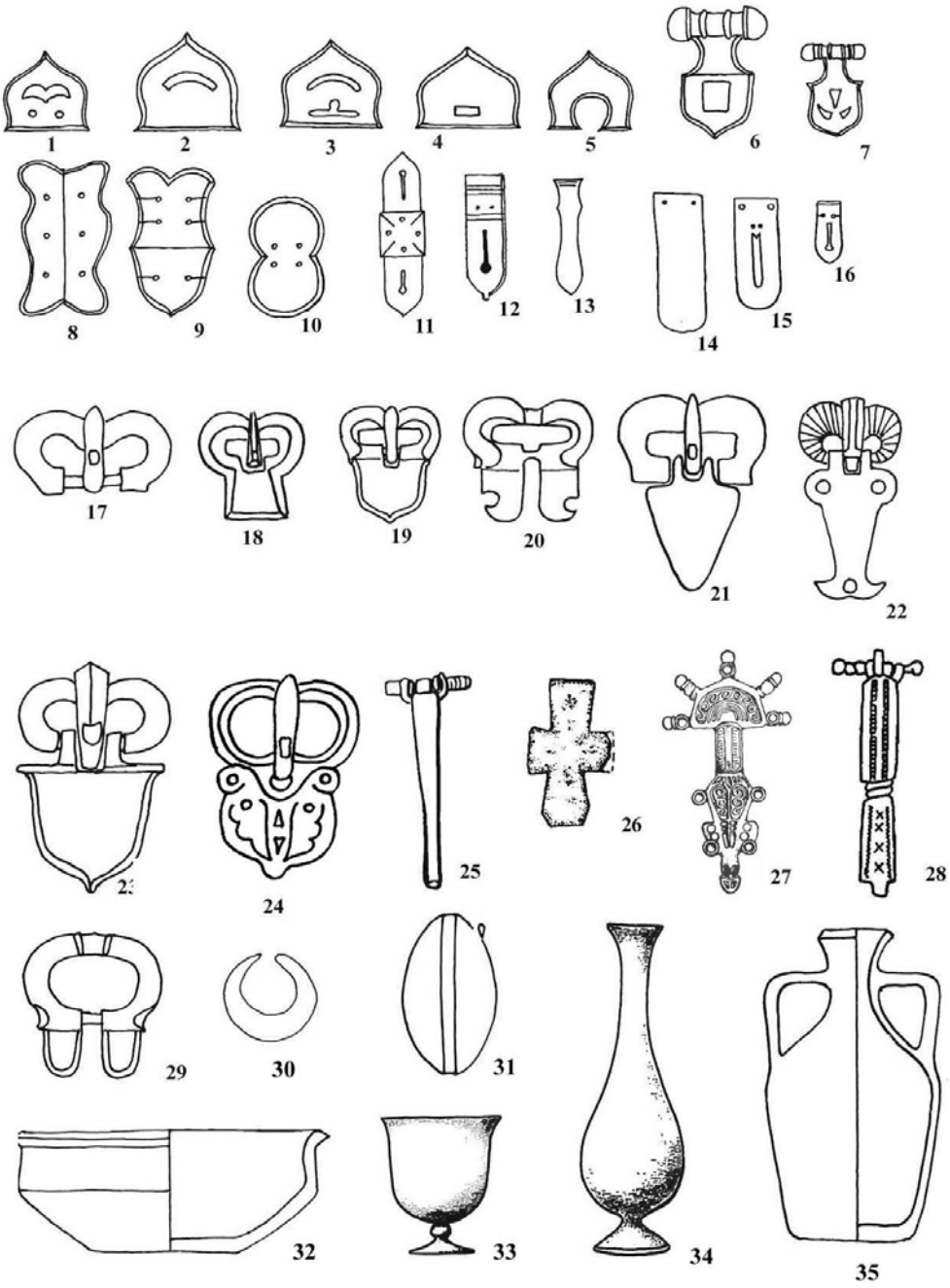

Рис. 3. **Период II.**

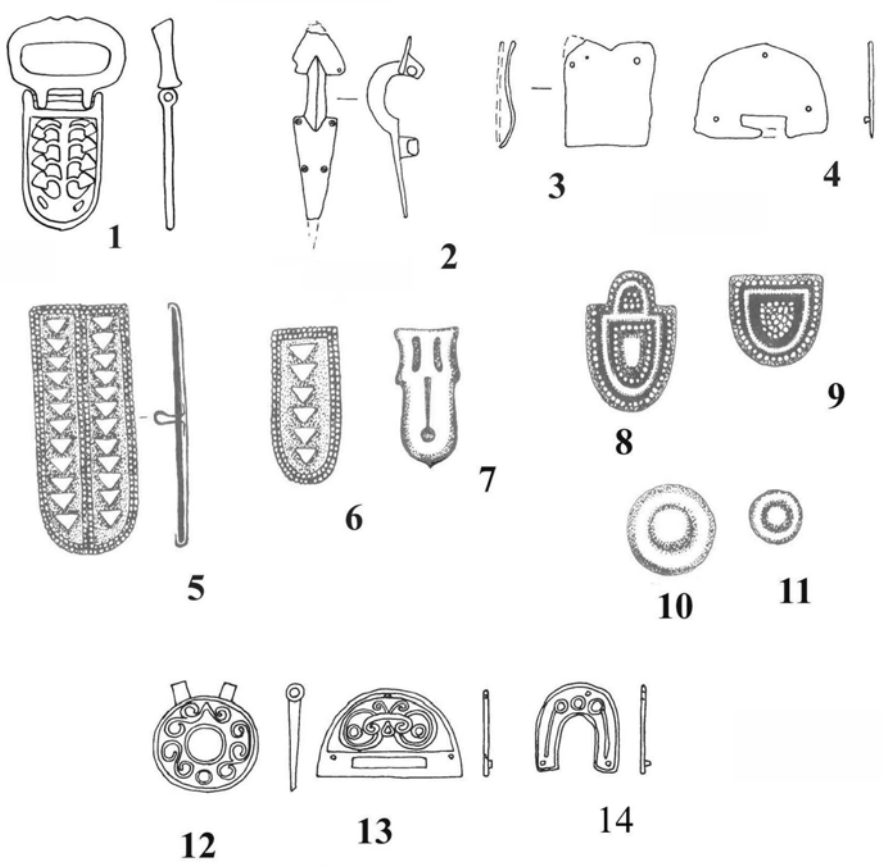

Рис. 4. **Период III.**

Е.Н. Черных

Керамика ранней поры протомеотского времени

На сегодняшнем уровне исследований в Закубанье самые ранние погребальные протомеотские памятники специалисты датируют по сочетаемости деталей конской упряжи первой половиной VIII века до н. э. (Сазонов 2005, 246; Эрлих 2005, 40). В то же время, самые поздние погребения финала эпохи поздней бронзы ограничивают X веком до н. э. (Шарафутдинова, Каминский 1988, 220). Таким образом, сформировалась, ничем не заполненная, лакуна протяженностью почти в столетие. На Нижнем Дону эту лакуну заполняют памятники черногоровского круга. В степном Прикубанье разногласия по поводу культурно-хронологической позиции вызывает погребение из Анапской с кубковидным сосудом, которое входит в группу захоронений финала поздней бронзы, намеченную Э. С. Шарафутдиновой (Шарафутдинова 1991, 187) Исследовательница атрибутировала одно погребение с ножом белозерского типа (Пролетарский 1/6), как позднесрубное и два (с сосудами несрубного облика) предположительно связала с кобяковской культурой (Батуринский I 9/10, Анапский I 2/3). Обряд этих погребений единообразен. Умерших хоронили, ориентированными в юго-восточный сектор, в положении скорченно на боку при слабой или средней степени скорченности и стандартной позиции рук – одна рука направлена к бедрам, другая согнута в локтевом суставе, предплечье расположено поперек тела.

В финале эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и восточной Украине, в Поволжье и в степном Прикубанье, то есть в ареале распространения срубной культуры, появляются погребальные памятники отличающиеся от срубных по обряду. На сегодняшний день существуют три точки зрения на их культурную принадлежность. Первая –

атрибутирует эти памятники, как белозерские (Отрощенко 2001, 189-190), представители второй точки зрения придерживаются мнения, что эти памятники позднесрубные или кобяковские (Шарафутдинова 1991, 192-193). Третья точка зрения сформулирована В. В. Потаповым, который проанализировал поселенческие и погребальные памятники указанного региона и предложил, учитывая их генетическую связь со срубной культурой, наблюдаемую в материалах поселений, и новации фиксируемые в финале эпохи поздней бронзы, в большей степени заметные в погребальном обряде, этот культурный пласт определять, как постсрубный. Эти погребальные памятники характеризуются меньшей универсальностью погребального обряда, различными позами погребенных при различной степени скорченности, расширенным набором категорий погребального инвентаря. В равных долях практикуется как традиционная ориентировка, так и южная, наряду со скорченным положением погребенного, встречается и вытянутое, погребальный инвентарь, в том числе керамика, типологически отличен от срубного (Потапов 2001, 224-227). В. В. Потапов также отмечает, что эти черты обряда характерны для черногоровских погребений и являются сквозными для довольно продолжительного периода времени. По-видимому, три погребения из Прикубанья, с ориентировкой в юго-восточный сектор, относятся к такому постсрубному культурному образованию.

Сосуд из Анапской имеет очень много поздних признаков. Это – широкое дно и пропорции более характерные для киммерийских форм, что было отмечено еще Э. С. Шарафутдиновой (Шарафутдинова 1991, 190), а также резкопрофилированная верхняя часть (соединение горла и венчика под четким углом), что совершенно не характерно для белозерских, крайне редко встречается на кобяковских сосудах (Шарафутдинова 1980, 108, Таблица XVIII,*12*) и, напротив, широко распространено на протомеотской керамике. О. Р. Дубовская, отнесла погребение с кубковидным сосудом из

Анапской к черногоровскому кругу памятников (Дубовская 1993, 152, Рис. 73, *77*). По-видимому, из трех Прикубанских – это погребение наиболее позднее, это отметила Э. С. Шарафутдинова и отнесла его к рубежу поздней бронзы (белозерское время) – началу раннего железа (черногоровская ступень) (Шарафутдинова 1991, 193). С остальной группой его сближает погребальный обряд и орнаментация сосуда, характерная для эпохи поздней бронзы – свисающие треугольники, заполненные параллельными линиями, на фризе этой композиции изображен зигзаг между двумя параллельными линиями. В этом стиле выдержана керамика на кобяковских памятниках Нижнего Дона и керамика поселений Красногвардейское I и II в Закубанье. Прямые аналогии этой композиции находятся в материалах эпохи поздней бронзы Красногвардейского I, на одном фрагменте можно рассмотреть фриз из зигзагообразной линии, на трех керамических обломках – удлиненные свисающие треугольники (Анфимов, Шарафутдинова 1982, 143, Рис. 4, *12*; 144, Рис. 5, *2, 6*), также как и на экземпляре из Анапской. Форма же сосуда тяготеет к более позднему времени. Учитывая наблюдения и выводы В. В. Потапова, погребение из Анапской можно датировать достаточно широко финал эпохи поздней бронзы – черногоровское время. Очевидно, в Прикубанье приемы и орнаментальный стиль эпохи поздней бронзы сохраняются еще и в киммерийскую эпоху.

Как отмечают исследователи в финале эпохи поздней бронзы фиксируется проникновение серий вещей белозерского типа [роговые псалии, ножи с параллельными лезвиями, керамика (корчаги, черпаки, кубки)], как в Прикубанье так и в Закубанье (Шарафутдинова, Каминский 1988, 220; 1991, 192, 193; Лесков, Эрлих 1999, 44-45). Закубанские мастера подражают некоторым типам белозерских вещей и налаживают их местное изготовление (двуушковые кельты) (Иессен 1951, 86). Сосуды типологически близкие белозерским сопровождают, как погребения

постсрубного облика в Прикубанье, так и погребения протомеотской группы памятников в Закубанье. В. Р. Эрлих, рассматривая Центральную группу протомеотских памятников, приходит к выводу, что одним из слагающих ее компонентов являются позднебелозерские памятники, наряду с кобяковскими (Эрлих 2005, 17).

В массиве протомеотских погребений Закубанья можно выделить ряд захоронений датировка которых представляется более ранней. Это погребение 81 Псекупсского могильника, погребения 21 (1963 года), 50, 73 Николаевского могильника (Рис. 1). Первые два захоронения объединяет облик керамики, сопровождающей погребенных. Для кубковидного сосуда из п. 21 (1963 г.) Николаевского могильника с шаровидным туловом, высоким цилиндрическим горлом и двумя нарезными поясками (Ловпаче 1981, 99, Табл.1, *5*) находятся ближайшие аналогии в кубках белозерской культуры, курган 5 погребение 2 могильника Дивизия (Ванчугов 1990, 78, Рис. 31, *22*). Близок он также сосуду из поселения белозерского времени Дружное-2 в Крыму (Колотухин 1990, 115, рис. 15, *5*). На этих кубках нередки прочерченные параллельные линии по плечикам сосуда – погребение 18/2 Чернянского могильника (Кубышев, Черняков 1986, 148, Рис. 7 к.5), курган 22, п. 4, курган 22, п. 20, курган 14, п. 11, курган 22, п. 5 могильник Будуржель, курган 193 Тирасполь (Ванчугов 1990, 78, Рис. 31, *7, 9, 11, 12*; 79, Рис. 32, *2*). Черпак из погребения 81 Псекупса с округлым туловом, цилиндрическим горлом и слегка отогнутым венчиком также имеет близкие аналогии среди черпаков и кубков белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья погребение у с. Шершенцы, курган 5, п. 2 Васильевского могильника (Ванчугов 1990, 75, Рис.28, *5*; 77, Рис. 30, *5*) и Крыма (Лесков 1970, 25, Рис. 16, *3*). Белозерские сосуды и сосуды белозерских форм из Закубанья по времени не могут отстоять слишком далеко друг от друга. А так как в Закубанье они обнаружены в погребениях начала эпохи раннего железа, и в керамике VIII века до н. э. такие формы

уже не встречаются, то можно предполагать, что они занимают самую раннюю пору протомеотского времени, этим периодом и следует датировать погребения 81 Псекупс и 21 (1963 г.) Николаевского могильника.

В ряде случаев в Закубанье на керамических формах эпохи раннего железа еще сохраняется архаичный стиль и приемы орнаментации эпохи поздней бронзы. В погребениях 50 и 73 Николаевского протомеотского могильника у черпаков орнаментированы плечики и тулово, что присуще керамике эпохи поздней бронзы, а не верхняя треть сосуда – орнаментальная зона, строго выдерживаемая для протомеотской посуды – могильник Фарс, могильник Пшиш I (Лесков, Эрлих 1999, 154, Рис. 62; Сазонов 2005, 248, Табл. 3). Орнаментальные композиции на черпаках, типичны для финала эпохи поздней бронзы. На черпаке из погребения 50 (Рис. 1, *11*) (Анфимов 1971, 172, рис. 1, *1*) ряд свисающих заштрихованных треугольников внизу окаймлен зигзагообразной лентой, заполненной параллельной штриховкой. На черпаке из погребения 73 (Рис. 1, *12)* (Сазонов 1995, 81, Табл. 4, *3*) внутри треугольников и между ними расположены два ряда окружностей разделенных прямой линией. Орнамент на сосудах гравирован. Если обратиться к элементам орнамента и орнаментальным композициям керамики эпохи поздней бронзы Закубанья и кобяковской культуры, прародиной которой, как установлено (Шарафутдинова 1980, 76) является Закубанье, то видно, что их стиль и приемы орнаментации идентичны (Рис. 2): свисающие треугольники в один или два ряда, фризы из двух параллельных линий, заполненных наклонными параллельными линиями, зигзагообразные ленты всегда ниже линии треугольников в один или два ряда, треугольники расположенные вершинами вверх в один или два ряда. Орнамент выполнен веревочным или зубчатым штампом, изредка прочерчен (Шарафутдинова, 1980, 52, Рис. 20). И если в материалах эпохи поздней бронзы поселений

Красногвардейского I, II не встречено композиционное сочетание зигзагов, треугольников и окружностей, то на керамике кобяковской культуры они присутствуют (Рис. 2, *19, 20*).

Как сейчас установлено, ранние черпаки могильников Фарс и Пшиш I первой половины VIII века до н. э. не орнаментированы, об этом неоднократно говорят исследователи (Сазонов 2005, 244; Эрлих 2005, 26). Хотя А. А. Сазонов допускает некоторое заглубление, выделенной им по материалам могильника Пшиш I, ранней (НаВ2, НаВ3) группы погребений с неорнаментированными черпаками в IX век. Во второй половине VIII – VII веке до н. э. орнаментируется только венчик сосуда или зона в верхней его трети, меняется стиль орнаментации, появляются новые, ранее не известные элементы: многорядные зигзаги, волнообразные линии, ромбы, квадраты, полукруги с отходящими черточками, волюты (Лесков, Эрлих 1999, 142, рис. 50; Сазонов 2005, 244, 248, табл. 3). Устойчивые орнаментальные композиции эпохи поздней бронзы на протомеотских сосудах второй половины VIII – VII веке до н. э. не встречаются, меняется техника нанесения орнамента, штамп исчезает, рисунок только гравируется (прочерчивается).

Представляется, что и черпаки Николаевского могильника с архаичной орнаментацией относятся ко времени предшествующему ранним неорнаментированным черпакам первой половины VIII века могильников Пшиш I и Фарс, то есть к НаВ1. Такую же датировку для черпака из погребения 73 Николаевского могильника предлагал и А. А. Сазонов (Сазонов, 1995, 77).

Фрагменты черпаков в незначительном количестве – (один, два экземпляра) зарегистрированы на поселениях Красногвардейское I, II, Курджипское, Ольховско-Фарсовское, Абадзехское, Чишхо, хутор Грозный. В материалах нижнего 6 штыка протомеотского слоя поселения Красногвардейское II и 5 штыка поселения Курджипское зафиксированы

фрагменты сосудов с архаичной орнаментацией: паркетное сочетание штрихованных треугольников (Рис. 3, *21*) (Шарафутдинова 1987, 92, Рис. 3, *10*, *18*), ряд свисающих соединенных треугольников, окаймленных внизу зигзагообразной лентой (Рис. 3, *18*) (Сазонов 1995, 82, *10*). Техника нанесения орнамента – гравировка. Такая же композиция есть на одном керамическом обломке Ольховско-Фарсовского поселения (Рис. 3, *15*) (Аутлев 1972, 52, Рис. 1) и на фрагменте из Абадзехского поселения (Рис. 3, *16*) (Аутлев 1972, 59, Рис. 8, *2*, *17*). По-видимому, в поселенческом материале орнаментальный стиль эпохи поздней бронзы сохраняется и в раннюю пору протомеотского времени. На обломках сосудов из 5 штыка поселения Курджипское отмечен ряд элементов орнамента эпохи поздней бронзы: зубчатый штамп (Рис. 3, *22*) , горизонтальная “елка” (Рис. 3, *23*), косые кресты на валиках (Рис. 3, *24*), валики расчлененные насечками (Рис 3, *25*, *26*) (Сазонов 1995, 83, табл. 6, *9*, 83, табл. 6, *7*; 82, табл. 5, *8;* 83 табл. 6, *8*), но уже в несколько измененном виде, чем на черепках в слое эпохи поздней бронзы поселений Красногвардейское II, Чишхо, Лесное (Рис. 3, *9-11*). Так чаще используется гравировка, не применяется веревочный штамп, зубчатый штамп становится крупнее, а зубцы имеют не квадратное, а прямоугольное сечение (Рис. 3, *22*) (Сазонов 1995, 83, табл. 6, *9*), косые кресты меньше по размеру и аккуратно прочерчены, в то время как на керамике поздней бронзы они выполнены вдавлением штампа (Рис. 3, *12*). В верхних штыках протомеотского слоя поселений Красногвардейское II и Курджипское эти элементы уже не фиксируются. В штыке 4 протомеотского слоя поселения Красногвардейского II был найден обломок костяного дырчатого псалия муфтовой схемы, который в настоящее время датируется первой половиной VIII века до н. э (Сазонов 1995 а, 86). Следовательно, этим временем можно датировать и штык 4 поселения Красногвардейское II. К этому периоду, по-видимому, относится и штык 5 поселения Красногвардейского II, так в его материалах

присутствуют корчаги с горизонтально отогнутым венчиком, датирующихся не ранее первой половины VIII в до н. э. (Лесков, Эрлих 1999, 154, рис. 62), сосуды с “ложномноговаликовым” оформлением горла, которые отмечены на поселениях, хорошо датированых VIII в до н. э. по находке колена удил с треугольными окончаниями и ложновитой обмотке грызел (поселение хутор Грозный, восточнее Майкопа, раскопки автора) и присутствию в материалах черпаков с зооморфными ручками (протомеотский слой поселения Чишхо на южном берегу Краснодарского водохранилища, раскопки автора), появляются вертикальные налепы, зафиксированные в погребениях последней четверти VIII века до н. э. (Сазонов 2005, 247, табл. 2; Лесков, Эрлих 1999, 68). Следует обратить внимание на типы сосудов нижних штыков протомеотского слоя поселения Красногвардейское II. Достоверно к шестому штыку относятся два сосуда: небольшой плавно профилированный кубок и цилиндрический сосуд с валиком, расположенным на 2 см ниже края венчика (Рис. 4, *1, 3*) (Шарафутдинова 1987, 93, рис. 4, *7*; 89, рис. 1, *13*). Аналогичный орнаментированный кубок отмечен в материалах поселения Красногвардейское I (Рис. 4, *2*) (Шарафутдинова 1989, 73, рис. 12, *6*), здесь же обнаружен и фрагмент стаканоподобного сосуда с валиком (Рис. 4, *5*) (Анфимов, Шарафутдинова 1982, 142, рис. 3, *9*), сосуд с валиком, близкий цилиндрическому, зафиксирован в слое поздней бронзы поселения Лесного у станицы Келермесской (раскопки автора) (Рис. 4, *4*). К 7 штыку относятся два сосуда с крутыми плечиками и цилиндрическим горлом. По горлу они армированы широкой плоской глиняной лентой, так называемым “воротничком” (Рис. 4, *8, 9*) (Шарафутдинова 1987, 89, рис. 1, *1, 3*). Обращают на себя внимание венчики сосудов, они выполнены в традициях эпохи средней-поздней бронзы (Рис. 4, *10-12*), в одном случае венчик горизонтально уплощен, в другом клювовидно оттянут. Для горшков начала эпохи раннего железа характерен в подавляющем

большинстве только приостренный венчик. К восьмому штыку относится миска с небольшим уступом на, слегка загнутом внутрь, бортике (Рис. 4, *13*) (Шарафутдинова 1987, 93, рис. 4, *13*). По-видимому, это дальнейшая модификация мисок эпохи поздней бронзы с желобком по внешнему краю бортика, которые зафиксированы в слое поздней бронзы поселения Чишхо (раскопки автора) (Рис. 4, *14*). В смешанном материале 6 и 5 штыков Красногвардейского II выделяются еще два сосуда с плавным профилем и раструбным горлом, один из которых имеет шаровидное тулово (Рис. 4, *14, 17*) (Шарафутдинова 1987, 93, рис. 4, *6, 11*). Эти сосуды, по-видимому, можно отнести к 6, нижнему, штыку верхнего протомеотского слоя. Наиболее близки этим сосудам кувшины с раструбным горлом и плавным профилем из поселения Красногвардейского I (Рис. 4, *15, 16*) (Анфимов, Шарафутдинова 1982, 144, рис. 5, *1*) и Кобяково (Рис. 4, *18*) (Шарафутдинова 1980, 107, табл. XVII, *17*). Описанная керамика достаточно архаична и сохраняет пережиточные черты эпохи поздней бронзы в раннюю пору протомеотского времени. В материалах VIII века до н. э. сосуды с такими чертами уже не встречаются, за исключением цилиндрических сосудов и сосудов с раструбным горлом, которые к этому времени приобретают резкопрофилированные формы. Хотя сосуды с резко отогнутым венчиком зафиксированы в материалах 5 штыка поселения Кужорское (Рис. 6, *5*) (Сазонов 1995, 82, табл. 5, *1*) и в материалах протомеотского времени пос. Лесного (Рис. 6, *3*). По-видимому, они также бытуют в этот временной период, поскольку аналогичная форма зафиксирована в слое поздней бронзы поселения Лесного с технологическими признаками обработки поверхности сосуда специфичной только для эпохи поздней бронзы (тканевой шаблон). Таким образом, штык 6 поселения Красногвардейское II и штык 5 поселения Курджипское можно датировать НаВ1, слои 5, 4 поселения Красногвардейское II и верхние слои поселения Курджипское датируются

НаВ2/НаВ3. Что не противоречит выводам, сделанным исследователями этих памятников. Э.С. Шарафутдинова датировала весь протомеотский слой Красногвардейского II IX-VIII веками до н. э. (Шарафутдинова 1991а, 90), а нижний слой поселения Курджипское по 14С имеет датировку 1000 ± 80 лет до н. э. анализ ЛЕ № 4648, лаборатория ИИМК РАН Спб (Сазонов 2004, 390).

Совсем иначе выглядит ситуация с погребальными сосудами. Следует учитывать установленный исследователями факт, что погребальная посуда достаточно специфична, изготавливалась специально и на поселениях встречается в ограниченном количестве (Сазонов 1995, 77). В слое поздней бронзы поселения Красногвардейское II черпаки не орнаментированы, также как и в синхронном ему погребении 11/10 Михайловского могильника (Рис. 3, *5, 6, 7, 8*). На ранних черпаках могильников Пшиш I (Рис. 3, *31-33*) и Фарс орнамент также отсутствует. Орнаментация на черпаках появляется к средине VIII века до н. э. Известны всего два орнаментированных черпака из погребений 50 и 73 Николаевского могильника, которые, как было показано выше, являются достаточно ранними. По-видимому, эти два случая являются тем исключением из общепринятой погребальной практики, когда для погребального ритуала была использована бытовая посуда.

Изменение устойчивых орнаментальных композиций эпохи поздней бронзы Закубанья в элементы декора протомеотской посуды можно проследить на поселенческих материалах. В финале эпохи поздней бронзы для керамики поселений характерны свисающие треугольники, заштрихованные, или заполненные вписанными углами, выполненные веревочным или зубчатым штампом. Ряд смыкающихся треугольников может предварять фриз из наклонных параллельных линий, внизу композицию замыкает зигзагообразная лента также заштрихованная (Рис. 5, *1-3*). Этот декор еще встречается, как было показано выше на некоторых

формах протомеотской керамики. На керамике поселений еще сохраняется зубчатый штамп, например в керамике протомеотского поселения Курджипское (Сазонов 1995, 83, табл. 6, *9*), на орнаментированном фрагменте из поселения Абадзехское (Рис. 5, *6*) (Аутлев 1972, 59, рис. 8, *17*), отмечены они и Э. С. Шарафутдиновой на поселении Красногвардейское II (Шарафутдинова, 1991, 82). В изображении элементов декора еще действуют стереотипы эпохи поздней бронзы; треугольники в композиции соприкасаются основаниями. Эти стереотипы, судя по керамике, сохраняются в течение ранней поры протомеотского времени, но появляются и новации. Контур треугольника изображается многорядной лентой заштрихованной (Рис. 3, *20*; 5, *5*) , или выполненной рядами зубчатого штампа (Рис 3, *17*; 5, *6*). Внутреннее пространство треугольника остается незаполненным, или туда привносится новый элемент в виде рядов окружностей (погребение 73 Николаевского могильника) (Рис. 5, *5*). В памятниках, которые хорошо датируются VIII веком до н. э. таких, как протомеотский слой поселения Чишхо, поселение у хутора Грозный, поселение Кужорское керамика демонстрирует дальнейшее разрушение стереотипов эпохи поздней бронзы, нарушается ритм и сопряженность элементов орнамента: треугольники отделяются друг от друга интервалами. Они вписаны в углы выполненные заштрихованной лентой. На фрагменте сосуда из разрушенного погребения (1959 года) Николаевского могильника (Анфимов 1961, 122, таблица 1, *6)* еще соблюдается ритм углов, в которые вписаны маленькие заштрихованные треугольники, но зигзагообразная лента изображается лишь фрагментарно (Рис. 3, *27*; 5, *7*). Еще более деформирована композиция на фрагменте из поселения Чишхо, нарушен ритм сопряжения углов, они смещаются, образуя кроме треугольников еще и ромбы (Рис. 5, *8*; 3, *28*). Ромбы и ромбовидные фигуры к западу от Закубанья известны в культуре Козия-Сахарна (Кашуба, Гольцева 1991, 198, рис. 1, *4*, *5*), на

востоке в кобанской керамике (поселение Змейское, каменный ящик № 9 у с. Каменномостского) (Деопик, Крупнов 1961, 22, рис. 5, *2*; 23, рис. 6, *3*), (Гриневич 1951, 134, рис. 12), а также в черногоровской группе памятников, погребение у с. Грушевского на Нижнем Дону, датированное автором IX – первой половиной VIII века до н. э (Прохорова 1983, 209, рис. 2). Этот сосуд имеет прямые аналогии в Закубанье (устное сообщение А. А. Сазонова). Видимо, поэтому два черпака, орнаментированных ромбами, из погребений 56 и 108 могильника Пшиш I (Рис. 3, *34*, *35*) А. А. Сазонов датировал первой половиной VIII века, возможно, с некоторым заглублением в IX век (Сазонов 1995, 77). Появление ромбов в орнаментальных композициях, по-видимому, действительно относится к рубежу IX-VIII века до н. э., как инокультурное влияние и получает распространение в VIII-VII в.в. до н. э., в виде ромбов, ромбовидных фигур или прямоугольников и композиций из этих элементов (Рис. 5, *9-11*), например, на фрагменте чаши из поселения Кужорское (раскопки А. А. Нехаева) (Рис. 3, *29*). Вероятно, через Крым, Нижний Дон и постсрубные образования Прикубанья Северное Причерноморье оказывало культурное влияние на Северный Кавказ, в том числе и на Закубанье. Представляется, что особенно интенсивно оно проявлялось в финале поздней бронзы и в самом начале эпохи раннего железа. Разнообразие заимствованных типов сосудов к VIII в до н. э. сокращается и из белозерских форм дальнейшее развитие получают только корчаги и черпаки, как устоявшийся элемент погребального ритуала.

Подводя итоги, следует отметить, к ранней поре протомеотского времени относится 6 штык протомеотского слоя поселения Красногвардейского II, 5 штык поселения Курджипское, возможно, какие-то слои поселений Абадзехское и Ольховско-Фарсовское, погребения 21 (1963 года), 50, 73 Николаевского могильника, погребение 81 Псекупсского могильника (Рис 6). В течение НаВ1 еще продолжают

действовать стереотипы и технологии поздней бронзы. В керамике поселений еще сохраняются местные типы сосудов, стиль и приемы орнаментации эпохи поздней бронзы. По-видимому, в период НаА2 – НаВ1 в погребальном обряд еще не укрепился окончательно запрет на использования бытовой посуды в погребальных целях. В финале поздней бронзы усиливается интенсивность контактов с позднебелозерским и постсрубным культурным миром, выразившаяся в проникновении белозерских типов вещей в быт и инокультурной керамики в погребальные комплексы протомеотского общества Закубанья. К VIII веку сокращается разнообразие заимствованных типов сосудов в погребальном обряде и в протомеотском керамическом комплексе формируется новый орнаментальный стиль.

Примечания:

[1] Анфимов 1961: Анфимов Н. В. Протомеотский могильник с. Николаевского. Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп.

[2] Анфимов 1971: Анфимов Н. В. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья. – Проблемы скифской археологии. Москва.

[3] Анфимов, Шарафутдинова 1982: Анфимов Н. В., Шарафутдинова Э. С. Поселение Красногвардейское на Кубани – новый памятник кобяковской культуры – СА № 3.

[4] Ванчугов 1990: Ванчугов В. П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев.

[5] Гриневич 1951: Гриневич К. Э. Новые данные по археологии Кабарды. – МИА № 23.

[6] Деопик, Крупнов 1961: Деопик Д. В., Крупнов Е. И. Змейское поселение кобанской культуры. – Археологические раскопки в районе Змейской Северной осетии. Орджоникидзе.

[7] Дубовская 1993: Дубовская О. Р. К вопросу сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры.- Археологический альманах, № 2. Донецк.

[8] Иессен 1951: Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. – МИА № 23.

[9] Кашуба, Гольцева 1991: Кашуба М. Т., Гольцева Н. В. Сахарнянский могильник I (Цыглэу). – СА № 1.

[10] Колотухин 1990: Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. Киев.

[11] Кубышев, Черняков 1986: Кубышев А. И., Черняков И. Т. Грунтовый могильник белозерской культуры у села Чернянка (Херсонская обл.). – СА № 3.

[12] Лесков 1970: Лесков А. М. Кировское поселение. Древности восточного Крыма. Киев.

[13] Лесков, Эрлих 1999: Лесков А. М., Эрлих В. Р. Могильник Фарс / Клады. Москва

[14] Ловпаче 1981: Ловпаче Н. Г. Эволюция форм и художественных средств в меотской керамике. Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
[15] Отрощенко 2001: Отрощенко В. В. Проблеми периодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). – Київ.
[16] Потапов 2001: Потапов В. В. К вопросу о финальной дате срубной культуры.- Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара
[17] Прохорова 1983: Прохорова Т. А. Погребение предскифского времени из станицы Грушевской. – СА № 3.
[18] Сазонов 1995: Сазонов А. А. Протомеотский культовый комплекс в урочище Ленинохабль на реке Пшиш. Археология Адыгеи. Майкоп.
[19] Сазонов 1995а: Сазонов А. А. Ранняя группа конских жертвоприношений протомеотского могильника Пшиш I. – Археология Адыгеи. Майкоп
[20] Сазонов 2004: Сазонов А. А. О хронологии протомеотских погребений Закубанья. – Kimmerowie, skitowie, sarmaci. Krakow.
[21] Сазонов 2005: Сазонов А. А. Керамика протомеотских могильников Пшиш-I и Фарс (к сопоставлению лепных ковшей). – Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
[22] Шарафутдинова 1980: Шарафутдинова Э. С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (Кобяковская культура). – САИ В1-11. Ленинград.
[23] Шарафутдинова, Каминский 1988: Шарафутдинова Э. С., Каминский В. Н. Михайловский могильник конца эпохи поздней бронзы в Закубанье. – СА № 4
[24] Шарафутдинова 1991: Шарафутдинова Э. С. Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье. – СА № 1
[25] Шарафутдинова 1991а: Шарафутдинова Э. С. Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани. – Древние культуры Прикубанья. Ленинград.
[26] Эрлих 2005: Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века (протомеотская группа памятников). Москва.

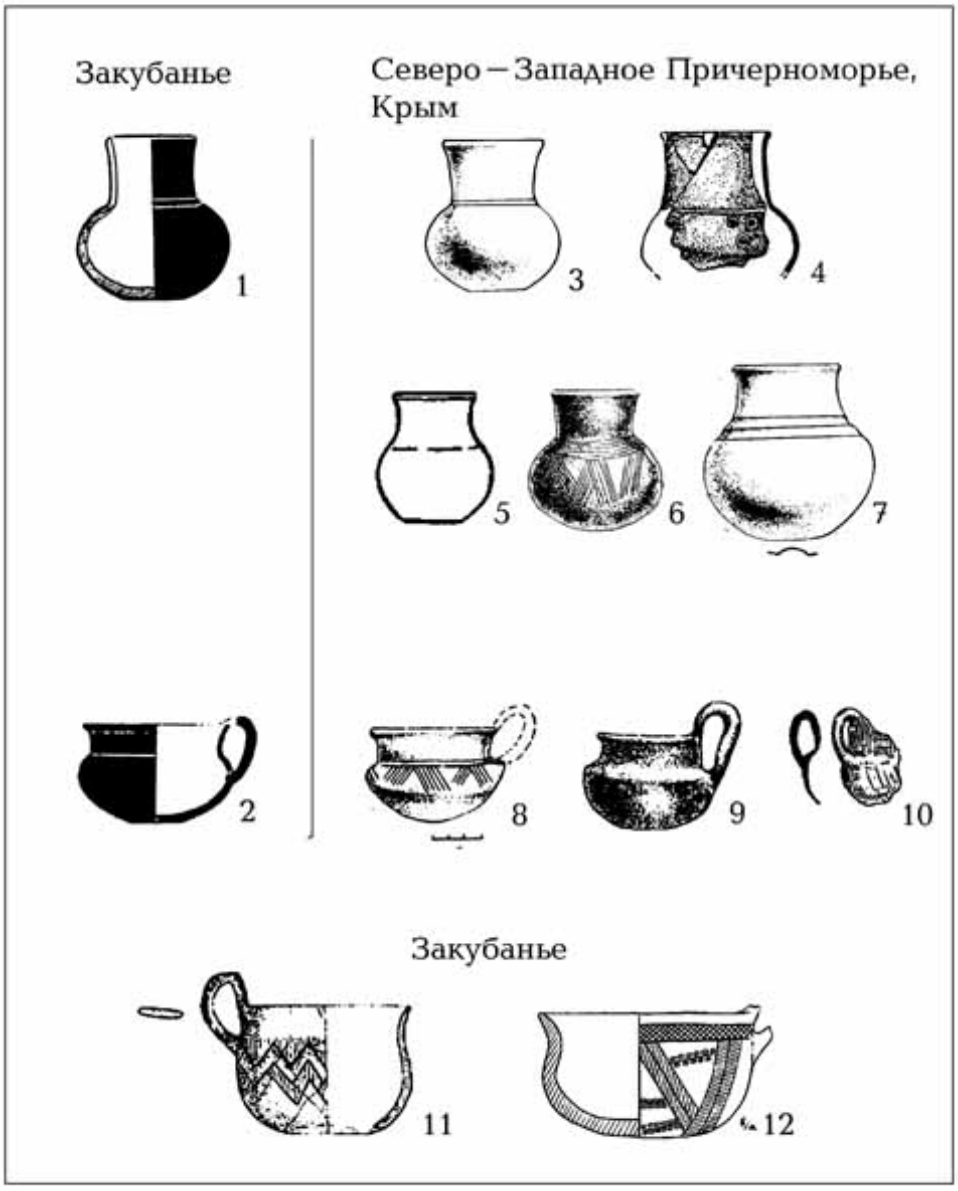

Рис. 1 1 – Николаевский м – к п.21(1963 года); 2 – п.81 Псекупс; 3 – м – к Дивизия 5/2; 4 – Крым, поселение Дружное – 2; 5 – Чернянский м – к 18/2, 6 – Тирасполь, к.193; 7 – м – к Будуржель 22/20; 8 – погребение у с. Шершенцы; 9 – м – к Васильевский 5/2; 10 – Крым, Кировское поселение; 11,12 – Николаевский м – к, пп. 50, 73

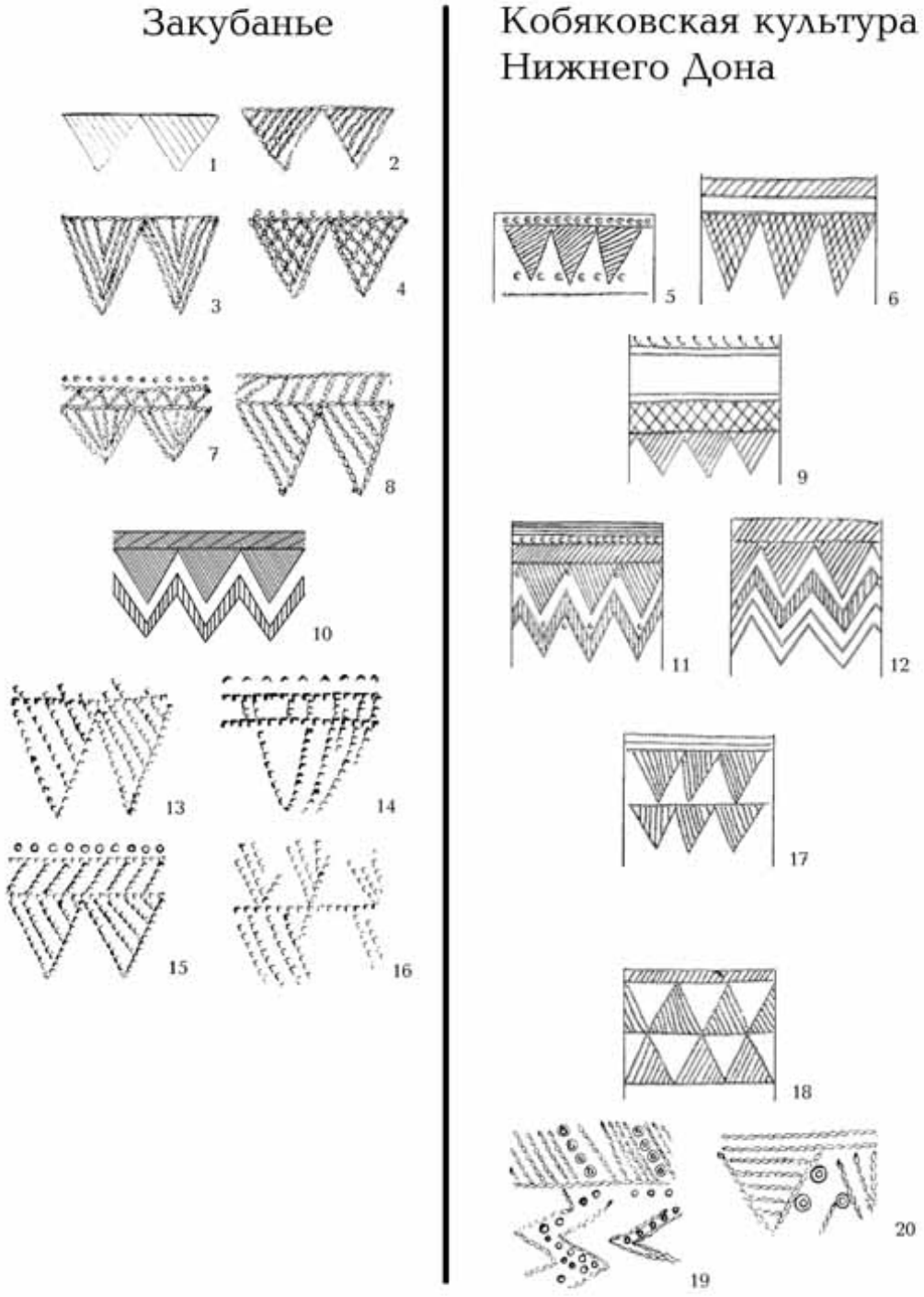

Рис. 2 Композиции орнамента на керамике эпохи поздней бронзы Закубанья и Кобяковской культуры Нижнего Дона

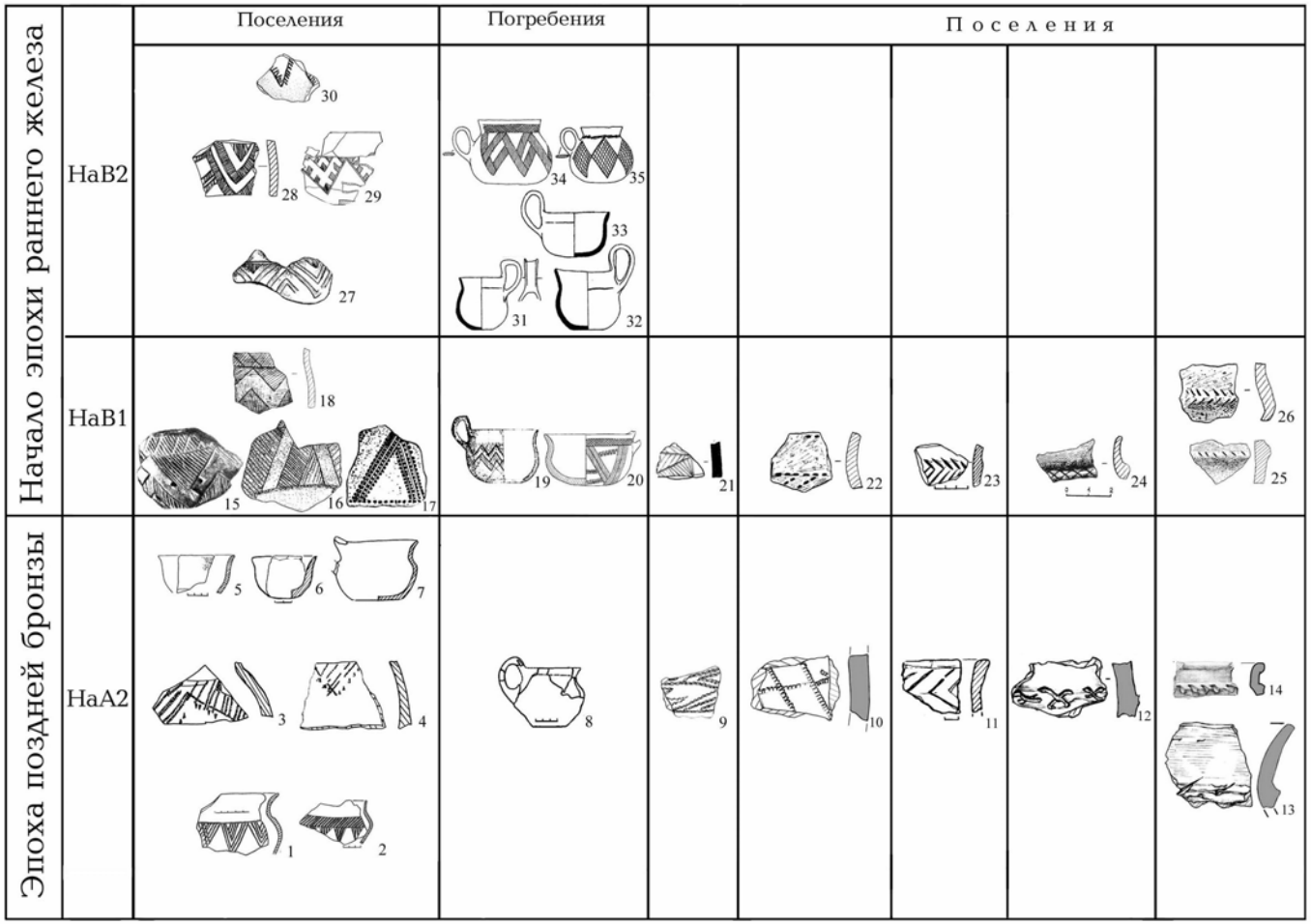

Рис. 3 Изменение элементов орнамента керамики эпохи поздней бронзы в раннее протомеотское время. 1,2, 5—7— пос. Красногвардейское I; 3,4—Унакозовская пещера; 8— Михайловский м—к, 11/10; 9, 12—14— пос. Лесное, слой эпохи поздней бронзы; 10—пос.Чишхо, слой эпохи поздней бронзы; 11— пос.Красногвардейское II, слой эпохи поздней бронзы; 15— пос. Ольховско—Фарсовское; 16,17 — пос. Абадзехское; 18,22, 24—26— пос. Курджипское (5 штык); 19,20, 27— Николаевский м—к, пп.50,73, разрушеное п.1959 года; 21,23— пос. Красногвардейское II (6 штык); 28—пос.Чишхо, п/м; 29—пос. Кужорское; 30— пос. хутор Грозный; 31—33 — м—к Пшиш I, пп. 131, 129, 61; 34,35— м—к Пшиш I, пп. 56,108.

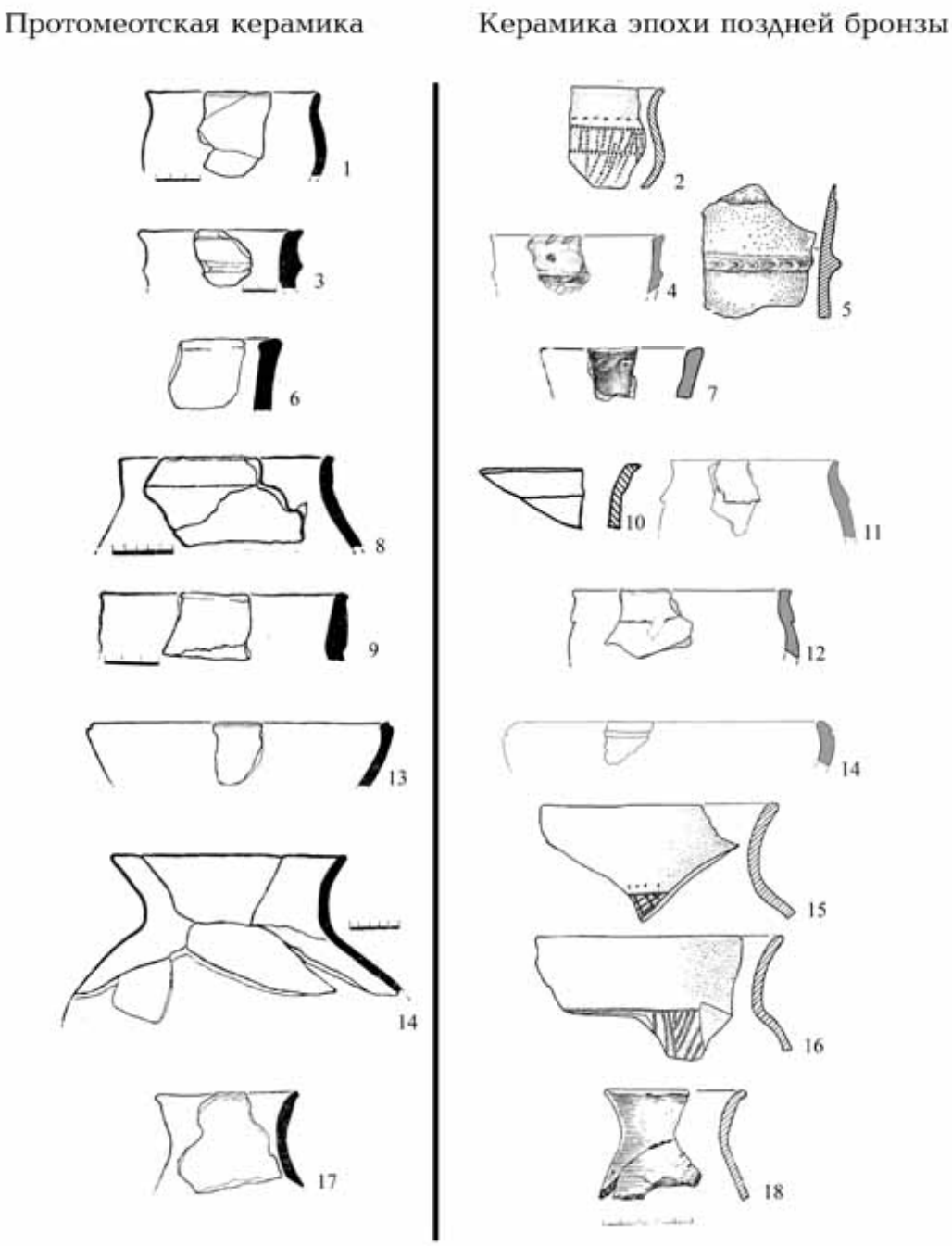

Рис. 4 1,3,5— пос. Красногвардейское II (6 штык); 8,9 — пос. Красногвардейское II (7 штык); 13—пос.Красногвардейское II (8 штык); 14,17— пос. Красногвардейское II (5—6 штык); 2, 5, 15, 16— КрасногвардейскоеI; 4,7, 11, 14 — пос. Лесное; 10— пос. Кужорское, п/м; 18— Кобяково, землянка 6.

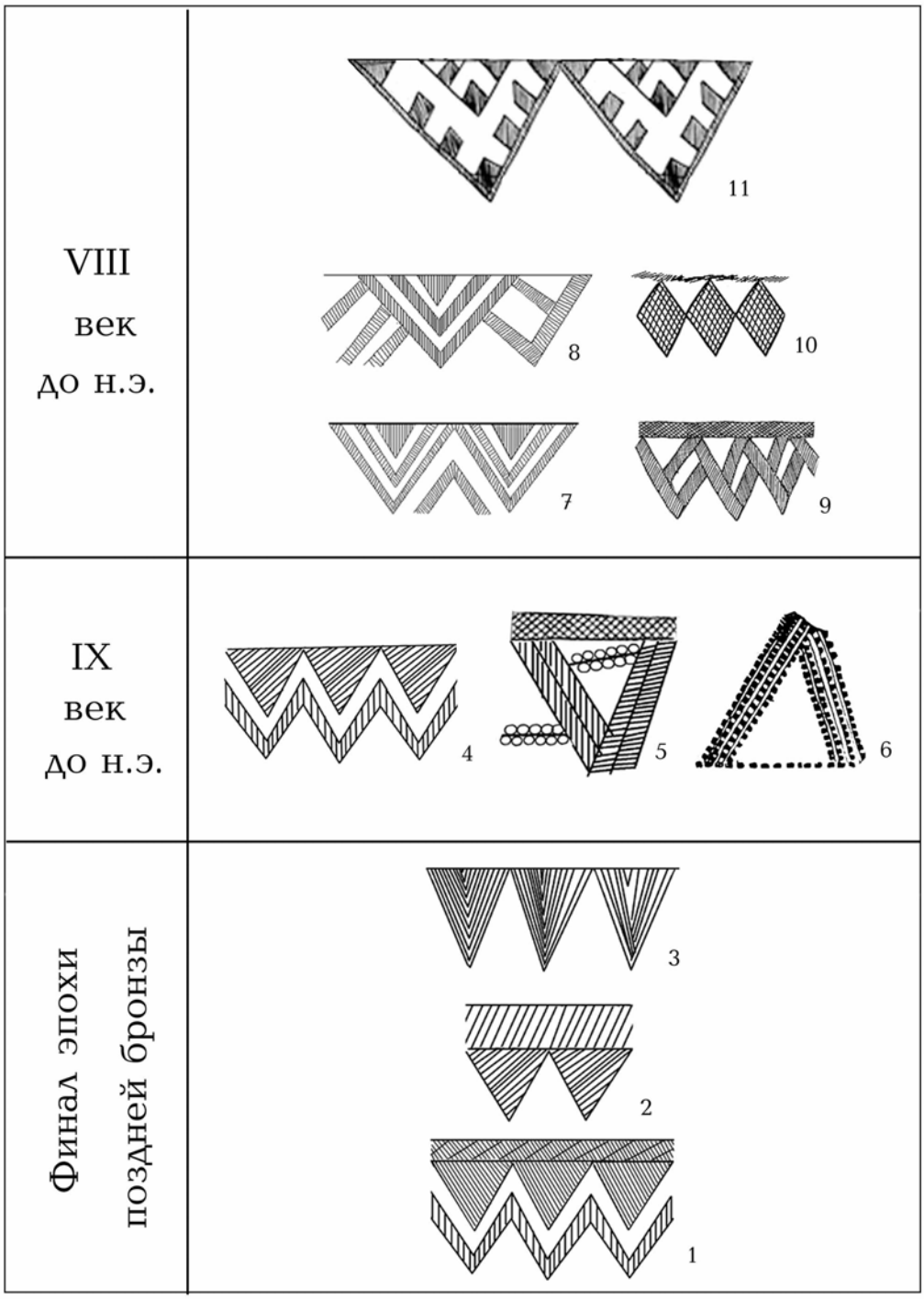

Рис. 5 Измение композиций орнамента эпохи поздней бронзы в начале эпохи раннего железа

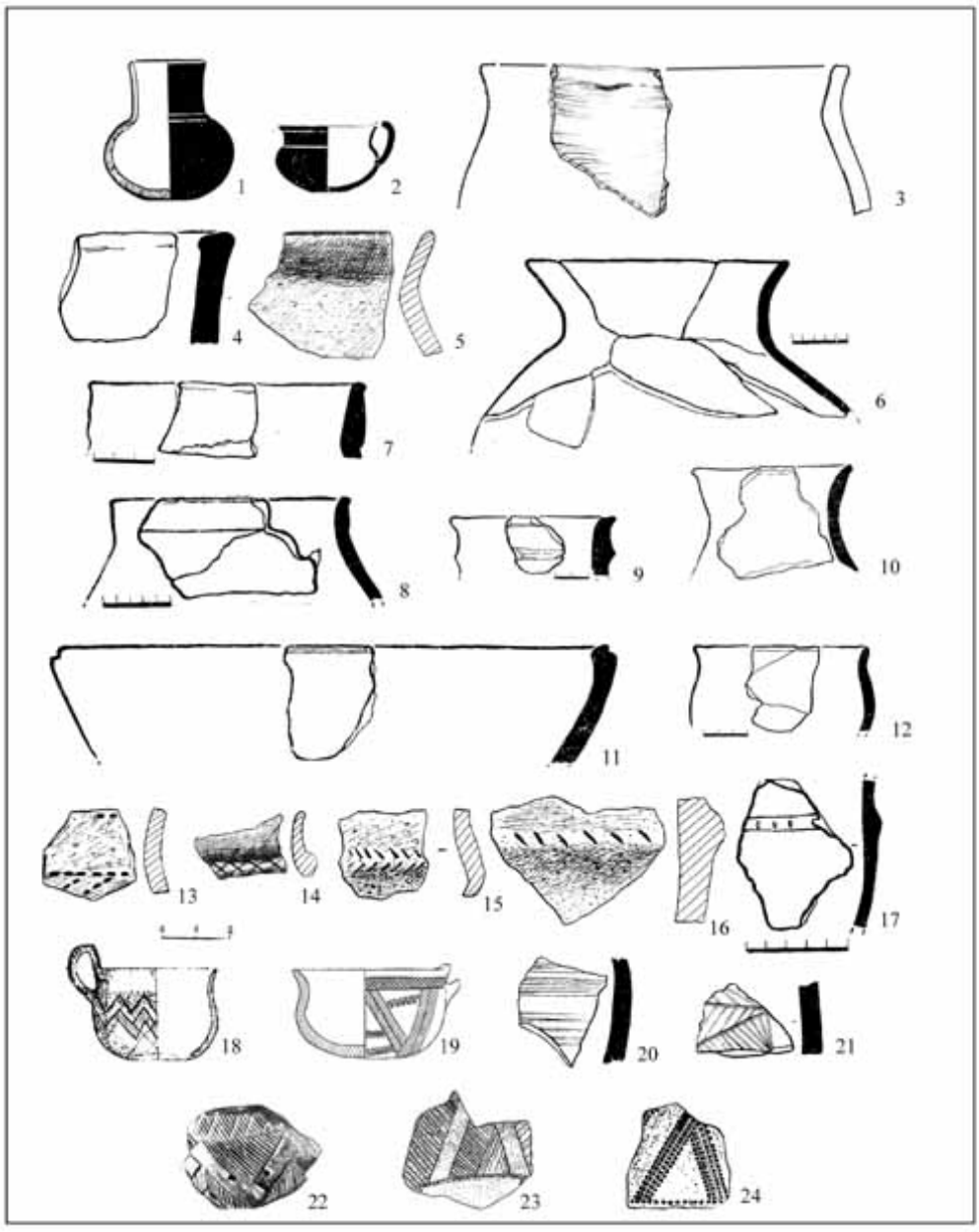

Рис. 6 Керамика ранней поры протомеотского времени 1,18,19 – м–к Николаевский, пп. 21(1963года),50,73; 2–п. 81, Псекупс; 3–пос.Лесное; 4,9,12,17,20,21 – пос. Красногвардейское II (6 штык); 5,13,14,15,16 – пос. Курджипское (5 штык); 6,10 – пос.Красногвардейское II (5–6 штык); 7,8 – пос. Красногвардейское II (7 штык); 11 – пос. Красногвардейское II (8 штык); 22 – пос. Ольховско–Фарсовское; 23,24 – пос. Абадзехское.

Б.Р. Рагимова

Досуг и развлечения женщин в традиционном дагестанском обществе (XIX – нач. XX в.)

В традиционном дагестанском обществе место и роль женщины были связаны с ее хозяйственной активностью и участием в материальном производстве. Дагестанская женщина, особенно горянка, отличалась свободным и независимым поведением. Горянке принадлежало значительное место в семье и исключительная роль в хозяйстве. Вследствие своего активного участия в материальном производстве женщина не могла вести замкнутый образ жизни, скрытый от взоров посторонних, как это предписывалось шариатом и практиковалось в большинстве регионов мусульманского мира. Хотя, повседневная жизнь дагестанской женщины была в достаточной степени однообразной, с вереницей дней, заполненных бесконечной работой по дому, в поле, уходом за домашним скотом. Однако, несмотря на чрезмерную загруженность, женщина находила время для досуга и развлечений.

Досуг был необходим для восстановления сил, затраченных в процессе производственной деятельности. Но у дагестанских женщин досуг и даже развлечения во многих своих проявлениях не были отделены от трудовой деятельности. На эту особенность сельского производства в традиционных обществах обратила внимание Н.А.Миненко, исследовавшая досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири[1]. Ю.Д. Анчабадзе на примере абхазов также подтверждает это положение. «Грань между досугом и трудом, – пишет он, – нередко была довольно зыбкой, одно могло легко переходить в другое»[2].

Труд и отдых для дагестанской женщины находились в неразрывном единстве, будь то короткие перерывы в работе в страдную

пору или разговоры у родника. На посиделки женщина нередко приходила с какой-нибудь работой. Даже развлечения для женщины и девушки были сопряжены с определенным трудовым процессом, сбором съедобных трав, например.

Для женщин большое значение, как средство некоторой релаксации, имело повседневное общение. Если для мужчин повсеместно в Дагестане местами общения были годеканы, то для женщин излюбленными местами общения были родники, куда они приходили за водой. Н. Львов, проживший несколько лет среди аварцев, будучи в плену, хорошо изучил их нравы и обычаи. Вот какой ему запомнилась сцена у родника в одном из аулов. «Пока одна наполняет свой кувшин, – писал он, – ожидающие очереди занимаются сообщение друг дружке разных Хабаров (новостей), злословием, хвастают мужьями или порицают из-за того, чем другие хвастают; шепчутся, хохочут, вздыхают, проклинают, бранятся, ссорятся и мирятся, напевают вполголоса песни, громко кричат ляилляха-иллаллах и пр. Утро и вечер – это единственное свободное время, когда горянки, собираясь у фонтана, делятся впечатлениями, произведенными на них прошедшим днем или ночью; остальное же время они заняты работой и не могут собираться по примеру мужчин, сидящих с утра до ночи на годекане, проводя целые дни в праздности»[3].

Девушки также охотно шли за водой к роднику, надев свои лучшие одежды, в надежде встретить там понравившегося парня. А парни уже были там: кто-то хотел увидеть приглянувшуюся девушку и заговорить с ней, другой высматривал свою невесту, а иной просто пришел посмотреть и поразвлечься.

Помимо родников местами женского общения являлись печи, куда женщины ходили печь хлеб, а также мельницы, которые нередко располагались на окраине села. Подобно родникам мельницы могли быть местом общения молодежи.

Особое место в структуре досуга женщин занимали посиделки. Они различались прежде всего по возрастному признаку: девушки и молодые женщины собирались на свои посиделки, которые больше напоминали вечеринки, так как они частенько сопровождались песнями и танцами. Пожилые женщины и женщины средних лет собирались отдельно. Их посиделки были гораздо более степенными и сопровождались, как правило, работой.

По характеру выполняемых работ посиделки также не являлись равнозначными. Когда у какой-нибудь хозяйки накапливалось слишком много работы, она приглашала к себе женщин, и те за разговорами могли за один вечер все переделать. Но бывало, что женщины собирались у кого-нибудь в доме (обычно у вдов и одиноких женщин) для совместного времяпровождения. На такие посиделки они приходили уже со своей работой, а также с продуктами и угощением. Это были так называемые посиделки «у огня», «у очага»[4]. Вообще, время для посиделок – это долгие осенние и зимние вечера, когда женщины, свободные от полевых работ, не отказывали себе в удовольствии посидеть допоздна за интересным разговором, совмещая полезное и приятное. Посиделки являлись своеобразными женскими «клубами», где женщины общались, обменивались новостями, рассказывали занимательные истории, развлекались, шутили. На посиделках женщин могли присутствовать старики и дети. Пожилые люди нередко выступали в роли рассказчиков, так как больше знали и больше видели.

Мужчины в отличие от женщин были гораздо более мобильными: в поисках заработка отходники добирались порой до самых отдаленных уголков Российской империи. И теперь они делились впечатлениями о жизни в дальних краях, о людях и нравах. Женщины же не могли этого видеть, так как почти не покидали родные места. Можно представить, с какой жадностью ловили они каждое слово рассказчика. Эти рассказы в

той или иной мере расширяли кругозор горянки, чье существование в условиях замкнутого быта отнюдь не благоприятствовало этому.

Посиделки девушек и молодых женщин представляли собой вид помочей, т.е. посиделки с работой, а также посиделки без работы, исключительно для совместного времяпровождения. На помочи девушек и молодых женщин приглашали часто, и они шли туда с удовольствием. Устроители помочей старались, чтобы девушки не скучали, для чего нередко приглашались музыканты и молодые люди, которые развлекали девушек. На помочах царила атмосфера веселья и легкого флирта. Между парнями и девушками разыгрывались шутливые сценки с незатейливыми диалогами, примерно такими, что привел в своем очерке о Дагестане П. Пржецлавский: «...Кавалер: ай, девушка! Дама: ай что? Кавалер: любишь ли меня? Дама: люблю. Кавалер: хочешь ли, я на тебе женюсь? Дама: разумеется, хочу. Кавалер: прекрасно! Иди же сюда!»[5]. «Всю ночь напролет, – писал он, – одни усердно молотят палками кукурузу, другие еще усерднее отплясывают под звуки балалайки или гармоники, любимых инструментов этой молодежи; устав от работы и танцев, собрание слушает песни мужчин и женщин и занимается беседою; в промежутках песен хозяин и хозяйка угощают гостей, чем Бог послал. Остроты и хохот заставляют собрание забыть, что оно приглашено для довольно трудной работы»[6].

Девушки собирались и на свои собственные сборища – для работы или повеселиться. Они собирались в доме одной из подруг или у какой-нибудь одинокой женщины. С собой приносили продукты и в складчину готовили себе что-нибудь вкусное. Кайтагские девушки собирались вместе и готовили пироги из риса – *гъугъни*. Само собрание девушек так и называлось – *гъугъналци*. Специально для этого они ходили в лес за дровами, носили воду, кололи орехи, выжимали из них масло для смазывания пирогов. Допускалось, чтобы на сборы приходили молодые

мужчины из числа родственников девушек, но они должны были принести с собой домашнюю птицу, из которой девушки делали начинку для пирогов. Весь вечер собравшиеся веселились, пекли, рассказывали сказки, отгадывали загадки. Угощение было лишь поводом для веселья[7].

Проводились и совместные посиделки юношей и девушек. У рутульцев девушки на всю ночь собирались на *каца* – посиделки, которые устраивались в доме одной из подруг, родители которой специально для этого уходили из дома ночевать к родственникам. Сюда же приходили, сговорившись с девушками заранее, юноши с музыкальными инструментами. Всех собравшихся девушка, хозяйка дома, угощала каким-нибудь блюдом собственного приготовления[8].

Подобного рода вечеринки – посиделки были очень распространены у народов Дагестана, особенно в горном Дагестане. Молодые люди там веселились: танцевали, устраивали песенные состязания наподобие частушек. У аварцев особой популярностью на таких посиделках пользовалась песенная игра *Бак1уде рахъиналъул куч1дул* (приглашение к стулу), которая заключалась в том, что все собравшиеся становились в круг, а в середину круга ставили стул. Выходил один из парней, который должен был начать игру. Он прохаживался вокруг и палочкой приглашал девушку сесть на стул. Парень ходил вокруг нее и пел песню. Можно было спеть известное четверостишие, но желательно было сочинить тут же экспромт. В свою очередь девушка приглашала юношу сесть на стул и импровизировала очередное четверостишие[9].

Именно на таких вечеринках молодые люди получали возможность выразить симпатию друг к другу, а парни даже объяснялись в любви девушкам. Однако все это происходило в относительно сдержанной форме. Вообще же на совместных посиделках следовало вести себя соответственно общепринятым нормам, малейшее отступление от них

подвергалось строгому осуждению. «Посещение посиделок, – отмечает А.И. Исламмагомедов, – рассматривалось как условие для регламентированного знакомства юношей и девушек, средство воспитания этики общения»[10].

Некоторый оттенок фривольности имели совместные посиделки в Западном Дагестане. У ахвахцев девушки, собравшиеся на посиделки, сами решали, каких из парней они хотели бы видеть на своих посиделках. Для этого парням приходилось бросать через окно к девушкам свои папахи, те отбирали нужные им, а остальные выкидывали обратно. Владельцам оставленных папах разрешалось войти в дом, а остальные отправлялись искать удачу в другом месте[11]. Соотношение парней и девушек на подобных посиделках должно было быть одинаковым. У каратинцев это соотношение регулировалось игрой *къапа к1к1ан* (шапка зовет). Если выяснялось, что юношей собралось больше, чем нужно, то каждая из девушек по очереди садилась на стул в центре комнаты с закрытыми глазами, а парни один за другим окликали ее по имени. Оставался каждый раз тот из парней, на зов которого девушка не откликалась. Оказавшись лишними, юноши шли на другие посиделки[12].

Девушки устраивали свои сборища не только в закрытом помещении, но и на открытом воздухе. Даргинки из предгорных селений собирались по ночам для обработки волокон конопли на годеканы. Сборы эти назывались *жуллак*, по наименованию частушек, исполнявшихся при этом. Девушки приносили по несколько куделей волокна, которые надо было размягчить, и что-нибудь из хорошей еды. Расположившись на камнях годекана, каждая из них начинала бить специальным битом по лежащей перед ней кудели волокна. На *жуллак* приходили юноши, они угощали девушек орехами, фруктами, конфетами и помогали им. Каждый из юношей помогал той девушке, которая ему особенно нравилась. Работа сопровождалась танцами и коллективной трапезой[13].

Годекан был запретным для женщин местом, и то, что женщины выбирали для своих сборищ именно годекан, свидетельствовало о некоторой демонстративности их поступка, продиктованном не столько целесообразностью, сколько, вероятно, стремлением выразить свою оппозиционность мужчинам.

Оттенок оппозиционности прослеживался и в сборищах девушек, куда допуск парням был категорически воспрещен. Девушки вели себя на таких сборищах очень вольно. Сами эти сборища имели вполне выраженный оргиастический характер: танцы и разыгрываемые там пантомимы бывали нередко эротического содержания. Не только мужчины, но и женщины других возрастных групп туда не допускались.

Впрочем, женщины других возрастных групп создавали свои сообщества. Е.М. Шиллинг в 1940 г. зафиксировал и описал подобные женские сообщества в с. Кубачи. В частности, им были отмечены сообщества девушек, замужних женщин и старух. Девочки и девушки (от 12-13 лет до замужества), согласно сведениям Шиллинга, делились на группы по возрасту (собираемые не обязательно и не из всех, а лишь из желающих). Каждая группа (по 10-20 человек и больше) сходилась в каком-нибудь определенном доме. Обычно хозяева на время предоставляли им бесплатно комнату. Место сборища называлось *юсбала-кал,* т.е. «дом девушек». Таких девичьих домов в Кубачах было 3-4. Мужская молодежь гуляла около девичьих домов, но заходить внутрь не имела права. Девушки, собиравшиеся в юсбала-кал, обычно играли большую роль на свадьбах. Они требовали от жениха подарки, пели и танцевали. Собрания сообществ девушек в девичьем доме могли происходить круглый год. Зимой они устраивались реже. Весной посетительницы девичьего дома, обычно по пятницам, любили выходить на гулянья в горы. В юсбала-кал каждая приносила с собой какое-нибудь угощение (в готовом виде или продуктами, из которых тут же готовили).

Время проводили в развлечениях и в работе (вышивали, вязали, шили и т.п.). Сборы бывали утром, потом расходились по домам на обед и затем собирались снова. По вечерам не сидели.

Подобными группами собирались также замужние женщины. Их дом носил название *хунала-кал,* т.е. «женщин дом». Один такой дом имелся в самом селении, другой (в развалинах) – в окрестностях. Этот последний также носил название *хунала-нах,* т.е. «женское убежище». Здесь под открытым небом в хорошую погоду происходили женские сборища. Иногда женщины устраивали танцы, на которые приходили мужчины.

Старушечьи сообщества имели форму религиозных собраний. Это были так называемые «понедельничные поминальные собрания». У них был особый старушечий жезл *итниля хунала муцата,* т.е. понедельничная женская прялка, но без каменного постамента и с заостренным концом; ее на урочищах, где происходили моления, старухи, втыкали в землю с тем, чтобы в перерывах между молитвами прясть[14].

Особенно нравились женщинам праздники. Они в большей степени, чем другие виды досуга, способны были придать смысл однообразному существованию. Даже ожидание праздника окрашивало это существование и приводило женщин в особое эмоциональное состояние. Почти все общественные праздники так или иначе были связаны с сельскохозяйственным календарем, а сам сельскохозяйственный год начинался с приходом весны. Именно тогда и отмечался праздник Нового года, известный во многих мусульманских странах как *Новруз.* В Дагестане он отмечался, главным образом, в южной его части – у лезгин и у народов лезгинской группы. Наиболее ярким этого празднества у лезгин было разжигание костров и факельное шествие. Девушки и женщины разжигали свои костры и прыгали через них со словами: «Сама я вверх, а беды мои вниз». Огонь имел очистительное действие для них.

В новогоднюю ночь девушки гадали о суженом и вообще собирались для совместного времяпровождения. В одних случаях эти собрания имели выраженный ритуальный характер, и парни туда не допускались, в других же – парни и девушки собирались вместе. У рутульцев такие собрания назывались *ямаг бырат* (сбор для приготовления кушанья). Девушки здесь собирались отдельно от парней, заранее обговорив все детали праздничного вечера и назначив ответственных за его проведение. Собирались они в доме одной из девушек и все время до утра проводили в веселье: танцевали, пели, аккомпанируя себе на бубне. Развлекаясь, разыгрывали шутливую свадьбу, разделившись на группы. Несколько девушек одной группы могли, переодевшись в мужскую одежду и наклеив усы и бороду из овчины, пойти в другую группу под видом сватов. Там они вольно вели себя с другими девушками, обнимая их, делая вид, что пытаются обольстить. Одна из переодетых девушек изображала жениха. Ряженые говорили измененными голосами, они объясняли, что пришли сватать девушку, которую видели в этом доме, выполняющей ту или иную работу, что она понравилась им как внешностью, так и сноровкой. Хозяева отвечали, что эта девушка несколько хромает от рождения, глуха на одно ухо и т.д. Пришедшие же заявляли, что их это устраивает. Действия девушек повторяли весь ритуал свадьбы, включая первое посещение жениха невесты, и все это делалось под общий смех и шутки присутствовавших[15].

В новогодние дни в обычаях некоторых дагестанцев (кумыки, кайтагские даргинцы, табасаранцы, рутульцы) было раскачивание девушек на качелях. В каждом селении имелись свои определенные места для их привязывания. У кумыков обычно конструировали поблизости две пары качелей, на которых девушки раскачивались, соревнуясь между собой[16]. У рутульцев каждая из девушек при раскачивании на качелях держалась за веревки вышитыми лоскутами материи, заготавливаемыми специально к

этому дню и называемыми *шадвалид ялыгбыр* (флажки радости). Раскачиваясь, девушки пели по очереди свадебные песни с припевом *Перизада,* состязаясь друг с другом. Иногда к качелям приходили парни, они раскачивали девушек и пели им песни в виде вопросов, на которые девушки отвечали также в песенной форме[17].

Среди ритуалов празднования Нового года были обходы домов ряженными, в числе которых могли быть и девушки, переодетые в мужскую одежду. Вообще, надо признать, что женщины, и в особенности незамужние девушки, играли весьма активную роль в праздновании Нового года.

В разгар весны, после того как был завершен сев, но еще не начата прополка, повсеместно готовились к очистке родников от ила и камней, и эта, казалось бы, простая и рутинная процедура в некоторых местах в Дагестане выливалась в настоящее праздничное торжество с активным участием молодежи. В лакском селении Кумух о дне выхода на родники возвещал мулла. Рано утром юноши и девушки Кумуха и близлежащих селений (Убра, Вилтащи), нарядно одетые, во главе с муллой каждого селения, направлялись к близлежащим родникам. Здесь мулла читал молитву, заканчивая ее благопожеланиями в адрес молодежи. Молодые люди по окончании молитвы и благопожеланий обрызгивали муллу водой. После этого компания ненадолго усаживалась на охапках травы, для принятия еды, которую они приносили с собой. Поев, молодежь дружно принималась за работу: вычищала родник, углубляла его, обкладывала галечником. По окончании работы начиналось веселье, песни, танцы. Затем молодые люди двигались к другим родникам, и все повторялось, как и в первом случае. В процессе работы и веселья у юношей и девушек появлялась возможность присмотреться друг к другу, выразить взаимную симпатию. Девушки при этом вели себя с парнями очень свободно. Демонстрируя недовольство поведением того или иного парня, девушка

могла шутливо толкнуть его, стукнуть по спине или шее ладонью, потребовать уступить место для сиденья и т.п. Но все это расценивалось не иначе, как проявление симпатии девушки по отношению к парню. Ближе к вечеру молодежь с песнями и танцами возвращалась домой. Девушки брали с собой охапки травы, на которых молодые люди сидели у родника во время трапез. Согласно установившемуся обычаю, девушке самой нести эту охапку было нежелательным, за нее это должен был сделать парень, выражая тем самым свою симпатию. Если же этого не случалось, то девушка становилась объектом насмешек и обидных шуток[18].

У даргинцев (с. Гапшима) обычай выхода на родники назывался *шин дархъес* и проходил он примерно так же, как и у лакцев. И здесь основными участниками этого торжественного действа являлись молодые люди – юноши и девушки брачного возраста. Своеобразным способом девушка могла там выразить симпатию понравившемуся ей парню. По пути следования к роднику она старалась вручить ему кусок особой халвы – *нукьуна,* изготовленной из масла, толокна и меда. Редко какая девушка делала это лично, обычно прибегали к посредничеству взрослой женщины, которая и передавала халву от имени девушки. Если молодой человек брал халву, взамен он отдавал серебряную монету в один рубль. Это могло означать, что он делал девушке, угостившей его халвой, предложение. После этого обычно следовало официальное сватовство[19].

В общесельский молодежный праздник выливался в ряде даргинских и лакских селений хождение за белой глиной, которая использовалась для обмазки стен. Особенно тщательно готовились к нему девушки и молодые женщины. Они надевали по случаю праздника свои лучшие платья и украшения. Кроме того, каждая участница празднества должна была приготовить какое-нибудь блюдо для угощения мужчин – участников праздника.

Хождение за белой глиной устраивали два раза в год – весной и

осенью – в период свободный от сельскохозяйственных работ. У сюргинских даргинцев глину добывали в горах, в месте под названием *Цинаце* сам праздник так и назывался. В назначенный день сельский глашатай *(мангуш)* объявлял о наступлении дня *Цинаце.* В этот день повсюду царило праздничное оживление. Нарядно одетые женщины и мужчины верхом на конях отправлялись добывать глину. Женщины обычно отправлялись одни, а мужчины их затем догоняли. Женщины и девушки несли с собой узелки с едой, которую они специально готовили к этому дню. Этот сверток с едой имел знаковый смысл. По обычаю каждый мужчина приближался к женщине и забирал у нее сверток. Женатый мужчина забирал сверток у своей жены или у какой-нибудь родственницы, а неженатый молодой человек приближался к девушке, которая нравилась ему и на которой он хотел бы жениться. Если девушка отвечала ему взаимностью, то она отдавала ему сверток с едой, отказ же девушки отдать сверток был отрицательным ответом на «предложение» парня. Бывало, что девушка проявляла инициативу, она сама подходила к парню, который ей нравился, и предлагала ему взять у нее узелок с едой. Такое поведение девушки расценивалось собравшимися вполне нормальным. По пути в горы несколько раз делались остановки, во время которых молодежь затевала игры и танцы. На обратном пути устраивали привал для обеда. Женщины раскладывали на расстеленных платках еду для мужчин, а сами отходили в сторону. После обеда снова были песни, танцы и игры, в которых особую активность проявляли девушки. Вообще, в походе за белой глиной основное участие принимала молодежь – юноши и девушки. Нередко к основным участникам присоединялась молодежь из соседних селений, что придавало празднеству еще большую значимость и торжественность[20].

С определенной торжественностью проводились в некоторых селениях Дагестана «виноградные дни». В аварском селении Зубутли

мужчины в эти дни уходили на виноградники (на три дня), а женщины были предоставлены самим себе. Они отдыхали, посещали друг друга, устраивали коллективные трапезы, веселились, пели, танцевали. Никто из мужчин, включая мальчиков, не мог присутствовать на их собраниях[21].

Аналогичным образом отмечались «дни прополки» у кайтагцев. В назначенный день все мужчины старше 16 лет уходили на виноградники, а женщины оставались в селах. Все это время в отсутствии мужчин женщины отдыхали, угощали друг друга различными блюдами, танцевали, пели. Мужчина, оставшийся в селении, подвергался штрафу и резкому осуждению: женщины заявляли, что они перестали считать его мужчиной. Если же мужчина задерживался в селении по какой-либо причине, то он имел право выехать из него, только надев женскую одежду[22].

Характерная особенность так называемых «виноградных дней» или «дней прополки» состояла в том, что женщины в этот период были отстранены от какого-либо участия в производственном процессе: в той же самой прополке, которая во многих местах являлась исключительной обязанностью женщин, или в обрезке виноградных ветвей – все это падало на мужчин. Зато женщины весьма активно отдыхали, предавались веселью, собравшись вместе. В этих сборищах женщин явно прослеживались некоторые элементы оргиастического характера, принимая во внимание совершенное отсутствие лиц мужского пола.

Но особенно рельефно участие женщин проявлялось в летних празднествах, которые в зависимости от своего назначения имели и соответствующие названия (праздник цветов, праздник черешни, праздник сбора черемши и т.п.). Особенно ярким среди подобных празднеств был распространенный у лезгин праздник цветов – *цукьверин сувар* или *арба*. Наиболее красочно праздник цветов проходил в Ахтах, где еще в прошлом веке он был описан Л.Загурским[23]. Начинался праздник в мае или начале июня, когда ближайшие от Ахтов горы покрывались травой и цветами.

Значительная часть праздника проходила на горе *Чепер сув*, находившейся на границе с селением Джаба (Чепер). А еще накануне устроитель праздника – *шах* оповещал при помощи сельского глашатая (чоуш) о предстоящем празднестве. «На другой день с рассветом, – как следует из описания Загурского, – за аулом, на известной площади, собираются девицы, молодые женщины и в сопровождении своих родственников с сумками, в которых находится закуска, двигаются на Чепер сув, где и рвут цветы. Немного позже выходят мужчины. В середине их идет шах, сопровождаемый двумя своими помощниками и предшествуемый знаменщиком, несущим значок. Шествие совершается при учащенной ружейной пальбе. По прибытии их на Чепер сув навстречу к ним выходят чеперцы, тоже со своим шахом. Когда усядутся, причем, конечно, женщины занимают особенное место, то через несколько времени начинаются танцы. Чоуш осведомляется у женщин, какой танец они желают танцевать, и громогласно приглашают к нему охотников. Танец начинает шах. В то время, когда он поднимается с места, открывается пальба. После танцев следует закуска, а затем и возвращение в аул. Женщины несут нарванные цветы. Близ Ахтов выходят навстречу возвращающимся женщины и мужчины с зурначами. Женщины несут на голове медные подносы с различными яствами и фруктами и подходят к шаху, который, отведав немного преподносимых ему яств, благодарит женщин. Толпа собирается на площади, откуда началось шествие, там идут опять оживленные танцы. Затем наступает возвращение в аул, сопровождаемое учащенной ружейной пальбой»[24].

Подобный же праздник отмечался и в других селениях самурских лезгин[25]. В с. Хкем он назывался *арба* (среда), так как проходил в одну из майских сред. Место, где собирались его участники, называлось *Цуькверин сув* (цветочная гора). Там они устраивали веселье: танцевали, пели, собирали дикий чеснок. Нередко вместе с хкемцами в этом празднике

принимали участие жители соседних селений.

Нетрудно заметить, что основными участниками праздника цветов являлась молодежь брачного возраста. М.А. Агларов в этой связи отмечал, что юношам и девушкам здесь предоставлялась «санкционированная обществом возможность встретится, завязать дружбу»[26].

Аналогичным же образом юноши и девушки знакомились и на других празднествах, как, например, во время черешневого праздника, проводившегося у кюринских лезгин и табасаранцев. У лезгин он был известен как *кару*. Наиболее полное описание этого празднества у них дал в начале XX в. А. Золотухин[27]. «В Кюринском округе близ с. Алкадари, – писал он, – расстилается огромная равнина, усеянная исключительно черешневыми деревьями. Ежегодно, когда созревает черешня, собираются на этой долине, называемой по-местному «Дженет» (земной рай) тысяч до 20 обоего пола, прибывая сюда за несколько десятков верст. Праздник длится иногда целую неделю.... Это дает возможность парням и девушкам сблизиться между собой и служит поводом к преждевременным бракам, так как в это время разрешается им быть самостоятельными и даже всем женщинам в это время позволяется некоторая свобода и отступление от местного «адата»: так как они могут свободно открыть лицо и разговаривать с мужчинами, что в обычное время строго воспрещается. Вот почему эти праздники ждут они с особым нетерпением и стараются во что бы то ни стало побывать на них. Были примеры, что некоторые молодые женщины, не получив разрешение своих мужей, убегали тайком за несколько десятков верст и принимали участие в торжестве, совершенно не думая о том, что их ожидало впереди за нарушение приказа своего повелителя»[28].

О дне праздника оповещались все ближайшие селения, и накануне его всюду можно было видеть, как тянулись к назначенному месту арбы, нагруженные одеялами и подушками, поверх которых сидели женщины с

закутанными лицами по 12 человек и более в разноцветных праздничных одеждах. По бокам арбы шли мужчины – родственники, тоже в праздничном одеянии. По прибытии на место каждая семья покупала для себя одно-два черешневых дерева. Тут же под деревьями расстилались ковры. Затем женщины и девушки лезли на дерево и трясли его. «Картина, – пишет далее Золотухин, – красива: у одного дерева сидят группами и едят черешни, у другого – шашлык, у третьего пьют чай. Особенно живописны группы женщин, так как костюм женщины очень пестр, разноцветен: рубашка красная, штаны зеленые, бешмет поверх рубашки желтый – все обшитые золотыми и серебряными позументами, фетэ необыкновенной белизны, чувяки на ногах малиновые, вышитые разноцветными шелками, пояс серебряный; на голове, в ушах, на руках и пальцах множество блестящих украшений, – все это вместе, согласитесь, очень пестро, а если добавить, что сами обладательницы этого костюма типа восточного, с черными блестящими глазами, – то картина прямо-таки эффектная»[29].

Торжество открывалось рано утром «шествием по садам». Для этого выбирались около ста самых красивых девушек, их украшали черешневыми ветками и в руках у них были корзинки с черешней. За ними шли музыканты и толпа юношей и девушек – те и другие отдельно. Они обходили торжественным маршем сады на расстоянии пятнадцать верст и возвращались на место. Тут же толпа делилась на множество групп, и в каждой группе танцевали исключительно девушки. Их танец напоминал хоровод. Взявшись за руки и став в круг, они двигались то в одну, то в другую стороны. Затем начинались общие танцы. «Вдруг раздается мелодия для пляски, – продолжает Золотухин, – толпа рассыпается, на середину круга выходит молодежь; ловкий сын гор пляшет там и затем выбирает девушку и вскоре выделывают различные «па», импровизируя каждый на свой лад, и под конец кавалер должен дать своей даме

серебряную монету «абаз», более щедрые дают рубль, в знак необыкновенного восторга и уважения. Затем выходят две девушки и начинают танцевать. Стан их высок и строен, лица их скромны, почти бесстрастны и глаза устремлены вниз. Но едва такт ускоряется, как они приходят в движение, руки их поднимаются до плеч, даже выше, грациозно изгибаются»[30].

Девушки были исключительно активны на празднике *кару*, и сам праздник – это торжество девичьей красоты. Вообще, надо заметить, что в подобных празднествах, как и в празднике цветов у самурских лезгин или в даргинских праздниках сбора съедобных трав и других растений, девушки являлись главными действующими лицами и играли весьма заметную роль. Все это дало основание А.Г. Булатовой, исследовавшей праздничную культуру народов горного Дагестана, назвать эти праздники «праздниками девушек»[31]. При этом, она отмечала, что роль девушек в этих празднествах «перекликается с ролью девственниц в обрядах, связанных с идеей умирающего и воскресающего бога»[32]. Однако в описываемое время подобные праздники были посвящены исключительно веселью, и обрядовая сторона в них прослеживалась слабо.

Характерной чертой этих празднеств, помимо активного участия в них женщин и девушек, было гораздо более свободное, нежели в обычное время, общение молодежи – парней и девушек. В сущности, это были молодежные праздники, а сбор трав был лишь поводом. Те или иные варианты летних празднеств встречались почти повсеместно в Дагестане, в частности у даргинцев, в целом ряде селений которых (современный Дахадаевский и Кайтагский районы) в начале лета специально организовывался сбор диких съедобных трав. Описание этих празднеств весьма обстоятельно дано А.Г. Булатовой. «В один определенный день, – писала она, – о котором договаривались заранее, рано утром, задолго до рассвета, выходили из селения с песнями девушки и молодые женщины,

нагруженные узлами с лучшей едой, и отправлялись в одно определенное традицией место. К восходу солнца они прибывали на место и сразу же принимались рвать искомую траву и цветы. Это сопровождалось песнями девушек, шутками, смехом. Нарвав достаточное количество травы и цветов, девушки во второй половине дня отправлялись в обратный путь, и на определенном также традицией горном лугу встречались с юношами и молодыми мужчинами, выехавшими из селения им навстречу с музыкой и хурджинами, полными еды»[33]. Девушки дарили юношам, как правило, своим родственникам, пучки черемши, перевитые цветами. Центральным действием, по всей видимости, являлась коллективная трапеза, сопровождавшаяся большим весельем с танцами, музыкой, песнями. Веселье продолжалось обычно до вечера, но по желанию собравшихся могло быть продолжено на следующей день[34].

В даргинском селении Ашты в начале августа незадолго до жатвы и сенокоса отмечался праздник *зурбантажи* по названию травы *зурбанти*, которую в качестве пряности клали в начинки для пирогов и в тесто. А в селениях Худуц, Нахки, Урари в это же время отмечали «метелочный праздник» – *мурсела*. И в этих праздниках женщины, и особенно девушки, играли весьма активную роль. Как и большинство подобных празднеств, они сопровождались весельем, танцами, песнями, шутками, коллективной трапезой. Когда юноши и девушки, принимавшие участие в празднике *мурсела*, возвращались в село, то они в обязательном порядке должны были собраться на сельской площади, где всю ночь продолжалось веселье вокруг огромного костра. Причем, выход сюда незамужних девушек и неженатых молодых людей был строго обязателен под угрозой штрафа[35].

Не только в праздниках принимали участие женщины, но и в различных обрядовых действиях, которыми был насыщен сельскохозяйственный год. Здесь прежде всего следует отметить обряды вызывания дождя и солнца, в которых женщины не просто принимали

участие, но были зачастую едва ли не основными его исполнительницами. Несмотря на выраженный магический характер, эти обряды содержали в себе элементы зрелищности и театральности.

В цикле семейных обрядов и празднеств особенно любимы были женщинами свадьбы. Свадьба с ее торжественностью и праздничностью, обилием всяческих ритуалов, насыщенная развлекательно-игровыми действиями, относилась к важнейшим событиям не только отдельной семьи или круга родственников, но и, безусловно, всей сельской общины. «Самым большим развлечением для народа бывает празднование свадеб», – писал Н. Вучетич по поводу лезгинской свадьбы[36]. Но слова эти легко можно отнести к любому дагестанскому народу. Что касалось женщин, то для них свадьба была не только развлечением, но и тем событием, где она находила возможность реализовать себя, организовать то или иное действо, направить его в нужное русло. Нигде женщина не получала столько удовольствия, как на свадьбе. Свадьба – поистине женский праздник.

Таким образом, женщины, несмотря на их занятость, были активными участницами многих общественных и семейных мероприятий – зрелищных и обрядовых. И даже там, где их участие не предусматривалось, они были страстными болельщицами и зрительницами. Их привлекали конно-спортивные соревнования, выступления певцов, заезжих фокусников, акробатов и канатоходцев, представления которых были неизменной частью зрелищной культуры традиционного дагестанского села.

Примечания:

1 Миненко И.А. Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половины XIX в. // Советская этнография (СЭ). 1979. № 6. С.31.

2 Анчабадзе Ю.Д. Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX – начале XX в. // СЭ. 1981. №4. С. 108.

[3] Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). Тифлис, 1870. Вып.3. С.5.
[4] Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежтинцы (капучинцы, хьванал) в XIX – нач. XX в.). Махачкала, 1994. С. 184; Мусаева М.К. Хваршины XIX – начале XX в. Махачкала, 1995. С. 188.
[5] Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. СПб. 1860. № 12. С.271.
[6] Там же.
[7] Исламмагомедов А.И. Формы общественного досуга у горцев Дагестана // Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX – нач. XX в. Махачкала, 1987. С.54.
[8] Булатова А.Г. Зимние игры и развлечения в традиционном общественном быту народов горного Дагестана // Там же. С.64-65.
[9] Традиционный фольклор народов Дагестана. М., 1991. С.184-185.
[10] Исламмагомедов А.И. Формы общественного досуга... С.54.
[11] Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX в. Л., 1988. С.109.
[12] Там же.
[13] Там же.
[14] Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды. М.; Л., 1949. С.188-189.
[15] Булатова А. Г. Традиционные праздники... С.30.
[16] Гаджиева С.Ш. Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков. Махачкала, 1989. С.67.
[17] Булатова А.Г. Традиционные праздники... С.32.
[18] Там же. С.80-81.
[19] Исламмагомедов А.И. Формы общественного досуга... С.56-57.
[20] Там же. С.58-59.
[21] Булатов Б.Б., Лугуев С.А. Духовная культура народов Дагестана в XVIII-XIX веках (аварцы, даргинцы, лакцы). Махачкала, 1999. С.82-83.
[22] Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С.59.
[23] Загурский Л. Поездки г. Беккера по Южному Дагестану // ССКГ. 1876. Вып.9. С.41-42.
[24] Там же.
[25] Рагимова Б.Р. Общинные обряды и праздники самурских лезгин, связанные с народным календарем (конец XVIII-XIX в.) // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987. С.67.
[26] Агларов М.А. Общественная и культурная жизнь народов Дагестана // Современная культура и быт народов Дагестана. М., 1971. С.220.
[27] Золотухин А. Черешневый праздник // Северный Кавказ. 1901. № 86.
[28] Там же.
[29] Там же.
[30] Там же.
[31] Булатова А.Г. Праздники летнего календарного цикла у даргинцев (XIX – нач. XX в.) // Календарь и календарные обряды... С.51; ее же. Традиционные праздники... С.62.
[32] Булатова А.Г. Традиционные праздники... С.62.
[33] Булатова А.Г. Праздники летнего календарного цикла... С.48.
[34] Там же. С.48.
[35] Там же. С.50.

[36] Вучетич Н. Поездка в Самурский округ // Записки для чтения за апрель-июль. СПб., 1869. С.205.

С.Т. Чамокова

Этапы и степень распространения раннего христианства в адыгской среде

Христианство начало проникать на территорию, заселенную предками адыгов еще в первые века н.э. По церковным преданиям, апостол Андрей Первозванный проповедовал христианство среди алан, абазгов и зихов (без особого, впрочем, успеха у последних). Церковные предания (апокрифические сказания) о проповедях Андрея Первозванного, восходящие к I-II вв. н.э., считаются вполне достоверным источником. Согласно этим преданиям, апостол Андрей Первозванный проповедовал «в Скифии, по северо-восточному побережью Черного моря, в Ахайе (т.е. у зихов) среди тетран (теретов, керкетов) и других народов Северо-Западного Кавказа»[1].

По мнению П. Хицунова, греческие колонисты, «составляющие часть образованнейшего народонаселения, были из числа первых христиан здешних»[2]. Некоторые же авторы XIX в. утверждали, что одна из епархий Зихских основана святым апостолом Андреем.

Гробница с мощами другого апостола Симона находилась, по словам предания, в Никопсисе Зикхийском.

Учитывая тот факт, что через территорию, заселенную предками адыгов в начале нашего тысячелетия, проходили основные торговые пути, логично предположить, что здесь появились миссионеры, пытавшиеся проповедовать новую религию. Известно пристальное внимание греческих и римских писателей первых веков н.э. Помпония Мелы, Плиния Секунда, Птоломея, Арриана к племенам меотов, зихов, керкетов, живших «без веры» у самого озера (Меотского).

Миссионеры пытались пропагандировать христианскую веру, но

особых успехов их деятельность не имела. По-видимому, это были лишь первые попытки распространения христианства на территории расселения адыгских племен.

К концу III – началу IV в. Питиунт (Пицунда) превратился в место ссылки христиан и там образовалась их первая община на Кавказе. Уже в 325 г. епископ питиунский Стратофил представлял эту общину на первом Вселенском церковном соборе в Никее. Возможно предположить, что епископское влияние распространялось и на соседние народы, в том чиле и на адыгов.

В Зихиии были известны четыре древние епархии: в Фанагории, лежащей на южной стороне Тамани; в Матрехе или Таматархе, впоследствии именовавшийся Тмутараканью; в Зихополисе на левой стороне реки Кубань; в Никопсе в устье реки Нечепсухо.

Некоторые исследователи, опираясь на данные археологических раскопок, предполагают, что христианство начало свой путь на Северо-Западном Кавказе с IV в. Так П. Хицунов писал: «По всем вероятиям, в зехии водворилось и сделалось господствующим христианство по крайне мере в IVв.»[3].

Все же, в историографии распространение христианских верований у адыгов связывается с влиянием Византийской империи. В первые века н.э. адыгские племена имели тесные торговые связи с Боспором, Византией, Арменией, Иберией, Албанией, через степи Северного Кавказа проходил «Великий шелковый путь». Значительная часть адыгов, прежде всего зихов, придерживалась византийской ориентации, в то время как восточные аланы, например, бассейна р. Терек часто выступали на стороне Ирана.

В VI в. обстоятельства благоприятствовали еще большему распространению византийского влияния на Причерноморье и Северо-Западный Кавказ. В эпоху императора Юстиниана I (527-565 гг.) позиции

Византии усилились. «И стал жить Боспор, – писал И. Малала, – в мире под римской властью»[4].

Боспор обладал очень древней епископской кафедрой, основанной, по-видимому, в III или в начале IV века. Во всяком случае, подписи представителей Боспора Домиана и Кадма стоят под актами I Вселенского собора, проходившего в 325 г. Соль же древней была и кафедра Херсона, епископ которого Филипп также присутствовал на Никейском соборе[5].

Боспорская епархия довольно активно, судя по присутствию ее епископов на церковных синодах, принимала участие в обсуждении общих проблем христианской религии. Не без ее посредничества Христианская епархия в это время была создана на Тамани и в Фанагории, через которую осуществлялись все основные связи Боспора, а соответственно и Византии, с кочевниками, обитавшими в северокавказской степи, и с населением горных областей Кавказа. Свидетельством этого является подпись епископа Фанагории Иоанна под документами патриаршего Синода, проходившего в 519 г.[6]

Именно к этому времени относят начало обращения адыгов, прежде всего прибрежных, в христианство и появление на Северном Кавказе греческих миссионеров. «Греческий император Юстиниан, – писал Ш.Б. Ногмов, – по сказанию горцев был союзником адыгейского народа и даже называл себя адыгейским князем. Имя Юстиниана было в таком уважении между адыгами, что для подтверждения своих слов народ клялся юстиниановым столом или юстиниановым троном»[7].

Первым свидетельством существования в Зихии особой церковно-административной епархии является подпись ее главы, епископа Домиана, под постановлениями Константинопольского синода, созванного как поместный собор Константинопольской патриархии в 526 г. провозгласившего патриархом архиепископа Мену. Тмутараканская и Зихская епархии в уставе Льва Мудрого (894-911 гг.) именовались

архиепископиями – название, применявшиеся только по отношению к древнейшим епархиям.

Таким образом, письменные источники с достаточной очевидностью свидетельствуют, что уже в начале VI в. какая-то часть адыгов приняла христианство. Уже в первой половине VI в. адыги и абхазы имели собственные епископские кафедры, существовавшие на положении автокефалий, видимо, константинопольского патриархата.

Возможно предположение, что Фанагорийская епископия подготовила почву для внедрения христианской церкви, а через нее и политической агентуры империи в страну зихов. Но на рубеже 20-30-х гг. VI в. Фанагория и соседний с нею городок Эмпорий Кепы были разрушены кочевниками и не восстанавливались в течение длительного времени. Разрушение Фанагории заставило Константинополь задуматься о целесообразности восстановления центра христианской миссии. Предполагалось, что она будет вести проповедь среди населения Северо-Западного Кавказа.

Л. И. Лавров, А.И. Гадло, Н.В. Анфимов считают, что новая епископия была основана значительно южнее Фанагории, в устье р. Нечепсухо[8]. Там существовало селение, отмеченное в переписи Псевда-Арриана. Это селение было покинуто в конце V или начале VI в. Поселок епархии получил новое название от названия реки и долины, по месту расположения (Нечепс-у-ко адыг. долина р. Нечепс), Никопсис. Как свидетельствуют археологические данные о районе, где предположительно находился город (у.с Новомихайловского близ Туапсе), была крепость, в центре которой располагалось большое каменное здание, напоминающее базиликальный храм.

Эта епархия с VI в. уже во всех источниках неизменно именуется как епархия Зихская, что указывает не только на реальное местонахождение ее центра, но и ее предназначение, характер

деятельности, миссионерскую направленность.

В грузинском источнике конца VIII в. Поселок назван «греческой гаванью», что также отражает политическую ориентацию центра епархии и состав обитавшего вокруг него населения.

О Зихской епархии писали многие историки, но преимущественно лишь в связи с известным фактом перемещения в X в. ее центра из Никопсиса в Таматарху (русскую Тмутаракань). Этот вопрос поднимался также при рассмотрении общих проблем средневековой истории современных народов Кавказа, являющихся прямыми потомками зихов – адыгейцев, кабардинцев и черкесов. Подробно историей Зихской епархии занимался А.В. Гадло[9].

Местные церкви Северного Кавказа объединялись в округа – епархии, епархии – в митрополии, а последние – в патриархию. Патриархия, в свою очередь, подчинялась константинопольскому патриарху, стоявшему во главе всей восточно-римской церкви.

Не только письменные источники, но и археологические находки позволяют говорить о довольно широком распространении христианской религии на Северо-Западном Кавказе. Раннесредневековые кресты, найденные на территории современной Адыгеи, свидетельствуют о проникновении новой религии в адыгскую среду. Показателен в этом отношении пашковский кувшин с юстиниановским крестом на дне, описанный Н.Г. Ловпаче. Представляет интерес и христианский крест на фрагменте керамического сосуда X-XII вв.[10]. Разнообразные средневековые христианские кресты, намогильные – из камня или носимые на шее или одежде – из металла находили во многих местах современной Адыгеи и Черкесии[11].

Проведенные исследования позволяют отметить несколько основных исторических факторов, способствовавших распространению христианских верований. К внутренним факторам относятся высокий

уровень развития политеистических представлений и, в целом духовной культуры, а также социальные, экономические процессы, происходившие в адыгском обществе в раннесредневековый период. В качестве внешнеполитического фактора можно выделить усилившееся с VI в. влияние Византии, на которую традиционно ориентировались зихские племена.

Рассмотренный материал позволяет выделить несколько этапов расположения христианских верований среди адыгов в IV-IX вв.: первый этап – попытки проповедования христианства миссионерами первых веков нашего времени (в частности, Андреем Первозванным); второй – с IV в., когда Византия стала проводником новой религии в Абхазии и косвенно этот процесс касался и адыгов как ближайших соседей; третий – начинается с VI в. и характеризуется проведением целенаправленной византийской политики по распространению христианства непосредственно среди адыгского народа. Если первые два этапа закончились неудачно, то с юстиниановской эпохи христианские верования начинают постепенно распространяться в адыгской среде.

Византия уделяла особое внимание планомерному религиозному освоению Северо-Западного Кавказа, используя традиционные методы распространения христианства. Церковная организация на Северном Кавказе создавалась наподобие византийской.

Географическая плотность распространения религии не была одинакова. Особенно активно шло внедрение новых верований на побережье Черного моря. Утверждение христианства было подготовлено традицией, не прерывающейся полностью еще с первых столетий существования христианства. Новая религия распространялась по всему побережью от Тамани (граница зихских земель) до Севастополиса и Тапезунда.

Произошло принятие на этом этапе обрядовой части и внешней

формы православия. Безусловно, не могло население так быстро воспринять новые культы, отбросив традиционные религиозные представления. На протяжении многих веков религиозные верования впитывали в себя монотеистические идеи.

Существование с начала VI в. Зихской епархии с центром в Никопсии свидетельствует о роли, отводившейся адыгам. При этом, не только небольшая часть местного населения исповедовала новую религию. Расположение епархии и само ее название свидетельствуют о большом значении, придаваемом Византией распространению христианства именно на территории, заселенной адыгами.

Христианство было воспринято довольно легко определенной частью населения так называемым «мирным путем», следовательно, в обществе существовала потребность в новой религии и язычество не отражало полностью понимание окружающего мира. Христианская религия стала постепенно распространяться и развиваться на Северо-Западном Кавказе, что говорит о ее соответствии мировоззрению и мироощущению народа.

Примечания:

[1] См.: Петровский С.В. Сказания об апостольской проповеди по Северо-Восточному Черноморью // ЗООИД. 1898. Т.XXI. Ч.2.

[2] Хицунов П. О состоянии некогда бывшего христианства на Кавказе//Кавказ. 1846. №35. С.2.

[3] Хицунов П. Там же. С.3-4.

[4] Васильев А.А. Готы в Крыму // Известия Российской академии истории материальной культуры. Пг., 1921. Т. 1. С. 174-278.

[5] Бенешевич В.Н. Синейский список отцов Никейского первого Вселенского собора // Известия Академии наук. СПб., 1908. С. 281-306.

[6] Le Quien V. Oriens shristiamus. Parisiis, 1740. T. 1. P. 327.

[7] Ногмов Ш.Б. История адыхейского народа. Нальчик, 1947.

[8] Прокопий из Кесари. Война с готами. М., 1950. С. 338.

[9] Гадло А.В. Византийские Свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиеведения. Л., 1991. С. 93-107.

[10] Ловпаче Н.Г. Погребальный обряд средневековых адыгов V-IX вв. и место керамики в сопровождающем инвентаре // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984. Табл. 5. Рис. 8. Его же. Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985. С. 61. Табл. 30 (6).

[11] Миллер А. Разведка на Черноморском побережье Кавказа в 1911-1912 гг. // Известия археологии Кавказа. 56. Пт., 1914. С. 95.; Спицын А.А. Могильник VI-VII вв. в Черноморской области // Известия археологии Кавказа. 25. СПб, 1907. С. 188.

А.Д. Панеш

Противодействие Англии и Турции российской политике на Северо-Западном Кавказе (50-60-е гг. XIX в.)

Окончание Крымской войны 1853-1856 гг. и заключение Парижского мирного договора оказали значительное влияние на внешнюю политику европейских государств. Одним из важных политических последствий этой войны стало крушение старой системы европейских союзов. Противоречия между державами привели к окончательному распаду Священного союза, в течение 40 лет служившего оплотом европейской реакции. В результате появилось новое соотношение сил в Европе – Крымская система, основой которой явился англо-французский блок, направленный против России[1], утратившей руководящую роль в международных делах, уступив ее Франции. Это значительно изменило расстановку сил в Европе. Россия оказалась в состоянии внешнеполитической изоляции, что ослабляло ее значение в решении вопросов европейской и ближневосточной политики.

Последствия Крымской войны оказали общее влияние на политическое положение на Ближнем Востоке. Западноевропейским державам, и в первую очередь Англии, удалось временно устранить Россию как соперника в восточном вопросе и значительно ослабить ее позиции на Черном море[2].

Самыми унизительными и тяжелыми для России оказались статьи Парижского договора о нейтрализации Черного моря. Нейтрализация не распространялась на Дарданеллы и Босфор, через которые противник мог появиться в Черном море и угрожать южным границам России. Кроме того, возможности России препятствовать британским и

турецким происками в Черкесии резко ограничивались.

После Крымской войны Англии гораздо чаще, чем раньше, приходилось действовать через турок. В этом состояла особенность британской политики на последнем этапе Кавказской войны

По свидетельству генерала Г.И. Филипсона, в середине июля 1856 г. на анапском рейде появился британский военный пароход «Страмболо» «для взятия или высадки горцев, или с каким-нибудь поручением к Сефер-бею»[3]. В начале октября 1856 г. судно «Ронгвер» из эскадры адмирала Лайонса проследовало с юга на север вдоль восточного берега Черного моря.

Между Россией и Турцией была заключена особая конвенция, предусмотренная ст. 14 Парижского трактата. Она определяла «число и силу легких судов» Согласно конвенции России предоставлялось право содержать на Черном море шесть военных судов определенного размера для борьбы с военной контрабандой[4]. Однако корабли эти, маломощные, не имеющие надлежащей военной оснастки, были мало пригодны для прибрежной службы.

Таким образом, русский флот в водах Черного моря почти отсутствовал, тогда как тоннаж английских судов в 1856 г. здесь составил 323 тыс. т[5].

Пользуясь отсутствием российского флота, в Черкесию зачастили турецкие кочермы, привозившие сюда различные товары, преимущественно военную контрабанду[6]. Турки доставляли адыгам оружие.

Частое появление турецких и английских судов на черкесском побережье порождало ложные, невыгодные для России толкования Парижского договора. Многие адыги рассуждали так: «если русские не мешают иностранцам торговать на Кавказе, значит, они бессильны это сделать, либо верны слухи, будто отныне Черкесия находится под

покровительством Англии и Турции»[7].

В этих условиях Россия принимала активные меры для ослабления влияния западных держав и Турции на адыгов. Российское командование намерено было изолировать черкесов от внешнего мира, «чтобы скорее стать твердою ногою в главных центрах Закубанского края и лишить непокорные племена всякой надежды на успех борьбы… даже в том случае, если бы тем было оказано чужестранное содействие»[8].

Условия Парижского мирного трактата позволили Англии расширить торговлю в странах Ближнего Востока. Английская торговля, как и прежде, до Крымской войны, но теперь более интенсивно, продолжала наступать на внутреннюю Азию со стороны Черного моря и Индии. Значительно возросли торговые обороты Трапезунда, уступающего на Черном море лишь Одессе[9]. Так, в 1857 г. его товарооборот составил 35 млн. руб. серебром. Главной статьей импорта были хлопчатобумажные изделия, преимущественно (90%) английские, большинство которых шло во внутреннюю Азию. Несмотря на запрет России, английские контрабандные товары наводнили Кавказ[10].

Взаимодействие России с Англией после Крымской войны, помимо политических аспектов, охватывало также сферу торговли. Лондонский кабинет был заинтересован в пересмотре торгового и таможенного законодательства России и добивался ликвидации ограничений в торговле. Англия стремилась к тому, чтобы российское правительство установило более либеральную торговую систему. Было рекомендовано Александру II пересмотреть торговую политику, принять принципы свободной торговли. Правящие круги Англии стремились укрепить свои позиции на русском рынке, подготовить почву для заключения с Россией торгового договора[11].

В июне 1857 г. Россия подписала торговый договор с Францией.

Это было первое торговое соглашение после окончания Крымской войны. Несмотря на то, что английское правительство настаивало на открытии всех портов Черного моря для свободной торговли, Россия открыла лишь три порта.

После Крымской войны резко возросло значение Кавказа как рынка для английских товаров. В июле 1856 г. британский посол в России Воудхаус попросил А.М. Горчакова дать разъяснения относительно условий торговли на восточном побережье Черного моря, подчеркнув значение этого района с точки зрения экономических интересов Англии. В августе 1857 г. Горчаков дал предварительный ответ, что иностранные суда могут заходить только в те порты, в которые им выдал визу русский посол в Стамбуле. Воудхаус настаивал на полной свободе торговли. Кроме того, он заявил Горчакову, что «Англия не признала и не признает русских прав на Черкесию»[12]. Посол России в Лондоне Ф.И. Бруннов, отстаивая свою позицию опирался на статьи Парижского договора и на ст. 4 Адрианопольского трактата. Тем самым Бруннов подтвердил права России на Черкесию и указал только пять портов Кавказского побережья, куда могут входить иностранные торговые суда.

В октябре 1857 г. Россия ввела на кавказском побережье новые таможенные правила, которые разрешали иностранным судам посещение лишь Анапы, Сухум-кале и Редут-кале. Новые правила были приняты по настойчивым ходатайствам А.И. Барятинского, выступавшего за учреждение блокады. Наместника Кавказа поддерживал генерал Г.И. Филипсон. Однако блокада «задуманная, как средство умиротворения края, вызвала только раздражение черкесов, усиливала их недоверие к России, давала повод к антирусским инсинуациям англичан и турок»[13].

31 декабря 1858 г. министр иностранных дел России А.М.

Горчаков и новый английский посол Д. Фьенес Крэмптон подписали в Петербурге договор о торговле и мореплавании[14]. Это способствовало некоторой стабилизации англо-русских отношений. Новый договор был заключен на основе соглашения 1842 г.

Определенное влияние на русско-английские отношения оказал приход к власти консервативного кабинета Дерби. Пришедший на смену Кларендона Мальмсбери взял курс на углубление англо-русских разногласий по проблемам связанным с положением Черкесии. Мальмсбери вернулся к старой британской точке зрения, согласно которой Россия владела Черкесией незаконно. По этой проблеме между Брунновым и Мальмсбери развернулась полемика. Британский министр заявил, что Англия не обязана соблюдать условия Адрианопольского договора, поскольку не участвовала в его подписании. Бруннов опроверг все аргументы Мальмсбери и «указал на явную противоречивость английской стороны, по сути протестовавшей против Парижского трактата, в разработке и подписании которого она принимала участие»[15].

В ходе Крымской войны Англия вынашивала захватнические планы в отношении Кавказа. Однако осуществить их не удалось, хотя Англия добилась своей главной цели – ослабления России на Ближнем Востоке и на Черном море. После войны Англия и Турция продолжали свои происки на Кавказе, надеясь оттеснить Россию за Кубань и Терек и тем самым помешать России окончательно укрепиться на Кавказе. Благоприятная внешнеполитическая обстановка, сложившаяся после Крымской войны позволила Англии и Франции активизировать свою политику на Ближнем Востоке и в районе Черного моря.

После Крымской войны агенты Англии, Турции и Франции развернули среди горцев Северного Кавказа широкую антироссийскую деятельность. При этом они опирались на Парижский мирный договор, по которому будто бы европейские державы объявили кавказских горцев

независимыми. Агенты организовывали военные провокации и политические диверсии, направляли вооруженные англо-французские шхуны к берегам Кавказа с боеприпасами, инструкторами и отрядами легионеров. Росла военная контрабанда у берегов Черкесии, участились попытки англо-турецких агентов установить связь с горскими феодалами. Российский консул в Трапезунде А. Н. Мошнин сообщал, что только в 1857 г. к черкесским берегам подошло под видом торговых 800 баркасов с грузом пороха и оружия, вернувшихся в Турцию с живым товаром и с продуктами сельского хозяйства. Новый главнокомандующий на Кавказе А. И. Барятинский писал военному министру: «Такой свободный доступ к черноморским берегам может иметь самые невыгодные для нас последствия и надолго замедлить наши успехи в западной части Кавказа»[16].

Парижский договор создал благоприятные условия для происков Англии и Турции и контрабандной торговли на Черноморском побережье Кавказа. Не имея достаточных сил и средств для организации крейсерской службы вдоль побережья, российское правительство полагало, что «неполитично объявлять берег в блокаде». Однако А. И. Барятинский считал, что нет необходимости прибегать к морской блокаде в том смысле, как разумеется это слово в международном праве: «Брег этот не есть неприятельский и принадлежит нам неоспоримо по трактатам, поэтому населяющие его горские племена должны быть почитаемы в восстании, а не в войне с нами. Следовательно, будет ли учреждено крейсерство или нет, во всяком случае мы можем и должны принять такие меры, которые всякое правительство имеет право принимать в пределах своих владений для поддержания существующих карантинно-таможенных постановлений»[17].

В своем сообщении министру иностранных дел А.М. Горчакову А. И. Барятинский просил объявить в газетах и русским консулам в

Турции, что «все суда, какой бы ни были нации, не иначе могут приставать к этому берегу, как в определенных пунктах, имеющих карантинно-таможенные учреждения», т. е. в Анапе, Сухуме, Редут-Кале и Поти. Суда, застигнутые у какого-либо иного пункта или к нему направляющиеся, даже имеющие визы от русских консулов, будут отвечать по всей строгости существующих в России законов как нарушители карантинно-таможенных правил[18].

А.И. Барятинский предложил усилить надзор в северной и южной части Кавказского побережья судами, не входящими в состав военного флота. У таких судов не было ограничений. Это был наиболее оптимальный способ выполнения новой системы действий. Не было необходимости в увеличении численности паровых шхун, поскольку эти суда не были предназначены для боевых действий. Было признано целесообразным укрепление флотилии азовских баркасов. С этой целью предполагалось для северной части побережья строить суда в Темрюке, для южной — в устьях Риони и Поти. Только в этом А. И. Барятинский видел «средство противодействовать враждебным нам покушениям на черкесских берегах, по неимению для того достаточной военной силы на море»[19].

После Крымской войны основные силы Кавказской армии были брошены на Северо-Восточный Кавказ против Шамиля. В связи с этим российское правительство стремилось не осложнять своих отношений с западными державами, особенно Англией. Перед российским командованием была поставлена задача противодействовать происками Англии и Турции в Черкесии, а также не допустить контактов английских и турецких эмиссаров с адыгской знатью.

По-прежнему активную позицию в освободительном движении западных адыгов занимал Сефер-бей Заноко. Называя себя главнокомандующим всеми горскими народами и начальником турецких

сил в Анапе, он призывал горцев «присягнуть султану на подданство»[20].

В мае 1856 г. Сефер-бей созвал большое собрание натухайцев, на котором выступили депутаты, ездившие в Стамбул «просить турецкого султана о принятии их в свое подданство». Они сообщили, что султан отказал им в просьбе, поскольку по Парижскому трактату «горцы признаны по-прежнему под властью русского государя». Но при вторичной встрече султан обещал черкесам свое покровительство.

В конце 1856 г. российский посол в Константинополе Бутенев получил информацию о готовившейся к берегам Черкесии экспедиции. Она снаряжалась под опекой С. Каннинга, Решид-паши, начальника турецких почт Исмаил-паши и австрийского посла Прокеш-остена. Англичане предоставили вооружение, обмундирование на 500 человек и деньги. Турки отпустили из столичного арсенала 6 пушек и много боеприпасов.

В распоряжение легионеров были предоставлены английский корабль «Кенгуру» и турецкий «Аслан». В связи с этим Бутенев решил незамедлительно объясниться с великим визирем Решид-пашой. Посол указал на недопустимость подобных акций, так как они противоречат заверениям султана о желании укреплять мирные и добрососедские отношения с Россией. Решид-паша пообещал Бутеневу провести самое строгое расследование.

Российским дипломатам не удалось предотвратить отправку «Аслана» и «Кенгуру». Выяснилось, что экспедиции тайно потворствовали турецкие министры, да и сам Решид-паша. Российское посольство заявило протест султану, который приказал наказать виновных и впредь не допускать подобных инцидентов. По просьбе российского посла был обнародован специальный фирман султана, осуждающий враждебные вылазки против России.

Абдул-Меджид учредил следственную комиссию по делу

«Кенгуру», которая арестовала в феврале 1857 г. нескольких причастных к нему лиц.

Однако эти меры не могли помешать «Кенгуру» и «Аслану» достичь Туапсе. Высадка десанта состоялась 17 февраля 1857 г. Отряд поляков численностью 374 человека, руководимый Т. Лапинским, ступил на черкесский берег близ р. Туапсе, где было построено укрепление Вельяминовское.

Посол России Бутенев продолжал выяснять подробности, связанные с польскими добровольцами. Он встретился с Фергат-пашой (Штейном), с великим визирем Решид-пашой, с чиновниками Порты. Собрав необходимые материалы, Бутенев сообщил Горчакову о прибытии к черкесскому берегу «Кенгуру» и «Аслана».

Теофил Лапинский с юных лет активно включился в борьбу за обретение независимости Польшей. После подавления восстаний 1846 и 1848 годов он вынужден был эмигрировать. Т. Лапинский принимает активное участие в Венгерской революции 1848-1849 гг. В годы Крымской войны в чине полковника артиллерии участвует в боевых действиях на стороне европейских держав в составе польской дивизии генерала Замойского[21].

Отряд польских добровольцев пополнил ряды адыгских ополченческих формирований и принял активное участие в военных действиях против царских войск. Однако деятельность польского отряда была сопряжена со значительными трудностями. В начале 1858 г. положение поляков серьезно осложнилось. Отряду Лапинского оказывал противодействие Мехмед-бей, он же Янош Бандья, венгр по происхождению, католик, принявший в 1853 г. ислам, полковник турецкой армии. Выдавая себя за поборника «независимой Черкесии», Бандья фактически шпионил в пользу царской России. Мехмед-бей сообщил Лапинскому, что он направлен в Черкесию турецким султаном

в качестве посланника и наместника падишаха, а также командующего войсками в Черкесии. Из этого следовало, что Лапинский должен был подчиниться Мехмед-бею[22]. Но руководитель польского отряда не пожелал с ним сотрудничать, поскольку уже хорошо знал, что Мехмед-бей был шпионом и состоял на жаловании также одновременно у английской, французской и прусской полиции.

Мехмед-бей следовал инструкциям российского командования на Кавказе – «предупреждать всякие наступательные операции со стороны черкесов и противодействовать иностранному влиянию в Черкесии». Мехмед-бею удалось внести раскол в ряды польского отряда. К лету 1858 г. противники адыгского освободительного движения сумели противопоставить Лапинскому Мухаммед-Амина и других черкесских лидеров.

В конце 1859 г. отряд Лапинского оказался в критическом положении. Во-первых, весть о пленении Шамиля и завоевании Дагестана и Чечни оказала на поляков удручающее впечатление. Во-вторых, российское командование перебросило на Северо-Западный Кавказ высвободившиеся в Дагестане войска. В-третьих, обескровленные длительной войной абадзехи вынуждены были начать поиски путей примирения с Россией. В-четвертых, ухудшилось снабжение поляков оружием и продовольствием. Указанные факторы вынудили Лапинского оставить Черкесию и вернуться в Европу.

Между тем, Англия не прекращала оказывать противодействие продвижению России в Черкесии. В Лондоне было организовано тайное общество, выступавшее за независимость адыгов. Организаторами и руководителями общества являлись Д. Уркарт и Дж. Белл. План действий общества состоял в том, чтобы организовать на Ионических островах пункты для складирования оружия, боеприпасов и сбора людей. Члены общества были тесно связаны с английским

правительством и крупными промышленниками. Цель, которую общество ставило перед собой, состояла в том, чтобы под флагом защиты независимости адыгов развернуть широкую антироссийскую пропаганду. Члены общества утверждали, что «ключ военного и торгового могущества Англии в Азии находится в Черкесии»[23].

Общество также стремилось к обострению англо-русских отношений в черкесском вопросе. Был предложен план, по которому английский корабль под российским флагом входит в черкесский порт и поджигает стоящие там английские корабли. Опасаясь обострения своих отношений с Россией, Лондонский кабинет отклонил этот план[24].

Правящие круги Англии и Турции усилили свои происки в Черкесии. Они стремились помешать России окончательно укрепить свои позиции на Северо-Западном Кавказе. «Быстрое покорение восточной половины Кавказа, – писал генерал Г.И. Филипсон, – составляющей до сего времени главный театр наших действий против горских племен, не могло не возбудить опасение Англии, что окончание войны на Кавказе даст России огромные военные средства, которых употребление может быть, и противно интересам Англии. Поэтому естественно, что английское правительство, не признающее прав России на этот край, будет с нетерпением выжидать случая раздуть угасающее на Кавказе пламя войны»[25].

В самой Черкесии события разворачивались таким образом, что царские войска наращивали масштабы наступления на непокорных адыгов. В этих условиях черкесы «решились отстаивать самостоятельность свою не только оружием, но еще внутренними преобразованиями и энергическим обращением к иностранным державам»[26].

В июне 1861 г. представители абадзехов, шапсугов и убыхов на съезде в долине р. Сочи учредили между собой чрезвычайный союз и

образовали меджлис, состоявший из 15 человек. Руководителем меджлиса, названного «великим и свободным заседанием» стал Хаджи Керендук Берзек[27]. В состав меджлиса вошли видные адыгские деятели Карабатыр Заноко, Измаил-Баракай-ила-Дзиаш, Биш-Хасан-Эфенди и другие.

Летом 1861 г. руководители меджлиса обратились к английскому консулу с Сухуме Диксону с просьбой о помощи. В послании было сказано, что адыги находятся в тяжелом положении, и что действия их «согласны с правами человечества и свою независимость они сохраняют уже 80 лет ценою крови…»[28].

В Лондоне и Стамбуле началась новая кампания в защиту Черкесии, особую активность проявлял «Черкесский комитет».

«Черкесский комитет» выступил в официальной прессе с протестом против открытия Россией только пяти портов, рассматривая борьбу российской береговой службы с военной контрабандой у берегов Черкесии как нарушение условий Парижского трактата о свободе торговли всех наций в водах Черного моря[29].

При активном содействии «Черкесского комитета» в английской прессе печатались статьи: «Имеем ли право торговать с независимым, мирным и дружественным народом», «Черкесия – ключ к Индии» и т.д. Проходили митинги и собрания в поддержку адыгов[30].

«Черкесский комитет» был также создан в Стамбуле. В его состав вошли представители адыгской и польской эмиграции. Организацией руководил полковник Джордан. Российский посол в Константинополе Лобанов-Ростовский писал: «Константинополь составляет сборное место недоброжелательных нам старейшин непокорных горских племен, а также складочный пункт оружия, военных припасов и др. принадлежностей, назначаемых врагами нашими к отправлению к кавказским берегам Черного моря. Здесь под влиянием происков

польских эмигрантов кавказский вопрос все более и более привлекает на себя общественное мнение Европы и становится орудием враждебной политической пропаганды»[31].

В Стамбуле был также создан «верховный национальный совет», призванный руководить освободительным движением адыгов Северо-Западного Кавказа. Совет разделился на две группы: одна настаивала на необходимости упорного сопротивления российской экспансии, другая склонялась к мирным переговорам с Россией на условиях, которые «обеспечивали бы за горцами некоторые права и вольности их национальности»[32] В число сторонников продолжения освободительной борьбы входили Карабатыр Заноко, Измаил-Баракай и др. Мухаммед-Амин, находившийся в то время в Стамбуле, писал российскому послу: «Здесь в Константинополе часть черкесов из непокорных желает подвинуть горские племена к восстанию, сопротивлению и войне, тогда как я и часть тех, которые со мной, желаем мира, прекращения войны и покорности, и все приверженцы добра желают, чтобы я приехал в среду их и просят, чтобы я покончил дело усмирения и мира теперь же. Если будет угодно богу, я постараюсь по мере сил и возможности, чтобы это дело мира было кончено, так как этого желает русский царь»[33].

Однако российские власти сомневались в возможности Мухаммед-Амина повести за собой адыгов, поскольку он уже не имел на них такого сильного влияния. Российский посол Лобанов-Ростовский, характеризуя деятельность Мухаммед-Амина в Стамбуле, писал: «До сих пор он оказывал Миссии положительные услуги, доставляя ей разные сведения и парализуя действия противной нам партии личным своим влиянием… Но если бы в данный момент турецкое правительство решилось употребить его своим оружием, предложив ему высшую против нас пенсию, едва ли бы он устоял против искушения. Вообще не смею судить, до какой степени услуги его могут быть полезны для

достижения наших правительственных планов, но думаю, с другой стороны, что, оттолкнув его от себя, мы можем нажить в нем если не опасного, то, во всяком случае, весьма вредного для нас врага»[34].

Следует отметить, что в сложившихся условиях Мухаммед-Амин хорошо осознавал, что продолжение адыгами борьбы с царской Россией будет сопряжено с большими трудностями и может иметь трагические последствия.

Лондонский и стамбульский «черкесские комитеты» поддерживали тесную связь с польскими эмигрантами, находящимися в Париже. В Стамбуле активно действовало польское агентство «Отель Ламбер», которым руководил полковник В. Иордан.

В 1861 г. умер А. Чарторийский – руководитель парижского отделения «Отель Ламбер». Организацию возглавили его сыновья, которые по-прежнему придавали большое значение черкесскому вопросу в деле восстановления независимого Польского государства. «Отель Ламбер» проводил большую работу по снабжению адыгов оружием и боеприпасами.

Лондонский «черкесский комитет» в своей деятельности стремился побудить английское правительство к более активным действиям в Черкесии. С этой целью было разработано три проекта: 1) отправить к берегам Черкесии торговый флот, чтобы продемонстрировать права Англии на свободную торговлю с адыгами; 2) послать к адыгам военный пароход под черкесским флагом в знак демонстрации независимости Черкесии; 3) ограничиться отправкой оружия адыгам и высадкой на черкесское побережье отряда легионеров. Решили остановиться на третьем проекте. По сообщению российского посла в Лондоне «черкесский комитет» был намерен снарядить судно для подвоза черкесам оружия и боеприпасов. Руководители «Отеля Ламбер» разработали план военной экспедиции к берегам Черкесии. Для

этой цели в Ньюкасле была куплена шхуна «Чезапик». В сентябре 1863 г. «Чезапик» достиг Трапезунда, где весь груз был перегружен на турецкий баркас. В середине сентября он причалил к черкесскому берегу в местечке Вардан.

При активном участии Т. Лапинского в Черкесию был направлен новый отряд поляков под руководством Клемента Пшевлоцкого. Очевидец описываемых событий А. Фонвилль, писал, что отряд доставил адыгам оружие и боеприпасы[35].

В системе взаимодействия России и Турции в последние годы Кавказской войны черкесский вопрос занимал важное место. Деятельность «Отеля Ламбер», направленная на поддержку освободительного движения адыгов, создавала определенную напряженность в русско-турецких отношениях. Турецкое правительство, учитывая сложившуюся международную обстановку было намерено «сохранять до последней возможности нейтралитет при могущих возникнуть европейских осложнениях»[36].

Деятельность «черкесских комитетов» в Стамбуле и Трапезунде встретила серьезное противодействие со стороны российской дипломатии. Вмешательство российского посла Новикова не позволило турецкому правительству отправить в Черкесию военную экспедицию.

Таким образом, на последнем этапе Кавказской войны правящие круги Англии и Турции прилагали немалые усилия, чтобы активизировать освободительное движение адыгов Северо-Западного Кавказа. Со своей стороны и адыги обращались к правительствам этих стран с просьбой о помощи. Однако в сложившихся условиях, когда большая часть территории Черкесии была уже завоевана царизмом и силы сопротивления были истощены, изменить ситуацию было невозможно. Это понимали и лидеры адыгов и российское командование, которое искало пути примирения с черкесами.

Примечания:

[1] Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974.С.3.
[2] Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX в. Ростов-на-Дону, 1989. С.150.
[3] АКАК. Т. XI. С.76.
[4] Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869. С. 118.
[5] Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ… С. 150.
[6] Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Тбилиси, 1953. С.470.
[7] АКАК. Т.XII. С.707.
[8] Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 451.
[9] Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ… С.151.
[10] АВПРИ. Ф. Турецкий стол (стар.). Д. 143. Л. 12-14.
[11] Семенов Л. С. Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. Л., 1975. С.149
[12] Widerszal L Sprawy Kaukaskie w polityce Europeiskei w latach 1831-1864. Warshawa, 1934. S. 170.
[13] Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.) М., 1984. С. 193-194.
[14] Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб. 1889. Т.12. С. 457.
[15] Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С. 201.
[16] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6662. Л. 46.
[17] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6662. Л. 48.
[18] Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ… С.154.
[19] HUDBF/ A/ DEF/ L/ 6662/ K/ 51/
[20] РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 313. Л. 166.
[21] Лапинский Т. Горцы Кавказа… С.8.
[22] Там же. С.454.
[23] РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д.343. Л.4-6.
[24] РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д.343. Л.4-6.
[25] Филипсон Г.И. Воспоминания. М., 1885. С.547.
[26] Цит. по: Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002. С.167.
[27] Там же.
[28] РГВИА. Ф.38. Оп. 7. Д.410. Л.35-35 об.
[29] Там же. Л.21-24.
[30] Widerzal L. Op. cit. S.198.
[31] РГВИА. Ф.38. Оп. 7. Д.396. Л.84.
[32] Там же. Л.85-86.
[33] РГВИА. Ф.38. Оп. 7. Д.396. Л.89.
[34] РГВИА. Ф.38. Оп. 7. Д.396. Л.88.
[35] Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864 гг. Краснодар, 1927. С.6.
[36] АВПРИ. Ф. Главный архив. 1-9. Оп. 9. Д. 8. Л. 60.

Х.Б. Мамсиров

Национальная интеллигенция в эмиграции о судьбах и перспективах горских народов и будущего их культур в 20 – 30-е гг. XX в.

Судьба национальной интеллигенции, которая не приняла советской власти и после гражданской войны эмигрировала, не стала еще предметом специального исследования в отечественной историографии. Их личные судьбы не станут предметом и нашего анализа. Нас будет интересовать их тяжелый путь самопознания, соотнесение ими судеб и перспектив горских народов и будущего их культур, как с большевистской модернизацией, так и мировыми модернизационными процессами, свидетелями которых они стали в эмиграции. Как представляется, эта деятельность, вылившаяся в издание специальных журналов и газет, стала для многих горских эмигрантов основным смыслом их бытия. Результаты осмысления и широкого исторического контекста, отраженного в истории горских народов, и горестной истории завершившейся гражданской войны, и перспектив развития полученной от большевиков автономий подробно рассматривались в статьях и публикациях, различных дискуссиях.

Особенно важно, что в центре анализа оказались вопросы о месте и роли горской интеллигенции в процессе модернизации, раскрываемые и в общем подходе к проблеме, и в отношении к конкретным политическим акциям, предпринимаемым большевиками. Большое место таким вопросам отводили основные эмигрантские издания «Горцы Кавказа» и «Северный Кавказ», «Кавказ» (издаваемый в Париже), вступая, таким образом, заочно в полемику с большевиками и, подчас и друг с другом.

Здесь имеется своя специфика, которую важно отметить. Многие статьи печатались под псевдонимами или подписаны одними инициалами. Это доставляло бы трудности, если бы нашей задачей стало персональное

изучение эмигрантских судеб, что является важной, но специальной научной темой, требующей воссоздания источниковой базы. Наша задача, как сказано выше, другая. В целом анонимные выступления легко объяснимы, если понимать и специфику горской культуры, и остроту противостояния, продолжающегося в изучаемый период на родине. Авторы, скрываясь под псевдонимами, опасались не за себя лично, а за судьбу оставшихся в России родственников, которые могли бы поплатиться за них. Эта психология «мести» была свойственна и для лиц, находящихся на руководящих постах. Им ничего не стоило бы «свести счеты» с оставшимися родственниками. Ряд авторов оказался в эмиграции и после разразившихся на рубеже 20-30-х годов восстаний. Некоторым удавалось даже бежать из мест заключения. ОГПУ уже ничего не стоило установить имена и тех, кто укрывал будущих эмигрантов, и тех, кто помогал им бежать из мест заключения[1].

Главным вопросом, ставшим постоянным рефреном многих изданий, был вопрос о праве на независимость и самостоятельность выбора модернизационного пути. Его основные направления и должна определить горская интеллигенция[2]. Особое внимание уделялось проблеме языка, который мог бы стать языком общения для всех этносов[3]. И высказываемые предложения, и уровень исторического анализа, и оценка общих модернизационных ресурсов (лингвистических, идеологических, конкретно-политических), если оценивать их с современных позиций, не всегда оказывался на высоте. Но опыт переустройства Европы (в меньшей мере – Османской империи) на принципах Версальского мира был важным источником организационных моделей и политического вдохновения. Положительная роль проявлялась в том, что публикации будили мысль, заставляли эмиграцию подвергать «вопросы истории, этнографии, антропологии, лингвистики, обычного права, мусульманского права, общей и хозяйственной статистики» и прочего «исследованию пытливой научной мыслью». Цели были вполне конкретные: чтобы «удовлетворительно

разрешить все те проблемы горского бытия, которые быстротекущая жизнь будет ставить горским народам на жизненном пути»[4]. Многие размышления сводились к необходимости формирования «северокавказской нации» как «результата совместной многовековой жизни на одном и том же участке земного шара и вызванных этим сожительством общих общественно-бытовых, культурных, экономических и политических форм и интересов» и необходимости выбрать общий язык для нее из ныне существующих[5].

Например, некий Азамат в своей статье утверждал, что тезис большевиков об отсутствии у горцев «достаточно численной и подготовленной интеллигенции» неверен. Он базируется на отсутствии у горской интеллигенции «политического, общественного и государственного стажа»[6]. Такой подход эмиграцией оценивался как «выгодный и удобный» власти, которая не учитывает и исторические обстоятельства, при которых горцы не могли приобрести необходимый «стаж». Но такой «подход» не учитывает также и то, что и сама Россия знает опыт «огосударствления извне», когда «ученые брались из Европы». Утверждая, что «мы не стали бы реализовать и утверждать нашу государственную независимость, если бы в наше время не располагали с избытком требуемым кадром интеллигенции, цензовых элементов и лиц государственного стажа», эмиграция воспринимала, как видим, логику Ленина и Луначарского о необходимости использования старой интеллигенции.

Важность использования интеллигенции старой школы базировалась на том, как настаивали эмигранты, что необходимо считаться с тем, что «прошлое горцев ... в смысле культурности было на уровне смежных народов, кои создавали великие культуры». Именно «высокая культурность спасла нас от порабощения и поглощения великими монархиями и культурами, под ударами коих исчезли многие народы и государства». Автор разбираемой статьи справедливо подмечает, что одна культурность «нас спасти не могла, а имело значение и то, что мы, горцы, во все времена нашей истории имели

достаточный слой представителей общества, государственно устремленных и подготовленных». Тем более, что горцы жили «на территории не где-нибудь в заброшенной от влияний великих государств, а на путях их важнейших действий и народных движений»[7].

Обсуждались печальные итоги и Кавказской войны, когда около миллиона горцев эмигрировали в пределы бывшей Османской империи, и тем положили начало делению интеллигенции на ту, которая выросла уже в среде «старой эмиграции», и на ту, которая выросла «в пределах русского владычества». Автор подчеркивает особенность структуры интеллигентских сил, выделяет важность того, что среди первых есть те, кто прошел «европейскую школу» и те, кто стал «интеллигенцией арабской школы». Но и интеллигенция, выросшая в России, так же делится на «прошедших русскую школу, и интеллигенцию так называемой арабской школы»[8]. Это важное обстоятельство, какими бы историческими причинами не было бы порождено, являет важную суть для понимания смысла и содержания модернизации: «различные веяния Востока и Европы ... не являются разделяющими горцев, наоборот, они преломляются и воспринимаются, растворяясь в национальном организме»[9]. Таким образом, констатировалось, что мировоззренчески горская интеллигенция вполне воспринимает современные вызовы времени. Но она «не располагает прикладными знаниями нашего времени, являющимися отличительной особенностью современной европейской культуры»[10]. Однако она, выдвинутая «народной общественной жизнью», накопила свои «ценности изучением жизни, регламентированием нравов, обычаев и права, и совершенствуясь, вырастает в национальную интеллигентскую моральную ценность необычайного значения»[11]. Проблема же заключается и в том, что «недостаточно была учтена ... сила и значение интеллигенции арабской школы, имевшейся налицо в 1918 году на Кавказе». Часть же интеллигенции «русской школы, «слишком свысока относясь к ней», «оторвана от народных масс и далеко не созвучна национальным народным идеалам». Защищая

интеллигенцию и обращая внимание на нее как на таковую, и на ее деление из представителей разных школ, эмигранты подчеркивали, что и со «времени коммунистического гнета народилась еще категория горской интеллигенции очень значительной по численности и на 99 % национальной». Речь идет об отношении к большевистской политике и практике модернизации. «Господа эти забывают, что советская власть празднует уже 12-летие своего пребывания в национальных областях, и поэтому ... ныне, при наличии доброй воли, она давно должна была ... создать достаточные кадры специалистов из националов»[12].

С 1923 года и большевики увидели «национальный уклон», он «является угрожающим в кавказских коммунистических организациях»[13]. Надо сказать, что и в отдельных статьях А. Луначарского ощутимы сходные мотивы. Он пишет, что и русская интеллигенция, желая европеизации России, склонна «судить об Октябре как о своеобразной азиатчине, говорить о том, что революция ... исказилась и приобрела варварские черты, считать Ленина и большевиков каким-то Чингисханом с его сподвижниками»[14]. Он, конечно, видит «внутреннее глубокое недовольство» реальными обстоятельствами, однако его задача – пропагандировать «эпоху, залитую светом, состоящим из лучей, к которым глаза ... почти физиологически не приспособлены»[15]. Это хороший образ, о «глазах, ... почти физиологически не приспособленных» к «эпохе». Он является важной мерой глубины того не восприятия большевистских мер, которое нарком назвал «почти физиологическим». Он и сам знал, что даже среди партийной верхушки гуляет Бухаринская оценка Сталина как «Чингисхана с телефоном». Для нас же важно то, что интеллигенция по обе стороны границы внимательно следила за умонастроениями и умозаключениями друг друга. Недаром выше мы замечали, что оценки строгих московских ревизоров часто не отличаются от злой критики эмиграции. Точность оценкам эмиграции добавляли и те, кто «успел» побывать в подвалах ОГПУ и в застенках концентрационных лагерей, и сумел бежать из мест заключения[16].

Следующим важным сюжетом на фоне дискутируемого отношения к проблемам независимости кавказских народов, к идее создания так называемой кавказской конфедерации, стал сюжет о роли влияния культуры более сильного соседа, а именно: русского. Высказывались опасения того, что при любом из социальных устройств, природа власти в России традиционно строится на насилии. Даже дискутируя с Милюковским «Возрождением», Э. Бекович-Черкасский приводил важность учета конкретной численности народа-господина, как он выражался, на чем базируются ставки власти. Слышится «звон оружия и аргументация вполне империалистическая»[17]. В чем гарантия для развития национальных культур в условиях реализации интернационалистской доктрины, вопрошал он своих оппонентов? «Денационализироваться ради денационализации»? В чем заключается положительная цель? Автор специально подчеркивает, что «в русском вопросе мы свободны от всякой ненависти и шовинистических настроений... Мы тоже восхищались Пушкиным, гений Достоевского и Толстого водил и нас по тайникам и извилинам "проклятых" вопросов». Но как использовать в модернизации «физические и психологические особенности и навыки», характерные для горцев и отличающие их от русских? В «здоровом и полезном, ибо свободном, развитии отдельных наций лежит залог обогащения общечеловеческой культуры и международного хозяйства; при угнетенном же состоянии субъективные дарования и возможности подчиненной нации заглушаются и нередко совершенно атрофируются посредством прямого действия атрофирующего фермента народа – господина, что не соответствует, а явно противоречит стремлениям культуры и цивилизации, поскольку стандартизация последних, как таковых, представляет меру регрессивную»[18]. Это и есть реакция на главный тезис Сталинской программы «Догнать ушедшую вперед Россию», заявленный им на X съезде РКП (б) и предваряющий в качестве эпиграфа большинство советских периодических публикаций 20-х годов. Заметим серьезность аргументов, на которые и сегодня

нет ответов у сторонников либеральной модели мирового общественного устройства. Атаки «антиглобалистов» против «мондиалистов» и в наши дни не потеряли своей остроты, как не имеют и ясного ответа на поставленные еще в 20-е годы вопросы.

Но отметим и некоторую аберрацию зрения эмигрантских аналитиков. Тот же У. Алиев в статье, посвященной 10-летию Октября и его роли в развитии национальных культур на Северном Кавказе, оценивал происходящее точнее. Он писал, что «во всем объеме культурного движения в нацобластях не всегда можно выделить национальные струи, особенно в сфере материальной культуры, которая при современных технических условиях идет по общему, так сказать интернациональному руслу... Зато в области так называемой "духовной" культуры эти национальные струи обнаруживают себя явственно, выпукло и с полной определенностью»[19]. Он справедливо указывал на проводимую работу в языковой области, ибо «язык народа – наиболее существенный признак национальной самобытности»[20]. Отмечал Алиев и то, что работа по вовлечению родных языков в процесс модернизации (школа, информирование населения и пр.), ведется «советской общественностью». Понятно, что «новое советское строительство вызвали к жизни такую массу вопросов, что для уяснения их и переваривания в сознании масс» требуется время. Однако он приводит данные о том, что «национальное самосознание горцев выразилось ... в стремлениях к изучению всей исторической и современной обстановки своей жизни, что, несомненно, окажет громадное влияние на рост их национальной культуры»[21]. Другое дело, что национальная культура рассматривалась в рамках специфической большевистской идеологии и практики, а к усматриваемому У. Алиевым вектору содержательного ее развития отношение складывалось негативное.

Горская эмиграция не принимала таких аргументов, прозорливо настаивая, что такое «положение будет подкрепляться ... марксистской теорией о дифференциации классов и классовой борьбе, подогнанной

специально к горским условиям. Фактическая сторона событий будет извращаться и извращается, ибо это необходимо для истории партии и для целей красного империализма, воплощаемого партией». Свободные от «красной цензуры», эмигранты констатировали, что «большевизм глубоко чужд природе свободолюбивых горцев. Большевизм навязан был им извне вследствие политической неорганизованности, вследствие отсутствия организационно твердого и достаточно авторитетного национального руководства, но горскими массами большевизм никогда не был принят и всегда останется для них явлением чуждым, посторонней силой, угнетающей их». Эмигранты утверждали, что «доступ ему на горские земли облегчили» те, кто начал сотрудничество с большевизмом, но «эти господа, зачастую, сами не ведали, что творят. Многие из них поплатились уже головами... ГПУ ликвидирует ненужную уже "старую гвардию" горского большевизма... Горские большевики были только "примазавшимися" к большевизму, и в условиях красного империализма фактическое их значение свелось к нулю. Они стали рабами, послушными исполнителями воли своих господ. Смеющие протестовать безжалостно выбрасываются или ставятся к "стенке"»[22]. В этих оценках кроется не только отношение к горской интеллигенции, упустившей исторический шанс стать интеллектуальным агентом модернизации, и к трагическим следствиям такого сотрудничества с большевиками. Суть оценок глубже: она в отношении к большевизму, к «красному империализму», этому духу, ставшему сердцевиной Сталинской авторитарной модернизации. Тому самому большевизму, которому свойственна убежденность в том, образно писал Э. Геллнер, что «подобно тому, как экстремистски настроенные мусульмане-шииты говорят, что архангел Гавриил сделал ошибку, доставив послание Мухаммеду, тогда как оно предназначалось Али, марксисты склоняются к тому, что дух истории или человеческое сознание допустило ужасную оплошность. Послание о пробуждении было адресовано классам, но по какой-то ужасной почтовой ошибке его доставили нациям»[23]. Эту ошибку

«истинный» модернизатор исправлял, очищая «строительную» площадку от тех, кто «по ужасной ошибке» сумел-таки прочитать это послание.

Примечания:

[1] Карачайлло. Горцы в «свободной социалистической стране» // Горцы Кавказа. 1933. № 43. С. 19). Г.Х. и З.Г. Мамбетовым удалось установить наличие, и даже конкретные имена агентов ОГПУ в восстаниях конца 20-х начале 30-х годов в Кабардино-Балкарии. Среди них были и муллы, и дворяне (Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г. Социальные противоречия в кабардино-балкарской деревне в 20-30 годы. Нальчик. 1999. С. 261).

[2] А. Ц. Задачи горской интеллигенции // Кавказский горец. 1924. № 1. С. 44-48; Азамат. Горская интеллигенция // Горцы Кавказа. 1929. № 8-9. С. 12-17.

[3] Официальным языком Северного Кавказа должен быть местный язык // Северный Кавказ. 1935. № 11-12. С. 27-29.

[4] А. Ц. Задачи горской интеллигенции // Кавказский горец. 1924. № 1. С. 47.

[5] Билатти Б. Нация и язык // Северный Кавказ. 1935. № 14-17. С. 14; Байтуган Барасби. Имеем ли мы право на жизнь // Горцы Кавказа. 1933. № 37. С. 14-15; Билатти Б. Идеологические основы национальных движений // Горцы Кавказа. 1934. № 47. С. 14–15.

[6] Азамат. Горская интеллигенция // Горцы Кавказа. 1929. № 8-9. С. 13.

[7] Там же. С. 14.

[8] Там же. С. 14-15.

[9] Там же. С. 15.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Билатти Б. «Коренизация нацобластей – узкое место в нац. политике советов // Горцы Кавказа. 1932. № 31. С. 23.

[13] Там же. С. 16.

[14] Луначарский А.В. Интеллигенция и ее место в социалистическом строительстве // Революция и культура. 1927. № 1. С. 29.

[15] Там же. С. 30.

[16] См., например: «Голос бывшего "лагерника"» // Северный Кавказ. 1935. № 13. С. 23.

[17] Бекович-Черкасский Э. «Возрождение» о сепаратизме горцев Кавказа // Горцы Кавказа. 1929. № 8-9. С. 19.

[18] Там же. С. 24.

[19] Алиев Умар. Октябрь и национальная культура на Северном Кавказе // Вопросы просвещения на Северном Кавказе. 1927. № 10-11. С. 18.

[20] Там же. С. 19.

[21] Там же. С. 21.

[22] Юсуф-бек. Коммунисты-националы (Картины с натуры) // Горцы Кавказа. 1932. № 31. С. 28-29.

[23] Цит. по: Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз // Ab imperio. 2002. № 2.С. 60.

Н.О. Хагурова

Россия и «демократические» племена Черкесии в конце XVIII – 60-е гг. XIX вв.

Российское правительство длительное время стремилось к усилению своих позиций на Черном море. Впервые активные действия со стороны России по отношению к Кавказу проявились при Петре I. В дальнейшем «виды русского правительства на Кавказ, существовали и переходили из поколения в поколение»[1]. «Движение на Кавказ для России – это не вопрос свободного выбора, а суровая политическая необходимость. Петербургский кабинет, в отличие от европейских держав, своевременно оценил колоссальное значение этого региона, представляющего ключевую позицию над Турцией, Ираном, Черным и Каспийским морями»[2]. Активизация политики российского правительства на Кавказе объяснялась кроме того тем, что в начале XIX в. в состав Российской империи была включена значительная часть Закавказья, тогда как народы Северного Кавказа сохраняли самостоятельность. Естественно, что Россия не хотела оставлять у себя в тылу «независимую страну Черкесию» с ее важным стратегическим положением и богатыми природными ресурсами[3].

Важные последствия для внешнеполитического положения Северо-Западного Кавказа имели результаты русско-турецкой войны 1828-1829 гг. По условиям Адрианопольского мирного договора «весь берег Черного моря от устья Кубани до крепости св. Николая включительно, пребудет в вечном владении Российской империи»[4]. Если до 1829 г. под давлением причин в основном внешнего характера российские власти сдерживали свои колонизаторские устремления и не активизировали наступательные действия в отношении черкесских земель, то после подписания

Адрианопольского договора, ситуация изменилась самым кардинальным образом. Договор стал тем своеобразным фундаментом, опираясь на который российское правительство могло спокойно и, не опасаясь осуждения и порицания со стороны европейских держав, осуществлять любые действия в отношении адыгов, которые согласно существующим в то время нормам международного права становились подданными российского императора. Юридическая уязвимость договора состояла в том, что черкесы, судьбу которых он решал, не принимали участия в его подписании, просто были переданы России. Договор, заключенный без их участия, был проигнорирован адыгами. «Они не признавали власти как российского правительства, так и власти турецкого султаната. Они оставались народом свободным и независимым»[5].

На протяжении нескольких лет российскому руководству не удавалось найти механизм, посредством которого оно могло бы строить свои отношения с адыгами. Причиной этого являлись объективные факторы. К числу таковых можно отнести отсутствие у адыгов какого-либо государственного опыта. «Здесь нет государства в нашем понимании этого слова, нет правительства, чиновников, регулярной армии – короче говоря, нет всего того, к чему мы привыкли»[6]. «Общество кавказских горцев представляют любопытный пример векового существования без всяких политических властей»[7].

Для разработки концепции взаимоотношений с адыгами 23 марта 1830 г. по высочайшему указанию был создан специальный Временный комитет[8]. Это было довольно примечательное по тем временам событие. Никогда ранее руководство Российской империи не занималось столь серьезно теоретической разработкой своей политики в отношении коренных народов колонизируемых территорий. Целью, которую комитет сделал лейтмотивом своей деятельности, стало стремление во что бы то ни стало «показать горцам при всех случаях, где только дадут они к тому

повод, превосходство господствующего образованного народа над грубыми племенами»[9]. Понятно, что исходя из такой первоначальной предпосылки, комитет не мог в принципе создавать такую систему, которая бы не только соответствовала российским целям и задачам в регионе, но, в конечном итоге, была бы принята и самими народами присоединяемых территорий. Адыги, которые ранее не были подданными никакого государства, естественно не могли смириться с таким положением вещей, когда в их родной стране им отводилась роль второсортного народа.

У кавказских генералов, всегда с большой долей скепсиса смотревших на попытки мирными средствами решить проблему присоединения Северо-Западного Кавказа, складывалось совершенно иное мнение о путях решения поставленной задачи. По словам графа И.Ф. Паскевича, сменившего А.П. Ермолова на посту кавказского наместника, «цель правительства в отношении горцев, населяющих Кавказ, состоит в том, чтобы, водворив общее и частное спокойствие между этими полудикими племенами, сделать их мирными и полезными Е. И. В. подданными и вместе оградить безопасность сопредельных русских земель»[10].

Традиционным союзником России в ее борьбе с адыгами являлись распри, вражда и междоусобные конфликты, которые постоянно вспыхивали в их среде. Военное вмешательство России во внутренние дела Черкесии привело к усилению раскола внутри адыгского общества. Появились разные ориентации. Потомственное дворянство, утратившее свои прежние позиции в результате общественно-политического переворота, стремилось к сотрудничеству с царизмом. С помощью России адыгская феодальная знать надеялась взять верх в междоусобных войнах и восстановить свои позиции. Царское правительство в свою очередь, оказывая поддержку феодальной знати, рассчитывало приобрести в

качестве своего сторонника наиболее могущественную социальную силу, которая за такую «услугу» вынуждена была бы согласиться с включением адыгских земель в сферу Российской империи. По распоряжению императора Николая I адыгским дворянам присваивались офицерские звания, выплачивалось постоянное жалование из царской казны, вручались награды и подарки. Однако эти расчеты оказались несостоятельны. «В ходе покорения Северо-Западного Кавказа царское правительство, не разбираясь в особенностях социального устройства адыгов, взяло под свою опеку значительную часть адыгских князей и дворян, оттолкнув старшин шапсугов, абадзехов и натухайцев»[11]. В итоге царизм противопоставил себе абсолютное большинство шапсугских, натухайских и абадзехских крестьян во главе со старшинами и, тем самым, не сумел достичь поставленной цели, так как адыгское дворянство, в этих этнических группах в результате демократического переворота в конце XVIII в. лишенное своих прежних привилегий, не представляло собой политически влиятельную силу.

Старшины «демократических» племен, от которых отвернулось командование русской армии, были поставлены в затруднительное положение. С одной стороны, феодальные устремления старшин вызвали широкое недовольство масс. С другой стороны, положение старшин осложнялось желанием феодалов восстановить свои былые привилегии. Испытывая давление со стороны тфокотлей, а также обеспокоенные восстановлением феодалов в правах с помощью царизма, старшины предприняли попытку объединить адыгов в борьбе с Россией и найти поддержку в этом у иностранных государств. В январе 1831 г. на р. Адагум было устроено общее собрание старшин шапсугского и натухайского племен, на котором была предпринята попытка согласовать меры сопротивления. При обсуждении вопроса политического положения адыгов старшины заявили, что никто не защитит их, а потому необходимо

искать защиты в собственном мужестве. Это было подтверждено шапсугскими депутатами, вернувшимися из Константинополя. Они объявили, что «турецкое правительство навсегда отказалось от черкесов и оно будет принимать черкесов, не желающих покориться России, на переселение в Турцию»[12]. После такого заявления начались острые дискуссии. Собрание разделилось на две партии. Часть уполномоченных старшин высказались за переход под протекторат России.

Другие и слышать об этом не хотели. В итоге «с расстроенными мыслями и не решив важного политического вопроса адыги разошлись со своего собрания»[13].

Возрастающее сопротивление адыгов создавало серьезную угрозу безопасности русского государства в бассейне Черного моря. Поэтому наряду с организациями военных экспедиций в земли адыгов российские власти стремились образовать вокруг народов Северо-Западного Кавказа своеобразный вакуум с тем, чтобы они не имели возможности сообщаться с другими державами. Задача виделась настолько важной, что был подготовлен целый комплекс мероприятий, направленных на исполнение задуманного. В качестве одной из мер предлагалось ввести на постоянной основе крейсирование вдоль берега моря кораблей российского Черноморского флота. Они должны были не допускать проникновения турецких кораблей к берегу, их заходу в бухты. Кроме этого предусматривалось строительство на самом берегу цепи укреплений. Данная мера рассматривалась в правительственных кругах как важнейшее условие утверждения в Черкесии. В «Проекте покорения Кавказского края» генерал Розен подчеркивал, что «…завладев морским берегом от устья Кубани на 300 верст, мы стесним самые демократические общества горцев, республиканский дух которых, досель противоборствовал распространению нашей власти. Строительство укрепленной береговой линии я полагаю необходимым…»[14]. Строительство Черноморской

береговой укрепленной линии началось с создания в 1831 г. небольшого укрепления в Геленджике. С этого времени собственно и начинается систематическое покорение горцев, населявших восточный берег Черного моря. Затем «были устроены на берегу моря в 1837 г. укрепления Новотроицкое и Михайловское, в 1838 г. – Тенгинское на Шапсухо и форт Вельяминовский на р. Туапсъ и в 1839 г. укрепления на Субаши и Псесопсепъ, названные фортами Головинским и Лазаревским»[15]. Таким образом, лишив адыгов возможности иметь любые связи с внешним миром, российское руководство считало возможным добиться от них в скором времени полнейшей покорности. Используя меры подобного рода, российское руководство стремилось поставить Черкесию в полнейшую политическую изоляцию[16].

Существовали и иные причины, обусловившие применение подобных мер. Для русских никогда не было секретом, что горцы большую часть необходимых им товаров и предметов получали из-за границы через турецких купцов. «Сношение горцев с турками, доставляющими им пули, порох и разные мануфактурные товары одна из главнейших причин непокорности их…»[17]. Это обстоятельство могло быть использовано российскими военными. Лишенное возможности удовлетворять свои самые необходимые потребности «береговое население само будет искать сближения с нами»[18]. «Если мы будем снабжать горцев нужными для них произведениями, то они будут в совершенной от нас зависимости»[19].

Для этого периода было характерно достаточно условное деление адыгов на «мирных» и «немирных». «Трудно определить с точностью, что такое мирные горцы. Они отличаются от немирных только тем, что приезжают к нам, говорят с нами, имеют дело с русскими и считают себя вправе требовать от них всяческих услуг. Даже выгоды торговли, которыми они пользуются от нас, нисколько не обязывают их жить с нами мирно»[20]. Особую тревогу кавказского командования вызывала практика

сотрудничества между так называемыми «мирными» и «немирными» черкесами. Это было слабым местом в политике в отношении коренных народов присоединенных земель. «Партии разбойников всегда имели пристанище в селениях по Кубани расположенных, коих жители служили им лучшими провожатыми. Точно также живущие на Кавказской линии черкесы, выселившиеся на земли Черноморские, по родственным связям и единоверию участвуют в злодеяниях»[21]. Многие русские офицеры понимали, что практика разделения коренных жителей региона на «мирных» и «немирных» была несовершенной, она не имела будущего. Генерал-майор Пулло в «Записке о положении дел на левом фланге Кавказской линии и о мерах необходимых к упрочению власти российского правительства над горцами» свидетельствовал о том, что «горские общества по спискам считались мирными, но такая покорность приносила нам более вреда, нежели пользы. По их понятиям она была не что иное, как временный договор, заключенный с сильнейшим неприятелем, но отнюдь не препятствовала мирным производить набеги в наши пределы и в особенности давать пристанище и проводников всем партиям, собравшимся для враждебных против нас действий»[22].

Старшины «демократических» племен, находившиеся в оппозиции России, выработали даже определенную систему наказаний для лиц, имеющих связи с «противной» стороной. В донесении Командующему Черноморской линии генерал-лейтенанту Малиновскому в марте 1835 г. сообщалось о том, что «шапсугские и натухайские старшины собрались на речке Шебжи и с общего согласия между собой решили, что ежели, кто осмелится приехать к российским пределам с каким-либо известием или по какой другой надобности, то поймавший его имеет право отобрать от него в пользу свою то, что при нем будет находиться и представить виновного куда следует для взыскания с него штрафа 600 рублей в пользу шапсугского и натухайского обществ за то, чтобы они вовсе не ездили к

пределам нашим, а мирных черкес, приезжающих туда по своим надобностям, арестовывают»[23].

Следует отметить, что командование царской армии не оставляло попытки «убеждения горцев к изъявлению добровольной покорности»[24]. В официальной переписке кавказского командования с Петербургом постоянно встречаются сообщения о растущей роли старшинства у шапсугов, абадзехов и натухайцев. Командированный в 1837 г. на Северо-Западный Кавказ Хан-Гирей в записке военному министру графу А.И. Чернышеву отмечал, что «в социально-политическом устройстве адыгских народов существует различие, а именно: племена, состоящие под управлением князей и дворян и обитающие на северных равнинах; и племена, не признающие над собой никакой власти, имеющие правление похожее на демократическое или народное. Племена, имеющие народное правление, или так сказать демократическое, не признают власти дворянства в них обитающего, повинуются лишь своим старшинам. Следовательно, не с дворянством преимущественно должно иметь дело, а с народом»[25].

Признавая авторитет старшин среди горцев, российское руководство обращалось к ним со специальными воззваниями. В частности командующий Черноморской кордонной линии генерал Г.А. Рашпиль в обращении к старшинам говорил: «Могущество России вам известно – Великий и Всемилостивейший Государь щедро награждает заслуги своих подданных. Вы видите это на собственных своих единоверцах. Вы опытные старшины общества! Вникните и сравните беспристрастно настоящее Ваше положение с несметными и огромными силами и средствами России. Рассмотрите сами, сколько Вы собственно для себя и обществ Ваших извлекли выгод. Повинуясь нашему Государю, собственность Ваша была бы ограждена могучим правителем. Вы вкусили бы удобства обильной и спокойной жизни, нашли бы защиту против

врагов Ваших. В домашнем же быту торговлею, устранили бы от себя многие лишения и приобретали бы от нас выгодно все Вам необходимое. Таким образом, живя мирно и дружно с каждым днем, упрочивая более и более взаимное к себе доверие, весьма скоро возвысилось бы довольство, благоденствие и благосостояние ваше»[26].

В 1837-1839 гг. началось новое продвижение царских войск вдоль Черноморского побережья Черкесии. Основной удар наносился по натухайцам. «Разоренный натухайский край, – писал Л.М Серебряков, лишит все прочие племена значительного пособия… непокорные горцы потеряют самую плодородную часть своих земель, и многолюдное народонаселение в горах должно будет чувствительно стеснять прибытием изгнанников»[27]. С этой целью царское командование организовало ряд систематических экспедиций в земли натухайцев. «Движение, совершенное по земле натухайцев, имело на них то влияние, что они освоились с мыслью невозможности достичь иным путем безопасности и покоя. В бывшем собрании в Кетлемиштъ старшины склонялись к даче присяги и аманатов»[28]. В Новороссийске состоялась встреча вице-адмирала Л.М. Серебрякова со старшинами натухайского народа. Во время переговоров депутаты выдвинули ряд требований: «Что бы не отнимались от них луга и пахота; чтобы навечно оставались за натухайским народом земли, им ныне занимаемые; чтобы возвращали им бежавших их крестьян; виновный против своего общества не должен иметь у нас убежища, а выдан немедля старшинам»[29]. Однако одним из главных требований было сохранение традиционных институтов общественного управления. В письменном обращении к командованию царской армии натухайцы заявили, что «на состоявшемся совещании старейших почетнейших лиц нашего народа с общего согласия определено, что для установления общественного порядка и безопасности общин, назначить по несколько почетнейших благонадежных лиц из каждого аула, которые силой данной

им власти, при содействии вашего Начальства, обязаны будут заботиться о благосостоянии вверенной им общины, защищать слабых и преследовать возмутителей порядка, а перед высшим Начальством эти избранные народом старшины должны отвечать за свою общину»[30].

Руководство России готово было идти на определенные уступки. В частности на предложение старшин натухайцев был дан положительный ответ. Царские чиновники сознательно решили воспользоваться этой исторически благоприятной возможностью сближения адыгов с Россией. Старшинам мирных черкесских аулов выдавали различные «охранные листы» и «билеты» «на тот предмет, чтобы при проходе войск мимо их аулов и их стад не было делаемо им притеснений и грабительства»[31]. Так, в 1836 г. старшинам аулов, расположенных на речках Псекупсе, Супъ, Иликъ, Онаубатъ, Чибий и Цахъ были выданы охранные листы. «Старшинам было приказано при следовании войск через их аулы выехать навстречу и проводить через принадлежащие им земли»[32].

В 40-х гг. XIX вв. в высшем руководстве российского государства преобладала идея бесперспективности дальнейшего продолжения активных наступательных действий на Северо-Западном Кавказе. Вся политика правительства подверглась серьезным изменениям. Русские войска перешли в стратегическую оборону в войне с адыгами[33]. Стоило только русским войскам прекратить активные наступательные действия, как со стороны адыгов последовали точно такие же действия, что в конечном итоге благоприятно сказалось на стабилизации обстановки на левом фланге Кавказской линии. Показательным является пример изъявления покорности рода Ачмезъ, принадлежащего шапсугам. «Если ранее постоянное старание водворить дружественные отношения с закубанскими народами, и в особенности с шапсугами, до сих пор не имели желаемого успеха и переговоры, производимые с уполномоченными этого народа, обыкновенно оканчивались ничем, то ныне генерал-

лейтенанту Н.С. Заводовскому удалось войти в мирные отношения с родом Ачмезъ, которое считается многочисленейшим и сильнейшим не только между шапсугами, но и между натухайцами и убыхами. Число этого рода состоит до пяти тысяч дворов, находящихся на реке Убинъ и Иль и еще две тысячи дворов живущих между натухайцами и убыхами»[34]. Они прислали своих уполномоченных, 109 почетных старшин, которые от лица всего рода присягнули в верности российскому императору и обещали не участвовать ни в каких вредных против русских войск предприятиях. Со своей стороны командующий Черноморской кордонной линии обещал присягнувшим старшинам не разорять их аулы во время движения армии за Кубань. В заключение генерал-лейтенант Н.С. Заводовский «просил ходатайствовать почетнейшим старшинам из числа присягнувших Ачмезовъ Гачемафу и Магметъ Гажи чины прапорщиков с жалованием по 200 рублей серебром. Гачебш и Таумезъ Ачмезам подарки в 500 рублей ассигнациями каждому и Тлазеусе и Лептегачъ Ачмезам единовременно по 200 рублей серебром каждому для отличия их преданности и для поощрения других»[35].

Разрабатывая общие схемы управления в отношении вновь присоединенных народов, российские власти стремились решить две основные задачи: во-первых, создание определенной общественно-административной системы, которая была бы способна поддерживать правопорядок в адыгском обществе, во-вторых, включение адыгов как субъекта Российского государства в общегосударственную систему и приобретения ими всех прав и обязанностей российского подданного.

На этом этапе высказывались предложения о создании на Северо-Западном Кавказе автономного образования с особым управлением. Управление горцами было сосредоточено в Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса, а при штабе командующего войсками была учреждена особая канцелярия для управления мирными горцами[36].

Создавая специальные органы управления, руководство российской империи стремилось сочетать два начала. С одной стороны, в органах управления должны были в обязательном порядке состоять царские офицеры, а с другой стороны, предусматривалось участие представителей коренных народов. Управление каждого народа вверялось приставам, которые избирались преимущественно из русских офицеров, знакомых с обычаями и характером горцев, «но для племен известных своеволием и дикостью нравов избирались в пристава благонадежные и достойнейшие из горцев»[37]. Для управления деревнями назначались старшины по выбору обществ и утверждению пристава. «Незначительные спорные дела представлены по обычаю решению старшин; им также предоставлялось право определять наказание за маловажные проступки. Более важные случаи решались при посредничестве пристава. За уголовные преступления виновные предавались военному суду… Старшины управляли селениями по местным обычаям и обязаны иметь в них полицейский надзор»[38]. Таким образом, институт старшин, с одной стороны, продолжал оставаться традиционным адыгским общественным институтом управления, с другой, был узаконен российской администрацией.

Известно, что особую роль в дестабилизации ситуации в рассматриваемом регионе играли иностранные державы, которые использовали освободительное движение адыгов, с тем, чтобы не допустить усиления влияния России на Северо-Западном Кавказе. «Недоразумение горцев относительно настоящих видов европейских держав по делам Кавказа не раз удерживала их от исполнения намерений прекратить враждебные действия против России»[39]. В октябре 1843 г. в «демократических» племенах состоялся совет старшин. Цель съезда состояла в том, чтобы принять решительные меры и выйти из этого затруднительного положения, в котором оказались адыги. Собрание

изъявило готовность покориться России, но главным препятствием к окончательному принятию решения было возражение некоторых старшин. Не отвергая этой меры, они заявили, что «не могут преступить к изъявлению покорности пока не удостоверятся в том, что турецкий султан, коего они в таких случаях обыкновенно называли своим законным государем, не даст им помощи и защиты против русских»[40]. Совет решил послать от себя почетных людей в Константинополь «дабы узнать положительно о намерениях турецкого правительства»[41]. Вскоре старшины во главе с Гаджи Берзеком от имени своих соплеменников просили генерала А.И. Будберга содействия в отправлении посланных.

Как уже ранее говорилось, царские генералы стремились использовать любую возможность для того, чтобы убедить горцев в бессмысленности дальнейшего сопротивления России. «Российское руководство признавало весьма полезным, для видов своих на Кавказ, доставить почетнейшим горцам случай от правительственных лиц Порты Османской удостовериться в том, что турецкий султан уступил России права свои на племена восточного берега Черного моря. По возвращении из Константинополя старшин черкесских, сделавшись известными не только в западной части Кавказа, но и в восточной, могли бы уничтожить одно из постоянных средств обольщения, к коему прибегают все зачинщики мятежа на Кавказе»[42]. Это было довольно примечательное по тем временам событие, поскольку никогда ранее адыги не обращались с подобной просьбой к российскому руководству. Организовать демонстративную посылку в Константинополь «горской делегации» было поручено военной администрации на Кавказе. Первым делом посланнику В. Титову в Константинополе было поручено войти по этому вопросу «в дружеские объяснения с турецкими министрами и если они дадут положительное обещание, что горцы не должны ожидать себе помощи от Турции», то в этом случае разрешить отправление старшин[43]. Было решено

ограничить число депутатов двумя от каждого из четырех главных народов, то есть шапсугов, абадзехов, натухайцев и убыхов, «для того чтобы большим числом посланных не предать в Константинополе всему делу излишней важности и торжественности»[44]. Адыгам предлагалось провести выбор депутатов не на общем собрании старшин всего племени, а на сборе старшин каждого общества. «Известно с какою медлительностью приступают горцы к таким общественным решениям. Если бы пришлось ожидать общего сбора старшин от всего племени, то намерение это пришлось бы отложить на неопределенное время»[45]. Согласно предписанию военного министра Г.А. Чернышева выбор депутатов должен был соответствовать важности их назначения. Они должны были принадлежать к числу самых влиятельных старшин. Они обязывались, что «по возвращении в горы передадут своим единоземцам отзыв турецких министров верно и добросовестно»[46]. В рапорте генерала Нейдгарта сообщалось, что «на содержание 8 депутатов было назначено на каждого по червонцу в сутки. Но поскольку по народному обычаю посланные должны были по возвращении сделать подарки некоторым родственникам, то каждому из 8 депутатов было представлено по 40 червонцев. Сверх этого на двукратный переезд всех этих лиц на частных пароходах от Керчи до Одессы, от Одессы до Константинополя, и обратно, потребовалось до 600 червонцев. Всего же издержка на это будет простираться до двух тысяч червонцев»[47].

В то время как российское руководство занималось организацией депутации от кавказских племен, в Константинополе уже находились доверенные лица адыгов, «прибывшие в столицу Турции для испрошения помощи в враждебных против России действиях»[48]. «Очевидно, что находящаяся в Константинополе депутация не имеет ничего общего с той депутацией, которую горцы по уверению убыхского старшины Хаджи-Берзека желают послать в столицу Турции для удостоверения в настоящих

видах турецкого правительства»[49]. В секретном донесении В. Титова сообщалось, что «в числе таковых лиц, прибывших в Константинополь, значатся натухайские старшины Зази-Оглу-Алибей и Мусеметъ Харзекъ, Мирза Ордена из Абазы и Ахмет-бей (шапсуг)»[50]. Вскоре «с многочисленными бочонками пороха при содействии турецких сановников достигнув Синопа, а оттуда пробравшись на восточный берег Черного моря, они вновь начали волновать народ»[51].

В условиях возникающих разногласий между адыгами, кавказское командование окончательно убедилось в том, что с помощью «примирительной системы» им не удастся добиться лояльности и покорности черкесов. Гораздо удобнее было воевать с ними и насильственными мерами вынудить переселиться за границу. Командующий войсками Кубанской области Н.И.Евдокимов писал: «Переселение горцев в Турцию без сомнения составляет важную государственную меру, способную окончить войну в кратчайший срок без большого напряжения с нашей стороны»[52]. Официальное выселение черкесских племен было начато в 1862 г., когда 10 мая было принято постановление Кавказского комитета, согласно которому «прежде всего был поставлен вопрос о переселении абадзехов и шапсугов»[53]. Старшины «демократических» племен, предвидя неизбежность поражения, просили дать возможность переселиться в Турцию. Удаляясь в пределы Турции, старшины «используя вековые обычаи и традиции подчинения старшим и влиятельным лицам», стремились склонить к переселению как можно большее число адыгов, что позволило бы им сохранить свои права и привилегии за пределами Черкесии[54]. Серьезное значение в этом деле приобретало наличие родственных отношений, поскольку «у адыгов и других кавказских народов наблюдались и еще сохраняются очень сильные родственные связи, движение это действует как поветрие. Идет один, за ним идет его родственник и так далее»[55]. Влияние старшин на

адыгов Северо-Западного Кавказа было столь велико, что это позволило им увести за собой большую часть представителей «демократических» племен в пределы Турции. В итоге Северо-Западный Кавказ был не только завоеван, но и очищен от прежнего довольно большого населения.

При разработке концепции колонизации Северо-Западного Кавказа одним из основных вопросов, на который необходимо было ответить российскому правительству, являлся вопрос о дальнейшей судьбе его народов. Сразу же необходимо подчеркнуть, что российские власти почти никогда всерьез его разрешением не занимались. Общепризнанным было мнение о том, что первоочередной задачей является присоединение территории, а затем уже вопрос о коренном населении разрешится сам по себе. Однако, столкнувшись во время колонизации с отчаянным сопротивлением «демократических» племен, российские власти оказались во многом не готовы к подобному развитию событий. Применялась и тактика «умиротворения», и тактика «устрашения».

В течение всего рассматриваемого периода разрабатывались проекты и предложения, призванные как-то упорядочить политику России в отношении «демократических» племен, сделать ее более осмысленной, четкой. В частности, высказывались предложения о создании на Северо-Западном Кавказе автономного образования с особым управлением. Разрабатывая общие схемы управления коренным населением, русские власти не спешили упразднять местные, исторически сложившиеся формы управления. В народах с демократической формой общественной организации ставка была сделана на институт старшин. Адыгам предлагалось ввести на постоянной основе народный суд в каждом племени. Он должен был состоять из почетных старшин избранных жителями из каждой фамилии. Согласно функциям, определенным российским правительством, старшины должны были осуществлять контроль над адыгскими общинами.

Таким образом, институт старшин, с одной стороны, продолжал оставаться традиционным общественным институтом управления, с другой стороны, был включен в административную систему Российского государства. Необходимо заметить, что в основе политики российского руководства лежали сугубо прагматические соображения. Главное, и об этом уже говорилось ранее, заключалось в стремлении осуществить завоевание Северо-Западного Кавказа, затратив на это как можно меньше сил и средств. Однако в Санкт-Петербурге часто выдавали желаемое за действительное и поэтому не хотели признавать очевидный факт, что столь резкое неприятие со стороны «демократических» племен вызывают не частные действия русских войск, а вся политика России в данном регионе. Поэтому на завершающей стадии присоединения для российского руководства стало очевидным, что окончательное решение проблемы покорения края можно осуществить лишь инициировав массовое переселение адыгов за границу. Политика России по отношению к «демократическим» племенам прошла не простой путь от призывов к проявлению терпимости к адыгам, до провозглашения курса на массовую их депортацию на заключительном этапе войны.

Примечания:

1 Фадеев Р. А. Письма с Кавказа к редактору московских ведомостей. СПб., 1865. С.9.
2 Дегоев В.В.Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001. С.66-67.
3 Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIXС в. Майкоп, 1994. С.241.
4 Бижев А.Х.Указ. соч. С.188.
5 Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, 1835, 1836, 1837 и 1838 годах. Черкесск, 1994. С.5-6.
6 Боденштедт Ф. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии (путевые записки и гл. из кн.). М., 2002. С.87.
7 Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М., 1874. С.41.
8 АКАК. Тифлис, 1878. Т.YII. С.887.
9 РГВИА. Ф.ВУА. Д.6228. Л.23.
10 АКАК. Тифлис, 1878. Т.YII. С.902.
11 Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половины XIX в. Краснодар, 1989. С.301.

[12] Короленко П.П. Записки о черкесах (Материалы по истории Кубанской области) // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1909. Т.14. С.329.
[13] АКАК. Тифлис, 1873. Т.VII. Д.2485.
[14] РГВИА. ВУА. Д.6293. Л.23об.
[15] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6382. Л.5об.
[16] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6322. Ч.1. Л.25об.
[17] РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.243. Л.9об. Рапорт корвета Мессеврия Командующему кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанту А.А. Вельяминову от 16 июля 1835 г.
[18] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6245. Л.16об. Проект Инструкции Командиру отдельного Кавказского корпус для предпринятия экспедиций в западной части Кавказа против необузданных племен абадзехов, шапсугов, натухайцев и других с нами соседственных от 25 ноября 1832 г.
[19] Фелицын Е.Д.Описание восточного берега Черного моря, составленное в 1839 г. генералом Н.Н. Раевским (Материалы для истории Кубанской области, собранные Е.Д. Фелицыным). Екатеринодар, 1902. С.10.
[20] Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т.II. С.576.
[21] ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.33. Л.3. Рапорт войскового атамана Матвеева генералу А.П. Ермолову от 6 августа 1820 г.
[22] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6438. Л.5об.
[23] РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.243. Л.3.
[24] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6282. Л.84.
[25] РГВИА. Ф.405. Оп.6. Д.2176. Л.187-203об.
[26] ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.682. Л.4.
[27] ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.2585. Л.75об-76.
[28] ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.1196. Л.25. Рапорт генерал-майора Дебу Начальнику Черноморской береговой линии Л.М. Серебрякову.
[29] ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.1196. Л.127-128.
[30] ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.1196. Л.110об. Перевод учителя Новороссийской Азиатской школы коллежского ассесора Кунь.
[31] ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.434. Л.2.
[32] ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.434. Л.11. О выдаче охранных листов командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории А.А. Вельяминовым черкесам закубанских аулов.
[33] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6464. Л.11об.
[34] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6437. Л.3. Выписка из журнала: Военных происшествий случившихся на Кавказской линии и в Черномории от 25 января 1842 г.
[35] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6437. Л.3об.
[36] РГВИА. Ф.38. Оп.7. Д.68. Л.1.
[37] РГВИА. Ф.38. Оп.7. Д.68. Л.2об.
[38] РГВИА. Ф.38. Оп.7. Д.68. Л.4об.
[39] ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.390. Л.31.
[40] ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.390. Л.30.
[41] ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.390. Л.31.
[42] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6485. Л.26-26об.
[43] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6485. Л.17-17об.
[44] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6485. Л.56.
[45] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6485. Л.56об.
[46] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6485. Л.18.

[47] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6485. Л.58.
[48] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6485. Л.11.
[49] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6485. Л.13.
[50] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6485. Л.74об.
[51] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6485. Л.75.
[52] АКАК. Тифлис, 1904. Т.XII. С.1009.
[53] АКАК. Тифлис, 1904. Т.XII. С.1006.
[54] Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XYI-XIX в. М., 1958. С.121.
[55] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. С.205.

Л.Д. Федосеева

Меновая торговля с горским населением на восточном берегу Черного моря в первой половине XIX в.

Начиная с конца XVIII в. в связи с заселением русскими правобережья Кубани наступает новый этап в русско-адыгских отношениях. Этот этап характеризуется развитием торгово-экономических и культурных связей адыгов с русским населением Прикубанья.

С момента поселения Черноморского казачьего войска на Кубани между русским населением и адыгскими субэтносами начался оживленный торговый обмен. Предпосылками его были, с одной стороны, стремление массы свободного горского населения получать русские товары за счет сбыта своих изделий и продуктов, с другой стороны, потребность русского населения Черноморья в горских товарах, в том числе и в хлебе, в первые десятилетия после переселения Черноморского казачьего войска на Кубань.

Адрианопольский договор 1829 г. создал условия для развития горско-казачьей торговли на Черноморском побережье и вытеснения из этого региона турецкой торговли. Спустя несколько месяцев после взятия русскими войсками в 1828 г. крепости Анапы, началась торговля между гарнизоном и окрестным населением. В предписании атамана Черноморского казачьего войска А. Д. Бескровного говорилось: «По окончании переговоров, происходивших с натухайским простым народом, заключение с ним мирных условий и взятии аманатов,… предлагаю открыть с ними мену у полевых ворот Анапской крепости, которую производить два раза в неделю в понедельник и в четверток. – О чем от меня объявлено мирному натухайскому народу, а Вы объявите о том российским купцам с тем, чтобы они, кто пожелает вывозили на место

мены соль и прочие товары».[1]

В 1830 г. были приняты временные правила для меновой торговли в Анапе.[2] Царское правительство понимало, что взамен утраченных горским населением так необходимых им турецких товаров, оно должно было организовать снабжение их русской продукцией. В своем отношении к М. С. Воронцову от 3 июня 1830 г. тайный советник Родофиникин отмечал, что меновая торговля в Анапе развивается неудовлетворительно, указывал на сохранение османской контрабандной торговли и тут же подчеркивал, что для развития торговли горцев в Анапе «…желательно, чтобы они находили в означенном городе достаточное количество оных, которое могло бы вознаградить для тех народов невольное лишение способов торговать с турками».[3] Родофиникин предлагал привлечь к торговле с адыгами на Черноморском побережье русских промышленников. В рапорте Кодинца в Азиатский Департамент Министерства иностранных дел от декабря 1831 г., также говорилось об упадке меновой торговли в Анапе. Он просил открыть мену с горцами в Великолагерном и Славянском меновых дворах.[4]

После создания русских укреплений на восточном берегу Черного моря их гарнизоны начали меновую торговлю с горским населением. Русские купцы из Феодоссии в начале 30-х гг. XIX в. просили Керчь-Еникольского градоначальника разрешить им осуществлять торговлю с адыгами в Пшаде и других пунктах северо-восточного берега Черного моря. Градоначальник обратился к наказному атаману Черноморского казачьего войска Н. С. Заводовскому о возобновлении торговли с горскими народами, живущими по восточному берегу Черного моря: «По ходатайству моему у господина министра финансов о возобновлении торговых сношений с черкесами и абазинцами по восточному берегу Черного моря от Анапы до Сухум-Кале, … его сиятельство входил с представлением в Комитет господ министров.»[5] Согласно представлению

графа Воронцова по этому вопросу, 17 декабря 1835 г. последовало высочайшее повеление впредь до издания нового положения о порядке торговых сношений с горскими народами по восточному берегу Черного моря:

«1. …дозволить отправление купеческих судов только в такие места по сему берегу, в коих находятся российские войска.

2. Наблюдение за черкесскою торговлею возложить на Керченского градоначальника под ведением новороссийского генерал-губернатора.

3. Во всех прочих отношениях оставить сию торговлю на основании высочайше утвержденных 10 октября 1821 г. правил и высочайшего указа 13 марта 1835 г.».[6]

После выхода этих правил торговля с горцами сохранялась в прежних размерах, так как ее развитию препятствовало разрешение купцам торговать только в тех местах побережья, где были расположены войска России. К тому же царскими властями контролировались лишь немногие пункты северо-восточного берега Черного моря: Сухум-Кале, Бомберы, Пицунда, Гагры и Геленджик, а купцы указывали на необходимость разрешения торговли в Пшаде, Вулане, Суджук-Кале, Туапсе и других. Большое количество удобнейших для торговли мест населенного адыгами Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа находилось вне контроля царских властей. Из 25 пунктов побережья от Анапы до Редут-Кале, через которые можно было иметь свободные связи с горцами, лишь в пяти пунктах, как указывал М. С. Воронцов, могли отправляться купеческие суда из России.[7]

Этим положением довольно успешно пользовались османские контрабандисты. Они вели контрабандную торговлю солью, порохом, свинцом, мануфактурой, невольниками с Турцией. В отношении к барону Г.В. Розену от 12 августа 1832 г., граф Нессельрод сообщал: «…Издревле на восточном берегу Черного моря от Анапы до границы Гурии,

производим был торг невольниками; со времени присоединения того края к Империи Российской торг сей существовать не может».[8] В обязанность военных крейсеров входило задерживать все суда как контрабандные, которые вели торговлю в таких пунктах, где нет ни карантинных, ни таможенных учреждений. Эти суда предписывалось, в силу действующего закона, отводить в наши порты. Согласно высочайшего указания, если среди задержанных судов оказались суда с невольниками, то «…из сих: взрослых, помнящих родство, возвращать на родину, а малолетних обоего пола, родства не помнящих, отдавать в ближайшие приказы общественного призрения».[9] По ходатайству графа М. С. Воронцова в 1836 г., для нанесения удара по контрабандной торговле, последовало высочайшее разрешение русским купцам «на собственный их риск, согласно их заявлений, производить торговлю хотя в Пшаде».[10]

Данное разрешение производить торговлю с горцами на Черноморском побережье имело большое значение, потому что предусматривалась беспошлинная торговля с ними. В качестве комиссаров для посредничества в торговле с горцами, по мнению Г. В. Розена, можно было использовать чиновников Тауша и Люлье, хорошо знающих язык и обычаи адыгов.

Так как торговля с адыгами осуществлялась в основном меновым способом, русские купцы недостаточно часто посещали берега Кавказа. В связи с этим в 1836 г. генерал А. А. Вельяминов предложил устроить при береговых укреплениях постоянные торговые лавки, создать склады для товаров, принадлежащих этим купцам.[11]

Царское правительство разрешило русским купцам частную торговлю с горцами на Черноморском побережье Кавказа. Надо отметить, что русские вольнопромышленники, и среди них крепостные крестьяне, поддерживали оживленные торговые связи с адыгами. Стремление горцев к торговле с Россией было столь велико, что в середине 30-х гг. XIX в.

прибрежные жители возили свои товары из Псезуапе и других мест через все Закубанье на продажу в Екатеринодар.[12] Екатеринодар стал центром оживленного товарного обмена, привлекая к себе большое количество местного казачьего населения, торговцев из внутренних губерний и закубанских черкесов с их товарами.

В 1834 г. через Екатеринодарское карантинное отделение, как на правый берег Кубани, так и за Кубань было пропущено большое количество товаров.[13]

В этом же году через Усть-Лабинскую карантинную заставу было пропущено за Кубань: 467 штук холста, ситцу, полотна, нанки, 6 кож, 3858 пудов 30 фунтов соли. Кроме того, жителями Усть-Лабинска «перепущено на закубанскую сторону» денег 1503 руб. 20 коп., хлеба печеного 4 пуда 28 фунтов, булок на 3 руб. 10 коп., лошадей 17, быков 20. Привезли горцы через Усть-Лабу в 1834 г. следующие товары: 438 пудов меду, воску, сала, масла, лошадей 24, рогатого скота 216, шкур 3592, кож 1298, бурок 3, арб 48, хворосту 18 сажен, вил 284, ободьев 270, груш и яблок 1446 мер.[14]

Особенностью русской торговли с горцами, начиная с 1834 г., стала возрастающая роль денег, на которые горцы уже покупали русские товары. Исходя из вышеизложенного видно, что на Екатеринодарском меновом дворе они уплатили за часть купленных ими товаров 7932 руб., а на Усть-Лабинской карантинной заставе – 1503 руб. 20 коп. Поэтому в отчетах смотрителей меновых дворов, начиная с 1835 г., появляется новая специальная графа «продано горским народам на наличные деньги».[15] Так русские деньги постепенно начинают играть все более значимую роль в горской торговле.

Многие адыги проявляли стремление к торговле. Так, подвластные владетельному ворку Тимиргойского владения Карбичу Ахметукову «черкесы Мишавост Хатук, Гасан Темрюк и Неик Дахут,- как сказано в рапорте инспектора Екатеринодарской карантинной конторы А. П. Пулло

командующему Черноморской кордонной линии Малиновскому,- имеют желание прибыть в город Екатеринодар на будущую первого октября покровскую ярмарку, почему просят принять их для очищения в Редутский карантин, и пропустить в Екатеринодар, с имеющимися у них товарами».[16] С подобными просьбами к Пулло обращались хамышевский дворянин Байлан Кулуков, дворянин Хотовзук Батук, закубанский Бей Шеретлук Гадемук, дворяне Дадурук Бжегак и Наурза Шумнух.[17] Это подтверждает стремление горцев иметь мирные сношения с русскими и вести с ними торговлю.

Говоря о развертывании горской торговли, надо отметить появление на русских меновых дворах, ярмарках мелкого адыгского купца, который все более энергично начинал заниматься торговлей. Описи товаров позволяют судить о масштабе этой торговли. Ведомости о товарах, ввезенных в Черноморию от горских народов через Екатеринодарский карантин с 28 марта по 4 апреля 1834 г. «простым черкесом», подвластным прапорщику Шеретлуку Гадемуку, значатся: кож бычьих и буйволовых – 150, лисьих – 21, заячьих – 4, масло тулуков – 6, сало говяжьего – 36. Ворк Хотовзук Батук привез в Екатеринодарский центральный карантин «для очищения» меду – 80 пудов, масла коровьего – 40 пудов, сала говяжьего – 20 пудов, кож овечьих – 40, заячьих – 120, буйволовых – 11, медвежьих – 5.[18]

Таких мелких купцов, постоянно приезжавших с товарами на русские рынки, к концу 40-х годов насчитывалось уже несколько десятков. Общий оборот меновых дворов в 1835 г. выразился в сумме 193811 рубля 68 копеек серебром. Стоимость русского вывоза составляет 76360 рубля 85 копеек. На меновые дворы горцами было привезено своих товаров на сумму 117450 рублей 83 копейки.[19]

Увеличился ассортимент отпускавшихся горцам товаров: шелк, холст тонкий, зеркала, басма, миткаль, сундуки окованные и окрашенные,

вата.[20] Спрос русских покупателей возрос на продукты горского животноводства, охоты, продуктов питания.

К 1839 г. общий оборот меновых дворов увеличился. Через Екатеринодарский карантин русских товаров было пропущено на 100912 рублей 75 копеек, а горцы ввезли своих товаров на 175203 рубля 78 копеек.[21]

В интересах развития внутренней торговли в 1842 г. учреждено войсковыми властями «Торговое общество казаков Черноморского казачьего войска».[22] Оно было создано, чтобы черноморские казаки имели право везде свободно покупать и продавать оптом и в розницу не только продукцию своего края, но и все изделия русских и иностранных мануфактур, заводов и фабрик, разрешенные законами; создавать промышленные предприятия. К числу задач этого общества относилась организация через меновые дворы, базары и ярмарки «мирных» торговых сношений с закубанцами, создание разного рода войсковых промыслов – соляного, рыболовного, кирпичного и других, которые сдавались на откуп и в аренду параллельно, по мере обживания казаками Черномории.

За пять лет с 1841 по 1845 гг. через Екатеринодарский карантин было пропущено горским народом товаров на сумму 125846 рублей 7 копеек, а вывезено «горских произведений» на сумму 143983 рубля 70 копеек.[23]

Из вышеприведенных данных видно, что меновая торговля с горцами в 1845 г. «приняла так же развитие, какого нельзя было и ожидать». С этого года, в связи с разрешением мирным и не мирным горцам посещать Екатеринодарские ярмарки, привозить свои предметы и товары в пограничные станицы, и устройство временных базаров, обороты торговли с горцами на меновых дворах постепенно сокращаются, и почти совсем торговля прекратилась в 1846 г.

В 1846 г. существовали учрежденные по высочайшему повелению с

разрешения командира отдельного Кавказского корпуса на территории Черноморского войска меновые дворы (Екатеринодарский, Редутский, Велико-Лагерный, Мало-Лагерный, Усть-Лабинский, Тенгинский, Темиргоевский, Махошевский) и меновые пункты (Константиновский, Антонов, Батоковский, Совиный, Подгорный, Александровский и Ново-Екатериновский).

С ростом русско-горской торговли становится очевидным несостоятельность войсковой торговой организации в виде меновых дворов, так как войсковая администрация не могла наладить и организовать оптовую закупку русских фабричных товаров из первых рук, а приобретала их у местных торговцев, что естественно, очень сильно повышало их цену.[24] Выход из сложившегося положения виделся войсковой администрации в отдаче меновых дворов в откупное содержание с последующим избавлением от связанных с черкесской торговлей хлопот и неприятностей. Тем более, что откуп должен был дать войску гораздо больший и при этом верный доход.

По предписанию Главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом, 16 июня 1849 г. войсковым правлением был заключен контракт, в виде опыта на 8 лет, с отставным войсковым старшиною А. Л. Посполитаки на принятие им в откупное содержание всех находившихся в Черноморском войске меновых дворов и пунктов на определенных условиях, содержащий 18 пунктов.[25] Посполитаки был одновременно откупщиком винной монополии, рыболовных угодий, соляных промыслов, мануфактурной торговли и почтового дела. Этот крупнейший ростовщик и беззастенчивый делец оказывал давление даже на высшее начальство. Бороться с ним было не по плечу даже и войсковой администрации, а мелкие чиновники и торговцы всецело от него зависели.

Период трехлетней торговой монополии Посполитаки оставил по себе мрачную память. Он не знал удержу и границ своему произволу. Он

выговорил себе право открывать новые меновые пункты, получал кредиты из войсковых сумм, пользовался станичными пастбищами для лошадей и волов своего торгового транспорта, требовал выставления вооруженной войсковой охраны к своим складам.[26]

Пользуясь отсутствием над собой какого бы то ни было контроля, он буквально грабил адыгские племена при обмене. На него стало поступать огромное количество жалоб как от горцев, так и от русского населения. Чтобы смягчить создавшееся положение, недалеко от Екатеринодара у Елизаветинской батарейки был открыт новый меновый двор, который охотно посещали горцы, и на него не распространялись арендные права Посполитаки.

В 1851 г. откупное соглашение Посполитаки потеряло силу, так как меновая торговля с горцами на Кавказе была прекращена и торговые сношения с ними особым правительственным распоряжением были объявлены свободными. Как и следовало ожидать, падение торговой монополии Посполитаки, благотворно сказалось на торговых сношениях горцев с русскими. Горцы снова начали привозить свои товары на русские базары и покупать на них фабричные изделия, соль, скот. В октябре 1852 г. они привезли на Екатеринодарскую ярмарку своих товаров на 11630 рублей серебром, а купили русских товаров на 5337 рублей серебром.[27]

Таким образом, как и прежняя система меновой торговли на базе войсковой монополии, так и откупная система к пятидесятым годам XIX в. были уже не состоятельными. Они не могли противостоять проникновению капиталистического торгового предпринимательства.[28]

Наряду со старыми (меновая) формами торговли, появляются новые – ярмарочная, базарная. Архивные документы освещают такие формы торгово-экономических контактов горских народов с Россией, как откупная система, использование векселей в качестве платежного документа, кредито-ростовщические сделки между русскими и горскими

купцами и предпринимателями, использование русскими купцами широкой сети скупщиков.

Под влиянием постоянно укрепляющихся торговых связей с Россией росли торговые центры Северо-Западного Кавказа, основной базой которых стали военные укрепления и порты (Анапа, Геленджик, Новороссийск, Ейск, Армавир, Усть-Лабинск, Екатеринодар). Они являлись известными и признанными центрами как внешней, так и внутренней, в частности адыго-русской, торговли.

Примечания:

[1] Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) Ф.249. Оп.1. Д.958. Л.105
[2] Полное собрание законов Российской империи(ПСЗРИ). Собр.2. СПб., 1831. Т.5. Отделение 1. С.356-357.
[3] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1875. Т.7. С.891.
[4] АКАК. Тифлис, 1881. Т.8. С.835.
[5] ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1471. Л.1, 10.
[6] Шамрай В. С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с закубанскими горскими народами. С 1792 по 1864 гг. // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1902. Т. 8. С.462.
[7] АКАК. Тифлис, 1881. Т.8. С.643.
[8] Там же. С.850.
[9] Там же.
[10] Шамрай В. С. Указ. соч. С.463.
[11] АКАК. Тифлис, 1881. Т.8. С.644.
[12] Российский государственный военно-исторический архив. (РГВИА). Ф.ВУА. Д.6247. Л.8.
[13] ГАКК. Ф.324. Оп.1. Д.176. Л.47-50.
[14] Там же. Л.9-11.
[15] Там же. Ф.687. Оп.1. Д.91. Л.2.
[16] ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.343. Л.11.
[17] Там же. Д.343. Л.82; Д.376. Л.1, 9, 135, 140.
[18] Там же. Д.376. Л.1, 62.
[19] Там же. Ф.324. Оп.1. Д.215. Л.49-68.
[20] Там же. Ф.249. Оп.1. Д.1478. Л.24, 28, 55, 56, 127, 136.
[21] ГАКК. Ф.324. Оп.1. Д.370. Л.3-4.
[22] См.: Собриевский А. С. Торговое общество казаков в Черноморском (Кубанском) казачьем войске //Кубанский сборник. Екатеринодар, 1898. Т.4. С.21.
[23] Шамрай В. С. Указ. соч. С.392.
[24] ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1451. Л.314.
[25] Шамрай В. С. Указ. соч. С.406.
[26] Покровский М. В. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957. С. 78.

[27] Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т.2. С.606.
[28] РГВИА. Ф.213. Д.57. Л.1-78.

С.А.Лугуев

Традиционный быт, обычаи, обряды и нормы поведения в песенном фольклоре лакцев

Лакцы – одна из коренных народностей, занимающая центральную часть Нагорного Дагестана (Лакский, Кулинский р-ны). С 1944 г. часть их была переселена на плоскость (Новолакский р-н); проживают лакцы и в городах республики. Общая численность – в пределах 120 тыс. человек, в т.ч. в самом Дагестане – около 93 тыс. человек.[1] Говорят на лакском языке.

Фольклор народов Дагестана, выступая как специфическая подсистема в системе традиционной духовной культуры, всегда содержала в себе целый комплекс этнической информации. Не случайно гуманитарные науки уделяют самое пристальное внимание вопросам органической неразрывной связи этнографии и фольклористики,[2] «их способность расширять и сужать поле своей деятельности, защищать друг друга в выполнении очень сходных познавательных функций».[3] Не остались эти проблемы и вне поля зрения дагестанских ученых.[4] Здесь никак не пройти мимо того очевидного положения, что и этнография, и фольклористика своими корнями исходят из одного и того же древнейшего этапа человеческой истории. Являясь носителем бытовой традиции, фольклор не может не составлять части целого, призванного рассматривать, изучать и анализировать традиционно-бытовую культуру народов – этносов. Культура эта, можно сказать, отражается в значительной степени именно в фольклоре, предоставляя этнографии судить со значительной степенью достоверности в отношении отдельно взятого этноса или группы этносов о всеобщем и частном, отдельном и общем, идентичном и схожем, об этнодифференцирующем, специфическом. «Более того, можно без преувеличения сказать, что

фольклор с наибольшей интенсивностью выражает этнические функции культуры, которые особенно и специально интересуют этнографию».[5]

В ходе сбора полевого этнографического материала по темам «Традиционный этикет народов Дагестана» и «Традиционная духовная культура горцев Центрального Дагестана»[6] нами, в частности, были записаны пословицы, поговорки, загадки, плачи, проклятия, произведения детского фольклора и др. В настоящей статье рассматриваются отрывки, куплеты песенного фольклора лакцев, характеризующие отдельные стороны традиционного быта, традиционной культуры этого народа. Представленные нами куплеты, вводимые в научный оборот впервые, записывались, уточнялись, детализировались не одним, а несколькими (от 3-4 до 6-8) информаторами. Материал собирался у лачек – женщин выше среднего и старшего возрастов, уроженец сел. Кумух, Вихли, Унчукатль, Убра и Вильтащи, проживающих как на местах, так и в городах Махачкала, Каспийск и Буйнакск.

Одна из значимых характеристик традиционного семейного быта лакцев – всевластие главы семьи, отца и мужа. В обществе, характеризующимся развивающимися феодальными отношениями со значительными патриархально-родовыми пережитками,[7] это вполне закономерно для лакцев, как и для других народностей Дагестана.[8] Власть главы семьи подчеркивалась даже в мелочах. Так, например, за то или иное нарушение нравственно-этических начал или другую какую-либо провинность, глава мог наказать провинившегося члена семьи (сына, дочь), запретив ему участие в общесемейной трапезе («ссупралия личIи уван» – «отделить от скатерти»); кушать такому, располагающемуся в каком-либо закутке, подавалось отдельно. Запрет мог действовать три – четыре дня, неделю и больше. Женщины дома (мать, сестры), жалея наказанного, нередко тайком от главы подкладывали «отлученному от стола» лучшие куски, подкармливали его более вкусной (по сравнению с

общесемейной) едой. Такое положение вещей отразилось в песенном куплете следующего содержания:

«Ссупраливух щябикIнан
КьурчIи вит ва инил къяс,
Ссупралий личIи увнан,
Уттулу ва гьавккуртту»

«Сидящим за ссупра[9]
Кислая сыворотка и отжимка[10] толокна,
Отлученному от ссупра –
Курдюк и галушки»

Куплет имел хождение и как пословица, по внутреннему содержанию схожая с русским «дочери – сухари, падчерице – пряник», «умный – пешком, дурак – верхом», «жене – семешник, соседке – полтина» и др.

Вопрос о месте и роли большой семьи и ее стадиальной форме – неразделенной семьи в современном дагестановедении рассматривается не однозначно. Так, например, А.И. Исламмагомедов, М.А. Агларов считают, что эти формы семьи у горцев Центрального Дагестана не привились, т.к. для этого не было соответствующей хозяйственно-экономической базы.[11] С.Ш. Гаджиева не только не отрицает наличие неразделенных семей у горцев Центрального Дагестана, но даже приводит конкретные, поименные данные об их бытовании там в XIX в.[12] В последующем полевой этнографический материал неоднократно давал исследователям возможность говорить о бытовании неразделенной семьи у горцев Дагестана, функционировавшей местами до первых десятилетий XX в. в силу хозяйственно-экономической целесообразности такой формы организации.[13] Главой такой семьи был старший мужчина, важное место здесь занимала и старшая женщина, жена главы. «Среди женской половины неразделенной семьи авторитет главы семьи основывался чаще

на подлинном уважении, чем на страхе и был больше, чем авторитет его жены, «старшей», – пишет С.Ш.Гаджиева о кумыках. – Часто женщины противопоставляли его гуманность капризному характеру «старшей».[14] Об этом же у лакцев говорит следующий куплет песни:

«Хъун – бабал кьипив буцIлай,
БухчIинсса лухьи бувай,
Хъун – ттаттал цIими буллай,
НахIу ссайгъат чан къабай»
«От старшей матери щипков
Ягодицы почернели,
Старший отец, жалеючи меня,
Не забывает о вкусных гостинцах».

Этнографы – дагестановеды неоднократно отмечали бытование в местной среде отдельных пережитков авункулата[15] – особой формы близких взаимоотношений племянника и его дяди по матери, характерной для ранних этапов развития общества. Конкретным выражением подобных пережитков было местами практиковавшееся вплоть до конца XIX – начала XX в. активное участие дяди по матери во всех важных этапах жизни молодого человека до его женитьбы включительно. Он раньше всех и более других родственников тратился на подарки по случаю наречения племянника, совершения над ним обряда обрезания, при семейных торжествах, связанных с этапами обучения племянника в мектебе и завершении такого обучения, при строительстве или покупке дома для него и особенно – при женитьбе своего родственника. Большое внимание уделялось старшим родственником морально-этическому воспитанию молодого человека, привитию ему одобряемых обществом нравственных качеств.

«Нааьна щаннил буттан,
Душнин нач къадуллусса,

Нааьна ниттиуссин

Ттунма яхI къабуллусса!»

«Проклятие отцу жены,

Не прививщего дочери стыд,

Проклятие [моему] дяде по матери,

Не прививщего мне достоинства!»

Так восклицает в лакской песне молодой муж оскандалившейся жены, развестись с которой ему не хватает решимости.

По нашим полевым данным интересных норм придерживался гость горца – дагестанца. Если бы он выложил на стол принимающего его хозяина свои подорожники (еду, захваченную из дома или по пути в селении), тот воспринял бы это как оскорбление. Однако раздача гостем этих продуктов маленькими порциями детям принимающего его селения считалась допустимой и даже благонравной. Дети же, даже из самых обеспеченных семей, без зазрения совести принимали эти кусочки хлеба, мяса, сыра и проч. и тут же с удовольствием поедали. Считалось, что такая еда благотворно сказывается на росте и силе (сакрально-позитивное начало гостя по поверьям). При этом следует особо подчеркнуть, что по нормам приличия гость мог позволить себе раздавать детям продукты, заведомо худшие по качеству тех, которыми угощал его хозяин дома. В противном случае приезжий мог поставить и себя, и хозяина в неловкое (в лучшем случае) положение. Весьма показательно-иллюстративна в этом плане песня – частушка, в которой молодая женщина – лачка бахвалится достатком своих родных.

«Ттул ниттил цадакъали

Кьали арцул бачIайссар,

Ттул лас – къатлул буттукъран

Багьа бишин къашайссар.

Ттул буттал хъамаллурал

КIяла чIатIру бачIайссар,

Ттул уссичIан букIминнал

Нагь ва нисру дачIайссар!»

«Моя мать в благодение

Меру серебра раздает,

Мои сундуки [с приданным] в доме мужа

Оценить невозможно.

Гости моего отца

Белый хлеб раздают,

Те [гости], что приходят к брату,

Масло и сыры раздают!»

Рассмотренный нами обычай в дагестановедении нигде не встречается.

Обычай родственной и соседской (общинной, джамаатской) взаимопомощи – одно из наследий ранних этапов развития общества, соблюдение которого, следование принципам которого переросли в нравственную категорию, стали морально-этической характеристикой членов джамаата дагестанских народностей. Обычай нашел довольно полное отражение в дагестановедении, хотя работ, специально посвященных этой проблеме, очень немного.[16] Исследователи отмечали, что этот освященный предками обычай нередко использовался и ханско-бекской, и имущей верхушкой общества в своих корыстных целях. Тем не менее, если в произведениях устного народного творчества тема обычая хотя бы каким-либо образом затрагивалась, то так или иначе отношение к нему, его характеристика всегда носила позитивный характер. Нам удалось записать куплет, где обычай оценивается хотя и в несколько иронических интонациях, но в общем-то в негативных позиций:

«Марша – марша – марашалай,

Ххаллир марша – маршалай!

ЧIаххур – маршайн къаувкссар тIий,

ЧIаххур душ къабуллунни,

Кьади – маршайн къаувкссар тIий,

Вакьпул бутIа чан бунни,

Ханнал – маршайн къаувкссар тIий,

Мина чахпур бувунни.

Марша – марша – маршалай,

Барчабакъу, маршалай!»

«Марша – марша – маршала[17]

Великолепная марша – маршала!

За то, что не вышел на соседскую марша,

Соседскую дочь [за меня] не отдали,

За то, что не вышел на кадийскую марша,

Вакуфную долю урезали,[18]

За то, что не вышел на ханскую марша

Хозяйство порушили.

Марша – марша – маршала

Приносящая несчастье, марашала!»

В содержании куплета что-то, возможно, утрировано, что-то чрезмерно обобщено, но общее отрицательное отношение к обычаю проявляется явственно.

«Гъарал чIа учин» – обряд вызывания дождя – один из самых древних коллективных религиозно-магических действ у лакцев[19] (как и у других народов Дагестана, разумеется). Нам удалось записать один из куплетов, распеваемых населением во время исполнения соответствующих обряду ритуалов. Куплет этот скорее всего позднего происхождения: по своей форме он больше напоминает «светское», нерелигиозное произведение песенного жанра устного народного творчества:

«Гьаваллавух лелуххив,

Аьрщараву мюрш – кIулли,
Ялува ущу – щулгьи –
Заннах гъарал чIа чара».
«Поднебесные птицы,
Мышки – малышки в земле,
Насекомые на поверхности –
Господа о дожде молите».

Дагестан богат обычаями и традициями, многие из них так или иначе все еще задействованы в местной среде, другие сохранились лишь в народной памяти, отдельные из их числа давно уже позабыты; и если о последних мы все еще имеем хоть какое-то представление, то это – только благодаря сохранившимся записям и описаниям поколений путешественников, чиновников, исследователей прошлых столетий и лет или современных. Один из уже исчезнувших обрядовых обычаев записан в 1997 г.

В разгар весны молодежь лакских селений (Кумух, Убра, Вилтащи и др.) совершала обряд «щаращейн буккан» – «выйти на родники». Суть его заключалась в том, что девушки и юноши, двигаясь по определенному маршруту, вычищали, расширяли и углубляли окрестные родники, обкладывали их галькой, устраивая в перерывах коллективные трапезы, сопровождавшиеся песнями, танцами, взаимными пикировками, подшучиваниями и т.д. Весьма схожий с этим обрядовый «праздник воды» в ряде даргинских и лакских селений описан А.Г. Булатовой.[20] Молодые люди, принявшие участие в обряде, считались достигшими брачного возраста. Один из куплетов народной песни звучит следующим образом:

«Щаращайн къаувкку оьрчI,
Ттуйн яру мабитларда,
Вияту жагьил хьуннин
Ласкъаттлуву шин данна».

Мальчик, не выходящий к родникам,

Не стреляй в меня глазами,

Пока из тебя получится юноша

[Я] год проведу в доме мужа».

Интересного обычая, не нашедшего отражения в этнографической литературе, еще в начале XX в. придерживались жители лакского селения Балхар, расположенного на территории даргинцев (Акушинский р-н республики).

По сложившейся традиции женщина разрешалась от бремени в доме своего отца. На 41 день после рождения ребенка за ним и его матерью приходили мать, сестры, тетки мужа, обычно 3-4 человека. По дороге к дому отца ребенка, впереди с ребенком на руках шла свекровь, мать ребенка замыкала эту маленькую процессию. Подойдя к дому все, за исключением последней, входили в него, мать ребенка оставалась за порогом. Свекровь (бабушка ребенка) передавала новорожденного (-ную) вышедшему навстречу сыну со словами: «Вот твой сын (твоя дочь), да благословит его (ее) Всевышний!». Взяв ребенка на руки, его отец звал жену: «Заходи, мать моего сына (моей дочери)!». Затем он передавал ребенка матери, а та – в руки невестки. Обряд, по мнению наших информаторов, соблюдался некогда всеми лакцами (не только балхарцами), назывался он «бухькIуллихь бацIу» – «стояние (нахождение) у порога». Утвердилось мнение, что обрядом подчеркивался факт принадлежности ребенка именно к тухуму (к группе родственников, берущих свое начало от одного памятного предка – мужчины) отца. Такое представление, скорее всего, имеет под собой заслуживающее внимания основу: по местным обычаям, если жена принадлежала к тому же тухуму, что и муж, обряд этот не соблюдался: вместе с сопровождающими ее женщинами мать ребенка заходила прямо в дом своего мужа и передавала новорожденного ему с рук на руки. В этом плане заслуживают внимания

куплет, высмеивающий девушку, согласившуюся на брак с двоюродным братом по отцу из расчета на дядино богатство:

«БухкIуллихь къабацIанна,

МахIаммадалин хьунна.

Буттауссил буттукьран

ЧIанну ккаккан дуванна».

«У порога стоять не буду,

За Магомед-Али выйду.

Брата отца сундукам

Дно покажу!»

Пожалуй, наибольшее отражение в устном народном творчестве дагестанцев, в том числе и лакцев, нашли особенности морали, этики, традиционных норм культуры поведения, этикет.[21] Возьмем, например, такой насмешливо-уничижительный куплет, адресованный девушкой женатому парню:

«Аьрщая тIахIни дувуй,

Щарнияту цIа дувуй,

Ссирссилтту бартливх дугъуй,

Ина адаминарав!»

«Из земли [глины] посуду делающий,

Жену нахваливающий,

Усы сметаной обмазывающий –

Да разве ж ты мужчина!»

Здесь девушка наделяет молодого мужчину мнимыми или действительными нравственно-этическими пороками, постыдными в лакской среде. Гончарный промысел балхарцев для лакцев – исключительно женский; мужчина, севший за гончарный круг, стал бы не только посмешищем для всего селения, но еще мог быть наказан в адатном[22] порядке ощутимым административным штрафом.[23] Далее, такие

пороки, как восхваление жены на людях и невоздержанность, сластолюбие по отношению к пище в глазах общественного мнения принижало достоинство мужчины. Все это в куплете подано в комплексе, и тот, кого им «награждали», рисковал надолго «потерять свое лицо».

Особых норм культуры поведения обязан был придерживаться воин. В частности, традиционные этические нормы предписывали вооруженному соблюдать особо подчеркнутую учтивость, деликатность, предупредительность в общении с невооруженным. Жестко осуждалась манера говорить с собеседником с ружьем в руках или положив руку на рукоять пистолета, шашки, кинжала. Заходя к кому-либо в дом, первым делом, согласно этикету, воин должен был отложить в сторону саблю, огнестрельное оружие и лишь потом принять приглашение, сесть и начать беседу. В лакской этической песне пожилой мужчина выговаривает молодому человеку, требующему назвать место нахождения сына собеседника, своего врага:

«Ттух зума-чIикI ахъаннин,
Туруллия ка дукьа,
Ттул къатлувун ухханнин,
Ххалил ярагъ ля биша!»

«Прежде, чем предо мною разглагольствовать,
Руку с [рукояти] сабли убери,
Прежде, чем зайти в мой дом,
Хваленное оружие приземли».

Мать, провожая сына на чужбину, дает ему наставления, в частности:

«Пахрулий ламус буллан
Анавар мауккара,
Ярагъ бакъанал хьхьичIух
Ханшив ккаккан мадара».

«Демонстрировать показное благонравие
Торопливость не проявляй,
По отношению к безоружному
Гордыню (собст. – «ханство») не проявляй».

Одна из частностей этических норм лакцев заключалась в предписании на все время воинских сборов, учений и тем более – военных действий ограничить до крайнего минимума всякое общение с женщинами селения, за исключением матери, бабушки и незамужних дочери и сестры. Возможно, что подобная табуация своими корнями уходила в мужские объединения, мужские союзы, характерной чертой которых, в частности, было доведенное до минимума общение с «непосвященными» вообще и женщинами – в частности.[24] С этих позиций становится понятным, почему та же мать, провожающая сына на чужбину, напутствует юноше:

«Шярав бивкIу хьу чIумар,
ЧIюлушив мадулларда,
Миллатрайн дяъви бувкни
ХъанницIух маакьларда»
«Если в селении случиться смерть,
Не наряжайся,
Если округа втянута в войну,
Прекрати общаться с женщинами».

В следующем куплете высмеивается человек, не соблюдающий элементарных требований, связанных с обращением правоверного мусульманина к высшему духовному началу: близко проходящего перед совершаемым намаз (обязательное пятикратное в день моление), прерывающего читающего молитву, не соблюдающего запрета молиться в сторону зеркала, не достаточно четко совершающего предусмотренные ритуалом движения туловище и рук:

«Чаклил ххичIа ша ласуй,

Салават дяркьин дувуй,

Кьиблалий тIайла хъанай

Дагьанттуйн къанчру бувуй».

«[Ты], проходящий перед [совершаемым] намазом,

Прерывающий [чью-либо] молитву,

Обращаясь на юг,[25]

[На деле] поклоняющийся зеркалу».

Понятие «мужчина» для дагестанца много значило. Требования, предъявляемые обществом к мужчине, были необычайно высоки. В частности, проявление слабости, недостаточной силы воли, духа, неумение переносить страдания для настоящего мужчины считалось постыдными. В этической песне об Османе из Унчукатля повествуется о том, как захватив героя и пытая его, враги хотели дознаться, куда он отогнал стадо овец.

«Кьюй – кьуру дияннин кьуртIусса ххаржан

Хъазам ххяхха бувккун, махъа дурккунни,

НякI – чIутIул ккулларду ттурчIавун битлай,

Ччаннугьу, каругьу парчIатIа дурни.

Ца чIук къабуккунни кьацI – кьакьарттува».

«Вонзившийся по роговую рукоять кинжал

Разрезав грудь, вышел сзади,

Синесвинцовые пули, вонзаясь в кости,

И ноги, и руки превратили в мессиво

Ни звука не вышло изо рта – гортани».

Что перед нами – гиперболизация, явное преувеличение? Скорее всего, да, как и ожидается в произведении народного творчества. Тем не менее, русские авторы, которым можно доверять, безо всяких приукрашиваний живописуя суровую прозу боев в период движения горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-е гг. XIX в., говорят о в необыкновенной выдержке дагестанцев, стойко, почти спокойно

переносивших такие увечья, как глубоко прорубленная голова, переломанные конечности, распоротый живот…[26]

В различное время года, чаще всего в осенне-зимний период, в селениях проводились увеселительные собрания, преимущественно по поло-возрастным группам, иногда смешанные.[27] Юноши и девушки вместе собирались редко, но такие мероприятия все же имели место. На них, в частности, проводились своеобразные соревнования между девушками и юношами: парень, обращаясь конкретно к той или иной из присутствующих, посвящал ей шутливо – насмешливый куплет, заранее им специально подобранный, самостоятельно сочиненный или импровизированный на месте; девушка отвечала парню тем же, затем исполнял куплет парень – и т.д. Здесь мы приведем два куплета, в исполнении парня и девушки, которые пока еще нигде не упомянуты:

Юноша:

«ЦIу къалархъун ччатI бищуй,

ЦIу къабивчун дикI шахьуй,

ЧIатлу магъулух буккуй,

Хъунху бабал хъихъи душ»

«Не разводя огня хлеб выпекающая,

Без соли мясо варящая,

Потолок веником подметающая,

Старой матери изнеженная дочь».

Девушка:

«Агь, жагьил, вил ххуйшиву,

ХхюнххубатIлул байлшиву,

ВичIирдал утташиву,

БакIрал сагъбакъашиву»

«Ах, парень, как ты хорош,

Носищ твой как остер,

Уши до чего широки,

Голова до чего нездорова».

С минералами, полудрагоценными и драгоценными камнями у лакцев был связан целый ряд поверий. Так, например, жемчугу приписывалось свойство нейтрализовать «дурной глаз», «сглаз», рубину – привораживающая сила. Это нашло отражение в следующих куплетах:

«Ттеркьукьал чарсса лаххуй,

ХьхьичI дагьанттувун бургу:

Гунгумимайрал сиппат

Ссал янил данссар тIийра»

«Жемчужные бусы одевающая,

Сначала в зеркало посмотрись:

Кувшиноносную физиоминию

Что может сглазить».

«Канишрай якьут дур тIий,

Ттун нясив баннав къатIра,

Къатта бувцIу буттал хъус

Хъун вил ссийх дулувияв».

«Хоть на браслете имеешь рубин,

Не мечтаю, чтоб ты мне была суждена,

Дом, наполненный отцовским богатством,

За старшую твою сестру отдал бы».

У жителей сел. Балхар небольшие, сладкие на вкус корнеплоды типа баттата («кьурнил нувщи» – «веснянка», «полевой картофель»), выкопанные в день праздника Первой борозды, считались благоприятными для организма беременных женщин, молодух, желающих забеременеть, и даже для девушек, тайно лелеющих тоже стремление на будущее. В дни праздника надо было съесть хоть один такой корнеплод. Особую скрытность при этом проявляли девушки, рискующие в случае

неосторожности подвергнуться граду насмешек. Ярлык «къурул нувщух тамяахI душ» – «девушка, желающая полевой картофель» (в смысле «нетерпеливая», «из молодых, да ранних») считался унизительным. Поверье это упоминается в следующем куплете:

«Хъарасщай чIумал буввксса,
Къурул нувщи тамахI душ,
Душманная дувс увну,
Оьбалдаран буцинна».

«Появившийся во время Первой борозды,
Веснянку желающая девушка,
Из врага сделав друга,
Назло [на тебе] женюсь».

Устное народное творчество лакцев, в том числе и песенный фольклор, насыщено темой любви, с печалями, радостями, свершениями и горестями, всегда сопровождающими это чувство:

«Мусил щин дурк гунгуми,
Хьувух дутай ттиркьюкьи,
ЦIу зурун ларххху симан –
Ина ттун нясивссара».

«Позолоченный кувшинчик,
На шею одеваемый жемчуг,
Новолунью подобный лик –
Ты мне предназначена».

«Бюрувнттав парх хьусса,
Кьанкьххуй банавша,
Риттун къабюхьарча,
Ща къалихханнав».

«Среди татарника расцветшая,
Ароматная фиалка,

Сорвать если не удастся
Да не сбудутся твои надежде».
«ЦIан шагьирттал дянив
ЯтIул ашрапи,
ТIалав бан къахьурча,
Нааьна хьуннав».
«Среди темных медяков
Золотая монета.
Если тебя не добуду,
Проклятие мне».
«МакI ккарксса ххива –
КIихь диркIун дури,
МикI багьсса ххива.
Баргь бивну бури.
ЧIюн – кюрщантрал дянив
КIяла ттеркьукьи
Ма вин – куну, Заннал
Дуллуну дури».
«Сон приснился, думал,
Явь оказалась,
Оледенело все, думал,
Солнце засветило.
Среди бусин четок
Белый жемчуг
На тебе – сказав, Бог
Меня наградил».

Таким образом, произведения из песенного фольклора лакцев дают богатый материал для исследователя истории и этнографии народа. Здесь нами представлен фольклорный песенный материал, не вошедший в

научный оборот, собранный в поле в самые последние годы. В нашем распоряжении имеются такие пословицы и поговорки, притчи и загадки, анекдоты, сказки и др., также еще нигде не опубликованные. Их научная обработка, систематизация и интерпретация – дело будущего, полагаем, что скорого.

Примечания:

[1] Булатова А.Г., Сергеева Г.А. Лакцы // Народы Дагестана: Энциклопедия. М., 1994. С. 218.

[2] См., напр., работы К.В.Чистова: О некоторых вопросах фольклористики // Советская этнография (СЭ). 1954. № 2; Индивидуальное или коллективное? // Вопросы литературы. 1964. № 6; Фольклор и этнография // Фольклор и этнография. Л., 1970; О взаимоотношении фольклористики и этнографии // СЭ. 1971. № 5; Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // СЭ. 1972. № 3; Проблема «вторичных форм» в фольклористике и этнографии // Расы и народы. 1975. Вып. 5; Духовная культура и современные этнические процессы // Современные этнические процессы в СССР. 2 изд. М., 1977; Фольклор и культура этноса // СЭ. 1979. № 4; Традиции, «традиционные общества» и проблема варьирования // СЭ. 1981. № 2; Из истории советской этнографии 30-80-х годов XX века // СЭ. 1983. № 3 – и др.

[3] Чистов К.В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л., 1988. С. 5.

[4] См., напр.: Аджиев А.М. Введение // Традиционный фольклор народов Дагестана. М., 1991. С. 11-16.

[5] Там же. С. 9.

[6] См.: Булатов Б.Б., Лугуев С.А. Духовная культура народов Дагестана в XVIII-XIX веках (аварцы, даргинцы, лакцы). Махачкала, 1999; Лугуев С.А. Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана в XIX-нач. XX века. Махачкала, 2001.

[7] См.: Булатова А.Г. Лакцы: Историко-этнографическое исследование. XIX-начало XX века. Махачкала, 2000. С. 32.

[8] См.: Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начало XX века. М., 1985.

[9] Ссупра» – собст. «скатерть»; «сидеть за ссупра», «расстелить ссупра» – в значении «сидеть за столом», «накрыть на стол».

[10] «Отжимка» («къяс») – замешанное на воде, сыворотке толокно, отжатое в ладони; порция.

[11] См.: Исламамагомедов А.И. Жилище аварцев // Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 158; Агларов М.А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX века) // Уч. записки Института ИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1964. Вып. 13. С. 188.

[12] Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 42-44, 46-47.

[13] См., напр.: Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежтинцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала, 1994. С. 98.

[14] Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 71.

[15] См.: Першиц А.И. Воспитательство // Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 38-39.

[16] Одна из самых первых таких статей опубликована В.П.Егоровой в сб. «Вопросы истории и этнографии Дагестана» во 2-ом выпуске за 1970 г.

[17] «Марша», одна из форм – «маршала» – обычай взаимопомощи, коллективные помочи.

[18] «Вакуфная собственность» – собственность (участок пашни, сенокосов, садов, крупный и мелкий рогатый скот и др., либо определенная часть дохода с недвижимого или движимого имущества), контролируемая духовенством джамаата. Доходы с нее в виде продуктов (зерно, хлеб, мясо, жир, сыр и проч.) периодически раздавались членам джамаата.

[19] См., напр.: Рамазанова З.Б. Обряды вызывания дождя и солнца у лакцев в конце XIX – начале XX века // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987. С. 82-88.

[20] Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX в. Л., 1988. С. 53-54.

[21] См.: Лугуев С.А. Указ. соч.

[22] Адаты – своды обычно – правовых и морально-этических норм отдельно взятого джамаата или группы союзных джамаатов.

[23] См.: Шиллинг Е.М. Женские художественные промыслы дагестанского селения Балхар. Пятигорск, 1936. С. 16.

[24] См.: Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996. С. 12-23 и др.; Семенов Ю.И. Союз мужской // Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения… С. 192.

[25] Совершающий намаз становился лицом в сторону Мекки, на юге («кьибла»).

[26] См., напр.: Пирогов Н.И. Отчет о путешествии по Кавказу. М., 1852. С. 32-33; см. также: Он же. Собрание сочинений. М.; Л., 1859. Т. 3. С. 85-87.

[27] См.: Булатова А.Г. Указ. соч. С. 107-109 и др.; Она же. Сельскохозяйственный календарь и календарные обряды народов Дагестана в XIX – начале XX в. СПб., 2001.

Л.Е. Оспищева

Благотворительные организации в общественном движении Кубани (конец XIX – начало XX вв.)

Историческая наука сегодня продолжает опыт дореволюционных ученых-практиков и зарубежных исследователей: формируются школы, изучающие благотворительное движение; благотворительность рассматривают с точки зрения изучения отдельных имен и династий; деятельности крупных благотворительных учреждений, по направленности помощи; с точки зрения становления механизмов гражданского общества в России, благотворительности и общественного призрения в целом и др.

Критически осмыслить различные аспекты благотворительности, такие, как цели, формы сосуществования частной благотворительности и государственного социального обеспечения, единство управления создаваемых обществ, корректировку оказываемой помощи, определение принципов и категорий нуждающихся, соотношение финансирования позволяет обращение к теме организованного благотворительного движения. История благотворительных организаций позволяет восстановить историческую канву событий в русле общественно-демократического и просветительского движения в целом. Актуальность темы определяется необходимостью воссоздания процесса создания и деятельности благотворительных организаций, выяснением их роли в жизни провинциальных регионов. Это позволит восполнить ряд существенных пробелов в истории культуры и социальной работы в целом.

В данной статье, учитывая идентичность процессов, обеспечивающих всплеск в открытии общественных объединений, предлагается рассмотреть изменение численности благотворительных учреждений в *контексте общих закономерностей общественного*

движения тех лет, таких его качественных составляющих, как динамизм, сфера деятельности, специализация, централизация. Работа основывается на анализе статистических сведений по благотворительным организациям Кубани.

В конце XIX в. в Кубанской области существовало более пятнадцати самодеятельных объединений самой широкой направленности: медицинских[1], научных[2], экономических[3] музыкальных[4], спортивных[5] и иных обществ[6]. С началом века, когда «пик» самодеятельных инициатив переместился в просветительское движение, только по положению от 4 марта 1906 г. на Кубани были открыты девять просветительных организаций[7], не считая обществ любителей природы, молодежных, спортивных, женских и иных организаций[8].

Исследователи отмечают 93 потребительских общества (1905 г.)[9]. Общий темп увеличения числа открываемых добровольных объединений был прерван начавшейся мировой войной.

К 1902 г. во всей России насчитывалось свыше 19 тысяч благотворительных организаций, включая церковно-приходские попечительства и попечительства о народной трезвости[10]. На Кавказе было открыто 330 учреждений[11]. Кубань по их числу (61) стояла в первом ряду среди регионов Кавказа. Большее число организаций (62) имелось только в Тифлисской губ.

Основную долю учреждений составляли общества и заведения. На Кавказе насчитывалось 162 общества или (49 %) от общего числа и 107 заведений (32 %). Остальными были церковно-приходские попечительства (10 %), чайно-столовые (6 %), попечительства о народной трезвости (2 %). Наиболее динамичными в создании *обществ* оставались Тифлисская губ. (42), Кубанская (28) и Терская (21) области. В Бакинской и Кутаисской губ. было создано 14 благотворительных обществ. В остальных губерниях уровень общественной активности был ниже.

Таким образом, Кавказ и провинциальная Кубань находились в русле общего процесса по созданию благотворительных обществ. Именно эта форма организаций была направлена не просто на отдельные культурно-просветительные, благотворительные мероприятия, а на долговременную работу по сбору пожертвований и их распределение.

О социальном призрении в регионе можно судить по количеству открытых заведений. Их обеспечение требовало постоянных материальных пожертвований местной администрации, что представляло большие трудности. Общее число благотворительных *заведений* Кавказа – 107. Наиболее благоприятными выглядели Кубанская область (28), Тифлисская (20) и Ставропольская (18) губ. Число заведений в уездах и городах Кубани было примерно одинаковым, хотя местная администрация стремилась вынести богоугодные заведения за пределы густонаселенных мест. В заведениях, в число которых входили ночлежки, богадельни, дома призрения, больницы, приюты, убежища, осуществлялась помощь калекам, сиротам, подкидышам, престарелым, нищенствующим. Количество их – показатель социального удовлетворения самых нуждающихся слоев населения.

Динамизм общественного движения на Кубани характеризуют данные изучения численности организаций в хронологических и географических рамках. По нашим подсчетам, всего на рубеже XIX-XX вв. действовало около 72 благотворительных организаций. Наиболее динамично увеличение числа организаций проходило в периоды 1880-1895 и 1905-1910 гг. А в пятилетия 1880-1885, 1885-1890, 1890-1895 гг. происходило двукратное увеличение числа организаций. За пятнадцать лет (1880-1895) было создано 17 благотворительных организаций. За 1905-1914 гг. на Кубани было открыто 17 обществ помощи в получении образования, 5 социальных, 6 национальных, а также, профессиональные, медицинские организации – всего более 30 объединений[12]. Таким образом,

наблюдался не просто постоянный численный рост благотворительных организаций, но в некоторых случаях увеличение их количества в несколько раз за пятилетие.

В качестве показателя динамизма общественно-благотворительного движения выступает увеличение числа организаций в отдельных населенных пунктах. Это так называемые организации «узкорегиональные». Их насчитывалось на Кубани 53, тогда как кубанских, центральных отделений – всего 12 и 7 соответственно[13].

Большинство организаций располагалось в Екатеринодарском – 51 %, Ейском – 11 %, Лабинском и Майкопском отделах – 9,7 %, которые были наиболее зажиточными, экономически развитыми регионами Кубани.

Большое преимущество имели города, служившие центрами сосредоточения хозяйственной жизни области. Грамотность людей в городах Кубани была почти в два раза выше по сравнению с сельским населением (29,16 % к 15,15 %)[14].

Большинство благотворительных организаций сосредоточил в себе центр области Екатеринодар: 12 кубанских, 7 филиалов центральных российских объединений и 18 городских учреждений, то есть около 51 % всех благотворительных объединений. Из 37 его обществ большинство содержали заведения, поддерживали начальные и средние школы. 8 учреждений (обществ и заведений) было в Армавире, 7 в Майкопе, 6 в Ейске, 3 в Темрюке и 2 в станице Баталпашинской.

Благотворительные организации Кубани оказывали помощь в широкой *сфере*. Условно, по роду деятельности их можно разделить на образовательные (35), социальные (15), национальные (8), профессиональные (5), религиозные (3), медицинские (3), помощи заключенным (3).

Больше всего добровольных благотворительных объединений было создано по оказанию помощи в *получении образования*. Из них

крупнейшими являлись «Екатеринодарское женское благотворительное общество» (осн. 1862) и «Кубанское общество вспомоществования учащимся» (осн. 1880). Большинство организаций «вспомоществования» (более 10) оказывали помощь в средних учебных заведениях[15]. Существовали общества, оказывающие помощь всем учебным заведениям в одном населенном пункте[16], общества по оказанию помощи в получении начального[17], женского образования[18], по оказанию помощи иногородним[19].

С просветительными целями (в концепции общей политики по отвлечению населения от пьянства как альтернатива «казенной продажи питей») возникла мощная организация – *попечительство о народной трезвости*[20]. В руководящих указаниях для деятельности попечительств писалось о том, что «правительство не испытывает иллюзий в отношении совершенного прекращения употреблений крепких напитков, но возлагает на попечительства более близкую задачу в ограждении от злоупотреблений крепкими напитками»[21]. К 1902 г. насчитывалось 654 попечительства[22]. На Кавказе отделения были открыты в Ставрополе и Черноморской губ.[23] На Кубани организация появилась в 1902 г.[24] В течение лета и осени 1902 г. «Областным попечительством о народной трезвости» были открыты семь уездных комитетов[25].

Следующими по численности были организации *социальной* направленности. Неспособность государственных структур в оказании эффективной помощи в самые трудные годы голода, неурожаев, войн явилась тем фактором, который актуализировал общественное движение в этой сфере. А. Керенский писал: «...вынужденное чрезвычайными обстоятельствами разрешить земствам участвовать в кампании по оказанию помощи пострадавшим, правительство тем самым, помимо своей воли, содействовало развитию общественной инициативы»[26]. Создание комитетов, амбулаторных пунктов, художественных и театральных

кружков, осуществлявших сборы пожертвований, стало практикой самодеятельной работы[27].

Чрезвычайные обстоятельства вынуждали местные власти и правительственные структуры прибегать к помощи общественности в устройстве заведений. «Екатеринодарский городской комитет» устроил действовавшие кратковременно ночлежный дом и летний барак вместимостью свыше пятисот чел., а также две дешевые чайные, богадельню и рабочее бюро[28]. Вместе с тем, сформированные в спешном порядке местной властью «городские комитеты помощи голодающим» стали своего рода «базой» создания обществ помощи бедным. Например, «Екатеринодарский городской комитет» по завершении своей работы был объединен с благотворительным обществом (осн. 1872), в результате чего в 1893 г. возникла новая организация – «Екатеринодарское благотворительное общество»[29]. Подобные организации появились в Темрюке (1895), Майкопе (1898) и Ейске (1901)[30].

Постоянный наплыв из голодающих губерний нищенствующих переселенцев и приходящих на заработки вызвал открытие временных (ночлежки, ясли) и постоянных (приюты, убежища, богадельни) заведений, подавляющее большинство которых возникло при благотворительных попечительствах и обществах. В основном это была помощь нищенствующим и престарелым[31]. Отдельно для детей были сформированы «Убежища для призрения круглых сирот до 15 лет Православного братства Св. Пророка Осии» (1890)[32], «Исправительный приют с мужским и женским отделением» (1898),[33] «Войсковой приют для девочек» (1894)[34]. Создание заведений помощи детям осуществлялось и в начале XX в.[35] В 1906-1907 гг. было построено одно из крупных благотворительных заведений Кубани – «Убежище для бесприютных детей школьного возраста»[36].

В начале XX в. стала заметной роль *национальных* объединений. На

Кубани 90,5 % населения составляли русские и малороссы, остальные национальности были представлены незначительно: черкесов 2,01 %, карачаев 1,40 %, немцев 1,08 %, греков 1,05 %, армян 0,7 % и т.д.[37] Открытие национальных благотворительных обществ зависело от общей национальной политики государства. Основной целью национальных организаций было сохранение языка и культуры, поддержка церковно-приходских школ, большинство которых основывалось на частные пожертвования. Однако, деятельность национальных благотворительных обществ нередко ограничивалась. В 1898 г. согласно распоряжению главнокомандующего гражданской частью на Кавказе князя Голицына были сокращены права «Армянского благотворительного общества» (1881 г.)[38]. Изменения в национальной политике произошли в начале XX в. На Кубани возникли «Эллинское благотворительное общество г. Екатеринодара» (1903)[39] и «Римско-католическое общество попечения о бедных г. Екатеринодара» (1904)[40]. После революции 1905-1907 гг. началось массовое формирование национальных объединений. Если до 1905 г. их действовало всего 2, то после революции уже 9. Открывались женские национальные благотворительные организации: «Женское армянское благотворительное общество в Майкопе» (1907), «Армянское дамское благотворительное общество г. Екатеринодара»[41]. Помимо армянских обществ, на Кубани действовали греческие: «Анапское эллинское благотворительное общество» (1906), «Крымское греческое благотворительное общество» (1907). «Майкопское эллинское благотворительное общество» (1909)[42]; римско-католические организации: «Дамское евангелически-лютеранское благотворительное общество г. Екатеринодара» (1906 г.), «Армавирское римско-католическое общество пособия бедным и касса служащих» (1912 г.)[43]. а также «Черкесское благотворительное общество» (1912 г.)[44]. Помимо этого действовали грузинские и польские кружки (общества) самообразования. Судя по

приведенным этнографическим данным и количеству открываемых обществ, можно сделать вывод о том, что открытие национальных благотворительных организаций зависело от культурного и экономического уровня национальных диаспор и в меньшей степени определялось численностью таковых.

Для людей малооплачиваемых профессий благотворительные общества возникали в виде *обществ взаимопомощи*, взаимного кредита, взаимного страхования, потребительской[45]. Эти организации не были органически благотворительными, но сходными по методам помощи с обществами милосердия. Именно поэтому четыре из пяти «профессиональных» обществ взаимопомощи были открыты на Кубани до 1900 г.[46] Они служили прототипом рабочих союзов и профессиональных объединений и были распространены среди служащих мелкотоварного производства, учителей и медиков. При существующей системе законодательства подобные организации могли вести легальную работ) только будучи благотворительными. Следует отметить, что в своей деятельности благотворительные организации взаимопомощи ориентировались на социальные потребности общества. С развитием структур страхования отпала необходимость в их открытии.

Задачи обществ «взаимного вспоможения» (пенсии служащим, выплаты рабочим в несчастных случаях, пособия на погребение) первоначально осуществлялись при благотворительных учреждениях[47] и учебных заведениях[48]. Позже страховые организации взаимопомощи открывались самостоятельно[49]. Из 13 ссудосберегательных учительских касс Кавказа 4 находились в Кубанской обл.[50] Всего к 1916 г. на Кубани насчитывалось 10 самостоятельно действующих касс взаимопомощи[51]. Материальная поддержка мелкого предпринимательства[52] сделала ненужным и применение страхования в благотворительной работе и открытие благотворительных обществ профессиональной направленности.

К *религиозным* благотворительным организациям условно отнесены церковноприходские попечительства и братства. На Кубани действовали одно городское и пять сельских церковно-приходских попечительств. В начале XX в. среди передовой общественности стоял вопрос возрождения деятельности попечительств как элементарных структур помощи населению на местах. Ставропольской духовной консисторией в 1909 г. было утверждено «Покровское церковно-приходское попечительство г. Екатеринодара»[53]. Деятельность религиозно-благотворительных братств[54] была направлена против существовавших сект – духоборцев, молокан, субботников, баптистов, скопцов, которые составляли 8,8 % (к 1914 г. – 7,6 %) населения Кубани[55]. Выбор места открытия братств – Майкоп, Екатеринодар, ст. Новощербиновская – был связан с компактным расселением лиц неправославного вероисповедания.

Учреждения социальной помощи тесным образом взаимодействовали с *медицинскими* учреждениями. Больницы были теми «приемными пунктами», куда «за ненадобностью» и невозможностью призрения стекались толпы престарелых, нищенствующих и убогих. Поэтому в благотворительных рамках при медицинских обществах создавались медицинские заведения типа амбулаторных пунктов, благотворительных лечебниц, санаториев и больниц. В 1890 г. их насчитывалось около 100[56].

В 1890-е гг. открываются «Бесплатная лечебница для приходящих больных Кубанского медицинского общества» (1890), «Кубанская община сестер милосердия» (1894)[57]. «Глазное отделение при Екатеринодарской войсковой больнице» (1899), финансируемые за счет Кубанского Казачьего Войска и «Кавказского отделения попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых»[58]. Благотворительная помощь больным туберкулезом школьникам осуществлялась при Екатеринодарском медицинском обществе, которое в 1903-1908 гг. содержало летнюю

колонию[59]. Организовывались городские кратковременные заведения для физически ослабленных детей, колонии при 15-м и 16-м городских училищах г. Екатеринодара[60]. Строились новые медицинские благотворительные заведения: в Армавире на частные пожертвования больница им. Ф. Довжиковой, амбулаторный пункт «Общества пособия бедным»[61]; «Детский санаторий во имя Христа Спасителя на Тонком Геленджикском мысу Черноморской губ.»[62]; при «Кубанской общине сестер милосердия» были построены лазарет (1914) и водолечебница (1916)[63].

Помощь заключенным оказывали три благотворительные организации: «Областной комитет общества попечительного о тюрьмах» (осн. 1867), «Кубанский исправительный приют с мужским и женским отделениями» (осн. 1898), «Кубанское общество покровительства лицам, освобожденным из мест заключения» (осн. 1911)[64].

Многообразие сфер помощи вызвало *специализацию* общественных объединений, которая на Кубани наиболее быстрыми темпами проходила на рубеже XIX-XX вв. Это свидетельствовало о процессах качественного изменения в создании объединений и размежевания по целям и политической направленности. Часть обществ, таких, как «Общества распространения грамотности и образования», «Общество попечения о народном образовании», «Общества бесплатных библиотек», «Общества попечения о народных школах», «Общества устройства народных чтений» перешли из статуса благотворительных организаций в статус просветительских, из ведения МВД в подчинение Министерству народного просвещения. В 1901 г. на Кубани стало действовать «Общество распространения в народе грамотности и полезных знаний» с филиалами в городах Темрюке и Майкопе, станицах Усть-Лабинской, Кущевской, Каневской, Пензенской, Пашковской, Уманской, Северной и хут. Романовском[65]. Существенным стало влияние общероссийских

организаций на реорганизацию, открытие новых объединений в провинции.

В дни зимних каникул 1902-1903 уч. года проходил всероссийский съезд учителей, который отмечал необходимость расширения целей учительских обществ, способствовал утверждению новых уставов. Вместо «Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Кубанской области и Черноморской губ.» было утверждено «Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в Кубанской области и Черноморской губ.» (14.02.1902)[66]. Едва заметное изменение в формулировке практически полностью изменило устав. Новая организация преследовала цели различного вида помощи для нуждающихся в казенных, общественных, частных учебных заведениях, находящихся как в введении дирекции народных училищ Кубанской области, так и учителей церковноприходских школ.

В 1902 г. в Москве возникло еще одно учительское объединение – «Общество попечения о детях народных учителей»[67]. На Кубани аналогичная деятельность выразилась в организации «Общежития для детей действительных членов Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в Кубанской области и Черноморской губ.»[68].

Самодеятельное движение подвергалось влиянию политических процессов. Наиболее сильно под политическое влияние подпадали *профессиональные* общества взаимопомощи. Весной 1905 г. проходили всероссийские съезды эпидемиологов, учителей, инженеров, адвокатов, профессоров и преподавателей высшей школы, агрономов, журналистов. На них были приняты платформы профессионально-политических союзов, вынесены решения об объединении в «Союз союзов». Первый съезд «Союза союзов» открылся в Москве 8 мая 1905 г., на нем присутствовали 60 делегатов, представлявших четырнадцать профессионально-политических союзов[69]. Главной целью Союза оставалось размежевание

профессиональных обществ от деятельности благотворительной и закрепление их на уровне политических союзов. На третьем съезде «Обществ взаимопомощи» утверждалось: «...Съезд признает необходимым, чтобы существующие общества взаимопомощи преобразовались в профессиональные союзы или сливались с ними ... тем или иным путем фактически подчиняли свою деятельность как касс взаимопомощи профессиональным союзам»[70]. Временные правила об обществах и союзах 4 марта 1906 г. закрепили формирование профессиональных организаций в рамках «обществ взаимопомощи»[71]. Однако, разногласия политического характера мешали процессу объединения в «Ейском обществе взаимопомощи учащим и учившим в разного рода учебных заведениях Ейского отдела», «Обществе взаимопомощи учащим и учившим г. Темрюка». Политическая работа велась в Армавирском и Екатеринодарском отделениях «Армянского благотворительного общества на Кавказе». Более того, в Армавире в правление общества были избраны руководители партии Армянского революционного союза (Дашнакцутюн)[72].

Благотворительные организации Кубани, как и большинство общественных объединений России в целом, прошли процесс *централизации.* Он выражался в создании филиалов и отделений в конце XIX в. и объединении на основе добровольных инициатив в начале XX в. Самодеятельные объединения, в хаотическом порядке возникшие в 1890-е гг., было необходимо упорядочить. Одним из важных аспектов общественного движения этого периода стало укрупнение организаций, происходившее по инициативе «сверху». Центральные благотворительные объединения разворачивали свою деятельность на Кубани, опираясь на уже имеющиеся общества. Были открыты отделения и филиалы Российского общества Красного Креста, Ведомства учреждений Императрицы Марии, Попечительства о домах трудолюбия,

Попечительства о народной трезвости.

Так, на Кубани в ведении Ведомства учреждений императрицы Марии находилось 3 учреждения: «Мариинский женский институт», «Кубанский войсковой приют для девочек» и «Глазное отделение при Екатеринодарской войсковой больнице»[73]. Здание «Кубанского войскового приюта» вначале строилось женским благотворительным обществом. Постройка обошлась организации в 26 тыс. руб., что истощило его ресурсы[74] и вынудило передать в Ведомство учреждений императрицы Марии.

Российское общество Красного Креста (осн. 1868) было правительственной организацией, созданной для помощи в период чрезвычайных обстоятельств. Кавказское окружное правление РОКК к 1899 г. имело 8 местных отделений и 4 комитета в городах[75]. На Кубани в ведении РОКК было две организации: местное управление (1893)[76] и «Община сестер милосердия»[77].

Еще одной мощной благотворительной организаций, созданной государством, было «Попечительство о Домах Трудолюбия» (осн. 1895)[78], созданное по личному распоряжению государя. 80-е годы XIX в. с уверенностью можно назвать временем пропаганды «трудовой помощи» неимущему населению всей России. По всей империи ездили инициаторы, подобно барону О.О. Буксгевдену, с идеями насаждения «трудовой терапии»[79]. Периодические поездки по провинции дали практические результаты. К 1895 г. было создано более 50 провинциальных Домов Трудолюбия. На Кубани был создан «Комитет учредителей улучшения народного труда в память царя-освободителя Александра II»[80].

Но на Кубань, остававшуюся периферией империи, только в августе 1898 г. прибыл чиновник Ставропольского Духовного Ведомства Г.И. Голотузов, который занялся пропагандой устройства попечительств. Созданное по его инициативе «Кубанское Попечительство о Домах

трудолюбия» (1899) было одним из первых на Кавказе[81]. К 1900 г. существовало всего два Дома трудолюбия в городах Ростов-на-Дону и Тифлисе[82].

После буржуазно-демократической революции процесс укрупнения обществ приобрел совсем иной характер. Так, по всему Кавказскому региону к 1911 г. «Армянским благотворительным обществом на Кавказе» было открыто 42 отделения,[83] среди них кубанские – в Екатеринодаре, Армавире. При этом, с открывшимся отделением «Армянского благотворительного общества на Кавказе» было объединено «Армянское дамское благотворительное общество» (1908).

Одновременно проявлялся процесс децентрализации на региональном уровне, вызванный усилением опеки со стороны местных властей. Наглядно это обнаруживалось в работе «Попечительства о народной трезвости». Правительственные чиновники не желали нести общественную нагрузку, бесплатно работая в управлениях обществами. Собрания членов попечительств были малочисленны и проходили редко. Из числа обязательных членов в 1903 г. на заседание комитетов являлась в среднем только половина участников. Видя такое положение, «Кубанский областной комитет попечительства о народной трезвости» уже через год после начала своей деятельности возбудил ходатайство об учреждении местных участковых попечительств, правильно считая, что конечный успех деятельности обществ народной трезвости зависит от местных обывателей.

Трагично складывалась судьба Домов трудолюбия. По всей России нехватка элементарных заведений призрения превращала Дома трудолюбия в богадельни и ночлежки. Екатеринодарский Дом Трудолюбия был заложен в местном банке за 16 тыс. руб.[84] Назначенные административным порядком члены организаций были безынициативны. В эффективности системы трудовой помощи 26 апреля 1906 г.

«Попечительство о Домах Трудолюбия и Работных Домах» было переименовано в «Попечительство о Трудовой помощи», под эгидой которого объединились «Попечительские общества о Домах Трудолюбия», «Попечительные общества при Ольгинских детских приютах», кружки трудовой помощи, городские и земские учреждения трудовой помощи. Попытки централизовать инициативы общественности на местах не увенчались успехом. В 1911 г. была предпринята попытка отчетов всех учреждений трудовой помощи по опросным бланкам. Всего были собраны сведения по 253 организациям, большинство из которых находилось в столицах[85]. В 29 губерниях, в числе которых была и Кубань, существовало только по одному попечительству о трудовой помощи.

С другой стороны, среди инициативной общественности стала более существенной поддержка государственных мероприятий, отвечающих потребностям регионов. В среде провинциальной интеллигенции дискутировались проблемы алкоголизма, медицины, феминизации. Наиболее образованные слои населения пришли к выводу, что работа по «ограждению населения от пьянства» возможна при тесном взаимодействии «Попечительств о народной трезвости» с деятельностью общественности и церкви. В 1905-1915 гг. на Кубани были утверждено более 20 особых, городских и сельских «Попечительств о народной трезвости». Были созданы «Екатеринодарское общество борьбы с пьянством» (1908); «Кружок трезвенников при Покровской церкви г. Екатеринодара» (1909); «Майкопское общество борьбы с пьянством» (1909), «Ливонское общество трезвости «Линда»[86]. На общероссийском уровне в 1911 г. был утвержден «Устав состоящего под покровительством Его Императорского Высочества великого князя Константина Константиновича Всероссийского Трудового Союза христиан-трезвенников». В 1913 г. были открыты «Кубанский отдел Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников»,[87] «Кружок трезвой

христианской молодежи при Александровском реальном училище»[88].

В ноябре 1909 г. был утвержден устав «Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом»[89]. Через два года, в декабре 1911 г., начал свою деятельность «Екатеринодарский отдел Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом»[90].

Кубанские женщины, передовая общественность поддерживали общие для страны проблемы женской эмансипации – создание «женских клубов»[91], которые должны были стать «...просветительными и благотворительными, воспитывающими женское самосознание»[92] учреждениями. Идея эта стала еще более актуальной после проходившего в декабре 1908 г. «Первого Всероссийского женского съезда». На Кубани работа съезда получила отголосок в инициативе женщин по организации помощи женщинам-заключенным. Предполагалось открыть «Женское отделение о тюрьмах комитета»[93]. В 1910 г. было создано «Мусульманское дамское благотворительное общество на Кавказе»[94], деятельность которого распространялась среди мусульманок Кубани.

Продолжали развиваться связи центральных и местных учреждений, как в восстановлении деятельности старых обществ, так и в открытии новых. Заново была организована помощь заключенным. Если в XIX в. она осуществлялась благодаря благотворительным «Попечительствам о тюрьмах»[95], то в начале XX в. появились самодеятельные благотворительные организации типа «Кубанского общества покровительства лицам, освобождаемых из мест заключения (патронат)» (осн. 1911)[96].

* * *

Взаимодействие местных обществ проходило не только под влиянием центральных российских обществ – «сверху», но и «снизу»: в среде провинциальных объединений крепли самодеятельные инициативы. Революция была политическим этапом, который изменил характер всего

общественного движения. Оно стало более самостоятельным и активным в создании обществ, выборе целей, корректировке деятельности. Расширилась социальная база участников всех общественных организаций, включая благотворительные.

Появление обществ самой широкой направленности, размежевание по целям, децентрализация управления на местах и объединение в рамках самодеятельных инициатив на государственном уровне – все это повлияло на характер благотворительного движения в целом, поставив его на более высокий уровень в определении целей и выполнении задач организаций.

Благотворительность с конца XIX в. стала той сферой, в которой утверждались уставы общественных объединений. «По условиям того времени, – писала известная благотворительница женского движения Анна Павловна Философова, – общество не могло явиться просто женским союзом, женским клубом, оно должно было частью принять характер благотворительный и поставило задачей взаимопомощь как материальную, так и духовную»[97]. Эта особенность благотворительности отмечена не только в мемуарах, но и в исследовательских работах: «При старом порядке, когда учреждение просветительных обществ было крайне затруднено, деятели народного образования нередко пользовались ширмой благотворительных обществ с чисто просветительными целями»[98]. Поэтому часть просветительных, образовательных, национальных, религиозных, женских, то есть тех самодеятельных объединений, официальное открытие которых было затруднено или воспрещалось, открывалась по типовым уставам благотворительных обществ.

Таким образом, несовершенство законодательной базы для легальной общественной деятельности в конце XIX в. возводило благотворительное движение в рамки феномена. Однако, феномен заключался не столько в численном росте благотворительных объединений, который может быть объяснен сложившейся практикой

подсчета, многочисленностью кратковременных организаций[99], а в том, что российское общественное движение формировалось в тесной связи с благотворительными инициативами и благодаря личному подвижничеству, с непосредственным использованием благотворительных методов сбора и распределения пожертвований. *Поэтому о феномене только благотворительного движения говорить некорректно. Благотворительность конца XIX – начала XX века отражала прежде всего темпы формирования гражданского общества в России, стремления к самоорганизации, взаимопомощи и самоуправлению.*

Примечания:

1 Медицинское общество (22.09.1883 г.) и (23.12.1890 г.) // Кубанские Областные Ведомости (далее КОВ). 1892. № 7. Ч.Н. С.2-3; Общество ветеринарных врачей Кубанской области (первое на Кавказе) (7.11.1899 г.) // КОВ. 1899. N 240. С.2.

2 Общество любителей изучения Кубанской области (1897); Екатеринодарское отделение Российского общества сельскохозяйственного птицеводства // Краснодару – 200 лет. Краснодар, 1993. С.36; Кубанский календарь на 1899 г. Екатеринодар, 1899. С.36.

3 Кубанское общество потребителей (1897) // См.: Краснодару – 200 лет. С.36; Кубанский календарь на 1899 г.

4 Екатеринодарский кружок любителей музыки (1889); Екатеринодарское отделение Императорского Российского Музыкального общества (1900); Ейский кружок любителей музыки (1892); Музыкально-драматическое общество г. Новороссийска (1895); Артистический кружок г.Майкопа (1898) // См: Краснодару – 200 лет. С.36; Кубанский календарь на 1899 г.

5 Кубанское скаковое общество (1893) // См: Краснодару – 200 лет. С.36; Кубанский календарь на 1899 г.; Кубанское общество правильной охоты (1895) // КОВ. 1895. № 53. С.2.

6 В 1890-х гг. были созданы: Кубанское окружное правление общества спасения на водах (1894) с отделением в Ейске, Анапе, Темрюке // См: Краснодару – 200 лет. С.36; Кубанский календарь на 1899 г.

7 Кубанское общество народных университетов; Майкопское общество народных университетов (1908); Армавирское просветительное общество; Лабинское образовательно-артистическое общество; Майкопский кружок любителей природы; Литературно-драматический кружок в ст. Крымской; Вознесенское общество образования (1908); Кубанское общество образования; Кубанское просветительное общество или Кубанске Просвите Товариство с отделениями в Тихорецке, Кущевской, Усть-Лабинске, Уманской. (См: Государственный Архив Краснодарского Края (далее ГАКК). Ф.454. Оп.2. Оп. Д.4044. Л.32 и Оп.1. Д.3652. Л.1.

8 Майкопский кружок любителей природы (1907); 1-ое Армавирское отделение о-ва

распространения грамотности среди грузин (1907); Лабинское образовательно-артистическое общество в ст. Лабинской (1907); Общество любителей драматического искусства г. Анапы.; Екатеринодарский эллинский артистический кружок (1907); Общество образования ст. Вознесенской (1908); Екатеринодарский художественный кружок при картинной галерее Коваленко (1909); Кореновское общество образования (1909); Общество «Майский союз» в ст. Лабинской (1910); Музыкальное певческое общество г.Ейска (1910); Усть-Лабинское общество распространения образования (1910); Армавирское музыкальное общество (1911); Анапское артистическое общество (1911); Кубанское общество садоводов (1911); Общество физического воспитания г.Анапы; Екатеринодарское гимнастическое общество «Сокол» (1912); Анапское общество правильной охоты (1912); Общество образования ст. Урупской (1915). См.: ЕАКК. Ф.587. Оп.1. Д.1057.

[9] Сидоренко Т.Н. К истории развития потребительской кооперации на Кубани (нач. XX в.) // Голос Минувшего: Кубанский исторический журнал. 1997. № 4. С.22.

[10] Благотворительность в России. 1907 г. СПб., Разд.: «Приходские попечительства при православных церквах». С.66. Число приходских церквей было 37465 (к 1902 г.) и общее число попечительств достигло 19450. Обществ трезвости в России (к 1902 г.) насчитывалось 654. по далеко неполным данным.

[11] Благотворительность в России. СПб., [б.г.]. / Табл.: Сводная таблица сведений об учреждениях, оказывающих призрение и благотворительную помощь в Российской империи за 1901 год. C.LXXVII. Примечание: по другим данным к 1902 г. на Кавказе существовало 269 благотворительных учреждений. См.: Благотворительность в России. СПб., 1907. С.44.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Кубанская область. С.VIII. Разд. «Грамотность».

[15] Общество вспомоществования учащимся Кубанской учительской семинарии (1908); Общество для вспомоществования беднейшим ученикам Ейского реального училища (1891); Общество вспомоществования нуждающимся ученикам Екатеринодарской городской мужской гимназии (1892); Общество вспомоществования нуждающимся ученикам 2-ой Екатеринодарской женской гимназии (1905); Общество вспомоществования нуждающимся ученикам 1-ой гимназии (1912); Благотворительное общество Кубанского Мариинского женского института (1912); Общество для содержания мужской гимназии хут. Романовского (1908); Общество для содержания женской прогимназии хут. Тихорецкого (1908); Общество соревнователей при Ейской мужской гимназии (1913); Общество вспомоществования нуждающимся учащимся мужской и женской гимназии в г.Анапе (1915).

[16] Общество вспомоществования в Ейских учебных заведениях; Общество вспомоществования нуждающимся в учебных заведениях г. Майкопа; Общество вспомоществования нуждающимся учащимся города Анапы; Общество вспомоществования беднейшим учащимся в учебных заведениях г. Темрюка; Общество вспомоществования нуждающимся учащимся училищ ст. Баталпашинской в память Н.В. Гоголя.

[17] Общество вспомоществования учащимся 2-х классной женской, начальной, церковноприходских школ ст. Константиновской; Общество вспомоществования нуждающимся учащимся мужской 2-х классной, женской начальной и церковно-приходских школ ст. Полтавской.

[18] Общество для поддержки женского образования хут. Романовского.

[19] Общество вспомоществования нуждающимся учащимся училищ для иногородних; Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в Лабинском для иногородних училище.
[20] Устав организации был утвержден 20.12.1894 г. См.: Благотворительность в России. СПб., 1907. Т. I. Попечительство о народной трезвости.
[21] Кубанский календарь на 1903 г. Екатеринодар, 1902. С.355.
[22] Благотворительность в России. СПб., 1907. Т.1. Разд.: «Обозрение общих выводов». С.48.
[23] Там же.
[24] РГИА Ф.575. Оп.3. Д.4104. Л.1.
[25] КОВ. 1902. №.226. С.1.; Там же. 1902. №196. С.1; Там же. № 248. С.1.; Там же. 1902. № 276. С.1.
[26] Керенский А. Мемуары. М., 1993. С. 17.
[27] Ейский временный благотворительный комитет (28.11.1891 – 20.01.1892) // КОВ. 1892. №13. Ч.Н. С.2; Екатеринодарский благотворительный комитет (01.01.1892 – 01.06.1892) г. // КОВ. 1893. № 40. Ч.Н. С. 1.; Частный комитет помощи голодающим г. Армавира (15.03.1898 – 04.04.1898) // КОВ. 1898. № 102. С.5-6; Центральный комитет Лабинского отдела помощи от неурожая 1897 г. // КОВ. 1898. № 100. С.3; Дамский кружок помощи голодающим 1907 г. // КОВ. 1907. № 58. С.1; Ейский комитет помощи голодающим (15.12.1906 – 01.04.1907) // ГАКК. Ф.454. Оп.1. Д.5930. Л. 134; Исполнительная комиссия по оказанию помощи безработным и бедным семьям (13.12.1905 – 11.04.1906) // КОВ. 1906. С.1; и др.
[28] КОВ. 1893. № 40. Ч.Н. С.1.
[29] Отчет о деятельности правления Екатеринодарского благотворительного общества за 1893-1895 гг. Екатеринодар, 1895. С.9.
[30] ГАКК. Ф.587. Оп.1. Д.1057. Л.137- об.
[31] Ейская городская богадельня (1890), ночлежный приют «Екатеринодарского мужского благотворительного общества (1894) и «Темрюкского благотворительного общества» (1896), Дом призрения и Ночлежный Дом Общества пособия бедным в г. Майкопе (1899).
[32] Благотворительность в России. Разд.: «Кубанская область». С.20-21.
[33] КОВ. 1898. № 224. С.3.
[34] Благотворительность в России. Разд.: «Кубанская область». С.20-21.
[35] Приют «Ейского общества пособия бедным» (1904); Приют «Армавирского общества попечения о детях» (1904); Дневное убежище для бесприютных детей Екатеринодарского благотворительного общества (1904).
[36] ГАКК Ф.454. Оп.1. Д.6161. Л.17.
[37] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Кубанская область. С.V.
[38] ГАКК Ф.454. Оп.2. Д.3679, Л.9-а.
[39] Там же. Д.3694. Л. 12.
[40] Там же. Д.3940. Л.70.
[41] См.: Устав женского армянского благотворительного общества в г.Майкопе. Б.м., б.г.; ГАКК. Ф.454. Оп.2. Д.3911. Л.18.
[42] ГАКК Ф.587. Оп.1. Д.1057. Л.138-об; Ф.454. Оп.2. Д.3944. Л.50об; Ф.587. Оп.1. Д.1057. Л.136.
[43] КОВ. 1906. №. 250. С.1; Там же. 1912. №. 76. С.1.
[44] ГАКК Ф.587. Оп.1. Д.1057. Л.140 об.
[45] Среди организаций, имевших статус «обществ взаимопомощи», были страховые, сберегательные объединения. См.: Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз и

И.А. Ефрон. СПб., 1897. Т.XXI. Разд.: [Общество]. С.610.

[46] Общество вспомоществования приказчиков и служащих в частных коммерческих учреждениях г. Екатеринодара (1894); Общество взаимного вспоможения приказчиков и частного профессионального труда г. Майкопа (1897); «Общество взаимного вспоможения учащим и учившим в начальных училищах Кубанской области и Черноморской губ. (1897); Екатеринодарское отделение Санкт-Петербургского врачебного общества Взаимной помощи (1896).

[47] Касса взаимопомощи врачей при отделении Санкт-Петербургского общества врачей (1901).

[48] Они возникли при Екатеринодарской городской мужской гимназии (1891 и 1898); Екатеринодарском Александровском городском училище (1896), Ейском реальном училище (1881); Майкопском Александровском городском трехклассном училище (1898); Кассе последней помощи при обществе учителей (1902).

[49] Такие, как «Кубанская общедоступная похоронная касса» (1895), «Майкопское общество взаимопомощи на случай смерти», «Ейская касса взаимопомощи на случай смерти»., «Ссудосберегательная касса учащих и служащих в учебно-просветительных учреждениях г. Армавира», «Ссудосберегательная касса тюремных служащих в г. Екатеринодаре», «Касса служащих в торговле т-ва Л. Арзумаров и К°», «Пенсионная касса Владикавказской железной дороги».

[50] Чарнолуский В. Учительские общества, кассы, курсы и съезды. СПб., 1901. С.47.

[51] ГАКК. Ф.587. Оп.1. Д.1057. Л.137-147.

[52] Уже к январю 1912 г. в Кубанской области было 67 ссудосберегательных товариществ, где в среднем на одно товарищество приходилось 786 чел., и ссуд выдавалось в течение 1911 г. на 7 млн. руб. // КОВ. 1912. № 268. С.2. Помимо этого, действовало 68 обществ «взаимного кредита» // КОВ. 1913. № 272. С.2. В 1912 г. был открыт Кубанский центральный союз учреждений мелкого кредита, который объединил 40 товариществ. К 1917 г. в союз входили 105 кредитных и 54 ссудосберегательных товариществ. См.: Ратушняк В.Н. Сельская кооперация Северного Кавказа в период капитализма // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 1983. С.60-61.

[53] Отчет о деятельности Покровского г. Екатеринодара церковно-приходского попечительства за время с 12.04. 1909 по 01.01. 1911 гг. Екатеринодар, 1911. С.1.

[54] Православное братство Св. Пророка Осии, основанное в память 17-го октября 1888 г. в г. Майкопе (1890); Кубанское Александро-Невское религиозное братство (1894); Православное братство Св. Великомученика Артемия при Троицкой церкви ст. Новощербиновской» (1895). Благотворительность в России. Т.2.;Ч.2. «Кубанская область». С. 14-21.

[55] Андреева О.В. Динамика религиозных воззрений населения Кубани (конец XVIII-XX в.) // Краснодару – 200 лет. Тезисы краевой научно-практической конференции. Краснодар, 1993. С. 140.

[56] Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX-XX вв.. Пособие по спецкурсу. М., 1982. С.42.

[57] КОВ. 1891. № 8. Ч.Н. С.3, Там же. 1894. № 44. 15 июня Ч.Н. С.1.

[58] В марте 1899 г. на службу в Кубанскую область был назначен военный врач. Воспользовавшись его прибытием, так как до этого года окулистов в области не было, начальник области открыл 15 апреля 1899 г. глазное отделение при Екатеринодарской войсковой больнице // КОВ. 1900. № 236. С. 1.

[59] Отчет постройки детского санатория «Во имя Христа Спасителя» на Тонком Геленджикском Мысу Черноморской губ. для слабых и больных детей, «Убежища для бесприютных детей школьного возраста в г. Екатеринодаре». Екатеринодар,

1912. С.65.

[60] Летний детский санаторий-колония в г. Майкопе // КОВ. 1901. № 87. С.2.

[61] ГАКК. Ф.454. Оп.2. Д.3717. Л.101.

[62] Там же. Оп.1. Д.6161. Л.17.

[63] См.: КОВ. 1914. № 246. С.1; Екатеринодар – Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к летописи. Краснодар, 1993. С.151.

[64] ГАКК. Ф. Р-365. Оп.4. Д.3. Л.6-7; Ф. Р-1260. Оп.1. Д.11. Л.3.

[65] Лях В.И. Просвещение и культура в истории кубанской станицы. 1997. Краснодар, С. 163.

[66] ГАКК. Ф. 454. Оп.2. Д.4033. Л.9.

[67] Паначин Ф.Г. Учительство и революционное движение в России. (XIX – нач. XX в.) М., 1986. С.88.

[68] Благотворительность в России. Общие выводы. С. 16.

[69] Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М.. 1966. С.97-98.

[70] Святловский В.В. История профессионального движения в России. Л., 1924. С.63.

[71] Официальное утверждение «Екатеринодарского взаимовспомогательного общества фельдшеров» отклонялось на протяжении нескольких лет. Только когда с инициативой выступили сельские фельдшеры, их организационная кампания завершилась успехом (23.10.1910 г.).

[72] Карапетян Л.И. Из истории армянских политических партий на Кубани в начале XX в. // Армяне Северного Кавказа. Краснодар, 1995. С. 142.

[73] Благотворительность в России. Т.1. Разд.: «Кубанская область».

[74] ГАКК. Ф.Р-1547. Оп.1. Д.155. Л.153.

[75] Бакинское, Владикавказское, Кубанское, Темир-Хан-Шурское, Кутаисское, Пятигорское, Ставропольское, Эриванское; комитеты в Новороссийске, Дербенте, Игдырске, Темир-хан-Шурске. См.: Благотворительная Россия. СПб., 1903. Т.I. С.239.

[76] Религиозно-просветительные братства и общества. Благотворительные, ученые, экономические, музыкальные и т.д. в Кубанской обл. // Кубанский календарь на 1899 г.

[77] Благотворительность в России. Т.2. Ч.2. Разд.: Кубанская область. С. 14.

[78] См.: Русские Дома Трудолюбия, состоящие под Августейшим покровительством Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны. М., 1900. С. 10.

[79] Благотворительность в России. Т.2. С. 198.

[80] ГАКК. Ф.470. Оп.1. Д.1301. Л.5.

[81] Устав Попечительного Общества о Доме Трудолюбия в г. Екатеринодаре. Екатеринодар, 1899. С.9.

[82] Русские Дома Трудолюбия. С. 10.

[83] 'Благотворительные учреждения России. СПб., 1912. С. 167.

[84] КОВ. 1906. № 21. С.1.

[85] Указатель учреждений о трудовой помощи на 1913 г. СПб., 1913 / Состоящее под августейшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни императрицы Александры Федоровны Попечительство о трудовой помощи. С.111.

[86] ГАКК. Ф.454. Оп.2. Д.3992. Л.35; Отчет о деятельности Покровского г. Екатеринодара церковно-приходского попечительства за время с 12.04. 1909 по 01.01.1911 гг. Екатеринодар, 1911. С.2; ГАКК. Ф.587. Оп.1. Д.1057. Л.136, 145.

[87] РГИА Ф.575. Оп.3. Д.4125. Л.76об.

[88] Кубанское Александровское реальное училище в г. Екатеринодаре. Обзор деятельности Кубанского Александровского реального училища за 1913-14 учебный год. Вып.2. Екатеринодар, 1915. С. 11, 13.

[89] Страшун И.Д. Русская общественная медицина в период между революциями 1907-1917 гг. М.. 1964. С.167.

[90] Отчет о деятельности Екатеринодарского отделения Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом за 1912. Екатеринодар, 1913.

[91] В апреле 1912 г. в Екатеринодаре состоялось учредительное собрание «Женского клуба», а с ноября он начал свою деятельность. См.: Бардадым В. Женский клуб в Екатеринодаре // Советская Кубань. 1991. 8 марта. № 47. С.3.

[92] КОВ. 1907. № 77. С.1.

[93] Тамже. 1913.№ 19. С.2-3.

[94] Устав Мусульманского дамского благотворительного Общества на Кавказе. Тифлис, 1912. С.2.

[95] В Ставрополе «Комитет попечительства о тюрьмах» основан в 1837 г., на Кубани – после Кавказской войны в 1867 г. открыт «Областной комитет общества попечительного о тюрьмах». В 1874 г. открыты его отделения в Майкопе и Ейске, в 1889 г. – в Лабинске, в 1894 г. при Баталпашинской тюрьме, в Темрюке (без указ. года). См.: Благотворительные учреждения Российской империи. СПб., 1900. Т.3. С.221-225, 794-796.

[96] ГАКК. Ф. Р-1260. Оп.1. Д.11. Л.3.

[97] Сборник памяти А.П. Философовой. Пг., 1915. Т.1. С.378.

[98] Чарнолуский В. Частная инициатива в деле народного образования. СПб.. 1910. С.125-126.

[99] Трудность определения общего количества организаций заключается в том, что к числу благотворительных учреждений относились многочисленные кратковременные объединения, организующие работу по «нормальному уставу» – ясли, колонии, санатории, приюты, детские площадки; общества, действующие в других регионах России в отношении выходцев с Кубани; открываемые в годы бедствий и войн – временные частные, городские, уездные комитеты помощи; а также многочисленные организации с неопределенным или трансформируемым статусом.

Ю.Х.Карданова

Основные направления религиозной политики российской империи на Северном Кавказе во второй половине XIX вв.

Во второй половине XIX в., после окончания русско-кавказской войны, российская империя начала создавать новую систему управления горцами Северного Кавказа и проводить реформирование практически всех сторон их жизни. В силу этого отношение к мусульманам региона и будущее ислама во многом зависело от нового политического, социально-экономического и правового контекста.

На Северном Кавказе было сформировано *военно-народное управление*, главной задачей которого была «подготовка местного населения к дальнейшим, более глубоким реформам, призванным приспособить общественно-политический строй горцев Северного Кавказа к социально-экономическому и политическому строю России»[1]. Военно-народное управление включало в себя, во-первых, создание определенной административно-общественной системы, которая была бы способна поддерживать правопорядок в горских общинах, во-вторых, включении северокавказских народов как субъектов Российского государства в общегосударственную общественно-административную правовую систему и приобретении ими всех прав и обязанностей российского подданного. Правительство умело воспользовалось привязанностью вновь вошедших в состав России народов к свои традиционным управленческим учреждениям и *«посредством признания их существенно ослабило враждебное противодействие мусульманских законов (шариата) процессам утверждения российских, государственных структур»*[2].

Методы воздействия российской администрации на исламскую ситуацию на Северо-Западном Кавказе.

• *Переселение наиболее радикально настроенных мусульман в Турцию* Во второй половине XIX в. влияние Турции на Северо-Западный Кавказ опосредованно осуществлялось. Турецкие миссионеры могли работать в этом регионе только негласно. Многие из них занимались пропагандой переселения горцев в Османскую империю. Об этом свидетельствуют архивные материалы ЦГВИА, в частности, дело № 93 «Телеграмма о появлении в Терской области турецких софтов, мулл и эмиссаров» (1897 г.).

Турецкими эмиссарами и заинтересованными лицами из местной феодальной верхушки распространялись слухи о том, что горцев насильно собираются перевести в православие и лишить последней земли. А в Турции – получат[3]. Заселение адыгами незаселенных пространств Турции[4]. *Были и местные авторитетные муллы и эфенди,* которые призывали к отъезду в Османскую империю. В Карачае идею исламской солидарности с ориентацией на Турцию особенно рьяно популяризировал среди населения кадий Магомед-эфенди Хубиев[5].

Российская империя не только не препятствовала этому процессу, но и во многом поддерживала его[6]. В переселении участвовали не *только местные исламские лидеры,* но *представители высшего сословия горцев Северо-Западного Кавказа,* состоявшие *на российской военной службе,* в частности, генерал-майор Муса Кундухов (осетин)[7]. В 1864 г. он перевез в Турцию 23057 чел.[8] Первая волна эмиграции имела место после окончания кавказской войны, когда часть черкесов, членов братства накшбандийя, предпочли изгнание покорности. Шейхи накшбандийя и кадирийя (Дагестан) крайне враждебно относились к русским властям. Те, кто не уехал в Турцию, в начале XX в. были сосланы российскими властями в Сибирь. Вторая волна – организация военных казачьих поселений на границах горских аулов. Третья волна была спровоцирована подготовкой первой переписи населений[9]. В 1860-е годы в Турцию переселясь и адыги,

и тюркоязычные карачаевцы. Так, по донесению генерал-лейтенанта Войсковому Наказному Атаману Кавказских казачьих войск 100 семейств карачаевцев выселилось в Османскую империю[10]. Время второй волны переселения, в 1890-е годы, переселялись и адыги, и тюркоязычные, например, балкарцы[11].

• *Ограничение исламского и развитие светского образования* Российское правительство опасалось чрезмерного распространения исламских знаний в народе, в силу чего ограничивало работу исламских образовательных учреждений, предпочитая развивать в противовес им светское образование. В 1850 г. в Нальчике была открыта *школа военных воспитанников* – для детей русских офицеров и кабардинских князей и узденей *(горское отделение).* «Курс обучения в школе составляли: закон Божий, турецкий и арабский языки, русский язык, четыре правила по арифметике. Первые три предмета вел *благонадежный мулла,* а остальные – самый способный к этой должности первостепенный уздень Куденетов, человек преданный правительству и благонадежнейшего поведения»[12].

В 1859 г. российская администрация приняла решение об открытии на Кавказе *горских, школ* «для распространения *гражданственности и образования* между покорившимися горцами и для доставления служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средства к воспитанию и обучению детей»[13]. Такая школа была образована *Нальчикская окружная горская школа* (1861-1909 гг.). В уставе школы была определена следующая цель: «Распространение гражданственности и образования среди горцев»[14]. В Нальчикской школе учились дети высшего сословия всех народов Северо-Западного Кавказа. Важно подчеркнуть, что если исламские школы были на содержании горских обществ, светские школы имели российскую финансовую поддержку.

С начала 70-х годов при министерстве народного просвещения министром Д.А. Толстым подготовлен план расширения сети начальных

школ среди народов Поволжья, Урала, Сибири и Крыма. В 1869 г. в Петербург Министерство народного просвещения издало «Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев». Основная цель школьной политики в отношении нерусских народов состояла в следующем: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть *обрусение их* и слияние с русским народом»[15]. В 1870 г. был составлен план «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», в частности, в отношении татар-магометан там сказано: «Татары-магометане, населяющие губернии Казанского учебного округа и Крымский полуостров, входящий в состав Одесского учебного округа, составляют племя, нататизируемое многочисленным духовенством, богатое мечетями и магометанскими школами и крепкое в своей вере. Поэтому обрусение татар-магометан может быть введено лишь путем распространения русского языка и образования, с устранением всех таких мер, которые могли бы породить в этом, по природе подозрительном, племени опасение в посягательстве правительства на отклонение детей от их веры»[16]. Российские русификаторы работали не только на Кавказе, но и на других российских национальных окраинах, например в Туркестане, где исламские образовательные учреждения имели длительную историю. Мектебе и медресе в этом регионе были уже в X в.

Идеологом русификации народов на национальных окраинах России был *Н.И. Ильминский* (1822-1891 гг.), русский ученый-тюрколог, профессор Казанского университета и Духовной Академии. В основе его проекта лежала постановка начального образования на родном языке учащихся с параллельным изучением русского языка и последующим переводом обучения полностью на русский язык[17]. Именно он стал организатором православно-монархических школ в Поволжье[18]. Его опыт был использован при русификации тюркских народов в Туркестане[19]. В

1875 г. в Кабарде в трех селениях (Кучмазукино, Куденетово I, Шалушка) были открыты начальные русские школы, но просуществовали они недолго[20]. Второй этап создания таких школ относится к концу 1890-х годов, когда на всем Северном Кавказе были организованы *аульные начальные школы*, целью которых «должно быть обрусение их (т.е. местных жителей) и слияние с русским народом»[21]. В 1895 г. в западноадыгских аулах Екатеринодарской области для обучения русскому языку было отрыто три школы[22]. По данным на 1902 г. в Кабарде таких школ было 17, по данным на 1911 г. – уже 27. Учителями этих школ были русские[23]. По данным Ж.А. Калмыкова, в 1914 г. в кабардинских и балкарских селениях было 50 светских школ[24]. В 1907 г. в Нальчикском округе было создано *Общество распространения образования* среди кабардинцев и балкарцев Нальчикского округа. Мусульманское духовенство Северного Кавказа активно противилось этому российскому просветительству[25]. Российских русификаторов поддерживали местные пророссийски настроенные лица *(Крым-Гирей)* [26].

Средние учебные заведения на Кавказе были образованы во Владикавказе, Грозном, Тбилиси, Пятигорске. Высшее образование горцы могли получить в Закавказской учительской семинарии, в также в петербургских и московских институтах и университетах (в коммерческом, горном, технологическом, лесном институтах).

Процесс создания Кавказского учебного округа. Российская империя начала создавать систему учебных округов, на которые были поделены российские регионы, еще в 1830-е годы. Кавказ не вошел в эту систему. Долгое время школьное дело на Кавказе было в ведении Главноуправляющего Грузией и Закавказья. В 1848 г. было издано «Положение о Закавказском учебном округе» Кавказского наместника. Член совета Управления Закавказского края становился попечителем округа, подчинялся Кавказскому наместнику. В 1868 г был восстановлен

Кавказский учебный округ (попечитель – Я.М.Неверов)[27] На 1913 г. в округе было 3665 начальных училищ с 11034 учениками[28]. На 1916 г. на Кавказе было 44739 школ всех типов. В их число входило 855 *мусульманских,* в которых обучалось 28914 мальчиков и 3584 девочек. В Закавказье были открыты русские классы при мусульманских национально-конфессиональных школах. При этом в Закавказье было 3 млн. мусульман, а на Северном Кавказе 720 тыс. мусульман[29].

• *Возобновление православного миссионерства*

В 90-х годах открывались православные миссионерские школы у горцев, а российская администрация говорила, что откроет министерские. «Благодаря такой мудрой политике ревностных православных миссионеров, преследуемых манией какого-то панисламизма, горцы совершенно потеряли доверие даже к русской школе»[30]. «Жаль и очень даже жаль, что многие *благомыслящие* смотрят на русскую школу среди инородцев как на институт, созданный исключительно для привития к ним своих узконационалистических и прозелитивных тенденций». Об этом он писал после выхода закона о веротерпимости, надо прекратить прозелитизм[31].

Гедеон, Ставропольский митрополит, признавался: «Христианство, ведя упорную борьбу с исламом, несомненно, распространило бы в дальнейшем свое влияние и на ту часть обманутых черкесов, которые, поддавшись турецкой агентуре, покинули в 60-х годах прошлого века родной край. Ведь Христово учение несло горцам Северного Кавказа пронизанные гуманизмом высокие моральные принципы, смягчение нравов, уничтожение диких пережитков кровомщения, многоженства, просвещение, развитие письменности, зарождение национальной культуры и духовности»[32].

• *Ограничение правовой сферы адата и шариата.*

По мнению Х.М. Думанова, А.С. Омарова, В.О. Бобровникова, З.Х.

Мисрокова, И.Л. Бабич, изучивших механизм правовых реформ на Северо-Западном и Северо-Восточном Кавказе, российская администрация с небольшими ограничениями сохранила деятельность адатных судов в полном объеме[33]. Адатные суды сохранили за собой право рассматривать причинение первичных материального или физического ущерба. Были введены судебные органы, сельские и горские словесные суды, в которых была установлена комбинированная система наказания, включая российские уголовные законы, нормы адата и нормы шариата[34]. Основное различие между правовыми преобразованиями на Северо-Западном и Северо-Восточном Кавказе заключалось *в отношении к мусульманскому праву в этих регионах, которое до начала российских преобразований по-разному развивалось в этих субрегионах*. Опираясь на работы Л.Г. Свечниковой, Х.М. Думанова, З.Х. Мисрокова, К.А. Кокурхаева, М.Ч. Кучмезовой и В.О. Бобровникова, опишем судьбу мусульманского права в Северо-Западном регионе.

На Северо-Западном Кавказе согласно ханафитскому религиозно-правовому толку мусульманское право (арабск. *фикха}* имело незначительную сферу действия. При рассмотрении вопросов, связанных с разводом или наследования в этом регионе применялись и нормы адата, и шариата. Как свидетельствует собранный архивный материал Х.М. Думанова, наследственные нормы шариата применялись только в тех случаях, когда участники конфликта просили об этом[35]. Проблемы наследования чаще рассматривались по норме адата: старший и младший братья имели преимущественное право перед остальными братьями – их доли были больше[36]. Иногда применялась смешанная адатно-шариатная система наследования. При рассмотрении дел о разводе адыги применяли и нормы адата, и нормы шариата, но первые, как подчеркивала Л.Г. Свечникова, преобладали

Мусульманское право было сохранено при рассмотрении Горским

словесным судом, введенным Россией в 1860-е годы на Северо-Западном Кавказе. Горский суд при рассмотрении брако-наследственных дел применял мусульманское право, имея для этих целей Кадия *Как отмечают историки, применение горскими судами шариата вызывало большие проблемы в связи с отсутствием глубоких знатоков исламского права, что вызывало различных толкования применяемых норм* Хотя кадием Нальчикского округа был С. Чабдаров, человек, имевший глубокое образование, учившийся в каирском университете[37]. О некоторых из них писала И.Л.Бабич[38].

Политические взгляды духовных лиц исламские ориентиры – российская и турецкая ориентации. Во второй половине XIX в. в связи с установлением российского правления на Северном Кавказе количество пророссийски настроенных лиц, в том числе и среди мусульманского духовенства, постепенно увеличивалось Российскую власть поддерживали старшины, представители высших сословий в тех обществах, где была сословная иерархия, состоявшие, как правило, на военной службе в русской армии, а *также некоторые мусульманские служители*[39]. Были среди исламского духовенства Северо-Западного Кавказа и *антироссийские настроения.* В 1883 г. эфенди малокабардинского селения Хапцево Тари Мельхаунов возглавил в обществе силы, оппозиционные пророссийски настроенному старшине Мисосту Бориеву. Непримиримая позиция представителя духовенства привела к серьезным волнениям и привлечению к внутриобщинным делам военных властей. В результате расследования были установлены факты самоуправства Мельхаунова, которое выразилось в незаконном созыве сельского схода *и подстрекательстве его участников к неподчинению старшине и распоряжениям русских властей*[40].

• *Меры противодействия развитию антироссийских настроений в российском мусульманстве:*

1. «Обеспечение правительством надзора и контроля над действиями лиц, которых их религиозные убеждения часто ставят во враждебные к нему отношения;

2. Противодействование укреплению корпоративного духа в среде сословия, ищущего в такой связи членов своей силы и своего влияния,

3. Воспрепятствование вторжению в пределы наши из Персии и Турции чужеземных духовных лиц, особенно фанатически против нас расположенных,

4. Ограничение по возможности круга действий духовенства в среде населения мусульманского, не посягая при этом на его религиозные убеждения,

5. Создание зависимости влиятельной части духовенства от правительства, вернейшим способом к чему служит связать его материальные интересы со служением правительству,

6. Создание надзора за духовными учреждениями,

7. Принятие мер для приведения в известность разных видов духовных имуществ, которые ускользая от контроля направляются не в малой мере для поддержания духовенства заграничного»[41].

• *Создание жесткого контроля над исламской жизнью горцев Северо-Западного Кавказа.*

1. *Контроль за совершением хаджа в Мекку.* В ЦГА КБР обнаружены прошения на арабском языке на имя Начальника Кабардинского округа от жителей с просьбой *о разрешении поездки в Турцию* или *совершении паломничества к святым местам в Мекку и Медину*[42].

2. *Введение экзаменов для мусульманского духовенства.* Нальчикский Горский Словесный суд ввел экзамены претендентов на духовные должности. Для этого создавалась комиссия, которую возглавлял кадий суда. В одном из архивных источников встречается информация о

свидетельствах на право отправления должностей сельского и квартальных эфендиев 1-3-й степеней[43].

3. *Проведение съездов исламского духовенства*. Российская администрация в конце XIX в. ввела правило проведения съездов духовных лиц Кабарды.

4. *Введение правил утверждения духовных лиц российской администрацией.* Согласно проекту Правил по управлению аулами в Терской области от 1862 г. главой сельских священнослужителей был *аульный мулла*. Сельского муллу должен был избирать начальник округа из *«людей, наиболее преданных правительству*, известных своим умом, честностью и справедливостью», и обязательно обнаруживших «достаточное знание правил шариата»[44]. Окончательное же их утверждение предоставлялось начальнику отдела Кавказской линии. В начале 1890-х годов это правило было вновь подтверждено. 8 января 1893 г. начальник Терской области издал распоряжение «чтобы сельские муллы в магометанских селениях на будущее время назначались не иначе как по выбору окружного кадия и мною утверждались»[45].

5. *Участие исламского духовенства в органах российского управления на Северном Кавказе.* Исламская аристократия Северного Кавказа приглашалась на работу в государственные имперские структуры[46].

• *Определение подведомственности мусульман Северного Кавказа.* На Северном Кавказе не было самостоятельного духовного учреждения. Формально мусульмане Северного Кавказа были подчинены *Оренбургскому магометанскому* управлению. Не были подготовлены и *Правила Магометанского духовенства Северного Кавказа,* как это было сделано на других национальных окраинах Российской империи, в том числе и в Закавказье[47].

Если случались проблемы с применением мусульманского права,

Горские суды Северо-Западного Кавказа могли обратиться и в Оренбургское управление, и в Закавказское суннитское управление. Оренбургское управление не стремилось заниматься мусульманами Северного Кавказа. В составе Оренбургского управления «духовные дела означенных магометан (имеются ввиду мусульмане Северного Кавказа) остаются вне правильного надзора со стороны правительственных властей»[48]. Ими принимались отдельные решения по применению норм шариата в связи с обращениями Горских судов Северного Кавказа. Обычно если возникали ситуации с применением мусульманского права, Горский суд обращался в Закавказское сунитское управление, и лишь в редких случаях – в Оренбургский муфтият[49], который не знал, что делать, и за инструкциями обращались в Министерство внутренних дел. Министерство настаивало на том, чтобы именно Оренбургский муфтият консультировал кадиев Северо-Западного Кавказа по применению мусульманского права, поскольку они не имели своего духовное управления[50]. Интересно, что тех горцев Северо-Западного Кавказа, которые выехали в Турцию и решили вернуться на Кавказ, отправляли именно в Оренбургский муфтият[51].

В реальности решение всех вопросов, связанных с функционированием ислама на Северо-Западном Кавказе, находилось *в руках центральной и местной светской и военной власти*[52]. Мусульмане Северного Кавказа вошли в состав Кавказского наместничества, который был учрежден Екатериной II в 1785 г. В него входило две области: Кавказская и Астраханская[53]. Мусульманами Северо-Западного Кавказа руководило Кавказское наместничество, подчинявшееся Кавказскому комитету (1840-1883 гг.), центральному органу «высшего управления и надзора» за кавказской администрацией. Поэтому правила жизни мусульман Северного Кавказа формулировались исключительно чиновниками российской администрацией, руководствуясь в тех случаях, когда это было возможно, распоряжениями центральной администрации.

Так, в 1889 г. Департамент духовных дел издал положение о разрешении построек мечетей и утверждение мулл от областного Правления[54].

Российская империя установила определенные правила для выборов духовных лиц для всех духовных управления всех национальных окраин России, кроме мусульман Северного Кавказа. Например, в Таврическом духовном управлении «лица высшего магометанского духовенства назначались правительством, а приходские муллы избирались прихожанами и утверждались в Муфтияте»[55].

В конце 1880-х годов местное руководство Северо-Западного Кавказа безуспешно пыталось обустроить мусульман этого региона, организовать духовное управление Северного Кавказа (проекты командующего войсками Кавказского военного округа А.М. Дондукова-Корсакова об учреждении управления духовными делами мусульман Кубанской и Терской областей, 1889 г., 1893 г.)[56]. По проекту А.М.Дондукова, для каждого приходского (мечетского) общества полагалось по одному мулле. При больших мечетях (джума-мечеть) было несколько мулл, полагая по одному от 150 до 200 дымов, но не более пяти, один из них считался старшим[57]. Горцы Кубанской и Терской области имели право иметь одного муллу на *300 человек* мужского пола, муллы избираются населением, утверждение начальником области[58].

Основные положения проекта А.М. Дондукова: создание отдельного муфтията, при этом право определения числа приходов и мулл сохранялось за Начальником области. Духовное правление должно было состоять из четырех человек: муфтия, двух членов и русского секретаря. Кадии при Горских словесных судах сохраняли за собой право разбирать бракоразводные дела, организовывать экзамены духовным лицам на звание муллы, а также осуществлять надзор за мечетскими школами округа. А.М. Дондуков-Корсаков предлагал разделить духовенство на высшее и низшее. Духовное управление Северного Кавказа планировалось содержать за счет

добровольных сборов с мусульман региона. В этом существенное отличие организации работы духовных управлений в других национальных окраин российской империи. Безусловно, создание самостоятельного органа, который бы занимался жизнью мусульман Северного Кавказа, в значительной степени позволило бы ограничить действия местной администрации.

Тем не менее Департамент духовных дел России отказался принять этот проект и предпочел ограничиться изданием в 1889 г. положение о разрешении построек мечетей и утверждение мулл от областного Правления, а также об открытии новых мечетских училищ с разрешения Начальников областей. В результате деятельность северокавказских мулл носила децентрализованный и слабоконтролируемый характер.

Вопрос об упорядочении и преобразовании жизни мусульман Северного Кавказа возник вновь в начале 1890-х годов, когда была образована комиссия под председательством военного министра и директора Департамента духовных дел иностраных исповеданий. Комисия рассмотрела вопрос о мусульманамх Северного Кавказа, но тем не менее вновь отказалась создавать для них отдельное управление. Однако комиссия учредила *должность чиновника по особым поручениям* из мусульман при Главноначальствующем гражданской частью на Кавказе в целях надзора за духовенством и наблюдения за мусульманскими сектами в этом регионе. Помимо этого комиссия выработала проект о порядке управления мусульманским духовенством суннитского учения в Кубанской и Терской областях и отправила его на утверждение в Главный штаб, который его не утвердил.

В 1893 г. А.М.Дондуков подготовил новый проект по управлению мусульманами Кубанской и Терской области для рассмотрения его в Государственном Совете, в котором он предлагал учредить при главном начальнике Кавказского военного округа должность чиновника военного

ведомства для особых поручений по делам мусульманского духовенства, утвердить право иметь одного муллу на 300 человек мужского пола, предоставить право выбора муллы населением при дальнейшем утверждении начальником области, утвердить правило о строительстве мечетей с разрешения командующего войсками Кавказского военного округа. Мечети и примечетские школы должны были содержаться на деньги горских обществ. Вакуфы в этих областях не допускались[59]. В сущности, эти правила и так соблюдались на практике, однако Государственный Совет его не утвердил.

В 1903 г. вновь встал вопрос о реформировании управления мусульманским духовенством Кубанской и Терской областью, который рассматривался Главноначальником гражданской частью на Кавказе Голицыным. Однако в этом время в Санкт-Петебурге вышел новый *Указ о укреплении начал веротерпимости* и было учреждено *Особое Совещание по делам веры* (под председательством А.П. Игнатьева). Указ *1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости»*, касался всех конфессий в том числе и по старобрядцам. Там же: «признать подлежащим пересмотру законоположения, касающиеся важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания»[60]. Утверждение комитетом министров положения «Об укреплении начал веротерпимости» (1905 г.), в котором определяется порядок открытия магометанских духовных школ – мектебе и медресе, а также говорится об учреждении особых духовных управлений... для магометанских общин на Северном Кавказе»[61].

В 1903 г. вновь встал вопрос о реформировании управления мусульманским духовенством Кубанской и Терской областью, который рассматривался Главноначальником гражданской частью на Кавказе Голицыным.

Вопрос от реорганизации управления духовными делами мусульман Кавказа вновь был поставлен на проходившем в 1906 г. в

Нижнем Новгороде третьем всероссийском съезде мусульман России, где было предложено создать на Кавказе два муфтията и расширить компетенции духовных управлений[62]. После этого председатель Особого совещания А.П. Игнатьев провел встречу с представителями мусульман Терской и Кубанской областей, на которой было выработано положение о создании самостоятельного управления для мусульман Северного Кавказа с выборным муфтием (место расположения – г. Владикавказ). Однако в конце 1906 г. Особое совещание было ликвидировано и вопрос о северокавказских мусульманах перешел в Государственную Думу.

Отметим, что стремление создать свои муфтияты высказывали не только представители Кубанской и Терской областей, но и других северокавказских регионов. Так, в 1909 г. Ставропольский губернатор Б.М. Янушевич предложил создать в крае «губернский меджлис», как учреждение объединяющее и контролирующее деятельность мусульманских духовных лиц[63].

После этого Министерство внутренних дел провело *особое совещание по мусульманским делам*, на котором было принято решение о сохранении «Таврического и Оребургского муфтиятов в их прежних территориальных районах. В местностях же, не входящих в округа существующих муфтиятов, организовать управление духовных дел мусульманами»[64]. Таким образом, лишь революция помешала мусульманам Северного Кавказа приобрести свое самостоятельное управление.

В 1913 г. депутаты Государственной Думы в количестве 39 чел. внесли законодательное предложение об учреждении духовного управления для мусульман Северного Кавказа, которое не было поддержано депутатами[65]. В этот период появляется новый проект тайного советника В.П. Череванского (1836-1914 гг.) об учреждении духовного управления Северного Кавказа для «ослабления противодействия

стремления магометан к объединению на почве религиозных интересов» с подчинением Закавказскому окружному управлению[66].

Во второй половине XIX в. российская империя больше внимания уделяла Закавказским мусульманам. Еще в 1854 г. она издала указ о *порядке производства и решения дел по разделу имений между жителями Закавказского края магометанского исповедания*[67], согласно которому предоставлялось право во всех между мусульманами края спорах и тяжбах в делах семейных по разделу имений искать удовлетворения в *Духовном суде Шаро или Шариат*. Решение суда должно было быть переведено на русский язык и отправлено в органы российского администрации. В 1872 г. *был издан указ об управлении Закавказского Мусульманского духовенства - были созданы духовные управления шиитского и суннитского учений Закавказское духовное управление* включало в себя два управления: шиитское и сунитское. В состав управления вошли мусульмане Тифлиской, Елисаветпольской, Эриванской, Бакинской, Кутаисской. Не вошли: Черноморская губ., Дагестанская, Батумская, Карская области, Закатальский и Сухумский округа[68]. Положение Закавказского духовного управления отчасти отличалось от положений других правлений. Мусульмане Закавказья получили наиболее выгодное положение и большие свободы.

Формально российские власти отказывались передавать мусульман Северного Кавказа в Закавказское управление. Командующий войсками Кавказского военного округа А.М. Дондуков-Корсаков, (1882-1890 гг.) подчеркивал, что подчинение их Закавказскому управлению дело политически вредное. Это привело бы к объединению мусульман обеих частей Кавказа[69].

Итоги. Формально российская империя признавала свободу населяющих ее народов на вероисповедание, что и подтвердила своим Указом о веротерпимости (1905 г.). Тем не менее уже с начала XIX в.

ислам на Северном Кавказе стал приобретать политическую окраску (установление связи между исламской идеологией и русско-кавказской войной, между движением исламских реформаторов начала XX в. и радикальными политическими идеями панисламизма и пантюркизма). Российское государство относилось к активизации исламской жизни вообще в империи, и на Северном Кавказе в частности, крайне настороженно. Оно всячески ограничивало развитие системы исламского образования на Северо-Западном Кавказе. Поэтому к началу XX в. в этом регионе так и не сформировалось исламское духовенство, способное стать крупными лидерами и идеологами движение за расширение сферы применения норм ислама в обществе.

Примечания:

[1] Калмыков Ж.А. Административно-судебные преобразования в Кабарде и горских (балкарских) обществах в годы русско-кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С. 123.

[2] Матвеев В.А. К вопросу о последствиях кавказской войны и вхождении северокавказских народов в состав России // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С. 195.

[3] Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА) Ф.400. Оп.1. Д.2840, Л.1-1об.

[4] Довлет-Гирей Султан. Жизнь черкесов-переселенцев в Турции // Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода. Нальчик, 1991. Составитель Р.Х. Хашхожева, С.99.

[5] Кучмезова М.Ч. Карачаево-балкарская диаспора в Турции и странах Ближнего Востока //

[6] Центральный Государственный архив КБР (далее – ЦГА КБР). Ф.454. ОП.2. Д.341, ЛЛ.10-11 об.; Вдали от Родины... С.110.

[7] Центральный Государственный архив РСО-Алания (далее – ЦГА РСО-Алания), Ф.12. Оп.8. Д.9. Л. 11-12.

[8] ЦГА РСО-Алания, Ф. 19. ОП. 1. Л.25, Л. 11.

[9] Полонская Л.Р. Восток. XX в. Взгляд из России // Ислам в СНГ. М., 1998. С.83-84.

[10] ЦГА КБР. Ф.454. ОП.2. Д.341, ЛЛ.10-11 об.

[11] Вдали от Родины. Сборник документов. Нальчик, 1994. Составитель Х.М. Думанов, С. 110.

[12] Копачев И П. Школьное образование в Кабарде и Балкарии в конце XIX – начале XX в. // Ученые Записки КБНИИ. Т.19, 1963. С.152.

[13] Там же. С. 153.

[14] Терские ведомости, 1891, № 77.

[15] Там же. С.63.
[16] Там же. С.63.
[17] Гатагова Л. С. Русская администрация и народное образование на Северном Кавказе в 60-70-х годах XIX в. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993. Ч.II. С.254.
[18] Бендриков К. Е. Очерки... С.83.
[19] Там же.
[20] Казарина М А. Из истории развития образования в Кабарде в конце XIX в. // Ученые Записки Кабардинского педагогического Института. Нальчик, 1957. Т. 13. С. 167.
[21] Инородческая школа. Сб. ст. Петроград, 1916.
[22] М.Абаев. Горские школы // Карачаево-балкарские деятели культуры XIX – начале XX вв. Нальчик, 1993. Т. 1. С. 159.
[23] Казарина М.А. Из истории... С.169.
[24] Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии в конце XVIII – начале XX вв. Нальчик, 1995. С.93.
[25] ЦГА КБР. Ф.6. Оп.1. Д.909, Л. 185 из: Копачев И.П. Школьное... С. 156.
[26] Крым-Гирей. Два слова о господстве турок на Кавказе и песня о Шрухуко-Тугузе // Избранные произведения... С.84.
[27] Порхова Т.М. Кавказский учебный округ в начале 20 века: организация управления // Исмаил Гаспринский -просветитель народов Востока. М., 2001. С.48-49.
[28] Там же. С.53.
[29] Там же. С.53.
[30] Сиюхов Сефербей. Не меч, а мир // Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода. Нальчик, 1991. Составитель Р.Х. Хашхожева. С.207.
[31] Там же. С 207-208.
[32] Гедеон. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Москва-Пятигорск, 1992. С 180-181.
[33] Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа. М., 2000, С.150; Думанов Х.М., Кетов Ю.М. Адыгэ Хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XIX – XIX в. Нальчик, 2000; Бабич И.Л. Эволюция... С.79-90; Омаров А.С. Судебно-правовая политика царизма в Дагестане // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестана; Омаров А.С. Система композиций в обычном праве Дагестана // Ученые записки Института истории, языка и литературы. Вып.6, Махачкала, 1966.
[34] Бобровников В.О. Военно-народное управление в Дагестане и Чечне: история и современность // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. Сост. Лисицына Г.Г., Гордин Я.А. С.91-105; Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис. 1899.
[35] Думанов Х. М. Указ.раб. С.68.
[36] Кучмезова М. Ч. Имущественные и наследственные права балкарцев в XIX в. // Вестник Кабардино-Балкарского НИИ истории, языка и литературы. Вып.6. Нальчик, 1972. С. 183-187; Свечникова Л.Г. Указ. раб. С.95-96.
[37] Биттирова Т.Ш. Указ.раб. С.56.
[38] Бабич И.Л. Эволюция... С. 110-112.
[39] Бабич И.Л. Эволюция... С.145.
[40] ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 25. Л. 252об-253.
[41] Рыбаков С. Г. Устройство. С. 273.
[42] ЦГА КБР. Ф. И-2, дело 564.
[43] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 44-44об.
[44] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 656. Л. 2-3.

[45] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 271. Л. 45-45об.
[46] Arapov D. Moslem nobility in the Russian Empire Historical perspective // Интернет, сайт.
[47] Ислам в Российской империи Законодательные акты, описания, статистика Сост. Арапов Д. Ю. М., 2001. С. 63.
[48] Там же. С. 180.
[49] Рыбаков С. Г. Устройство и нужды Управления духовными делами мусульман России // Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. Сост. Арапов Д. Ю. М., 2001. С. 286.
[50] Там же.
[51] ЦГВИА Ф. 400. Д. 382. «О переселении кавказских мусульман в Турцию, возвращении части из них в Россию и отправлении их в Оренбургский край».
[52] Бейтуганов С. Н. Кабарда в фамилиях. Нальчик, 1998. С. 354.
[53] Рыбаков С. Г. Устройство. С. 211.
[54] Там же. С. 286.
[55] Там же. С. 272.
[56] Там же. С. 287.
[57] Там же. С. 283.
[58] Там же. С. 277.
[59] Там же. С. 287.
[60] Ислам в Законодательстве России 1554-1929 гг. Сборник законодательных актов Составители: Юнусова А.Б., Сергеев Ю.Н., Латыпова В.В. Уфа, 1998. С. 64-67.
[61] Там же. С. 67-68.
[62] Ислам в Российской… С. 309.
[63] Арапов Д. Ю. Мусульмане Ставропольской губернии в начале XX в. структура духовной жизни // Северный Кавказ геополитика, история, культура Материалы всероссийской конференции (Ставрополь, 11-14 сентября 2001 г.). Ставрополь, 2001. С. 119-201.
[64] Ислам в Российской империи… С. 301.
[65] Ислам в Российской империи… С. 312.
[66] Проект Действительного тайного советника Череванского о преобразовании Оренбургского Маго Дух Собрания // Ислам в Российской империи… С. 298-299.
[67] Ислам в Российской империи... С. 153.
[68] Рыбаков С. Г. Устройство… С. 272.
[69] Там же. С. 276-277.

А.Н.Соколова

Структурно-семантический план музыкального языка адыгов

Важность музыкального языка в культуре любого народа неоспорима. В отличие от любого другого артефакта культуры музыкальный язык чрезвычайно консервативен и сохраняет в себе следы многотысячелетней давности. Он имеет иные каналы воздействия на человека, нежели вербальный язык, и потому, с одной стороны, преодолевает его барьеры (французский или адыгейский язык может быть нам непонятен, но французская или адыгейская музыка воспринимаются нами вполне адекватно), с другой – сохраняет глубинные этнические характеристики, практически недоступные и неосознаваемые людьми иной этнической принадлежности. Музыкальный язык сублимирует до этнического символа, когда он выражен гимном республики или страны, нередко исполняемым без текста – только в виде интонируемого музыкального кода.

Понимание музыкального языка как определенной целостности – контонации, по терминологии И. Мациевского, – не исключает выделение в нем отдельных субсистем, каждая из которых имеет относительные пространственные и временные пределы. Исследователи единодушны в признании в качестве отдельной подсистемы фольклорного музыкального языка. В определенных культурах он выражен мощно и отчетливо, в других – как слабый след, сохранившийся в пассивной памяти. В традиционных культурах фольклорный музыкальный язык является базисным, общепонятным и общераспространенным. Многие бесспорным считают наличие музыкального языка композиторской профессиональной школы или направления. Актуальной остается проблема смешения музыкальных языков или выявление в одном из них влияния другого.

В современных индустриальных культурах смешение музыкальных языков предстает ординарным явлением, однако, приводящим к различным результатам. Средства массовой информации также способствуют одновременному сосуществованию многих языков в рамках одной культуры. Наряду с традиционным музыкальным языком существует европеизированный музыкальный язык и варианты космополитического языка, сравнительно легко включающегося в любую систему. Реальность музыкального пространства такова, что на какой-либо определенный период времени один из языковых пластов явно доминирует, другие маргинальны. В условиях городской культуры, например, актуальным и доминантным остается язык массовой музыки. Традиционный уклад жизни гармоничен с традиционным музыкальным языком. В то же время урбанизированные культуры явно «ностальгируют» по традиционной музыкальной речи. Не случайно число фольклористических коллективов в мегаполисах заметно возрастает.

Адыгская музыкально-языковая среда XX в. приобрела достаточно развернутые формы. В ней мощно представлен традиционный музыкальный язык, наряду с которым отчетливо «заговорил» европеизированный музыкальный язык профессионального композиторского творчества и космополитический музыкальный язык в эстрадно-популярных вариантах. Каждый из этих пластов может быть предметом отдельного исследования. В настоящих заметках мы попытаемся осмыслить довольно высокий статус адыгского традиционного музыкального языка в современных социокультурных условиях. Следует оговориться, что представление о высоком статусе в адыгской культуре фольклорной составляющей имеют, как правило, славяне, т.е. неадыги, постигающие адыгскую культуру компаративно (в том числе и в сравнении с культурой, носителями которой они являются). Сами же адыги сетуют на современное состояние фольклора, считают, что он существует в

сильно разрушенном виде, и его полная реабилитация практически невозможна. Действительно, музыкальные ауры адыгской культуры XIX и XX вв. несопоставимы. Деструктивное воздействие иноэтнической культуры (русской, украинской, казачьей) привело к необратимым потерям – исчезли отдельные музыкальные жанры, ушли из бытования многие музыкальные инструменты, были разрушены традиционные институты и формы передачи и сохранения музыкальных традиций и т.п. Приобретения, которые в таких случаях непременны, вписывались в контекст новой жизни и казались нелогичными, чужеродными по отношению, к традиции. К примеру, так выглядела одноголосная песня в сравнении в традиционной сольно-бурдонной, композиционно и драматургически выстроенный наигрыш со сцены в сравнении с его аутентичным вариантом. Тем не менее, сила традиционного музыкального языка преодолела все сложности и беды, выпавшие на долю адыгов. Традиционный пласт музыкальной культуры адыгов и, соответственно, традиционный музыкальный язык по-прежнему доминирует, и причин тому несколько. Обозначим некоторые из них – социально-культурные, функциональные, семантические.

Как известно, адыги являются дисперсным этносом. Они проживают примерно в 50-и странах мира, и нет на земле места, которое можно было бы безусловно назвать адыгской этнической метрополией. В пределах России существует три государственных образования, титул которых определяем адыгским этносом – Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика. Ни в одной из названных республик адыги не составляют абсолютное большинство от другого состава населения. В таких условиях именно фольклор выполняет этноинтегрирующую функцию, и чем он древнее, тем больше основания считать его единым для всех адыгов. Адыгская музыкально-языковая среда существует как в ауле, так и городе. Она формируется и питается

аутентикой и средствами массовой информации, среди которых на первом месте – телевидение и радио. Аграрная структура республики, в которой существует всего два небольших города, традиционный уклад жизни, современная социокультурная ситуация активно способствуют жизнестойкости аутентичных музыкальных традиций, их гибкости в плане сохранения стержневых музыкально-языковых позиций.

Адыгская традиционная музыкальная культура зачастую характеризуется как простая целостность. Между тем, ее субэтнические составляющие очевидны. Подобно тому, как разительны культуры Вологодчины и Кубани, например, или культуры рачинцев, имеретинцев, гурийцев или сванов в Грузии, составляющими адыгской культуры являются культуры шапсугов, бжедугов, кабардинцев, бесленеевцев, абадзехов и темиргоевцев. Но даже тогда, когда адыгская традиционная музыкальная культура определяется как целостность во взаимодействии субэтнических характеристик, тем не менее, они не обозначаются и не вычленяются из целого. Их реальность и контраверзные функции очевидны изнутри культуры, но совершенно игнорируемы извне. Каждый адыг реально является носителем какого-либо диалекта адыгского вербального языка, но при этом ни один из них не мыслит себя носителем какой-либо составляющей музыкального языка. Напротив, любой адыг является носителем общеадыгского музыкального языка. Если вербальные субэтнические различия в определенной мере непреодолимы, то музыкальный язык тяготеет к единству и всеобщности.

Общеизвестно, что часть адыгов, проживающих в Адыгее и на территории Краснодарского края, не владеет родным вербальным языком. В ситуации разделённости этноса по вербально-языковому признаку роль музыкального языка неизмеримо возрастает. Он становится мощным цементирующим фактором этнической целостности. Музыка, как правило, не порождает у слушателя эффекта непонимания, которое неизбежно

возникает в случае незнания конкретного значения слова в вербальных текстах. По сравнению со словом музыка по-особому воздействует на человека. У музыкального языка собственная логика и структура. В музыкальной психологии подчеркивается, что музыка обращается к подсознанию, исторически сформированному много ранее логического мышления, возбуждает иные участки мозга. Музыкальный язык напрямую обращается к эмоциям и тому образному миру, который соответствует данному культурному коду. В условиях единой культурной среды, при сохранении многих традиционных элементов, в том числе обрядов, ритуалов, музыкальный язык усваивается бессознательно, прочно и основательно. Именно он дает ощущение этнической идентификации и консолидации. Идентификация общности на базе музыкального языка происходит значительно легче, чем на базе языка вербального. Эти свойства музыкального языка могут сыграть – и играют! – важную роль в консолидации не только адыгов, но и всего многонационального народа Адыгеи. Неадыгское население республики с особым почитанием относится к народному инструментальному и танцевальному искусству адыгов. Адыгские танцы с удовольствием разучивают школьники любых национальностей, немало взрослых принимают участие в танцевальных кругах в качестве пассивных и активных участников.

Другая важнейшая страта в системе музыкального языка адыгов – европеизированный музыкальный язык профессиональной музыки. В советскую эпоху он «вскармливался» искусственно. Малые народы должны были «дорасти» до старшего брата, создавать собственную профессиональную школу, понимать и говорить на классическом европейском языке, «украшенном» местным акцентом. Основные финансовые вложения происходили в сфере европеизированной музыкальной культуры. Поощрение композиторов, работающих в крупных жанрах, было априорным. Масштабные сочинения предназначались для

партийных и государственных праздников, юбилеев вождей. Закупки авторских сочинений совершались планомерно и регулярно. Музыкальный язык в относительно комфортных для себя условиях (сочиняют, исполняют, слушают) превращался в «новояз» – некую искусственную материю, «замешанную» на сложном составе из национальных интонаций, изложенных на русском языке в европейских конструкциях. Проблемы «национального и интернационального», «традиционного и новаторского» решались порой неожиданно. Многие композиторы сочиняли на русские тексты, аргументируя свой выбор отсутствием певцов/хора, способных петь на адыгейском языке. Большинство кантат, ораторий, вокальных циклов, единственная опера адыгейского автора А. Нехая были написаны на русские тексты. Иногда эти тексты специально переводились с адыгейского на русский язык. Формы сочинений избирались нередко с учетом их ранга в прейскуранте по закупке сочинений. Поэтому оратория могла быть написана для хора и двух роялей, а кантата не иметь ни одного хорового номера. В связи с европеизированными жанрами и формами, но еще больше в связи с европейским инструментарием терялась не только темброво-агогическая сторона адыгского музыкального языка, но и его ладовые, ритмические, фактурные, звуковысотные характеристики. Суть адыгской традиционной музыки импровизационность, реализуемая в сольном-бурдонном вокальном и ансамблево-инструментальном исполнительстве. Гибкая адыгская ритмика – чего стоит, например, так называемая адыгейская синкопа, – синкопа по написанию, но не по музыкальному произношению – гармошечные фиоритуры трудно постигаемы даже представителями разных субэтносов. Всё это было невозможно сохранить в европейских формах и даже в адыгском народном оркестре, который просуществовал в Адыгее больше 10 лет. Нотная письменность рассчитана на темперированную, ритмически упорядоченную музыку. Традиционный же музыкальный язык в условиях

«письменной жизни» испытывал дискомфорт и постепенно угасал. Гармонизация танцевальных наигрышей аккордами европейской гомофонно-гармонической системы «резало» слух. Традиционным мелодиям по-прежнему было «комфортно» в сопровождении фонического бурдона, никак с ними не согласованного гармонически. Стремление к выживанию по-прежнему опиралось на законы устных форм существования традиции, что приводило к парадоксальным с точки зрения академической культуры ситуациям. Так, например, в профессиональных филармонических коллективах артисты и оркестранты работали без нот, выучивая и запоминая большие программы дедовским устным способом. В целом же музыкальный новояз стал знамением длительного периода поисков собственной речи. В условиях отсутствия общественного внимания и государственной поддержки этот поиск привел к болезненному кризису, когда резко снизилась продуктивность композиторов и некоторые из них покинули пределы Адыгеи и даже России.

Традиционная музыка адыгов в советский период также получала финансовую поддержку, но чаще не со стороны государства, а со стороны народа. Адыгские гармонисты за свой труд на традиционной свадьбе за один-два дня получали сумму, равную средней месячной зарплате. Такая мощная поддержка развития традиционной музыки нашла выражение как в количестве музыкантов-исполнителей, участвующих в свадебных ритуалах, так и в разнообразии танцевальных жанров и форм, доминирующих в музыкальной культуре адыгов. По данным 2000 г. в Адыгее только практикующих гармонистов, регулярно выступающих на традиционных свадьбах, было более 170 человек. Практически, на каждые 500-600 человек в Адыгее приходится один народный профессионал. Безграничная любовь к народному искусству, традиционной музыке постоянно и полновесно питает музыкальную культуру. Среда носителей традиционного музыкального языка не уменьшается и даже расширяется за

счет русскоязычного населения, включенного в пространство музыкальных праздников, обрядов и ритуалов. Конечно, определенные потери в восприятии, знании и понимании традиционного музыкального языка существуют. Очевидны потери в развитии традиционной песни, ее жанрового состава, исполнительских традициях, ее понимании каждым новым поколением. Причины этих потерь – в незнании частью населения родного вербального языка, русификации и урбанизации жизни. Однако, ощутимы и приобретения. Молодежь любит (иные просто обожают) родную танцевальную музыку. Она живет полнокровной жизнью, «живым звучанием», не подменяясь на электронные версии или электронные звукообразователи. Традиционная инструментальная музыка имеет широкий спектр жанров и вариантов, ее импровизационный характер воплощает великий потенциал таланта народа. Мы являемся свидетелями формирования уникального для мировой цивилизации опыта, когда традиционная инструментальная культура становится важнейшим каналом концентрации духовной информации этноса, когда инструментальная музыка превращается в эталон музыкальной речи народа. Это явление без преувеличения можно назвать проявлением музыкального гения народа. То, что произошло в инструментальной культуре адыгов в XX в. подлежит определению как адыгская народная классическая музыка и достойно быть сопоставимо с классической индийской рагой или арабским макамом, казахскими кюями или шотландскими волыночными наигрышами.

Музыкальный язык адыгов, таким образом, есть целостность, в которой доминантной остается традиционная составляющая, но одновременно с этим все отчетливее звучит авторский (композиторский) голос. От его отношения к традиционному музыкальному языку в конечном счете зависит будущее последнего. Чем больше композиторы станут постигать законы традиционного музыкального мышления, тем больше вероятности создания оригинального музыкального языка всей

композиторской школы Адыгеи.

Л.У. Курбанова

Воспитательная роль женских педагогических кадров Чечни в условиях социально-политического кризиса в республике в 90-х годах XX столетия

90-е гг. XX столетия в Российской Федерации были ознаменованы ростом национального самосознания в обществе, развитием национальных движений. Этот процесс поставил государственную национальную школу в сложную ситуацию, когда назрела и остро заявила о себе необходимость воссоздания ее культурных и социальных функций, способных обеспечить стабильное национальное развитие в субъектах Российской Федерации.

Актуальной стала задача выявления механизма воспитательного влияния учителя в сложившихся условиях социально-экономического кризиса. Если опираться на интерпретацию соотношения педагогической теории и практики В.В. Краевского,[1] можно отметить противоречие между необходимостью усиления воспитательного влияния на школьника в связи со сложной социальной ситуацией в обществе и отсутствием надежных методик и технологий его осуществления в арсенале педагога-воспитателя.

Известный ученый, академик Г.Н. Волков считает, что вся система воспитательной работы педагога в школе основывается на таких фундаментальных аксиомах-критериях, как: естественность, иерархизация воспитания, природосообразность, полнота педагогического цикла – трехпоколенной семьи, в которой «каждый рождается внуком, а умирает дедом», комплексность подхода к воспитанию, опытом и идеей народной педагогики.

Без памяти (исторической) нет традиций, без традиций нет культуры, без культуры нет воспитания, без воспитания нет духовности, без духовности нет личности, без личности нет народа».[2] Таким образом,

проблема возрождения и дальнейшего развития национальной школы во имя полноценного национального развития для чеченского общества не стоит «вообще», она имеет совершенно конкретный характер в зависимости от исторических задач, которые предстоит решить на данном отрезке общественного развития.

Правовое решение множества вопросов, возникающих в сфере взаимоотношения центра и национальных регионов, во многом зависит от научной компетенции, политической культуры и профессиональной подготовки педагогических кадров.

Россия – многонациональная и поликонфессиональная страна, в которой нации и народности разных цивилизационных потоков исторически, в течение нескольких веков живут и развиваются в пределах единого российского государства. Поэтому главные ориентиры образовательной и воспитательной практики в школах чеченской республики должны быть нацелены на создание целостного социокультурного облика выпускника, подготовленного для жизни в едином демократическом правовом пространстве РФ.

Этой проблеме была посвящена конференция «Содержание образования в полиэтничной России в современных условиях», проведенная в Москве в июне 2002 года.

На конференции рассматривались такие конкретные вопросы, как, например, «Чему следует учить в современной школе?», «Что обязан усвоить каждый ученик?», «Что может дать максимально школа в нравственном отношении, какой должна быть этическая, морально-правовая культура? и т.п.».

Участники конференции подчеркнули необходимость вычленения в содержании образования и воспитания целостного компонента, выполняющего роль общего для всех регионов образовательного стандарта, в рамках которого государство гарантированно обеспечивает

обязательный базовый уровень подготовки выпускников. В связи с этим отмечалась необходимость установления объема функций родного и русского языков в зависимости от статуса языка, выполняющего коммуникационную роль, а также объема функций национальной и русской культур в достижении заявленных целей образования и воспитания.

В декабре 1990 г. Министерство образования Российской Федерации утвердило новую концепцию национальной школы, однако обеспечение ее реализации не представлялось возможным в условиях осложненной военным конфликтом социально-экономической и политической обстановки в Чечне.

Социально-политический кризис последнего десятилетия XX века в Чеченской Республике во многом усложнил вхождение образовательной системы ЧР в образовательное пространство России.

Необходимо отметить что, идея регионального компонента национальной школы была здесь воспринята вне контекста единого образовательного стандарта России. Ставка порой делалась на идею «антируссификаторского» реванша чеченской традиции, на теологизирование предметов естественнонаучного цикла при абсолютном отсутствии специалистов в этой области.

Такой подход из конъюнктурных соображений, находил поддержку у определенной части национальной праворадикально настроенной политизированной элиты, спекулировавшей на лозунге национально-культурного возрождения Чечни.

Очевидно, что такая образовательная система, создавая иллюзию «возвращения к истокам», совершенно неконкурентоспособна и особенно опасна тем, что заводит в исторический тупик и лишает общество важнейшего канала цивилизационной модернизации, противопоставляя чеченскую культуру русской и мировой.

Вместе с тем, необходимо констатировать, что образовательная система республики за последние три года добилась кардинальных изменений в области восстановления и развития школьной системы. Принят государственный стандарт общего образования, состоящий из федерального, регионального (национально-регионального) компонентов и компонента образовательного учреждения.

На территории России в национальных регионах вопрос выбора языка межнационального общения остается сложной, он связан с психологическими и социальными проблемами.

По нашему мнению, негативным явлением в межъязыковых отношениях остается позиция части русскоязычного населения национальных республик, считающей ненужным изучать язык коренного населения, соблюдать традиции и нормы национальной культуры. Острота этой проблемы в Чеченской республике рельефно не просматривается только по причине наличия крайне незначительного процента русскоязычного населения, проживающей в республике на сегодняшний день.

Мнение о том, что общение между русскоязычными жителями, в пределах национального региона может вполне эффективно осуществляться на русском языке, справедливо лишь отчасти. Действительно, пока все говорят по-русски, общение осуществляется, но как только в разноязычном коллективе нерусские индивиды заговорят на своем языке, русские и русскоязычные, не владеющие этим языком, выпадают из процесса общения. Это в открытой или латентной форме приводит к размежеванию членов одного и того же коллектива не по национальному, а по языковому принципу.

В Конституции ЧР, обозначена статья, в которой чеченский язык наравне с русским признан государственным языком (гл.1, ст. 10).

Признание уникальности национального языка и культуры, их

единства, определение их значимости как неотъемлемой части общечеловеческой культуры является основополагающим ядром современной научно-педагогической идеи регионализации образования.

Профессиональная деятельность современного педагога национальной школы нового уровня должна вносить в воспитательную систему устойчивое духовное образование, которое являлось бы отражением национально-психологических особенностей и традиционной этнической культуры чеченского народа.

Принципы и методы работы учителя в национальной школе аналогичны с таковыми в обычном образовательном учреждении Российского государства. Вместе с тем необходим учёт специфики, продиктованной этнопсихологическими особенностями детей, «своеобразием мотивации, познавательных и эмоционально-волевых процессов, коммуникативно-поведенческой сферы, этностереотипов, национального самосознания»[3].

В условиях выхода Чеченской республики из социально-экономического кризиса, обусловленного военным конфликтом, одной из актуальнейших задач является подготовка квалифицированных педагогических кадров.

В силу указанных выше причин можно даже гипотетически утверждать, что в большинство из них представлено женскими учительскими кадрами.

Недостаточная образовательная квалификационная подготовка большинства учителей не исключает наличия отдельных фактов, когда необходимый профессиональный уровень поддерживался неимоверными усилиями. И все это на фоне высокого уровня дефицита наличия педагогических кадров в Чечне вообще.

Так, по данным Оценочного доклада Министерства образования Чеченской Республики за 2001 год, степень обеспеченности

общеобразовательных школ квалифицированными кадрами учителей следующая[1]: из 13156 учителей среднее педагогическое образование имели только 29 %, высшее – 49 %, высшее непедагогическое – 311 человек.

Педагогическую деятельность осуществляли также люди с другими типами образования. Так, их число составило 1043 человека или почти 8 %.

Несомненно, подобное положение с недостаточным обеспечением школ высокопрофессионально подготовленными преподавателями связано с миграцией специалистов из республики в связи с военными событиями.

По мере нормализации социально-политической обстановки в республике, положение с кадрами в образовании имеет перспективу выравнивания.

Например, на период конца 2002-2003 учебного года обеспеченность школ учителями-предметниками в Чеченской республике, по заявлению замминистра образования З.И. Успаевой, практически полная. Вместе с тем, уровень подготовки выпускников продолжает оставаться крайне низким, о чем свидетельствует социологический опрос среди учителей.

К факторам, снижающим качество образования в условиях социально-политического кризиса в Чеченской республике отнесены следующие:

- 86 % учителей назвали слабое базовое образование детей в предшествующие годы или большие перерывы в учебе;
- 81,8 % – социально-экономическое положение педагогов;
- 74,8 % предметников – слабое знание языка, на котором ведется преподавание предмета;
- 54,6 % – отсутствие системы дополнительного образования;

[1] Оценочный доклад был подготовлен совместно Министерством образования Российской Федерации и Министерством образования Чеченской Республики.

- 50,5 % учителей – низкий образовательный и интеллектуальный уровень в семье (например, родители не могут помочь детям в подготовке домашних заданий.)

Таким образом, ресурсная база общеобразовательной школы в Чеченской республике требует дополнительного внимания со стороны государственных органов, призванных обеспечить школу не только достаточным количеством квалифицированных педагогических кадров, но и надлежащей социально-психологической реабилитацией учащихся и их семей.

Однако, только повышение квалификации учителей, и социально-психологическая реабилитация учащихся ЧР не изменит кардинально ситуацию в системе образовании и воспитания.

Характеризуя ситуацию в образовании как кризисную, учёные по-разному видят и трактуют новую формацию образования, формирование которой, в конечном счете, и исчерпает феномен кризиса. Речь идёт о таком образовании, которое перестаёт быть «знаниевым», «рационально-просвещенческим», и становится механизмом «окультуризации» человека. Новая парадигма, так или иначе, ассоциируется с углублением и развитием гуманитарно-культурологических и этико-эстетических начал.

Современные этнические общности уже не имеют столь непререкаемых традиционных догм и постулатов, как, например, в начале прошлого века; многие элементы их культуры размываются – интернационализируются. Они оказываются в значительной степени оторванными от традиций, обычаев, а поведение предков не рассматривается членами группы как модель.

Но и при таких реалиях полного разрыва поколений всё-таки не происходит. Всегда остаются слои культуры и социальные страты, позволяющие осознавать свою принадлежность к этнической общности.

Обращение к идеям народной педагогики в образовании и в

воспитании может послужить для нас тем ноевым ковчегом, который вытащит чеченское общество из духовного апокалипсиса. Школа – это именно тот макромир, призванный сегодня решить задачу этнокультурного развития индивида.

Сходство и различие культур не зависят ни от географического местоположения, ни от природных условий. Любой культурный элемент должен восприниматься только в совокупном своеобразии той общей культуры, частицей которой он является. Заимствование образцов одной культуры другой не может протекать как механический процесс и не является автоматическим следствием культурных контактов. Когда же это происходит, то заимствованный и принимаемый элемент переосмысливается и приобретает в другой культуре иное значение.[4]

Гордость за свою национальную культуру, стремление беречь и приумножать культурное наследие, воспитываемые со школьной скамьи, помогают формированию чувства национального самосознания у ребенка. От ориентации системы образования на национальную культуру как интегративное личностное образование зависит расширение, углубление и принятие объектом образовательного процесса гуманистических ценностей через национальную культуру.

Народный идеал совершенного человека, как отмечает Г.Н. Волков, следует рассматривать как суммарное, синтетическое представление о целях народного воспитания. В идеале показывается конечная цель воспитания и самовоспитания человека, дается высший образец, к которому он должен стремиться.[5]

В современных условиях как никогда, для политического и экономического развития и «обустройства» Чеченской республики необходимы критичный, самостоятельный взгляд на события и явления, способность принимать на себя ответственность, анализировать и оценивать собственные действия, поступки других и явления окружающей

действительности.

Сущность образовательного и воспитательного процесса в школе – это целенаправленное превращение социального опыта в опыт личный, сопровождающееся индивидуальной самореализацией ученика.

Поэтому чеченское общество, с большими интеллектуальными и иными издержками выходящее из тяжелого многолетнего кризиса, особые требования предъявляет именно школьному учителю.

От него требуется высокий уровень и педагогической, и психологической компетентности. Психолого-педагогические знания названы экспертами и студентами Чеченского Государственного Педагогического института в числе важнейших для специалистов – педагогов общеобразовательной школы.

Содержание образования обычно отождествляется с достаточно узко трактуемым учебным материалом, в который входят учебные планы, программы, учебники, учебные пособия и т. д. Подобная, сугубо обучающая концепция образования, апеллирующая, главным образом, к разуму учащихся и озабоченная «наполнением» их интеллекта всё новыми научными фактами, категориями, правилами и законами, постепенно изживает себя.

Социальная среда является движущим фактором, определяющим ценностные ориентации и позиции молодых людей.

Часто на практических занятиях по социологии в ЧГПИ возникает дискуссия среди студентов на тему нравственного начала в человеке. Аргументы в пользу позиции «в наше время деньги и сила определяют практически все», зачастую оказываются превалирующими.

Общественно-политическая обстановка в республике не добавляет оптимизма оппонентам такой позиции.

Поэтому образование в системе общественной жизни и трудовой деятельности, по мнению специалистов, должно приобрести системное

начало, определяющее его не только как производственный ресурс, но и как вектор гуманизации цивилизации.

Школа является сегодня одним из важнейших институтов социального развития. Несмотря на то, что в целом для национальных общностей, живущих в рамках Российского государства характерен отход от традиций, а поведение предков не рассматривается как модель, процессы, происходящие в регионах в последние 10 лет, характеризуются стремлением народов сохранить самобытность, «вернуться к корням», подчеркнуть уникальность культуры. Они характерны и для школы Чеченской Республики, являясь зеркальным отражением социальных изменений, происходящих в обществе.

Нации для самого воспроизводства необходимо сохранять связь между поколениями, для этого она вырабатывает определенную систему социализации, в рамках которого происходит воспроизводство и передача опыта молодому поколению.

Роль механизма передачи опыта старшего поколения выполняет этнокультура, скрепляющая национальное сообщество и предохраняющая его от распада, состоящая из истории, традиций, символов, значений, своеобразного видения и понимания мира.

В условиях социально-экономического кризиса и ослабления традиционных механизмов передачи этнокультурного опыта в семье, система образования, в первую очередь школа, становятся основными каналами передачи, воспроизводства и развития этнической культуры.

Образование должно сегодня строиться как деятельность, этнокультурно детерминированная. Эта проблема неоднократно поднималась научной общественностью Чеченской республики. Только за 2002-2003 учебный год было проведено два научно-методических семинара на базе кафедры философии и политологии Грозненского нефтяного института им. Д.М. Миллионщикова, посвященных роли

политических традиций в чеченском обществе.

Остро полемизируется вопрос о роли и месте чеченского языка в развитии национальной культуры, обсуждаются проблемы духовной деградации семьи, ее нравственных устоев в условиях социально-политического кризиса в республике.

Компонентом содержания профессиональной подготовки учителя является система отношений, определяющих мировоззрение, поведение и деятельность личности, выступающих в качестве ключевых слагаемых ее разностороннего формирования. В этом контексте основной задачей педагогических кадров являются воспитание любви

- к Родине – патриотизм;
- к труду – трудолюбие;
- к детям и старшим – любовь и забота;
- к родителям, родственникам – любовь, уважение, дружба, взаимопомощь;
- к самому себе и другим людям – скромность, искренность, правдивость, совесть, достоинство, жизнелюбие, товарищество, коллективизм и т.д.;
- к общественному достоянию, природе и материальным ценностям общества – бережливость, хозяйственность, забота и т. д.;
- к представителям других наций и народностей.

Понятийный аппарат системы воспитания, складывавшейся у чеченского народа веками имеет свои специфические черты. Основные понятия, которые наиболее часто употребляются в этнопедагогике чеченцев – это:

- **осуждение, порицание** (бехк баккха),
- **укор** (1оттабаккхам, т1ехтохам, дуьхьалтохар),
- **упрёк** (дуьхьалтохам, т1ехтохам),

- **запрет** (бехкам),
- **признание** (къобалдар, кхетар, къера хилар, ларар),
- **похвала** (хастам, хастор),
- **одобрение** (магор, къобалдар),
- **награда** (совг1ат),
- **назидание** (хьехам),
- **наставление** (хьехар), **намёк** (къадор),
- **уговор** (барт бар, бартадалор),
- **уважение** (ларар, ларам, пусар) и др.

Адекватное понимание учителем смысла терминов обязательно для полного освоения содержания педагогической и воспитательной деятельности учителя.

Задача учителя заключается в том, чтобы в основе воспитательного процесса лежали следующие, приведённые ниже принципы.

Возрождение и культивирование национального самосознания и национальной культуры, должно сопровождаться поиском путей интеграции культур как чеченского с русским, так и с другими народами, населяющими Россию. «Любая национальная культура стремится выстроить содержание образования и воспитания на базе национального языка и культуры, вытесняя в какой-то степени русскую культуру».[6]

В чеченской системе воспитательной работы в школе выявляются основные традиции – принципы формирования моральной и социальной толерантности у детей как предпосылки развития личности в поликультурной среде.

При организации воспитания учителю следует исходить из уже сложившегося исторического опыта совместной жизни чеченского и других народов России. Необходимо выявить все, что способствует сближению людей различных национальностей и конфессий, развитию их межличностных контактов: культурных, нравственных, духовных,

языковых, меконфессиональных и других.

Невнимание к проблеме интеграции различных культур в содержание образования и воспитания, приводит к ослаблению интереса к собственной культуре или, напротив, к формированию националистического высокомерия, а чаще всего, к засилью массовой западной культуры.

Влияние социально-политического кризиса на образовательный и воспитательный процесс в системе образования Чеченской Республики, по нашему глубокому убеждению, – проблема, которая ждет своего серьезного изучения.

Мы только приведем некоторые цифры, свидетельствующие о масштабности трагедии для судеб тысяч детей, которая проявляется как мощный фактор социализации.

По данным Министерства образования Чеченской Республики, на период 1 ноября 2001г. **детей-сирот,** которые не имеют обоих родителей – 5422, из них **2609 девочек;** 2818 мальчиков. Общее количество **детей из неполных семей – 18407, из них 8953 девочек, 9454 мальчиков.**

Дети дошкольного возраста из неполных семей составляют 19 %, школьного – 81 %. Кроме этого 21 % детей дошкольного возраста и 79 % школьного – это чеченские дети, лишенные обоих родителей, то есть сироты.

Подавляющее большинство детей-сирот и детей из неполных семей составляют дети школьного возраста (в среднем 80 % по обоим категориям).

Сложной, тяжело воспринимаемой является осмысление проблемы наличия и количества детей инвалидов в Чечне. Так количество детей-**инвалидов – 1724; из них девочек 680, мальчиков – 1044.** Из этого числа 300 детей – слепые; 350 – глухие и слабовидящие. С задержкой в развитии зарегистрировано 500 детей; по состоянию здоровья на дому обучаются

100 детей.

Медики республики констатируют, что каждая роженица Чечни в третьем тысячелетии будет с патологией. Рождающиеся дети крайне слабы, каждый второй ребенок недоношенный или с врожденной патологией.

По официальным данным 85 % населения республики страдают симптомами туберкулеза. Практически каждый второй болеет туберкулезом в открытой форме. Наблюдается огромный скачок сердечнососудистых заболеваний среди населения: сказывается морально-психологическая депрессия как реакция на социально-экономический кризис.

Известно, что физическое и психическое здоровье детей – это стратегический резерв общества. Сегодня мы вынуждены констатировать: никакая педагогическая деятельность не способна сформировать полноценного гражданина для общества без наличия его физического здоровья.

Развитие ребенка как личности (свободной, самостоятельной, ориентированной на нормы и ценности своей этнической среды и в целом социального общества) невозможно без его физической реабилитации, что жизненно необходимо для детей, выросших практически в условиях войны.

Эти дети входят в зону социально-психического риска с точки зрения нарушений физического или психического здоровья.

К сожалению, мы не располагаем точными сведениями о количестве детей без постоянного места жительства, т.е. попрошаек, бездомных, являющихся потенциальной криминогенной средой. Несовершеннолетние дети вовлекаются в преступные группы, становятся жертвами наркоманов, уголовников и сексуальных маньяков.

В решении проблем воспитания несомненно важную роль всегда

играла и продолжает играть семья, в которой ребенок получает азы поведенческих мотивов в обществе.

В нахском обществе с древнейших времен в зависимости от социального положения и уровня общественного сознания семьи при отсутствии одного или даже обоих родителей существовали формы и принципы опеки, попечительства, воспитания и обучения детей.

Способы воспитания и обучения в чеченском обществе в древности напрямую зависели от социального и общественного положения семьи. «В сословиях «нах болу нах» и «говза нах», при наличии обоих ответственных и культурных родителей, применялась форма воспитания через осознание «Кхетом кхиор», т.е. через выработку осознанных, устойчивых, нравственных привычек, где за правильное формирование личности отвечал отец ребенка, а за здоровье и физическое развитие отвечала мать».[7]

При отсутствии матери в семьях, в которых сохранялись культурные традиции вайнахов, срабатывала другая форма педагогического воздействия «обучение через воспитание» – «кхетом-1амор», то есть обучение через осознание еще большего усиления воспитательной роли отца.

Упрощенная дифференциация ролевых функций родителей в чеченской семье (мать-воспитатель, отец-кормилец), является верной лишь отчасти.

Отец, будучи кормильцем семьи, нес на себе и огромное бремя общественного имени семьи.

Социальный статус отца семьи, его ответственность за семью, его роль в семье всегда были исключительно велики.

Отец пользовался непререкаемым авторитетом. « Ц1ин да», «Къом да», Мехк да» – эти понятия символизировали заботу, ответственность, безграничное покровительство.

Сакральная ценность мужчины в семье и ее символическое

отражение в культуре чеченцев имела огромную воспитательную функции на подрастающих мальчиках. Они стремились казаться, подражать, идентифицировать роль отца, постепенно эта социально ожидаемая роль будущего мужчины становилась его потребностью.

Мать всячески поддерживала этот высокий статус отца, и если отец и не соответствовал своему социальному предназначению, принятому в данном обществе, она обязана была сохранить в глазах детей его авторитет. Этого от нее требовало и общество. Педагогическое воздействие в таких обществах осуществлялось сверху вниз. Основным требованием, предъявляемым к детям, было подчинение. Итогом социализации ребенка в чеченском обществе являлась необходимость вписаться в «вертикально-организованную» общественную структуру.

В истории человеческой цивилизации общество всегда было заинтересовано в формировании личностей ярких, незаурядных, талантливых, которые определяли культурное развитие любого этноса.

В зависимости от уровня развития общества и преобладания в нем определенных тенденций менялись степень и специфика востребованности в людях, проявлявших неординарные способности. Общество, находившееся в постоянных военных походах, нуждалось, прежде всего, в грамотных предводителях, а с наступлением мира и стабильности возрастал спрос на людей, проявлявших способности к наукам, литературе и искусству.

К выдающимся личностям на протяжении всей истории человечества было неоднозначное отношение. История знает немало примеров, когда гении «купались» в триумфе и славе, но платили ценою собственной жизни за свои убеждения и мысли. Такое отношение к ним можно объяснить тем, что деятельность выдающихся личностей, творцов нового неизбежно ведёт к нестабильности, к изменению культуры и общественных отношений во всех сферах жизнедеятельности общества.

Эта работа необходима для прогрессивного развития социума, культуры, но по отношению к обществу, к цели сохранения стабильности, она может выступать как необщественная.

Несмотря на все противоречивые процессы в историческом развитии, смену одних общественных отношений другими, пристальное внимание общественности к людям с незаурядными способностями остаётся неизменным.

Важность и актуальность проблемы воспитания национальной элиты трудно переоценить сегодня. Мы находимся на сложном изломе исторической судьбы народа, когда роли отдельных личностей в этой судьбе стали роковыми для сотен тысяч соотечественников.

Войны, революции и другие социальные потрясения губительно отражаются на количестве и качестве именно интеллектуального резерва нации и это самый трудно воспроизводимый капитал общества.

Об этом замечательно написал основатель русской социологии П. Сорокин в своей статье «Современное состояние России».

Удивительно, как разные общества испытывают одинаковое эмоционально-психологическое состояние в течение войны. Автор описывает Россию после первой мировой войны, но складывается впечатление, что речь идёт о событиях 90-х годов XX века: уязвимость лучших слоев населения: морально-нравственных, интеллигентных, образованных, увеличение и воспроизводство людей аморальных, без нравственных комплексов.

«Какие нравственные ценности для вас предпочтительны в первую очередь?»

Честность, доброта, патриотизм, смелость, скромность. На первое место было выделено пять нравственных категорий: подавляющее большинство опрошенных (78,7 %) поставили – честность, на второе место-доброта (58,7 %,) на третье место – скромность (40 %,), на четвертое

место – смелость (40,7 %), на пятое место – «патриотизм» (56 %).

Как видим из опроса, доминирующая нравственная черта «честность», потом «доброта», но, что особенно удивительно, «патриотизм» на 5-место поставили 56 % т.е. подавляющее большинство опрошенных. Объяснить такое расположение ответов сложно. Почему именно чувство патриотизма было мощным рычагом влияния на подростков? Оно ли способствовало привлечению молодежи в вооруженное противостояние? Даже та часть подростков, которая дистанцировалась от непосредственного участия в конфликте, морально одобрительно относилась к «патриотическим» мотивам идеологов сепаратизма. То, что в анонимной анкете большинство (56 %) опрошенных чувство патриотизма поставили на 5-место, наводит на некоторые размышления:

Во-первых, это может быть чисто психологическое отторжение этого нравственного идеала, из-за его беспощадной эксплуатации на протяжении ряда лет, который в большинстве случаев носил декларативный популистский характер.

Во-вторых, если сопоставить «честность» – как основную нравственную категорию, которая большинство (78,7 %) поставили на 1-место и «патриотизм» (56 %) опрошенных поставили на 5-место. Коррекция этих двух компонентов приводит к выводу: о необходимости смены внутреннего содержания понятия «патриотизм», не вызывающих у значительной части опрошенных положительной реакции. Вряд ли нынешняя семья справится с этой задачей при имеющемся на сегодня арсенале воспитательных функций и ролевых установок.

Таким образом, под влиянием социально-политического кризиса, продолжающейся в республике, происходит трансформация основных структурно-ролевых функций семьи.

Экономическая дестабилизация, повлекшая за собой миграцию

больших пластов населения, потеря крова и близких, физическая и социальная незащищенность привели к социально-психологической разобщенности определенной части чеченских семей. Отсутствие трудовой занятости взрослого мужского населения стало причиной трансформации социальной роли мужчины и женщины в семье: мужчина перестал быть кормильцем и воспитателем семьи, его роль взяла на себя женщина, сохраняя, по мере возможности, свою прежнюю роль воспитателя детей. Загруженность матери самым непосредственным образом отразилась и на ее воспитательных функциях по отношению к детям.

Мать, сохраняя психологическую близость к детям, вынужденно все меньше внимания уделяет делу воспитания.

Семья, будучи важнейшим институтом социализации индивида, во многом перестала отвечать своей воспитательной роли в обществе.

Необходимо наметить меры по социальному и морально-психологическому оздоровлению чеченской семьи, ибо только психологически и социально здоровая семья может быть надежным гарантом гражданского спокойствия и социальной предсказуемости в обществе.

В стратегическом плане образование и воспитание должно быть социально-личностным, а его выразителями выступать такие социальные институты гражданского общества, как семья и школа. Изменившаяся общественная структура повлекла за собой и трансформацию названных институтов социализации учащихся.

Воспитание развитой личности требует нового содержания обучения и воспитания, иных педагогических технологий и, соответственно, изменения форм образовательного и воспитательного пространства.

Школа является в любом обществе социальным институтом, призванным реализовать этот «социальный заказ» общества. Семья, в

отличие от школы, более закрытая сфера воспитания, и она более консервативно реагирует на социальный заказ общества. Ей нельзя директивно указать необходимую модель воспитания ребенка.

Анализ воспитательных возможностей ведущих педагогов-теоретиков и учителей-практиков показывает, что идеи гуманизма, поликультурное воспитание, доминанта общечеловеческих ценностей должны быть приоритетными.

Правовая база социальных институтов в Чеченской республике, призванных стоять на страже прав и свобод граждан, находится на стадии становления, поэтому дети являются свидетелями социальной незащищенности целого социального страта социума, от которого напрямую зависит ближайшее будущее региона. Эти факты являются мощным источником стихийной нерегулируемой социализации личности ребенка.

Названные факторы крайне негативно отражаются на воспитательном процессе в школе. Окружающий ребенка мир вносит свои коррективы в целенаправленную воспитательную деятельность учителя.

Если к этому добавить профессиональную деградацию и абсолютную социальную незащищенность самого учителя в Чечне, его материальную, психологическую ущербность, то станет понятно, почему так **остро стоит вопрос о морально-нравственном падении всего общества за время военного конфликта и возрастании воспитательной роли женских педагогических кадров в процессах регенерации нормальной жизни.**

Особенности формирования патриотизма и культуры межнационального общения в условиях социально-политического кризиса 90-х гг. как педагогическая проблема в Чеченской республике приобретает особую актуальность и значимость.

Известно, что военный конфликт породил целое поколение

молодых людей, понятие «патриотизма» у которых, идентифицируется с резким неприятием всего «российского». Его называют ещё «кризисный» менталитет, как выражение распада устойчивых прежде социально-этнических образований, определяющих сознание и поведение людей.

Анализ политической ситуации после распада СССР свидетельствует, что трансформация «советского патриотизма» в «российский патриотизм» протекает очень медленно, достаточно сложно и противоречиво во многих национальных регионах (Татарстан, Башкирия, Карачаево-Черкесия).

Формы открытого противостояния стали следствием сепаратистских и националистических тенденций, а обострённое национальное сознание получило отражение в сепаратистском движении в форме открытого военного столкновения с «центром» в Чеченской Республике.

Проблема эта также ждёт своего анализа и научного осмысления в будущем. Нас же военное противостояние и затянувшийся политический и социально-экономический кризис интересует в плоскости осложнения формирования у молодёжи понятий «российский патриотизм», «гражданско-патриотические чувства». Национализм всегда склонен идеализировать свои страдания и несправедливость, совершаемые по отношению к нему иными народами. В Чечне сепаратисты таким «колонизаторским» народом представляют российский народ.

Поэтому для формирования «российского патриотизма» нужна общероссийская объединяющая патриотическая идея, способная консолидировать местный «национальный патриотизм».

По утверждению Р.Г. Абдулатипова, Россия расколота на национальные, региональные и местные «патриотизмы». «Они («патриотизмы» автор – К.Л.) бесспорно, выполняют свою специфическую функцию и имеют право на жизнь, но при отсутствии объединяющей идеи

могут угрожать целостности, единству и жизнеспособности всего государства. Государственный патриотизм помогает формированию стратегических ориентиров национального патриотизма».[8]

В условиях социально-политического кризиса воспитание молодого человека с граждански зрелым мировоззрением является чрезвычайно актуальной задачей. В. Д. Шадриков первостепенной по важности считает проблему гражданского воспитания. «Имею в виду серьёзные интеллектуальные усилия по выработке непротиворечивой системы ценностей, под которыми были бы готовы подписаться все члены общества. Эти ценности должны соответствовать интересам личности и государства, их можно отстаивать с помощью доводов разума».[9]

Эти суждения наводят нас на мысль, что пора отказаться от остатков имперского мышления, которое оправдывает неравное положение народов в составе федерации граждан многонационального государства.

У общества назрела потребность в универсальных, объединяющих Россию ценностях. Эти ценности можно и нужно формировать через призму национальных обычаев и традиций, которые близки и понятны молодёжи и всему обществу.

Сегодня чеченская молодежь весьма смутно представляет себе, на каких политических традициях возможно построение гражданского общества в национальном регионе, и были ли его элементы у чеченского народа? Этой архиважной проблеме был посвящен целый цикл научно-методических семинаров, проведенных кафедрой философии и политологии Грозненского нефтяного института.

В современном правовом обществе главным регулирующим фактором выступает закон. Нечто подобное наличию непререкаемого традиционного закона было характерно и для чеченского общества. Однако чеченцы подчинялись не писаным законам, а целому комплексу морально-этических и правовых норм.

Высокая степень саморегуляции общества при полном отсутствии централизованного государственного аппарата – такая политическая традиция являлась характерной для Чечни.

Очень важно также осмыслить, как складывались отношения между религией и чеченским обществом, как религия влияла на политическую ситуацию в Чечне. Последние годы убедительно показали, что религиозность, ведущая к утрате национальной идентификации, чеченской нацией не воспринимается. И для отпора угрозе утраты национальной идентификации чеченский народ объединяется лучше, чем для отпора угрозе национальной независимости.

Это принципиальная позиция должна быть объяснена учителем. Здесь важно обратить внимание на то, что, в Чечне не было государственной системы. Чеченское общество в процессе сложной истории выработало нетипичные, но наиболее оптимальные, с точки зрения сложившихся традиционных представлений, модели регулирования общественных отношений в понимании прав и обязанностей человека в обществе, в решении проблем справедливости, свободы, равенства и т.д.

Правовым институтом в чеченском обществе традиционно был тейп. Этот социальный институт действует в чеченском обществе до сих пор. Учитель на примере любого тейпа сможет объяснить систему общественного саморегулирования чеченского общества в прошлом, объяснив, что свобода индивида ограничивалась интересами членов рода.

Традиция подчинять свои интересы интересам общества – основополагающий постулат гражданского общества.

Обращение к народным традициям и обычаям на занятиях в школе эффективно не только с точки зрения воспитательного влияния на нравственный облик ученика, но и в плане укрепления связи обучения с жизнью своего народа. Именно такая практика позволяет полнее раскрыть гуманистические, демократические, интернациональные и патриотические

ресурсы учителя.

Учительский корпус в Чеченской Республики сегодня работает в сложнейших условиях социально-политического кризиса, который усугубляет проблему правового воспитания и воспитания культуры межнационального общения.

Отсутствие государственной гарантии равенства прав и свобод граждан и сложившая в республике сложная социально-этническая атмосфера отрицательно воздействует на формирование у молодёжи доверительного отношения к федеральной власти, к её военным структурам, дислоцированным на территории Чечни.

Исторический опыт мировой цивилизации свидетельствует: чем полнее обеспечивается равенство народов в многонациональном государстве, тем прочнее становится союз в рамках федеративного государства. Тем меньше социальной базы для зарождения и формирования сепаратистских настроений в обществе в целом, и среди молодёжи, в частности.

Этим положением во многом объясняется издание в последнее время ряда нормативных законодательных актов Российской Федерации в области межнациональных отношений и государственной национальной политики страны, в которых уделяется значительное внимание вопросам воспитания российского патриотизма, веротерпимости и толерантности.

Чтобы сформулированная в этих документах государственная политика в области воспитания не осталась благим пожеланием, её надо наполнять конкретным содержанием путём внедрения этой политики в школьную практику воспитания. Говоря другими словами, задача заключается в том, чтобы властные структуры, министерства и ведомства, учреждения образования и культуры, СМИ и общественные организации Российской Федерации, в том числе Чеченской республики, обеспечивали выполнение своих функций по реализации положений, заложенных в

правовых документах в области формирования гражданско-патриотических качеств у населения. Прежде всего, это касается учителя, призванного воспитывать толерантное сознание у учеников. Именно поэтому в педагогических вузах страны введена дисциплина «Педагогика межнационального общения».

Роль учителя в обществе во все времена была непререкаемо значима. Подготовка молодых учителей в условиях социально-политического кризиса, который переживает республика уже на протяжении 10-12 лет, формирование у них осознанной гражданской позиции и социальной зрелости, сегодня является поистине стратегической задачей.

Дополнительные сложности и нагрузку всему спектру воспитательной деятельности, нынешняя высшая школа испытывает из-за большой педагогической запущенности детей. Психологическая, социальная реабилитация чеченской семьи – это большая проблема, затягивание решения которой усложнит ещё больше социальную напряженность в обществе и не послужит делу межэтнической социализации.

«Война нанесла удар по многим семьям, отобрав жизни, разрушив дом и уничтожив имущество. Они были разбросаны по разным местам и подолгу ничего не знали друг о друге. На глазах менялась психика, и ухудшалось здоровье членов семьи, которые не могли вынести пережитые утраты, страх и лишения. Медицинские обследования в Чечне не делались, но ясно, что косвенные потери гражданского населения достаточно велики»[10].

Приоритетную цель воспитания молодого человека в сложных условиях, в которых находится республика, можно трактовать как целенаправленное управление процессом развития личности.

Высокое качество воспитательной деятельности педагога высшей

школы в экстремальных условиях обеспечивается глубиной проникновения им в личностное пространство внутреннего мира студента.

Чтобы установить, как следует организовать воспитательную работу, каким должно быть содержание, методы и формы педагогической деятельности в создавшихся условиях, необходимо сосредоточить внимание на нескольких моментах.

Во-первых, нужен трезвый, непредвзятый анализ богатейшего, уникального и многозначного опыта становления и развала Советского Союза.

Во-вторых, необходимо публиковать научные работы, в которых освещается история русско-чеченских отношений объективно и взвешенно: не замалчивать, но и не культивировать трагические страницы прошлого, демонстративно не выпячивать страдания и притеснения со стороны представителей других народов.

В-третьих, формулировать объединяющую национальную идею, без которой любой народ может стать легкой добычей авантюристов разного толка. Национальная идея будет сформирована на основе общероссийской идеи консолидации общества.

В-четвёртых, формировать последовательно установки на необходимость жить в мире и согласии с представителями других народов, безотносительно «исторических коллизий» прошлого.

При этом педагогу следует исходить из того, что уровень толерантного сознания в совокупности представляет собой единство общечеловеческого и национального, которое своеобразно проявляется в каждом этносе, без исключения.

Учебная, внеучебная и общественно-политическая жизнь будущего учителя в вузе направлена на формирование его личности профессионала и человека. В учебном процессе весь комплекс дисциплин даёт возможность получать студентам не только профессиональные, специальные знания, но

и знания о моральных принципах и нормах общества, приобретать практические навыки, которые постепенно формируются в нравственный уклад. Именно в учебном процессе оформляются, развиваются, совершенствуются и упорядочиваются понятия о нравственных убеждениях, требованиях, которые при благоприятных условиях перерастают в навыки и умения, а затем, взаимодействуя друг с другом, становятся нравственным поведением, нормой жизни.

Так, в практике преподавания курса «Социология» в ЧГПИ целенаправленно на обсуждение выносятся такие проблемы, как «Идеология национализма», «Воинствующий национал-шовинизм», «Джингоизм. Защитный национализм», «Национальное и интернациональное в чеченской культуре», «Толерантность сознания в полиэтничной России» и т.п.

Концепция государственной национальной политики и других правовых актов, выделяет неотложные меры, нацеленные на разработку и реализацию учебных программ и курсов по воспитанию культуры межнационального общения. Этот документ должен быть программным в области межэтнической социализации в Чеченской Республике. В нынешних условиях образовательной системы Чеченской Республики появилась возможность реально работать по пути реализации поставленных задач.

Необходимо признать, что реализация вышеназванной программы по формированию новой воспитательной модели молодого человека в полиэтничном пространстве нынешней России в любом национальном регионе – сложнейшая задача.

Чеченская Республика в этом списке представляет наиболее проблемную территорию, где «ломка болезненных стереотипов» во всех областях затрагиваемой проблемы: «патриотизма», «межэтнической социализации», «общечеловеческих ценностей», «национального языка и

культуры» и т.д. будет проходить несоизмеримо сложнее, специфичнее по сравнению с идентичными процессами в других, более спокойных национальных регионах России.

Так, в процессе обучения наблюдается весьма противоречивое отношение к русскому языку и российскому образованию. Одни студенты считают, что российское образование необходимо как средство приобщения к достижениям мировой цивилизации. Другие студенты согласны признавать российское образование для чеченского народа только с развитием национального образования. Часть радикально настроенной молодежи российское образование оценивает исключительно как составную часть русской колонизаторской политики, идеологию тоталитарной системы, основными вехами называют Кавказскую войну и ее губительные последствия для чеченцев, эмиграцию в Турцию, депортацию чеченцев в годы Великой Отечественной войны и т.д.

Хотелось бы отметить в этой связи, что за последние три года вузы Российской Федерации предоставили **тысячи мест в высшие, средние, средне-специальные и специальные учебные заведения для чеченской молодёжи в самых различных городах страны: Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Воронеже, Тюмени, Астрахани, Ставрополе, Пятигорске, Майкопе, Одессе, Краснодаре, Ростове, Нальчике и многих других городах.**

Необходимо признать, что именно расширение географии образовательного пространства для чеченской молодёжи является мощнейшим средством реализации программы межэтнической социализации, формирования навыков культуры межнационального общения и толерантных установок в сознании каждого молодого человека.

Приобщение студентов к образу жизни других народов, распространение новых знаний о традициях, культурных ценностях этнических общностей, подрывает культурный провинциализм, формирует

межэтническую культуру, которая выражается в нормах повседневного поведения.

Этому способствуют также средства массовой информации: в республику поступают в продажу практически все центральные газеты и журналы. На первый взгляд, такое малозначимое событие, как наличие центральной прессы, в условиях информационного вакуума в течение достаточно длительного периода приобретает весомое интегрирующее значение в обществе.

Перед чеченским просвещением ставится цель возродить национальное самосознание личности, исходя из приоритета общечеловеческих ценностей, сформировать установки толерантного сознания. Толерантность – это терпимое отношение к взглядам, убеждениям и поступкам других людей, это знание о понимании других, взаимное уважение через взаимное понимание. Толерантность – это и позиция тех или иных общностей, выражающая их готовность допускать существование инакомыслия в различных общинах (религиозных, культурных, этнических и т.д.). Толерантность – это терпимое отношение к религиозным, расовым, этническим, языковым, культурным особенностям народов.[11]

Из истории известно, что Чечня традиционно была территорией многонациональной, а чеченское общество на протяжении столетий оставалось открытым для выходцев из соседних народов.

По разным причинам люди переезжали в Чечню, кто-то мог попадать сюда не по своей воле, а спасаясь от преследований и т. д. Важно, что чеченцы их всегда принимали, и адаптация переселенцев проходила достаточно быстро – уже их дети считали себя чеченцами и именно так воспринимались окружающими. Эта открытость для контактов с внешним миром – характерная черта чеченского народа, в этом его исконная, традиционная толерантность. Об этом свидетельствуют примеры пришлых

и ассимилированных народов, живущих в Чечне. Их может привести любой студент.

«Национально-психологическая обусловленность воспитательной работы – это зависимость воспитательных мероприятий от специфики проявления в процессе их осуществления национальной психологии людей», – отмечается в этнопсихологическом словаре.[12]

Учёт такой воспитательной работы предполагает, во-первых, особое построение воспитательной деятельности, определяет своеобразие форм и способов воспитательных воздействий, к которым обращается воспитатель. Восприятие педагога, в частности, зависит от национально-ментальных характеристик воспитываемого.

Так, считается, что у тюркских народов в воспитании ценится не столько само содержание проводимых воспитательных мероприятий, сколько умение найти контакт с представителями той или иной нации. При этом большим успехом пользуется тот педагог, которому удалось быстро и логически доказать необходимость и целесообразность своего метода.

У чеченцев восприятие педагога проходит через призму «насколько он не заносчив», «не самонадеян». Прямое давление или напористое декларирование даже очевидных истин и норм встречает, как правило, сильный протест и неприятие. Студенты часто подчёркивают, что, чем уважительнее относится к их личности педагог, тем выше он поднимается в их глазах.

Таким образом, принципы воспитания культуры межнационального общения предполагают:

1. Учёт характера и специфики национальной психологии при воспитании;
2. Направленность воспитания на содействие развитию национальных культур народов России;
3. Направленность воспитания на содействие мирному разрешению

межэтнических конфликтов и противоречий;

4. Направленность воспитания на содействие по обеспечению равноправия, равенства прав и свобод человека независимо от национальности, языка, отношения к религии.
5. Сочетание в воспитании компонентов национального, гражданско-патриотического и общечеловеческого.
6. Учёт в воспитании этнополитической ситуации на Северном Кавказе.
7. Содействие соблюдению прав беженцев и вынужденных переселенцев, учёт их национально-культурных особенностей.

Только при наличии перечисленных аспектов в воспитательной деятельности педагога, можно ожидать ощутимых успехов в процессе воспитания новой модели молодого человека, и создание гражданского общества в обновленной России.

Мы рассмотрели некоторые проблемы, с которыми сталкивается педагог высшей школы в процессе формирования у студентов культуры межнационального общения, воспитания установок толерантного сознания.

Естественно, мы затронули только часть проблем. Сложности в процессе обучения и воспитания молодёжи, педагог испытывает огромные, уже самим фактом проживания в этой республике. Влияние чеченского кризиса – в печати это называется по-разному – огромно и на семью, и на школу, и на все звенья образовательного цикла в целом на общество.

Работа по полноценному вхождению образовательных учреждений республики в единое образовательное пространство России, предстоит огромная. И на этом пути нужна конкретная государственная поддержка, помощь и понимание общей беды со стороны всех заинтересованных общественных сил в сильном, правовом, демократическом российском государстве. Только вместе, сообща, мы сможем воспитать наших детей,

чтобы они научились дружно жить, учиться и трудиться в общем доме, имя которому – Россия.

Примечания:

[1] Краевский В.В., Полонский В.М. Методология для педагога: теория и практика: учеб, пособие. Волгоград, 2001. С 58.
[2] Волков Г.Н. Этнопедагогика – педагогика национального спасения. // Сб. Этнопедагогика – педагогика жизни. Элиста, 2001. С. 11.
[3] Гунзунова Б.А. Учет этнопсихологического фактора в работе школьного психолога национальной школы. // Сб. Этнопедагогика педагогика жизни. Элиста, 2001. С. 282.
[4] Левяш И.Я. Постиндустриализм: проблема адекватности концепта // Общественные науки и современность. 2001. №3.
[5] Волков Г.Н. Народная педагогика. М., 1999. С. 46.
[6] Артеменко О.И. Учительская газета. 2003. №3.
[7] Абдурашитов Э. О нахской культуре и философии. С 75.
[8] Абдулатипов Р.Г. Национальная идея и национализм. // Этнополитический вестник. 1995. № 3. С 15.
[9] Шадриков В.Д. Педагогика. 1997. № 5. С. 19.
[10] Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., Наука, 2001. С. 321.
[11] Гасанов З.Т. «Педагогика межнационального общения. М., 1999. С. 235.
[12] Этнопсихологический словарь. М., 1999. С. 178.

М.А. Кошев

Армия в системе российской политики просвещения горцев Северного Кавказа XIX – начала XX вв. (Постановка проблемы)

На Кавказе издавна ценились рыцарство, военное искусство и мастерство в верховой езде. Естественно, поэтому народы Кавказа почитали военную службу, которая давала большое общественное признание и высокий социальный статус, существенное улучшение материального положения и выступала, – по нашему мнению, – значительным фактором их культурного развития, особенно просвещения. Этими обстоятельствами, – как мы склонны думать, – определялось неуемное желание горцев идти на службу в российскую армию.

Призыв горской молодежи, в частности, княжеско-дворянской в царскую армию становится более интенсивным и постоянным после покорения Кабарды, Чечни, Дагестана и Западной Черкесии.

Молодые горцы приходили в русскую армию в основной своей массе малограмотными, многие были даже неграмотны. Учитывая это, царское правительство поставило перед собой две взаимосвязанные задачи – просвещение горцев и формирование проводников своей политики на Кавказе.[1]

В нашей небольшой работе хотим поставить проблему о роли российской армии в просвещении горских народов Северного Кавказа (XIX – начала XX вв.), обратить внимание ученых на необходимость специального исследования вышезаявленной темы.

* * *

В военных частях царской России было предусмотрено обучение горцев русской грамоте и чтению, арифметике, рисованию и военному

делу, имея в виду крайне слабую общеобразовательную подготовку первых. К примеру, из князей и узденей (дворян – К.М.) «…назначенных из Большой Кабарды для службы в Кавказско-горский полуэскадрон в июле 1834 г. …» Хасамбий (Хасанбий – К.М.) Атажукин – 20 лет от роду (князь), Исмаил Куденетов – 20 лет от роду (уздень 1 ст.), Магомет Тамбиев – 27 лет от роду (уздень 1 ст.), были неграмотными, а Магомет Шарданов (сын Якуба Шарданова) – 20 лет от роду, Ахмед Абуков (уздень 1 ст.) и Асламбек Абаев (уздень 1 ст.) – считались малограмотными.[2]

Адыги и другие горцы Северного Кавказа, пройдя курс обучения в горском полуэскадроне, получали возможности для присвоения им офицерского звания при непременном условии проявления храбрости и верного служения царю и России. Так, за 54 года существования Лейбгвардии Кавказско-горского полуэскадрона (1828-1882 гг.) «…из него было выпущено обер-офицерами 754 горца»[3], в том числе 524 корнетами в кавалерию, а с 1869 года введен обязательный офицерский экзамен. 230 горцев имели чин прапорщиков милиции из-за того, что не смогли сдать офицерские экзамены.

В 1849 году повысили свой общеобразовательный, общекультурный уровень и прошли проверку на верность царю и российскому самодержавию корнеты «…команды лезгин Собственного Его Императорского Величества конвоя Джудж Махмед Кагинов (из лезгинских старшин) и Ака Умат Оглы, а командир команды мусульман штабс ротмистр Исрафиль-Бек Едигаров получил не только знания, но и за верность «хозяину» «…дома и лавки в Тифлисе».[4]

Значительную роль в колониальной политике царского самодержавия на Кавказе и несравнимо меньшую в просвещении горцев сыграл созданный в конце 20-х годов XIX в. Закавказский конно-мусульманский полк, который 13 декабря 1831 г. воевал против горцев Дагестана.[5]

Заметный вклад в просвещение горцев Северного Кавказа, подготовку национальных офицерских кадров, идеологическом «завоевании» региона внесла Кавказская учебная рота (Положение о ней утверждено 23 апреля 1866 г.)[6]. В приказе по Кавказской Армии от 6 декабря 1870 года сказано «…при выборе нижних чинов, в названную роту высылаемых на один год (в г. Тифлис – М.К) для занятий должно наблюдаться, чтобы они были хорошаго поведения, крепкаго и правильного телосложения, с хорошим зрением для стрельбы, усердны, расторопны, способны и по возможности подготовлены для того, чтобы сделаться впоследствии хорошими учителями в своих частях…

Его Императорское Величество Главнокомандующий Армиею изволил приказать, чтобы Начальниками частей войск было обращаемо более внимания на выбор людей в названную роту и чтобы нижние чины в оную высылаемые вполне соответствовали условиям, в положении указанным, имея в виду, что лишь при строгом выполнении этого, части войск могут иметь у себя унтер-офицеров и учителей вполне соответствующих своей цели.» (подчеркнуто нами).

Важной формой обучения горцев Северного Кавказа стали полковые и батальонные школы, которые получили право с 1836 г. «принимать туземное юношество». Одним из воспитанников дворянского полка (полковой школы – К.М.) был осетин Дударук Казбеков, который впоследствии окончил полный курс кадетского корпуса.[7] Через полковые школы прошли князья Шахим Дударуков (абазинец), Николай Бекович-Черкасский (кабардинец), кабардинский уздень Хаджимурза Бамбатов и Хажби Туганов.[8]

Пройдя путь от полковой школы до сухопутного кадетского корпуса 19 января 1845 г. в чине поручика российской армии служил в Анапском горском полуэскадроне кабардинский уздень I степени Али Тамбиев.[9]

Новым этапом в становлении Российской системы военного образования народов Северного Кавказа, можно сказать, явились 40-е годы XIX века, когда царская администрация на Кавказе начала планировать через выделение ежегодных вакансий в военно-учебных заведениях России подготовку горских офицерских кадров. Так, 29 мая 1851 г. в документах царской администрации на Кавказе читаем: «Вследствие полученного из Штаба военно-учебных заведений сведения, что в нынешнем 1851 г. согласно сделанных соображений о замещении вакансий в кадетских корпусах представляется возможность определить горцев: в 1-ый, 2-ой и Павловский корпуса – 18 и в Александровский – 12 … просит сделать распоряжение к отправлению с Кавказской линии малолетних почетных горцев в названные учебные заведения к 15 августа…»[10]. Отбор кандидатов на замещение этих вакансий производился строго с учетом социального статуса их родителей. «Согласно прежних примеров по поручению Господина командующего войсками (на Кавказе – К.М.), – пишет начальник штаба наместника в обращении начальнику Центра Кавказской линии, – я имею честь покорнейше просить… сделать распоряжение о приглашении почетных горцев вверенного Вам Управления к отдаче детей своих в будущем 1853 году в С.- Петербургские Военно-учебные заведения и об оказавшемся по сему почтить меня уведомлением, коли можно позже 1-го числа февраля того года с приложением именного списка желающих, которые должны быть из хороших фамилий (подчеркнуто нами К.М.) положенных лет (не более одиннадцати с половиною) совершенного здоровья…»[11].

В 1852 году на учебу в С.-Петербург отправлены: сын князя Кугоко Атажукина Муссаби и сын убитого капитана Асламбека Исламова Хату. «От балкарского племени посланы на учебу в С.-Петербург в военные учебные заведения: старшины Султанбек Абаев – 10 лет, Тенгис Беканов – 10 лет и Жлостан Джанхотов – 9 лет… из карачаевских старшин –

Каншаубий Карабашев – 10 лет».[12]

Приняты: Хату Исламов в С.-Петербургский 1-ый кадетский корпус на воспитание за казенный счет. Т. Беканов и К. Карабашев так же зачислены в столичные кадетские корпуса, а 23 июня 1853 г. карачаевец Канамет Крымшамхалов (11 лет от роду) отправлен в 1-ый С.-Петербургский кадетский корпус.[13]

Молодые князья, дворяне – будущие офицеры царской армии, обучались и воспитывались в верноподданническом духе не только в дворянских полках, но и в «благородных пансионах» гимназий. К примеру, если в 1954 г. в «…Дворянском полку С.-Петербурга воспитывались Брак Кохужев и Магомет Эльчипаров…», то «…в благородном пансионе Тифлисской гимназии постигал секреты русской грамоты и аристократические манеры, впитывал в себя нормы и правила поведения русского офицера князь Тембот Мисостов».[14]

Любопытно заметить, что в программу обучения Дворянского полка входили такие предметы как закон Божий, русский и французский языки, история, география, арифметика, геометрия и рисование. Для получения офицерского чина его воспитанник должен прослужить юнкером 2 года в войсках царской России.[15]

Молодые горские офицеры верой и правдой служили царскому самодержавию и в годы русско-кавказской войны, сыграли немалую роль в покорении Кавказа, укреплении российских административных порядков в крае. Об этом в определенной степени свидетельствуют следующие архивные материалы от 27 октября 1854 г.: «Воспитанники 1-го Кадетского корпуса Арслан-Гирей и Менгли-Гирей Мансуровы и Павловского корпуса Арсламбек Шипшев, уволенные на родину, отправлены первые два к Тохтамышевскому приставу подполковнику Алкину, а последний в Нальчик, для доставления к их родным…»[16] От себя добавим, что не для отдыха, а для пропагандистской работы среди

соплеменников. Истинность данного заключения, на наш взгляд, вытекает из документов Штаба войск Левого крыла Кавказской линии (декабрь 1858 г.) где мы видим «…находящийся в отпуску, происходящие из Кабардинских узденей, ротмистры полков: Ахтырского Гусарского – Кошероков, Санкт-Петербургского Уланского Джамбеков и Штабс Ротмистр Нарвского гусарского – Шипшев, изъявили желание продолжить службу в Драгунских полках Кавказской армии, для сближения через то с родными. (Подчеркнуто нами – К.М.)

По полученным сведениям, названные офицеры, окончив воспитание в военно-учебных заведениях в России и прослужив там 18 лет, совершенно сроднились с русскими, получили понятие образованных людей и преданы нашему правительству (подчеркнуто нами – К.М.)… и через сближение свое с родными и единоплеменниками иметь полезное влияние[17] в крае».

Военно-учебные, главным образом, гражданские образовательные учреждения царское правительство широко использовало в целях не только подготовки кадров для армии, администрации на Кавказе, но и в качестве проводников своей идеологии, покорения непокорных народов. Решение образовательных задач становилось второстепенным, подчиненным фактором.

Роль армии в российской политике просвещения горцев Северного Кавказа существенно усиливается в первые два десятилетия XX в., когда подготовка горских офицерских кадров в Российской империи получила черты системности во многом благодаря переходу царского военного ведомства к политике формирования иррегулярных национальных воинских частей. Такие города как Владикавказ, Новочеркасск, Тифлис и Киев стали центрами подготовки офицеров-горцев. В основном они готовили командные кадры для кавалерии.[18] Прямо из действующей армии направлялись на учебу в Киевскую, Тифлисскую, Владикавказскую школы

прапорщиков. Так, только в 1915 г. на учебу в Тифлисскую школу прапорщиков направлены: Толгуров Мисост, Шупаго Дышеков, младшие урядники Али Инароков и Мусса Гоов.[19] Всего на учебу поехал 21 человек. Изъявили желание учиться в Тифлисе урядники 3 сотни Кабардинского конного полка Туган Кудашев, Магомет Мисостов и Нарчай Шогенов. Однако отметим, что и в военном образовании народы Кавказа не имели равных прав. К примеру, ни один горец Северного Кавказа в досоветской истории, не смог получить высшего военного образования, то есть окончить Императорскую военную академию, а грузины и армяне становились выпускниками этого известного учебного заведения, хотя народы рассматриваемого региона имели более глубокие исторические связи с Россией.

Заключая небольшое исследование, следует подчеркнуть, что армия в этот период заняла ведущее место в российской политике просвещения народов Северного Кавказа.

Воинские части, Кавказская учебная рота, дворянские полки, полковые и батальонные школы, кадетские корпуса, школы прапорщиков и кавалерийские училища составили своеобразную систему военного, российского просвещения народов Кавказа, выступили значительным феноменом идеологического завоевания важнейшего региона мира. Через эти формы образования и воспитания шла подготовка военно-служилой национальной интеллигенции, которая, как мы утверждали не раз в своих предыдущих работах, составляла основную и наиболее многочисленную страту. Она воспитывалась в духе служения и услужливости, чинопочитания, раболепствования перед властьимущими. У национальной интеллигенции в большом дефиците были такие черты как свободомыслие, стремление к социальному прогрессу своих народов, независимое мышление и поведение. На многие десятилетия она оказалась в мощных «объятиях» власти.

Примечания:

[1] Кошев М.А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX - начале XX вв. Нальчик, 1991. С. 9-10.
[2] ЦГА КБР. Ф.1, Оп.1. Д. 42. Лл.92-94.
[3] Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. С. 204-205.
[4] ЦГА КБР. Ф-Р.209. Оп.3. Д. 3. Лл.47-67.
[5] Там же. Л. 69.
[6] ЦГА КБР. Ф-355, П.75. №218.
[7] ЦГА КБР. Ф.16. Оп.1. Д. 1098. Л. 31.
[8] Там же. Лл.21-28, 42.
[9] ЦГА КБР. Ф.16. Оп.1. Д. 471. Лл.1-2.
[10] ЦГА КБР. Ф.16. Оп.1. Д. 1098. Л. 21.
[11] ЦГА КБР. Ф.16. Оп.1. Д. 1294. Л. 1.
[12] Там же. Л. 9 (оборот); Л. 13.
[13] ЦГА КБР. Ф.16. Оп.1. Д. 1294. Лл. 20-27.
[14] ЦГА КБР. Ф.16. Оп.1. Д. 1607. Лл. 4-10.
[15] Там же. Л. 61.
[16] ЦГА КБР. Ф.16. Оп.1. Д. 1607. Д. 54.
[17] ЦГА КБР. Ф.2. Оп.1. Д. 413. Лл.16.
[18] Кошев М.А. Люди, события, факты истории народов Северного Кавказа в очерках, иллюстрациях и документах (конец XIX-XX век). Майкоп, 1999. С. 24.
[19] Там же. С. 51.

Е.Х. Хачемизова

К вопросу о репрессиях 30-х – 40-х годов XX века (На материалах Краснодарского края)

Период существования тоталитарного режима в нашей стране, сложившийся к 30-м годам XX века, относится к историческим событиям, оказавшим глубочайшее воздействие на судьбы человечества. Интерес к эпохе 30-40-х годов с течением времени не ослабевает, но, напротив всё более усиливается, в силу того, что данный исторический отрезок времени тесно связан с сегодняшним днём. Исследователи, обращаясь к итогам минувшего прошлого, пытаются найти в них ответы на выдвигаемые жизнью актуальные политические вопросы. Побудительным мотивом к изучению данной темы является стремление раскрыть негативную сущность репрессивной политики, дать анализ причин её осуществления, форм и методов её проведения в жизнь, раскрыть механизм репрессий и показать пагубность последствий этих мер. Стимулирующим фактором стала возросшая за последнее время в условиях отсутствия идеологического пресса источниковедческая база исследований. Это публикации новых архивных материалов, а также научно-исследовательских трудов отечественных и зарубежных историков. Материалы, касающиеся репрессий 30-40-х годов публикуются в исследовательских, документальных и мемуарных произведениях. Возникает понимание глубокого критического исследования данной проблемы, имеющей историческое, политическое и идеологическое значение. В современной науке вопросы взаимодействия власти и общества относятся к числу наиболее сложных. Изменение ценностных ориентиров при внесении элементов чрезвычайности в прежний размеренный образ жизни населения трансформирует привычный стиль

взаимоотношений власти и социума. Анализируя события 30-40-х годов, конкретные действия властей в те годы и ответную реакцию населения, следует выявить конкретные черты того времени, раскрыть механизмы репрессий в целом по стране и исследуемом регионе.

Использование новых источников и исследовательских методов, преодоление идеологических стереотипов прежних лет способствует критическому переосмыслению влияния событий тех лет на общество и человека. Существенная роль в изучении и научном понимании событий прошлого принадлежит локальным исследованиям. В условиях слабости демократических структур современной России необходим глубокий научный анализ социально-экономических и политических процессов, имевших место в 30-40-е годы. Изучение исторического опыта позволяет избежать возможных ошибок в будущем. Актуальность настоящего исследования подтверждается практикой политических и социально-экономических преобразований, осуществляемых в России Анализ степени изученности исторического факта репрессивной политики в 30-е-40-е годы XX века даёт основание полагать, что разработка данной темы далека от своего завершения. Важное значение для осмысления событий 30-40-х годов оказали работы общетеоретического, историографического, источниковедческого характера как советских, так и постсоветских исследователей российской проблематики. Они позволили рассмотреть разные исследовательские постановки и проблемы, касающиеся массовых репрессий. Внимание исследователей репрессивной политики привлекали прежде всего: сложившаяся система власти, механизмы подавления оппозиции, особенности официальной пропаганды, слабость демократических институтов партии, процесс становления сталинского авторитаризма, причины его перерастания в тоталитаризм. Диктатура пролетариата в лице «вождя» не может обойтись без жестокой системы государственного насилия, без репрессий, тюрем и концлагерей.

Тоталитаризм уничтожает традиционные структуры власти и помогает своему авангарду овладеть им. Происходит процесс огосударствления, партия становится государством, формируется специфическая государственность тоталитаризма, отличительной чертой которой является полный контроль над обществом. Перед обществом ставятся небывалые задачи, во имя которых необходимо приносить неисчислимые жертвы, терпеть непосильные сверхлишения. Тоталитаризм не может остановиться в наращивании репрессий; необходимость преодолевать трудности, добиваться новых успехов служит гарантией его существования. Историография насчитывает немало работ по вопросам репрессий 30-40-х годов, вышедших из-под пера таких исследователей, как Д. А. Волкогонов, Ж.А. Медведев, Р.А. Медведев, А.В. Островский, А.И. Солженицын, А.В. Антонов-Овсеенко, Н.Ф. Бугай, С.А. Кропачев, И.И.Алексеенко, М.П. Капустин, Ю.Г. Буртин, Э.Я. Баталов, А.Х. Бурганов и другие. Д.А. Волкогонов в своём труде «Этюды о времени» выделил причины истоков сталинизма и попытался осмыслить культ личности Сталина и его природу»[1]. Целью исследовательской работы Ж. А. Медведева и Р.А. Медведева «Неизвестный Сталин» является освещение внутрипартийной борьбы на разных этапах становления советского государства, анализ репрессивной политики, влияние личности Сталина на ход исторических событий ушедшего столетия».[2] Ю.Г. Буртин, Э.Я. Баталов, А. Х. Бурганов и другие ученые и публицисты в своем труде «Суровая драма» народа делают попытку научно выяснить природу сталинизма, дать анализ этого сложного социального феномена».[3] Публикация А. В. Антоновым-Овсеенко, проведшим в лагерях и тюрьмах около 13 лет, своей работы «Театр Иосифа Сталина «обогатила источниковую базу материалом о многоликости лицедея в лице И.В. Сталина».[4] А. В. Островский в своем произведении «Кто стоял за спиной Сталина? «обращаясь к архивным материалам, воспроизводит

дореволюционную биографию Сталина, исследуя причины его восхождения на вершину власти».[5] В работе М.П. Капустина «Конец утопии» дана оценка исторических событий, освещены вопросы коллективизации, показана беспросветность в положении крестьян в годы войны, бесправие колхозников в первые послевоенные годы.[6] «Огромное число колхозов создавалось у нас сверху, административным, бюрократическим путём»».[7] С именем А.И. Солженицына связано появление в нашей литературе темы сталинских лагерей: «Архипелаг ГУЛАГ», «В круге первом», «Один день Ивана Денисовича», «Раковый корпус» и другие. Влияние А.И.Солженицына на определённую часть русской интеллигенции очень велико. Многие связывают с его идеями духовное возрождение нации. Впервые в нашей литературе А.И. Солженицын выписал психологический портрет Сталина, пристально рассмотрел созданную им политическую систему, показал сущность красного террора: «Сажают якутов после восстания 1929 года, сажают бурят-монголов после восстания 1929 года. Сажают казахов после героического подавления их конницей Буденого в 1930-31 годах... И подходит медленно, но подходит очередь садиться в тюрьму членам правящей партии! Пока это – «рабочая оппозиция» или троцкисты избравшие себе неудачного лидера. Их пока – сотни, скоро будут тысячи. Но лиха беда начало».[8] Рецензией на эту вакханалию станет классическая формула обывателя тех лет: «Что-нибудь, наверно, было... У нас зря не посадят».[9] Характерными чертами исторической литературы 80-х годов и по настоящее время являются: освобождение от прежних идеологических установок, шаблонов, расширение источниковой базы через доступ к архивам, постановка новых проблем.

В работах В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого, И.Е. Зеленина и других с новых методологических подходов освещается проблема коллективизации, раскулачивания, как величайшая трагедия российской деревни.[10]

С конца 80-х годов выходят научные труды исследователя Н.Ф. Бугай о депортации народов Северного Кавказа, Украины, Крыма, Прибалтики. В работах раскрыты проблемы депортации немцев, чеченцев, ингушей, корейцев, греков и других народов. Весомый вклад Н. Ф. Бугай внёс в развитие источниковой базы, исторической науки, подготовил к изданию сборники документов, ранее засекреченных: «Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать» (М. 1992); «Реабилитация народов России» (М.2000).

«Мобилизовать немцев в рабочие колонны» И. Сталин. (МЛ 998). Н.Ф. Бугай одним из первых занялся проблемами депортации народов СССР в 1920-1950-годы и тем самым способствовал появлению возможности глубинно использовать исторические процессы в СССР в 20-е-50-е годы. Существует и масса других исследований по данной теме. В статье Льва Безыменского «Дело Берии полвека спустя», опубликованной в журнале «Новое время» приводятся свидетельства и доказательства реальных преступлений наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия.[11]

В исследовании кандидата исторических наук А. В. Филимонова, представленном в IV разделе книги «История Отечества», разработана тема становления административно-командной системы и режима личной власти И. В. Сталина».[12]

Освещая вклад кубанских историков в изучении данной темы, необходимо, прежде всего, назвать работы А.С. Кропачева и И.И. Алексеенко, которые вышли в 1993 году.[13]

В своей работе «Репрессии на Кубани и Северном Кавказе. 30-е годы XX века» И.И. Алексеенко поставил задачу – вскрыть условия, причины появления репрессий, проанализировать и оценить репрессивную политику государства с 1929 по 1938 годы. В монографии С.А. Кропачёва «Большой террор на Кубани» освещаются события 30-40-х годов на Кубани, характеризуется политика правительства в эти годы. В

исследовании использовались архивные материалы по Кубани. В.Н. Салошенко в книге «Председатели и губернаторы», раскрывая судьбы председателей Краснодарского Крайисполкома с 1937 года на неопровержимом фактическом материале, служебных документах, часто с грифом «совершенно секретно», делает попытку осмыслить сложный исторический период 30-х-40-х годов в общественной жизни края».[14]

Управление по делам архивов администрации Краснодарского края, открыло серию документальных публикаций по истории Краснодарского края в XX веке. Основу сборника составляют документы, созданные КПСС, органами ВЧК-КГБ. Ранее эти архивы были закрыты для исследователей. Подобное обстоятельство пагубно отразилось на подготовленности документов к использованию – в большинстве случаев отсутствует научно-справочный аппарат к документам, не сделаны копии и микрофильмы для фондов пользования, поэтому только публикация документов даст им научное направление. Сборник Алексеева А.А. и Беляева А.М. «Краснодарский край в 1937-1941 годах» (Краснодар, 1997) содержит документы, материалы по истории края за 1937-1941 гг. и приурочен к 60-летию образования края. Цель сборника состоит в публикации местных материалов рассекреченных в послевоенные годы. Сборник включает в себя документы органов НКВД, справки о судьбах репрессированных руководителей края. До последнего времени их имена находились в забвении. Отчасти причиной явилось то обстоятельство, что образование края в сентябре 1937 года совпало с началом «большого террора». Репрессии приняли небывалый характер и охватили все слои общества. Волна разоблачений «врагов народов», «вредителей» стихла только в 1939 году. Сборник состоит из трёх разделов, два из которых посвящены истории образовании края, характеристикам городов и районов вошедших в него. Третий раздел «Штрихи времени» содержит подборки документов по темам, отражающим некоторые особенности

рассматриваемого периода».[15] В сборнике А.М. Беляева и И.Ю. Бондарь «Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.», посвященном событиям военных лет на Кубани, представлены интересные архивные источники по исследуемой тематике. В нем содержаться документы архива Управления ФСБ по Краснодарскому краю о выселении «отдельных категорий» населения из пределов края и районов прифронтовой полосы. Значительная часть материалов относиться к числу недавно рассекреченных и публикуется впервые.[16]

В следующем сборнике документов и очерковых материалов «Кубанская ЧК» раскрывается работа чекистов Кубани в наиболее сложные периоды истории нашего государства. Сборник выпущен к 80-летию образования органов ВЧК-ФСБ и 60-летию образования Управления ФСБ РФ по Краснодарскому краю. Органы ЧК на Кубани были созданы в апреле 1918 года. В числе первых чекистов были М.Ф. Власов, П.Н. Крючков, Б.К. Мальцев, П.Я. Долматов и другие. В судьбе органов ВЧК было много событий: и героических и трагических. Борьба с контрреволюцией и бандитизмом, противодействие иностранным спецслужбам. Были и годы репрессий. В книге русского историка – социалиста Сергея Мельгунова «Красный террор в России», изданной в Берлине в 1924 году, приводиться инструкция, данная одним из первых шефов ЧК Лацисом своим подручным: «Мы не ведем войны против отдельных лиц, – пишет Лацис 1 ноября 1918 года, – мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал словом или делом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого».[17]

Но органы госбезопасности не были инициаторами геноцида своего народа. Они выполняли чужую волю. Более того, свыше 20-ти тысяч

чекистов разделили судьбу жертв сталинского произвола: «в процентном отношении мы потеряли едва ли не больше, чем какой-либо другой социальный слой нашего общества».[18]

В числе незаконно репрессированных сотрудников УНКВД по Краснодарскому краю значатся:

1. Майор госбезопасности, начальник Краснодарского ГО НКВД С.М. Буда. Арестован 20.03.1937 г. Постановлением комиссии НКВД, Прокурора ССР и Председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР от 8.10.1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован.

2. Лейтенант госбезопасности В.И. Вериго, начальник Гулькевичского ГО НКВД. Осужден 20.10.1938 г. Военным трибуналом НКВД Северо-Кавказского округа по статье 58-12 УК РСФСР к 6 годам ИТЛ. Умер в Северо-Восточном лагере 01.10.1940 г. Реабилитирован.

3. Лейтенант госбезопасности А.Я. Аккерман, начальник Кропоткинского РО НКВД. Осужден Военной коллегией Верховного Суда 11.12.1937 г. по статье 58-8, 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 11.12.1937 г. в г. Ростове-на-Дону. Реабилитирован.

4. Капитан госбезопасности Н.Н. Лебедев-Никанорченко, начальник Армавирского ГО НКВД. Арестован 04.06.1937 г. Осужден Военным трибуналом СКВО по статье 58-8, 58-10 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Реабилитирован.

5. Д.М. Косовцев, начальник СПО Армавирского ГО НКВД. Арестован 26.04.1937 г. Осужден Военным трибуналом СКВО 22.06.1939 г. на 8 лет лишения свободы по статье 58-11 «б» УК РСФСР. Военным трибуналом войск НКВД Северо-Кавказского округа 05.01.1940 г. – оправдан.

6. Лейтенант госбезопасности П.Г. Панфилов, ВРИД начальника 3 отделения Армавирского ГО НКВД. Арестован 11.08.1937 г. С 1937 г. по

1940 г. – под следствием. 05.01.1940 г. Военным трибуналом войск НКВД СКВО – оправдан.[19]

Исключительно сложной была деятельность органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны. В боях с врагом погибли многие сотрудники краевого управления НКВД: Ф. Рябинин, И. Лапин, И. Константинов, В. Кравцов, А. Устинов, А. Герман и другие. В книге использованы документы Государственного Архива Краснодарского Края (ГАКК), Центра Документации Новейшей Истории Краснодарского Края (ЦДНИКК), Архива Краснодарского Управления ФСБ, а также воспоминания непосредственных участников событий тех лет.

К 1930 году Советская Россия превратилась в полицейское государство; органы безопасности внедрились во все советские учреждения, включая и те, что управляли экономикой. Чека превратилась из органа, ответственного за расследование политического инакомыслия в суперправительство, которое надзирало за повседневной деятельностью всего государственного аппарата, боролось против классовых врагов, а также против спекуляции, т.е. частной торговли. Всепроникающее присутствие органов ЧК – феномен советского тоталитаризма, представляющего собой единое, политизированное, идеологизированное и в то же время атомизированное общество.

Во имя доктрины идеологической гегемонии, положенной в основу коммунистической системы, уничтожались десятки миллионов невинных людей, без какого-либо предъявления им обвинения, являющихся в глазах этой системы преступниками лишь потому, что они принадлежат к дворянам, буржуазии, кулакам, украинцам, даже рабочим или к членам партии коммунистов. Нетерпимость была положена в основу программы действий коммунистических режимов. Недаром глава советских профсоюзов Томский заявлял 13 ноября 1928 года в « Труде»: «У нас тоже могут существовать другие партии. Но вот в чем наше принципиальное

отличие от Запада…», «…У нас одна партия правит, а все остальные сидят в тюрьме».[20]

Но к 1939 году практически была уничтожена сама ленинская партия, подавляющее большинство арестантов в 1936-1938 годах составляли коммунисты. Оказалось, что почти все старые партийные работники состояли из шпионов, агентов, мирового империализма и врагов народа. Анализ вышеизложенного позволяет сделать вывод, что от жестоких репрессий, прежде всего невосполнимый урон понесла сама партия. Жертвами репрессий оказались почти все старые большевики и ближайшие сотрудники Ленина. Наркомы, члены Политбюро и Секретариата ЦК, партийные работники всех уровней. 1937-1940 годы с партии было исключено около 300 тысяч коммунистов, 1937-1938 годах исключение происходило в массовом порядке».[21]

Стихия террора, достигшая 1937 году своего апогея охватила и Краснодарский край. Как свидетельствуют архивные документы «санкции на арест давались безотказно и в любом количестве». К январю 1938 года в крае было репрессировано свыше 20 000 человек.[22]

Всего по неполным данным в Краснодарском крае только по линии карательных органов ОГПУ, НКВД в 30-е годы было репрессировано свыше 42000 человек.[23]

Назовем лишь некоторых из них. Это ученые Ю. Кондратюк, В. Зайцев, В. Пустовойт; партийные, советские и комсомольские работники О. Рывкин (один из первых председателей РКСМ), М. Марчук, И. Кривцов, С. Барчо, Г. Схакумидов, К. Боракай, М. Хуажев. Уже после своей смерти был объявлен «врагом народа» первый секретарь Адыгейского обкома партии Шахан-Гирей Хакурате».[24]

В начале 1939 года волна репрессий стала стихать и партийные директивы потребовали «прекратить практику избиения честных работников».

Сталин стремился уничтожить все возможные системы власти, в том числе и власть партии. Еще в 1920 году он предупреждал: «Страной управляют на деле не те, которые выбирают своих делегатов в парламентеры при буржуазном порядке или на съезды Советов при советских порядках. Нет. Страной управляют фактически те, которые овладели на деле исполнительным аппаратом государства, которые руководят этими аппаратами».[25]

Руководствуясь этим постулатом, Сталин сосредоточил в своих руках всю полноту власти. В августе 1936 года состоялся первый показательный процесс, на котором были приговорены к смертной казни Зиновьев, Каменев, Смирнов и другие. В январе 1937 года – второй, на котором было раскрыто «предательство» Радека, Пятакова, Сокольникова. В марте 1938 года на скамью подсудимых сели Бухарин, Рыков, Крестинский, Раковский, а также Ягода, бывший руководитель репрессивного аппарата и организатор предшествующих процессов. Один из важных аспектов сталинских репрессий – их воздействие на мировое общественное мнение. Отдавая распоряжения о проведении показательных процессов, Сталин сам учитывал этот аспект и многие западные, независимые наблюдатели и комментаторы, по-видимому верили пропагандистским версиям о виновности подсудимых. В противном случае суды были бы малоубедительны, а Сталин возможно действовал бы не так беспощадно. В этом случае можно сделать вывод о том, что косвенно те из современников Сталина кто, возможно, не поверил, но, во всяком случае, не подал своего голоса протеста, стали до некоторой степени соучастниками дальнейших репрессий, пыток и смерти ни в чем не повинных людей. Репрессии велись по плану: сверху в обкомы и райкомы спускались контрольные цифры. При невыполнении плана репрессия подвергалось местное партийное руководство и офицеры НКВД и НКГБ. При его выполнении и перевыполнении исполнители репрессировались за

истребление партийных кадров. Из оперативного приказа народного комиссара внутренних дел Союза СССР № 00447 от 30.07.1937 г. (с грифом «совершенно секретно») «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»:

«П. О мерах наказания репрессируемым и количестве подлежащих репрессии.

1. Все репрессируемые кулаки, уголовники и другие антисоветские элементы разбиваются на две категории:

а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат немедленному аресту и, по рассмотрении их дел, на тройках, – РАССТРЕЛУ;

б) ко второй категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки.

2. ...По Азово-Черноморскому краю утверждается следующее количество подлежащих репрессии: всего – 13 000 человек, в том числе: первая категория – 5 000 человек, вторая категория – 8 000 человек...

III. Порядок проведения операции.

1. Операцию начать 5 августа 1937 года и закончить в четырехмесячный срок...

2. В первую очередь подвергаются репрессии контингенты, отнесенные к первой категории...

IV. Порядок проведения следствия.

1. На каждого арестованного или группу арестованных заводится следственное дело. Следствие проводится ускоренно и в упрощенном порядке. В процессе следствия должны быть выявлены все преступные связи арестованного.

2. По окончании следствия дело направляется на рассмотрение

тройки.

V. Организация и работа троек.

...2. На заседаниях троек может присутствовать (там, где он не входит в состав тройки) республиканский, краевой или областной прокурор.

...4. Тройки... могут относить лиц, намеченных к репрессированию по 2 категории – к первой категории и лиц, намеченных к репрессированию по первой категории – ко второй...

VI. Порядок приведения приговоров в исполнение.

1. Приговоры приводятся в исполнение лицами по указаниям председателей троек...

Основанием для приведения приговора в исполнение является заверенная выписка из протокола заседания тройки... и специальное предписание, за подписью председателя тройки...

2. Приговоры по первой категории приводятся в исполнение в местах и порядком по указанию наркомов внутренних дел, начальников управлений и областных отделов НКВД...

3. Направление в лагеря лиц, осужденных по 2 категории, производится на основании нарядов, сообщаемых ГУЛАГом НКВД СССР.

VII. Организация руководства операций и отчетность.

1. Общее руководство проведением операций возлагало на моего заместителя – Начальника главного управления государственной безопасности – Комкора тов. Фриновского.

...4. О всех вновь вскрытых в процессе проведения операции контрреволюционных формированиях... и других чрезвычайных происшествиях доносить по телеграфу – немедленно... Своевременно выявлять и быстро пресекать попытки к совершению каких-либо активных контрреволюционных действий. Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Генеральный комиссар государственной безопасности –

И. Ежов. Верно: М. Фриновский». Документ приводится в сокращении, орфография и пунктуация сохранены[26].

Анализ приведенного секретного приказа показывает: количество подлежащих репрессии граждан планировалось заранее, операция по наказанию «антисоветских элементов» проводилась в сжатые сроки, в первую очередь репрессии подвергались граждане, отнесенные к первой категории, следствие проводилось в ускоренном и упрощенном порядке, роль прокурора сводилась к его присутствию на заседаниях «троек», самим «тройкам» в отношении вынесения приговора даны все полномочия, т.е. налицо грубое нарушение законности, попрание всех юридических норм.

Изнанка сталинизма – беззаконие, варварский и невиданный в истории геноцид против собственного народа, в результате которого десятки миллионов людей оказались заключены в советские концлагеря, а цвет нации физически и морально уничтожен. В.И. Вернадский в своем дневнике осенью 1941 года писал, что «ГПУ – это государство в государстве, «нарост, гангрена, разъедающая партию... В результате миллионы заключенных – рабов, в том числе, наряду с преступным элементом, – и цвет нации, и цвет партии...»[27]

Исторический анализ политики тоталитарных режимов, их отношений со своим обществом показывает, что характерным методом регулирования социальных отношений в таких режимах является насилие: экономическое, политическое, идеологическое, физическое. Физическое насилие, а именно, массовые репрессии имеют своей целью: во-первых, достичь полного слияния индивида с политическим режимом, а в итоге обезличить самого индивида, во-вторых, создать дешевую армию труда (ГУЛАГ), то есть организовать принудительный труд. Таким образом политические цели террора дополнялись беспроигрышным экономическим расчетом. В концепции построения социализма, которой придерживался Сталин насилию отводилась решающая роль. Идея: скорейшее построение

социалистического общества требовало трудового перевоспитания как явных, так и потенциальных противников Советской власти. С этой целью в июне 1923 года был создан Соловецкий лагерь особого назначения ОГПУ (СЛОН), позднее в 1936 году переименованный в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН).

11 июля 1925 года Совнарком принял постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных». С этого момента тюремное население страны начинает непрерывно расти. На Соловецких островах содержались инакомыслящие, члены бывших политических партий, дворяне, священнослужители, крестьяне. Рабочие, военные, интеллигенция, чекисты. Заключенные находились в полной изоляции от населения. Их трудовой день длился 12 и более часов, для них был установлен армейский режим. Казарменный социализм требовал атмосферы постоянного страха. Теория обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму оправдывала любые беззакония и репрессии. К тому же, ускоренные темпы развития советской экономики требовали «дешевой» рабочей силы заключенных, что привело к формированию целой сети исправительно-трудовых лагерей ОГПУ (ИТЛ). В 1932 году в СССР насчитывалось 11 исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа: Белбалтлаг, «Соловки», Свирлаг, Ухтпечлаг, Темлаг, Вишлаг, Сиблаг, Дальлаг, Среднеазиатский лагерь (Сазлаг), Балахлаг и Карагандинский лагерь (Карлаг). В 1933 году число лагерей возросло до 14. К указанным добавились три новых – Бамлаг (трасса БАМа), Дмитровлаг (канал «Волга – Москва») и Астраханский Прорвлаг.[28]

Определяющим фактором в создании ИТЛ явилось тотальное подавление личности, являющейся основным противником любого деспотичного режима. Миллионы коммунистов, бывших в оппозиции и беспартийных: «врагов народа», «вредителей», «троцкистов», а также «спецпереселенцев» и прочих «контрреволюционеров», Сталин относил к

так называемой «пятой колонне» скрытых и явных врагов, которая подлежала уничтожению. В 1930-е годы в таких отраслях экономики, как лесозаготовка, добыча золота и цветных металлов, строительство в районах Севера и Дальнего Востока, использовался исключительно труд заключенных. Возведение и эксплуатация особо сложных объектов постепенно переходила в ведение ОГПУ, хозяйственные ведомства все чаще использовали труд заключенных на своих предприятиях.

Исправительно-трудовые колонии (ИТК) существовали на многих объектах, не принадлежащих ОГПУ-НКВД. Таким образом, в ведении НКВД находилась добыча руды, золота, заготовка леса, строительство и эксплуатация промышленных и транспортных объектов и др. Родоначальник концлагерной системы – «Соловки» – вскоре был ликвидирован, в 1939 году упразднена и Соловецкая тюрьма. Однако, ежегодно в стране продолжали организовываться новые лагеря. В начале 1935 года в системе НКВД имелась 15 лагерей, вначале 1939 года их количество возросло до 42-х с десятками новых филиалов – Среднебельский и Бурятский (Хабаровский край), Бирлаг (Еврейская АО), Новотамбовский (район Комсомольска-на-Амуре), «Соли-камбумстрой» (Молотовская область), ИТЛ строительства № 201 (участок от Комсомольска-на-Амуре до Николаевска).[29]

По состоянию на 1 марта 1940 года ГУЛАГ состоял из 53 лагерей (включая лагеря, занятые железнодорожным строительством), 425 исправительно-трудовых колоний (в том числе 170 промышленных, 83 сельскохозяйственных и 172 «контрагентских», то есть работавших на стройках и хозяйствах других ведомств лагерей), и 50 колоний для несовершеннолетних (на воротах некоторых по свидетельству поэта Д. Кугультинова, красовались надписи: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»).[30]

Наряду с органами изоляции в систему ГУЛАГа входили так

называемые «бюро исправительных работ» (БИРы), задачей которых было обеспечение выполнения решений в отношении лиц, приговоренных к отбыванию принудительных работ. В феврале 1939 года в Болшево, под Москвой, по приказу Берии было создано «Особое техническое бюро при НКВД СССР», где трудились свезенные со всех тюрем и лагерей ученые-конструкторы – создатели новых образцов военной техники. В этом и подобным им бюро работали: А.Н. Туполев, С. П. Королев, А. И. Некрасов, Б. С. Стечкин, В. М. Петляков, В. М. Мясищев и многие другие светлые умы. Общий контингент заключенных, содержавшихся в лагерях и исправительно-трудовых колониях ГУЛАГа определяется по данным централизованного учета на 1 марта 1940 года в 1668200 человек. Из этого числа в ИТК содержалось 352 тысячи человек (в том числе в промышленности и сельском хозяйстве – 192 тысячи человек.)»[31]

В ГУЛАГ поступали арестованные из всех регионов СССР. Так в октябре-декабре 1934 года в лагеря прибыло 88917 человек, из них 6483 человека – из Азово-Черноморского и Северо-Кавказского края».[32]

Число заключенных в системе Отдела мест заключений (ОМЗ) НКВД (тюрьмы и колонии) составляло в начале 1935 года 254354 человек, из них в Азово-Черноморском крае – 12292 человека.[33]

Пик арестов приходится на 1937-1938 годы. В начале 1938 года численность заключенных тюрем и колоний СССР составляло 895230 человек. Из этого числа 636225 человек содержалось в тюрьмах и колониях РСФСР, в том числе в Краснодарском крае – 19814 человек.[34]

К началу 1940 года количество заключенных значительно сократилось вследствие ослабления репрессивной политики. Со второй половины 1940 года оно стремительно возросло в связи с реализацией Указа от 26 июня 1940 года об уголовной ответственности за самовольный уход, прогулы и опоздание на работу. Число заключенных в ИТК Краснодарского края по состоянию на 1 января 1940 года уменьшилось и

составило 6062 человека, из них в промышленных ИТК – 4546 человек, в сельскохозяйственных – 1516 человек.[35]

По состоянию на 20 марта 1941 года общая численность заключенных в тюрьмах Краснодарского края увеличилась и составила 7663 человека, из них в городе Краснодаре – 3793 человека, в Армавире – 2247 человек, в Новороссийске – 1623 человека.[36]

В городе Краснодаре имелась одна колония для несовершеннолетних. В марте 1941 года Краснодар вошел в «двадцатку» городов с наибольшим числом тюремных заключенных. Информация о перенаселении арестантами тюрем содержится в секретном послании Исполняющего обязанности прокурора Краснодарского края Востокова прокурору Союза ССР Вышинскому от 30 января 1938 года: «...Считаю необходимым довести до Вашего сведения о возникающих трудностях, а именно: По Краснодарскому краю репрессировано по 1-й и 2-й категориям свыше 20000 человек... В тюрьмах края содержится под стражей 16860 человек при лимите в 2760 человек, налицо исключительная перегрузка, имело место уже появление инфекционных заболеваний у заключенных в Краснодарской, Армавирской и Майкопской тюрьмах (сыпной и брюшной тиф)...

У Краснодарской и Армавирской тюрем постоянно скапливается большое количество родственников заключенных пытающихся узнать о судьбах заключенных... толпа не рассеивается и в ночное время, некоторые лица живут у тюрьмы несколько дней. В городе Новороссийске не получившие свидания с заключенными родственники зачастую останавливаются для ночевок на квартирах в домах, расположенных вблизи тюрьмы. Такое крайне нежелательное явление у мест заключения, по существу являющееся своеобразной демонстрацией, вынуждает меня поставить перед вами вопрос о принятии необходимых мер через наркомат НКВД.»[37]

О тюремном переполнении в исследуемом периоде, в особенности в 1937-1938 годах, а также о применении жесточайших пыток в отношении арестованных сообщает А.И. Солженицын в автобиографическом произведении «Архипелаг ГУЛАГ»: «Почти с первых же часов арестант оказывается в густонаселенной общей камере... Избыточность наполнения камеры не только заменяла сжатый одиночный бокс, она проявлялась как первоклассная пытка, особенно тем драгоценная, что длилась целыми сутками и неделями – и безо всяких усилий со стороны следователя: арестанты пытались арестантами же! Наталкивалось в камеру столько арестантов, чтобы не каждому достался кусочек пола, чтобы люди ходили по людям и даже вообще не могли передвигаться, чтобы сидели друг у друга на ногах... не было окна или вентиляции, от тел и дыхания температура была 40-45 градусов, голые тела были спрессованы, и от чужого пота кожа заболевала экземой. Так они сидели неделями. Им не давали ни воздуха, ни воды (кроме баланды и чая утром)... От самих пострадавших ты узнаешь, что дают соленую клизму в горло и потом на сутки в бокс мучиться от жажды. Или теркой стирают спину до крови и потом мочат скипидаром... и еще иголки загоняли под ногти, и водой наливали до распирания... Сам министр госбезопасности Абакумов отнюдь не гнушается этой черной работы, он не прочь иногда взять резиновую палку в руки».[38]

О невыносимых условиях содержания заключенных в лагерях ГУЛАГа дает представление текст заявления заключенного Дальлага В. Максюты от 14.05.1937 года председателю Всесоюзного Центрального Исполнительного комитета М.И. Калинину: «Просим вашего распоряжения рассмотреть нашу заяву, так как мы работаем на руднике Райчиха при станции Бурея. Работает нас, заключенных, 7000 человек, но из этих 7000 половина мертвых – доживают последние минуты, так что многим не придется видеть своих детей из-за того, что администрация

очень издевается над заключенными, хуже, чем в старое время, – избивают заключенных крестьян начальство и заключенные. А поэтому просим высший орган власти – если мы не нужны на этом свете, то не мучьте нас, а лучше расстреляйте нас, чем такое издевательство над нами. Мы думаем, что наш высший орган не знает, что десятками заключенных заворачивают в землю, удобряют заключенными землю, каждый день по десять человек убивают... А поэтому просим высший орган пожалеть наших молодых лет, выслать контролеров к нам на рудники и проверить, как над нами издеваются. Просим не отказать в нашей просьбе».[39] Об обстановке, сложившейся в городе Краснодаре в 1937 году и об отношении властей к «деклассированным элементам» дает представление документ с грифом «совершенно секретно», составленный начальником Управления РКМ УНКВД по Краснодарскому краю, капитаном милиции Потетюриным 01.11.1937 года на имя секретаря оргбюро ЦК ВКП (б) по Краснодарскому краю тов. Кравцова: «Крупный, нережимный город юга, Краснодар является центром притяжения нетрудового и уголовно-деклассированного элементов, удаляемых в порядке паспортного режима из крупных промышленных городов Союза, освобождающихся после отбытия наказания из исправительно-трудовых лагерей и тюрем и беглого кулачества. За девять месяцев сего года в город прибыло после освобождения из лагерей и тюрем только ставших на учет в б. Краснодарском Горотделе милиции 1710 человек. Фактически же их прибыло значительно больше. По показаниям лиц, прибывающих в Краснодар из исправительно-трудовых лагерей, среди отбывающих наказание чрезвычайно распространено, что на Кубани и в частности в городе Краснодаре жизнь во много раз лучше, чем в других районах. Являясь в большинстве уголовниками-рецидивистами, этот элемент, не имея родных в Краснодаре, а зачастую и постоянного жилья, прикрываясь временными работами продолжает заниматься преступлениями –

грабежами, воровством, хулиганством, которое в городе развито и характерно дерзкими формами с насилием над гражданами. За десять месяцев 1937 года по городу совершено 27 грабежей, 571 кража и 568 случаев хулиганства. Часть этого элемента, не занимаясь общественно-полезным трудом, и прикрываясь работой занимается спекуляцией промтоварами, сельхозпродуктами, домами и тому подобным. За счет этого элемента спекуляция в этом городе достигла больших размеров. Нами производится изъятие уголовно-деклассированного элемента (за десять месяцев изъято 1918 человек), но достаточного эффекта изъятие не дает вследствие большой текучести его...».[40]

30-е годы стали особым периодом в истории Кубани XX века, насыщенным драматическими событиями коллективизации и форсированной индустриализации края.

Погоня за темпами коллективизации привела к массовым нарушениям законности, к так называемому «раскулачиванию», что резко осложнило обстановку в кубанских станицах. Недовольство населения было использовано ОГПУ для «вскрытия» и «ликвидации», так называемых «контрреволюционных повстанческих организаций» на Кубани. Мнимые участники этих организаций приговаривались к расстрелу.

В 1932 году к станицам, не выполнявшим заданий по хлебозаготовкам, применялась система карательных мер административного и экономического воздействия. Это означало немедленное прекращение подвоза товаров, полное свертывание кооперативной и государственной торговли с вывозом из магазинов всех товаров, полное запрещение торговли для колхозников и единоличников, прекращение кредитования и досрочное взыскание всех финансовых обязательств; проведение чистки колхозного, кооперативного и государственного аппарата от «враждебных элементов»; арест органами

ОГПУ организаторов саботажа хлебозаготовок. Станицы, занесенные на «Черную доску» автоматически лишались исторических названий, а их жители выселялись в северные районы страны и в Сибирь.

По неполным данным число депортированных из сельских районов Кубани в конце 1932 – начале 1933 года составило 63,5 тысячи человек.[41]

Спецсообщения №2 и 3 Секретно-политического отдела ОГПУ «О ходе выселения кулаков из районов Кубани Северо-Кавказского края» от 16 декабря 1932 года («совершенно секретно»). Спецсообщение №2 По состоянию на 07.12 1932 г. С 5 декабря по 7 декабря из Северо-Кавказского края отправлено 3 эшелона:

1. Со станицы Полтавская – 208 семей, 1097 человек на станцию Осокаровка (Казахстан).

2. Со станицы Тимашевская – 332 семей, 1677 человек на станцию Котлас (Северный край.)

3. Со станицы Тихорецкая – 259 семей, 1177 человек на станцию Осокаровку.

Всего 999 семей, 3951 человек. Снято в пути: больных – 1 мужчина, умерших – 1 ребенок. Все выселяемые одеждой и продовольствием обеспеченны полностью. Подъем, стягивание и погрузка прошли спокойно. Начальник СПО ОГПУ Г. Молчанов, помощник начальника СПО ОГПУ Люшков.

Сообщение №3

По состоянию на 09.12 1932 года.

За 07.12 сего года отправлено 2 эшелона: эшелон № 4 со станции Сосыка назначением до станции Котлас (Северный край) – всего 376 семей или 1754 человек, из них мужчин – 514 человек.

Эшелон № 5 со станицы Тихорецкая назначением до станции Осокаровка (Казахстан) – всего 274 семьи или 1221 человек, из них мужчин – 330 человек.

Начальник СПО ОГПУ Г. Молчанов. Помощник начальника СПО ОГПУ Люшков.[42]

Насильственная коллективизация, изъятие у колхозников и единоличником семенного продовольственного зерна инициировали массовый голод 1933 года. С января по май месяцы 1933 года начала резко возрастать смертность среди населения. Из-за недостатка продовольствия в стране было введено нормированное распределение хлеба, но пайки были крайне скудными и население продолжало вымирать. Количество умерших в Северо-Кавказском крае в 1932 году – составило 123108 человек, в 1933 году – 424437 человек.[43]

В то время, когда миллионы советских людей находились на грани жизни и смерти, Сталин в речи на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1933 года заявил: « Говорят, что путь колхозов есть правильный путь, но он трудный. Это верно лишь отчасти. Конечно, трудности на этом пути имеются. Хорошая жизнь даром не дается. Но дело в том, что главные трудности уже пройдены, а те трудности, которые стоят перед вами, не стоят даже того, чтобы серьезно разговаривать о них»[44].

Всего в 1932-1933 гг. в результате голода, репрессий, депортаций население Дона, Кубани и Ставрополья сократилось на 620 тысяч человек[45]. В 1932-1933 годах, несмотря на тяжелейшее положение, начавшийся массовый голод, в черноморских портах загружались пшеницей суда, вывозившие ее за границу. Из письма неизвестного автора В.М. Молотову: «Товарищ Молотов!.. я рабочий завода «АМО» имени Сталина получив свой отпуск, хотел проехать на Северный Кавказ. То, о чем я буду писать, конечно, о тех безобразиях, которые творятся там... Итак, начинаю с фактов. Первой моей остановкой был порт Новороссийск, где исключительное большинство находится иностранных пароходов. Причем в городе, если можно так выразиться, полнейший голод, то есть напоминает 1922, 1923 годы, период, когда мы переживали разруху после

войны, но никак не мыслимо наблюдать такое явление и в период расцвета и роста. Я наблюдал такой случай: на одном иностранном пароходе происходила погрузка жмыха... В то время, когда вскрыли амбары для погрузки, рабочие накинулись есть. В это время с парохода стали их фотографировать, дескать, в Советском Союзе голод... И, как комсомолец и гражданин республики, считаю, что такое явление в корне не допустимо, что тут вредительство и люди, которые там сидят просто дают материал для наших врагов. Думаю, что рабочее правительство не допустит до вымирания жителей до ста человек в день. 8 мая 1933 год. Москва, завод «АМО». (Подпись).[46]

Примечания:

1 Волкогонов Д.А. Этюды о времени. М., 1998.
2 Медведев Ж.А., Медведев Р.А. Неизвестный Сталин. М., 2002.
3 Буртин Ю.Г., Баталов Э.Я., Бурганов А.Х. Суровая драма народа. М., 1989.
4 Антонов-Овсеенко А.В. Театр Иосифа Сталина. М., 2000.
5 Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? М., 2002.
6 Капустин М.П. Конец Утопии? М., 1990.
7 Там же. С.438.
8 Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1991. Т.1. С.54.
9 Там же. С.372.
10 Данилов В.П. Трагедия советской деревни, коллективизации и раскулачивание. 1927-1939 гг. Документы и материалы. М, 2001. Т.3; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М, 1994; Зеленин И.Е. Крестьянство и власть в СССР после «революции сверху». // Вопросы истории. 1995. №7. С.14-31 и др.
11 Безыменский Л. Дело Берии полвека спустя. // Новое время, 2000. № 23. С.30.
12 Филимонов А.В. Проблемы Отечественной истории 1920-1930-х гг., // История Отечества. Псков, 1994. С.95-118.
13 Алексеенко И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе. 30-е гг. XX века. Краснодар; Кропачев С.А. Большой террор на Кубани: Драматические страницы истории края 30-40 гг. Краснодар, 1993.
14 Салошенко В.Н. Председатели и губернаторы. Взаимосвязь времен. Краснодар, 2002.
15 Алексеева А.А., Беляев А.М. Краснодарский край в 1937-1941 гг. Краснодар, 1997.
16 Беляев А.М., Бондарь И.Ю. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Краснодар, 2000. С.75-76, 238-239.
17 Куртуа Стефан. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., 1999. С.40.
18 Панчишкин Н.Т., Гусев В.В., Сидоренко Н.В. Кубанская ЧК Органы

Госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях. Краснодар, 1997. С.6.

[19] Там же. С. 148-149.

[20] Куртуа Стефан. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии… С. 39.

[21] Филимонов А.В. Проблемы Отечественной истории 1920-1930-х гг. // История Отечества. Псков, 1994. С. 105.

[22] Алексеева А.А., Беляев А.М., Бондарь И.Ю. Страницы истории в документах архивного фонда Кубани. Краснодар, ГАКК, Упр. по делам Арх. Краснодарского края, 2002. С. 10.

[23] Алексеенко И.И. Алексеенко О.И. Новейшая история Кубани XX века. Краснодар, 2001. С. 140.

[24] Кропачев С. Большой террор на Кубани. Драматические страницы истории Краснодарского края 30-40 х гг. Краснодар, 1993. С. 26.

[25] Капустин М.П. Конец Утопии? М, 1990. С. 193.

[26] Панчишкин Н.Т., Гусев В.В., Сидоренко Н.В. Кубанская ЧК Органы Госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях. Краснодар, 1997. С. 129-133.

[27] Капустин М.П. Конец Утопии? … С. 256-257.

[28] Земсков В.Н. Заключенные в 1930-е годы. // Отечественная история. 1997. № 4. С.54.

[29] Там же. С.54-55, 58.

[30] Филимонов А.В. Проблемы Отечественной истории 1920-1930-х гг. // История Отечества… С. 112.

[31] Там же. С.113.

[32] Земсков В.Н. Заключенные в 1930-е годы… С. 58.

[33] Там же. С. 68.

[34] Там же. С. 68.

[35] Там же. С. 70.

[36] Там же. С. 72.

[37] Панчишкин Н.Т. Гусев В.В. Сидоренко Н.В. Кубанская ЧК Органы Госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях… С. 141-142

[38] Солженицьн А.И. Архипелаг ГУЛАГ… С. 115-117.

[39] Лившин А.Я., Орлов И.Б., ХлевнюкО.В. Письма во власть. 1928-1939 гг. М., 2002. С.345.

[40] Алексеева А.А., Беляев А.М., Бондарь И.Ю. Страницы истории в документах Архивного фонда Кубани. Краснодар.: ЦДНИКК, ГАКК, Упр. по делам Арх. Краснодарского края, 2002. С. 18.

[41] Ротов В.С., Придиус П.Е. Кубань: Один год с Батькой Кондратом и его дружиной – Краснодар, 1998. С.15.

[42] Данилов В. Трагедия Советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 гг. … С.584.

[43] Алексеенко И.И., Алексеенко О.В., Латкин В.В. Новейшая история Кубани XX века… С.122.

[44] Авраменко А.М., Баранов А.В., Болдырев Ю.А. История Кубани XX век: Очерки. Краснодар, 1998. С.105.

[45] Там же. С. 104.

[46] Лившин А.Я., ОрловИ.Б., Хлевнюк О.В. Письма во власть. 1928-1939 гг. … С.210.

Г. Прибылов

Зачаточная письменность или идеография – найденная на землях Адыгеи

При изучении дописьменной культуры, приходится иметь дело с артефактами разительно отличающимися друг от друга. И если характер материала поддается систематизации, то хронологический период, как говорят, под семью замками:

- потому, что материал – подъемный, а, следовательно, оторван от культурного слоя;
- потому, что специалистов работающих в этом направлении, чрезвычайно мало;
- потому, что отличие Советской, а позднее и Российской археологической науки от зарубежной, с одной стороны, и отсутствие научного обмена информацией с другой стороны затрудняет работу в этом направлении.

Есть и другие причины. В поисках сенсаций многие газеты и журналы публикуют материалы, несмотря на то, что авторы не только далеки от науки, но и от здравого смысла.

Все это подрывает истинные возможности выхода на неизвестные культуры, удаленные от нас на тысячелетия.

Не менее опасной формой классификации, выступают субъективно сформированные хронологические таблицы.

Рассмотрим периодизации образцов искусства палеолита:

По А. Брейль-Мадлен разделил на VI стилей от I до VI. По хронологии I – 15 000 лет до н.э. VI – 10 000 лет до н.э.

Ориньяк:

– древний – 35 000 лет до н. э.;

– средний – 30 000 лет до н.э.;

По А. Леруа-Гурана:

Мадлен разбит на ранний, средний и верхний. К солютре, добавляем – интер-граветто-солютре. К раннему сносит Граветт. Ориньяк по хронологии близок к А. Брейль.

Шательперрон, оставляет хронологических границах с А. Брейль.

Мустье оба относят к 40 000 лет до н.э. по археологической периодизации.

П.И. Борисковский в «Древнейшее прошлое человечества». Ленинград 1979 г. выделил в хронологическом порядке:

– верхний (поздний) палеолит 40 – 10 тыс. лет до н.э.

– мустьерская культура 100 – 40 тыс. лет до н.э.

Как видно, разительное отличие. В чем причина?

Полагаю, что ответ найдем в этих сроках:

К культуре относятся по-разному потому, что отсутствуют единые временные рамки.

Одни ученые говорят:

– Если приравнять 100 лет к 1 часу, то история европейского человека равна 208 дням, а на письменность приходится всего 4 дня, а 104 на дописьменную культуру.

Есть другое мнение ученых:

– Возраст человека ≈ 2,5 – 5 млн. лет до н.э. Дописьменная история составляет в целом 99,998 %, от истории человечества. Следовательно, большую часть человечества можно изучать только по артефактам.

Когда я читаю, что: «…Наука старается проникнуть в тайны духовной жизни в дописьменный период…» невольно возникает вопрос – каким методом?

Этнографы пытаются понять древнейшие культуры, религии и многое другое, работая сегодня с отсталыми племенами. Формы духовной жизни, которые если и увязываются с древнейшими верованиями, как известно, умирающими очень медленно, при этом не лишены трансформации, иначе они сохранялись бы неизменными.

Аборигены этого не знают, не учитывают, они воспринимают их в целом, как традиции, и пытаются хранить. Поэтому полученные результаты этнографов – субъективные, их следует расценивать, как точку зрения конкретного исследователя. Причины в разительных подходах в поиске и оценке предыстории философии связана с тем, что начальная эпоха человеческой мысли самая загадочная.

Не менее вредны и субъективны формы, сведения о которых получены в результате изучении отсталых племён, преподносимые как доказательства миропонимания древнейших людей. Трудно поверить, что мыслительную деятельность, возможно, представить по мифам, как по останкам вымерших животных восстанавливают древнейшую фауну. Поэтому сознательно или подсознательно наиболее интересные материалы не исключают подгонки под своё видение.

Приведу несколько теорий, без комментариев:

По Фрейду, сексуальным, по Классиферу, – символическим, по Фрейзеру, – магическим, по Леви-Брюлю, – пралогическим, по Прейсу, – комплексным, по Вундту, – аффективным и т. д.…

Советская наука отвергала теории древнейшего мышления. Утверждала, что древний человек был психопатом. За основу брали

аналогию между мышлением первобытного человека и мышлением психически больного, рассматривая расстройство мышления, возникающее при шизофрении как возврат к мышлению древнейших людей…

В капиталистических странах издавались книги, уверяющие, что первобытные люди обладали особой интуицией и интеллектом.

«ДЕТИ ПРИРОДЫ»

Профессор Сорбонского университета неотомист Этьенн Жильсон писал, что человек – метафизическое животное, которое начинает свою духовную жизнь со «Встречи с Богом».

В 1957г. патер В. Копперс опубликовал в Вене книгу «Первобытный человек и его представления о мире», в которой утверждает что возникновение философии связано с происхождением религии.

Зачатки религиозных верований учёные увязывают с эпохой первобытного стада, беря за основу найденные пещерные погребения относящиеся к мустье. Археологи уточняют, что явными памятниками религии являются ритуальные погребения, сохранившиеся от эпохи верхнего палеолита (40-18 тыс. лет) и пещерные рисунки, изображающие колдовские обряды.

Чего нельзя отрицать, так это того, что религия прошла три основные стадии:

1. Религия древнейшего общества – **тотеизм** – фантастическое отражение кровнородственных отношений (мифологический «предок» рода). Закрепляется **тотем**;

2. Религия развитого рода – культ духов предков;

3. Религия племени – культ природы и стихии. Возникла с появлением земледелия и скотоводства.

Отсюда прямой путь к **политеизму** (многобожию).

Тотем осмысливается как родоначальник, как общий предок сородичей. Таким образом, **тотеизм** подобен культу промыслового зверя.

У австралийцев можно и сегодня встретить племена, сохранившие тотемистические представления считающих, что каждая их группа находится в родстве с тем или иным видом растений или животных (ЭМУ, кенгуру и т.д.). Основным обрядом культа является обряд, во время которого один из стариков особым камнем поглаживает живот каждому мужчине, приговаривая: «Да будешь ты есть много пищи!»

Следовательно, культ **тотема** ставил первоначально успешную охоту или трудовую деятельность людей.

Проводя более глубокий анализ, можно найти противоречие. Если тотем – благословение на охоту, а животное это предок, родственник, то охотник совершает убийство. В наши дни подобную двойственность тотемизма можно проследить при охоте на медведя у эвенков.

Но и в подобном случае, найдено практическое решение, оно заключается в особом ритуале, очищении и вымаливании прощения у убитого зверя. Возникла зависимость охотников от тотемизма и решая эту проблему, выдвигается культ промыслового зверя. В эпоху позднего палеолита вместо священных зверей выступают статуэтки, наделённые магическими свойствами. Постепенно идёт формирование представления об одушевлённости природы – о существовании духов или душ, растений, животных, человека. Так появился – **Анимизм**.

С развитием земледелия возникает культ матери – Земли.

Приобретая опыт, люди всё более выделяют из ранее нерасчленённой природы отдельные её силы, такие как: космические силы и природные явления. Это приводит к изменению культа мёртвых. В

умерших сородичах живые видели враждебные силы и пытаясь от них избавиться, при этом задабривали покровителей. В этом культе появляется – **Жертвоприношение**, а позднее заменяется – Молитвой. Жертва заключалась в кормлении Духа, имевшая целью умилостивить его.

Молитва – через слово задействовала сложнейший механизм, суть которого не раскрыта и сегодня.…Прослеживается процесс, способствующий раскрытию способности древнейшего мастера создавать изображения с одной стороны и воспринимать его в культовых процессах массами. Таким образом можно предположить, что логическое осмысление древним человеком природы и бытия можно отнести к первому этапу зарождения потребности сохранения информации. Возникает новая проблема, как донести, передать?..

Образ зверя

Не следует упрощать. Древнейший человек не мог рисовать. Первоначально он воспроизводил только формы зверей, птиц, рыб, змей, строго отобранных культовыми обрядами, закрепленных общественной элитой, жрецов, вождей старейшин. Которые, по-видимому, и являлись не только главами рода, но и основными хранителями его традиций и ритуалов. Чем архаичнее экспонаты (статуэтки), тем менее они увязаны с определённым стандартом.

Учитывая, что основным материалом выступает камень – прослеживается определённый стандарт. Он позволяет последующее моделирование с использованием заготовок, найденных в руслах рек и ручьёв. Отыскивается форма, напоминающая необходимую фигурку, и мастером доводится до нужного вида. Иногда эти дополнения настолько незначительны, что первоначально их можно отнести их к «шутке природы». Только более подробное исследование выявляет участие человека. В результате проявляется элементарная изобразительная модель.

Таким образом, объяснению подлежит не возникновение сложного творчества «вообще», а появление особой изобразительной формы – так называемого изобразительного зверя. Ответ на вопрос будет удовлетворительным лишь в том случае, если он даст конкретно-историческое объяснение всем обязательным особенностям подобного изображения. Подобный подход, казалось бы, убедительно подсказанный логикой, не сулит существенных результатов в силу того, что артефакты, несущие информацию не поддаются расшифровке, несмотря на то, что предназначались древнейшим, которых мы пытаемся отнести к носителям простейшей информации. Исходя из того, следует выделить, что всё многоплановое содержание натуральной изобразительной практики породило комплекс логической мысли, что позволяет выделить зарождение творческого сознания.

Предположительно, эта культовая деятельность передавала ещё не собирательный образ зверя, а только непосредственный эмоциональный сюжет, выступающий в культовых обрядах. Полагаю, что эти архаичные явления в их первозданном виде и были найдены мной на землях Адыгеи.

Как отмечалось выше, при изучении древнейшего искусства приходится иметь дело с данными разного рода, отличающимися друг от друга по форме, материалу, исполнению и конечно по той информации, которую несёт артефакт. В этой связи следует запомнить, что культовые артефакты, в особенности, где материалом выступал камень, долговечны. Древнейшие мастера не могли не учитывать многократного обновления поколений. Напрашивается вопрос: что же было заложено в этой информации и какие элементы выступают связующим звеном?

Служили ли они воплощением духов во время отправления обрядов и теряли ли самостоятельные функции между обрядами?

Возможно они несли в себе «иконические» предназначения.

Тогда должна существовать различительная информация, чтобы последующие поколения безошибочно могли их включать в ритуалы.

Что же это за информация и как она проявляет себя?

Можно только предполагать, что должны иметь место архаические знаки. Другими словами, артефакты могли быть знаками-симптомами или указателями (охотничьей) пиктографии.

При всем этом необходимо выделить, что артефакты, найденные в открытых мною святилищах на территории Адыгеи, имеют рубы, руны и другие знаки и символы, а это уже ближе к Идеографии.

Пиктография по мнению Ч. Лоуктаки, неотделимо от **Идеографии**, несет в себе графическую форму информации. Некоторые ученые считают Идеографическое письмо первичным. Полагают, что Идеография возникла в одном из центров неизвестной нам цивилизации. Позднее распространилась в других письменных культурах. Могла послужить прародителем шумерского письма, перенесённого в египетское и даже протоиндийское письмо.

Идеография бесценна, поскольку выступила как прародитель письменности. Следовательно и артефакты несущие на себе идеографическую информацию, найденные мною на земле Адыгеи – бесценны.

Предлагаются фото.

Представлены артефакты:

Фото №1

Голова медведя. Материал – песчаник.

Фото № 2

Лев. Материал – песчаник.

Фото №3

Голова Оленя. Материал – камень.

Фото №4

Свернувшаяся змея. Материал-кремень.

Фото №5 Фигурка динозавра. Материал – песчанник

Неизвестная символика на камнях, найденных на территории Республики Адыгея

Фото №1

Знаки на камне.

Фото №2

Увеличенный фрагмент

Фото №3 Знаки на камне.

Фото №4 Знаки на камне

Фото №5 Знаки и письменность.

В.Д. Чернышенко

Дореволюционный Майкоп

Восемнадцатого мая 2007 года исполнится сто пятьдесят лет со дня основания Майкопа – столицы Республики Адыгея.

Майкоп расположен на территории Северо-западного Кавказа, на правом берегу реки Белой, левого притока Кубани. С древнейших времен здесь жили адыгские племена.

В центре Закубанья в долинах Северного склона Кавказского хребта, включая урочище Майкоп, жили абадзехи – одно из крупнейших племен, их численность достигала 250 тысяч человек, всего адыгов насчитывалось 1500 тысяч человек[1].

В течение многих веков Адыгея подвергалась нашествиям со стороны турецких султанов и крымских ханов. Адыги обращались к России с просьбой о помощи, но Россия преследовала здесь и свои цели. Уже в конце восемнадцатого века царизм приступил к завоеванию территории адыгов. В период с 1800-1804 гг. на территории Северо-западного Кавказа строились военные укрепления, возводилась Черноморская береговая линия с целью изоляции, а затем завоевания Адыгеи.

В результате русско-иранской войны 1826-1828 гг. и русско-турецкой войны 1828-1829 гг. было завершено присоединения к России Закавказья. Захватив Закавказье, царизм устремил свой взор на покорение предгорных и горных районов Северного Кавказа. Сославшись на Андрианопольский мир, Россия получила от Турции в 1829 году земли, которые находились под покровительством султана. На самом деле султан передал России те земли, которыми не владел. Приказ царских войск о повиновении вызвал негодование у адыгов, так как они не считали себя

подчиненными Турции. Получив такой ответ, царизм решается силой подчинить Северо-западный Кавказ. В Тенгинской крепости, на правом берегу реки Лаба был сформирован отряд под командованием В.М. Козловского с целью занять высоту Майкопском ущелье и основать там крепость.

Отряд выступил из Тенгинской крепости первого мая 1857 года. Четвертого мая часть отряда во главе с Дебу провела разведку на территории нынешнего поселка Тульского, сняв план Майкопского ущелья. Местом строительства крепости был выбран правый берег реки Белой.

18 мая 1857 года или 6 мая, по старому стилю, началась закладка крепости Майкоп. К февралю 1858 года строительство крепости было основном завершено.

Слово Майкоп происходит от адыгейского слова «Мыекуапэ», что означает по-русски «Долина яблонь». «Мыекуапэ» состоит из двух адыгейских слов «мые» – яблоня, «куапэ» – долина, край.

Вот как описывается крепость: «По форме она напоминала букву «П», она была окружена рвом и высоким валом. Внутри крепости было построено двадцать две казармы, в – центре полковая канцелярия, в северной части – лазарет и гауптвахта. Крепость имела четверо ворот: с западной стороны, с восточной и двое с северной, с правой стороны через реку Белую был перекинут деревянный мост[2].

С 1858 по 1863 гг. крепость служила важным пунктом оборонительной линии. Сюда сходились дороги всех военных отрядов. Царское правительство придавала большое значение Майкопской крепости. 14 сентября 1861 года крепость посетил Александр II.

18 сентября 1861 года в урочище Марюк-Огай, около станицы Новосвободной, царь принял депутацию непокорных адыгов во главе с Керендук Хаджи Берзечем. Адыги просили царя прекратить боевые

действия, но Александр 2 напрочь отказался.

В 1862 году передовые укрепления с рек Белой и Курджипс были перенесены на юго-запад, первоначально к реке Пшех, а затем на реку Пшиш. Майкоп, находясь за кордонной линией, перестает играть роль военной крепости и постепенно превращается в мирное поселение. 22 марта 1862 года в крепости вводится комендантское управление. Майкоп становится станицей с управлением во главе со старшиной. Первым старшиной Майкопа был нахичеванский купец второй гильдии Г.Н. Шапошников. Он построил в Майкопе самый крупный магазин

После 1864 года заселение Майкопа усилилось за счет переселенцев из других губерний России. Немаловажную роль сыграли льготы, установленные царским правительством для переселенцев: «Водворившимся в город отводится бесплатно с выдачей узаконенных документов участки земли не более 400 сажень, свыше 400 сажень взимается налог в доход города»[3]. К концу 60-х население возросло настолько, что Майкоп совершенно теряет характер крепости.

По ходатайству Майкопского управления 24 декабря 1870 года Майкоп из станицы превращается в город. На основании этого акта образуется Майкопский уезд. Таким образом, с 24декабря 1870 года Майкоп официально называется городом, а 4 апреля 1871 года состоялось его торжественное открытие.

18 мая 1878 года в Майкопе вводится городское положение. Здесь образовывается городская дума с ее исполнительным органом – городской управой, во главе которого стоял городской голова. Первым городским головой был полковник Басов.

Дальнейшее развитие города было связано с развитием всей страны. Со второй половины 90-х годов 19 века Россия вступает в полосу промышленного подъема. Этому способствовал подъем внутреннего рынка. В Майкопе большое распространение получили кустарные

промыслы, перерабатывающие, главным образом, местные продукты. Особенно быстро развивалось кожевенное производство, но по мере падения скотоводства в Майкопском отделе, это производство стало падать. Много рабочих рук было занято в сапожном, гончарном, кузнечном и других видах кустарного производства.

Наряду с развитием кустарного производства в городе стала развиваться торговля. Покупательная способность населения здесь была выше, чем в городах Центральной России. В пореформенный период капиталистическая промышленность проникает на Кавказ: «шло вытеснение туземных вековых кустарных промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов. Русский капитализм втягивает, таким образом, Кавказ в мировое торговое обращение, нивелировал его местные особенности – остаток старинной патриархальной замкнутости, создавая себе рынок для своих фабрик»[4].

В Майкопе начинается постройка предприятий. Первыми возникают предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов: мельницы, маслобойные, пивные, табачные фабрики. Все заводы и фабрики Майкопа были мелкими полукустарного типа. В 1890 году на 63 заводах и фабриках работало 305 рабочих, а в 1910 году на 124 заводах и фабриках работало 1227 человек. Эти показатели позволяют говорить о промышленном подъеме в городе. Вместо полукустарных пиво-медоваренных предприятий возникают два крупных пивзавода, строится макаронная фабрика, спиртзавод, винзавод, организуется чугунолитейное производство Гурского. Работа на предприятиях длилась 14-16 часов.

Помимо строительства заводов и фабрик производится разведка полезных ископаемых: «Академиком А.А. Губкиным в районе Майкопа были выявлены месторождения нефти»[5]. С появлением нефти появляются нефтяные предприятия, закладываются скважины. Нефть стала притягивать Майкоп не только русских, но и иностранных капиталистов. В

городе открылось семь банков и кредитных учреждений, начали строиться большие дома и магазины, проводится телеграфная сеть.

После постройки железнодорожной линии Армавир-Туапсе Майкоп был соединен специальной веткой с основной магистралью. 12 декабря 1910 года в Майкоп пришел первый поезд. Одновременно строились шоссейные дороги Майкоп – Белореченская и Майкоп – Туапсе. Это еще больше усилило экономическое значение города.

Капиталисты не щадили рабочих, непосильно эксплуатируя их. Постепенно в рабочей среде возникает недовольство, которое выливается в забастовки и стачки. Острый характер приняла в городе классовая борьба в 1891 году, когда страну охватил голод, вследствие разразилась чума, которая привела к чумным бунтам. В Майкопе свирепствовала эпидемия. По приказу властей весь скот был согнан в одно место. Здоровый скот стоял рядом со скотом, пораженным чумой. Такие действия повлекли выступление народа: «Возмущенная толпа подожгла скотный базар, а скот выпустила на улицу»[6]. Выступление народных масс было сильным, для разрешения конфликта в Майкоп прибыл помощник наказного атамана генерал-майор Яцкевич.

15 июня 1891 года он назначил мещанский сход у городской управы. К мещанам присоединились рабочие и крестьяне, они направились к гостинице Карапетова, где остановился Яцкевич, и потребовали его выхода. Яцкевич отдал приказ разогнать толпу. Сход был разогнан полицией и солдатами. В результате кровавой стычки было убито и ранено 90 человек.

Не обделили своим вниманием Майкоп представители русской интеллигенции. После чумного бунта город посетил А.М. Горький. В 1897 году сюда приехал известный русский археолог Н.И. Веселовский. Под его руководством были раскопаны сотни курганов. В том числе один из известнейших курганов бронзового века – Майкопский. Курган был

расположен в Покровской части города. Во время раскопок кургана археологи обнаружили небольшую плиту. Вот, что они нашли: «Под плитой оказался склеп с погребенным племенным вождем и его женами. В кургане мы нашли большое количество золотых и серебряных изделий, которые относились к третьему тысячелетию до нашей эры».

В конце 19 – начале 20 веков в Майкопе открываются первые учебные заведения. Одним из первых учебных заведений являлось техническое училище. За 10 лет (1809 – 1909) техническое училище закончило 104 человека. Для детей буржуазии 1 сентября 1891 года было открыто городское училище. По просьбе интеллигенции в 1895 году была открыта Майкопская городская общественная библиотека. Бюджет библиотеки поддерживался городскими властями. С целью распространения знания среди населения 3 марта 1908 года комиссия народных чтений была преобразована в Майкопский народный университет. «Знания необходимы всем – от мала до велика»[7].

Но образование было доступно не всем слоям населения. Весомым вкладом в развитие культурной жизни стало открытие в 1898 году Пушкинского народного дома, нынешний драмтеатр имени Пушкина. Он стал центром культурно-просветительских мероприятий местной интеллигенции. Пушкинский народный дом строился под руководством и по проекту Фомина и на частные благотворительные средства. При народном доме стала работать труппа артистов-любителей под руководством Василия Федоровича Соловьева. Здесь же была открыта библиотека, которой заведовала Маргарита Ефимовна Грум-Гржимайло.

На очень низком уровне в дореволюционный период в Майкопе находилось здравоохранение. В городе отсутствовала канализация. После дождя образовывались лужи и грязные болота. Все это способствовало появлению малярии и других болезней. Современники тогда говорили: «В Майкопе редко найдешь вполне здорового человека. Малярия в разных

степенях и видах, а также некоторые эпидемические болезни свили в Майкопе себе гнездо». В городе имелась одна больница, которая насчитывала 54 места, две амбулатории и инфекционный барак. В больнице трудились такие врачи, как В.Ф. и Н.Ф. Соловьевы, В.Н. Желинская.

Большое влияние на общественно-политическую жизнь Майкопа оказала революция 1905-1907 гг. События 9 января 1905 г. в Петербурге послужили началом первой русской революции. Революционные выступления пролетариата всколыхнули всю страну. Эти события вызвали революционный подъем среди майкопских рабочих. Майкопские рабочие также находились в тяжелых условиях. Работа на предприятиях длилась 12-14 часов, рабочие штрафовались, получали мизерную заработную плату. Это толкало их на борьбу за свои права. Первые революционные кружки стали появляться в начале 20 века. Одним из первых организаторов этих кружков был социал-демократ А.А. Жулковский. Осенью 1903 года из кружков образовалась социал-демократическая группа из 45 человек, которая входила в Кубанский комитет. Именно эта группа руководила всеми революционными выступлениями трудящихся Майкопа. На промышленных предприятиях создавались революционные кружки. Социал-демократы вели агитационную работу среди рабочих. Также активизируется революционное настроение у учащейся молодежи. Революция перекинулась и в армию.

28 ноября 1905 года из Екатеринодара в Майкоп прибыл второй Урупский полк, сформированный из казаков станиц Майкопского отдела. Восстание Урупского полка началось 16 декабря 1905 года. Руководителям революционного полка были Куганов, Шумаков, Соколов. Восстание полка длилось 54 дня. Полк, окруженный станице Гиагинской правительственными войсками, сдался 7 февраля 1906 года. На ход революции в Майкопе оказали влияние казаки 14 пластунского батальона.

8 декабря 1905 года они покинули свое месторасположение в станице Евлах и прибыли в Майкопский отдел. Пластуны заявили: «Мы сами крестьяне, мы тоже будем требовать улучшения жизни. Народ требует земли и воли, и мы тоже станем рядом с народом и будем добывать землю и волю». Царское правительство вынуждено было пойти на уступки. Зарплата была повышена на 18-20 % в одинарном размере выплачивались сверхурочные. В 1907 году революционная борьба получила поражение.

Первая мировая война лишь на время приостановила революционное движение. Большевики понесли в народные массы лозунг о превращении империалистической войны в гражданскую. В Майкопе была получена газета «Социал-демократ» с манифестом ЦК партии большевиков. Майкопская группа большевиков широко использовала газету в пропаганде народных масс.

С 1915 года в Майкопе начинается стачечное движение. Помимо экономических требований выдвигаются и политические. Усиливается недовольство в среде крестьян. Узнав о победе февральской революции из подполья выходит майкопская большевистская группа.

В первой половине марта 1917 года в Майкопе создается Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов. В Совете основную роль играли меньшевики и Эсеры. Оставшись за бортом, большевики с большим рвением ведут пропаганду в народных массах, сплачивая их вокруг себя. На выборах в совет рабочих солдатских и казачьих депутатов, которые состоялись в середине марта, было выбрано пять большевиков. Четыре человека от большевиков стали членами президиума. Апрельские тезисы еще больше радикализировали революционную направленность. По указанию съезда Майкопская большевистская организация стала готовится к вооруженному захвату власти. Революционное настроение перекинулось на солдат майкопского гарнизона. Многие офицеры стали переходить на сторону большевиков: «Прибывшие в Майкоп с русско-турецкого фронта

казачьи офицеры Д.П. Швейц и П.Л. Магулин перешли на сторону большевиков»[8]. Меньшевики, видя, что земля уходит из под их ног, стали принимать меры по укреплению своих позиций. По приказу атамана Майкопского отдела генерала Данилова, были брошены в тюрьму большевики-депутаты городского Совета Т.А. Пищулин, С. Агеев, П. Мешков. Атаман считал, что, посадив в тюрьму депутатов, он добьется желаемого результата. Забегая вперед, следует сказать, что атаман заблуждался. В первых числах декабря 1917 года под давлением рабочих и солдат в отставку уходит исполком Совета во главе с эсером Вдовенко. Действия атамана посчитали незаконными, арестованные депутаты были выпущены из тюрьмы. По инициативе Екатеринодарского комитета РСДРП (б) 8 декабря 1917 года в Новоросийске была проведена конференция, на основе которой большевики Майкопа стали готовиться к вооруженному восстанию. Был образован военно-революционный комитет, который приступил к формированию Красной гвардии. Помощь большевикам оказали соратники из Туапсе, Новороссийска, Минеральных вод. Они снабжали красногвардейские отряды оружием.

В первых числах января 1918 года борьба за установление Советской власти в Майкопе вступила в реш8ающую фазу. В своем распоряжении большевики имели: красногвардейский отряд, 14-ю пулеметную команду, 3-й караульный и 5-й пластунский казачьи батальоны. Они имели оружейный склад с боевым арсеналом. Обнаружив свое бессилие, атаман с верными ему войсками, покинул город, оставив в нем отряд самообороны под командованием полковника Мурзаева. Окруженный со всех сторон революционными войсками, отряд сдался. Так 9 января 1918 года власть в Майкопе перешла в руки Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов[9]. После победы революции в Майкопе Советская власть была установлена над всем отделом. Первый бессословный съезд состоялся 20-24 января 1918 года в Майкопе. На

Съезде был избран Совет народных депутатов, который состоял из 36 человек, Председателем Совета был избран А.П. Ковалев, секретарем стал И.П. Резников. Исполком распустил городскую думу. Происходит национализация банков, большое внимание уделяется торговле и заготовке сельскохозяйственных продуктов. Помимо этого, укреплялись боевые отряды Красной Гвардии.

Потерпев поражение под Екатеринодаром, остатки Добровольческой армии двинулись к Дону. Наряду с этим активизируется деятельность контрреволюционных сил в городе. Их возглавил «Комитет спасения Кубани».Они приступили к подготовке контрреволюционного перевода. Летом 1918 года армия Деникина разворачивает наступление по всему фронту. Имея поддержку кулаков и казачьей верхушки, деникинцы организовывают контрреволюционные мятежи. Майкоп становится фронтовым городом. 7 сентября1918 года состоялся пленум отдельского и городского комитетов. На пленуме был зачитан приказ об эвакуации города. Находившиеся в городе формирования Красной гвардии не имели сил для борьбы с противником:»В ночь на 8 сентября красногвардейские отряды в спешном порядке покинули город»[10]. Таманская Красная Армия находилась в тяжелом положении для помощи армии, по приказу командующего первой колонной Северо-западной Кавказской Красной Армии И.Ф. Федько майкопские красногвардейский отряды в ночь на 18 сентября заняли город Майкоп. После того, как таманцы прорвали фронт белых у станиц Курганная и Лабинская, двигаясь на соединение с основными частями Красной Армии, генерал Покровский двинулся на Майкоп. Сопротивление оставшихся полков Красной Армии было преодолено Покровским. Заняв город, белые начали убивать и грабить жителей Майкопа. 21 сентября 1918 года стало черным днем для жителей Майкопа. В этот день в районе железнодорожной линии было расстреляно свыше четырех тысяч человек. Белогвардейцы распространили свой террор

по всему отделу, в августе 1918 года был схвачен и зверски замучен Мос Шовгенов, такая же участь постигла и его жену Гошевнай Шовгенову. Тюрьмы были заполнены политическими заключенными. Народ уходил в леса и горы, ведя партизанскую войну. Партизаны разбирали железные дороги, нападали на эшелоны. В начале марта 1920 года им удалось связаться с повстанческой Красной Армией Черноморья. Потерпев поражение под Ростовом-на-Дону, деникинцы спешно уходили на юг. К Майкопу продвигалась Первая Конная армия С.М. Буденного.21 марта 1921 года партизаны вошли в Майкоп, на следующий день в него вступила Первая Конная армия.

После окончания гражданской войны страна находилась в разрухе. Необходимо было сельское хозяйство, промышленность. В феврале 1921 года в Майкоп прибыл М.И. Килинин. Он участвовал в параде Майкопского гарнизона 13 февраля. Во второй половине дня состоялся митинг, на котором выступил Калинин. В своей речи он побуждал майкопчан трудиться во благо Родины: «Жители города, всеми силами крепите союз рабочих и крестьян, участвуйте в хозяйственном строительстве»[11]. Стали восстанавливаться промышленные и коммунальные предприятия города. В октябре 1920 года был достроен дубильный завод. Начала выпускать свою продукцию фабрика гнутой мебели. Были восстановлены макаронная и спичечная фабрики, вступили в строй два пивоваренных завода, был организован цех по ремонту сельскохозяйственного инвентаря. С апреля 1920 года началось строительство в городе, проводились субботники. Успех промышленности зависел от своевременного подхода древесного сырья и топлива. Майкопчане провели две узкоколейки от города к лесу. В 1923-24 гг. вступил в строй литейно-механический завод, которому было присвоено имя М.В. Фрунзе. Наряду с промышленными предприятиями в городе было развито кустарное производство. Существовали акционерные

общества. Постепенно проводилась реконструкция предприятий. Так была реконструирована мебельная фабрика, оборудован лесопильный завод. Была расширена мебельная фабрика, продукция которой шла в Чехословакию, Китай, Германию и многие другие страны. Также подвергся реконструкции завод «Красный октябрь». Все эти достижения были успехами первой пятилетки. Новый шаг в развитии промышленности в годы второй пятилетки. В середине сороковых годов в городе действовало более 20 промышленных предприятий, растет производство валовой продукции, которое превышает объем 1932 года в несколько раз. Ведущими предприятиями города становятся: лесо-мебельный комбинат, завод «Красный октябрь», завод имени М.В. Фрунзе. Работники этих предприятий работали, не покладая рук.

Примечания:

[1] Коссович П.Ф., Азаматова М.З. Майкоп. Краснодар. 1957. С. 4.
[2] Джимов Б.М. Малых С.Н., Кайтмесов Ф., Коссович П. Майкоп. Краснодар. 1980. С. 5.
[3] Сумцов Н.М. Современный Майкоп. 1911 г. С. 7.
[4] Коссович П.Ф., Азаматова М.З. Указ. соч. С. 17.
[5] Джимов Б.М., Малых С.Н. Кайтмесов Ф., Коссович П.Ф. Указ соч. С. 8.
[6] Джимов Б.М., Малых С.Н. Кайтмесов Ф., Коссович П.Ф. Указ соч. С. 10.
[7] Сумцов Н.М. Указ. соч. 1911 г. С. 16.
[8] Коссович П.Ф., Азаматова М.З. Майкоп… С. 50.
[9] Джимов Б.М., Малых С.Н., Кайтмесов Ф., Коссович П.Ф. Майкоп... С. 25.
[10] Коссович П.Ф., Азаматова М.З. Указ. соч. С. 55.
[11] Джимов Б.М., Малых С.Н., Кайтмесов Ф., Коссович П.Ф. Указ соч. С. 31.

В.Д. Чернышенко

Все для фронта и для победы

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Советское правительство разработало программу стабилизации сил и средств страны на борьбу с врагом. Эта программа была изложена в директиве ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 29 июня 1941 года[1]. Согласно этой директиве ЦК ВКП (б) поставило задачи перед партийными органами трудящихся. Партийцы, комсомольские профсоюзные организации должны были оказать помощь военным комиссариатам в проведении мобилизации военнообязанных.

Поток заявлений в облвоенкомат начал поступать от добровольцев сразу же после объявления по радио о начале войны. Вот одно из них: «Когда обнаглевший враг нарушил неприкосновенность наших рубежей, считаю своим долгом быть в рядах действующей армии. Клянусь, что за дело своей Родины и партии не буду щадить своих сил и жизни».

В Адыгее был создан областной комитет обороны под председательством первого секретаря обкома А.П. Ермолова.

Результат усилий организаторов обороны области в первые недели войны на фронт ушло более 20 тысяч человек. Добровольцами на фронт шли почти 40% коммунистов области[2].

В первых же боях с врагом многие сыны Адыгеи проявили героизм и отвагу. Под Брестской крепостью сражались и геройски погибли А. Басте и Ю. Схаляхо. Летчик М. Нагоев из аула Кошехабль сражался и погиб в небе Ленинграда. Бессмертный подвиг совершил 8 ноября 1941 года у донского села Дьякова адыгейский поэт-воин Хусен Андрухаев из аула Хакуринохабль Шовгеновского района. На позиции роты, где он был политруком, наступал батальон из дивизии СС «Викинги»,

поддерживаемый артиллерийским огнем и юнкерсами. В первые минуты боя был тяжело ранен командир, Хусен принял командование на себя. Бойцы мужественно отражали атаки врага, но враг упорно наседал. Усиливая артиллерийский обстрел, фашистские самолеты, не прекращая, бомбили позиции, занимаемые ротой. Обладая численным превосходством, гитлеровцы вклинились на фланги роты и окружили выдвинувшуюся вперед группу бойцов. Увидев это, Андрухаев ударил в тыл врага из ручного пулемета. Образовалась брешь, через которую Хусен пробился к окруженным бойцам и пулеметными очередями заставил гитлеровцев отступить. На позиции роты противник бросал все новые и новые силы, вновь нависла угроза окружения. Будучи раненым, Андрухаев приказал солдатам покинуть позиции, а сам прикрыл их отход. Когда у Хусена закончились патроны, немцы устремились к окопу. «Рус сдавайс», – кричали они окружая его. Хусен поднялся во весь рост, подпустил гитлеровцев к себе и, крикнув в ответ: «Русские не сдаются», подорвал врагов и себя последней гранатой. Хусену Андрухаеву присвоено звание Героя Советского Союза.

С июля 1941 года началось формирование отрядов народного ополчения. К началу июля Майкопская парторганизация отдала в ряды Красной Армии и Флота 688 членов и кандидатов ВКП (б). Комсомол направил в армию и флот 661 человек. В соответствии с постановлением ГКО от 17 сентября 1941 года началось всеобщее военное обучение населения от 16 до 50 лет[3]. В Майкопе на кружках начальной военной подготовки и химической обороны было обучено 97% населения.

В октябре 1941 года на Кубани начал формироваться Кавказский корпус. Каждый район приступил к созданию своей сотни. Адыгея приняла активное участие в формировании этого корпуса. В Майкопе был сформирован Казачий Кавказский добровольный полк, который вошел в состав 13-й Кубанско-кавказской кавалерийской дивизии под

наименованием 8-го Кубанско-Майкопского Казачьего Кавказского добровольного полка. Командиром полка стал интендант второго ранга И. Жеребкин. Из Майкопа полк был направлен в станицу Ханскую, где приступил к боевой подготовке. Приказом Наркома Обороны Майкопский полк был переименован 10 января 1942 года в 29-й Майкопский Кубанский Казачий кавполк. 26 января полк был переведен в станицу Гайдемановскую Тбилиского района. 7 февраля 1942 года командование полком принял на себя майор И. Соколов.

В ходе зимних боев под Москвой враг был остановлен. Сталин посчитал, что в ходе весенне-летней компании 1942 года враг вновь нанесет удар на московском направлении. Исходя из этого, были размещены резервы Красной Армии. Задачей же гитлеровского командования на 1942 год было широкомасштабное наступление на юго-западном направлении с целью овладения нижней Волгой и Кавказом. Воодушевленный победой под Москвой Сталин отдает распоряжение наступать на врага по всему фронту и добиться перелома в ходе войны. Недооценка сил противника принесла свои последствия. Наиболее ощутимый удар противник нанес Красной Армии под Харьковом в мае 1942 года. Попытка вернуть Харьков силами Юго-Западного фронта закончилась окружением наших войск в Борвинковском выступе и пленении 240 тыс. человек, потерей 2026 орудий и 1249 танков[4].

Основной причиной поражения под Харьковом и в Крыму явилось то, что гитлеровское командование готовилось на юге к операциям стратегического характера и стягивало сюда соответствующие резервы. Под давлением наступающего противника, согласно директивы Ставки Верховного Главнокомандования от 21 апреля 1942 года было создано Северо-Кавказское направление: «В состав включить Крымский фронт, Севастопольский оборонительный район, Северо-Кавказский военный

округ, Черноморский фронт и Азовскую флотилию».[5] Главнокомандующим был назначен Маршал СССР С.М. Буденный.

Пока враг был далеко от пределов Адыгеи, трудящиеся вносили свой вклад в копилку победы.

Экономику Адыгеи можно разделить на три этапа: до 22 июня 1941 – 3 августа 1942; оккупационный 3 августа 1942- 29 января 1943; после оккупационный 29 января 1943 – 2 сентября 1945 года.

На первом этапе главной задачей являлось переведение экономики на военный лад. Мобилизация дала свой минус. Необходимо было пополнить предприятия рабочей силой, а так же нужно было вооружить и обеспечить питанием Вооруженные Силы страны. Были организованы краткосрочные курсы для подготовки слесарей, токарей, трактористов, комбайнеров и других специалистов. На освободившиеся места в связи с мобилизацией приходили женщины и дети. Федоренко Ольга на заводе им. М.В. Фрунзе заменяла на токарном станке своего мужа.[6] Благодаря титаническому труду армия оснащалась вооружением и получала продовольствие. Для определения задач перестройки народного хозяйства на военный лад была разработана директива Совнаркома СССР и ВКП(б) от 29 июня 1941.[7]

Чтобы перестраивать предприятия необходимо было учитывать специфику гражданского производства на них. Тракторные заводы стали выпускать танки, так как технология производства имела много общего. Автомобильные заводы производили военно-транспортную технику. Предприятия сельскохозяйственного и текстильного машиностроения выпускали минометы и другие виды оружия. Важнейшей отраслью народного хозяйства Адыгеи являлась нефтяная промышленность.

Выполняя решения ГКО, в первые три месяца войны предприятия Майкопа стали работать на обеспечение Красной Армии. Вооружали армию: завод им. Фрунзе, завод «Красный Октябрь», Адыгейский

каучуковый завод. Все предприятия выполняли норму выработки. Средняя продолжительность рабочего дня составляла свыше 10 часов. Военные заказы принимали учебные мастерские лаборатории Вузов и техникумов, мастерские МТС. К февралю 1942 года жители Адыгеи выпустили около 100 видов оборонной продукции. Большой вклад для укрепления Красной Армии вносили предприятия легкой и пищевой промышленности. Выпуская продукты питания Адыгейский консервный завод, комбинат наладил производство банок для горючей пасты, изготовлял отдельные запчасти для минометов, а так же наладили производство патронов.

Сабли и кинжалы выпускали на прокатно-механическом заводе, в артели «Молот», на комбинате «Лесомебель». Черновая заготовка делалась в Артели «Молот», а окончательная отделка проводилась на прокатно-механическом заводе. Здесь же изготавливалась арматура для ножен, которую производил комбинат «Лесомебель», мастерские исправительно-трудовых колоний делали ремни для ножен. Так же для нужд кавалерии и партизан выпускались седла производство которых было налажено в обллесхозе, а так же в колхозах. Все новые и новые заказы получали жители Майкопа: так 23 декабря 1941 года коллектив завода им. М.В.Фрунзе получил от городского комитета обороны новый военный заказ по освоению и производству запасов для ручной гранаты.[8] Для того чтобы выпускать данную продукцию, нужны были специалисты и соответствующие станки. Завод справился с поставленной задачей благодаря самоотверженности патриотизму рабочих которые знали что их продукцией громят врага. К началу 1942 года промышленные предприятия Адыгеи производили детали для гранат, снаряды, патроны, лыжи, обмундирование.

Зимой 1941-42 годов обстановка на фронте изменилась в пользу советских войск. Немецко-фашистские войска получили первые крупные поражения под Москвой, Волхвом, Тихвином.

Энтузиазм трудящихся еще более возрос. Промышленные предприятия еще более стали выпускать боеприпасов, обмундирования, снаряжения, тем самым, выполняя свои производственные задания. Такие крупные предприятия Майкопа как Майкопский мебельный комбинат, майкопский ферментационный завод, завод «Красный Октябрь» выполняли план на сто процентов.

Немалый вклад для поддержки трудящихся дала организаторская и политико-массовая работа, проводившаяся партийными работниками. Каждую пятницу на предприятиях проводились политинформация.[9]

Со второй половины июля 1942 года проводились массовые эвакуационные перевозки, железнодорожники под непрекращающимся обстрелом вражеской авиации вывозили оборудование предприятий Краснодара, Майкопа Ставрополя. Нальчика, Грозного. То, что не успевали вывозить, уничтожалось. Было вывезено большое количество вагонов зерна, муки, цистерн с горючим.

После падения Ростова из Адыгеи на Крайний Север стали вывозиться предприятия: «Из Майкопа был вывезен Майкопский сажевый завод».[10]

В сложном положении оказались работники сельского хозяйства. Колхозники работали весь световой день. Несколько потоков мобилизации оставляли здесь стариков, женщин, инвалидов. Порой они вынуждены были совмещать несколько профессий. Для организации производства и выпуска большого количества сельскохозяйственной продукции были возрождены политотделы. Они должны были возглавить перестройку сельскохозяйственного производства на военный лад. Деятельность этих органов способствовала укреплению дисциплины и организованности среди тружеников МТС, совхозов, колхозов. Особенно тяжелым для селян было лето 1942 года. В этом году была сильна засуха. Урожай был собран за короткий срок с минимальными потерями.

Как никогда прежде среди коренных народов Северного Кавказа возросла роль женщин и молодежи в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве. В силу традиций женский и детский труд в Адыгее и других национальных республиках не применялся в тяжелой промышленности, на тяжелых видах сельскохозяйственной деятельности. Женщины Адыгеи совершали трудовые подвиги: «Трактористки МТС Жане Рахмет и Совмиз Фатимат отремонтировали свои трактора, а затем стали помогать другим».[11]

Трудящиеся Адыгеи собрали 10 тыс. рублей для строительства колонны в декабре 1942 года. К январю 1942 года для нужд Армии было собрано свыше 2 млн. 50 тыс. рублей.[12] Большой помощью для бойцов Красной Армии стал сбор теплых вещей. Десятки тысяч подарков были посланы раненным госпиталей и бойцам на фронт. С подарками на фронт отправлялись жители Майкопа.

Враг вторгся в пределы Кавказа. После упорных боев 3 августа 1942 года немецко-фашистские войска заняли Майкоп, а затем утвердились на территории Республики Адыгея[13]. На захваченных территориях немцы планировали получить себе экономическую возможность данной территории. Они попытались привлечь население на свою сторону и использовать его в целях рабочей силы. Характерным признаком второго этапа является саботаж работ. Жители города говорили, что малограмотны и не знают, как обращаться со станками.

После изгнания немецких войск из Адыгеи 29 января 1943 года перед трудящимися была поставлена цель – восстановить разрушенные предприятия и приступить к трудовой деятельности. Большие убытки понесло сельское хозяйство. Сотни людей были повешены, расстреляны.

Восстановление освобожденных территорий от немецкой оккупации было изложено в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21

августа 1943 года. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах освобожденного от немецкой оккупации».

Уже в 1943 году были восстановлены 30 предприятий республиканского краевого подчинения. Огромную работу проделали проектные и строительные организации. Из центра направлялись работники для помощи в восстановлении хозяйства. Для восстановления завода «Дружба» из Москвы был направлен инженер И.А. Фарбирович. Предприятия начали функционировать по мере приведения в рабочее состояние цехов. Некоторые предприятия выпускали свою продукцию под открытым небом. Уже в первые месяцы после освобождения жители Адыгеи давали фронту нефть, цемент, боеприпасы, запчасти для артиллерии, продовольствие и обмундирование. Тяжелая ситуация сложилась с кадрами промышленности. В 1943 году проводилась ускоренная подготовка новых кадров. На предприятиях проводились социалистические соревнования. Каждый мастер должен был, как минимум подготовить одного ученика. Железнодорожники восстановили железную дорогу Майкоп-Ханская. Новый размах получило движение комсомольско-молодежных фронтовых бригад. Молодежь Адыгеи с делегациями выезжала на фронт, вела переписку с солдатами. Особенно приятны были встречи с солдатами-земляками. Была поддержана организация соревнований за лучшее качества продукции для фронта, за экономию топлива энергии и материалов. За счет сливания мелких бригад и участков освобождалось большое количество квалифицированных рабочих и повышалась производительность труда.

В 1944 году в Адыгее было создано 46 новых бригад, в которых работало 820 рабочих. На предприятиях большую роль по выполнению плана играли стахановцы: В мебельном цехе комбината «Лесомебель» стахановки перевыполняли нормы выработки.

Трудовые коллективы промышленности оказывали практическую помощь колхозам, совхозам, МТС. На предприятиях области выпускались запчасти для уборочной техники, а так же сельскохозяйственный инвентарь. Свой вклад в экономику города внесли пионеры и школьники, собрав 16 тон металлолома для промышленных предприятий. Искались новые способы повышения производительности труда. В результате этих смотров введены новые нормы работ по повышению технического уровня рабочих.

В феврале 1945 года была проведена городская конференция стахановцев. На данный момент в городе трудилось 765 стахановцев, 237 ударников, 23 28 комсомольско-молодежных бригад, 84 фронтовые бригады. Послеоккупационный период был сложен для жителей Адыгеи, но, несмотря на это, в городе был проведен сбор средств на строительство самолетов. В октябре 1944 года комсомольцы и молодежь Майкопа собрали 100 тыс. рублей и решили приобрести самолет-истребитель. В письме Сталину молодежь попросила приобрести самолет-истребитель. «Майкопский комсомолец» и вручить его нашему земляку, летчику-истребителю Герою СССР Дмитрию Зюзину. Сталин отправил телеграмму комсомольцам и молодежи Майкопа, в которой пообещал выполнить просьбу молодых людей.

После передачи самолета Д. Зюзин прислал письмо в Майкоп, в котором благодарил молодежь: «Я горячо благодарю комсомольцев и молодежь за оказанное мне доверие. Заверяю комсомольцев Майкопа, в чьих рядах я был воспитан, что на самолете, приобретенном на их средства, буду еще сильнее разить ненавистного врага, до полного его уничтожения»[14].

Трудности в восстановлении сельского хозяйства испытали на себе работники аграрного сектора. За годы оккупации было угнано большое количество лошадей, скота. Оккупантами были разрушены многие

сельскохозяйственные машины. Главной задачей сельскохозяйственных работников стала подача хлеба в фонд Красной Армии. Работники колхозов и совхозов Адыгеи полностью выполняли план ярового сева на 1943 год. Трудным и длительным процессом стало восстановление уровня животноводства. Работники колхозов, совхозов выполнили план 1943 года, сдав государству необходимое поголовье крупного рогатого скота, птицы, коз, овец, свиней[15]. В тяжелые годы войны Адыгея сдала Родине 12 млн. 500 тыс. пудов хлеба, а объем промышленной продукции составил 220 млн. рублей[16].

Экономика Адыгеи на каждом этапе войны принимала активное участие для решения нужд страны. На каждом из этапов войны трудящиеся выполняли поставленные руководством цели. На первом этапе июнь 1941 – июль 1942 гг. экономика была переведена на военный режим, по мере приближения врага она частично эвакуировалась, на втором этапе август 1942 – февраль 1943 гг. был проведен саботаж – это период оккупации. На третьем этапе февраль 1943 – 1945 гг. труженики тыла восстанавливали разрушенную войной экономику. Экономика Адыгеи восстанавливалась под руководством партийных и советских органов. С восстановлением экономики жители области получали новые указания. Одним из вспомогательных методов являлось социалистическое соревнование, которое проводилось на предприятиях. Источником восстановления и развития народного хозяйства стал трудовой героизм самоотверженность трудящихся.

Опираясь на массовый патриотический подъём трудящихся, партийные организации Адыгеи с первых же дней Великой Отечественной войны предприняли энергичные меры по перестройке всего народного хозяйства области на военный лад, по оказанию максимальной помощи фронту.

Трудящиеся Майкопа не только храбро сражались на фронтах, но и

вместе со всеми патриотами области ковали победу над врагом в тылу. Рабочие Майкопа, как и вся страна, трудились под лозунгом: «Всё для фронта, всё для победы!». На предприятиях города под руководством парторганизаций развернулось социалистическое соревнование. По почину молодых рабочих Урала, включившихся в соревнование под девизом: «Каждому рабочему трудиться не менее как за двоих, за себя и за товарища, ушедшего на фронт». На предприятиях города развилось движение двухсотников. Первые двухсотники в крае появились на краснодарском заводе «Октябрь».[17] По примеру других областей страны соревнование ширилось под девизом: «работать по-фронтовому».

Образцы самоотверженного труда показывали коллективы рабочих и инженерно-технических работников завода дубильных экстрактов, комбината «Лесомебель», станкостроительного завода имени М.В. Фрунзе. С большим вдохновением трудились над выполнением военных заказов работники мастерских Майкопского лесомеханического техникума. Они в короткий срок освоили производство взрывных устройств и выполнили плановое задание по выпуску этого вида военной продукции на 132,5%.

Важное значение в усилении контроля за выполнением производственного плана имело введение на ведущих предприятиях промышленности суточного графика. Как боевой приказ звучало требование, чтобы никто не уходил со своего рабочего места, не выполнив положенной нормы. Например, когда механические мастерские города Майкопа, получив задание освоить и дать корпус гранаты Ф-1, продолжали работу без перерывов в течение 5-6 дней. И это с учётом того, что в мастерских работали женщины.[18]

Большой вклад в оказание помощи фронту внесли коллективы лёгкой и пищевой промышленности. Так, на Майкопском горпромкомбинате было освоено производство валенок и только в сентябре, октябре 1941 года было произведено 3 500 пар. С значительным

превышением плана выполняли задание по пошиву тёплой одежды и воинского обмундирования для армии артели «Вперёд», «Майшвейпром» и другие. Непрерывным потоком на фронт шла продукция, изготовляемая мясокомбинатом, хлебозаводом, макаронной фабрикой и другими предприятиями Майкопа.

В городе проводились субботники и воскресники. На них было заработано свыше 100 тысяч рублей (в старом исчислении). Эти средства поступили на строительство танковой колонны имени ВЛКСМ. Всего трудящимися Адыгеи с июня 1941 по июль 1942 года было собрано и передано в фонд Красной Армии 4 миллиона рублей. Всё население Майкопа с огромным патриотическим подъёмом участвовало в добровольном внесении средств на вооружение Красной Армии, в посылке фронтовикам предметов одежды и продуктов. Только за первые месяцы войны в городе и районах области в фонд обороны было собрано свыше 20 миллионов рублей. На эти средства была построена эскадрилья самолётов «Адыгейский осоавиахимовец». В 1943 году на собранные комсомольцами и молодёжью города средства был построен самолёт-истребитель и передан Герою Советского Союза Дмитрию Зюзину, жившему до войны в Майкопе.

Настоящим подвигом во имя Родины в военное время был труд женщин. На смену ушедшим в действующую армию отцам и старшим братьям на заводы пришли юноши, девушки, подростки и женщины. На механическом заводе имени Фрунзе у токарного станка заняла место своего супруга Ольга Федоренко. Она выполняла нормы на 210%. На Майкопской макаронной фабрике заменила своего мужа А. Качура. На комбинате «Лесомебель» 250 женщин за короткий срок овладели сложными профессиями, связанными с производством военной продукции.

Исключительной заботой трудящиеся Майкопа окружили раненых бойцов Красной Армии. В городе действовало 4 госпиталя. Многие жители

безвозмездно давали свою кровь для лечения советских воинов.

Михаил Иванович Кульков писал в письме девушке: «…Я убедился, что на большинство наших солдат, сержантов и офицеров действует доброе и умное человеческое слово и личный пример…».[19] Гостеприимно встречали майкопчане людей, эвакуированных из западных областей страны, делясь с ними кровом и едой.

Комсомольцы и пионеры шефствовали над госпиталями, детскими домами, заготовляли для них топливо, выступали с концертами для детей.

Следует отметить, что из 11 358 Героев Советского Союза 7 тысяч – комсомольцы, среди 104 дважды Героев 60 – комсомольцы. Каждый третий агитатор в годы войны также был комсомольцем.[20]

Деятельность всех партийных и общественных организаций Майкопа в первые месяцы войны была направлена на осуществление важнейших задач: мобилизацию населения на фронт и переориентацию промышленности на военный лад.

С начала войны в Майкопе стали работать мобилизационные комиссии. Областной военкомат принимал сотни и тысячи заявлений от рабочих и служащих, учащейся молодежи с просьбой отправить их на фронт. В первые же месяцы из Адыгеи по мобилизации ушли на фронт 20 тыс. человек. В мобилизационном состоянии находились и сами партийные организации. Так, из Адыгеи на фронт ушло 40% состава областной партийной организации[21].

Появлением высокого патриотизма и боевого содружества советских народов стало движение за формирование боевых ресурсов. В оборонно-массовую работу вовлекалось практически все трудоспособное население. Так, к ноябрю 1941 года военные занятия проводились с людьми в возрасте от 18-ти до 45-ти лет во всех районах Адыгеи с охватом 2,6 тыс. человек. Осуществлялась значительная работа по противовоздушной, противохимической обороне.

Создание добровольческих формирований явилось результатом творческой инициативы самих народных масс и стало поистине всенародным делом. По инициативе самих трудящихся создавались истребительные батальоны для борьбы с вражескими диверсантами и охраны стратегических объектов[22], а так же народное ополчение. Майкопский полк ополчения был укомплектован рабочими, служащими и представителями интеллигенции.

Истребительные батальоны и отряды ополчения стали основой формируемых в стране национальных добровольческих воинских соединений. Трудящиеся Майкопа приняли активное участие в формировании, военном обучении и боевых действиях Краснодарской 347-й стрелковой дивизии, в составе которой находился 1175-й Майкопский стрелковый полк[23].

С первых дней войны на Кубани и в Адыгее развернулось движение за создание кавалерийских полков. В отдельных районах, станицах, селах и аулах формировались сотни, отдельные подразделения, а затем районные эскадроны. С 25 ноября 1941 года районные эскадроны, созданные на территории Адыгеи, были сведены в полк в Майкопе для включения его в формируемый 17-й Кубанский Добровольческий Казачий Кавалерийский корпус[24].

Наряду с подготовкой резервов для фронта в Майкопе одновременно развернулось патриотическое движение по организации помощи фронту.

Важнейшей отраслью хозяйства Адыгеи, стратегический характер которой в условиях войны трудно переоценить, являлась нефтяная промышленность. Нефтяники Майкопа успешно наладили выпуск из нефти специального сырья для заводов Наркомата боеприпасов[25].

Из Майкопского района была вывезена вся добытая сырая нефть. Во избежание захвата гитлеровцами местной промышленности при

возможной оккупации города, все крупные предприятия города были перебазированы в Ухтинский район Коми АССР, где они начали работать в самые короткие сроки. Так, майкопские сажевые заводы, выпускавшие стратегическое сырье для шинной и резиновой промышленности, выдали первую продукцию уже через две недели после прибытия на место[26].

Чувство гордости и уверенность в победе вселяли в тружеников Майкопа мужество и доблесть их земляков на фронте.

Неувядаемой славой покрыл себя сформированный в столице Адыгеи 1175-й Майкопский стрелковый полк, входивший в состав 347-й Краснодарской стрелковой дивизии.

Первое боевое крещение дивизия получила под Ростовом-на-Дону в ноябре 1941 года в кровопролитных боях с отборными частями бронетанковой группы генерал-фельдмаршала фон Клейста. Здесь на подступах к Ротову, а так же в самом городе воины дивизии уничтожили более 3000 тыс. гитлеровцев, 52 танка, 400 автомашин, 72 орудия и много другой вражеской техники. Особенно отличился при защите Ростова 3-й батальон 1175-го Майкопского стрелкового полка. Высокое воинское мастерство и храбрость здесь проявили Сагид Барчо, Ильяс Хуаде, Иосиф Мельник, Хаджимос Докумов и другие воины[27].

Геройски сражались и майкопчане, вступившие в состав сформированного в Майкопе 8-го Адыгейского добровольческого кавалерийского полка (позже переименованного в 29-й полк). 27 апреля 1942 года полк в составе 13-й Кубанской дивизии был передан в действующую Красную Армию и выступил в Приморско-Ахтарский район, где занял оборону на побережье Азовского моря, чтобы предупредить высадку вражеского десанта со стороны Крыма и Таганрога. С 27 по 29 июля 1942 года, когда гитлеровцы неудержимо рвались на Кубань, 29-й кавалерийский полк под командованием И.В. Соколова занял оборону в районе станицы Ленинградской Краснодарского края.

В тяжелые дни битвы за Кавказ зачисленный в кадровый состав Красной Армии и оснащенный современным вооружением 29-й кавалерийский полк в составе 17-го корпуса вступил в ожесточенные бои с фашистскими полчищами. Первое боевое крещение воины полка получили в боях в районе станицы Кущевской на Кубани. Сюда, к берегам рек Ея и Куго-Ея, гитлеровцы стянули крупные силы, чтобы одним ударом овладеть Кущевской как важной железнодорожной станцией и открыть себе путь на Краснодар. Против кавалеристов были выставлены 101-я горно-стрелковая дивизия “Зеленая роза”, 2 полка СС, артиллерийские и минометные части, батальон мотопехоты, прикрывавшиеся авиацией. Необходимо было задержать противника. С этой целью 2 августа 1942 года 13-я Кубанская дивизия в составе двух полков, одним из которых был Адыгейский кавалерийский полк, вышла из станицы Ленинградской и, совершив 25-километровый марш, с хода обрушилась на наступавшего врага в районе станицы Кущевской[28]. Отважные кавалеристы, врезавшись в боевые порядки мотопехоты и других частей гитлеровцев, завязали кровопролитный бой. После шестичасовой ожесточенной схватки сопротивление превосходящих сил противника было сломлено, и он вынужден был отойти. В результате этой дерзкой атаки кавалеристы уничтожили более тысячи солдат и офицеров и около 300 гитлеровцев взяли в плен[29].

В Кущевской боевой операции нашла свое яркое проявление сила сплоченности и дружбы советских народов, плечом к плечу сражавшихся с ненавистным врагом. Воинским умением и храбростью здесь отличились Рамазан Потоков, Тимофей Шевченко, Илья Дефтеров, Иван Соколов (командир Адыгейского полка, геройски погибший в бою), Аслан Тугуз, Иван Сапига, Бачир Бек-Оглы (комсомольский вожак полка, павший на поле боя), Григорий Яворский, Хизир Дауров, Сергей Корсунь, санинструкторы полка Мария Серпокрылова, Галина Паршина и другие.

И это только некоторые свидетельства героизма, патриотизма и интернационализма, проявленных майкопчанами в первый период войны.

Таким образом, начало Великой Отечественной войны ознаменовалось ратными и трудовыми подвигами жителей Майкопа и Адыгеи, во всеоружии встретившими ненавистного врага и героически выполнившими свой патриотический долг, вместе с представителями всех народов многонационального Союза ССР, встав на защиту Отчизны.

Примечания:

[1] КПСС в резолюциях и решения Съездов, Конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М., 1985. С. 221.
[2] Шебзухов М.Х. Трудовая и политическая активность тружеников тыла в годы войны. Майкоп, 1992. С. 21.
[3] КПСС в резолюциях и решения Съездов, Конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М., 1995. С. 241.
[4] Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., 1968. С. 42.
[5] Гречко А.А. Там же. С. 43.
[6] Азашиков Г.Х. Адыгея в годы войны. Майкоп, 1998. С. 45.
[7] КПСС в резолюциях и решения Съездов, Конференций и пленумов ЦК. М., 1985. С. 221.
[8] Шебзухов М.Х. Тыл – фронту. Майкоп, 1993. С. 61.
[9] Малышева Е.М. В борьбе за победу. Майкоп, 1992. С. 72.
[10] Азашиков Г.Х. Указ. соч. С. 50.
[11] Шебзухов М.Х. Тыл – фронту. С. 65.
[12] Адыгейская правда 5 января. 1941.
[13] Адыгейская правда. 1945. 11 марта.
[14] Малышева Е.М. Указ. соч. С. 295.
[15] Азашиков Г.Х. Указ. соч. С. 69.
[16] Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Краснодар,1976. С.360.
[17] Шебзухов М.Х. Указ.соч. С.67.
[18] Книга памяти. Т.3. Майкоп, 2000. С.519.
[19] Тяжельников Е.М. Комсомол тыла – фронту // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн.1. М., 1974. С. 157, 165.
[20] Схакумидов А.С. Адыгея в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941-1945) // Сборник статей по истории Адыгеи (советский период). Майкоп, 1967. С. 173.
[21] Биленко В.С. На охране тыла страны: Истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне. М., 1988. С. 61.
[22] Схакумидов А.С. В содружестве боевом. Майкоп, 1990. С. 94-95.
[23] Гострый Н. Дорогами славы: Адыгейскому полку исполнилось 55 лет // Советская Адыгея. 1997. 1 августа.
[24] Иванов Г.П. Трудовой подвиг во имя победы // Советская Кубань. 1975. 30 марта.

[25] Зельберг Г.М. Майкоп – Ухта [Перебазировка Майкопских сажевых заводов в 1941 году в Ухту] // Кузница Победы. Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны. Очерки и воспоминания. М., 1980. С. 382-391.

[26] Сиджах Х. От Кавказа до Балтийских берегов: Из истории полков и соединений, сформированных в Адыгее: [О боевом пути 1175-го Майкопского стрелкового полка] // Советская Адыгея. 1995. 11 октября.

[27] Сиджах Х. Рейды в тыл противника: [О 29-м Кубанском казачьем полке, сформированном в Адыгее в 1941 г.] // Советская Адыгея. 1995. 23 ноября.

[28] Гострый Н. Дорогами славы: Адыгейскому полку исполнилось 55 лет // Советская Адыгея. 1997. 1 августа.

[29] Сиджах Х. В вихре конных атак: Боевой путь адыгейского добровольческого кавалерийского полка. Майкоп, 1990. С.119.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

О. В. Матвеев

«Рыцарь в полном смысле этого слова...»
Ф. А. Круковский в исторической памяти кубанского казачества

Герои народной истории кубанских казаков обычно представляют собой не столько индивидуальности, сколько типы и их историческое воплощение. Однако нередко имели место ситуации, когда реальная жизнь и подвиги героев казачества полностью соответствовали эпическим идеалам и нормам поведения, обогащали народную традицию в процессе столкновения с исторической действительностью новым содержанием. Показателен в этом отношении образ генерал-майора Феликса Антоновича (Станиславовича) Круковского (1800-1852), наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска, героя многочисленных песен и рассказов. Реальные штрихи биографии этого доблестного военачальника, романтические наружность и поведение были полны сюжетов для художественных произведений. «Генерал Феликс Антонович Круковский, – писал И. Д. Попка, – говоря без преувеличения, был рыцарь без страха и упрёка. Храбрость, прямодушие, честность и бивуачная простота в образе жизни были отличительными его качествами»(19, с. 55). Попке вторит Ф. А. Щербина: «По отзывам современников, это был военный рыцарь в полном смысле этого слова, для которого не существовало никаких военных опасностей»(26, с. 428).

Феликс Антонович действительно обладал рыцарственной наружностью, импонировавшей казакам. Круковский был «росту большого, стройного, носил на голове короткие черные волосы, имел лицо серьёзное, выразительное, большие чёрные бакенбарды и очень длинные

усы, – словом, фигура его представляла тип настоящего кавалериста» (25, с. 345). Видимо, не случайно, казаки всерьёз полагали, что Круковский сам казачьего рода. Старожил ст. Бекешевской А. Н. Бондарев, 1921 г. р., рассказывал: «Говорят, казак, казак Крюковской. Он просто командир был, полковник. Пели (песни о нем, – О. М.), но я не помню... «Слышно было, где-то за Лабою...» Пели и говорили. Хоть он не наш, бекешевский, а он с Ростовской области»(30). Сам атаман такие убеждения не рассеивал, тем более что семейная генеалогия каким-то образом была с казачеством всё-таки связана. Ф. А. Щербина отмечал: «Родом он был поляк и получил хорошее воспитание под влиянием иезуитов»(26, с. 428). Е. Д. Фелицын писал, что Круковский был «родом из Литвы и принадлежал к фамилии, имевшей герб «Корвин». Он воспитывался в иезуитском коллегиуме»(25, с. 345). В обнаруженном В. А. Зведре в Центральном Госархиве Кабардино-Балкарии «Формулярном списке о службе и достоинстве» майора Круковского, составленного в декабре 1840 г., говорится о происхождении его «из дворян Гродненской губернии», вероисповедание – римско-католическое, «по-российски, польски и арифметике знает»(15, с. 45). Однако И. Д. Попка сообщал: «Как от него (Ф. А. Круковского, – О. М.) самого известно, его предки принадлежали к числу тех немногих ранговых старшин малороссийского казачества, которые для избежания унизительного ограничения прав гражданства православных казаков в Речи Посполитой, делались поляками и по языку и по религии. Его прадед был в рядах тех двенадцати украинских казацких полков, с которыми храбрый король Ян Собесский ударил на турок в начале великой битвы, спасшей, как выражаются историки, европейскую цивилизацию под стенами Вены. Если справедливо, что племенные симпатии переживают разрозненные поколения, то первобытной национальностью Феликса Антоновича можно объяснить его горячее сочувствие к казакам и их боевому призванию, добрая память о котором живёт до сих пор на Тереке

и верхней Кубани»(19, с. 53).

И действительно, в его простом образе жизни «по-казачьи», в простой казачьей одежде линейцы видели уважение к своим обычаям, к ним самим. Так, будучи католиком, Круковский каждое воскресенье вместе с казаками ходил в православную церковь (7, с. 321). В песне, записанной И. Ф. Вараввой в ст. Линейной (по словам собирателя, известна она была и в ст. Курджипской) от А. П. Цапова, говорится: «Ой да, хорошо было, братцы, в отряде, / Ой да, с Крюковского молодцами. / Ой да, Крюковской ишел с большим отрядом, / Ой да, в чёрной шляпе впереди! / Ой да, Крюковской слёзно, братцы, заплакал, / Ой да, всем словесно говорил: / Ой да, вы молитеся, а вы, братцы, Богу, / Ой да, Бог над нами навсегда / Ой да, Бог над нами, а мы, братцы, с ногами, / Ой да, мы в свою родину жить пойдём. / Ой да, под Аргун-гору, братцы, подходили, / Ой да, окружили нас, братцы, кругом. / Ой да, поглядели на все четыре стороны, / Ой да, громко крикнули «ура». / Ой да, громко крикнули, братцы, «ура», – / Ой да отворили ворота»(4, с. 65-66).

Видимо, умел Феликс Антонович своим обращением с подчинёнными затронуть тонкие струны казачьей души, отыскать нужные слова, совершать трогательные поступки, которые находили воплощение в незамысловатых народных строфах. «Он не терпел встреч и проводов, обставленных торжественно, – писал Ф. А. Щербина, – был прост в обращении, воздержан в пище и питье и чужд был всяких личных выгод. Часто он помогал беднякам и людям нуждающимся, но делал это так, чтобы не видели другие, и строго-настрого приказывал никому об этом не рассказывать»(26, с. 428). Такое в народе никогда не забывается! «Если в станице встречал хату неприглядную, неподдержанную, заходил в неё и расспрашивал хозяина о житье-бытье, – рассказывал И. Д. Попка. – Чаще, разумеется, представлялась ему хозяйка с ребятишками мал-мала-меньше. На вопрос: где же хозяин? следовал ответ: да в сотне, мой кормилец, вот

уж беспременно четвёртый годочек. Атаман находил, что кормилец слишком уж там замешкался и предлагал станичным старикам искать ему замену»(19, с. 58-59). В заметках терского историка В. Грабова отмечалось: «Он создавал благополучие казаков «из ничего» одною силой своей непреклонной энергии, безукоризненной честности и сердечной заботливости»(9, с. 56). И далее: «Перечитывая приказы Круковского по Кавказскому Линейному казачьему войску, вы увидите в них неусыпную заботу прямого, честного и глубоко преданного своему долгу атамана о простом казаке и его несложном хозяйстве»(9, с. 56).

Но воспевали казаки Ф. А. Круковского прежде всего как доблестного воина. Хорунжий (впоследствии генерал) В. Г. Толстов в своём первом опыте составления исторической справки 1-го Хоперского полка в 1885 г. отмечал: «Слава о его (Круковского, – О. М.) громких боевых подвигах и поныне живёт в казацких песнях и рассказах»(27, л. 47об.). В беседе со старожилом ст. Темнолесской Н. И. Козловым, 1912 г. р. на вопрос о героях казачества информатор отвечал: «У нас фигурировал в то время наш кавказский генерал Круковский». Николай Иванович вспомнил, что в станице о нём пели: «Генерал наш знаменитой, / Великой армии один. / Орденами грудь закрыта. / Отдаёть строгий приказ. / Развернём, мы, братцы, знамя, / Знамя русских казаков»(28). Подобные формы изображения казачьих военачальников известны и в вариантах о А. В. Суворове, И. Ф. Паскевиче и др., но само сохранение имени Круковского в памяти старожилов весьма примечательно. Полный вариант этой песни с упоминанием Круковского, видимо, записывал П. Семёнов в ст. Слепцовской: «Вдруг ударил гром из пушек – / Три дня сряду туман был – / Под завал мы подступали. / Генерал Круковский был, / Генерал наш знаменитый, / Любим в армии у нас, / Орденами грудь покрыта; / Отдаёт такой приказ: / «Стройтесь вы, друзья, в колонны, / И карей формируй, / Разверни царски знамёна / И по русски атакуй!» / Там, где

горы, раздробляясь, / Стоят степенно в вышине, / Сунжа змеем извивалась / По лесам и по Чечне. / Мы злодеев всех столкнули / Из завалов как шутов: / Половину порубили, / Остальных загнали в лес»(21, с. 119-120).

Особенно помнят Феликса Антоновича в станице Бекешевской, которую он спас от нашествия горцев в 1843 г. Г. И. Гречкин, 1926 г. р. рассказывал: «Это генерал был, по-моему. Крюковский. «Мы спознали, спознавали с генералом Крюковским» – песня была»(32). Помнил, как славили Круковского деды и В. П. Арапов, 1916 г. р. (31). Имя военачальника вписано в топонимию окрестностей станицы. Ещё в 1906 г. В. В. Васильков писал: «До сих пор в станице Бекешевской не забыт подвиг Круковского, жители ея относятся с уважением к памяти героя. Они назвали по его фамилии высокий курган, который находится у бывшего Бекешевского редута (остатки которого есть и теперь), и поют про его победу над горцами песню»(3, с. 86). Сейчас на этом месте станичники по инициативе атамана казачьей организации и священника отца Николая отмечают память о доблестных защитниках родной земли с торжественным богослужением. Правда, мало кому из жителей станицы известны реальные факты того драматического события в жизни своих прадедов, поэтому рассказы о нём обрастают новыми «подробностями» и деталями. Г. Н. Кучеров, 1927 г. р., например, утверждал, что Круковский был жителем станицы Бекешевской: «Крюковской бугор, туда, в лес, туда, на эту сторону (Кумы, – О. М.), в лес. Да фамилия была, чи фамилия, чи название – Крюк. Да, жил в станице тут. Назывался по его фамилии (бугор, – О. М.)»(34). Г. И. Васильев, 1918 г. р. рассказывал, что Круковский был простым солдатом, но один разгромил сотню горцев: «Солдат цэй сидел на сторожовке, на этом бугру, на Крюковском. У його билый конь бул, ну и придремнул, наверное, а конь -до ноги привязан. А тут татары идуть. Чоловик сто, чи двисти. И доезжають уже до сего бугра. Вин як глянэ шо, вин же должен сообщить в станицу, а сообщать уже никуда, пока вин до

станицы добэжить, а татары. ... слизають. На коня сида (Крковский, – О. М.) и прямо с бугра – и на татар. А оны растырялись. Што за чёрт! Конь билый, то значить, посчитали его каким-то ангелом, что-ли. А вин шашку наголо, а конь гарный, а они пока добиглы, доихалы, у них кони попристававлы, вин догоня и руба, догоня и руба! Говоре (старики, – О. М.) до Кубани три чоловика осталысь незарубаны. Один побэдив сто чоловик!.. Грэйдэр (дорога, – О. М.) идэ с Суворовки (ст. Суворовской, – О. М.) на Черкесск, нэдалэко от цэго грэйдэра... За Тамлык. В честь його назвалы бугор Крюковский»(33). Это предание зафиксировал ещё В. Г. Толстов, правда, к Круковскому оно никакого отношения не имело. Но в народной истории нередки наложения разноплановых событий и героев. Житель Бекешевской А. Н. Бондарев уверял нас, что он после войны читал в станице книгу «История Хоперского полка», подаренную начальством его родственнику гвардейцу Первакову, и изложил версию со сходным сюжетом. По словам рассказчика, казак не охранял станицу Бекешевскую, а был послан с донесением в Баталпашинск и прилёг отдохнуть на кургане. «Озеро было солёное, ну он там на курганчике прилёг. Прилёг и вдруг слышит, уже поздновато было, слышит гартавую речь. Просыпается, а конь стреноженный был. Он в белой черкеске. В белой шапке. Просыпается и слушает гартавую речь. Это значит, карачаевцы едут. Их пятнадцать чоловик було. Ну, а при этом у них была такая версия, будто там зарубленный был вояка ихний, и по ночам он вставал, являлся в белом, и белый конь. У этого ж был белый конь. Он не раздумывая, зная этот рассказ, седлает коня, садится и прямо к ним. Они как увидели, што этот едет к ним, и с саблей – и наутёк! И он их порубил, до самой Кубани гнал, и последнего уже с ружья или с винтовки застрелил за Кубанью»(30). Встреча письменной и устной традиции в этом сюжете преломилась в сознании интересного рассказчика, а у других станичников еще и связало предание с знаковым для станицы именем.

Песня о сражении Ф. А. Круковского под Бекешевской в полном варианте, видимо, была опубликована В. Г. Толстовым, хотя различные варианты фиксировали Е. Передельский, А. Д. Ламонов, А. Д. Бигдай (2, с. 33, 80-82). В варианте, опубликованном в приложениях к «Истории Хоперского полка» говорится: «Распрекрасно нам было в походах / Нам с Круковским молодцом; / Трудно, трудно было сражаться / С Коноковым беглецом. / Из-за гор было высоких / Из кумских крутых вершин, / С сильной партией черкесов / Конок вышел на простор. / Навостривши, Конок, лыжи, / Атажукина просил / И с налёта пред зарёю / Бекешевку окружил. / Ох, поскорее, Конок, уплетайся / С гололобою ордой; / Ты назад не оглядайся / Круковский на берегу. / Ну, теперь уж мы расскажем / Мы про стычку молодцов, / И про волжцев, про волынцев, / Про хоперцев удальцов. / Словно звери разъярились / На черкесов бросились. / У нас сотник Бирюков / Он вскричал: вперёд! Ура! / Вдруг пронизила тут сотника пуля / Сквозь белую грудь его, / Он от этого удара / На сыру землю упал / Тут заплакали казаки; / Зарыдали воины все: / «У нас храброго не стало – / Убит сотник Бирюков, / Ранен хорунжий Дугинов, /Ас ним песенник Орлов / И выгадчик Токарев»(23, с. 176-177). Бой произошел 2 мая 1843 г., когда на Бекешевскую обрушилась трехтысячная партия горцев. Ф. А. Круковский с четырьмя сотнями хоперцев прискакал на выручку, проделав в тёмную, дождливую, весеннюю ночь около сорока вёрст. Станица в это время отчаянно защищалась стариками, женщинами и малолетками. Неприятель бросился на горстку казаков Круковского и, по словам И. Д. Попки, «готов был задавить его своим многолюдством». Феликс Антонович спешил казаков и бился в окружении больше двух часов. «Заметив нерешительность горцев, – писал В. Г. Толстов, – и отступление некоторых партий за гору Бекечь, Круковский смекнул, что подмога близка; не теряя времени, он скомандовал «садись!» и вслед за тем повёл хоперцев вперед. Сотня за сотней выносились вперёд казаки;

заскакивали с флангов, гнали с тыла и где винтовкою, а где и шашкою поражали задние толпы уходивших поспешно черкесов. Одна из хоперских сотен отважно вынеслась вперед, под командою лихого сотника Бирюкова и далеко опередила другие сотни. Храбрый сотник с таким жаром ударил на отступавшего неприятеля, что наскочил на засаду, которая скрывалась за гребнем горы. Грянул залп, и удалой офицер, простреленный пулею в грудь, пал смертью героя»(22, с. 23).

В бекешевской песне хоперцы и «воины все» оплакивают Бирюкова, но, видимо, на этот сюжет наложился и плач по самому Круковскому, более значительной фигуре народной истории, который пал в Чечне примерно таким же образом.

В версии бекешевцев численность напавших на станицу горцев в соответствии с традицией вырастает до огромных размеров. А. Н. Бондарев рассказывал: «Это было, когда станица ещё была огорожена... Тут было нападение **двадцатипятитысячной** (выделено нами, – О. М.) армии этих карачаевцев и турков, и все было смешано... Было нападение Канука. Канук – это был предводитель черкесов, карачаевцев и турков. И он (Круковский, – О. М.), когда... сообщили в Баталпашинск, что окружили станицу, он оттудова послал войско. А войско против двадцатипятитысячной армии, конешно, маловато было казаков. Они оттуда, со стороны Бикета этого. Придумал как Крюковский?! Взял и направляет по нескольку казаков, штоб видали войска Канука. Ну, и они перебегают через хребет и скрываются в лощине, а там были заросли. Они опять из зарослей туда... И кругами дают и переходят, переходят. Те (горцы, – О. М.) как посмотрели: ой, сколько ж там есть (казаков, – О. М.). Это ж нам... И стали убегать. Тут тогда на Куме-реке и наши догонять и порубили почти всё войско Канука»(30).

Показательна в этом рассказе ситуация, когда горстка героев противостоит огромному вражескому войску и побеждает его не только

ратной доблестью, но и хитростью. Хитростью в рассказе Г. И. Васильева одолевают горцев и осаждённые в Бекешевской женщины и старики: «Було нашествие. А людэй тут мало було в станице. И вот они отбивалы стинкы от татар. За этой оградой. Часто нападалы, женщин кралы, скотину. И карачаи, и абазины, всех татарами называлы, безразлично. А мужчин ны хватало, а женщины с тягламы. Атаман приказал, тоди ж нашествие здоровое шло татар. Атаману доложилы. Ну, шо делать? Людэй ны хвата, шоб такую орду быть. И одна пушка була. На всю станыцю... А цэ вин приказал: «Женщинам – надеть форму казачью!» Шоб мужчинамы булы. И вин на конэй и там в ограде уси помэстылыся. Ну, татарва вся кинулась, окружилы. Выбыть же ж надо русских. Ну вин (атаман, – О. М.) приказал: «Пушке быть!» Эта ж пушка несколько раз вдарыла, сколькы у них снарядов було. Татары отступылысь. А тут як пара ворит в ней (в станичной ограде, – О. М.) було. Открыли сразу вси ворота, и выскаивають женщины верхами на конях, и мужчины. Они як глянулы: о, да тут сколько народа! И кинулысь тикать... Татары»(33).

Победа над огромным вражеским войском, когда удаётся обмануть врагов мнимыми возможностями защитников, – сюжет традиционный, восходящий, может быть, еще к легенде об обороне Белгорода от печенегов в «Повести временных лет»(24, с. 49-50). В то же время в условиях Кавказской войны русские военачальники не раз пользовались легковерием горцев и вводили их в заблуждение относительно своих сил и возможностей. Эти факты из биографий Г. Х. Засса, Я. П. Бакланова, Н. П. Слепцова, Ф. А. Круковского органически вписывались в сюжеты и темы казачьей картины мира.

Ф. А. Щербина особо отметил, что «народ, с свойственною ему чуткостью, ценил своего любимого атамана. О подвигах Круковского и его трагической смерти остались воспоминания в народных песнях. Казачье население пело эти песни, а бедняки, слушая их, живо чувствовали

тяжелую утрату. По свидетельству одной из этих песен, генерал Круковский, отправляясь в чеченский отряд, раздал своё имущество в предчувствии смерти» (26, с. 429). Е. Д. Фелицын, рассказывая о содержании этой песни, писал: «Круковский, «отъезжая от Старполи» в «отряд Чеченский», всё имение своё раздарил, предчувствуя близкую смерть. Предчувствие это сбылось так, как «будто Бог с ним говорил»(25, с. 349).

Речь идёт о песне «Генерал наш, генерал кавказский», которая и поныне необычайно популярна в репертуаре фольклорных коллективов линейных и закубанских станиц. Её наиболее расхожий вариант дал ещё А. Д. Бигдай, записавший текст в конце XIX в. от казака Решетняка в станице Мартанской. Генерал, отъезжающий на службу в Ставрополь, предчувствует свою гибель и раздаривает своё имущество: «Генерал наш, генерал кавказский, / Ой скоро он пойдёт, / Да во город Ставрополь. / Скоро еду, братцы, отъезжаю, / Скоро еду, братцы, отъезжаю / Я и в город, братцы, Ставрополь. / Ой, имену я свою раздарю. / Если жив назад я ворочуся, / Имену я, братцы, наживу. / Имену я, братцы, наживу, / Убит буду – меня похоронят / За горою, братцы, за крутой. / За горою, братцы, за крутой / Мне поставят в поле / Большой, братцы, толстый крест»(2, с. 91). В этом и более поздних вариантах Круковский не назван по имени; сказываются закономерности эволюции исторической песни в сторону обобщения конкретных образов. Но привязанность атамана к этому сюжету вполне очевидна. Известен и первоначальный вариант, который привёл в своих воспоминаниях уроженец станицы Екатериноградской, генерал-от-кавалерии С. А. Венеровский. Текст здесь украшен традиционным мотивом прощания («Последний нонешний денёчек») и устойчивым образом заброшенной на чужбине могилы, которую не смогут посетить «развесёлые друзья»: «Генерал-майор Круковской / Был Наказный атаман; / Отъезжая, он из войска, оставил память вечну нам. /

Отъезжая, он в отряд Чеченский, / Всё именье раздарил; / И что сказал, то всё сбылося, / Будто Бог с ним говорил! / Последний день уж миновался, / Не быть мне с вами, милые друзья, / Только вечер один лишь остался, завтра с светом еду я! / Буду, еуду, это верно, / Оставляю край родной, / Завтра к свету непременно / Прощусь, ангел мой, с тобой! / Прощусь с чистыми полями, / Прощусь, родина, с тобой, / С развесёлыми друзьями / И, Кавказ, с тобой! / Убьют меня и забудут, / Потом вспомнят обо мне! / Вспомнят-вспомнят и потужат, / Что лишился жизни я в Чечне! / Придите, братцы, на могилу / Помолитесь обо мне! / Три поклона положите, / Воздайте память вечну мне!»(5, с. 40-41).

Мотив предчувствия гибели в народной истории достаточно древнего происхождения. Архаические представления о таинственных источниках эпического «знания» сливаются в данном случае с религиозно-провиденциональными представлениями. Одна из типичных коллизий состоит в том, что герой каким-то образом получает вещее предсказание, но направляет свои помыслы и усилия на противодействие предсказанному ходу события, на опровержение неизбежного, бесстрашно нарушает запреты и вступает в борьбу с теми силами, которые осуществляют предсказание (20, с. 183). Эта коллизия находит своё структурное выражение в оппозиции предсказание (запрет) – противодействие (нарушение). Она усиливает драматическую напряжённость сюжета. Подвиг героя обретает особую значимость и поднимается на высоту судьбоборчества. Борьба, демонстрирующая вызов судьбе, нередко оканчивается поражением и гибелью (20, с. 184).

Однако, следует отметить, что в условиях реалий Кавказской войны фатализм нередко проявлялся с романтической выразительностью. Поручика Тенгинского полка М. Ю. Лермонтова сильно занимал вопрос, который в «Фаталисте» задаёт Вулич: «Может ли человек своевольно распологать своею жизнью, или каждому из нас заранее назначена роковая

минута»? Не случайно лермонтовский «Сон» стал полюбившейся казакам песней («В полдневный жар в долине Дагестана»), а сам поэт словно предугадал свою собственную судьбу, с той разницей, что погиб не на поле боя, а от руки бывшего сослуживца (13, с. 128). В поведении Ф. А. Круковского не раз замечали поступки, являвшиеся как бы вызовом судьбе. «Если случалось ему заприметить хищническую партию, готовую заступить ему дорогу (а это случалось не раз), – писал И. Д. Попка, – он не изменял своего направления, не прибавляя, и не убавляя поводьев, приказывал ехавшему за ним казаку дистанцию и, к общему удивлению, невредимо достигал цели своего следования. По рассказам очевидцев, ни одна черта в его лице не изменялась в подобные минуты... Много опасностей пронеслось над головой Круковского, много раз шёл он навстречу смерти, – и она от него сторонилась»(19, с. 59). В перестрелках с горцами, по воспоминаниям современников, «Круковский оставался в седле, весь открытый неприятельским пулям, и когда его убеждали сойти с коня, он говорил спокойно, что так ему виднее следить за намерениями противника», с. 60).

Генерал С. А. Венеровский приводит в своих воспоминаниях рассказ военного врача Рожичко, утверждавшего, что Ф. А. Круковский действительно всё время искал своей смерти. В годы службы в Виленской губернии братья Круковский полюбили дочь помещика Свентховского, чьё имение располагалось неподалёку от штаб-квартиры полка. Хорошенькая полька никак не могла никому из братьев отдать предпочтения: «Вы оба любезны, и ни у вас, ни у вашего брата я не могу отнять достоинства». «Узнав об этом, – пишет С. А. Венеровский, – оба Круковские дали себе обещание: кто-нибудь из них должен умереть, а счастливец получить руку и сердце хорошенькой Свентховской.

Раз поехали они в лес, с ними был офицер, их хороший приятель.

Только вдруг раздаётся выстрел, один из Круковских бездыханным

свалился на землю. Феликс Антонович, увидев ужасную смерть брата, выхватывает пистолет из кобуры, хочет застрелиться; вдруг осечка, ещё раз выстрел, опять осечка.

Что же такое?

Оказалось, что в пистолете ни одной пули.

Покойный ещё раньше обрёк себя на смерть, ещё раньше зарядил себе пистолет, пистолет же брата приказал разрядить.

Это обстоятельство сильно подействовало на Феликса Антоновича.

Он стал реже и реже бывать у Свентховских, оттягивая под всякими предлогами свою предполагаемую свадьбу.

Наконец, он сказал, что женится только тогда, когда будет генералом.

Он думал, он предполагал, что до генерала никогда не дотянет.

Судьба решила иначе.

Круковский получил генерала, он должен был исполнить своё обещание...

Свентховская барышня пишет ему, чтобы он приехал повидаться и т. д.

Круковский же был человеком долга, и служба прежде всего. В письме пишет, что не имеет времени и не может явиться, так как должен участвовать в походе.

После его смерти духовная и это письмо адъютантом было передано этой барышне – дочери помещика Свентховского. По нём она носила траур в течении 3 лет»(5, с. 39-40).

Мотив гибели Круковского в этом рассказе очень роднится с лермонтовским «Завещанием»:

А если спросит кто-нибудь...

Ну, кто бы ни спросил,

Скажи им, что навылет в грудь

Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.
Отца и мать мою едва-ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.
Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... всё равно...
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалей;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

Круковский принадлежал к «кавказцам» лермонтовского типа и в своём поведении руководствовался поэтическим и нравственным кодексом, выработанным поэзией Кавказской войны. «Где война, там и поэзия», – справедливо заметил по этому поводу И. Д. Попка (19, с. 61), а о гибели Круковского написал: «Такие люди умирают на войне, потому что родятся для войны, и жаль только, что редкие из них оставляют преемников. Герой Кавказской войны, атаман Круковский истинно по казацки отдал ей все свои сердечные привязанности, не искал радостей

домашнего очага и не думал о семейном счастии. Он подумал бы, может быть, об этом счастии уже поздно, когда бы дожил до старческой богадельни – как это и случалось со старинными казаками-запорожцами»(19, с. 55). Завещание Феликса Антоновича, составленное в предчувствии близкой кончины, начинается трогательными словами: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа как христианин, к тому же военный, долгом считаю быть готовым умереть каждую минуту... »(9, с. 58).

Сама гибель Ф. А. Круковского по странному стечению обстоятельств была связана с фигурой из лермонтовского окружения – Руфином Ивановичем Дороховым (1801-1852). Человек необычайной судьбы, со сложным характером, два раза разжалованный в рядовые, храбрый как лев, он был одним из немногих настоящих друзей поэта, с которым познакомился в боевой обстановке в Чечне, в 1840 году. Известно письмо Дорохова, в котором он писал о Лермонтове с вещим пророчеством: «Славный малый – честный, прямая душа – не сносить ему головы. Мы с ним подружились и расстались со слезами на глазах. Какое-то черное предчувствие мне говорило, что он будет убит. Жаль, очень жаль Лермонтова, он пылок и храбр, не сносить ему головы»(13, с. 99). Не потому ли Р. И. Дорохов был и с Круковским, по словам М. Я. Ольшевского, «на товарищеской ноге; не знаю только по каким причинам они были так близки между собою»(18, с. 323). Странное стечение обстоятельств и судеб, трагически провиденциальный характер жизни связал трёх незаурядных русских офицеров. «Дорохов был начальником ракетной команды при кавалерии, – писал М. Я. Ольшевский. – Крюковский приказал ему выехать на близлежащую возвышенность и пустить по разным направлениям несколько ракет. Но когда он не поняв приказания, или неуместно увлекаясь, скрылся за указанным возвышением, то Крюковский приказал подполковнику Полозову следовать за ним с двумя сотнями, поскакал за Дороховым; но вместо того,

чтобы остановить его, попал под залп выстрелов десятка чеченцев, засевших в сакле, – и вместе с Полозовым и ещё несколькими казаками пал мёртвым. Виновник же этого беспорядка, Дорохов, был найден с девятью казаками вверенной ему команды, в полуверсте далее, голым и обезображенным»(18, с. 323).

Сама жизнь, таким образом, давала на Кавказе богатые фатальные сюжеты для прозы и поэзии, облекала деяния героев в эпические формы народной традиции. Идеи предуказанности, неизбежности совершающегося с героем, запрограммированности его биографии вполне органичны для народного восприятия истории. Именно они, как мы видели, предопределяют появление в сюжете опорных мотивов. Но заданность сюжета может иметь своими истоками и реальность господствовавших в воинской ментальности эпохи норм и стереотипов поведения. Драматическая судьба Ф. А. Круковского, поэтически переосмысленная народом в данном случае весьма показательна.

Авторитетный исследователь русских народных исторических представлений А. В. Буганов справедливо отмечает, что сам факт бытования воспоминаний об определённом лице служит важнейшим фактором его признания (положительного или отрицательного) в народе (1, с. 85). Имя Ф. А. Круковского было настолько популярным в среде казачества, что песни о его гибели были включены даже в советское фундаментальное академическое издание исторических песен XIX в. (16, с. 190, 191, 244). Наиболее полный сюжет гибели Круковского представлен в записи П. Семёнова, зафиксированной в терской станице Слепцовской. Атаман гибнет от пули Шамиля и просит братцев-казаков не бросать его останки на «поругу» врагам: «Убирайся, Шамиль, поскорее, / Круковского берегись! / Как схватил Шамиль свою винтовку, / Князю в грудь направил: / Пуль четыре отпустил, / Князя с лошади не сбил / С пятой, братцы, как хватил, / На сыру землю его сбил. / Князь на сырой земле лежал, / Громким

голосом кричал: / «Уж вы, слуги мои, братцы, / Вы сунженцы-молодцы! / Не покиньте моё тело / На поругу подлецам, / Отнесите моё тело / Вы во крепость Мартанску, / Положите моё тело / Во гробницу дубову, / Вы накройте моё тело, / Белым тонким полотном. / Приведите, мои братцы, / Орудия с лошадьми, / Вы поставьте, мои братцы, / Все орудья в один ряд, / Да ударьте, мои братцы, / Со всех пушек в один раз / Помяните вы, сунженцы, / Что я был ваш Крюковец, / Ровно ваш родной отец!»(21,с. 120-121).

Песня навеяна трагизмом события, связанным с яростной борьбой за тело погибшего атамана. Просьбы не оставлять тело «на поругу подлецам» смертельно раненый Круковский в действительности не высказывал, напротив, все его помыслы были в этот момент направлены на спасение находившихся рядом с ним казаков: «Ординарец Круковского, казак Толчаинов пытался было вынести генерала из сечи. «Брось меня и спасайся сам», – успел только сказать Круковский, но Толчаинов не оставил его и был изрублен горцами вместе со всем конвоем и майором Полозовым, Круковский также был добит шашками. Прискакавшие на помощь нижегородцы нашли труп своего командира обобранным донага» (7, с. 322). В данном случае мы наблюдаем пример того, как в историческую конструкцию песни входит непременным слагаемым набор традиционных поведенческих норм. Мотив с просьбой не оставить тело на поругание «басурманам» достаточно древний, восходящий к былинным сюжетам. На Кавказе он обрёл новое содержание. По словам Ф. А. Щербины, горцы нередко «зверски поступали не только с живыми врагами, но и с трупами, уродуя мёртвых и производя над ними поругания»(26, с. 826). Участник боёв в Закубанье И. Дроздов писал, что русские солдаты вынуждены были скрывать «могилы от горцев, которые, разрывая их, вынимали трупы и делали над ними всевозможные поругания» (11, с. 26). Поэтому стремление не допустить надругательства

над погибшими товарищами во многом определяло воинский быт кавказских войск, даже если это влекло за собой новые потери. А. М. Дондуков-Корсаков в своих записках вспоминал: «Завязался самый жаркий бой для обладания останками храброго Крюковского и его казаков (весь конвой был изрублен, прикрывая тело своего любимого начальника). При отступлении со значительной потерей кавказцы выносили все трупы падших товарищей»(10, с. 424).

Подробности развернувшейся трагедии поведал Н. А. Волконский. После залпа чеченцев «атаман вздрогнул, выпрямился на лошади, полуобернулся к казакам, будто желая отдать какое-то приказание, и с полуоткрытым ртом, как скошенный, свалился на землю. Какой-то дикий возглас – не то вопль, не то крик ужаса и испуга пронёсся по всей конвойной сотне, и во мгновение ока десятки казаков, бросив лошадей, забыв о всякой опасности и собственной жизни, ринулись к телу атамана. Но было поздно. Круковский, бледный, бездыханный, прижав руку к сердцу, с закатившимися глазами, лежал без движения; с левой стороны груди капля за каплей медленно сочилась дорогая для всех кровь. Со всех сторон протянулись к любимому вождю участливые руки: одни развязывали пояс, другие расстёгивали бешмет... Все забыли о том, что стоят лицом к лицу с неприятелем, забыли о бое, о мести. Всё внимание поглотил роковой факт и труп убитого атамана.

Драма, а за нею живая картина, разыгрались менее чем в десять секунд – время, слишком ничтожное для того, чтобы опомниться и прийти в себя после такого неожиданного и поразительного несчастья. Но эти секунды были достаточны неприятелю для того, чтобы вновь зарядить винтовки. Увидев результат своего залпа и замешательство, которое произвели, чеченцы повторили выстрел на этот раз почти в упор и с гиком, с обнаженными шашками бросились в схватку. Ещё несколько пуль порешили навсегда участь полдесятка казаков, склонившихся над трупом,

и они грудью своею, словно щитом, прикрывали тело атамана. Но этот второй выстрел вывел остальных из забытья, и едва только, вслед за ним, толпа горцев очутилась лицом к лицу с казаками – последние дружно, как один, ударили в шашки, в кинжалы, в приклады. Над телом атамана завязался отчаянный, страшный бой, где обе стороны стоили друг друга – одна потому, что карала за драгоценную жертву, другая потому, что направляла все силы вырвать из рук первой эту дорогую жертву. Перестрелка разом затрещала по всем направлениям: трудно было даже определить, откуда брался неприятель.

На месте схватки все сбились в кучу; отсюда подспевали казаки, оттуда – чеченцы. И одни, и другие рвались вперёд, пробиваясь и проталкиваясь сквозь головы передних, потому что никто из них не хотел и не думал уступать своё место тем, которые были позади, и передать им право на единственное и последнее счастье – пасть со славою в этой резне»(8, с. 404-405).

Кровопролитный бой за тело атамана не мог не отложиться в народной памяти. Казаки облекли это событие в традиционную форму с мотивом просьбы героя не бросать его тело на поругание. В песне станицы Наурской, записанной П. Востриковым, Круковский просит казаков взять его тело «на бурочку мою» и понести «в кладбище Мартанское»(16, с. 190). Казаки, кстати, действительно несли тело погибшего атамана в бурке. Н. А. Волконский вспоминал: «Казаки бережно сложили на бурку тело атамана и унесли сердечную ношу, которую отстояли телом и кровью»(8, с. 405).

Правда, не исключено, что в данном случае действительные события изложены под влиянием традиционных установок народной исторической картины мира. Так, В. Грабов считал, что тело атамана «нашёл и вынес на собственных руках командир 4-й роты Куринского пехотного полка штабс-капитан Петченко-Андрейченко»(9, с. 59). Более

того, казаки, в изложении терца как раз и явились вольными или невольными виновниками гибели Круковского. «Современники рассказывают, – писал В. Грабов, что когда войскам стало известно о назначении колонны, то депутация от казаков обратилась к начальнику отряда с просьбой предоставить им уничтожение хуторов. Обыкновенно этим делом занималась пехота, которая отлично приноровилась к упорной штыковой работе в теснинах. Разумеется, удалые казаки завидовали пехотинцам и искали случая отличиться в новой для них боевой роли». В ходе боя 18 января «на хуторах горцев оказалось гораздо больше, чем предполагалось по донесениям лазутчиков. Завязалась отчаянная рукопашная схватка, долго не дававшая положительных результатов. Наконец, казаки, не обладавшие навыком к работе в тесном месте, начали отступать. В это время Круковский, лично руководивший боем, остался позади отступавших казаков лицом к лицу с неприятелем, с одним своим постоянным ординарцем урядником ст. Екатериноградской Селиверстом Толчаиным. Горцы, узнав генерала и предвидя богатую добычу, устремились на него»(9, с. 59).

Установка на идеальную историческую конструкцию даже гибель героя обращает в русскую победу. И. Д. Попка привел в своих «Исторических и биографических очерках» несколько примеров «скромных произведений бивуачного вдохновения»: «Наш Круковский незабвенный, / Храбрый витязь-атаман! / Враг тебя ожесточенный / Вдруг сразил, как ураган / Ты на поле боя чистом / Казаков опережал, / С ними ты в стремленьи быстром / На чеченцев налетал. / Враг разбит геройским строем, / Взят и вражеский завал; / Но ты первый там героем / На трофеях храбро пал... »(19, с. 61).

В целом ряде вариантов Круковский в рыцарском поединке с Шамилем одерживает внушительную победу. Так, в песне, записанной А. Д. Бигдаем в ст. Мартанской от Решет-няка, говорится: «Ой да

Крюковской / Ой да, братцы, шел с отрядом, / Ой да в чёрной шляпе, / Братцы, впереди. / Ой да он заплакал / Ой да, братцы, горько зарыдал, / Ой да пословесно, / Братцы, рассказал. / Ой да вы молитесь / Ой да, братцы-дети, Богу, / Ой да Бог над нами, братцы, / Над случаем всегда... / Ой да как пойдём / Ой да, братцы, во крутые горы / Ой да до Шельмина, / Братцы мы зайдём. / Ой да убирайся / Ой да, Шельмин, поскорее, / Ой да Крюковский у гости / Да к тебе пришёл. / Ой да, Шельмин сидит, / Ой да, братцы, шашку востру точит. / Ой да Крюковскому чуть, братцы, / Грудь он не пронзил. / Ой да Крюковской / Ой да, братцы, с верной берданы / Ой да Шельмину, / Братцы, грудь пробил»(2, с. 92).

В песне о бое за р. Аргун, записанной П. Семёновым в ст. Слепцовской, четыре пули Шамиля не попадают в цель: «Князь Барятинский нас вёл. / Крюковской был с нами, – / На чеченцев страх навёл, / Дрогнули сердцами. / Задрожал Шамиль, уныл, / И рванулся к бою; / Видит – плохо, но палит / С буйной головою / Всё бежит Шамиль, бежит / От большого страху. / Говорят, плакал Шамиль, / Рвал свою папаху. / Вмиг винтовку он схватил, / Князю в грудь направил, / Пуль четыре отпустил, / Не попал, оставил»(21, с. 116-117).

В варианте известной песни «Мы поймали Шамиля», записанной В. Г. Захарченко в ст. Кавказской, именно Круковский возглавляет пленение знаменитого имама, хотя, как известно, это событие произошло через 7 лет после гибели Феликса Антоновича: «Мы пошли ему навстречу, / Круковский был с нами. / Закричали все(й): ура! / Шамиля поймали»(14, с. 27). Старожил ст. Бекешевской И. Н. Семёнов говорил нам о рассказах стариков: «Да, что-то рассказывали про этого, который победил (Шамиля, – О. М.), Крюковский»(29). Народная история, таким образом, строит свою версию известных фактов, сводя в рыцарском поединке достойных противников – казачьего атамана и предводителя движения горцев.

Мотив поединка, участники которого обмениваются ударами,

весьма типичен для народной традиции (20, с. 82). Однако на Кавказе он имел и историческую основу. В стихотворении «Валерик» М. Ю. Лермонтов красочно описал молодецкое единоборство кавказского мюрида и линейного казака:

А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличит – где отважный?
Кто выйдет с ним на смертный бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... легкий дым...
Эй вы, станичники, за ним...
Что? ранен!... – Ничего, безделка... -
И завязалась перестрелка...

«Этот род рыцарских поединков, – писал П. А. Висковатов, – практиковался, несмотря на официальное его запрещение. Чеченцы на запрет, не обращали, конечно, внимания, а из русских находились охотники принимать вызовы» (6, с. 306). Причем, принимали участие в этих единоборствах и военачальники, пользующиеся расположением казаков. Воспетый в казачьих песнях Я. П. Бакланов, участвовавшей в трагической для Круковского экспедиции (8, с. 389), не раз принимал подобные вызовы и выходил из поединка победителем. Как-то лазутчик сообщил Бакланову, что Шамиль «позвал из гор стрелка, и стрелок этот поклялся на Коране тебя убить. Стрелок приехал в наш аул. Много хвастался. Он говорит, что на пятьдесят шагов разбивает куриное яйцо, подброшенное кверху. Ну, только, наши старики ему говорят, что они видали, как ты на полтораста шагов убиваешь муху. «Смотри Джанем, –

говорят ему наши старики, – если ты промахнёшься – Боклю положит тебя на месте»(17, с. 406-407).

На другой день Бакланов вступил в дуэль с горцем. Пуля чеченца задела лишь край полушубка казачьего полковника. «Бакланов спустил курок, и чеченец упал навзничь: пуля ему попала между бровей и прошла через голову, – писал П. Н. Краснов. – И наши и чеченцы внимательно следили за этим состязанием и, когда Бакланов медленно поехал к своим, наши войска приветствовали его громким ура, а чеченцы, махая папахами, вскочили на завалы и кричали: «якши Боклю! Браво Боклю! молодец Боклю!»(17, с. 407).

Имели под собой историческую основу и отношения между Шамилем и Ф. А. Круковским. Известно, что горцы настолько высоко оценивали ратную доблесть Круковского, что слагали о нём песни (7, с. 321; 12, с. 88). Этим объясняется и то ожесточение, с каким чеченцы сражались за тело атамана. После гибели Круковского князю А. И. Барятинскому удалось за дорогую цену выкупить Георгиевский крест и орден Св. Станислава 1-й степени, принадлежавшие Феликсу Антоновичу, но шашку и кинжал атамана Шамиль не согласился уступить ни за какие деньги (7, с. 322).

О том, какое значение придавали имени Круковского в горских аулах, рассказывают и казачьи песни. И. Д. Попка привёл один из текстов, которому «посчастливилось перейти в живучую походную песню драгун и казаков»: «Круковский атаман / Не жалел басурман, / И его все они трепетали. / Он такой навёл страх, / Что татарки в горах / Его имям детишек пугали»(19, с. 62). В «Песне терцев про Аргун», записанной П. Семёновым, говорится: «Предводитель был линейцев / Сам Крюковский, наш герой; / Он чеченцев, будто зайцев, / Устрашал всюду собой; / На коне он, льву подобен, / Быстро, храбро разъезжал, / С жарким, мужественным взором / Вкруг колонны он летал»(21, с. 118). Песенным

строфам вторят свидетельства очевидцев: «Значок его (Ф. А. Круковского, – О. М.), – как птица, летал позади и, как символ смерти для врагов и знак победы для его отряда, указывал дорогу казакам. Моздокцы, гребенцы, кизлярцы, грозненцы, драгуны летели врассыпную за своим храбрым предводителем, уничтожая всё, что попадалось на пути. Это была бешенная скачка, от которой дух захватывало»(8, с. 403).

Гибель атамана отозвалась тяжёлой потерей в казачьей памяти. «Вспоминая о нём, – писал И. Д. Попка, – седобородые бойцы старых дней Кавказской войны повторяют заупокойное казацкое присловье: будь ему тяжёлая земля лёгким перышком»(19, с. 60). «Непритворные слезы капали из глаз казаков, – вспоминал Н. А. Волконский о смерти Круковского, – потому что они крепко любили атамана, который был для них и с ними всегда так близок, будто рядовой казак. Он был строг и взыскателен – это правда, но зато был предан всей душой казачьему быту, казачьим интересам. Казаки хорошо понимали, что с потерею его лишились чего-то крепко близкого, родного – не говоря уже об отважном руководителе, который всегда впереди первый пролагал дорогу к неприятелю.

Жалели и оплакивали Круковского не одни казаки; сокрушались об этой важной и незаменимой потере все, начиная от князя Барятинского до последнего солдата, потому что все его знали хорошо и чтили его за храбрость»(8, с. 406). А князь М. С. Воронцов в рапорте военному министру писал: «Если бы выбрать из войска тысячу лучших людей и у каждого из этих людей взять его лучшие достоинства и качества, то и тогда сумма их не перевесила бы этих качеств, которыми обладал покойный атаман, совершенно незаменимый для кавказского казачества»(7, с. 322).

Тело Ф. А. Круковского согласно его завещанию было перевезено в станицу Екатериноградскую, где он жил несколько лет как командир Горско-линейного казачьего полка, и предано земле с подобающими

наказному атаману почестями в ограде собора Св. Ефимия. В 1902 г., в 50-ю годовщину гибели Круковского его имя было по Высочайшему повелению присвоено 1-му Горско-Моздокскому полку Терского казачьего войска. А по инициативе наказного атамана терцев Толстова на месте гибели атамана был поставлен памятник: большой чугунный крест на пьедестале из белого камня, обтёсанный в виде пирамиды... Потом наступило время, когда из народной памяти стремились выжечь калёным железом имена казачьих героев. «В станице Екатериноградской, – отмечает В. А. Зведре, – ни на одной из имеющихся ныне могил надгробий не сохранилось, и определить, в которой из них покоятся останки казачьего атамана весьма затруднительно»(15, с. 46).

Но, несмотря на страшные годы расказачивания, разрушения естественного механизма преемственности поколений, в казачьих станицах до сих пор поют песни о Феликсе Антоновиче Круковском, старики рассказывают внукам о его подвигах. В народной истории атаман в различных формах вступает в связь с реальной историей, испытывает её воздействие, несёт на себе внешние и внутренние проявления такого воздействия. Несомненно, что жизнь атамана определяет типовой характер составляющих народной картины мира. Но героическая и драматическая биография Круковского, отраженная в исторических песнях и преданиях, в то же время, оказывается «проверяема» другими источниками «официального» происхождения. Поведение военачальника во многом определялось ментальностью русского офицерского корпуса, «кавказцев» лермонтовского типа. Психология эпохи, кавказской боевой действительности диктовала стереотипы поведения, которые и реальные поступки делали мотивированными и концептуально заданными. Это обстоятельство во многом сближало на глубинном уровне народные и официально-имперские исторические представления, способствовало формированию общенационального самосознания и героики.

Примечания:

[1] Буганов А. В. Историческая личность в сознании русского народа XIX столетия // Исторический вестник. М. – Воронеж. 2001. №2-3.

[2] Бигдай А. Д. Песни кубанских казаков. В редакции В. Г. Захарченко. Т. П. Песни линейных казаков. Краснодар, 1995.

[3] Васильков В. В. Народные обычаи казаков станицы Бекешевской (Баталпашинского отдела, Кубанской области) // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа (СМОМПК). Вып. 36. Тифлис, 1906.

[4] Варавва И. О. Песни казаков Кубани. Краснодар, 1967.

[5] Венеровский С. А. Мемуары и воспоминания генерала-от-кавалерии Стефана Александровича Венеровского. СПб., 1908.

[6] Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1987.

[7] Военная энциклопедия. Птб., 1914. Т. IV.

[8] Волконский Н. А. Погром Чечни в 1852 году // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001.

[9] Грабов В. Генерал-майор Ф. А. Круковский // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. Июль.

[10] Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания. 1845-1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000.

[11] Дроздов И. Эпизоды из Кавказской войны в Кубанской области. СПб., 1879.

[12] Дубровин Н. Ф. Черкесы (адыге). Краснодар, 1927.

[13] Загорулько В. И., Абрамов Е. П. Поручик Лермонтов: Страницы военной биографии поэта. СПб., 2002.

[14] Захарченко В. Г. Песни станицы Кавказской. Краснодар, 1993.

[15] Зведре В. А. Наказной атаман Ф. А. Круковский // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Второй международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Армавир, 2000.

[16] Исторические песни XIX века. Л., 1973.

[17] Краснов П. Н. Картины былого Тихого Дона. Краткий очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях. СПб., 1909.

[18] Ольшевский М. Я. Князь Александр Иванович Барятинский на левом фланге Кавказской линии. 1851-1853. Из записок М. Я. Ольшевского // Русская старина. СПб., 1879. Кн. VI.

[19] Попка И. Д. Исторические и биографические очерки. Екатеринодар, 1872.

[20] Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988.

[21] Семенов П. Песни, поющиеся в станице Слепцовской, Владикавказского округа // СМОМПК. Вып. 15. Тифлис, 1893.

[22] Толстов В. Г. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696-1896. Составил есаул 1-го Кубанского полка В. Толстое. Под редакцией генерал-майора Потто. Тифлис, 1901. Ч. II.

[23] Толстов В. Г. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696-1896. Составил есаул 1-го Кубанского полка В. Толстов. Под редакцией генерал-майора Потто. Приложение к 1-й и II-й части. Тифлис, 1901.

[24] Тысяча лет русской истории в преданиях, легендах, песнях / Сост., вст. ст., коммент. С. Н. Азбелева. М., 1999.

[25] Фелицын Е. Д., Щербина Ф. А. Кубанское казачье войско. Репринтн. изд. Краснодар,

1996.

[26] Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Репринтн. воспр. изд. 1913 г. Краснодар, 1992. Т. П.

[27] Государственный архив Краснодарского края. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2.

[28] Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции 1999 года (ПМ КФЭЭ-1999). Станица (Ст.) Темнолесская Шпаковского района (р-на) Ставропольского края (кр.). Аудиокассета (А/к) №1949. Информатор (Инф.) Козлов Николай Иванович, 1912 года рождения (г. р.).

[29] ПМ КФЭЭ-2002. Ст. Бекешевская Предгорного р-на Ставропольского кр. А/к №2752. Инф. Семёнов Иван Никифорофич, 1927 г. р.

[30] ПМ КФЭЭ-2002. Ст. Бекешевская Предгорного р-на Ставропольского кр. А/к №2753. Инф. Бондарев Алексей Николаевич, 1921 г. р.

[31] ПМ КФЭЭ-2002. Ст. Бекешевская Предгорного р-на Ставропольского кр. А/к №2754. Инф. Арапов Василий Петрович, 1916 г. р.

[32] ПМ КФЭЭ-2002. Ст. Бекешевская Предгорного р-на Ставропольского кр. А/к №2755. Инф. Гречкин Григорий Иванович, 1926 г. р.

[33] ПМ КФЭЭ-2002. Ст. Бекешевская Предгорного р-на Ставропольского кр. А/к №2755. Инф. Васильев Григорий Иванович, 1918 г. р.

[34] ПМ КФЭЭ-2002. Ст. Бекешевская Предгорного р-на Ставропольского кр. А/к №2757. Инф. Кучеров Георгий Никитович, 1927 г. р.

А.Д. Вершигора

М.О. Косвен о Хан-Гирее и его отце и новые документы архивов

М.О. Косвен первым в XX в. написал биографию выдающегося этнографа, писателя и историка Хан-Гирея. В своей первой работе 1955 г.[1] он опирался в основном на воспоминания В.П. Бурнашева, лично знавшего Хан-Гирея и помогавшего ему изложить свои записи на русском языке[2]. Вторая работа Косвена 1861 г. значительно превосходила предыдущую по насыщенности документальными обоснованиями[3]. В ней он отметил, что Бурнашев ошибался, указав, что Хан-Гирей вышел в отставку в чине генерал-майора, однако использовал многие его описания.

В целом же работа Косвена стала отправной для многих других исследователей жизни и творчества Хан-Гирея, включая автора этих строк. Позднее другие исследователи использовали новые документальные данные, подтверждавшие утверждения Косвена. Не находили подтверждения только некоторые, но все это из-за отсутствия доступа к многим известным теперь документам. Например, Р. Х. Хашхожева стала использовать формулярные списки Хан-Гирея. Но она же жаловалась, что не может найти сведений об учебе Хан-Гирея в кадетском корпусе[4].

Внес свою лепту в поиск новых документальных материалов о Хан-Гирее и автор этих строк, первая публикация которого относится к 1998 г.[5], а последняя к 2003[6]. Не критикуя Косвена, который для меня является высочайшим авторитетом, может быть, даже образцом для подражания, намереваюсь в настоящей статье сопоставить его данные со сведениями вновь обнаруженных документов архивов.

1. О полном имени отца Хан-Гирея, его происхождении и присвоении чина войскового старшины. У Косвена отец Хан-Гирея:

Махмет (или Мемет) Крым-Гирей-Хан. Об отце Хан-Гирея автор обнаружил очень много документов. В большинстве из них он назван закубанским владельцем Хануком, а после 1817 г. – закубанским владельцем войсковым старшиной Хануком. Но во многих документах к вышеуказанной записи дополнялось его имя. На май 2004 г. в распоряжении автора таких документов 43. Еще два документа автор обнаружил в РГВИА самостоятельно. Итого 48 документов с 51 записью имен. Это без учета рукописи Хан-Гирея, хранящейся в Майкопе (6, *135-138*). Ни в одном из них он не назван с использованием имен *Махмет* и *Крым*. В 11 документах он назван именем Магмет, отчего автор так называет его в своих работах.

Столкнувшись с таким явлением еще ранее, автор стал искать документы, которые использовал сам Косвен и другие авторы. В их числе были автором получены тексты двух документов, на которые ссылались М.О. Косвен[7] и Р.Х. Хашхожева[8], а также Т.Х. Кумыков, о котором рассказ отдельно ниже. У Косвена запись: *Махмет Гирей Хан.* Запись с именем *Махмет* оказалась единственной из всех имеющихся в распоряжении автора. В используемом Хашхожевой документе по присвоению ему чина войскового старшины он назван как *Хан-Мамет-Гирей*[8]. Таким же именем он назван в 2-х документах Главного штаба за январь 1817 г. по тому же вопросу, копии которых обнаружены автором в Краснодаре (6, *92*, п. 55). Имеется полная уверенность, что в других документах по присвоению чина он не будет назван иначе.

Автор пока еще не знаком с другими документами РГВИА, на которые ссылался Косвен[9]. Но все они относятся к рассмотрению вопроса о прошении хамышеевских владельцев и согласии состоять под началом Хан-Гирея, из которых имеется рапорт В.А. Перовского по указанному вопросу. В значительной степени они основаны на копиях дела 1578 ГАКК, присланных Косвену М.В. Покровским[10]. Два документа из них

опубликованы (6, *129, 134*). Ни в одном документе из указанной серии не указано имя отца Хан-Гирея с использованием имени *Крым*. В них отец Хан-Гирея назван как *Мухаммет Гарай Хануk, Маамчерий Хануk, Хануk Маамчериев Ислам Чиреев*, (6, *143, 144*, имена №№ 3-7, 3-8, 3-4 – 3,11). Таким образом, использование Косвеном имени *Крым* как составной части полного имени отца Хан-Гирея, документами архивов не подтверждается.

Между тем в таком виде с именем *Крым* отец Хан-Гирея стал указываться другими исследователями, в частности Т.Х. Кумыковым, при определении им времени поселения отца Хан-Гирея на правом берегу Кубани, без приведения текста архивного документа о времени поселения, что вызывает сомнение в достоверности их утверждений, о чем рассказ ниже. Аналогичным образом отца Хан-Гирея называли Р.Х. Хашхожева, А.Х. Хакуашев и многие другие. По этой причине автор с недоверием относится к работам, в которых отец Хан-Гирея назван аналогично записи Косвена и без приведения текста архивного документа об описываемом событии, в том числе о поселении.

Косвен указал, что отдаленными предками Хан-Гирея были отпрыски побочной ветви крымских ханов, поселившиеся среди адыгейских племен на Кубани, сославшись на копии архивных документов, присланных из Краснодара профессором М.В. Покровским. Эти сведения исходят от князей Хаджимуковых, не знавших когда и откуда прибыли предки Магмет-Гирея, почему их утверждение о происхождении сомнительно.

2. О времени поселения отца Хан-Гирея на правом берегу Кубани. Косвен писал, что отец Хан-Гирея переселился на правый берег Кубани под влиянием генерал-губернатора герцога А. Ришелье в начале XIX в. Эти сведения подтвердили Р.У. Туганов[11] и автор этих строк, указавший в 1998 г., что до 1805 г. отец Хан-Гирея еще проживал на левом

берегу Кубани (5), а основание нового аула (хутора) на правом берегу Кубани произошло в 1811-182 г. (6, *21*). При этом Магмет-Гирей сохранил свой прежний аул на левом берегу Кубани.

Между тем, Кумыков в 1968 г. указал, что закубанский владелец *Махмет Крым-Гирей* в самом конце XVIII в. переселился на правый берег Кубани в земли войска Черноморского[12]. Текст документа им не приводился. В процессе работы по отбору всех документов с именем отца Хан-Гирея, была получена и копия документа, используемого Кумыковым и еще один того же архивного дела.[13] В них лица с именем Султан Гирей и Султан Шеретлу Оглу, чьи имена несколько походили на известные записи имен отца Хан-Гирея. Но лицо с именем Махмет Крым-Гирей там указано не было. Автор засомневался, можно ли относить имена из документа РГИА к личности отца Хан-Гирея.

Однако в 2003 г. ясность появилась, о чем расскажем подробнее. В работе «Горские поселенцы в Черномории» Короленко указал, что первым из владельцев поселившимся в урочище Ангелинского ерика в самом конце XVIII в. был Султан Шеретлу-Оглу[14] (*80*). В другом месте той же работы он писал, что в апреле 1798 г. владелец Шостан-Али (Шостонапи) переправился с народом самовольно в Екатеринодар с намерением поселиться у казаков, но ему в этом было отказано (14, *77*). Из другой работы Короленко следовало, что Султан Шеретлу Оглу и Шостан-Али это одно лицо[15].

Сохранился список лиц, которые в апреле 1798 г. переправлялись через Кубань у Екатеринодара[16]. Это были Шостан Али Ногаев сын, 37 лет, его брат родной Гатук Алей, 32-х лет, двоюродный Магмет Герей Наичаин сын, 50 лет с сыновьями Шовбук, 21-го года, Каплан 19-ти лет и Шеретлух 9-ти лет. Из вышеуказанного видно, что указанный в деле РГИА, ф. 1374, д. 320 за 1800-1802 гг. шапсугский владелец Султан Шеретлу Оглу с двоюродным братом Магмет-Гиреем, и переправлявшиеся через Кубань в

1798 г. Шостан Али и его двоюродный брат Магмет-Гирей, это одни и те же лица. Считать кого-либо из них отцом Хан-Гирея будет неправильно. Следовательно, отец Хан-Гирея поселился на правом берегу Кубани в начале XX в., как писал Косвен. Что касается утверждений Гарданова и Мамбетова о поселении отца Хан-Гирея в конце XVIII в., то каких-либо доказательств они не приводили, очевидно соглашаясь с Кумыковым..

Что касается присвоения чина войскового старшины отцу Хан-Гирея 23 декабря 1816 г., а не 28 декабря, как указано в выявленных архивных документах другими исследователями, то здесь в работе Косвена была допущена описка или опечатка.

3. Об обстоятельствах смерти отца Хан-Гирея и обучении Хан-Гирея под покровительством генерала А.П. Ермолова. Бурнашев писал, что отец Хан-Гирея погиб в схватке с «враждебными абадзехами», успев переправить сына (Хан-Гирея) генералу А.П. Ермолову. По этому вопросу Косвен пишет следующее: «…как рассказывает оставивший весьма интересные воспоминания о Хан-Гирее петербургский литератор В.П. Бурнашев, Хан-Гирей был, по завещанию отца, отправлен к главнокомандующему на Кавказе знаменитому генералу А.П. Ермолову, который, обратив внимание на выдающиеся способности мальчика, принял участие в его судьбе и позаботился об его воспитании и образовании». Как видим, Косвен ничего не пишет о гибели отца Хан-Гирея в междоусобной схватке и обучении Хан-Гирея в гимназии. Не кроется ли здесь его недоверие к воспоминаниям Бурнашева? Не мог же Косвен не знать отрицательное мнение о нем авторов авторитетного издания Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.

Описание Бурнашева обстоятельств гибели отца Хан-Гирея в междоусобной схватке было принято учеными Кумыковым, Хашхожевой, повторяется и исследователями рубежа XX-XXI вв. Между тем, еще в 1902

г. историк П.П. Короленко писал, что отец Хан-Гирея Магамчерий-Ханук или иначе войсковой старшина султан Магамчерий-Ислам-Чиреев-Ханук 4 апреля 1821 г. умер своей смертью. Он ссылался на документы Кубанского войскового архива, в частности, на дело атаманское 1821 г. № 789. Свидетельствую, Указанное дело сохранилось и храниться в ГАКК в фонде 249, оп. 1. Косвен и Кумыков не были знакомы с указанной работой, иначе они бы ее использовали. Но не приняла сведения Короленко о смерти отца Хан-Гирея от болезни Хашхожева. В качестве аргумента в пользу Бурнашева она выдвинула то, что свои воспоминания он написал еще в 1871 г, а Короленко много позднее, в 1902 г. и мог перепутать биографические сведения об отце и сыне (4, *11*). Кроме того, она утверждает, что Бурнашев не мог ошибаться, поскольку свои воспоминания писал на основе дневников, которые вел еще с детства, о чем сам Бурнашева писал в 1872 г. в статье «Воспоминания об эпизодах моей частной служебной деятельности (1834-1850)» (4, *39*, примечания, п. 13). У автора же большие сомнения об использовании Бурнашевым дневников, поскольку он никогда не указывал когда, от кого и при каких обстоятельствах он узнал о том или ином описываемом им событии. Да и писал он свои воспоминания спустя более тридцати лет после описываемых событий. Сомневался в достоверности излагаемых Бурнашевым событий и Р. У. Туганов.

Короленко, утверждавший о смерти отца Хан-Гирея от болезни, ссылался на данные Войскового архива Кубанского казачьего войска, изложенных в деле атаманском, 1821 г. № 789. То есть, на свидетельства очевидцев того события. Свою запись о смерти войскового старшины Ханука (отца Хан-Гирея – А. В.) от болезни он подкреплял ссылками на материалы Войскового архива, в частности, на дело Атаманское, № 789. Указанные материалы сохранились в ГАКК в деле под тем же номером, а

его записи подтверждаются другими источниками, о чем автор писал ранее, начиная с 1998 г. (5).

Документальные сведения архивов полностью подтверждают версию Короленко о смерти отца Хан-Гирея от болезни[1].

Автор предлагает читателям рассмотреть вопрос, а мог ли вообще отец Хан-Гирея в труднейшую для себя минуту отправить своего сына к генералу А.П. Ермолову и каковы, вообще, у них были отношения? Напомним, что у отца Хан-Гирея были прекрасные отношения с новороссийским генерал-губернатором А.Ф. Ланжероном, прямым

---

* Начальником 1-й части кордонной линии, куда входил Павловский пост, был войсковой полковник Ф.М. Косович. Он обстоятельно докладывал командующему войсками кордонной линии генералу М.Г. Власову и войсковому атаману полковнику Г.К. Матвееву о событиях у войскового старшины Ханука (отца Хан-Гирея) с конца марта по первую половину апреля 1821 г.

31 марта 1821 г. №№ 420 и 421 Косович обстоятельно доложил Власову и Матвееву о тяжелой болезни Магмет-Гирея. В этот день к нему прибыл переводчик Магмет-Гирея сотенный есаул Брызгалова Он объяснил, что Магмет-Гирей, будучи *одержим болезнью с давних времен*, находится теперь п*ри смерти*. С учетом обычаев, ему лучше умереть и быть похороненному в расположенном за Кубанью собственном его ауле. Иначе его подвластные с левобережного аула могут силой переправиться на правый берег на его похороны. Он просит разрешения переехать туда с семейством, имуществом и семьями крепостных дворовых людей, из которых семь душ мужского пола и десять женского. В уплату своего долга в войсковую казну он оставляет здесь лошадиный табун и отару овец [ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 32. Л. 1; Ф. 249. Оп. 1. Д. 789. Л. 21].

1 апреля 1821 г. Власов проинформировал Матвеева о болезни Магмет-Гирея и о его намерении переселиться обратно на левый берег Кубани. Объяснил, что дать такое разрешение сам не может, но направит рапорт временно командовавшему Отдельным Кавказским корпусом генерал-лейтенанту Вельяминову с первой же почтой. Предложил обеспечить надзор за табуном и овечьей отарой, предназначенными в уплату долга Войску [Д. 32. Л. 2].

2 апреля Матвеев проинформировал Власова о своем указании Войсковой канцелярии принять меры по обеспечению уплаты долга заболевшим Магмет-Гиреем [Д. 32. Л. 3].

4 апреля Власов направил подробный рапорт . Вельяминову о болезни Магмет-Гирея и его намерении возвратиться с семьей и крестьянами на левый берег Кубани, а также о долге Войску.

5 апреля Косович доложил Власову и Матвееву о том, что войсковой старшина Ханук от болезней в ночь с 4 на 5 апреля умер у себя на хуторе у Павловского поста. Документ подлинный. На рапорте Косовича № 449 резолюция Власова: "Донести Вельяминову и его превосходительству Алексею Петровичу" (Ермолову – *А. В.*) (Д. 32. Л. *5*; Д. 789. Л *1*).

5 апреля Косович отдельным рапортом проинформировал Матвеева о смерти войскового старшины Ханука[69, л. 8]. При этом атаман Матвеев узнал об этом ранее от переводчика Я. Брызгалова, присланного женой Магмет-Гирея. Она просила разрешить ей с двумя дочерьми сопроводить усопшего на похороны в левобережный аул. Атаман запросил согласия Власова, возражений не было [28, л. 6]. *

7 апреля Косович доложил Власову, что по предписанию Матвеева и самого Власова № 1971, тело умершего войскового старшины Магмет-Гирея 6 апреля у Павловского кордона было переправлено на левый берег Кубани. При переправе присутствовал карантинный чиновник. Имевшие разрешение на переезд через Кубань жена и две дочери остались на правом берегу в хуторе покойного “при Павловском кордоне расположенном”

11 апреля О кончине Магмет-Гирея и переправе тела для похорон в левобережном ауле. Власов подробно проинформировал Вельяминова рапортом № 448.

начальником атамана Черноморского войска полковника Г. К. Матвеева. В апреле 1820 г. Черноморское казачье войско перешло в подчинение генерала А. П. Ермолова. Можно полагать, что 1820 г. Магмет-Гирей встретил как еще физически крепкий человек, поскольку, оставшись вдовым, женился на Биче Ганжуковой. Свадьба для хлебосольного Магмет-Гирея могла потребовать значительных расходов. В его правобережном ауле (хуторе) проживали родственники Биче и другие гости. Торговля не давала ожидаемого дохода, он задолжал значительную сумму Войску и частным лицам – до 27 тыс. рублей. Неожиданно таганрогский градоначальник потребовал уплаты значительного таможенного сбора.

Все это сильно осложнило его положение, но он не прекращал свою благотворительность в отношении соплеменников. Магмет-Гирей попросил освободить из острога плененного ранее черкеса Бей-Мурзу. На запрос Матвеева о просьбе Магмет-Гирея Ермолов в первом же указании ему потребовал, чтобы приближенные и подвластные войскового старшины Ханука (Магмет-Гирея – А.В.) были сселены в одно место и ни в коем случае не жили бы у самого берега Кубани. Это он делал в целях укрепления границы, считая, что приближенные Магмет-Гирея могут быть сообщниками организаторов набегов в Черноморию. Для владельцев, решивших возвратиться за Кубань, установил срок: «до наступления зимы»[2]. Более того, запретил перегонять на пастбища правого берега Кубани скот. Все это очень осложнило положение Магмет-Гирея. Об указанном автор писал уже в 2001 г.[17] и более подробно в 2003 (6, *34*, *35*, *109, 110*).

В конце декабря 1820 г. на Кубань прибыл назначенный Ермоловым

---

* Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 261. Оп. 1. Д. 33. Л. 3 и 4. Ермолов, в частности, писал «…строго воспретить перепускать с той стороны Кубани на наши пастбища табуны лошадей и стада баранов… Сию предосторожность иметь и против подвластных г. Ханука за Кубанью живущих, не делать им ни малейшего в пользу их исключения из общего правила».

в качестве командующего войсками на кордонной линии генерал-майор М. Г. Власов, который был поставлен выше Матвеева. Сразу же началась тщательная, придирчивая проверка охраны границы, резко изменилось и отношение к Магмет-Гирею. В январе 1821 г. на охрану границы в 1-й части кордона со своим полком заступил войсковой полковник Ф. М. Косович. Он, как это явствует из письма отца Хан-Гирея Власову от 21 января 1821 г., выполняя требования Власова, не только не разрешал людям Магмет-Гирея перевозить через Кубань продукты и скот, но даже запрещал гонять скот к скирдам на берегу Кубани (18). Более того, не позволял перевозку дров с левого берега. А ведь совсем недавно все это дозволялось. Были изъяты два его каюка, на которых перевозили сено возвратившиеся на левый берег дворяне Натоук и Биберда. Магмет-Гирей 21 января 1821 г., указав на вышеизложенное и, отметив слабость своего здоровья и страдания от холода жены и всего семейства, просил Власова разрешить перевозку дров и сена и обеспечить доступ скоту для кормления. Власов же начал выяснять, как обходились с ним при подчинении Войска Ланжерону. Только в конце марта Власов согласился выполнить просьбу Магмет-Гирея. При таких отношениях к нему со стороны генералов Ермолова и Власова не мог Магмет-Гирей отправить сына в Тифлис.

Автор этих строк считает, что при общей (итоговой) оценке правдивости описания любого события только по признаку, кто раньше опубликовал свое изложение случившегося, необходимо подходить осторожно. В основу должна быть положена оценка достоверности изложения того или иного события, которое использовал автор, более весомыми критериями. Например, важно, было ли описание события выполнено непосредственно после случившегося или же на многие десятилетия спустя. Всегда нужно знать, чьи сведения использовались при

исполнении записи мемуариста, если сам он не был очевидцем, кто автор или исполнитель того или иного документа (дневниковой записи), каковы его профессиональная подготовка и добросовестность. На это указывали многие историографы дореволюционного и советского времени[3].

Сведения Косвена об учебе Хан-Гирея в кадетском корпусе ничем не подтверждается. На это указывала Хашхожева, о чем говорилось выше. На основании большого числа документов, автор установил, что в период с 1821 г. по 1825 г. он никуда за пределы Черномории не выезжал, а службу начал в чине сотенного есаула в 6-м конном полку Черноморского войска, в котором служил его один из его опекунов Пшекуй Могукоров (5, 75; 17, *85*). В те годы его называли Крым-Черием. Возможно Косвен нашел кого-либо другого по имени Хан-Гирей или же не мог представить, что сын крупного владельца мог начать службу только в офицерском чине. Хан-Гирей мог учиться в Екатеринодаре в гимназии или уездном училище, но курса не окончил.

4. О местах проживания Хан-Гирея в Петербурге.

Косвен писал, что Хан-Гирей «жил в Петербурге на Офицерской улице (ныне Декабристов) в доме № 38. Этот дом сохранился и существует сейчас, правда, в достроенном виде, числясь ныне, вследствие происшедшего изменения нумерации домов по Офицерской улице, под № 46». Современный его номер помог определить Л.И. Лавров. Указанный

[3] Н. П. Лихачев в 1901 г. писал, что в мемуарную литературу проникают выдумка, отсебятина и своекорыстие. Использование же вымышленных или необъективно описанных случаев может приводить к тому, что действительно имевшие место факты или будут проигнорированы, или будут представлены в уродливой форме.

В. И. Стрелецкий отмечал, что биографические воспоминания могут содержать значительные элементы самовосхваления. Во многих случаях мемуарные материалы могут стать богатым историческим материалом, документальным свидетельством, но только при условии критической их проверки. Ряд авторов с большим доверием относились к служебной документации. Так, В. И. Стрелецкий со ссылкой на работу Т. Р. Шелленберга 1960-го года, отмечал, что делопроизводственная документация нередко является решающим звеном при проверке данных печати. Полезно материалы одного документа сопоставлять с данными других источников. Стрелецкий В.И. Источниковедение истории СССР. М. 1962. С. 66, 73, 78, 172, 185, 395

первоначальный адрес был взят из книги К. Нистрема “Книга адресов С. Петербурга” на 1837 г. Так получилось, что автор прежде записи Косвена или повторения ее у Хашхожевой, прочитал адрес у Нистрема: «Гирей-хан. Полк. Команд. Л.-гв. Кавказско-Горского полуэскадрона, по Офиц. ул. № 38. 4 ч. Кв. № 44». Я был в растерянности, не зная где искать Офицерскую улицу, если в Петербурге их было несколько. Любезно помогла знаток улиц историк Е.И. Краснова[4], которая сразу же по записи «часть 4», (Адмиралтейская часть) определила нужную улицу. По памяти зная места, предположила, что это может быть № 41. Но настоятельно рекомендовала сверить по Атласу 13-ти частей Санкт-Петербурга, составленным Н.Н. Цыловым в 1849 г., когда нумерация домов не изменялась. В отделе краеведения библиотеки им. Щедрина книгу Цылова я получил немедленно. Оказалось, что дом по Офицерской улице № 38 располагался в стыке улиц Офицерской и Большой мастерской. В плане 1849 г. это был большой двухэтажный дом с внутренним двором. Ныне же там соединенных воедино три пятиэтажных здания. У всех на стыке второго и третьего этажей следы кладки или фронтона. Ныне это дома с номером 35 и значительная часть дома с № 37. Это хорошо видно на плане, полученном по Интернету. На плане автодорог Петербурга, которым пользовался первоначально автор, там значились дома с номерами 37 и 39. Это ошибочно, но оно отражено в книге автора (6, *80*).

Кому верить, Косвену с Лавровым или Нистрему с Цыловым? Сложность в том, что книга Цылова отдана на фильмирование, а получение дел на дома в городском архиве стоит теперь немало. Чтобы получить указанные материалы нужны письма весомее, чем запросы директора института. А очень приятно было бы кавказцам, проходящим по улице Декабристов, обнаружить на здании академии физкультуры имени

[4] Еще раз большое спасибо Елене Иосифовне Красновой и профессору Владимиру Васильевичу Сотникову за любезную помощь.

Лесгафта (Декабристов, 35) или иного, памятную доску с барельефом Хан-Гирея.

Просьба власть имущим: помогите!

Аналогичная обстановка складывается и в отношении писателя Казы-Гирея, адрес которого указал Нистрем: «Гирей Кази, Султан. Л.-гв. Кавказско-горского полуэскадрона, поручик, по Графскому пер. № 5…Моск. Ч. I, кв. № 5». Это в Московской части.

В последние годы автор постоянно обращается к ученым, молодым и заслуженным, к руководителям научных учреждений, академикам и студентам с предложением объединить усилия учреждений и исследователей по сбору документальных сведений о жизни и деятельности Хан-Гирея с учетом грядущего его двухсотлетия. Нужно объединить усилия и возможности энтузиастов по всей России, а не только в Кабарде и в Адыгее. Если подходить с меркой определения Отечества по земляческому принципу, то многого добиться не удастся.

Хан-Гирей был во многом между двух сил или течений: в противоборстве России и Турции он выбрал Россию. Он был первым, кто не только обосновывал теоретически, но предпринимал практические шаги к созданию того, что ныне называется автономией. Помимо величайших его заслуг как ученого, это должно быть изучено и не забыто. Как бы то ни было, но его деятельность все же сдерживала ретивых администраторов военного направления с обеих сторон. Пять лет тому назад большой ученый Кандор рассказывал нам об автономиях Запада. Как пример он указал Уэллс, который добился права на издание книг, театральных представлений, учебы на родном языке и создание автономного образования за 13 веков. При том, что все там христиане. В России же спустя 60 лет после окончания Кавказской войны была образована Адыгейская автономная область, которая стала ныне республикой. Так

может быть нам поблагодарить за это и Хан-Гирея.

И еще. Просматривая свои статьи в журналах, я обратил внимание на работы молодых ученых о Хан-Гирее. Полностью согласен с А.Х. Шекихачевой, что работы Косвена явились благотворным стартом, с которого началось изучение жизни и деятельности просветителя. Правильно, нужно отстаивать свою обоснованную точку зрения. Но правильно ли упрекать оппонента, что он не проделал желаемую архивную работу. Указанная деятельность, между прочим, требует большой настойчивости и громадной траты времени. А теперь и средств. Говорю это по своему опыту.

Примечания:

[1] Косвен М.О. Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М. 1955. Т. I.

[2] Бурнашев В. П. Из воспоминаний Петербургского старожила // Заря, СПб, 1871, № 4.

[3] Косвен М.О. Адыгейский историк и этнограф Хан-Гирей / Этнография и история Кавказа. М. 1961. С. 184-186. Косвен в отношении присвоения отцу Хан-Гирея чина войскового старшины использовал документы РГВИА, ф. 395, оп.123/316, д. 24, 1816-1817 гг., на 9 листах. В связи с проверкой материалов по прошениям хамышеевских владельцев о приеме их в российское подданство и назначении над ними начальствующим лицом РГВИА, ф. ВУА, д. 6244, лл. 20, 44—52 и 87—95, а также копии материалов, присланных ему профессором М.В. Покровским (ныне ГАКК, ф. 250, оп. 2, д. 1578).

[4] Хашхожева Р.Х. Некоторые спорные и неизвестные страницы биографии Хан-Гирея // Вопросы Кавказской филологии и истории. Выпуск 2. Нальчик. 1994. С. 12.

[5] Вершигора А. Д. Материалы Государственного архива Краснодарского края об адыгском просветителе Хан-Гирее (1808-1842) //Информационный бюллетень управления по делам архивов Администрации Краснодарского края № 8. Краснодар. 1998.

[6] Вершигора А. Д. Хан-Гирей: новые документы и источники. Нальчик. 2003. (Научное издание)

[7] РГВИА. Ф. ВУА, д. 6244, л. 20. Рапорт генерала В.А. Перовского военному министру Чернышеву, декабрь 1829 г. С остальными листами ознакомиться не представилось возможным из-за обрыва пленки микрофильма, а также ремонтом хранилищ.

[8] Хашхожева Р.Х. указ. Соч., л. 8. РГВИА. Ф. 396, оп. 2, д. 635, л. 1.

[9] РГВИА. Ф. ВУА , д. 6244, лл. 20, 44—52 и 87—95.

[10] ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 1578. Ранее, как указывал Косвен: КГА, ф. 254, св. 2, д. 7. 1830 г.

[11] Туганов Р. У. Страницы прошлого (заметки краеведа). Нальчик, 1989 г., с. 57.

[12] Кумыков Т.Х. Хан-Гирей. Нальчик. 1968. с. 8. Документ РГИА (Петербург), ф. 1374, оп. 4, д. 320, л. 6.

[13]РГВИА. Фонд 1374. Министерство юстиции. Оп. 4. Д. 320. «Дело по отношению генерала от инфантерии Дашкова о покушении племянника Султана Али-Шеретлу Оглу Шагин-Гирея и Хаплан-Гирея бежать обратно за Кубань». Из записи на л. 3. «…В 1799 г. Султан Али Шеретлуг Оглу по высочайшему повелению переселился из-за Кубани на землю Войска Черноморского на постоянное жительство. Учинил в 1800 году верноподданническую присягу с его родственниками и другим народом. После чего, когда двоюродный брат его Магмет-Гирей помре, то оставшиеся два сына его Шаган-Гирей, 22-х и Хаплан-Гирей 20-ти лет…(пытались бежать на левый берег Кубани). На листе 6 прокурор Черноморского войска в рапорте в столицу Аполлону Дашкову сообщал, что Шагин-Гирей и Хаплан-Гирей раскаялись в соеденном и императором Павлом прощены. Никакого преследования к ним за содеянное нет.

[14]Короленко П.П. Горские поселенцы в Черномории // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар. 1902.

[15]Короленко П.П. Записка о Черкесах. Материалы по изучению Кубанской области // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Том 2. Нальчик. 2001. с. 204.

[16]ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 383.

[17]Вершигора А.Д. Хан-Гирей (1808-1842). Неизвестные страницы жизни и деятельности // Журнал “Научная мысль Кавказа”. Ростов-на-Дону, 2001, № 2, с. 79-88. (Заголовок автора: “Хан-Гирей (1808-1842). О некоторых спорных и неизвестных страницах жизни и деятельности”. Текст рукописи был сокращен).

[18]ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 5. О перепуске бывшим командиром 10-го пешего полка войсковым старшиною Вербицким людей войскового старшины Ханука с сеном в противность предписанию Главнокомандующего. Л. 50. Письмо Султана Магамчерия Ханука генералу М.Г. Власову. Письмо заверено личной печатью Магмет-Гирея, представляющую собой окружность с переплетающимися латинскими буквами *S* и *M*, украшенных завитушками

Ю. А. Кудаев

Отображение культа животных в сказаниях и легендах народов Северного Кавказа

На протяжении многих столетий религия играла огромную роль в духовной жизни общества. Возникновение религиозных верований в эпоху формирования человеческого общества было исторической необходимостью. Неумение объяснить многие явления природы, а также круговорот жизни, порождало в людях страх. «Страх породил богов», – такова известная формулировка религиозных деятелей всех времен и народов.

В глубокой древности человек и не думал отделять себя от природы, но это не значит, что он не стремился понять и объяснить мир, в котором жил. Одним из первых способов подобного объяснения стало перенесение человеком своих собственных свойств на окружающий мир.

Почитание природы имело для адыгов большое значение. Обращаясь к ней, человек подчеркивал свою зависимость от нее и всячески старался ее умилостивить.

С эпохи первобытнообщинного строя у жителей Северного Кавказа, как и у других народов, был сильно развит культ животных, который продолжил свое существование и в средние века.

Животные становятся основными мотивами украшений оружия и конского убора. В развитом средневековье, адыги, начинают украшать изображением зверей одежду и посуду.

Наиболее распространенной была группа диких зверей – лев, барс, пантера, тигр, олень, заяц, собака, медведь. Это можно объяснить симпатией народа к сильным, красивым, бесстрашным, ловким хищникам. Менее значительная группа – грифоны, драконы, а также далекие южные

птицы – цесарка, павлин.[i] Образы диких зверей вдохновляли адыгов к военным действиям и охоте[ii].

В волшебных сказках адыгов обнаруживаются различные следы почитания животных (рождение или воспитание персонажей животными, их помощь героям, превращение в них человека). Следы магии, анимизма, тотемизма меньше всего отразились в представлениях об ином мире, куда попадает герой. Такие верования существовали и у других народов, в частности, у восточных славян. Наряду с обожествлением сил природы, у адыгов существовали обряды, связанные с дикими животными, которые были неотъемлемой частью адыгской торевтики и фольклора. Наиболее популярными героями адыгских сказок были – лиса, заяц, волк. Каждого из них люди наделяли характерными для них чертами. Лиса – хитрая, ловкая. Волк – вечно голодный, бесхитростный, легко поддается влиянию хитрой лисы или сильного медведя. Заяц – трус. В адыгских сказках животные ведут себя так же, как и люди, имеют такие же слабости и недостатки. В сказках сохранились отзвуки веры людей в то, что животные, как и люди, могут разговаривать – их язык дано понимать лишь тому, кто оказал животному какую-то услугу.

Изображение диких зверей хочется рассматривать как героическую символику, а также как символы, имеющие магическую силу. Так, существовало поверье, что коготь медведя, постоянно находившийся при человеке, может спасти его от сглаза или травмы.

Почитание медведя нашло отображение в топонимистических названиях. В частности, левый приток реки Белой называется – МЫШЪЭ – медведь, КЪО – долина, «Медвежья долина», «Долина медведей»[iii]. Медведи были частыми героями адыгских народных сказок. В них они выступают как помощники человека – помогают пахать, заготавливают дрова на зиму, охраняют пасеки. И везде у зверя с человеком хорошие, дружеские отношения.

Батыр, сын медведя

В одном ауле жили муж с женой. Дожили они до старости, а детей у них не было. И вдруг родился у них мальчик.

— Коли пришло нам счастье на старости лет, будем растить мальчика не в обычной колыбели — сделаем ее из бузины, — решили старики и отправились в лес. Они взяли с собой и ребенка. Оставили его на лесной поляне, а сами пошли в чащу.

В это время из лесу вышел медведь. Схватил он ребенка и скрылся в кустах.

Медведь стал растить младенца. Кормил он его только оленьим жиром да свежим медом. Мальчик рос день ото дня, и медведь назвал его Батыром.

Когда Батыр подрос, медведь вывел его из берлоги и подвел к большой чинаре.

— Вырви это дерево с корнем, — сказал он. Батыр взялся за дерево, стал тянуть его, раскачивать в разные стороны, но вырвать не смог.

— Пойдем обратно в берлогу, ты еще не стал мужчиной! — сказал медведь и повел Батыра обратно в берлогу.

Стал он давать ему еще больше оленьего жиру и меду. Когда прошел год, медведь опять вывел мальчика из берлоги.

Снова подвел он его к большой чинаре и сказал:

— Вырви это дерево с корнем и посади верхушкой в землю. Батыр взялся за дерево и вытащил его с корнем и посадил верхушкой в землю.

— Вот теперь ты стал настоящим мужчиной, — сказал медведь, — пойдем домой.

Он завел юношу в берлогу и достал какие-то лохмотья.

— Теперь послушай меня, Батыр, — сказал он. — Твои отец и мать живут в ближайшем ауле. Пойдешь прямо по этой тропинке и придешь в

свой аул. Заходи в каждый дом и показывай эти лохмотья, тот, кто узнает их, — твой отец.

Взял Батыр лохмотья и отправился в аул. Он подошел к мужчинам и показал им лохмотья. Они переходили из рук в руки и наконец попали к отцу Батыра. Он сразу узнал пеленки, в которые был завернут его сын, обнял юношу и повел его домой.

Стал Батыр жить в ауле. Вместе с отцом он работал в поле, а вскоре хабар, о необыкновенной силе молодого джигита, разнесся по всему аулу.

Много подвигов совершил Батыр, уничтожая на своем пути врагов и предателей, помогая бедным и обездоленным.[iv]

Части медведя – когти, зубы, шерсть и другие – употреблялись у народов Северного Кавказа в качестве амулетов. Использование частей медвежьего тела как оберегов, ведет свое начало еще с древнейших времен. Так. В одном из женских погребений на Псекупском могильнике №1 было найдено украшение (?) из когтя медведя оправленного в бронзу.[v] Многие народы Северного Кавказа верили, что прибитый к косяку дома клык или коготь сохранит дом от проникновения злых духов, а повешенные медвежьи предметы над колыбелью ребенка оградят его от сглаза. Некоторые вешали медвежью лапу в хлевах и конюшнях, чтобы скот лучше размножался.

В некоторых обрядах северокавказских народов существовал культ медведя. Так медведя изображали в свадебных обрядах и в «чапще» – обряде у постели тяжело раненного, где разыгрывались целые театрализованные представления игр в медведя[vi]. Убийство медведя рассматривалось как убийство человека в порядке необходимой самообороны. В этом случае, тело медведя предавалось земле, т. е. устраивались похороны как человека.

Жизнь адыгов и их предков постоянно была связана с конем. Культ

коня мог развиться только в племенных образованиях. Почвой для его всеохватывающего развития могла служить только героическая эпоха, военная демократия, а не узкий хозяйственный уклад первобытного рода.

В мифологии и фольклоре адыгов конь занимает исключительно важное и почетное место. В нартских сказаниях и героических песнях постоянно присутствует конь. Нет, пожалуй, ни одного произведения, относящегося к, этим жанрам, где коню не уделялось бы особого внимания. Герой нередко отождествляется с его конем, которому порою уделяется не меньше внимания, чем его хозяину. Нередко конь выступает советчиком и даже спасителем своего седока.

Культ коня у адыгов связан и с космогоническими представлениями. Считалось, в частности, что во время грозы: громовержец Шибле скачет по небу на вороном жеребце, и что раскаты грома не что иное, как отзвуки его небесной джигитовки[vii]. Культ коня и наездничества выступает с необыкновенной силой в нартском эпосе. Здесь почти все подвиги совершаются героями при самом активном участии их коней.

Особенно ярко, с большой эмоциональной выразительностью культ коня выступает в сказании «Бой Сосруко с Тотрешем».

Сосруко, рыская по степным просторам Арыка и Тамани, встречает одинокого всадника. Не зная, кто он родом, но, желая испытать себя, чтобы померяться с ним силами, он вступает в борьбу с ним. Одиноким всадником оказывается Тотреш, который с охотой принимает бой и заставляет Сосруко, сбив его с коня, «вспахать плечом семь полос земли, да так, что пот, словно из восьми волов, со лба его выгнал». Сосруко, вернувшись домой, отказывается рассказать, матери Сатаней о приключившемся с ним происшествии.

Узнав, что соперником Сосруко оказался Тотреш, Сатаней идет к коню сына, и они вдвоем договариваются, как одолеть этого страшного всему нартскому роду богатыря. Конь Тхожей, обращаясь к Сатаней,

говорит:

Наша мать, Сатаней,

Овсом-сеном покорми ты меня,

Заставь колья ясель грызть,

Удилами жесткими зануздай ты меня,

Сто орлов и сто собак пусть вослед (мне),

Сто колокольчиков нацепи на меня,

Все неровности на земле смети,

О, наша мать, Сатаней,

Тогда, если я твоему единственному сыну

Не дам принести голову врага,

То отдай меня на съедение собакам!

А Сосруко, обиженный приключившейся неудачей, спрашивает своего коня Тхожея:

Скажи мне, конь,

Вчерашнее горе — только мое горе,

Вчерашний позор — только мой позор?

И Тхожей отвечает:

Гей, Сосруко, пастуший сын,

Я стоял на лугу, где трава, как звезды,

Но не тронул я травинки,

Я стоял у холодного родника,

Но не выпил и глотка.

Во вчерашнем горе и позоре

Я больше повинен[viii].

Сатаней вместе с нартскими девушками снаряжает Тхожея на бой с Тотрешем. Она увешивает Тхожея сотней колокольчиков, дает ему сто орлов и сто собак. Выехав на условленное место поединка — к Харама-горе, — Сосрука видит поджидающего его Тотреша. По совету матери,

Сосруко насылает туман и тучи на богатыря. Орлы клюют голову коня Тотреша, а собаки хватают его за ляжки, а от звона колокольчиков конь пугается и поворачивает назад. Тотреш в гневе проклинает своего Альпа и, потянув в ярости поводья, раздирает его надвое. Оказавшегося без коня, Тотреша Сосруко легко побеждает.

В адыгском фольклоре имеется сказание, утверждающее, что где-то между Анапой и Суджук – Кале лежит огромный камень, именуемый «вороным конем Байкана». А в верховьях Кубани, по левому ее берегу, в районе урочища Карагинта до сих пор показывают на кремового цвета скальный камень необычайной величины, называемый местным населением «местом джигитовки коня Сосруко».

Причем, как утверждают очевидцы, на этой каменной громаде есть следы от копыт коня Сосруко[ix].

Многие географические места, по легендам, связывались с конями.

Мимо ст. Георгиевской проходит «Хребет старой кобылы».

Легенда гласит, что в далеком прошлом здесь, на вершине хребта, настигли похитителей невесты. Кобылу, на которой сидели невеста с юношей, ускоренными шагами заставили напрямик подняться на вершину хребта. Лошадь не выдержала крутого подъема и пала. Оставшиеся без средства передвижения были настигнуты преследователями и жестоко наказаны. Это событие будто, и легло в основу образования топонима[x].

В адыгском песенном фольклоре мы очень часто встречаемся с возвеличиванием коня. Порою героические деяния человека передаются посредством идеализации его коня. В одной песне поется:

У Индыла глаза выкатываются (Смысл: река разлилась),

Перескочив (на коне реку), табуны коней перегоняет[xi].

Коню посвящали песни, хохи, сказания и легенды, специальные мелодии *(шыгъэджэгу* — джигитовка коня; дословно — игра (танец) лошади), а также восхвалительные речитативы, посвященные коню. Из

этого репертуара до нас дошли отдельные фрагменты:

Боже наш, бог великий,

Обладатель силы и сочувствия, даруй нам:

Мерина буланого с бурыми бедрами,

Высоко держащего голову,

Хвост (игриво) вздувающего,

Себя подобно князя (чтобы) не мог (его) догнать,

(Если) в путь-охоту отправится —

(Чтобы) восемьдесят раз по тысяче парчу (атласную) приносил.

И (чтобы) у очага добро (это) сваливал[xii].

Некоторые места гибели известных наездников вместе со своими конями становились для населения священными.

Севернее а. Понежукая находится местность под названием «ЦIыкIужъые ишышIоIу» (Коновязь Цикужия». Легенда гласит, что от рук байколов князя здесь погиб прославленный наездник Цикужий. На месте гибели в память Цикужия народ поставил коновязь. Каждый проходивший наездник в знак уважения к усопшему спешивался и проходил мимо коновязи пешком[xiii].

Культ коня, сформировавшийся в эпоху первобытнообщинного строя, оказал своеобразное влияние на фольклор народов Северного Кавказа. В средние века во всех сказаниях и легендах главным героев выступает теперь вооруженный всадник.

В фольклоре народов Северного Кавказа самыми популярными хищниками были — лев, барс, пантера и тигр. Причем барс, в те времена, водился на Северо – Западном Кавказе (последний представитель данного хищника исчез из заповедника в середине 50-х – начале 60-х годов XX в.). Если тигр мог еще встречаться, то лев, да и пантера были знакомы торевтам только по рассказам. Барс – хищник очень популярный на Кавказе в фольклоре, литературе, изобразительном искусстве. У грузин с

барсами сравнивали самых опытных и мужественных воинов. В нартском эпосе адыгов неоднократно упоминается Барсово поле (Барсгубгъэ), где происходили битвы и где проявляли чудеса героизма нартские богатыри[xiv].

Изображений льва не меньше, чем барса. Но лев популярен в искусстве во всех странах мира. Упоминание о слонах, львах, крокодилах и прочих экзотических животных, не обитавших на Кавказе, характерны для фольклоров народов Кавказа. Эту особенность его в прошлом веке отметил известный кавказовед П.К. Услар: «Несмотря на незнание или полузнание горцами и львов и орлов, и львы и орлы часто уподоблялись ими для сравнения»[xv]. И, несмотря на это, львы становились героями сказок, попадая, зачастую в неловкое положение.

Человек и лев

Как сказывают-пересказывают, собрались звери на совет, чтобы решить, кого каким достоинством наделить. И порешили они так:

«Тебе, лиса, мы отдаем хитрость. Пусть она выручает тебя в опасности!»

«Тебе, волк, отдадим жадность. Пожирая все, что попадется, будешь жить в лесу, нагоняя страх на все живое».

«А кому отдадим ловкость и силу и кого поставим над всеми зверьми?» — спросили они друг у друга.

«Ловкость и силу отдадим льву, его назначим князем над князьями. Будешь ты, лев, сильнее всех», — сказали льву.

«Ну, а ум и смекалку кому отдадим?» — стали совещаться они. «Ум и смекалку отдадим человеку! Иначе не сможет человек жить, так как сил у него немного», — сказал лев.

— Нет, не отдавай смекалку человеку! — вскричала лиса.

— Почему не отдавать?

— Не отдавайте ум и смекалку человеку. Если это отдадите ему, он доберется и до нас. Нам всем житья не будет от него. И лес, и степь, и нас всех приберет он к своим рукам.

— Ум и смекалку отдадим человеку, я отвечаю за это! — настоял лев. — Если сила и ловкость в моих руках, то чего стоят ум и смекалка? Прыгнуть и прихлопнуть его — только и всего! А это только зависит от меня.

Так и порешили. Не успели звери еще разойтись, как они увидели в лесу старика, который обтесывал колья.

— Вот как раз первый человек, которого я благодаря своей силе и ловкости уничтожу. Он — моя первая закуска, — сказал лев и направился к старику.

Старик, увидев приближающегося льва, присел на колья, которые обтесывал. А когда лев подошел, старик громко засмеялся.

— Почему смеешься, человек? Я пришел тебя съесть! — проревел лев.

— Я смеюсь над твоей глупостью, — ответил старик. — Я подумал: у столь могущественного и сильного льва будет много врагов; построю-ка ему крепкое убежище, чтобы он мог в нем укрыться, когда враги обрушатся на него. Думаю: покажу и мой ум, и мое мастерство. Вот я и пришел плотничать для тебя, а ты собираешься съесть меня! Вот почему я смеюсь.

— Этого я не знал! Хорошо. Тогда продолжай делать убежище для меня! — снисходительно сказал лев.

Маленький плотник встал и построил крепкую и высокую загородку,

— Теперь зайди в убежище и проверь, князь-лев, в пору ли оно тебе? — предложил старичок. Лев зашел в загородку.

— Как, видно меня? — спросил лев.

— Немного прибери хвост, а то видно, — сказал старичок, и лев прибрал хвост.

Старичок закрыл дверь укрытия и крепко запер льва.

— Вот, князь зверей, одной силой ничего не сделаешь, если нет у тебя ума и смекалки! — снова засмеялся старик. Лев стал звать своих друзей, реветь и рычать.

— Аллах! — закричали звери. — От того, кто поймал льва и заставляет его так реветь, нам не спастись! Если только сунемся на выручку льва, человек и нас поймает. — Разбежались они и с тех пор избегают человека[xvi].

В фольклоре многих народов, народы Северного Кавказа не исключение, существуют сказания о воспитании дикими животными человеческих детей. В таких произведениях отражаются древнейшие представления о связи человека с тотемным животным. В сказке «Асланукo – сын львицы» мотив рождения человека от зверя сильно затемнен, но, тем не менее, связь главного героя с животным миром прослеживается до конца, в результате, такая концовка.

Асланукo — сын львицы

У одного пши был человек, который принимал кожи убитых зверей от всех охотников — подданных пши. Однажды он сказал пши, что один из охотников всегда добывает шкуры диковинных зверей.

— Когда он еще принесет шкуры, скажи ему, чтобы зашел ко мне,— велел пши.

Однажды пришел охотник к пши — тот встретил его приветливо.

— Заходи, заходи,— сказал он.— Садись, я хочу, чтобы ты рассказал мне самое интересное из того, что приключилось с тобой на охоте.

Подумал охотник и начал свой рассказ:

— Каждый день на рассвете на лесную поляну выходит львица, а вместе с ней мальчик. Они пересекают поляну и заходят в лес. Много раз видел я их, но не решался выстрелить — жалко было убить и мальчика и львицу. Это — самое интересное из того, что я видел на охоте.

— Тогда ты поймай этого мальчика живым и доставь его ко мне — не поймаешь, велю тебя убить, — сказал пши.

— Как я его поймаю: если побегу — не догоню, а коли выстрелю — убью, — отвечал охотник.

— Поймай, как хочешь, но приведи ко мне мальчика живым, — велел пши.

— Тогда и ты помоги мне. Львица выходит из лесу всегда по одной дороге. Надо всю поляну обложить соломой, оставив только путь, по которому она идет. Через каждые три шага надо поставить людей. Я сяду около дороги, на которую выйдет львица, и, когда она будет на поляне, я выстрелю, а все должны будут поджечь солому в тот же миг, как раздастся мой выстрел. Если в этот раз не смогу поймать мальчика, — значит, мне никогда этого не сделать.

Пши приказал сделать так, как сказал охотник.

Львица бросалась в разные стороны, но, убедившись, что огонь пылает со всех сторон, кинулась в пламя и ушла. Мальчик же боялся и огня и людей. Он стал метаться по поляне, и в это время его поймали.

Привезли сына львицы в аул, сделали для него клетку и посадили туда. Его хорошо кормили, но никогда не выпускали на волю. С сыном львицы — в ауле его стали звать Аслануко — познакомился и вскоре подружился сын пши. Каждый день он подходил к клетке и разговаривал с пленником. Однажды Аслануко сказал:

— Ты знаешь, что твой отец сделает все, о чем ты попросишь. Пусть он разрешит выпускать меня на день из клетки — мы будем с тобой

хорошо играть.

— Вели, отец, выпускать Аслануко на день из клетки — мы с ним будем играть. По вечерам он будет возвращаться в клетку, — сказал сын пши.

Пши рассердился и ответил, что нельзя выпускать сына львицы из клетки — он всех может погубить.

Горько заплакал сын. Тогда отец дал ему ключи и сказал:

— На, возьми ключи и сам выпускай сына львицы.

Мальчик тут же прибежал к клетке, открыл замок и выпустил Аслануко. Днем они играли во дворе, а вечером сын львицы возвращался в клетку. Так продолжалось довольно долго.

— Не годится, что мы только так играем. Если бы у нас была гиря в пять пудов, я научил бы тебя более интересной игре. Скажи отцу, пусть он велит кузнецам сделать для нас пятипудовую гирю, — сказал однажды Аслануко.

Снова пошел мальчик к отцу и сказал ему:

— Вели кузнецам сделать для нас пятипудовую гирю!

Пши велел сделать им гирю. Когда пятипудовая гиря была готова, мальчики играли с ней, и сын пши скоро стал подбрасывать ее одной рукой, словно пушинку.

— Теперь эта гиря уже не годится, пусть сделают нам двадцатипудовую гирю, — сказал тогда Аслануко. Снова пришел сын пши к отцу и сказал ему:

— Та гиря уже не годится — слишком она маленькая, вели сделать для нас двадцатипудовую гирю.

Пши, с ворчанием, приказал сделать для него такую гирю. Когда гиря была готова, никто не смог принести или привезти ее в аул. Мальчики пошли в кузню и сами принесли гирю, стали с ней играть.

Однажды Аслануко слишком далеко кинул гирю, и она разнесла

забор, которым был огорожен двор в пять десятин.

— Больше мы не будем играть гирей, — сказал после этого сын львицы. — Попроси отца, чтобы он разрешил нам выезжать из аула — он ведь тебе ни в чем не откажет.

Пошел сын пши к отцу, попросил у него разрешения выезжать вместе с сыном львицы из аула.

Стали друзья ездить в разные края. Однажды сын львицы сказал сыну пши:

— На востоке живет красивая девушка — красивей ее нет на этом свете. Многие джигиты хотели жениться на ней, но кто бы к ней ни отправился, доехать не смог: никому не удалось пройти мимо иныжей, а кто миновал иныжей, не смог пройти мимо нагучиц. И твой отец много раз отправлялся за ней, но не смог добыть ее. Я женю тебя на ней.

Согласился сын пши. Асланукo взял двадцатипудовую гирю, и они отправились в путь. Когда достигли они края иныжей, заехали к трем братьям – иныжам. Обрадовались иныжи гостю.

Три дня и три ночи пировали друзья у иныжей, а на четвертое утро отправились в путь. Вскоре приехали они к четырем братьям – иныжам.

Три дня и три ночи пировали друзья у иныжей, а на четвертое утро выехали в путь. Вскоре приехали они к семи братьям – иныжам.

Щедро угостили их, оказали большие почести. Погостили друзья у иныжей три дня и три ночи, а на четвертое утро Асланукo сказал:

— Своего тхамату я оставлю у вас. Если узнаю, что вы чем-то его обидели, не пощажу никого из вашего рода. Через три недели я вернусь.

Отправился Асланукo в путь и приехал в край нагучиц. Первой ему встретилась самая старая нагучица — пши нагучиц. Он незаметно подкрался к ней и приложился к ее груди.

— Ты моя мать и отец на этом и на том свете, — сказал Асланукo.

Старуха-нагучица закричала:

— Пусть бог отнимет глаза, которые тебя не увидели, пусть оглохнут уши, которые тебя не услышали! В нашем краю до сих пор не было маленьких людей. Откуда ты взялся?

Асланукo рассказал ей о цели своего прихода, и она пригласила его в дом. Пробыл он у нагучицы десять дней и ночей.

— Теперь делать уже нечего — видно, суждено тебе добыть красавицу, я сама пойду и узнаю, как это можно сделать.

Сказав так, старуха-нагучица пошла и не возвращалась три дня и три ночи. Она узнала, что девушку зорко охраняет стража — только иногда ее выпускают из дома, и в этот момент ее можно похитить.

Узнав обо всем, вернулась нагучица, и они стали с Асланукo готовиться к похищению девушки. Асланукo сделал все так, как сказала нагучица, и увез красавицу. Отдохнул он три дня у нагучицы и отправился в обратный путь.

Когда Асланукo вернулся, иныжи вышли ему навстречу и на руках внесли в дом его красавицу невесту.

Они устроили семидневное джегу в честь Асланукo. После окончания джегу, друзья пустились в обратный путь. Хозяева сопровождали их, пока они не покинули страну иныжей.

Когда приехали они в родной аул, здесь им устроили семидневный пир.

Зажил пши с молодой женой счастливо, а сын львицы по-прежнему был ему верным другом.

Прошло много лет, и однажды сын пши сказал Асланукo:

— Ты женил меня, надо и тебе жениться.

— Нет, я не женюсь. Если хочешь сделать для меня доброе дело, отпусти меня в лес, — сказал Асланукo.

— Как ты можешь так говорить, ты всегда свободен, если захочешь!

— Нет, я должен был всю жизнь просидеть в клетке. Ты меня освободил, а я спас тебя от гибели. Если теперь ты разрешишь, я уйду в лес, и мы никогда не увидимся, — сказал Асланук.

— Если хочешь уйти, счастливого тебе пути! Возьми из того, что у нас есть, все, что хочешь.

— Мне ничего не нужно,— сказал сын львицы. Друзья попрощались, и Асланук ушел в лес.

Наверное, ни один представитель животного мира не пользовался с древнейших времен такой популярностью, как змеи. Достаточно вспомнить библейского змея-искусителя, повлекшего свержение на землю людей из райских кущ. И в дальнейшем змеи продолжали оставаться героями многочисленных легенд и сказаний (Индия, Египет). Народ наделял их такими эпитетами, как «мудрый», «расчетливый» и другими.

Культ змеи довольно долго просуществовал у северокавказских народов. Появление ужа в огороде, устройство им гнезда под стенами дома или сарая, считалось за доброе предзнаменование, а другие змеи уничтожались. По народным поверьям, ужа нельзя было убить.

У адыгов, как и у других народов, ядовитые змеи вызывали отвращение и суеверный страх, в то время как безвредные – благожелательное расположение и жалость.

Представители первого рода нашли свое отражение в песнях – заклинаниях:

Хутэ – хутэ, сын Дея,

Твой сын золотом извивается,

Твоя мать сидит на иноходце,

Горный колодец заставляю бурлить.

Мои сухожилия сильнее твоих,

Неужели твой дух сильнее моего.

Подползаю к блепш,

Блепш, выползай,

Поборемся, длиннотелый,

Поборемся – одолею,

Иди своей дорогой,

Иду своей дорогой.

Друг с другом не будем драться,

Будем друг друга почитать,

Твое дело – мне приятно,

Воспитанник, Гуахътыра.

Старики говорили, что при встрече человека с ядовитой змеей, даже солнце останавливалось, чтобы проследить: убьет он ее или нет.

Из поколения в поколение передаются сведения, что в старину существовал змеиный язык, на котором люди разговаривали с рептилиями. Этот язык служил, как бы, для усмирения и задабривания змей.

Змея – благодетельница

Ехал как-то один абхаз лесом. И тут заметил горящий кустарник. Оттуда раздавалось шипение змеи. Всадник подъехал поближе и ударил кнутом по кусту; змея схватилась за конец кнута и выползла из огня.

— Чего ты хочешь в награду? — спросила она.

— Богатства, счастливой жизни, — ответил всадник.

— Проси больше, — сказала змея.

— А я не знаю, чего просить. Тогда змея сказала:

— У нашей сестры есть волшебное кольцо. Если будешь обладать им, заимеешь все, чего пожелаешь. Но чтобы ты смог добыть кольцо, я должна подуть на тебя три раза. Если я при этом не удержусь и влезу в тебя, достань скорее кусок свинины, поешь, и я тут же вылезу.

Подула змея раз, два, а на третий влезла в человека.

Всадник опрометью помчался к ближайшему селению. Вошел в дом, нашел свинину и съел. Тут змея и выползла из его глотки. Хозяева дома, увидев змею, решили убить ее, но всадник не позволил:

— Это мой гость, моя благодетельница[xvii].

Другая песня – «лечение человека, укушенного змеей», является однородной по содержанию:

Фыртэ, фыртэ, сын Фыртэща,
Сын фырта сидит на астрогале,
Горный колодец заставляю бурлить,
Мой дух сильнее твоего,
Моя сила больше твоей.
Мне известно твое местожительство,
Многих змей накачал воздухом.
А блепш от этого лопнул,
И тебя заставлю лопнуть
Это я дую на тебя,
А не укушенный тобой.

Этой песней адыги пытались воздействовать на болезнь человека укушенного змеей.

Как и другие животные, змеи пользовались «популярностью» у народов Кавказа в качестве амулетов и оберегов. Доктор Яшвили писал, что «язык змей способствует излечению лихорадок и горячек. Нужно вырвать язык у живой змеи, завернуть в чистый холст и повесить больному на шею»[xviii]. По другим поверьям, чтобы избегнуть быть укушенным змеей, следует носить в шапке ее шкуру. По мнению знахарей г. Майкопа, начала XX в., «лихорадка пройдет, если привяжешь к кресту кусочек змеиной шкурки». И еще, « чтобы в кошельке всегда были деньги, надо туда

положить кусочек змеиной шкуры.»[xix] Змея, вселяющая страх в человека, по мнению народа, должна была наводить страх и на злых духов.

С древнейших времен человек почитал оленя – это красивое и благородное животное. В бронзовой пластике Майкопского кургана есть изображение божества между ушами оленя, а в торевтике Северного Кавказа скифского времени имеются изображения божества между рогами его. Не случайно в изображении «Святого Евстафия на охоте», найденного в Абхазии вблизи храма у ст. Ольгинской, между рогами оленя, изображена голова Христа.

Храм священного быка

Охотился как-то князь в горах и подстрелил из лука благородного оленя. Однако раненому зверю удалось скрыться в чаще леса. Князь отправился по кровавому следу, который привел его в священную рощу. С незапамятных времен возвышались здесь развалины древнего святилища. Там и нашел князь раненого оленя. Животное покорно стояло, положив голову на алтарь. Хотел было князь добить зверя, но тут заметил на каменном алтаре крест. Тогда понял князь, что сам святой Георгии взял под свою защиту оленя. Князь отпустил оленя, а на этом месте приказал построить храм в честь святого Георгия[xx].

Проникновение на Северный Кавказ христианства не могло искоренить существовавшие у местного населения пантеистические верования. Они продолжали существовать. На лицо наблюдается синкретизм элементов христианства с языческими, причем из христианских принимались только те элементы, которые не играли ведущую роль над местными языческими традициями.

Одна из крупнейших рек Адыгеи, Белая, также имеет непосредственное отношение к этим благородным животным. Адыгейское

название реки «Шъхьагуащэ» Меретуков К.Х. трактует как *шъыхьэ – «олень»* и *гуащэ – «покровитель»,* т.е. «Богиня оленей».

По поводу возникновения названия реки *Шъхьагуащэ* в народе бытует следующая легенда.

В далекие времена в верховьях этой реки проживал старый князь *Мышеост,* у которого была лишь одна дочь *Нафисет.* Своей красотой и умом она прославилась и знали о ней во многих других местах. Этим и гордился князь. Незаметно для старика пришла пора выдать *Нафисет* замуж. Князь пригласил на состязание удалых юных всадников. *Мышеост* решил выдать свою дочь наиболее храброму, проворному джигиту. Княжескую дочь посадили на самом хорошо обозреваемом месте *(махътэ).* Она должна была выбрать жениха и сообщить об этом отцу.

Состязания прошли в упорной борьбе. Юноши не щадили себя. Многие из них с успехом справились с поставленными условиями. Но дочь молчала. Князь с нетерпением ожидал от нее сообщения об избранном женихе. Наконец дочь известила отца, что из собранных им молодых джигитов никто ей не пришелся по сердцу. Старик задумался. Пока он был еще жив, хотелось ему найти достойного жениха своей красавице-дочери.

Но вот однажды в полночь старика разбудил лай собаки. Князь вышел во двор. Среди лунной ночи он заметил женскую фигуру у плетня: это была его дочь. *Нафисет* разговаривала с молодым человеком, стоявшим по ту сторону изгороди. Это был княжеский пастух *Келемет.* Оскорбленный старик утром пригласил пастуха-жениха и приказал ему оставить в покое княжескую дочь. *Келемет* сообщил князю, что слишком любит его дочь. То же самое подтвердила *Нафисет* и добавила, что если она не выйдет за него замуж, то покончит с собой.

Это смелое заявление *Нафисет* окончательно рассердило князя. Он приказал зашить в кожаный мешок и бросить их в реку. Так и сделали. Но, когда слуга дошивал, он бросил нож через недошитое отверстие в мешок.

Мешок с влюбленными долго носился в воде. Зацепившись за сучок коряги, он пристал к берегу. *Келемет* разрезал его, и они вышли на берег. Кругом тишина, дремучие леса. В чаще леса они соорудили шалаш и стали в нем жить. *Нафисет* доила лесных оленей *(шъыхь)*. Келемет занимался рыбной ловлей. Местность, где был расположен шалаш двух влюбленных, постепенно превратилась в стоянку оленей. И среди них княгиней оленей *(шъыхьэгуащэ)* была сама *Нафисет*.

Как-то раз *Келемет* встретился в лесу с неизвестными людьми. Они искали оленьего молока. Он привел их к себе. *Нафисет* позвала своих оленей, надоила молока и передала искателям. По разговору мужчин она догадалась, что ее отец уже в преклонном возрасте, умирает в бреду, называя имя своей дочери. *Нафисет* и *Келемет* присоединились к ним, отправились домой. Умирающий отец, увидев дочь свою, благословил их и остались они жить у него.

В этой легенде Нафисет выступает как «Богиня оленей», т. е. *Шъыхьэгуащэ*.[xxi]

Как уже отмечалось выше, незначительную группу представителей животного мира составляли далекие южные птицы – цесарка, павлин. В сказаниях их наделяли мудростью и прозорливостью. Так, в сказке **«Дудукуш»**, главным действующим лицом выступает павлин. Вкратце приведу ее содержание: «Молодой человек купил на базаре птицу – павлина, по имени Дудукуш. Птица помогает юноше устроить свою жизнь, жениться на красивой девушке. Однажды, когда муж был в отъезде, к молодой жене повадился ходить влюбленный в нее юноша. Каждый вечер, когда влюбленный приходил на свидание, женщина отправлялась к Дудукуш, чтобы посоветоваться с ней, а та начинала рассказывать ей разные истории и удерживала ее до рассвета. Так прошло тридцать ночей, пока не вернулся муж.

Так ум Дудукуш сберег честь молодой женщины»[xxii].

У многих народов павлин – символ бессмертия. По преданию древних, его тело после смерти не подлежит тлению. С зарождением и распространением христианства, отношение к смерти у первых христиан было светлым и радостным, потому что её освещала вера в воскресение Христа и уверенность, что они воскреснут вместе с ним. Христиане были убеждены, что переходя рубеж смерти, они входят в жизнь, в Царство Божие, в рай, устроенный как прекрасный сад, в котором водятся райские птицы, подобные павлину. Отсюда такое отношение к этой птице.

Отмечу, что появление в сказках и легендах южных птиц редкость, но в торевтике северокавказских народов они представлены широко. Их изображением украшали пояса, бляшки, золотошвеи вышивали их изображение золотом и серебром на одеждах.

Популярная героиня сказок народов Северного Кавказа – лиса. Человек наделил ее такими чертами характера, как хитрость, ловкость, ум, изворотливость.

Волк и лисичка

Жили по соседству волк и лисичка. Раз пошли они вместе на раздобытки и в пути встретили возчика, который вез бочку меда.

Посоветовались волк с лисой, захотелось им медком полакомиться, и решили: «Пригласим его отдохнуть, а сами попробуем медку».

Пошли они за возчиком. Поговорили с ним, он и остановился отдохнуть. ,

Пока возчик и волк разговаривали, лиса незаметно отошла. Подкралась она к бочке, прогрызла в ней дыру, наелась меду.

Вернулась она и стала разговаривать с возчиком. А волку тихонько сказала, тот пошел и тоже попробовал немного.

Потом лисичка второй раз изрядно отбавила бочку.

Так они чередовались с волком, пока дочиста не вылизали весь мед.

Подошел хозяин к бочке, а она пуста.

— Это никуда не годится! Виновник пропажи кто-то из вас! — пристал он к волку и лисичке.

— Тогда сделаем так, — сказала лисичка, — все трое ляжем на солнце и поспим. От солнца мед выступит на теле того, кто его скушал.

— Давайте спать, — согласились те.

Когда волк и возчик уснули, лисичка встала, пока все не проснулись, вымазала медом шерсть волка. Потом она крикнула:

— Эй, вставайте!

Те встали и смотрят, а мед так и течет с волка!

— Ну, что теперь скажешь: кто съел мед? — спросила лисичка.

— Что ж, наверное, я съел, — признался волк.

И возчик до полусмерти избил волка.

Лиса, в сказках, отвечает человеку добротой на доброту. В сказке «Грозный Птыху – князь» именно так и было. Сюжет сказки очень напоминает сказку Ш. Перро «Кот в сапогах»: «Бедный плотник спас убегающую от охотников лису. В благодарность за свое спасение лиса женила его, грозного Птыху – князя, на дочери князя. Все богатство, которое оказалось у бедного плотника, лиса хитростью завладела у грозного великана, уничтожив его при этом. Так добрый плотник сделался грозным Птыху – князем. Имея все, что ему было нужно, жил он со своей красавицей женой, счастливо до старости лет. Лисичка оставалась у них, и они ухаживали за ней и лелеяли ее».[xxiii]

Другим героем сказаний и легенд был волк. Это – вечно голодный, бесхитростный, легко поддается влиянию хитрой лисы или сильного медведя.

Волк и мул

Шел мелкий дождь, и волк сидел в дупле большого дерева. Лишь одна голова его виднелась из дупла. Мимо проходил мул. Волк решил: «Я съем его». Он вылез из дупла, догнал мула и сказал ему:

— Я хочу тебя съесть.

— Ладно, но прежде ты прочти, что написано у меня под копытом. Тогда узнаешь, можешь ли ты меня съесть, — ответил мул.

Волк поверил ему, сел на задние лапы, нагнул голову, собираясь прочитать, что написано у мула под копытом.

Тут мул так лягнул его копытом, что выбил ему все зубы. Не в состоянии больше кусать, обливаясь кровью, волк, поджав хвост, убрался восвояси.

Он пал духом и пригорюнился:

— И отец у меня не учился, и мать не умела читать, и я сам неграмотный — чего же ради я вздумал читать, что написано под копытом у мула! Теперь, когда я уж беззубый, по заслугам было б мне, если бы какой-нибудь дряхлый старик избил меня свежей толстой палкой, а потом и совсем добил! — причитал он, возвращаясь к своему дуплу.

А за время отлучки волка какой-то, старик спрятался от дождя в том же дупле.

Волк, подходя к дуплу, все продолжал жаловаться:

— И отец мой не учился, и мать моя не училась, и я сам неграмотный — так чего ради мне, дурню, нужно было читать, что написано по, копытом у мула? По заслугам мне, если бы теперь, когда я уже беззубый, какой-нибудь дряхлый старик убил бы меня толстой палкой!

Старик услышал это. У него в руках была свежая толстая палка. Он схватил волка за хвост и избил до смерти.

А волк, уже издыхая, все еще причитал:

— Ах, хорошо бы еще пожить на свете, хотя бы побитому и беззубому[xxiv].

Несмотря на это, народы Северного Кавказа преклонялись перед волком, как грозным существом, и наделяли его сверхъестественным могуществом, приписывая магическую силу его зубам, когтям, шерсти и т.д. На почве этих верований возникали различные «волчьи» амулеты[xxv].

В целом сказания и легенды народов Северного Кавказа известны нам на той стадии своего развития, когда образы животных приобретают аллегорическое значение, а сказки имеют подчас философский подтекст.

Тем не менее, животные были на протяжении длительного времени героями пластики и торевтики. Такое отношение к ним не случайно. Охота, по-прежнему, была средством существования многих средневековых адыгов, а шкуры некоторых животных (лиса, белка, заяц, медведь) были неотъемлемой частью экспорта северокавказских народов.

Примечания:

[i] Ловпаче Н.Г. Изображение зверей в торевтике адыгов.// Культура и быт адыгов. Вып.II. Майкоп,1980. С.167
[ii] Там же. С. 167
[iii] Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. М.,1990. С.124
[iv] Сказки адыгских народов. М.,1978. С.111-119.
[v] Ловпаче Н.Г., Тов А.А. Некоторые материалы из Псекупского могильника эпохи железа и средневековья.//ВАА. Майкоп, 1983, табл. 3 1.
[vi] Азаматова М-К.З. Этнографические этюды. Майкоп, 1997. С.84.
[vii] Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа.// Сб.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974. С.74.
[viii] Нартхэр.-Налшык, 1951. С.109
[ix] Адыгэ ІуэрыІуатэхэр.Т.2. Н.к. 256-257.
[x] Меретуков К.Х. Указ. соч. С.253.
[xi] Уэрэдхэр. Налшык, 1947. Н. к. 80.
[xii] Архив ИГИПКБР. Ф.12. Оп. 1. Д. 11. П. 08.
[xiii] Азаматова М-К.З. Быт и культура а. Понежукай в прошлом и настоящем. Майкоп, 1961.
[xiv] Гадагатль А.М. Нарты. М., 1974. С.125, 277.

[xv] Цит. по кн. Ловпаче Н.Г. Изображение зверей… С. 67.
[xvi] Адыгейские народные сказки. Краснодар, 1974. С.165-166.
[xvii] Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957. С.146.
[xviii] Цит. по кн.: Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы Кавказских народов. Махачкала, 1929. С.14.
[xix] Там же. С.14.
[xx] Пачулиа В. Храм священного быка.//Падение Анакопии. М., 1986. С.133.
[xxi] Меретуков К.Х. Указ. соч. С.262 263
[xxii] Адыгейские народные сказки. Дудукуш. Краснодар, 1974, С.68-81.
[xxiii] Адыгейские…. С.126-131.
[xxiv] Адыгейские….. С.185-186.
[xxv] Чурсин Г.Ф. Указ. соч. С.10-11.

Ю.А. Кудаев

Верность долгу

Среди наиболее известных людей нашего города конца XIX – начала XX вв. особое место занимает врач Василий Федорович Соловьев, оказавшийся волею судьбы жителем Майкопа.

Соловьев Василий Федорович родился в семье бывшего крепостного крестьянина господ Бахметьевых Саратовской губернии в 1863 г. Семья была большая: два сына и три дочери. Когда сыновья подросли, отец сам подготовил их к поступлению в Саратовскую гимназию. Братья, Василий и Алексей, успешно выдержали вступительные экзамены и были зачислены в гимназию.

В гимназии Василий Соловьев учился с Александром Ульяновым – старшим братом В.И. Ленина (Ульянова).

В 4 классе гимназии, Василий Федорович стал зарабатывать на жизнь частными уроками, подготавливая детей богатых мещан к поступлению в учебное заведение. Кроме того, обладая прекрасным тенором, он несколько лет пел в хоре Саратовской церкви.

Именно в гимназии братья начали интересоваться революционной деятельностью, и полиция неоднократно обыскивала их дом. Из братьев пострадал Алексей, которого отчислили из гимназии. Для него двери высших учебных заведений России были закрыты, и он уезжает за границу, где оканчивает медицинский факультет в Швейцарии.

По окончании учебы, Василий Федорович поступил в Петербургский университет на физико-математический факультет, но с последнего курса был отчислен как политически неблагонадежный студент. Он поступает на медицинский факультет Харьковского

университета, который с отличием оканчивает. С этим дипломом он приезжает в Петербург в университет, где получает свой второй диплом.

Политические убеждения Василия Федоровича были близки к «пропагандистским» взглядам П.Л. Лаврова, который считал, что «Каждый образованный человек должен постоянно полнить о долге, должен критически воспринимать окружающую действительность и добиваться, чтобы жизнь строилась на основе истины и справедливости». Свои убеждения В.Ф. Соловьев пронес через всю жизнь.

С 1891 года молодой специалист сначала работает помощником главного врача Гиршмана в Харькове, а затем переходит врачом на соляные копи французской компании в Донбассе. Здесь он знакомится, а затем женится, на учительнице начальной школы Вере Константиновне. На соляных копях Василий Федорович продолжает интересоваться революционными идеями, за что в середине 1893 году и был уволен с должности врача.

Попав под надзор полиции, В.Ф. Соловьев длительное время не мог найти работу и в 1894 году принимает предложение своего товарища Косякина Константина Демьяновича, лесничего Майкопского отдела, переехать в г. Майкоп. В Майкопе в ту пору было много интеллигенции, находившейся под надзором полиции, которой не разрешалось жить в столичных городах.

<u>В это время:</u>

К 1894 г. в Майкопе работали 10 мельниц, 7 маслобойных, 4 кожевенных, 2 пивных, поташный и чугунно-литейный заводы, 2 табачные и 1 макаронная фабрики и около сотни различных, частно – собственнических мастерских.

По приезду в город Василий Федорович устроился на работу в больницу на 20 коек, располагавшейся по улице Аптечная (ныне ул. Пушкина) в частном доме (ныне здание автошколы). Работал он и окулистом и хирургом.

В это время:

На рубеже XIX – XX в.в. на очень низком уровне находились в г. Майкопе здравоохранение и санитарное состояние. Вследствие отсутствия канализации, при наличии глинистой почвы, на улицах во время частых дождей образовывались лужи и грязные болота, не высыхающие в течение целого лета. Они способствовали распространению малярии и других эпидемических болезней. Современники тогда говорили, что: «…в Майкопе редко найдешь вполне здорового человека. Малярия в разных степенях и видах, а также некоторые эпидемические болезни свили себе постоянное гнездо в Майкопе…» [1]

В Майкопе имелась только одна государственная больница на 54 места, две небольшие амбулатории (Троицкая и Покровская) и инфекционный барак.[2]

Передовые врачи города – братья В.Ф. и А.Ф. Соловьевы, В.Н. Жилинская (дочь народовольца), Н.Г. Шапошников (сын градоначальника г. Майкопа) и другие самоотверженно боролись за здоровье человека, но и они были беспомощны против безразличия властей к нуждам простого народа.[3]

Вера Константиновна давала частные уроки. В очень короткий срок они сблизились с интеллигенцией города и вскоре, чета Соловьевых стала душой общества. Большим событием в культурной жизни Майкопа было открытие в 1898 г. Пушкинского дома (ныне драмтеатр им. А.С. Пушкина).

Он стал центром культурно – просветительных мероприятий местной интеллигенции.

При народном доме стала работать труппа артистов – любителей – Майкопский артистический кружок. Одним из режиссеров первого драматического коллектива народного дома являлся врач В.Ф. Соловьев. Не случайно, что и дом Соловьевых превратился в место, где собирались представители революционно настроенной интеллигенции.

Среди окружения Василия Федоровича были высокообразованные люди, которые всем сердцем хотели помощь народу. Таким был Истомипов Василий Соломонович, принявший 1 июля 1900 года открывшееся реальное училище (ныне СОШ №5) с числом учеников в 87 человек.[4] Это был опытный педагог, активно боровшийся за претворение в жизнь педагогических идей К.Д. Ушинского. Он незаметно вел революционную работу среди учащихся.

В это время:

В 1901 – 1902 гг. в Майкопе возник социал-демократический кружок.[5] Кружком руководил политкатаржанин, революционер, социал-демократ А.А. Жулковский. Первоначально в него входили Л.Б.. Шварц, А.А. Гридина, С.П. Степницкая, Ф.И. и Е.Д. Домашевские, Альтшулер.[6] Майкопские социал-демократы делали шаги для установления контактов не только с социал-демократическими группами Кубани, но и за ее пределами.

Его, как неблагонадежного, попечитель округа утвердил директором реального училища только на 1 год (Истоминов В.С. был директором более 10 лет).

В 1904 г. начинается русско-японская война, и Василий Федорович был мобилизован на японский фронт. Однако на фронт он не попал из- за политической неблагонадежности, из-за чего сильно переживал.

События 9 января 1905 г. всколыхнули всю Россию. В полдень в Майкопе началась антиправительственная демонстрация рабочих мастерских и учащихся старших классов местных школ в поддержку петербургских рабочих.[7] После Кровавого воскресенья, майкопская интеллигенция выразила свой протест в петиции царю, где в числе первых оставил свою подпись В.Ф. Соловьев.

19 октября 1905 г. в Майкопе состоялась демонстрация учащихся реального, технического и городского училищ, предводимые агитаторами и своими наставниками, в сопровождении тысячной толпы горожан. Они ходили по городу с красными флагами с надписью на них: «Смерть царизму, да здравствует конституция!».[8] Демонстрация была связана с манифестом Николая II от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» и переросла в городскую стачку, длившуюся три дня. Среди наиболее активных участников этих событий был ученик Истоминова Павел Клименко, приговоренный к ссылки и погибший в возрасте 17 лет.

После этих событий В.С. Истоминов скрыл и спас своих учеников от преследования полиции.

Именно Василий Соломонович пригласил В.Ф. Соловьева на должность врача реального училища с сохранением своего прежнего места работы. На должности школьного врача В.Ф. Соловьев проработал 25 лет без отрыва от своих непосредственных обязанностей.

В ответ на митинги и демонстрации демократических сил, лже-«патриоты» устраивали свои шествия, часто перераставшие в погромы. Во время этих черносотенных погромов дом Василия Федоровича по улице Армянской (ныне Победа) пострадал в не меньшей степени, как и дома

других, подписавшихся под петицией. Об этом периоде свой жизни доктор Соловьев писал: « В 1905 году в моем доме была тайная типография, где печатались прокламации, и мой дом являлся одним из центров пропаганды среди казаков и иногороднего населения».[9]

8 декабря 1905 г. в Майкоп прибыл 14-й Кубанский пластунский батальон, отказавшийся нести военно-полицейскую службу. Они выпустили «Воззвание казаков 14-го пластунского батальона» с призывом к казакам отказаться подавлять революционное движение.[10] В числе первых встречающих и приветствующих батальон был и В.Ф. Соловьев с женой.

В конце декабря 1905 года в город вошел восставший 2-й Урупский полк. Казаки были желанными гостями в домах жителей Майкопа. В доме Василия Федоровича поселилось несколько казаков, с которыми он проводил революционно – разъяснительные беседы.

<u>В это время:</u>

Казаков 14-го пластунского батальона и 2-го Урупского полка поддержали жители многих станиц Майкопского отдела. Жители станицы Келермесской приняли специальный приговор: «… поступок 2-го Урупского полка и 14-го батальона признаем законным и честным и заявляем, что если хоть один казак… пострадает за поступок полка и батальона, то мы восстанем все поголовно на защиту пострадавшего…»[11]

Летом 1906 года, по приказу царя Николая II была разогнана I Государственная Дума. В этом же году В.Ф. Соловьева выдвинули кандидатом в депутаты II Государственной Думы. Однако Василий Федорович быстро разобрался в классовой сущности II Государственной Думы, которая составляла мощный контрреволюционный блок помещиков

и буржуазии, направленный против рабочих и крестьян. Он видел, что права трудящихся были урезаны до минимума, практически их не было.

Созыв II Государственной Думы означал открытое наступление реакции и усиление административного и национального гнета. Василий Федорович отказывается от предложения в пользу Л.Ф. Геруса,[12] которого и выбрали.

26 января 1907 г. был опубликован приказ наместника на Кавказе И.И. Воронцова – Дашкова о введении в крае чрезвычайного положения. Все губернии и области Северного Кавказа были объявлены на военном положении или чрезвычайной охране.[13] Беспрерывно работали военно-полевые суды, которые руководствовались законами военного времени. Приговор, вынесенный ими, вступал в силу не позже, чем через сутки. Широко практиковалась административная высылка.[14]

В начале февраля 1907 года жандармы арестовали В.Ф. Соловьева, доктора Киселева, Котникова О.А. за революционную деятельность. 24 мая 1907 года арестованных выслали за пределы Кубанской области.

Это произошло после митинга 12 февраля 1907 года по случаю приезда социал-демократического депутата Кубанской области Л.Ф. Геруса. Василий Федорович прочитал наказ от выборщиков Кубанской области и Черноморской губернии, в котором выставлялись требования смены существующего правительства, отмены смертной казни, военного положения и т.д.[15]

После высылки, В.Ф. Соловьев сначала едет в Саратов, а затем в Баку. В Баку он утраивается врачом в амбулаторию бакинских нефтепромыслов.

Работать приходилось с утра до вечера, принимая в день до 250 больных. В сентябре 1907 года Василий Федорович получает постоянное место врача в г. Балахане. Тогда же он писал своей жене, Вере Константиновне: «Одного не надо – это проповеди, что надо идти на

поклонение к начальству. Я не верю, чтобы ты об этом серьезно писала…[16] Неужели мы дети, и неужели мы должны через три месяца после наказания сказать нашим помпадурам, что больше не будем, только не наказывайте больше… Я этого сделать не могу…Потерпи, будь добра, будь хорошим примером для наших детей…»

Осенью 1907 года майкопчане выдвигают кандидатуру Василия Федоровича в III Государственную Думу. По этому поводу он писал: «По совести говоря, я в настоящее время не считаю даже нужным быть в такой Думе, по моему мнению, это продолжение игры нашей бюрократии и дело обставлено так, что раз будет снова оппозиция, то она будет также распущена…»

В это время:

Новым избирательным законом было сильно урезано представительство в Думе от окраин государства. От Кавказа было выбрано 10 вместо 29 депутатов. Было вдвое уменьшено представительство крестьян, сокращено число депутатов от рабочих и соответственно увеличено представительство имущих классов.[17]

«При III Государственной Думе, – писал В.И. Ленин, – гораздо меньше свободы, чем при II, но III Дума – менее фиктивный парламент, ибо она правильнее выражает

действительное соотношение господствующих в данный момент классов и государственной власти».[18]

Отказавшись выставлять свою кандидатуру в Думу, Василий Федорович продолжал интересоваться политикой и лечить рабочих нефтепромыслов. Прочитав речь П.А. Столыпина в ноябре 1907 г., он писал: «… и стало очень не весело на душе. Чувствуется, что сила на стороне реакции и много еще придется уложить труда и крови, чтобы

повернуть налево. Общий тон речи таков, что о снятии военных положений и усиленных охран, по-видимому, мечтать не приходиться…».

В это время:

Обыденным, «бытовым» по выражению писателя В.Г. Короленко, явлением стала при П.А. Столыпине смертная казнь: за три года (1907-1909) по приговорам военных судов было казнено более 3,5 тысяч человек.[19]

В это время в Баку приехал А.А. Жулковский, освободившийся из Саратовской тюрьмы (в марте 1917 года он умрет от туберкулеза в доме Соловьевых в г. Майкопе). Его освобождение совпало с периодом целого ряда политических убийств, прокатившихся по всей России. В ответ на эти, бесполезные убийства, В.Ф. Соловьев писал: «… Необходимо принять все меры против этого одичания, но общество имеет слишком мало прав для поднятия культуры и иных сил народа, а администрация в ослеплении своем, не понимает этой необходимости поднятия культуры, а думает, что достаточно скорострельных судов, военных положений, казаков и семеновцев…»

В это тяжелое время, после поражения первой русской революции и разгула царской реакции, городское общество и мещане г. Майкопа делали все возможное, чтобы вернуть Василия Федоровича обратно из ссылки. Зная их просьбы, Соловьев писал: «… мещанский сход наиболее правильно поступит, если пошлет запрос начальнику области, а не господину Кияшко..»[20]

Однако происходит смена атаманов. Вместо атамана Кияшко, атаманом Майкопского отдела становится М.П. Бабыч, который не очень жаловал майкопчан. Поэтому поводу В.Ф. Соловьев писал жене: «По-

видимому, все последние перемены являются для нас благоприятными, а потому надо приготовиться к выжиданию более продолжительному…»

Полученный в январе 1908 году отказ на просьбу вернуться в Майкоп разозлил Василия Федоровича. В письме друзьям он с горестью писал: «…Они думают таким путем задавить стремление к свободе. Они думают, что 130000 помещиков при помощи полков жандармов и «истинно русских» людей могут вернуть себе прежнее доверие. Они думают, что штыки и казачьи нагайки их всегдашние защитники, союзники – нет никогда, неправда – старая вера во власть уже не вернется… Долготерпение масс уже, если теперь снова прорвется, то будет беспощадна – пусть торжествующие победители зарубят себе это на носу. О, какая ненависть и злоба всюду посеяна теперь и продолжается сеяться. Плоды этих посевов будут ужасны!..»

Между тем ссылка В.Ф. Соловьева в Баку продолжалась, не смотря на ходатайство о нем перед министром внутренних дел П. А. Столыпиным Кубанского члена Государственной Думы Л. Ф. Геруса о пересмотре дела.

Только в августе 1910 года Василий Федорович получил разрешение жить в г. Майкопе. Вернувшись в город В.Ф. Соловьев начал работать врачом в больнице, и продолжил прерванную ссылкой революционную работу, в которую начинает включаться передовая интеллигенция.

В грозные годы Первой Мировой войны Василий Федорович в действующей армии. Он был назначен на должность дивизионного врача на русско-турецкий фронт. На этой должности Василий Федорович пробыл до октября 1917 года. На «память» о войне у него осталось тяжелое ранение в голову, а за безупречно выполненный долг военного врача – орден Святого Владимира с мечами и бантом.[21]

Примечания:

[1] Кубанский сборник. // Труды Кубанского статистического комитета. Т. 17. Екатеринодар, 1912.
[2] Косович П.Ф.,Азаматова М.З., Малых С.Н. Майкоп. Краткий исторический очерк. Майкоп, 1957. С.33
[3] Там же. С.33.
[4] Там же. С.30.
[5] История народов Северного Кавказа. Т.2. М., 1988. С.407.
[6] Косович П.Ф. Партийные организации во главе революционных событий 1905-1916 гг. на территории Адыгеи.//Ученые записки АГПИ. Кафедра марксизма-ленинизма. Майкоп, 1962, вып.1. С.88.
[7] Революционное движение на Кубани в 1905-1907 гг.. Краснодар, 1956. С.38 – 39.
[8] Революционное движение… С.126-127.
[9] Автобиография В.Ф. Соловьева. Рукопись хранится в личном архиве Л. Григорьевой, вдовы внука В.Ф. Соловьева.
[10] Ильин Л. Восстание Урупского полка в 1905 г. Ростов-на-Дону. 1926.
[11] Высший подъем революции 1905-1907гг. Ч.2, АНСССР. М., 1955, С.411-412.
[12] Герус Л.Ф. участник революционного движения на Кубани, умер в 1955 г. в Москве персональным пенсионером.
[13] История народов… Т.2. С.471.
[14] ЦГИАГ. Ф.13. Оп.21. Д.34. Л.13 – 44.
[15] ЦГИАМ. Ф.1906, № 1350. Ч.32. Л.76
[16] Вероятно, В. К. в своем письме просила В.Ф. обратиться к вышестоящему начальству с просьбой о «помиловании».
[17] Пятецкий Л.М. История России. XX век. М., 1996. С.60.
[18] Ленин В.И. ППС. Т.17 С.400.
[19] Пятецкий Л.М. Указ. соч. С.60.
[20] Атаман Майкопского отдела.
[21] Автобиография В.Ф. Соловьева. Рукопись хранится в личном архиве Л. Григорьевой, вдовы внука В.Ф. Соловьева.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Е. Ф. Кринко, А. С. Схакумидов

С. И. Линец. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развитие (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). – Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2003. – 564 с. – Тир. 1000 экз.

Великой Отечественной войне посвящен широкий круг исследований в советской и современной российской историографии. Они раскрывают самые различные сюжеты ее истории, позволяя ответить на многие вопросы о жизни советского общества в военное время. Однако формирование представлений о войне происходило неравномерно. К числу малоизученных проблем долгое время относились и вопросы оккупации советских территорий. В советской историографии нередко преобладали упрощенные оценки в их освещении, оккупационный режим сводился исключительно к насилию и террору, не учитывались его региональные особенности. Современные историки стали уделять значительно больше внимания данной проблеме, по ней защищен ряд кандидатских и докторских диссертаций, события немецкой оккупации нашли отражение в специальных монографических исследованиях и сборниках документов.

Существенное внимание в современной российской историографии уделяется и оккупационному режиму на Северном Кавказе, ставшему своеобразной экспериментальной площадкой для модернизации политики третьего рейха на захваченных территориях СССР. В данной связи безусловный интерес вызывает монография пятигорского исследователя, доктора исторических наук, профессора С. И. Линца, который рассматривает ок-

купацию Северного Кавказа как комплексную научную проблему, показывает ее различные стороны на основе анализа рассекреченных архивных документов и уже опубликованных материалов.

В структурном отношении рецензируемая работа состоит из введения, четырех глав и заключения. В отличие от большинства других исследователей проблемы, автор начинает ее характеристику с общей оценки состояния Северного Кавказа к лету 1942 г. Он анализирует место и значение региона в народнохозяйственном комплексе страны, раскрывает особенности проведения здесь оборонительных работ осенью 1941 – летом 1942 г., обоснованно утверждая, что труд сотен тысяч жителей оказался напрасным. При рассмотрении ситуации на южном крыле советско-германского фронта летом 1942 г. С. И. Линец раскрывает преувеличения и искажения, допущенные в освещении трагического отступления Красной Армии. Не отрицая мужества и героизма бойцов и командиров, он считает, что определяющую роль в спасении ситуации все же сыграл географический фактор, отход советских войск на естественные рубежи обороны, которыми являлись Кавказские горы и река Терек (с.49).

Одним из самых удачных в рассматриваемой работе следует признать раздел, посвященный эвакуации населения и материальных ценностей с территории Северного Кавказа. Автор впервые в отечественной историографии подробно раскрывает эвакуационные процессы в данном регионе, которые в литературе предыдущих лет считались вполне успешными. Напротив, С. И. Линец убедительно показывает, что местные органы власти не сумели в полной мере справиться с организацией эвакуации из-за грубых просчетов в определении ее сроков, острой нехватки времени и транспорта, отсутствии связи с военным командованием и своевременных решений высшего советского руководства. Особенно неудачной, по мнению С. И. Линца, оказалась эвакуация скота, продовольствия и сельскохозяйственной техники. Согласно его подсчетам, в ходе поспешной эвакуа-

ции и последующей оккупации было потеряно до 70 % всего поголовья скота, вследствие чего животноводству региона был нанесен тяжелый урон (с.138).

Во второй главе С. И. Линец обращается непосредственно к сущности и особенностям оккупационного режима на Северном Кавказе, раскрывает планы германского руководства по созданию органов управления на захваченных землях и их реализацию, формирование и практическую деятельность оккупационной администрации. Опираясь на источники, автор приходит к выводам, многие из которых кардинально отличаются от прежних положений и оценок, продиктованных идеологической конъюнктурой. Так, он подчеркивает, что все, «созданные немецкими властями оккупационные органы управления на Северном Кавказе функционировали достаточно эффективно» (с.196), оккупанты не испытывали недостатка в кадрах для их формирования (с.177).

Существенное внимание исследователь уделил экономической и социальной политике захватчиков, развитию сельского хозяйства Северного Кавказа в условиях оккупации, состоянию системы образования при немецком «новом порядке», посвятив данным сюжетам отдельные параграфы. Они написаны на основе широкого использования материалов периодической печати, издававшейся оккупационной администрацией Северного Кавказа и других, ранее неизвестных исследователям документов. С. И. Линец показывает оживление частной инициативы и предпринимательства, особенно в сфере торговли и бытового обслуживания населения, налоговую реформу и введение карточной системы распределения продуктов, решение жилищной проблемы и выплату социальны пособий, меры в отношении здравоохранения, эволюцию аграрной политики и стремление оккупантов возобновить учебный процесс в школах и вузах региона.

Обращаясь к проблеме коллаборационизма на Северном Кавказе, С. И. Линец вскрывает причины данного явления, анализирует его масштабы

и основные формы. Указанные вопросы относятся к чрезвычайно болезненным аспектам истории Великой Отечественной войны, а их оценки нередко и в настоящее время сохраняют политизированный характер. Однако исследователь сумел достаточно уверенно справиться со сложной задачей, показав, что поддержку оккупантам оказывали представители различных народов региона. Изученный материал позволил автору сделать вывод о том, что по своему размаху и числу участников коллаборационизм на Северном Кавказе оказался одним из самых масштабных на оккупированных нацистами территориях СССР (с.325).

Наряду с этим, определенные возражения вызывает характеристика автором дезертирства из национальных частей Красной Армии как одного из проявлений коллаборационизма. Действительно, значительная часть жителей региона еще накануне войны испытывала недовольство действиями власти в связи с проведением коллективизации и раскулачивания, религиозной и национальной политикой советского руководства. Это недовольство играло определенную роль в уклонении части граждан от мобилизации. В то же время дезертирство было связано не только с осознанным неприятием советской власти, но и с недостатками политико-воспитательной работы с бойцами национальных формирований, а также с бытовыми мотивами (тяжелыми условиями службы, обычной трусостью, желанием остаться в живых и т.д.). Это подтверждают приводимые в тексте книги факты (с.331 – 332). По нашему мнению, параграф об отношении оккупационной власти к религии на Северном Кавказе, содержащийся в главе III, посвященной коллаборационизму, также более целесообразно было бы включить в главу II, в которой раскрываются различные направления политики оккупантов.

Последняя, четвертая глава монографии посвящена народному сопротивлению оккупантам на Северном Кавказе. В ней автор анализирует организацию и развертывание партизанского движения и подпольной сети

в тылу врага, тактику действий партизан и подпольщиков, делает обоснованные выводы о степени эффективности их борьбы против захватчиков. Исследователь раскрывает успехи и неудачи партизан Северного Кавказа, отказавшись от привычной для многих советских историков излишней героизации данного вопроса и опираясь на глубокий анализ документов. Собранные автором материалы подтверждают положения о непростых взаимоотношениях между партизанами и населением, высказанные в ряде современных исследований. Немало новых данных вводит в научный оборот С. И. Линец и по вопросам организации подпольной сети, результатам ее деятельности в период оккупации Северного Кавказа.

В то же время следует отметить допущенные в монографии отдельные неточности, стилистические и грамматические ошибки. В ряде случаев нарушена нумерация примечаний (к главе II), неверно указаны наименования работ, к которым автор отсылает читателя. Эти и некоторые другие недочеты не снижают ценности рецензируемой монографии и вполне могут быть исправлены при ее последующих переизданиях.

В целом, работа С. И. Линца представляет собой фундаментальное, законченное военно-историческое исследование, выполненное на высоком научном уровне и вносящее существенный вклад в разработку сложной и малоизученной проблемы истории Великой Отечественной войны. Монографию отличает четко выраженная и логически последовательная авторская позиция, отказ от прежних историографических стереотипов. Выводы автора обоснованы и опираются на глубокое знание предмета исследования, хорошее владение обширным фактическим материалом. Предпринятое С. И. Линцом исследование позволяет на новой источниковой базе раскрыть не только особенности развития Северного Кавказа накануне и в период немецкой оккупации, но и сущность эвакуации, оккупационного режима, коллаборационизма и народного сопротивления на советских терри-

ториях в целом, в значительной мере дополняя общие представления о характере советско-германского противостояния.

Содержание

Историография, источниковедение, методы исторического исследования…… 3

И.В. Реброва, И.В. Скворцова

К вопросу об изучении партизанского движения на Северном Кавказе (историографический и источниковедческий обзор)……. 3

Л.В. Бурыкина

Немецкие колонии Северо-Западного Кавказа во второй половине XIX в.: историографический аспект…… 17

Е. Ф. Кринко

Историография проблем советской национальной политики и межнациональных отношений на Северо-Западном Кавказе в годы Великой Отечественной войны……. 27

Д.М. Алхасова

Становление и развитие арабоязычной литературы в Дагестане в XVII-XIXв. Дагестанские авторы и их произведения (историография вопроса)……... 58

С.П. Маркова

Некоторые спорные вопросы проблемы средневекового западноевропейского города……. 70

Исследования…… 78

Н.Н. Денисова

Учительство и учащаяся молодежь города Майкопа в годы Великой Отечественной войны…… 78

З.Х. Каракаев

Междоусобная борьба кабардинских феодалов и Русское государство в 30-е – нач. 40-х гг. XVII в. …… 90

Г.-Р. А.-К. Гусейнов
О личном имени Шейха Мансура в контексте этноязыковой ситуации в Чечне последней трети XVIII в. К постановке вопроса…….. 112
С.Е. Четав
Женщины Адыгеи в 20-30-е гг. XX в.: социально-демографическая характеристика……... 124
Т.П. Хлынина
Подотдел по национальным делам Кубано-Черноморского революционного комитета: проект или реальность? ……. 145
С. К. Пчегатлук
Торгово-экономические связи в системе отношений
Россия – Северо-Западный Кавказ (конец XVIII – начало XIX вв.)…. 159
М.А. Кошев
К вопросам этнодемографии Кабардино-Балкарии……... 191
Н.И. Бондарь
Семиотика традиционных гаданий: коды («языки»). (На материале восточнославянского населения Кубани)…… 196
Ф.К. Джигунова
Ленинохабльский I могильник: история формирования по данным горизонтальной стратиграфии…….. 224
Е.Н. Черных
Керамика ранней поры протомеотского времени…….. 234
Б.Р. Рагимова
Досуг и развлечения женщин в традиционном дагестанском обществе (XIX – нач. XX в.)…….. 254
С.Т. Чамокова
Этапы и степень распространения раннего христианства в адыгской среде…… 275

А.Д. Панеш
Противодействие Англии и Турции российской политике
на Северо-Западном Кавказе (50-60-е гг. XIX в.)……... 283
Х.Б. Мамсиров
Национальная интеллигенция в эмиграции о судьбах и перспективах
горских народов и будущего их культур в 20 – 30-е гг. XX в. ……. 299
Н.О. Хагурова
Россия и «демократические» племена Черкесии
в конце XVIII – 60-е гг. XIX вв. …….. 308
Л.Д. Федосеева
Меновая торговля с горским населением на восточном берегу Чер-
ного моря в первой половине XIX в. …….. 327
С.А.Лугуев
Традиционный быт, обычаи, обряды и нормы поведения в песенном
фольклоре лакцев……... 338
Л.Е. Оспищева
Благотворительные организации в общественном движении Кубани
(конец XIX – начало XX вв.)…… 357
Ю.Х.Карданова
Основные направления религиозной политики российской империи
на Северном Кавказе во второй половине XIX вв. …… 380
А.Н.Соколова
Структурно-семантический план музыкального языка адыгов…… 399
Л.У. Курбанова
Воспитательная роль женских педагогических кадров Чечни в усло-
виях социально-политического кризиса в республике в 90-х годах
XX столетия…… 408

М.А. Кошев
Армия в системе российской политики просвещения горцев Северного Кавказа XIX – начала XX вв. (Постановка проблемы)……. 440
Е.Х. Хачемизова
К вопросу о репрессиях 30-х – 40-х годов XX века (На материалах Краснодарского края)…… 448
Г. Прибылов
Зачаточная письменность или идеография – найденная на землях Адыгеи ……... 473
В.Д. Чернышенко
Дореволюционный Майкоп…….. 483
В.Д. Чернышенко
Все для фронта и для победы……... 495
Исторические очерки…….. 513
О. В. Матвеев
«Рыцарь в полном смысле этого слова...» Ф. А. Круковский в исторической памяти кубанского казачества …… 513
А.Д. Вершигора
М.О. Косвен о Хан-Гирее и его отце и новые документы архивов….. 540
Ю. А. Кудаев
Отображение культа животных в сказаниях и легендах народов Северного Кавказа…….. 554
Ю.А. Кудаев
Верность долгу……... 580
Критика и библиография……... 591
Е. Ф. Кринко, А. С. Схакумидов
С. И. Линец. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развитие (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). – Ростов-на-Дону: Издательство Северо-

Кавказского научного центра высшей школы, 2003. – 564 с. – Тир. 1000 экз. 591